

**ОХРАНА
И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ:
МИРОВОЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ**

Витебск 2023

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Факультет гуманитаристики и языковых коммуникаций

ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

*Материалы II Международной
научно-практической конференции,
посвящённой Году мира и созидания*

Витебск, 26–27 октября 2023 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2023*

УДК [069:351.853+341.16:00](062)
ББК 71.041я431+79.00я431
О-92

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 30.10.2023.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов (отв. ред.), **Д.В. Юрчак** (зам. отв. ред.),
Ю.В. Дулова, Т.В. Жук, А.П. Косов, Т.В. Котович, Е.В. Мацулевич,
Д.З. Мирзаев, М.В. Нецветаева, С.В. Николаенко,
Н.В. Пивовар, Е.Г. Плытник, П.Н. Подгурский,
М.Ф. Румянцева, Г.Н. Ходор, И.Р. Чикалова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН **Л.П. Репина** (г. Москва, Россия);
кандидат исторических наук, доцент **Т.Г. Хришкевич** (г. Псков, Россия);
кандидат исторических наук, доцент **Г.Н. Яковлева** (г. Витебск, Беларусь);
кандидат исторических наук **Д.В. Скворчевский** (г. Минск, Беларусь)

О-92 Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы II Международной научно-практической конференции, посвящённой Году мира и созидания, Витебск, 26–27 октября 2023 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 312 с.
ISBN 978-985-30-0074-0.

Рассмотрен широкий круг проблем охраны культурного наследия Беларуси и зарубежья, затронуты вопросы по сохранению и популяризации отдельных его видов в современном мире.

Данное научное издание может быть полезно историкам, архивистам, музейоведам, юристам, специалистам-практикам, а также всем, кто интересуется вопросами сохранения и популяризации духовных и материальных культурных ценностей.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК [069:351.853+341.16:00](062)
ББК 71.041я431+79.00я431

ISBN 978-985-30-0074-0

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверьянов К.А.</i> Загадки погребения в Княгининском монастыре	6
<i>Алентьева Т.В.</i> Опыт США по сохранению историко-культурного наследия ...	11
<i>Баканов Д.К.</i> Культурно-просветительская деятельность Литовского комиссариата Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР	15
<i>Балыка А.М.</i> Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь: стварэнне і мадэрнізацыя	19
<i>Баранова У.С.</i> Историко-культурное наследие в перспективе производства присутствия	21
<i>Бараноўскі А.В., Юрчак Д.В.</i> “Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі”: значэнне, праблемныя моманты і неабходнасць актуалізацыі	24
<i>Бароўка В.Ю.</i> Аксіясфера беларускай літаратуры праз прызму асэнсавання паэтамі помнікаў італьянскай культуры	29
<i>Баскакова Ю.П., Шепилова Е.М.</i> Особенности реставрации афиш военного времени Ленинградской филармонии	32
<i>Бахлова О.В., Слугина А.Н.</i> Патриотический туризм в политической повестке России	33
<i>Бекленищева М.В.</i> Музеи малых городов как центры сохранения культурного наследия побратимских связей (на примере Свердловской области России)	37
<i>Бондарева Е.М.</i> Деятельность поисковых отрядов Витебской области по увековечению памяти защитников Отечества (по документам фонда личного происхождения Ларисы Наумовны Бруевой)	39
<i>Бувеч Т.В.</i> Оцифровка «особо ценных» архивных документов в Госархиве Витебской области: требования, планирование и опыт реализации	43
<i>Ван Мэнжун.</i> Художественный образ в древнем китайском искусстве	47
<i>Гавриленко К.Е.</i> Материальное культурное наследие бужских голендров в Беларуси: проблемы выявления и сохранения	49
<i>Галкова О.В., Петрова И.А., Савицкая О.Н.</i> Родная земля как место социокультурного творчества (революционные эксперименты М.З. Шагала, К.С. Малевича, И.И. Машкова)	53
<i>Гаўрылюк П.А.</i> Сямейны архіў як форма захавання гісторыка-культурнай памяці	56
<i>Даўматовіч К.Д.</i> Калі з’явілася вёска Пагост Салігорскага раёна на старонках дакументаў: 1449 vs 1499 гг.?	58
<i>Дашкевіч А.Л.</i> Канстытуцыйны прынцып садзеяння рэалізацыі і абароне правоў, свабод і інтарэсаў чалавека і грамадзяніна ў сферы культуры	61
<i>Довгялло М.С.</i> Празднование христианских праздников и юбилейных дат как форма сохранения исторической памяти российских эмигрантов в Европе в межвоенный период	64
<i>Дрожжа Л.Ч., Костюкевич Н.Г., Давуд Д.В., Тарновский Д.В.</i> Основные направления организации учета и хранения цифровых копий архивных документов в Фонде цифровых копий	68
<i>Дубровская Е.Ю.</i> «Эго-документы» как уникальный источник по истории Гражданской войны в Карелии	73
<i>Дулова Ю.В.</i> Артионимы как средство репрезентации ценности человеческой личности	77
<i>Жэнь Сюйкунь.</i> Особенности детского радиотеатра китайской радиостанции «Гималаи FM»	79

<i>Ивашкевич Е.Ф.</i> Духовно-нравственное воспитание молодёжи в процессе изучения истории своего народа	82
<i>Камалетдинов Д.А., Халиулина А.И.</i> Сохранение и популяризация культурного наследия Республики Башкортостан в музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН	86
<i>Кантор Ю.З.</i> Нормативно-правовая база восстановления советских музеев и возобновления их деятельности в 1943–1944 гг.	90
<i>Козлов А.А.</i> Документы архивов Республики Беларусь как источник по истории деятельности областных управлений по охране государственных тайн в печати (1953–1991 гг.)	93
<i>Косов А.П.</i> Место Русской Америки во внешней культурной политике Российской Федерации: успехи и неудачи	97
<i>Котович Т.В.</i> Площадь Смоленского рынка/Площадь Ленина	101
<i>Крючкова Н.Д.</i> Память о Габсбургах как туристский ресурс Словакии	106
<i>Кухто Л.К.</i> Правовое обеспечение сохранения и ревитализации нематериального культурного наследия	110
<i>Лицкевич О.В.</i> Когда Полоцкая земля граничила с Датским королевством?	114
<i>Літвінка Н.С.</i> Канвалют І паловы XVII стагоддзя: кніжная калекцыя эпохі Барока пад адной вокладкай	116
<i>Лю Цзин.</i> Венки искусств в Гомельском дворцово-парковом ансамбле	124
<i>Мазур Л.Н.</i> О малом городе, библиотеках и книжной культуре памяти	126
<i>Малишевский Н.Н.</i> Монастырь на Коложе и гродненская архитектурная школа	134
<i>Мартынюк А.В.</i> «Корона Литовского королевства» как исследовательская проблема	137
<i>Мацулевич Е.В.</i> Сохранение национальной культуры как средство противодействия негативным аспектам американской политики в отношении постсоветской интеграции	139
<i>Мезенко А.М.</i> Фаунистические названия улиц в свете культуры славян	141
<i>Метельский А.А.</i> Туристический потенциал могилевского Посожья	144
<i>Мирзаев Дж.З.</i> Некрополь термезских саййидов	148
<i>Мясаедава С.Н.</i> Пра цмокаў і “цмокаў”, або Як ствараюцца брэндзы	151
<i>Новікаў С.Я.</i> Мемарыяльны комплекс як цэнтр захавання гістарычнай спадчыны (на прыкладзе мемарыяльнага комплексу “Хатынь”)	155
<i>Олейникова В.П.</i> Традиционные модели сохранения культурного наследия региона Кампания (Италия) и поиски новых форм	160
<i>Орловский Г.С.</i> Проблемы, особенности ремонта, реконструкции, реставрации памятников архитектуры в г. Витебске	165
<i>Павлович Р.К.</i> Начальный период Великой Отечественной войны в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны	169
<i>Палтаржыцкая Н.М.</i> Гісторыя захавання комплексу магістрацкіх кніг і ўмовы фарміравання сучаснага стану архіва органаў гарадскога самакіравання Мінска	175
<i>Папроцкая А.Ю.</i> Фестиваль акварели в Витебске как средство актуализации культурного наследия	178
<i>Пашкович Е.И.</i> Утраченное наследие: усадьбы Ивановского района в 1920-е – 1930-е гг.	182
<i>Пивовар Н.В.</i> Мемориализация мест памяти Великой Отечественной войны общественными инициативами в Витебском регионе	187
<i>Плытнік Е.Г.</i> Музейный брендинг как инструмент популяризации культурного наследия	191

<i>Польская С.А.</i> От Сокровищницы хартий до Национального архива Французской Республики	194
<i>Раемский Ю.А.</i> К вопросу о гостиницах Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве	200
<i>Репин В.В.</i> Формирование и сохранение памяти в Словакии об участнике антифашистского сопротивления на территории Беларуси, словацком капитане Яне Налепке	204
<i>Розенблат Е.С.</i> Памятники еврейской культуры на Брестчине: история и современность	208
<i>Розмысл Е.В.</i> Первые мероприятия по увековечению памяти о Великой Отечественной войне в Щучинском районе	212
<i>Рубинина З.М.</i> Проблема культурного наследия и исторической памяти с точки зрения хранителя музейной коллекции (на примере коллекции «Фотографии» отдела собрания фондов музея В.И. Ленина Государственного исторического музея)	215
<i>Румянцева М.Ф.</i> Освоение культурного наследия: стратегии в условиях столкновения / синергии цивилизаций	218
<i>Саидахматов Ш.Т.</i> Урбанизация в Центральной Азии в контексте исторического города	222
<i>Саидов Б.М.</i> Национальные традиции как источник экологического воспитания учащихся	226
<i>Сівохін Г.А., Сямашка К.У.</i> Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе” як цэнтр працы з культурнай спадчынай. Ад метанаратыву да лакальнага тэксту	230
<i>Сімакоў А.В.</i> Музеі і тэмы: вопыт перапіскі індзеяністаў Гомеля з музеямі	233
<i>Соколова О.М.</i> Культурное наследие в пространстве открытого города: обновление стратегий сохранения и популяризации	237
<i>Столова И.В.</i> Эколого-краеведческие проекты библиотеки: опыт реализации	240
<i>Сукина Л.Б.</i> Изучение культурного наследия в России XIX – начала XXI в.: опыт церковной археологии	244
<i>Сцебурака А.М.</i> Трансфер сацыякультурных інавацый у Беларусі ў ранні Новы час	247
<i>Усик Б.Г., Николаева Л.В.</i> Сохранение исторической памяти о Сталинградской битве на земле Сталинграда	250
<i>Файзуллаева М.Х.</i> Питание как показатель национальной культуры	256
<i>Халмуминов Ж.</i> Правовая охрана историко-культурного наследия Республики Узбекистан	260
<i>Хамутова І.В.</i> Сацыяльны феномен каляднай абраднасці Заходняга Палесся (па матэрыялах фальклорнай экспедыцыі ў Маларыцкі раён Брэсцкай вобласці) ..	264
<i>Ходор Г.Н.</i> Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь: история формирования и ведения	267
<i>Ходор Г.Н.</i> О некоторых видах культурных ценностей и особенностях их учета	284
<i>Чевтайкина Н.Н.</i> Семейные и личные архивы – важнейшая часть культурного наследия народа	296
<i>Чичинов В.А.</i> Опыт регистрации керамических фрагментов памятника Майма-1 в государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации	300
<i>Яценко О.Г., Корникова Н.В.</i> Квест и викторина «Из истории Гомеля: развитие образования» как форма популяризации культурного наследия	302
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	306

Аверьянов К.А.
ЗАГАДКИ ПОГРЕБЕНИЯ В КНЯГИНИНОМ МОНАСТЫРЕ

Ключевые слова: Владимирский Княгинин монастырь, Всеволод Большое Гнездо, Мария Шварновна, Витебская ветвь Рюриковичей, захоронения, ДНК-экспертиза.

Одной из древнейших обителей российского города Владимира является женский Успенский Княгинин монастырь. Согласно летописи, он был основан на рубеже XII–XIII вв. великим князем владимирским Всеволодом Большое Гнездо по настоянию его первой супруги Марии Шварновны [6, т. 1, стб. 415], матери всех его детей – восьми сыновей и четырех дочерей [4, с. 205–206]. Именно благодаря ей Всеволод стал впоследствии известен под прозвищем «Большое Гнездо».

В советское время обитель была закрыта. В 1993 г. Успенский собор монастыря был передан Владимирской епархии. Началась реставрация, а в октябре 2015 г. она дошла до Благовещенского придела собора, где в аркосолии правой стены – так называется ниша в стене храма в виде арки или апсиды, в которой обычно помещалась гробница – была захоронена основательница обители. 12 октября 2015 г. могила Марии была вскрыта. Каково же было удивление присутствующих, когда из нее извлекли останки не одного, а нескольких человек. Кем были эти люди? Никто не мог ответить на этот вопрос, и поэтому Евлогий, тогдашний митрополит Владимирский и Суздальский, решил обратиться к московским специалистам.

Была создана комиссия во главе с С.А. Никитиным, известным судебным экспертом. Была произведена раскладка останков, после чего их условно пронумеровали. Выяснилось, что они принадлежат: № 1 – женщине в возрасте около 45–50 лет, № 2 – женщине в возрасте около 25–30 лет, № 3 – девочке в возрасте около 9 лет.

В ходе остеологической экспертизы останков был выделен скелет женщины 45–50 лет, который сразу же стал рассматриваться как принадлежащий Марии – жене Всеволода Юрьевича. На это указывали пол и возраст, а также наличие у индивида № 1 множественных артрозов и коксартрозов тазобедренных и коленных суставов, ставших последствием многочисленных родов и существенно ограничивающих подвижность. Это подтверждается известием летописца, что последние 7 лет жизни Мария «лежа в немощи» [6, т. I, стб. 424–425]. Были обнаружены и другие признаки, характерные для многорожавшей женщины – выраженные гипопластические изменения эмали коронок всех зубов.

Согласно Лаврентьевской летописи, Мария умерла 19 марта 1206 г. [6, т. I, стб. 424–425]. Та же летопись под 1201 г. сохранила известие о смерти жены князя Ярослава Владимировича и одновременно сестры Марии и «свести» (свояченицы) Всеволода Большое Гнездо и ее захоронении в Княгинином монастыре [6, т. I, стб. 416–417]. Там же была захоронена в 1205 г. и дочь Марии – Елена [6, т. I, стб. 421]. Поэтому было сделано предположение, что индивиды № 2 и № 3 являются сестрой и дочерью Марии.

Следующим этапом стало привлечение методов краниотригонометрии (угловой морфометрии черепа), поскольку родичи, как правило, имеют схожие внешние черты. При экспертизе останков был сделан вывод о близком родстве индивидов № 1 и № 3, у которых наблюдается наибольшее сходство в форме лицевого скелета: были выявлены совпадения в форме корневой части носовых костей и в наличии метопического шва в области носовой части лобной кости. У ин-

дивидов № 2 и № 3 обнаружилось совпадение в форме носовых костей во фронтальной позиции, в общей форме носового отверстия и в наличии у нижнего его края полулунных ямок, имелось совпадение в форме профильного контура носовых костей. Все это позволило говорить, что индивиды № 1, № 2 и № 3 представляют собой группу кровных родственников.

Но имеет ли она отношение к Марии? Выяснить это удалось благодаря тому, что в Успенском соборе Владимира покоятся мощи сына Марии – великого князя Юрия Всеволодовича. Экспертиза черепов № 1, № 2, № 3 и черепа Юрия выявила ряд совпадающих признаков. В частности, у Юрия и индивида № 3 имелись совпадения в форме и заостренности верхних краёв глазниц и в наличии у нижнего края носового отверстия полулунных ямок. Все это позволило утверждать, что в октябре 2015 г. были обнаружены останки самой Марии, ее сестры и дочери, которые, согласно Лаврентьевской летописи, были захоронены в Княгинине монастыре.

Но результаты следующей ДНК-экспертизы полностью перечеркнули выводы предыдущей. Образцы останков были направлены в США, поскольку подобные исследования сопряжены с огромными трудностями, ибо необходимо отделить древнюю ДНК от многовековых органических наслоений, с которыми она контактировала. При этом более 90% времени нужно тратить на поддержание стерильности помещения. Экспертиза, проведенная Одиль Лореил (Odile Loreille), заняла более трех месяцев и показала, что митохондриальная (mtDNA) последовательность, полученная при исследовании останков № 3 идентична последовательности, полученной при исследовании останков № 1, и принадлежит гаплогруппе U4b1a4. Это позволило констатировать, что останки № 1 и № 3 состоят в родстве по материнской линии. Что касается останков № 2, в них была обнаружена совершенно отличная от останков № 1 mtDNA последовательность (гаплогруппа M10a1a1b1), и следовательно, нельзя говорить о родстве № 2 по отношению к № 1 и № 3 [1, с. 181–215]. Тем самым результаты ДНК-исследования вошли в противоречие с результатами остеологической и краниотригонометрической экспертиз.

Был даже задан вопрос – те ли останки нашли в 2015 г.? Поистине катастрофичным для Княгинина монастыря стало нападение на Владимир ордынского царевича Талыча в 1410 г., когда свод Успенского собора обрушился [6, т. XXV, с. 240]. Княгинин монастырь возрождается вновь лишь в начале XVI в.: по грамоте 1512 г. великого князя Василия III он считался «новым». Вместо полуразрушенного храма начала XIII в. в обители был возведен каменный Успенский собор, сохранившийся до наших дней. И хотя монастырский храм был построен на месте прежнего, велика ли вероятность, что могилы могли уцелеть? [3, с. 195]

Сомнения еще более усилились, когда выяснилось, что, согласно летописцу, Мария была похоронена в каменном гробе [6, т. XV, с. 302; т. XLI, с. 127, л. 537 об.]. Между тем, в 2015 г. фрагментов каменных погребальных сооружений – саркофагов обнаружено не было.

Все это заставило начать расследование заново. Изучение архитектурной истории обители показало, что ныне существующий храм был возведен на прежнем фундаменте с сохранением части древних стен (местами до трех метров высотой), которые ныне скрыты под кирпичной кладкой XVI в., благодаря чему захоронения XIII в. смогли уцелеть. При этом следует учитывать то, что в силу технологий домонгольского времени размеры храма XIII в. были небольшими. Поэтому княжеские погребения той эпохи были устроены не внутри собора, а во внешних стенах (как с северной, так и с южной стороны), точнее – в нишах с полукруглыми сводами с внешней стороны храма. По мнению Н.Н. Воронина, про-

водившего разведочно-археологические работы в обители, в первые годы после постройки храма его окружала неширокие (чуть более 3 м) крытые галереи, выложенные дорогой по тем временам майоликовой плиткой, остатки которой были обнаружены [2, т. 1, с. 441–445]. Очевидно, эти галереи предназначались для подхода к захоронениям.

При восстановлении собора его расширили за счет устройства северного и южного приделов на месте бывших наружных галерей, и таким образом захоронения, включая гробницу Марии, оказались уже внутри храма – в северном Благовещенском приделе.

Дальнейшее исследование пришлось проводить по описаниям XVI–XVII вв. древних гробниц [9, с. 399–414]. Поскольку во владимирских храмах (Успенском соборе и Княгинине монастыре) были захоронены многочисленные предки московских великих князей и царей, последние достаточно регулярно интересовались состоянием их могил, результатом чего стало составление соответствующих описей.

Самую раннюю из них встречаем в Степенной книге, созданной в начале 60-х годов XVI в. В ее 10-й главе VI грани находим подробный рассказ о всех захоронениях некрополя Успенского собора Княгинина монастыря. Из этого источника выясняется, что в северном Благовещенском приделе нашли упокоение первая (Мария) и вторая (Анна) супруги Всеволода Большое Гнездо. В южном Христорождественском приделе Успенского собора были похоронены: первая (Александра) и вторая (Васса–Василиса) жены Александра Невского, а также его дочь Евдокия [6, т. XXI. Ч. 1, с. 229; 9, с. 399–400].

Данное свидетельство позволяет говорить, что останки индивида № 2 принадлежат Анне, второй супруге Всеволода Большое Гнездо. Этому вполне соответствуют данные ДНК-экспертизы, не усматривающие признаков родства между индивидами № 1 и № 2.

Сведения об Анне отрывочны. Она была дочерью витебского князя Василька Брячиславича и упоминается В.Н. Татищевым всего два раза: в связи со своим замужеством в 1209 г., и через три года – по поводу смерти Всеволода Большое Гнездо, когда она постриглась в Княгинин монастырь. В.Н. Татищев именовал ее Любовью [11, с. 182, 187]. Возможно, это было ее княжеское имя, однако в историю она вошла с христианским именем Анна, зафиксированном Степенной книгой.

Идентифицировав останки индивидов № 1 и № 2, необходимо задать вопрос о принадлежности останков индивида № 3 (девочки в возрасте около 9 лет), поскольку Степенная книга говорит о захоронении в Благовещенском приделе только двух женщин. Каким же образом здесь оказались еще одни останки?

Для этого необходимо обратиться к более позднему описанию княжеских могил Княгинина монастыря, содержащемуся в Летописце владимирского Успенского собора. Согласно ему, «с великою княгинею Марьею Шварловною лежали в одном гробе другие мощи невелики, великой княгини Марии по плечи» [12, с. 63–65]. Обнаруженные в 2015 г. останки ребенка сохранились не полностью, и для определения приблизительного роста индивида № 3 была взята принадлежащая ему левая плечевая кость. Исходя из данных остеометрических таблиц, ее величина соответствует приблизительному росту – 135 см. Поскольку в ходе остеологического исследования прижизненный рост Марии был определен в 157,6 см, становится понятным, что под определением «другие мощи невелики, великой княгини Марии по плечи» следует понимать останки индивида № 3.

Что касается утраты каменного гроба, в котором была похоронена Мария, его судьбу раскрывают более поздние описания гробниц Княгинина монастыря: в

середине XVII в. (вероятно, в 1665 г.) во время строительных работ мощи Марии были переложены из ветхого каменного гроба, сделанного из непрочного известняка, в новый деревянный: «А вынесли ея трии старицы из каменного гроба и положили ея в новом гробе деревянном во всем целу; и лежит во схиме. А старей гроб разсыпался» [9, с. 404; 12, с. 64].

Судя по всему, во время этих строительных работ вместе с мощами Марии Шварновны оказались и мощи ее правнучки Евдокии. Монахини последней четверти XVII в. отождествили их с останками Анны, второй жены Всеволода Большое Гнездо. Однако этому противоречит установленный в ходе экспертизы прижизненный возраст индивида № 3 – около 9 лет, что делает невозможной идентификацию его как второй жены Всеволода Большое Гнездо.

Наши сведения о Евдокии чрезвычайно скудны. По мнению известного знатока княжеских родословий А.В. Экземплярского, она была в замужестве за князем Константином Ростиславичем Смоленским [13, с. 32, 337]. Это предположение он сделал на основе двух свидетельств. Софийская первая летопись при описании событий 1262 г. сообщает об участии в них «Константина, зятя Александрова» [6, т. VI. Вып. 1. стб. 337], а Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал, что в Княгинином монастыре «погребена и дочь его (Александра. – *Авт.*) Евдокия» [5, т. IV, с. 55, 215 (прим. 110)]. А.В. Экземплярский, сопоставляя между собой эти два известия, предположил, что именно Евдокия являлась женой Константина Ростиславича, не допуская возможности, что у Александра Невского были и другие дочери. Это домысливание прямо противоречит показаниям источников, упоминающих Евдокию как княжну, т.е. незамужнюю дочь князя.

А.В. Маштафаров, автор соответствующей статьи в «Православной энциклопедии», определил приблизительные годы ее жизни: после 1239 – после 1252. Указание на год рождения Евдокии обусловлено тем, что именно в 1239 г. Александр женился, а похоронена она могла быть во Владимире только после 1252 г., когда ее отец стал великим владимирским князем [8, т. XVII, с. 125–126.].

Судя по Степенной книге, Евдокия была погребена в Княгинином монастыре, но не в северном Благовещенском (вместе с Марией), а в другом – южном Христорождественском приделе. Каким же образом останки Евдокии оказались перенесенными в иной придел? Определенный ответ на этот вопрос дает описание гробниц в Княгинином монастыре, сделанное на рубеже XIX–XX вв. архимандритом Порфирием (Виноградовым).

Согласно его свидетельству, в это время захоронение Марии представляло собой гробницу, обложенную посеребренным металлом, «и только два креста вычеканенные вверху оклада, указывают на два гроба под ним». Поскольку Степенная книга ясно говорит, что рядом с Марией была похоронена вторая супруга Всеволода – великая княгиня Анна, архимандрит Порфирий решил, что эти два креста указывают, что здесь нашли покой две жены Всеволода Большое Гнездо. Но при этом он отмечал, что «в сборнике Троице-Сергиевой Лавры XVII века, при указании погребенных во Владимирском женском монастыре, почему-то не упоминается великая княгиня Анна. Здесь упоминается только о какой-то гробнице возле гробницы великой княгини Марии, именно в следующих словах: "да с нею же (великой княгиней Марией) лежат другие мощи невелики, княгини Марии по плечи". Неизвестно, указывают ли эти слова на вторую супругу Всеволода Георгиевича».

Определенное недоумение архимандрит Порфирий испытал при описании гробниц в южном Христорождественском приделе. Размещенная здесь гробница, в которой, судя по данным Степенной книги, должны были покоиться останки

великой княгини Александры и княжны Евдокии, также как и захоронение Марии была обложена медными посеребренными листами. Но при этом она не имела вида двойной гробницы. «Таким образом, – заключает архимандрит Порфирий, – остается место предположению, что здесь, в южном приделе, одна из гробниц уничтожена и останки великой княгини и княжны положены в одной общей гробнице. В сборнике Троице-Сергиевой Лавры XVII века говорится о гробнице княжны Евдокии, что эта гробница стояла на правой стороне южного придела "в стене", следовательно, она находилась в XVII веке под сводом ниши в южной стене храма. В этом сборнике, при исчислении погребенных во Владимирском женском монастыре, прямо не упоминается имени великой княгини Александры, но вслед за сообщением о гробнице Евдокии говорится: "в другом каменном гробе подле и лежат мощи неизвестно чьи"» [7, с. 116–117].

Позднее все останки, находившиеся в Благовещенском приделе, были помещены в одну нишу. Когда это произошло, сказать затруднительно. Во всяком случае, последнее по времени внедрение в погребение произошло в 1968 г., свидетельством чему являются сделанные тогда же несколько фотографий. По этим фотоматериалам видно, что уже тогда останки находились в потревоженном состоянии. И хотя после работ 1968 г. аркосолый был приведен в порядок (это видно по кладкам из современного кирпича), останки оказались перемешаны. В таком положении их обнаружили в 2015 г.

В результате вышесказанного у нас появляется возможность подтвердить результаты ДНК-экспертизы: индивиды № 1 (Мария Шварновна) и № 3 (Евдокия) действительно являлись родственниками, поскольку последняя приходится правнучкой первой. По отношению к ним индивид № 2 (Анна, вторая жена Всеволода Большое Гнездо) не является их родственницей.

Но почему же краниотригонометрическая экспертиза показала удивительную схожесть внешних черт второй жены Всеволода Большое Гнездо и дочери Александра Невского? Это объясняется тем, что Александр Невский был женат на Александре, дочери Брячислава Васильковича, из витебско-полоцкой ветви Рюриковичей, а вторая жена Всеволода Большое Гнездо Анна была дочерью Василька Брячиславича из этой же ветви. При этом Евдокия приходилась Анне внучатой племянницей.

Что же касается захоронений начала XIII в., отмеченных Лаврентьевской летописью (сестры Марии и ее дочери Елены), то они, судя по всему, были сделаны вне храма и позднее были утеряны. Некоторый свет на это может пролить информация о том, что «еще в XIX веке севернее Благовещенского придела была обнаружена белокаменная гробница. Она осталась неисследованной. В восьмидесятые годы XX века, когда на территории монастыря велись работы, также были обнаружены белокаменные гробницы древних захоронений, но и они не были обследованы» [10].

1. Великая княгиня владимирская Мария Ясыня в русской истории / З.К. Кусаева (отв. ред.). – Владикавказ; М.: Сев.-Осетин. ин-т. гуманит. и социальн. исслед. им. В.И. Абаева; Ин-т. росс. истории РАН, 2019. – 365 с.
2. Воронин, Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. / Н.Н. Воронин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – Т. I: XII столетие. – 584 с.
3. Долгов, В.В. Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» / В.В. Долгов // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах / Санкт-Петербург. духовн. акад. – СПб., 2016. – Вып. 5. К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. – С. 190–212.
4. Долгоруков, П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4 ч. / П.В. Долгоруков. – СПб.: тип. Вингебера, 1854. – Ч. 1: Фамилии российско-княжеские. – 350 с.
5. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин; [А.Н. Сахаров (отв. ред.)]. – М.: Наука, 1992. – Т. IV. – 477 с.

6. Полное собрание русских летописей. – [СПб.; М.], 1841–2018. – Т. 1–46: Т. I : Лаврентьевская летопись. – 4-е изд. – М.: Языки русск. культ., 1997. – 496 с.; Т. VI, Вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода / подг. текста С.Н. Кистерева и Л.А. Тимошиной, предисл. Б.М. Клосса. – М.: Языки русск. культ., 2000. – 320 с.; Т. XV : Рогожский летописец. Тверской сборник. – М.: Языки русск. культ., 2000. – 432 с.; Т. XXI, Ч. 1: Книга Степенная царского родословия / под ред. П.Г. Васенко. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 342 с.; Т. XXV : Московский летописный свод конца XV в. – М.: Языки слав. культ., 2004. – 488 с.; Т. XLI : Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) / предисл. Б.М. Клосса. – М.: Археографический центр, 1995. – 184 с.
7. Порфирий [Виноградов], архимандрит. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгининском девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители: с изображением одной гробницы и с приложением статьи «Обновление Владимирского кафедрального собора» / [соч.] Архим. Порфирия. – 2-е доп. изд. – Владимир: тип. Губерн. правления, 1903. – 132 с.
8. Православная энциклопедия. – Т. XVII: Евангелическая церковь чешских братьев – Египет. – М.: Правосл. энцикл., 2008. – 751 с.
9. Сиренов, А.В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. / А.В. Сиренов // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / гл. ред В.Н. Зайцев, ред.-сост. Г.П. Енин. – СПб.: Росс. нац. биб-ка, 2006. – С. 399–414.
10. Тайны гробницы Княгинина монастыря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vladimirgid.ru/history/tomb.htm>. – Дата доступа: 10.10.2023.
11. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: в 8 т. / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1995. – Т. II–III : История Российская. Часть вторая / [редкол.: С. Н. Валк, М. Н. Тихомиров; авт. вступ. ст. С. Н. Валк]. – 349, 333 с.
12. Шилов, А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для полного собрания русских летописей) / А.А. Шилов. – СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910. – Вып. 1. – 24 с.
13. Экземплярский, А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям / А.В. Экземплярский. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. – 480 с.

Алентьева Т.В.

ОПЫТ США ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: США, историко-культурное наследие, сохранение исторических объектов, законодательство, исторические национальные парки, служба национальных парков.

Сохранение историко-культурного наследия – важнейшая задача любой страны. В 2017 и 2020 гг. в США прокатилась волна по сносу памятников, главным образом относящихся к периоду Гражданской войны 1861–1865 гг. Главной мишенью стали памятники южанам-конфедератам, сражавшихся за независимость южных штатов от Союза и за сохранение рабства [3, с. 90–105; 6, с. 337–350]. Защитники монументов убеждали общественность в том, что эти памятники сооружены в честь людей, сражавшихся за свои убеждения, и не связаны с прославлением идеологии расизма и превосходства белой расы. Сторонники их уничтожения были убеждены в обратном, тем более что вторая волна сноса памятников была связана с движением «Черные жизни имеют значение». Было разрушено, снесено или демонтировано более 135 памятников южным конфедератам, еще больше было перенесено в другие места. Однако, протестующие не остановились на уничтожении только этой категории коммеморации. Вслед за южанами-конфедератами, той же участи подверглись памятники Колумбу, их было снесено 36, правда, осталось еще 149 в различных американских городах. За Колумбом последовали покушения на другие монументы и памятники, в том числе в столице – г. Вашингтоне [12]. Многие американские историки видят в этой борьбе с памятниками историческую закономерность, связанную с более сложной этнической и расовой стратификацией американского общества, ростом афроамериканского национализма и сдвигами в общественном сознании белых американцев. Однако в не меньшей степени, две волны сноса памятников были связаны с политикой демократов, с президентскими выборами 2016 и 2020 гг. Разумеется, снос любых

памятников – явление сложное и противоречивое, ведь многие из них стояли десятилетиями и являлись архитектурными доминантами городской среды, к тому же печально, когда дело доходит до вандализма и разжигания страстей.

И все же американский опыт сохранения историко-культурного наследия, создания и деятельности системы национальных исторических парков интересен и поучителен для других стран, в том числе для России, имеющей огромное культурно-историческое наследие. Мировой опыт показывает, что ни одно государство мира не в состоянии на должном уровне сохранять и содержать все памятники культурного наследия. Но все страны, каждая по-своему, пытаются максимально сохранять историко-культурное наследие, которое выполняет ряд важнейших социальных функций, прежде всего относящихся к патриотическому, культурному и эстетическому воспитанию молодого поколения. Помимо этого, важна и рекреационная функция, а также выгоды от туристского бизнеса. Таким образом, реализуются образовательные, просветительские, реабилитационные и экономические функции.

Отличительной чертой государственной системы исполнительной власти в области охраны памятников в США является высокая степень децентрализации. На федеральном уровне вопросы управления охраной памятников истории и культуры занимается министерство внутренних дел. При президенте и Конгрессе США действует Консультативный совет по сохранению памятников истории. В местных органах управления созданы специальные комиссии, состоящие из ученых и специалистов, которые выносят решения о присвоении статуса памятнику, определяют границы исторических районов, они имеют право запрещать снос и изменение облика ценных зданий частным владельцам [7, с. 46–62].

Особенностью американской системы сохранения культурно-исторического наследия является традиционно активная гражданская инициатива, выраженная в деятельности многочисленных общественных организаций, а также широкие полномочия муниципальных органов управления. Так, например, сохранение такого исторически значимого объекта как поместье первого президента США Маунт-Вернон целиком обязано инициативе всего лишь одного человека. Энн Канингхэм из Южной Каролины предложила создать Ассоциацию дам Маунт-Вернона, которая собрала необходимые средства и приобрела поместье Вашингтона у его наследников за 200 тыс. долл. В 1858 г. началась реставрация дома для возвращения ему первоначального облика, а в 1860 г. музей был открыт для первых посетителей. Национальным историческим парком усадьба стала в 1960 г., теперь она является вторым по популярности посещения местом в США, после Белого дома Его посещают более миллиона человек ежегодно [13, р. 121].

Важнейшей основой в деле сохранения историко-культурного наследия в США является развитая и усовершенствованная законодательная база. Первым законодательным актом, принятым Конгрессом, был «Акт по сохранению американских древностей» 1906 г. [8]. Закон предусматривал санкции в отношении лиц, наносящих ущерб национальным природным и историческим объектам. По нему «любой, кто присвоит, будет производить земляные работы, наносить ущерб или уничтожать любые исторические и доисторические руины или памятники, или какие-либо объекты старины, расположенной на землях, принадлежащих или контролируемых Правительством Соединенных Штатов ... должны быть оштрафованы ... или отправлены в тюрьму ... или по усмотрению суда будут наказаны одновременно и штрафом, и лишением свободы» [9, р. 42].

Еще более важное значение имело принятие в 1916 г. Акта о создании Службы национальных парков (NPS) при Департаменте внутренних дел США. В законе гово-

рилось о том, что задачей Службы национальных парков станет «регулирование использования федеральных земель, известных как национальные парки, монументы и заповедники ... таким способом и с помощью таких мер, которые послужат цели ... сохранить эти природные и исторические объекты для удовольствия настоящих и будущих поколений» [10]. И действительно, на протяжении более 100 лет эта строительная организация – Служба национальных парков США – не только обеспечивает сохранность природных и историко-культурных объектов, но и ведет широкую научно-просветительную работу. Количество служащих составляет 22 тыс. человек, а число добровольных помощников доходит до 600 тыс. человек [1, с. 103–116].

В 1935 г. был принят «Закон об исторических объектах», на законодательной основе он передавал все важные исторические объекты, большие и малые, в распоряжение Службы национальных парков [9, с. 132–135]. В 1966 г. был принят закон «Об охране памятников истории, имеющих национальное значение», дополненный поправками 1970, 1973, 1976, 1980, 1992 и 2000 гг. В настоящее время федеральное законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры кодифицировано в Своде законов США – в разделе 16 «Охрана (консервация)». Согласно закону, памятники истории – это «районы, территории, здания, сооружения, объекты, внесенные в Национальный реестр». В национальном реестре культурного наследия США находится 750 000 объектов [4, с. 66–92].

США отличаются чрезвычайным разнообразием форм территориальной охраны культурно-исторического и природного наследия. Только в системе Службы национальных парков насчитывается 24 категории охраняемых территорий, а совместно с другими ведомствами – более 35 категорий. Из наиболее значимых для охраны культурного наследия являются исторические парки, исторические местности, монументы, мемориалы, поля сражений, военные парки. Статус исторического парка может получить целый город, например, Харперс-Ферри, где произошло знаменитое восстание Джона Брауна, направленное против рабства.

Признание значимости реставрации и сохранения в первоначальном виде целых населенных пунктов либо кварталов, включая жилые дома, подсобные постройки, общественные здания, улицы, ландшафты, привело к созданию городов-музеев. Ранним и наиболее ярким образцом таких музеев является колониальный Вильямсберг (штат Виргиния), где приобретение и реставрация зданий начались по инициативе пастора местной церкви на деньги Джона Рокфеллера-младшего еще в 1926 г. В настоящее время музей включает около девяноста зданий, расположенных на территории, превышающей 70 гектаров. Это – губернаторская резиденция, палата бургесов, здание суда и арсенала, таверна, многочисленные магазинчики в колониальном стиле, дома горожан. Примечательно, что все «жители» этого необычного города – профессиональные гиды, каждый из которых готов продемонстрировать умения и навыки жителей XVIII столетия или рассказать подлинную историю реальных обитателей того времени [2, с. 44–57].

Другим направлением в деле сохранения и возрождения историко-культурного наследия в США служит проект Национального траста по сохранению исторического наследия «Главная улица», принятый в 1976 г. Он превратился в одну из наиболее успешных национальных программ по восстановлению и возрождению исторического облика городов. На сегодняшний день эта программа реализуется в более чем тысяче больших и малых городов по всем Соединенным Штатам. В чем причины успеха данного проекта? Он учитывает всю сложность проблемы и опирается на так называемую «Стратегию четырех пунктов», которая помогает старые районы из обузы для городского бюджета превратить в

прибыльное дело. Также предусмотрено предоставление различных налоговых льгот и различных преференций частным лицам, заинтересованным в сохранении историко-культурного облика городской застройки [5].

В США действует множество общественных объединений в сфере сохранения историко-культурного наследия. Их опыт также заслуживает изучения, принимая во внимание ограниченность их материальных возможностей. Не располагая достаточными средствами для покупки и содержания целых зданий, они зачастую прибегают к приобретению прав распоряжения отдельными компонентами объекта недвижимости, чаще всего внешним видом ценного здания, либо только его фасадом. При этом частный владелец продолжает пользоваться всем зданием и самостоятельно распоряжаться его невыкупленными частями. Организация же берет на себя ответственность за сохранение исторического облика здания, используя приобретенные права. Так, в столице США городе Вашингтоне часто можно видеть, как от старинных зданий сохраняется лишь их фасад, за которым располагаются различные офисы, предприятия торговли и общественного питания. Особенно любопытно в этом плане здание на Пенсильвания-авеню под номером 2000. Здесь целый ряд домов, представлявших викторианскую застройку конца XIX столетия, превратили в фасад для солидного торгового центра, современные очертания которого выглядят из-за старинного фасада. Но такое решение проблемы далось непросто. Общественным активистам пришлось приложить немало усилий для сохранения исторического облика улицы. Дело дошло до судебного разбирательства, которое закончилось победой общественности. Исторический облик улицы был сохранен, а здание получило претенциозное название «Ряд красного льва» [11].

В настоящее время успех движения за сохранение исторического и культурного наследия в США опирается не только на гражданскую инициативу, благотворительность и частные соглашения, но и на правительственную поддержку. Все это делает американский опыт полезным для изучения.

1. Алентьева, Т. В. 100-летие Службы национальных парков США / Т. В. Алентьева // США-Канада: экономика политика, культура. – 2016. – № 11. – С. 103–116.
2. Алентьева, Т. В. Историко-культурное наследие США. Заметки американиста / Т. В. Алентьева. – Курск : Изд-во КГУ, 2018. – 338 с.
3. Алентьева, Т. В. Память о Гражданской войне в США (1861–1865) в монументах и мемориалах американской столицы / Т. В. Алентьева // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – № 7. – С. 90–105.
4. Алентьева, Т. В. Формирование и развитие системы национальных парков США / Т. В. Алентьева, В. В. Колупаева. – Курск : Изд-во КГУ, 2015. – 283 с.
5. Варламова, Т. Н. Сохранение и использование культурного наследия (Охранные технологии в социально-культурной сфере) [Электронный ресурс] / Т. Н. Варламова, И. Ю. Иванова. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4646182>. – Дата доступа: 02.02.2017.
6. Курилла, И. И. Переосмысление Гражданской войны в современном американском обществе / И. И. Курилла // Американский ежегодник 2021. – М. : Весь Мир, 2021. – С. 337–350.
7. Литвинова, О. Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX – начале XXI в. / О. Г. Литвинова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2010. – № 4. – С. 46–62.
8. American Antiquities Act of 1906 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nps.gov/history/local-law/anti1906.htm>. – Date of access: 02.03.2023.
9. America's National Park System: The Critical Documents / ed. by L.M. Dilsaver. – Second edition. – N.Y. : Rowman & Littlefield Publishers, 2016. – 506 p.
10. An Act to Establish a National Park Service and for other Purposes. Approved August 25, 1916 [Electronic resource]. – Mode of access: www.nps.gov/history/history/online_books/anps/anps_li.htm. – Date of access: 11.03.2023.
11. Ten buildings that changed DC [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dmsasparchment.com/2013/06/13/ten-buildings-that-changed-dc>. – Date of access: 20.03.2023.
12. Trump signs executive order to punish vandalism against federal monuments [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/trump-signs-executive-order-punish-vandalism-against-federal-monuments-n1232322>. – Date of access: 20.03.2023.
13. Wall, Ch. Mount Vernon. A Handbook / Ch. Wall. – Mount Vernon, VA: The Mount Vernon Ladies Association of the Union, 1985. – 129 p.

Баканов Д.К.
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЛИТОВСКОГО КОМИССАРИАТА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ РСФСР

Ключевые слова: РСФСР, Народный комиссариат по делам национальностей, Литовский комиссариат.

В становлении Страны Советов особое значение оказал Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (далее Наркомнац; НКН). Данный орган советской власти был учрежден на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября по н. с.) 1917 года в Петрограде и возглавлялся И.В. Сталиным. Основным печатным изданием данного ведомства была еженедельная газета «Жизнь национальностей», выходившая с 1917 по 1922 гг., в которой содержались сведения о международной обстановке, сводки с фронтов гражданской войны и отчеты о деятельности национальных комиссариатов (в том числе Литовского) [1, с. 138].

Немаловажное значение в формировании сначала Литовской, а затем и Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики имел Литовский комиссариат Наркомнаца (далее Литовский комиссариат, Литком) [14, с. 37]. Одной из задач, поставленных перед Наркомнацем, была культурно-просветительская деятельность. В свою очередь, развитие национальных культур советскими органами власти позволяло склонить местную интеллигенцию на сторону большевиков, что позволяло советской стороне противостоять своим противникам.

Литовский комиссариат НКН был создан 8 декабря 1917 года, его комиссаром был назначен В.С. Мицкевич-Капсукас [11, с. 28]. Первыми были созданы комиссариаты западных окраин (польский, литовский и белорусский), поскольку они должны были содействовать усилению позиций РСФСР на приближающихся мирных переговорах с Центральными державами [15, с. 382–383]. После заключения Брестского мира и до конца Первой мировой войны Литовский комиссариат занимался преимущественно агитацией среди литовских беженцев, а также подпольной деятельностью на территории контролируемой немцами Литвы [2, с. 32–33]. Однако, даже в этот период комиссариат проводил культурно-просветительскую работу среди беженцев, на которую выделялось финансирование из средств Наркомпроса [3, л. 54].

После подписания Компьенского перемирия, 13 ноября 1918 г. СНК РСФСР денонсировал Брестский договор, и уже 17 ноября части Красной Армии перешли в наступление вслед за отходящими германскими войсками [10, с. 80]. 8 декабря 1918 г. на подконтрольной Красной Армии территории было создано Временное революционное правительство Литвы во главе с В.С. Мицкевичем-Капсукасом [12, с. 48]. Уже 16 декабря 1918 года литовские коммунисты издадут Манифест Временного Революционного Рабочего Правительства Литвы, в котором объявляют о создании Литовской Советской Республики (Далее ЛСР или Советская Литва) и о низложении правительства «тарибской» Литвы [13, с. 67–69]. 21 декабря 1918 г. СНК РСФСР признает независимость ЛСР и обязуется оказывать экономическую и военную помощь правительству В.С. Мицкевича-Капсукаса [7, с. 69]. К концу декабря части РККА вслед за отступающими немцами подошли к границе Литвы, и уже 6 января 1919 г., после столкновения с частями польской самообороны, овладели литовской столицей – Вильно (Вильнюсом), куда переехало правительство В.С. Мицкевича-Капсукаса. Покидающие Литву герман-

ские части заняли оборону на реке Неман, форсировать которую части РККА на данном участке фронта не смогли. Линия фронта стабилизировалась до мая 1919 г., разделив Литву на две части – советскую (с центром в Вильнюсе) и «тарибскую» (с центром в Каунасе) [16, с. 633–636].

В декабре 1918 года Литовский комиссариат готовился к перенесению своей деятельности в Литву [6, №7, 22 декабря 1918 г., с. 7]. В выпуске от 19 января 1919 года в газете «Жизнь национальностей» сообщается: «Центр тяжести работы переносится в Двинск и Вильну. Петроградским Отделением продолжается мобилизация партийных работников и вербовка красноармейцев. Все дела бывшего Представительства Тарибы переданы Чрезвычайной Комиссии» [6, №2 (10), 19 января 1919 г., с. 7]. Таким образом, руководство литовского комиссариата переносило свою деятельность на подконтрольную РККА часть Литвы, не дожидаясь окончательной победы Красной Армии над «тарибским» правительством. Одной из причин, заставлявших комиссариат действовать в ускоренном режиме, была необходимость заручиться поддержкой литовской интеллигенции в противостоянии с Польшей, которая выдвигала собственные планы по объединению Польши и Литвы в новую Речь Посполитую [9, с. 254].

К началу февраля 1919 г. в «Жизни национальностей» сообщалось: «Отделы: Культурно-просветительный, Издательский, Агитационный и отчасти Ликвидационный перенесены в Литву; в Москве остается только Общий отдел» [6, № 4 (12), 2 февраля 1919 г., с. 6]. Таким образом, Литовский комиссариат перенес значительную часть своей деятельности из РСФСР в Литовскую Советскую Республику в помощь правительству В.С. Мицкевича-Капсукаса, испытывавшему кадровый голод.

После образования Литовской Советской Республики для культурно-просветительской деятельности комиссариата на литовской территории в РСФСР закупалась и печаталась необходимая литература, которую комиссариат планировал отправить в Литву [6, № 4, 1 декабря 1918 г., с. 7]. Для реализации культурно-просветительских проектов Литовского комиссариата планировалось открыть в Литве сеть библиотек, о чем сообщается на страницах «Жизни национальностей»: «Культурно-просветительским отделом принимаются все меры к пополнению библиотеки Комиссариата и формированию небольших библиотек для отправки их в Литву» [6, № 5, 8 декабря 1918 г., с. 7]. При этом, комиссариат издавал не только политическую литературу, но и стихотворения первого литовского пролетарского поэта Ю. Янониса, повести К. Ясюкайтеса и прочие произведения литовских авторов [8, с. 78]. Кроме того, комиссариат планировал провести реорганизацию образовательных учреждений на территории Литовской Советской Республики, для чего Культурно-Просветительный отдел разработал проект реформ существующих в Литве школ и собирал материалы для педагогического сборника [6, № 7, 22 декабря 1918 г., с. 7].

Для инициатив в области культуры и просвещения на территории ЛСР не хватало подготовленных сотрудников. С целью преодоления «кадрового голода» правительство республики планировало привлечь сотрудников культурно-просветительного отдела Литовского комиссариата [6, №8, 29 декабря 1918 г., с. 7]. Данные мероприятия, запланированные временным Революционным Правительством Литвы, не ограничивались открытием школ и библиотек. Для создания кинотеатров в республике правительство также обратилось за помощью к Литовскому комиссариату, и Культурно-просветительный отдел комиссариата произвел закупки кинолент для Комиссариата по просвещению Литовской Республики [6, № 6 (14), 23 февраля 1919 г., с. 4].

При этом, сотрудники комиссариата были готовы привлекать к работе даже бывших «классовых врагов». В заявлении представителя Комиссариата по литовским делам Ч.Ю. Петрашкевича в Витебский губернский исполнительный комитет от 14 декабря 1918 г. представитель комиссариата просил Губисполком разрешить бывшему заведующему офицерским собранием Гаршину возглавить восстановление пострадавшего при эвакуации одного из Виленских музеев, поскольку тот обладал достаточной компетентностью в данном вопросе и добровольно пошел на сотрудничество с новой властью [4, л. 26].

Стоит отметить, что данные культурно-просветительские мероприятия проводились в самый разгар Гражданской войны. Временное Революционное Правительство ЛСР контролировало чуть больше половины территории Литвы. При этом, несмотря на продолжающиеся боевые действия, правительство Советской Литвы уже реализовывало проекты просвещения и культурного развития трудящихся масс республики.

В советских республиках за просветительскую деятельность должен был отвечать Наркомпрос. Поэтому культурно-просветительская деятельность Наркомнаца вызывала путаницу в полномочиях между данными ведомствами. В связи с этим неоднократно поднимался вопрос о переходе культурно-просветительских отделов в ведение Наркомпроса. На заседаниях Коллегии НКН 13 февраля 1919 было решено создать при Наркомпросе отдел национальных меньшинств, в ведение которого должны были со временем перейти культурно-просветительные отделы НКН [5, л. 101].

В начале 1919 года сообщения о деятельности Литовского комиссариата в газете «Жизнь национальностей» перестают публиковаться еженедельно. К весне 1919 года деятельность данного учреждения практически не находит отражения в данном издании. Последнее сообщение в газете «Жизнь национальностей» о деятельности культурно-просветительского отдела Литовского комиссариата относится к марту 1919 года. В нем говорится: «Культурно-просветительным отделом ведется работа по собиранию предметов искусства, как эвакуированных из Литвы во время войны, так и вывезенных раньше царскими властями. Приняты также меры к сбору и вывозу в Литву картин художника Чурляниса и библиотеки быв.Союза Любителей Искусства» [6, № 9 (17), 16 марта 1919 г., с. 4]. Возвращение предметов искусства и живописи демонстрирует намерение Советской Литвы открывать музеи и картинные галереи, не дожидаясь окончания войны. К тому моменту ситуация на фронте осложнилась, но временное Революционное Правительство Литвы не прекращало культурно-просветительскую работу среди населения республики.

В связи с образованием советских республик Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии, на заседании Коллегии НКН 8 Марта 1919 г. было принято решение – расформировать Латышский, Литовский, Эстонский и Белорусский комиссариаты НКН [5, л. 107]. С этого момента культурно-просветительская деятельность в Литбеле полностью переходила в ведение Наркомпроса республики, а за сотрудниками Литовского комиссариата сохранились только обязательства по реэвакуации имущества, вывезенного в Россию во время Первой мировой войны [2, с. 38].

Правительство Литбела планировало вкладывать серьезные усилия и финансы в развитие культуры и просвещения на подконтрольных территориях [16, с. 649–653], однако в это время оперативная обстановка на западном театре военных действий для РККА начала ухудшаться. В середине апреля польская армия

под командованием генерала Э. Рыдз-Смиглы перешла в наступление, заняв к 17 апреля Лиду, а к 21 апреля вынудила командование Красной Армии оставить Вильно [10, с. 121]. В мае в газете «Жизнь национальностей» появляется заметка о приостановке реэвакуации учреждений [6, № 19 (27), 25 мая 1919 г., с. 4]. Армия литовской «Тарибы» также провело успешное наступление против РККА в мае 1919 г. и займет территорию Советской Литвы, хотя окончательно части РККА оставят Литву только 26 августа 1919 года.

Деятельность Литовского комиссариата в 1917–1920 годах является типичным примером национальной политики партии большевиков. Советское руководство считалось с правом нации на самоопределение и содействовало становлению литовской государственности и укреплению литовской национальной идентичности. Комиссариат оказывал значительную помощь литовскому народу в культурно-просветительской деятельности. После отказа от советизации Литвы, советское руководство перестало оказывать серьезную поддержку Литовскому комиссариату, а после подписания мирного договора между РСФСР и Литовской республикой 12 июля 1920 г. окончательно отказалось от данного ведомства, поскольку его работа могла оказать негативное влияние на формирующееся на антипольской основе советско-литовское сближение. Тем не менее, начатая Литкомом культурно-просветительская деятельность в виде открытия школ, библиотек, музеев и кинотеатров, а также возвращение в Литву культурно-исторических ценностей, стала опытом для советского руководства по проведению культурной политики в отношении других народов советского государства.

1. Баканов, Д. К. Источники по изучению деятельности Литовского комиссариата Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР / Д. К. Баканов // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 2. – С. 136–138.
2. Баканов, Д. К. Деятельность Литовского комиссариата Наркомнаца РСФСР / Д. К. Баканов // Вестник гуманитарного образования. – 2023. – № 1 (29). – С. 31–41.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р1318 Оп. 22. Д. 35.
4. ГАРФ. – Ф. Р9509 Оп. 1. Д. 8.
5. ГАРФ. – Ф. Р9509 Оп. 1. Д. 81
6. Жизнь национальностей: ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. – М., 1918–1924.
7. Литва–Россия. 1917–1920 гг. : сборник документов / сост. Ч. Лауринавичюс [и др.]. – Вильнюс : Институт истории Литвы, 2020. – 522 с.
8. Макарова, Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. : ист. очерк / Г. П. Макарова ; отв. ред. Л. У. Юсупов ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1987. – 172 с.
9. Матвеев, Г. Ф. Пилсудский / Г. Ф. Матвеев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 474 с.
10. Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). / М. И. Мельтюхов. – М. : Алгоритм, 2015. – 608 с.
11. Минеева, Е. К. Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура / Е. К. Минеева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки : науч. журн. – 2006. – № 7. – С. 23–33.
12. Мицкевич-Капсукас, В. С. Революция в Литве (1918 г.) и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства / В. С. Мицкевич-Капсукас // Историк-марксист. – 1935. – Т. 2–3. – С. 44–52.
13. Политика Советской власти по национальным делам за три года. 1917–XI–1920 [Текст] / Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ; Нар. комиссариат по делам национальностей. – М. : Гос. изд-во, 1920. – 185 с.
14. Чеботарева, В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. / В. Г. Чеботарева; Обществ. акад. наук рос. немцев. – М. : Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003. – 851 с.
15. Шубин, А. В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. / А. В. Шубин. – СПб. : Питер, 2017. – 448 с.
16. Шубин, А. В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив / А. В. Шубин ; РАН, Ин-т всеобщей истории. – М. : Акад. Проект : Фонд «Мир», 2020. – 773 с.

Балыка А.М.
БАНК ЗВЕСТАК АБ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЕ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: СТВАРЭННЕ І МАДЭРНІЗАЦЫЯ

Ключевые слова: Беларусь, Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне, ахова гісторыка-культурнай спадчыны, Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры.

Упершыню паняцце Банка звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь (далей – Банк звестак) было ўведзена першым нацыянальным законам у сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны. Так, артыкулам 25 Закона Рэспублікі Беларусь 1992 года «Об охране историко-культурного наследия» вызначалася, што Банк звестак ствараецца для захавання і сістэматызацыі ўліковых дакументаў па каштоўнасцях [6]. Карыстацца інфармацыяй, змешчанай у рэсурсе, маглі толькі дзяржаўныя органы аховы гісторыка-культурнай спадчыны і іншыя асобы абмежаванага кола. Такім чынам, першапачаткова Банк звестак уяўляў сабой рэсурс выключна для службовага карыстання.

Пасля прыняцця ў 2006 годзе Закона Рэспублікі Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» [1] пастановай Савета Міністраў ад 15.06.2006 № 762 было зацверджана Палажэнне аб парадку фарміравання Банка звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь і парадку азнаямлення з інфармацыяй, якая змяшчаецца ў ім [2]. Дадзеныя нарматыўна-прававы акт *дэталёва* абазначыў мэты і парадак фарміравання рэсурсу.

Было вызначана, што ў Банку звестак на кожную каштоўнасць запаўняецца ўліковы дакумент у форме электроннага пашпарта, які павінен мець наступныя раздзелы:

- уліковыя дадзеныя і месца знаходжання каштоўнасці адпаведна Дзяржаўнаму спісу гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь (далей - Дзяржспіс) [4];
- абгрунтаванне статусу каштоўнасці з указаннем дзеючых і страціўшых сілу нарматыўных прававых актаў, паводле якіх нададзены статус гісторыка-культурнай каштоўнасці;
- гістарычны адрас, які магла мець каштоўнасць пры яе стварэнні і ў далейшы перыяд існавання;
- характарыстыка ўласнікаў (уладальнікаў) і звесткі аб ахоўных абавязацельствах;
- інфармацыя пра адказных за правядзенне работ асоб і звесткі аб наяўнасці навукова-тэхнічнай дакументацыі на рэстаўрацыю і іншыя віды работ на гісторыка-культурных каштоўнасцях, звесткі аб зонах аховы;
- гісторыя фарміравання і выкарыстання каштоўнасці, кароткае апісанне і гістарычная даведка пра яе;
- характарыстыка сучаснага тэхнічнага стану каштоўнасці;
- звесткі аб элементах каштоўнасці, якія маюць самастойны статус;
- графічныя матэрыялы і фотаздымкі, у тым ліку ў розныя перыяды яе існавання або бытавання;
- архіўныя і бібліяграфічныя крыніцы.

Важным новаўвядзеннем з'явілася тое, што была прадугледжана магчымасць стварэння *сайта* Банка звестак для агульнага азнаямлення з пэўнай інфармацыяй аб гісторыка-культурных каштоўнасцях Рэспублікі Беларусь: ўліковых дадзеных згодна з Дзяржспісам і асобных ілюстрацыйных матэрыялаў.

Пры распрацоўцы Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры згаданае Палажэнне амаль цалкам было перанесена ў артыкулы 101 і 102 дзеючага заканадаўчага акта ў сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны. Больш за тое, п. 9 артыкула 102 Кодэкса аб культуры прадугледжана магчымасць увядзення ва ўжытак *пэўных раздзелаў Банка звестак у мэтах папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны*.

Галоўным недахопам існаваўшага рэсурсу з'яўлялася яго абмежаванасць: збор і адміністраванне дадзеных па гісторыка-культурных каштоўнасцях ажыццяўліся толькі адмысловым спецыялістам на выдзеленым працоўным месцы, Банк звестак утрымліваў толькі інфармацыю па дакументах на гісторыка-культурных каштоўнасцях, але не самі дакументы. Гэта прывяло да таго, што шырокае кола спецыялістаў у сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны не мела доступ да інфармацыі, змешчанай у рэсурсе; дадзеныя ў папярковых і электронных пашпартах гісторыка-культурных каштоўнасцей не супадалі, альбо гісторыка-культурная каштоўнасць магла мець папярковы пашпарт і не мець электронны і г.д. З мэтай выпраўлення гэтых недахопаў у 2021 годзе была распачата мадэрнізацыя Банка звестак. Дадзеная задача была даручана спецыялістам адмыслова для гэтага новастворанага сектара фарміравання Банка звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне інфармацыйна-аналітычнага аддзела Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (*аўтар дадзенага даклада на момант выканання вышэйадзначанай задачы прымаў непасрэдны ўдзел у распрацоўцы ўдасканалення рэсурсу*).

У канцэпцыю мадэрнізацыі быў пакладзены прынцып збора і адміністравання дадзеных па гісторыка-культурных каштоўнасцях не адной асобай, а шырокім колам спецыялістаў, задзейнічанымі ў сферы дзяржаўнай аховы гісторыка-культурнай спадчыны: ад дзяржслужбоўцаў да адказных асоб рай- і гарвыканкамаў. Доступ да інфармацыі, змешчанай ў Банку, ажыццяўляецца ў рэальным часе, а не па запыце ў Міністэрства культуры.

Быў створаны сайт Банка звестак з «публічнай» часткай, якая ўтрымлівае ў сабе інфармацыю пра гісторыка-культурныя каштоўнасці Рэспублікі Беларусь з раздзелаў Банка, уключаючы не толькі ўліковыя дадзеныя і ілюстрацыйны матэрыял, але і апісанне і гістарычную даведку [3]. Пошук гісторыка-культурных каштоўнасцей ажыццяўляецца не толькі па месцазнаходжанні і катэгорыях, але і па назве, шыфру ў Дзяржспісе, іншых элементах апісання. Для зручнасці пошуку былі ізноў уведзены ва ўжытак такія параметр, як падтып аб'екта. Сайт змяшчае інтэрактыўную мапу і раздзел навін.

Запаўненнем электронных пашпартоў гісторыка-культурных каштоўнасцей займаюцца рэгіянальныя спецыялісты, адказныя за захаванне гісторыка-культурных каштоўнасцей. Гэта ажыццяўляецца праз «адміністратарскую» панэль рэсурсу, што ўтрымлівае модулі, якія дазваляюць весці ўлік і запаўняць электронныя пашпараты: статыстыка, гісторыка-культурныя каштоўнасці, тыпы каштоўнасцей, падтыпы каштоўнасцей, навіны.

Непасрэдна запаўненне электроннага пашпарта гісторыка-культурнай каштоўнасці, або аб'екта, які ўваходзіць у яе склад, ажыццяўляецца праз модуль «Гісторыка-культурныя каштоўнасці». Ён уяўляе сабой пералік узятых пад ахову аб'ектаў згодна Дзяржспісу. Істотным адрозненнем ад апошняга, на наш погляд, з'яўляецца тое, што Банк звестак утрымлівае інфармацыю па *кожным* аб'екце, каторы ўваходзіць у склад комплексных гісторыка-культурных каштоўнасцей (нават калі ён не мае самастойнага запісу, шыфру ці катэгорыі). Напрыклад, па гістарычным цэнтры г. Пінска ў Дзяржспісе ўтрымліваецца 1 запіс (адна

каштоўнасць), а Банк звестак – 29 (сама каштоўнасць і 28 аб'ектаў, якія ўваходзяць у яе склад). Модуль утрымлівае не толькі звесткі пра дакументацыю, але і саму дакументацыю на гісторыка-культурныя каштоўнасці ў электронным выглядзе. Усе змены ў электронным пашпарце фіксуюцца адмысловым чынам, што дазваляе адсачыць, які спецыяліст і калі ўнёс праўкі.

Модулі «Статыстыка», «Тыпы каштоўнасцей», «Падтыпы каштоўнасцей» створаныя для аперытаўнага валодання інфармацыяй спецыялістамі Міністэрства культуры аб наяўнасці і стане гісторыка-культурных каштоўнасцей у рэгіёнах.

Модуль «Навіны» прадугледжвае, што рэгіянальныя спецыялісты могуць напайняць яго паведамленнямі пра культурніцкія і навуковыя мерапрыемствы, звязаныя з аховай гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.

Такім чынам, мадэрнізацыя Банка звестак прадугледжвае не толькі папулярызацыю гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь, зручнасць яго выкарыстання спецыялістамі і ўсімі задзейнічанымі ў гэтым асобамі.

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 ст. 2006 г., № 98-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны [Электронны рэсурс] : пастанова Савета Міністраў Респ. Беларусь, 15 чэрв. 2006 г., № 762 // Право. Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num32/d32647.html>. – Дата доступа: 20.09.2023.
3. Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://heritage.gov.by/>. – Дата доступу: 15.09.2023.
4. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://gosspisok.gov.by>. – Дата доступу: 13.09.2023.
5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны рэсурс] : 20 ліпеня 2016 г., № 413-з : у рэд. ад 18 ліп. 2007 г.
6. Об охране историко-культурного наследия : Закон Респ. Беларусь от 13 нояб. 1992 г. №1940-XII [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Баранова У.С.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ПЕРСПЕКТИВЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРИСУТСТВИЯ

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историческая память, культура присутствия, производство присутствия, руина.

Герольд новой культурной чувствительности Х.У. Гумбрехт предлагает современной постмодернистской гуманитаристике сменить привычный фокус с производства значения на производство присутствия. Главная сложность, однако, состоит в том, что Гумбрехт обозначает лишь контуры возможных исследований, предоставляя самим учёным действовать в конкретных ситуациях сообразно с тем присутствием, которое они переживают [1, с.62].

Для исследований историко-культурного наследия и исторической памяти как социальных феноменов метод производства присутствия (если осмелиться назвать это методом) представляет существенный интерес. Это отмечает и сам Гумбрехт, посвящая вопросам истории отдельную главу в своей программной работе [2, с.121]. При этом сложно представить более близкую и в то же время далёкую от «присутствия» тему, чем историческая память. Поскольку она направлена на то, что в настоящий момент отсутствует, но при этом использует большой кор-

пус материальных источников – следов присутствия. Гумбрехт в этой связи полагает, что человеческая потребность наполнять своё настоящее артефактами прошлого имеет мало общего с традиционным проектом истории как научной дисциплины и с толкованием в принципе [2, с.123].

Поэтому в нашей статье мы предлагаем обратить внимание на новую культурную историю как продуктивное поле для исследования историко-культурного наследия в свете производства присутствия. Некоторые разделы внутри новой культурной истории могут иметь значительный потенциал в свете концепции Гумбрехта. В первую очередь, речь идёт об истории материальности и телесности [1]. Конкретно мы рассмотрим в контексте производства присутствия такой феномен историко-культурного наследия как руина.

Идеальным материальным объектом, иллюстрирующим антиномию исторического «отсутствия-присутствия», на наш взгляд, является руина. Проблема понимания руины как историко-культурно феномена приобрела весомое значение в исследованиях новых культурных историков (А. Шёнле, А. Хёйссен). Она в точности соответствует гумбрехтскому определению «исторического объекта» как предмета без практического применения, которому и не следует подыскивать такое применение, дабы он не утратил свою специфическую ауру, так как вопрос о практической пользе сузит наши возможности наслаждаться прошлым и радоваться соприкосновению с ним [2, с.126–127].

Швейцарский профессор Андреас Шёнле полагает, что роль историка заключается в барочном собирании руин и тщетном «ожидании чуда» [6, с.38]. Это высказывание употребляется им в контексте «апологии руины» – статьи об архитектуре забвения и её восприятии в форме культурного и исторического опыта. В более широком смысле – этот символ применим ко всей постмодернистской гуманитаристике, как её видит Гумбрехт. Письмо историка как практика (в отличие от материальных исторических объектов) служит преодолению разрыва между прошлым и настоящим, их примирению, а также воссозданию и воспроизводству прошлого через отстранение от него.

Мишель де Серто называет историю «временем Другого», который становится поистине «другим» только когда похоронен в историческом письме, без неуместной футуризации, он остаётся прошлым и только поэтому – собой [4]. Главное в Другом – то, что он мёртв. Потусторонность смерти – предельная дистанция между историческим Другим и современным историком, только в масштабе которой можно действительно понять суть инаковости. Но возможность присутствия прошлого через его материальные «останки» (и в первую очередь – через руину), возможность «разговаривать» с мертвыми или прикасаться к предметам мира, где они жили [2, с.124–125], помогают преодолеть эту инаковость посредством общения. Источник значения предстаёт перед исследователем как на допросе, но с источником присутствия может получиться полноценный диалог. Наше переживание присутствия – это не одностороннее действие, поскольку в него обязательно включено и бытие того объекта, присутствие которого мы переживаем.

Основополагающие функции исторического письма – конструирование и разрушение целостностей: чтобы воспринять целостную картину прошлого, её нужно «отколоть» её от картины настоящего. Но, в отличие от письма, исторические объекты, скорее именно создают, нежели разрушают целостность благодаря производству присутствия и возникающему в его свете общению. В то время как историк в своём письме идёт по строго герменевтическому пути: пытаюсь создать целостную картину наших представлений о прошлом, он откалывает её от мате-

риальной реальности. Когда дискурсивный и событийный уровни разведены, открывается простор для конструирования не только своего варианта прошлого, но и своего варианта гиперреальности, между этими полями.

В работе по преодолению этого противоречия в истории руина как материальный объект и экзистенциальное переживание служит для нас выражением примиряющего присутствия, о котором писал Гумбрехт. Присутствие в его интерпретации означает не временное, а пространственное отношение к миру, где присутствующее оказывает воздействие на человеческое тело [2, с.10]. И руина синкретически соединяет в себе временное и пространственное отношение к миру, воздействуя и на тело (органы чувств), и на мыслящую субстанцию, ответственную за производство значений и смыслов. К тому же она воспринимается нами сразу в двух «присутственных» воплощениях: телесном (со стороны нашего непосредственного взаимодействия с ней) и материальном (с позиции своего специфического бытия).

Руина относится к эстетической категории возвышенного, поскольку, помимо восхищения, внушает страх, напоминая о травматическом опыте прошлого или смерти. В ней сохраняется признаваемая Гумбрехтом необходимой дистанция между эстетическим переживанием и миром повседневности [2, с.110]. Она смещает антропоцентрический и антропократический акценты в понимании истории, уподобляя время самой сильной из стихий; отсылает человека к мысли о способности природы создавать новые формы, используя старый материал. Руина – материальный аналог распада метафизических систем. По сути, именно благодаря своей материальности, если не превалирующей, то выступающей наравне с её значением, она играет в истории центральную роль.

Профессор Андреас Хёйссен уподобляет руину зримой ностальгии. И понимает её также, как объект существующий в двух плоскостях: материальной и нематериальной [7, р.11]. С одной стороны, она наглядно демонстрирует, «что было здесь раньше», поэтому она натуралистична и добротна, сама по себе. Но, в то же время, она представляет собой смысловую конструкцию, и эта её сторона оказывается такой же важной как материальная. Она вызывает, в прямом смысле, тоску по утраченному дому, утраченной идентичности, утраченной целостности. Эта экзистенциальная тоска, порождаемая присутствием значительного, но сломленного, покрытого мхом флоры и мхом времени, обращается к чему-то в глубине человеческой души, заставляя задуматься о времени, как одной из важнейших характеристик бытия.

В этом уникальность руины: она и жива (поскольку хоть и разрушена, но существует в материальном воплощении), и при этом мертва (поскольку относится к временному инобытию, которое прошло). Она присутствует, и она означает нечто. Она – канал общения через века и тысячелетия, соединяющий её автора из прошлого и её свидетеля из настоящего. Её присутствие становится залогом присутствия двух других (других по отношению к ней и друг к другу).

Таким образом, руина становится не просто умозрительным конструктом человеческого сознания, но практическим материальным выражением исторической памяти как части историко-культурного наследия. Эффект наблюдателя, впервые заявивший о себе в космологии, становится определяющим в нашем понимании прошлого в присутствии руины. Человек как зритель истории движет её своим взглядом или это время движет человечество? Человек рушит здания или руины сокрушают человека своей декадентской тоской по ушедшему?

Хёйссен усматривает в архитектуре модерна страх последующей руинизации мира. Но при этом видит экзистенциальную катастрофу в том, что современные строители отвергают необходимость руины. Вещь без явного утилитарного

значения, но явно присутствующая, вызывает и трепет и, порой, негодование, вызванное непониманием. Молчаливую угрозу руины вместе с немотой других присутствующих вещей не так легко принять. Ведь как замечает Гумбрехт: «нет такого возникновения значения, которое не облегчало бы тяжести присутствия» [2, с. 95].

Переживание присутствия руины можно вписать и в призракологию (hauntology), предложенную Жаком Деррида [3, с.226]. Руина, как уже отмечалось, не всегда и не для всех «приятна в общении». Иногда её присутствие производит эффект сна, темницы бессознательного, ужаса черед хаосом, забвением и небытием. Но эти чувства, почти всегда, соседствуют и с ностальгией, которая чаще не темна и безысходна, но светла. Если в руине сходятся эти противоречия, значит, она, в самом деле, не просто материальный объект или умозрительный конструкт, но феномен живого присутствия и выражения исторической памяти.

Таким образом, неотчуждаемые качества руины как категории историко-культурного наследия могут быть лучше поняты и пережиты именно в контексте производства присутствия. И если согласиться с А. Шёнле в его определении историка как собирателя руин, тщетно ожидающего чуда, но вписать его в концепцию Гумбрехта, то окажется, что ожидание чуда не так уж и тщетно. Потому что Присутствие – и есть чудо.

1. Бёрк, П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Бёрк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.
2. Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт ; пер. с англ. С. Зенкина. – М.: Новое литературное обозрение. – 2006. – 184 с.
3. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида ; пер. с франц. Б. Скуратова. – М.: Logos-altera, «Ессе homo». – 2006. – 256 с.
4. де Серто, М. Историографическая процедура. Письмо (сокращенный перевод 3-го раздела II главы «Certeau M. de.L'écriture de l'histoire». Paris, 1993 / М. де Серто ; пер. с франц. Б. Дубина // Неприкосновенный запас. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/3/istoriograficheskaya-procedura-pismo.html?ysclid=lm7tyieclj361219612>. – Дата доступа: 05.09.2023.
5. Филоненко, А.С. «Производство присутствия» и новая культурная чувствительность: «нескромное предложение Гумбрехта» и его академические расширения / А.С. Филоненко // Вісник ХНУ імя В.Н. Каразіна. – 2010. – № 904. – С. 41–64.
6. Шёнле, А. Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад / А. Шёнле // НЛО. – 2009. – № 1. – С. 24–38.
7. Huyssen, A. Nostalgia for Ruins / A. Huyssen // Grey Room. – 2006. – №23. – P. 6–21.

Бараноўскі А.В., Юрчак Д.В.
“ЗБОР ПОМНІКАЎ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ”:
ЗНАЧЭННЕ, ПРАБЛЕМНЫЯ МОМАНТЫ І НЕАБХОДНАСЦЬ АКТУАЛІЗАЦЫІ

Ключавыя словы: культурная спадчына, культурныя каштоўнасці, воінскія пахаванні, археалагічная спадчына, творы манументальнага мастацтва.

У 1990 годзе шматтомнае даведачнае выданне “Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі” атрымала Дзяржаўную прэмію БССР, што стала высокай ацэнкай вялікай працы, якая была праведзена сектарам збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук Беларусі. Пры гэтым само выданне павінна было стаць узорам і часткай усесаюзнага шматтомнага “Свода памятных і культурных помнікаў і культурнага спадку народаў СССР”. Але далейшыя палітычныя падзеі, звязаныя з распадам Савецкага Саюза, не далі завяршыць гэту працу. Тым не менш, у Беларусі атрымалася поўнацэнна рэалізаваць

усё задуманае. Не паспелі толькі перавыдаць айчыны Збор ужо на рускай мове (выйшаў толькі ў 1990 г. том, які быў прысвечаны Брэсцкай вобласці).

“Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі” ў 7 тамах (8 кнігах) выдаваўся з 1984 па 1988 гады. У яго ўвайшлі артыкулы (больш за 14 тысяч) пра нерухомыя помнікі гісторыі і культуры, у тым ліку помнікі археалогіі, архітэктуры, манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва. Паказальна, што ў гэтае карыснае і грунтоўнае выданне, якое не губляе сваёй актуальнасці і ў нашы дні, увайшлі як улічаныя ва ўліковых дакументах савецкага часу аб’екты спадчыны, так і тыя, які па ацэнках спецыялістаў павінны былі знаходзіцца падаховай дзяржавы.

Кожны з тамоў быў прысвечаны пэўнай вобласці і г. Мінску (том, прысвечаны Мінскай вобласці, быў выдадзены ў дзвюх кнігах), меў імяны, геаграфічны і храналагічны паказальнікі. У выданнях як самастойная тэрытарыяльная адзінка вылучаецца абласны цэнтр, звесткі пра яго змешчаны ў пачатку тома. Затым ішла інфармацыя пра ўсе раёны вобласці ў алфавітным парадку. Унутры інфармацыі пра раён першымі размяшчаліся матэрыялы пра адміністрацыйны цэнтр, а потым пра помнікі іншых населеных пунктаў (таксама ў алфавітным парадку). Акрамя тэкстаў у Зборы было прадстаўлена 131 карта, 681 ілюстрацый (у тым ліку, напрыклад, схемы, археалагічных аб’ектаў, паркаў, сядзіб) з іх 1420 каляровых.

Для свайго часу выданне Збору помнікаў стала ўзорным. Яно і па сённяшні дзень з’яўляецца вельмі аўтарытэтным. Пры фарміраванні дзеючага Дзяржаўнага спісу гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, вызначэнні лакалізацыі асобных помнікаў, пры стварэнні пашпартоў аб’ектаў спадчыны ў рэгіёнах актыўна карысталіся гэтым выданнем і працягваюць гэта рабіць.

Нягледзячы на вышэйзгаданае, дадзенае выданне за апошнія 35 год істотна састарэла. Па-першае, за гэты час змянілася заканадаўства, якое рэгулюе пытанні аховы аб’ектаў культурнай спадчыны, у тым ліку, памянліся і фундаментальныя асновы, на якіх грунтуецца тыпалогія культурных каштоўнасцей. У нас, напрыклад, больш не існуе ў заканадаўстве “помнікаў культуры”, затое ёсць нематэрыяльныя гісторыка-культурныя каштоўнасці, якія не былі адлюстраваны ў Зборы помнікаў.

Па-другое, з’явілася шмат новых гістарычных, дакументальных крыніц, якія дазваляюць больш дэталёва раскрыць гісторыю канкрэтных аб’ектаў спадчыны, новыя фотаздымкі, карты, схемы, у тым ліку магчымасць указання не толькі лакалізацыі таго ці іншага помніка шляхам апісання, а таксама праз указанне яго геаграфічных каардынат і нанясення на кадастравую карту. Акрамя таго, з’явілася і шмат новых культурных каштоўнасцей праз стварэнне новых твораў манументальнага мастацтва: помнікаў, памятных знакаў, бюстаў, мемарыяльных дошак і г.д. Змяніліся і фундаментальныя падыходы ў адносінах да помнікаў архітэктуры, у тым ліку культавых будынкаў, былых сядзіб, шэраговай гістарычнай забудовы, на якія не звярталі належнай увагі ў савецкі час. На вялікі жаль, частка аб’ектаў культурнай спадчыны з моманту выдання Збору помнікаў перастала існаваць.

Усё гэта дае падставы для неабходнасці інвентарызацыі культурных каштоўнасцей, якія ўвайшлі ў Збор помнікаў, але з улікам сучасных рэалій і магчымасцей. Да гэтага падштурхоўвае і тое, што ў самім зборы могуць таксама быць недакладнасці ці прывязкі да ўжо не існуючых населеных пунктаў. Напрыклад, лакалізаваныя у Полацкім раёне курганныя могільнікі ля вёсак

Кармалысы і Вуглы фактычна знаходзяцца ва Ушацкім раёне, хаця самі вёскі адносяцца да Полацкага. Вёскі Воранава Полацкага раёна, да якой прывязана курганная група, даўно не існуе фактычна, ды і назва возера, якое прыводзіцца ў апісанні, ужыта памылкова. Лакалізаваць курганную групу ля в. Гомель Полацкага раёна (насамрэч в. Двор-Гомель) удалося толькі дзякуючы схеме, прыведзенай у выданні. Пры гэтым варта зазначыць, што складальнікі Збору помнікаў карысталіся наяўнымі на той час матэрыяламі і не мелі магчымасці карыстацца спадарожнікавымі здымкамі, кадастравай картай з пазначэннем назваў населеных пунктаў, адміністрацыйных межаў і адраснай інфармацыі.

Акрамя таго, у выданні маюцца прыклады дублявання помнікаў. Так, у падраздзелах “Бешанковіцкі раён” і “Шумілінскі раён” ля аднайменных вёсак з назвай Узрэчча ў Дзяржаўны спіс былі ўнесены помнікі археалогіі, якія называюцца аднолькава – “Курганны могільнік”. Лакалізацыя дадзеных археалагічных аб’ектаў вельмі падобная. З улікам атрыманых дадзеных былі ўсе падставы меркаваць, што ідзе дубляж аднаго і таго ж помніка. Прычынай падобнай сітуацыі стала знаходжанне раней на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна дзвюх аднайменных вёсак у Ульскім і Каўлякоўскім сельсавеце (па левым і правым берагах Заходняй Дзвіны). Вёска Узрэчча Каўлякоўскага сельсавета была перададзеная ў склад Шумілінскага раёна ў 1985 г. Гэта не ўлічылі пры публікацыі “Збору помнікаў” [1, с. 132].

У дадзеным выданні, якое рыхтавалася да перадачы зямель у склад Шумілінскага раёна, пазначана, што помнік даследаваў М.М. Чарняўскі. У справаздачы апошняга, датаванай 1972 г. (копія маецца ў Бешанковіцкім музеі), даецца больш поўная лакалізацыя “*каля самай дарогі, што вядзе з Узрэчча на Запруддзе*”. Тое ж самае прысутнічае ва ўліковых дакументах Віцебскага аблвыканкама. Пры гэтым, вёскі Запруддзе па стане на 1972 і 1956 гады не фіксуецца на картах ў раёне абодвух вёсак Узрэчча. Але яна ёсць на карце 1930 г., пры гэтым за курганамі дарога якраз разыходзіцца ў накірунку ужо не існуючых вёсак Запруддзе (в. Баравыя, в. Гарадок) і Парэчча Шумілінскага раёна па правым беразе Заходняй Дзвіны. Па выніках справаздач, аб правядзенні інвентарызацыі археалагічных аб’ектаў у Бешанковіцкім і Шумілінскім раёнах Віцебскай вобласці, што праводзілася ў 2009 годзе па замове Міністэрства культуры ААТ “Праектрэстаўрацыя” пазначана, што ў выніку даследавання паласы лесу ля вёскі Узрэчча Ульскага сельсавета Бешанковіцкага раёна курганы не знойдзены і робіцца выснова, што курганы былі знішчаны пад час вырубкі лесу. Разам з тым, ля в. Узрэчча Каўлякоўскага сельсавета А.У. Ільюцік лакалізуе курганны могільнік (прывязваючы яго да зніклай в. Парэчча Мікалаеўскага сельсавета, які ў адрозненне ад Каўлякоўскага сельсавета да 1985 г. як раз і быў ў Шумілінскім раёне) і спасылаецца на даследаванні А.М. Гутоўскага (1981 г.) [2, с. 248].

Пры гэтым дадзены курганны могільнік яшчэ раз улічаны ў савецкім “Зборы помнікаў гісторыі і культуры: Віцебская вобласць” [1, с. 473] і з прывязкай да гэтай жа вёскі быў першапачаткова ўключаны ў новы Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей. Але карта з лакалізацыяй помніку паказвае, што ён знаходзіцца бліжэй да в. Узрэчча і на тэрыторыі Каўлякоўскага сельсавета, а яго месцазнаходжанне поўнасю супадае з лакалізацыяй курганоў, знойдзеных М.М. Чарняўскім. Да гэтай жа вёскі яго прапанавала прывязаць у 2009 г. і А.У. Ільюцік. У выніку дадзены помнік доўгі час быў улічаны двойчы [2, с. 248].

Па прыкладзе Віцебскай вобласці можна казаць, што ў Збор помнікаў увайшлі не ўсе помнікі архітэктуры рэгіёну. Напрыклад, у падраздзеле

“Талачынскі раён” змешчана 50 помнікаў гісторыі Талачыншчыны. Помнікі архітэктуры прадстаўлены выключна манастыром базылян і паркам у Талачыне. Пры гэтым складальнікі Збору згубілі гістарычны касцёл у райцэнтры, млын на Друці і гаспадарчую пабудову на тэрыторыі старажытнага Друцка, сядзібу Цюндзявіцкіх у Галошава, Шухаўскую воданепорную вежу на станцыі “Коханава”, якія на дадзены момант маюць статус гісторыка-культурных каштоўнасцей. Таму варта зрабіць выснову пра павярхоўны падыход пры фарміраванні гэтага раздзелу выдання.

Дарэчы, ёсць у Зборы помнікаў аб’екты, якія былі ўлічаны ў БССР, але фактычна знаходзіліся за яе межамі. Яскравым прыкладам гэтага можа быць курганны могільнік ля в. Ігналіна Верхнядзвінскага раёна, які фактычна знаходзіўся на тэрыторыі Пскоўскай вобласці РСФСР.

Усе вышэйзгаданыя прыклады не адзінкавыя і сведчаць пра неабходнасць актуалізацыі гэтага фундаментальнага выдання, якая магла б мець месца праз падрыхтоўку новай публікацыі, напрыклад, шляхам выдання двух тамоў па кожнай вобласці (ці асобнага выдання па кожным раёне і абласным цэнтры), а таксама праз стварэнне фундаментальнай электроннай базы дадзеных (энцыклапедыі). Пры гэтым абодва варыянты могуць суіснаваць адначасова. Праўда, другі дазваляе зрабіць гэты прадукт больш мабільным і адкрытым для змен і ўдакладненняў.

Пэўныя напрацоўкі адносна стварэння электроннай базы ўжо зроблены. Так, у Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Цэнтрам даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры (філіял “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы”) сумесна з Аб’яднаным інстытутам праблем інфарматыкі распрацавана інфармацыйная сістэма “Гісторыка-культурная спадчына Беларусі”. Дадзеная інфармацыйная сістэма ўключае дакументальныя крыніцы на розных носьбітах (тэксты, аўдыё і відэа матэрыялы, фотаздымкі, малюнкi, схемы, карты), іх бібліяграфічнае і навуковае апісанне [3]. Дадзеная інфармацыйная сістэма можа і павінна стаць асновай для стварэння фундаментальнай электроннай базай дадзеных “Збор культурных каштоўнасцей Беларусі”. Менавіта гэта назва Збору нам бачыцца найбольш удалай для нашага часу, паколькі захаванне ранейшай назвы ўжо немагчыма, бо яна не адпавядае існуючай тэрміналогіі, замацаванай у дзеючым заканадаўстве аб культуры.

Зразумела, што для абнаўлення агульнарэспубліканскага Збору неабходна шмат часу і рэсурсаў. Але гэты праект мог бы стаць важнай часткай рэалізацыі дзяржаўнай гістарычнай палітыкі ў Рэспубліцы Беларусь. Часткова яго можна рэалізаваць праз уключэнне ў дзяржаўную праграму навуковых даследаванняў на 2026–2030 гады. Пры гэтым галаўнай арганізацыяй-выканаўцам павінен стаць Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Сярод арганізацый-выканаўцаў павінны быць Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вышэйшыя навучальныя установы, установы культуры. Таксама рэалізацыя такога маштабнага праекту патрабуе дадатковых выдаткаў і падтрымкі з боку цэнтральных і мясцовых органаў улады.

Пры стварэнні новага Збору трэба захаваць існуючы раней алфавітны прынцып сістэматызацыі каштоўнасцей, але пры гэтым трэба ўлічваць існуючы падзелу аб’ектаў на віды культурных каштоўнасцей. Таму аб’екты павінны ўключацца ў Збор па блоках, на якіх мы акцэнтуюем увагу ніжэй. Пры гэтым для тых культурных каштоўнасцей, якія атрымалі статус гісторыка-культурных і ўключаны ў Дзяржаўны спіс, павінна стаяць адзнака, што гэта гісторыка-

культурная каштоўнасць з пазнаннем яе шыфру. Усе каштоўнасці максімальна павінны суправаджацца фотаздымкамі, схемамі, картамі, спасылкамі на крыніцы.

Найбольш аптымальная на наш погляд бачыцца наступны падзел аб'ектаў на групы ўнутры кожнага населенага пункта.

1) Археалагічная спадчына (помнікі археалогіі і археалагічныя аб'екты). Пры гэтым, у параўнанні з папярэднім Зборам помнікаў, варта было б удакладніць прывязку усіх аб'ектаў з указаннем дакладных каардынат, а таксама адносна існуючых на дадзены момант геаграфічных аб'ектаў з пазначэннем населеных пунктаў, да якіх помнік быў прывязаны раней.

2) Гістарычныя пахаванні. Гэтая група павінна складацца з двух частак: воінскія пахаванні (у тым ліку пахаванні ахвяр воін) і старажытныя могілкі і ўнікальныя надмагільныя помнікі (у тым ліку тыя, якім нададзены статус гісторыка-мемарыяльных месцаў пахавання).

3) Творы манументальнага мастацтва. У межах аднаго населенага пункта могуць быць размешчаны па градацыі ад мемарыяльных комплексаў, да помнікаў, помнікаў-бюстаў, памятных знакаў, мемарыяльных дошак, манументальных роспісаў, твораў манументальна-дэкаратыўнага мастацтва.

4) Музейныя каштоўнасці. Назвы існуючых музеяў (у тым ліку ведамасных і прыватных) з апісаннем іх фондаў і акцэнтам на самыя значныя музейныя прадметы, якія маюць значэнне для рэспубліцы ці рэгіёна.

Дадаткова ў Збор могуць быць уключаны дакументы Нацыянальнага архіўнага фонду (апісанне рэгіянальных архіваў і характарыстыка іх фондаў), кніжныя помнікі, культурныя каштоўнасці, характэрныя для рэгіёна ці населенага пункта. Асобна могуць быць пазначаны вывезеныя і страчаныя каштоўнасці. Праўда, гэта пытанне на наш погляд з'яўляецца дыскусійным і патрабуе абмеркавання.

Для апрабавання метадалагічных падыходаў абноўленага Збору культурных каштоўнасцей варта было б выбраць адзін ці некалькі раёнаў і зрабіць эксперыментальнае выданне. Калі спыніцца на варыянце выдання Збору не па абласцях, а раёнах, так мог бы атрымацца першы том, які б стаў пачаткам новай вялікай і значнай працы. На наш погляд, сімвалічна было б пачаць выданне Збору з Полацкага раёна, бо менавіта на гэтай зямлі фарміравалася беларуская дзяржаўнасць.

Стварэнне новага Збору каштоўнасцей, на наш погляд, дасць магчымасць актуалізаваць і сістэматызаваць нашу спадчыну, створыць унікальны банк звестак па ўсіх культурных каштоўнасцях, што будзе мець карысць як для культуры, так і для турызму і практычнай дзейнасці. А галоўнае, Беларусь як калісьці і ў савецкі час можа стаць піянерам ў гэтай справе, што стане прыкладам паслядоўнай рэалізацыі гістарычнай палітыкі.

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць /АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 496 с.
2. Юрчак, Д.В. Асаблівасці дзяржаўнага ўліку помнікаў археалогіі ў Бешанковіцкім і Шумілінскім раёнах Віцебскай вобласці / Д.В.Юрчак // Віцебскі край: матэрыялы VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, Віцебск, 19 лістапада 2020 г. / ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.Леніна», кафедра гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2021. – Т.6. – С. 245 – 250.
3. Інфармацыйная сістэма «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://spadchyna.basnet.by:8080/index_by.html. – Дата доступу 12.10.2023

Бароўка В.Ю.
АКСІЯСФЕРА БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ ПРАЗ ПРЫЗМУ
АСЭНСАВАННЯ ПАЭТАМІ ПОМНІКАЎ ІТАЛЬЯНСКАЙ КУЛЬТУРЫ

Ключавыя словы: аксіясфера, беларуская паэзія, культурная спадчына, італьянскае мастацтва, экфрасіс, дыялог мастацтваў.

Слоўнае мастацтва – адзін са сродкаў захавання і актуалізацыі культурнай спадчыны, бінарнай па сваёй сутнасці, паколькі культурная спадчына – гэта сацыяльны і адначасова эстэтычны феномен, акрамя таго, шырокае поле дыялога з часам і ў часе. Беларуская літаратура на працягу свайго развіцця існавала на перакрываванні нацыянальных і сусветных, найперш еўрапейскіх мастацкіх традыцый. Айчынныя аўтары, галоўным чынам схільныя да мастацкіх эксперыментаў, з рознымі творчымі інтэнцыямі звярталіся да асэнсавання сусветнавядомых помнікаў італьянскай культуры. Нярэдка пры гэтым яны выкарыстоўвалі экфрасіс – узнаўленне візуальных мастацтваў вербальнымі сродкамі.

Пачатак мастацкай асэнсавання сусветнавядомых твораў італьянскага мастацтва быў пакладзены Максімам Багдановічам у зборніку “Вянок” (1913) і апавяданні “Мадонна” (1913). Вершаваныя творы “У вёсцы” і “Вераніка” з раздзела “Мадонны” ўтрымлівалі згадкі пра палотны Рафаэля з выявамі Мадонны. Рафаэль, у трактоўцы М. Багдановіча, – мастак, які здолеў стварыць свой і адначасова “вечны” ідэал жанчыны, перадаць у вобразе Мадонны адзінства зямнога і нябеснага, прыгажосці і дабрыні, акцэнтаваць прыгажосць дабрыні. Высокае мастацтва Рафаэля для беларускага паэта – узор выкшталцонасці формы і пазачасавай актуальнасці праблематыкі. Праблема значнасць асобы творцы была адной з актуальных у беларускай літаратуры пачатку мінулага стагоддзя. Верш-зварот Багдановіча да “едкага крытыка” ў трыялеце “Чэліні статуй не рабіў, / А толькі статуэткі...” сваім пафасам быў скіраваны на сцвярдженне пастулата, што ў мастацтве мае вагу найперш талент, што форма не менш істотная за змест. Бенвенута Чэліні праславіў сябе стварэннем малых скульптурных формаў. М. Багдановіч згадваў Чэліні дзеля аргументацыі ўласных эстэтычных пазіцый на конт першаснага і другараднага ў мастацтве.

Дыялог з сусветнавядомымі помнікамі італьянскага мастацтва быў працягнуты пісьменнікамі другой паловы ХХ стагоддзя. У вершы “У Луўры” (1956) Максім Танк выказаў захапленне знакамітай карцінай Леанарда да Вінчы і падкрэсліў, што высокамастацкі твор павінен заключаць у сабе таямніцу, як усмешка Джаконды. Амаль праз паўстагоддзя Мікола Мятліцкі ва “Усмешцы Джаконды” (2012) развіў далей думку М. Танка пра запатрабаванасць энigmatычнага элемента ў творы і творчасці, пра ролю творчай смеласці ў перадачы духоўнага свету асобы. Верш М. Танка “Форум раманум” (1957) – гімн архітэктурным помнікам Рыма і паэту Гарацыю, які абессмяроціў сваімі “гарачымі гексаметрамі” родны горад і суайчыннікаў. У трактоўцы М. Танка, сапраўдны творца – слава і гонар яго радзімы. Лірычнаму герою верша “У Фларэнцыі” (1961) здаецца, што кожны камень тут палае радкамі Дантэ, творчасць якога для паэтаў розных краін і народаў стала эталонам вялікай паэзіі. Шэраг вершаў прысвечаны М. Танкам Авідзію, лейтматывам усіх іх выступае выснова, што крылы для творчага ўзлёту дае паэту радзіма. Істотны для выяўлення аксіясферы самога Максіма Танка верш “Перад «Рабамі»” (1967), у аснове якога адно з паданняў пра славу тага скульптара: “Як Мікеланджэла тварыў сваіх рабоў, / Што рыхтаваліся

паўстаць з ярма і поту, / У дзверы скульптара загрузаў ноччу Бог, / Прыйшоў, прасіў яго: «Спыні работу!» / Да раніцы яны спрачаліся, чуваць. / І Бог разгневаны пакінуў гэту спрэчку, / Не змогшы запалохаць і пераканаць, / Да Мікеланджэла паслаў анёла смерці [5, с. 115]. Размова тут ідзе пра скульптуры “Звязаны раб” і “Паміраючы раб”. “Звязаны раб” Мікеланджэла – увасабленне прыгожага юнака, які імкнецца разарваць путы на звязаных ззаду руках, цела юнака напружана, на яго твары і ў яго руках шмат рашучасці. Воля юнака, у трактоўцы скульптара, застаецца не зламанай ворагамі і абставінамі. Гэту скульптуру інакш яшчэ называюць “Паўстайшы раб”. “Паміраючы раб” – увасабленне маладога чалавека, што нібыта засынае, вочы якога заплюшчаны, а на твары адбываецца забыццё і няма памкнення разарваць путы. Гэта статуя мела другую назву “Засынаючы раб”. Паводле М. Танка, творчасць Мікеланджэла – сведчанне творчай смеласці, настойлівасці ў дасягненні пастаўленай мэты, бескампраміснасці і мэтанакіраванасці скульптара.

Творы італьянскага мастацтва эпохі Рэнесансу знайшлі фрагментарнае асэнсаванне ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча. Адзін з ранніх вершаў паэта – “Нараджэнне Венеры” (1957). Вядомая карціна Бацічэлі для лірычнага героя – апалогія кахання, вечнай жаночасці, жыцця, угрунтаваная на выдатным інтуітыўным усведамленні асаблівасцей чалавечага ўспрымання свету. Да ранняга перыяду творчасці У. Караткевіча належыць і верш “Мастакам” (1957), у цэнтры якога разважанне пра лёс твораў мастацтва, яго мадэлюючую і мемарыялізуючую функцыі. Як бы паміж іншым там успамінаецца шэдэўр Леанарда да Вінчы з яго самай прыкметнай дэталлю – чароўнай, загадкавай усмешкай Мона Лізы. Статуя мядузы Джавані Ларэнца Бярніні як помнік барочнага стылю, што часта атэстуецца помнікам жаночай зайздрасці (невypadкова яна была дасціпна абрана эмблемай вядомай фірмы “Вярсачэ” – В.Б.), гумарыстычна характарызавалася Караткевічам у вершы “Medusa ludovisi ў Рыме”: “Спіць Эрынія. Ёй грозных веях / Цень прароцтва вялікага лёг. / Помста спіць. Касмылёў змеі / У спакоі тояць скачок. / Спіць яна бяздумна і глуха. / Сны аб праўдзе і роўнасці сніць...” [3, с. 236–237]. Іншымі словамі, злосць і зайздрасць амаль не ведаюць спакою. Праз зварот да твораў італьянскага жывапісу і скульптуры Караткевіч артыкуляваў чалавеказнаўчы план твораў класікі.

Філіграннасць мастакоўскіх рашэнняў, пранікнёнае і тонкае ўвасабленне “вечных” тэм бачыліся значным у італьянскім мастацтве Рыгору Барадуліну, паэту-эксперыментатару, які, напрыклад, з філалагічнай ноткай ацаніў тапаграфічную прыкмету Рыма – наяўнасць схілаў, назваўшы схілы клічнікамі. У вершы “Клічнік радасці” (1982) ён узнавіў малюнак раніцы ў Рыме, прыкметамі якога выступаюць званіцы, масты, знакамітыя Палацінскі і Капіталійскі схілы: “Будзяць аціхлы Рым ранішнія званы, / Значацца схілы Палацінскі і Капіталійскі” [1, с. 320]. Паэт прапанаваў прачулую эмацыянальную і разам з тым філасофскую інтэрпрэтацыю скульптуры “Аплакванне Хрыста” Мікеланджэла ў вершы “PietarondaninidiMichelangeloBuonarroti” (1982). У “Аплакванні Хрыста” дваццацічатырохгадовы Мікеланджэла прадставіў фігуры самотнай Дзевы Марыі і мёртвага Хрыста. Кампазіцыя гэтага твора глыбока сімвалічная, заснаваная на перасячэнні вертыкальных і гарызантальных ліній, што ўтвараюць выяву крыжа як увасаблення пакут і веры. Малады скульптар перадаў гора маці, што страціла сына, але не страціла веры, а таксама любові да сына. Барадулін глыбока эмацыянальна ўзнавіў агульную настраёвасць скульптуры “Аплакванне Хрыста”: “Іх зноў нітуе боль і смутак. / Рукі зламанае крыло, / Што ад пакут не адвяло, /

Апала, як цяжэзны скрутак, / Дзе кон наканаваў прысуд, / Ды ацаліў душы закутак, / Каб радасці ўваскрэсіў цуд” [1, с. 320]. Ва ўсведамленні беларускага паэта, скульптар-творца сілай таленту прымушае паверыць ў ім выяўленае: “Сляды разца – сляды тварэння. / Нібы з цяжкага туману, / Паверыўшы ў жыцця ману, / Праступіць з мармуру здзіўленне. / І тленам зрабляцца цвікі. / І адшліфуюць ад малення / Усе шурпатасці вякі” [1, с. 320]. Вялікі майстра ўзняў вечную тэму, прадумана выкарыстаў усе дэталі, таму яго твор не пакідае людзей абывакавымі: “А вочы слёз – яны сухія. / І абапёршыся аб крыж / Балючай плоці, як спарыш, / Матуля ўсіх пакут – Марыя / Прарочыць чалавецтву сны, / Вядзе на сцежкі мук старыя, / З якіх вяртаюцца сыны” [1, с. 320].

Адна з візітных картак архітэктуры Італіі – Міланскі сабор Раства Дзевы Марыі, узор італьянскай готыкі, размешчаны ў цэнтры горада і пабудаваны з белага мармуру, што сімвалізуе святасць Дзевы Марыі. Для лірычнага героя верша “На вышыні ўзнесенасці” (1982) Міланскі сабор – прыклад прыцягальнай сілы прыгажосці і сапраўднага мастацтва. Верш напісаны ў форме размовы з чытачом: “Калі ты ўрэшце не адчуеш ног, / Прыслухайся, як вырастаюць крылы – / Раптоўна імі радасць адарыла, / Каб хоць на нейкі міг узняцца мог / Над тленам, над нікчэмнай марнатой / На вышыню Міланскага сабора, / Дзе прыгажосць – адзіная апора / Узнесенасці – ў рызыцы святой” [1, с. 319]. Кожны элемент сабора падначалены звышзадачы: “Святыя, жабракі і дзівакі, / Пачвары, купідоны і мадонны / Трымаюць моўчкі небасхіл прадонны, / І толькі Богам бачаць праз вякі – / Яны адны ў падхмарнай вышыні / Замольваюць грахі зямныя нашы. / І зоры, ідучы з нябеснай пашы, / Саромеюцца іхняй цішыні” [1, с. 319]. Сабор, у разуменні паэта, увасабляе разнастайнасць свету, натхняе чалавека на дзейнасць, нагадвае пра рух часу, пра імгненнасць чалавечага жыцця: “Калі ты ўрэшце не адчуеш ног, / Прыслухайся, як стома хіліць крылы, / Каб у цябе не стала смелай сілы / Ubачыць зірк спалоханых эпох” [1, с. 320].

У канцы XX – на пачатку XXI стагоддзя паэты звяртаюцца да асэнсавання і рэпрэзентацыі сусветнавядомых твораў італьянскай культуры дзеля актуалізацыі эстэтычных знаходак класікаў, выяўлення прысутнасці класікі ці яе элементаў у сучаснасці. Так, Ганна Булыка ў вершы “«Агонь» Джузепэ Арчымбальда” (1994) пераканаўча акрэсліла сюжэт карціны італьянскага жывапісца і дэкаратара XVI стагоддзя Джузепэ Арчымбольда, якога ў XX стагоддзі мастацтвазнаўцы прылічылі да маньерыстаў, а некаторыя нават назвалі пачынальнікам сюррэалізму. Паэтэса праз сінтаксіс, праз выяўленчыя сродкі падкрэсліла філасафічнасць твора італьянскага жывапісца, сцвердзіла шматзначнасць вобразаў мастака як істотны складнік мастацкасці: “Што сярэбраны чэрап хавае пад полымным / Неабпальнае змесціва? вечкай? / Звілістую пустату? / Колькі думаю й помню – калышыцца яркая свечка, / Прасвятляе аблічча майго прастату. / І ўжо верыцца мне: / У істоты, ахопленай жарам, / У матэрыі, за нежывую лягчэйшай стократ, / Ёсць вяшчунны язык, перакінуты ў кнотава джала, / Тое званы спаліць, / Што калісьці не здолеў змалоць” [2, с. 49]. Дастаткова часта сучасныя паэты спрабуюць перадаць непаўторнасць італьянскай культуры праз характэрныя яе дэталі, як напамін пра славытны венецыянскі карнавал у вершы Людмілы Рублеўскай “Забыць Венецыю” (1997). Навум Гальпярэвіч нярэдка згадвае ў вершах агульную танальнасць жывапісных палотнаў Баціцэлі, якая ўздымае настрой і настройвае чалавека на аптымістычны лад, паэт параўноўвае з характэрнай палітрай майстра элементы беларускага пейзажу. Для прыкладу, у вершы “Ля помніка Багдановічу” (2001)

колер жоўта-залатых восеньскіх лісцяў напамінае лірычнаму герою дамінантны колер карцін італьянскага мастака.

Алесь Разанаў слушна заўважыў: “Мастак глядзіць у мастацтва, як у люстэрка, і распазнае ў ім свае сутнасныя рысы. Гэтае распазнаванне адбываецца як удзел у тым, што само ўдзяляе мастаку ўвагу. Тое, што здольна распазнаваць, выяўляючыся, становіцца тым, што, у сваю чаргу, здольна быць распазнаным” [4, с. 272]. Зварот беларускіх паэтаў да суцветнавядомай італьянскай культурнай спадчыны шматкратна дыялагічны як дыялог з рознымі відамі мастацтва, рознымі эпохамі, рознымі творчымі індывідуальнасцямі. У працэсе яго выяўляюцца вектары аксіясферы беларускай паэзіі і ўвогуле беларускай літаратуры XX – пачатку XXI стагоддзя: адкрыццё вечнага ў часовым, пазнанне чалавечых магчымасцей і месца асобы ў соцыўме, спасціжэнне таямніц творчасці.

1. Барадулін, Р. Збор твораў : у 2 т. / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1984. – Т. 2. – 335 с.
2. Булыка, Г. Турмалін: вершы / Г. Булыка. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 94 с.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Т. 1. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 431 с.
4. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 287 с.
5. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Т. 4 : вершы (1964–1972). – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 384 с.

Баскакова Ю.П., Шепилова Е.М.
ОСОБЕННОСТИ РЕСТАВРАЦИИ АФИШ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛАРМОНИИ

Ключевые слова: реставрация, нейтрализация, промывка, бумага, афиша, филармония.

Реставрация афиш военного времени осуществляется в рамках совместного историко-реставрационного проекта Санкт-Петербургской академической филармонии имени Д.Д. Шостаковича и Санкт-Петербургского института истории РАН– «Военная летопись Филармонии» [1]. В первую очередь на реставрацию поступили Сибирские афиши Филармонии, находившейся во время войны в эвакуации г. Новосибирске. Данный выбор обусловлен запланированными выставками восстановленных афиш, приуроченными к 120-летию со дня рождения Евгения Мравинского – дирижера, 50 лет возглавлявшего Заслуженный коллектив Республики (ныне – Заслуженный коллектив России) Ленинградской – Петербургской филармонии и к 80-летию гастролей Филармонии 1943 года по городам Сибири, а также виртуальной выставкой афиш до и после реставрации ко дню Победы.

Афиши Сибирского периода напечатаны на бумаге разных видов, значительно отличающихся друг от друга: от тонкой полупрозрачной бумаги, отдалённо напоминающей кальку, до плотной типографской и обёрточной, так называемой сахарной бумаги, а также рыхлой грубой бумаги, содержащей множественные включения, использовавшейся, в своё время, для внешней упаковки различных товаров. Толщина бумаги афиш варьируется от 65 до 160 микрон.

Не зависимо от вида, бумага афиш сильно пожелтела, в отдельных случаях, вплоть до бурого цвета, что свидетельствует о высокой степени её деструкции. Большая часть афиш имеют множественные трещины, разрывы и утраты по краям и линиям сгибов. И даже те афиши, которые кажутся не сильно разрушенными, являются хрупкими, ломкими, и имеют скрытые трещины по линиям сгибов.

В основном, афиши напечатаны чёрной, красной и зелёной красками, не влагостойкими из них оказался только один оттенок красного – вишнёвый.

Исследование кислотности бумаги показало, что значение pH водной вытяжки, определявшийся контактным электродом с поверхности бумаги, колеблется от 4 до 4,5. В связи с высокой кислотностью бумаги афиш особое внимание было уделено процессам промывки и нейтрализации кислотности, т.к. в вовремя промывки вместе с желтизной происходит удаление продуктов старения бумаги, а последующая обработка буферными растворами позволяет не только нейтрализовать избыточную кислотность, но и создать буферный запас, замедляющий окислительные процессы в бумаге.

После обеспыливания афиш реставрационным пылесосом, позволяющем деликатно, но очень эффективно удалить пыль с поверхности бумаги, проводилась промывка афиш в тёплой (20-25°C) проточной воде, с последующей промывкой в кювете с дистиллированной водой [2, с.41].

Нейтрализация избыточной кислотности бумаги осуществлялась методом погружения афиш в кювету с меловой суспензией, с двух трёхкратной заменой буфера [3, с.66]. Для повышения эффективности между промывками и нейтрализацией кислотности афиши высушивались на воздухе. Бумага афиш, ослабленная после водных обработок, упрочнялась метилцеллюлозой, приготовленной на буфере [3, с.70].

Афиши, напечатанные неводостойкими красками, промывались и забуферивались на вакуумном столе, а в случае плотной сильно-клеёной бумаги текст закреплялся метилцеллюлозой и промывка выполнялась холодной водой.

После восполнения утрат афиши упрочнялись по линиям сгибов и дублировались тонкой реставрационной бумагой [2, с.56].

Контроль изменения pH водной вытяжки осуществлялся после нейтрализации кислотности. Данная методика позволила повысить pH на 1-1,5 единицы.

1. Военная летопись Филармонии [Электронный ресурс] // Сайт СПбИИ РАН. – Режим доступа: <https://spbiiiran.ru/institute/proekty-spbii-ran/voennaya-letopis-filarmonii/>. – Дата доступа: 08.10.2023.
2. Реставрация произведений графики: методические рекомендации / сост. Л.Л.Метлицкая, Е.А. Костикова. – М.: ВХРНЦ им. И.Э.Грабаря, 1995. – 185 с.
3. Реставрация документов на бумажных носителях : методическое пособие . – М.: ВНИИДАД, 1989. – 226 с.

Бахлова О.В., Слугина А.Н.
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ РОССИИ¹

Ключевые слова: военно-исторический туризм, гибридная война, историко-культурный туризм, историческая память, патриотические маршруты, патриотическое воспитание, политика идентичности.

Идея патриотизма практически неизменно привлекает к себе пристальное внимание. Однако в разные периоды значение вопросов, составляющих ее существо, в политической повестке может колебаться – от символического до субстанционального. В современных условиях актуализируется их перевод в практическую плоскость, придание им первостепенного статуса, центрального не только для системной, но и для институциональной повестки. Весьма важно также обеспечение непротиворечивости, взаимодополняемости общественной и политической повестки. Тенденции, вызовы и угрозы (распространение «культуры отмены», нагнетание русофобии, санкционных ограничений и пр.) текущего этапа трансформации мироустройства ставят во главу угла сохранение националь-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

ного самосознания, исторической правды и культурно-цивилизационного разнообразия. Понятие патриотизма и политика патриотического воспитания граждан осмысливаются как все более сложные и многогранные, а их конкретное воплощение в жизнь предполагает применение комплекса механизмов и инструментов.

В рассматриваемом ракурсе особый интерес вызывает патриотический туризм. Он ориентирован на совокупность задач (формирование гражданского сознания, воспроизводство историко-военных фактов и др.) [3, с. 315–316], которые органически встраиваются в систему и содержание национальных интересов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (РФ) отмечаются, в частности, активные нападки на традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, усиление угрозы утраты культурного суверенитета, опасность фальсификации истории [13]. Для противодействия им намечаются поддержка общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, сохранение исторической памяти и культуры народов РФ; сохранение материального и нематериального культурного наследия российского народа; духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан на исторических и современных примерах и др. Подобные ориентиры могут быть достижимы в том числе благодаря продвижению военно-исторического и культурного патриотического туризма.

Осознание их актуальности находит отражение в политической повестке – президентской, правительственной, партийной, парламентской и пр. Так, в РФ осуществляется национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», сопрягаемый с достижением национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов» [6]. Несмотря на преобладание в проекте целевых показателей материального свойства, подчеркнем, что внутренний туризм, несомненно, способствует изучению культуры и истории страны, формированию и укреплению патриотизма как духовно-нравственного чувства гражданина.

Вписывается в рамки нацпроекта и единая программа гражданско-патриотического и общественно полезного молодежного туризма (работа над ее расширением идет на базе федерального проекта «Повышение доступности туристических продуктов»). Программа сформирована во исполнение поручений Президента РФ от 30 октября 2022 г. по итогам заседания Президиума Государственного Совета РФ 6 сентября 2022 г. [10]. Организатор Программы – Федеральное агентство по делам молодежи при поддержке Министерства высшего образования и науки, Министерства просвещения, Министерства экономического развития (Минэкономразвития), Министерства культуры, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российского движения детей и молодежи «Движение первых», АНО «Россия – страна возможностей» и Российского общества «Знание». Оператор – АНО «Больше, чем путешествие» [5]. Таким образом, в воплощение президентской инициативы вовлечены многие федеральные ведомства, а также институты, которые тоже являются инициативами главы государства («Движение первых» и др.).

Действует Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма» от 24 декабря 2021 г. (с изменениями), где признается его влияние на достижение ряда национальных целей развития. Она в большей степени ориентирована на социально-экономические цели и задачи, но вместе с тем предусматривает, например, проведение культурно-просветительских программ для

школьников, реализацию выставочных проектов федеральных и региональных музеев, создание военно-исторических лагерей для детей и подростков [1]. Программа коррелирует со Стратегией развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. Однако в Стратегии, как и в иных названных документах, не упоминается понятие патриотического туризма. Из наиболее близких к нему по смысловым характеристикам является понятие «культурно-познавательный туризм». Он трактуется как путешествие с познавательными целями, которое знакомит туриста с историко-культурными и природными ценностями, традициями и обычаями. Принципиально положение документа с формулировкой задач развития туризма, где указано в том числе усиление роли туризма в патриотическом воспитании, просвещении и формировании культурно-нравственного потенциала населения регионов РФ. Акцентированы важные социальные следствия развития туризма для населения, среди них – патриотическое воспитание за счет развития детского и юношеского туризма [14].

Вопросы развития туризма и в настоящее время достаточно плотно интегрированы в повестку дня. Примечательны, в частности, заседание комиссии Госсовета по направлению «Туризм, физическая культура и спорт» (19 апреля 2023 г.) [2] и совещание (в режиме видеоконференции), состоявшееся 28 июня 2023 г. в Дербенте, где Президент РФ артикулировал влияние внешних факторов и констатировал положительную динамику в области внутреннего туризма [12]. Но собственно патриотический туризм в этих мероприятиях не фигурировал в качестве самостоятельного феномена. Показательными были встречи В.В. Путина с представителями общественных и патриотических организаций (2 февраля и 26 апреля 2023 г.). Так, по итогам встречи 26 апреля Президентом были даны поручения Правительству РФ определить совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ тематические маршруты, связанные с событиями Великой Отечественной войны, и включить их в федеральную целевую программу (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» [9]. Уточним, что в Концепции ФЦП к приоритетным видам туризма отнесены культурно-познавательный (как ранее подчеркивалось, по своей сути охватывающий и патриотический туризм), активный, оздоровительный, круизный и экологический туризм [4].

Отметим наличие вкладки «Патриотические маршруты» на официальном сайте Минэкономразвития России [7], позволяющей гражданам ознакомиться с информацией о более чем 140 туристических маршрутах по местам воинской славы в 51 регионе РФ. Можно говорить о широкой географии охвата территории России, причем в разных направлениях. Хотя, безусловно, требуются дополнительные усилия федеральных и региональных властей.

В разрезе общественно-политической повестки следует упомянуть о проекте «Навигатор Победы», запущенном Центральным музеем Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музеем Победы). Он предлагает программы патриотического туризма, представляя собой программу-конструктор. Примеры программ – «Победа ковалась в тылу», «Подвиг Армии», «Подвиг Народа», «Битва за Москву» и др. [11].

Музей Победы выступил также инициатором создания Всероссийской Ассоциации патриотического туризма, что рассматривается в контексте совершенствования внутреннего туризма, направленного на патриотическое

воспитание граждан. В дополнение к названным упомянем о проектах «Героями славится земля Белгородская», «Огненное кольцо Малой земли», «Зоя. Живи и помни», «Поклонимся великим тем годам» [8]. Предусмотрено множество других маршрутов.

В военно-историческом и культурном измерениях патриотического туризма огромный потенциал сосредоточен в плоскости интеграционного и межрегионального взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь. Здесь наработаны многие проекты и позитивный опыт, что стимулируется прежде всего общностью идентификационных параметров и позиций по проблематике исторической памяти. Представляются насущными внедрение в данную сферу инструментария союзных программ, финансируемых из бюджета Союзного государства, активизация деятельности Комиссии Парламентского Собрания по молодежной политике, спорту и туризму, расширение межрегионального и приграничного сотрудничества в данной области.

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правительства Российской Федерации, 24 декабря 2021 г., № 2439 : с изменениями и дополнениями // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/403336467/>. – Дата доступа: 15.09.2023.
2. Заседание комиссии Госсовета по направлению «Туризм, физическая культура и спорт» [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/administration/70955>. – Дата доступа: 15.09.2023.
3. Козловская, Д. И. Патриотический туризм как средство воспитания и образования молодежи / Д. И. Козловская, С. Н. Козловская // ЦИТИСЭ. – 2021. – № 4(30). – С. 309–324.
4. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)»: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 5 мая 2018 г., № 872-р : с изменениями на 11 июля 2019 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/557414759>. – Дата доступа: 15.09.2023.
5. О проекте [Электронный ресурс] // Больше, чем путешествие. – Режим доступа: <https://morethantrip.ru/about>. – Дата доступа: 15.09.2023.
6. Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf. – Дата доступа: 15.09.2023.
7. Патриотические маршруты [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/patrioticheskie_marshruty/. – Дата доступа: 15.09.2023.
8. Патриотические проекты [Электронный ресурс] // Навигатор Победы. – Режим доступа: <https://victorynavigator.ru/patrioticheskie-proektyi/>. – Дата доступа: 15.09.2023.
9. Перечень поручений по итогам встречи с представителями общественных патриотических и молодежных организаций [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71013>. – Дата доступа: 15.09.2023.
10. Перечень поручений по итогам заседания Президиума Госсовета [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69735>. – Дата доступа: 15.09.2023.
11. Программы патриотического туризма [Электронный ресурс] // Навигатор Победы. – Режим доступа: <https://victorynavigator.ru>. – Дата доступа: 15.09.2023.
12. Совещание по вопросам развития туризма [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71547>. – Дата доступа: 15.09.2023.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента РФ, 2 июля 2021 г., № 400 // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/401425792/>. – Дата доступа: 15.09.2023.
14. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации, 20 сентября 2019 г., № 2129-р : с изменениями на 7 февраля 2022 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561260503>. – Дата доступа: 15.09.2023.

Бекленищева М.В.
МУЗЕИ МАЛЫХ ГОРОДОВ КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИИ)¹

Ключевые слова: побратимские связи, города-побратимы, музеи малых городов, Свердловская область.

Окончание Второй Мировой войны и становление биполярного мира способствовало развитию и диверсификации различных форм международного гуманитарного сотрудничества. Одним из ключевых направлений парадипломатии стало развитие побратимских связей. Особое значение здесь уделялось именно малым городам, неискушенным интернациональными контактами. В этом плане опыт именно Свердловской области, – региона, не имеющего внешних границ с иностранными государствами, базовой отраслью экономики которого было промышленное производство и, в частности, ОПК, является весьма показательным.

В 1966 году, в соответствии с постановлением ЦК КПСС, были установлены побратимские связи между Свердловской областью и Западночешской областью Чехословакии. Кроме того, породнились пять пар городов указанных регионов [1, с. 152]. Это означало новый этап в истории области. Одни из первых были налажены официальные контакты: начались обмены партийными и комсомольскими делегациями, в этом процессе были активно задействованы предприятия, участвовавшие в приеме иностранных делегаций. В ходе первого визита Западночешской делегации в июле 1966 года было создано Свердловское областное отделение Общества советско-чехословацкой дружбы. Это, в свою очередь, способствовало развитию гуманитарного сотрудничества: культурных, спортивных, научных обменов, а также туризма. Как отмечают жители малых городов – участники событий: «Побратимским связям и советско-чехословацкой дружбе придавалось большое значение и отношение к этой теме было уважительным и даже трепетным. В кабинетах руководителей предприятий, секретарей партийной организации завода всегда были вымпелы, символы дружбы» [2].

С течением времени появлялись новые формы взаимодействия. К примеру, настоящей визитной карточкой побратимских связей стали школьные обмены во время летних каникул. Если в 1971 году в первых обменных группах было по 15 человек, то к концу 1980-х это число приблизилось к 1000 с каждой стороны ежегодно. Огромный пласт жизни провинциальных городов оставил свой след в музеях – краеведческих, школьных, музеях предприятий.

В фондах музеев Свердловской области отложилось значительное количество материалов по побратимской тематике: фотографии, фотоальбомы о поездках в Западночешскую область и о приеме делегаций на Среднем Урале; значки, сувениры из дерева, керамики, пластика и пр. с символикой городов. Примечательно, что у каждого города была своя сувенирная продукция, передававшая его особенности. Отложились в фондах музеев куклы в национальных чехословацких костюмах, куклы-марионетки, игрушки, пластинки с песнями чешских композиторов, книги и альбомы, в т.ч. подарочные издания, буклеты предприятий, учреждений, курортов; открытки, салфетки и фарфор с символикой побратимских связей, многочисленные памятные медали, посвященные советскому воину-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти».

освободителю и победе в Великой Отечественной войне, газеты, привезенные из Западной Чехии, документы, касающиеся подготовки к встрече делегаций, письма жителей региона-побратима свердловчанам и т.д.

Так, фактически музеи малых городов Среднего Урала являются хранителями культурного наследия истории дружбы, продолжавшейся 25 лет. Вместе с тем, обращение к теме побратимских связей музеями малых городов Свердловской области, ее исследование и популяризация, до 2020 года носили точечный несистемный характер по ряду причин. Во-первых, отсутствие ориентиров и установок на уровне государственной политики. Речь, в частности, о том, что в 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О музейном строительстве в РСФСР», в котором была отмечена неудовлетворительная идеологическая работа музеев и подчеркивалась необходимость их переключения на воспитание трудящихся. Вслед за этим Президиум ВЦИК выпустил циркуляр «О выявлении и охране памятников революционных движений», определивший основную задачу музеев. Она состояла в том, чтобы в экспозициях в первую очередь были представлены революционное движение и современность, мыслившаяся как строительство социалистического общества. В 1930 г. Главполипросвет РСФСР принял постановление «О музеях и политпросветработе». С этого времени музей рассматривался как «политико-просветительный комбинат» [4, с. 106].

Музеи активно включались в политико-просветительную деятельность государства, что в дальнейшем было закреплено в официальных документах.

11 января 1954 года выходит постановление Совета министров РСФСР № 84 «О серьезных недостатках в работе краеведческих и мемориальных музеев Министерства культуры РСФСР и мерах улучшения их деятельности», где говорится о том, что ответственных исполнителей нужно обязать «улучшить коренным образом экспозиции краеведческих музеев, организовав в них отделы советского периода и дореволюционного прошлого» [3, с. 184]. В настоящее время действующий федеральный закон не акцентирует внимания на идеологической составляющей. С одной стороны, это не ограничивает музеи, в т.ч., хронологическими рамками, с другой стороны, может влиять насубъективность подходов в вопросах определения приоритетов экспозиционной и научной деятельности музеев.

Во-вторых, существует, особенно в малых городах, проблема восприятия. История периода после окончания Великой Отечественной войны слабо воспринимается как часть исторического наследия. Стоит обратить внимание на то, что в абсолютном большинстве краеведческих музеев малых городов России в настоящее время постоянная экспозиция завершается 1945 годом. Период продолжительностью почти 80 лет практически не представлен.

В-третьих, проблема недостатка помещений у музеев, в т.ч. выставочных площадей.

Взаимодействие автора настоящей работы на системной основе с музеями различных форм собственности малых городов Свердловской области по истории культурного наследия побратимских связей приняло следующие формы. В первую очередь, были оцифрованы отдельные фотографии и фотоальбомы из фондов музеев по указанной тематике, созданы цифровые образы многих сувениров, все это было положено в основу виртуального выставочного проекта «Символы дружбы: побратимские связи Свердловской области и Западночешской области Чехословакии в 1966–1991 гг.» [5]. На площадках краеведческих музеев 5 малых городов Свердловской области, имевших город-побратим, проведены индивидуальные встречи и круглые столы с участниками побратимских связей.

Такие встречи позволили идентифицировать часть людей, запечатленных на фотографиях, и способствовали пополнению фондов музеев артефактами из личных архивов жителей городов. В ходе встреч велась аудиофиксация для последующей расшифровки и введения в научный оборот новых источников.

Подводя итоги отметим, что за прошедшие три года культурное наследие побратимских связей Свердловской и Западночешской областей стало превращаться из объекта в субъект, способствуя выработке комплексных подходов репрезентации позднесоветского периода в экспозициях музеев малых городов.

1. Бекленищева, М. В. Практики дружбы: коллективная память о побратимских связях Свердловской области СССР и Западночешской области Чехословакии / М. В. Бекленищева, О. Н. Шихова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 148–160.
2. Интервью Ардышев В.М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/index.html#/9/11>. – Дата доступа: 09.10.2023.
3. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1960. – Дополнительный том. – М. : Можайский полиграфический комбинат, 2012. – 640 с.
4. Рязанцев, Н. П. Ярославский художественный музей в 1930–1960 гг. / Н. П. Рязанцев, Ю. Г. Салова // Музей – памятник – наследие. – 2017. – № 2. – С. 105–119.
5. Символы дружбы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/index.html#/>. – Дата доступа: 09.10.2023.

Бондарева Е.М.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА
(ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ЛАРИСЫ НАУМОВНЫ БРУЕВОЙ)

Ключевые слова: поисковые отряды, воинские захоронения, экспедиции, вахты, увековечение памяти, военно-патриотическая работа, документы.

В феврале 2022 г. в дар учреждению «Государственный архив Витебской области» от Ларисы Наумовны Бруевой, руководителя общественного объединения «Белорусская республиканская ассоциация «ПОШУК» (ОО БРА «ПОШУК»), были переданы документы, собранные за годы поисковой деятельности. Мероприятие проходило в государственном учреждении дополнительного образования «Витебский областной дворец детей и молодёжи» в рамках завершения месячника военно-патриотической работы с учащимися и молодёжью, который ежегодно проводится главным управлением по образованию Витебского облисполкома. Кстати, именно Лариса Наумовна 25 лет назад выступила инициатором организации таких месячников [1].

Бруева Лариса Наумовна (Нахимовна) родилась 24 февраля 1951 г. в г.Витебске. Окончила Витебское профессионально-техническое училище № 96 радиотехники (Витебское ПТУ № 96 радиотехники) и Витебский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова (физико-математический факультет).

С 1969 г. по 1990 г. Л.Н. Бруева работала мастером производственного обучения в Витебском ПТУ № 96 радиотехники (теперь – учреждение образования «Витебский государственный профессионально-технический колледж машиностроения имени М.Ф. Шмырева»), а с 1990 г. по 2009 г. – в Витебском областном объединении по организации внешкольной работы с детьми и подростками (теперь – государственное учреждение дополнительного образования «Витебский областной дворец детей и молодёжи») в должности заместителя директора [2, с. 37–38].

В 1969 г. Лариса Наумовна организовала в Витебском ПТУ № 96 клуб «Искатель», который поначалу был просто туристским, но вскоре стал военно-патриотическим, то есть клубом, в основе деятельности которого лежала поисковая и исследовательская работа по тематике Великой Отечественной войны, увековечению памяти защитников Отечества. В 1983 г. членами клуба «Искатель» было принято решение создать музей 953-го Витебского штурмового авиаполка. Был начат сбор материалов о боевом пути авиаполка. В результате многолетней кропотливой работы в Витебском ПТУ № 96 был создан музей авиаполка. Многочисленные письма ветеранов 953-го Витебского штурмового авиаполка, их воспоминания и другие материалы помогли членам клуба в подготовке и проведении многодневного велопохода по местам боёв авиаполка по маршруту Витебск – Минск – Вильнюс – Каунас – Калининград в апреле 1985 г. Альбом-дневник этого велопохода был удостоен первого места во Всесоюзном конкурсе на лучший туристический поход. В 1990 г. музею было присвоено звание народного [3, л. 1–5].

Активно включившись во Всесоюзное поисковое движение, члены клуба «Искатель» начали принимать участие в проведении Вахт Памяти, во время которых проводилась кропотливая, тяжёлая работа по поиску и подъёму останков павших защитников Отечества, уход за воинскими захоронениями. В 1989 г. 10 членов клуба «Искатель» во главе с Ларисой Наумовной приняли участи в первой Всесоюзной Вахте Памяти под Новгородом. Члены «Искателя» пять раз становились участниками Всесоюзных слётов победителей похода по местам славы советского народа.

По инициативе Л.Н. Бруевой в 1990 г. на базе клуба «Искатель» было создано Витебское областное историко-патриотическое объединение «ПОШУК» (производное от «поисковые отряды школ, училищ, клубов»). Председателем объединения стала Лариса Наумовна.

С 26 апреля по 10 мая 1991 г. недалеко от д. Орлово Октябрьского сельсовета Витебского района членами объединения была организована и проведена первая в Белоруссии Вахта Памяти. Совместно с солдатами Полоцкого гарнизона были подняты и перезахоронены в мемориальном комплексе в д. Шапуры Октябрьского сельсовета Витебского района останки более 400 погибших воинов [4, л. 171–172].

С целью координации деятельности поисковых отрядов области и республики назрело решение о создании республиканской ассоциации поисковых клубов. 4 марта 1994 г. на базе Витебского областного историко-патриотического объединения «ПОШУК» было создано общественное объединение «Белорусская республиканская ассоциация «ПОШУК» (ОО БРА «ПОШУК»). В соответствии с Уставом, зарегистрированным Министерством юстиции Республики Беларусь 14 марта 1995 г., основными целями общественного объединения являлись: сохранение и увековечение памяти павших защитников Отечества и жертв войн; воспитание подрастающего поколения на принципах высокой гражданственности и патриотизма, формирование его активной жизненной позиции [5, л. 9].

До 1995 г. поисковиками Беларуси было поднято и перезахоронено около шести тысяч павших защитников Отечества, по архивным данным и в ходе поисков установлены имена более восемнадцати тысяч павших защитников Отечества, сведения о которых переданы в редколлегии книг «Память». Поднято из озёр и болот Витебской области 9 самолётов, установлены имена членов погибших экипажей. Поднятая из р. Лучёса башня танка Т-70 установлена на постамент возле средней школы № 43 г. Витебска. Поднятое из озера артиллерийское орудие ЗИС-3 передано на хранение Витебскому областному краеведческому музею. Дви-

гатель самолёта ИЛ-2, поднятый в 1985 г. из Бернского озера (д. Поляи Витебского района), передан Центральному музею Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (г. Москва) и установлен на восстановленный самолёт.

С 1995 г. в соответствии с законодательством Республики Беларусь поисковики утратили право вести самостоятельно полевые работы на местности по поиску неучтённых воинских захоронений и подъёму боевой техники. В 2005 г. поисковикам Беларуси было разрешено вести раскопки на местах боёв совместно с поисковым батальоном Министерства обороны Республики Беларусь.

ОО БРА «ПОШУК» в качестве коллективного члена входило в Международную ассоциацию общественных поисковых объединений (МАОПО) «Народная память о защитниках Отечества». Члены ОО БРА «ПОШУК» активно участвовали в совместных белорусско-российских мероприятиях по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны. По представлению ОО БРА «ПОШУК» более 200 поисковиков Беларуси были награждены почётными знаками Министерства обороны Российской Федерации «За активный поиск», грамотами и почётными знаками Координационного совета Международного союза «Содружество общественных организаций ветеранов независимых государств», Российского комитета ветеранов войны и военной службы, другими наградами.

С февраля 2006 г. Л.Н. Бруева находится на пенсии по возрасту, но она по-прежнему проводит огромную общественную работу. Много внимания уделяет вопросам установления имен павших защитников Отечества. На основании архивных данных ею подготовлен список 517 экипажей самолётов 1-й и 3-й Воздушных Армий, не вернувшихся с боевого задания с территории Витебской области. В настоящее время, ведя ежедневно исследовательскую работу в Интернете на сайте ОБД-Мемориал, ей удалось создать картотеку на 805 лётчиков, считавшихся «пропавшими без вести», которые погибли на территории Республики Беларусь и в пограничных областях Российской Федерации. Ларисой Наумовой составлена и передана Управлению по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны Республики Беларусь подробная картотека почти на 2000 воинов, погибших на территории Витебской области.

Л.Н. Бруева автор многочисленных публикаций в областной и республиканской прессе. Ею были подготовлены и изданы различные методические пособия по вопросам патриотического воспитания детей и молодёжи. В 2004 и 2005 гг. Лариса Наумовна была награждена дипломами первой степени Министерства образования Республики Беларусь за участие в республиканских выставках учебно-методической литературы и педагогического опыта. В 2005 г. была награждена дипломом управления по делам молодёжи Федерального агентства по образованию Российской Федерации за участие в литературном конкурсе «Без вести павшим возвращаем имена».

Огромный опыт поисковой деятельности, патриотического воспитания молодёжи отражён Ларисой Наумовой в её книге, изданной в 2009 г., «Пока не похоронен последний павший солдат...», которая является летописью поискового движения Витебской области. Книга содержит иллюстрации, архивный материал, воспоминания участников войны и очевидцев боёв.

В 2011 г., возглавив комиссию по увековечению памяти защитников Отечества Витебского областного совета ветеранов, Лариса Наумовна разработала программу и методические рекомендации областной научно-исследовательской экспедиции «Не было безымянных солдат...», посвящённой 70-летию освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков. С целью организации

работ в районах Витебской области по реализации «Государственной программы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн на 2011–2014 годы», она приняла активное участие в проведении пяти зональных семинаров-совещаний. По заявкам администраций районов области неоднократно проводила практические занятия по методике ведения исследовательских работ при создании районных и областного автоматизированных банков данных «Книга памяти граждан, погибших при защите Отечества» [6, с. 10].

В 2019 г. Л.Н.Бруева издала книгу «Сберегающий память поколений (о ветеране Великой Отечественной войны Терещенко Викторе Демьяновиче и воинском мемориале имени Ленинского Комсомола в п. Копти Витебского района)». Уникальность этого издания заключается в том, что в нём указаны фамилии погибших воинов, установленные поисковиками при проведении Вахт Памяти по найденным солдатским медальонам, наградам, вещественным реликвиям, архивным документам. Книга была издана при финансовой поддержке Марины Валентиновны Фроловой – руководителя арт-студии «Семейная хроника» (г. Москва), которая на собственные средства реконструировала мемориал «Адаменская горка» в г.п. Лиозно Витебской области, где покоятся более 800 красноармейцев, в их числе дядя Марины Фроловой – младший лейтенант Николай Лашков.

В Государственном архиве Витебской области из переданных Л.Н. Бруевой документов был сформирован её личный фонд под названием «Бруева Лариса Наумовна – руководитель общественного объединения «Белорусская республиканская ассоциация «ПОШУК» (ОО БРА «ПОШУК»), Витебского регионального центра героико-патриотического воспитания молодёжи «ПОШУК» (Центр «ПОШУК») при учреждении культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва», председатель комиссии по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Витебского областного совета ветеранов, член Координационного совета Международной ассоциации общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества», ветеран поискового движения» (фонд № 575) в количестве 45 дел (827 документов) за 1985–2022 гг.

Среди документов фонда имеются макеты подготовленных Л.Н. Бруевой книг, методические рекомендации по поиску неучтённых воинских захоронений, а также уникальные документы о поисковой деятельности и увековечении памяти защитников Отечества. Это сведения о советских солдатах, останки которых найдены поисковыми отрядами в Витебской области за 1985–2021 гг., отчёты и протоколы поисковых отрядов, акты эксгумации, а также программы, сводные протоколы, творческие работы участников эстафет Памяти, документы по истории создания памятника лётчикам у Вороновского кольца магистрали Витебск – Смоленск, музея 953-го Витебского штурмового авиаполка в Витебском ПТУ № 96, мемориала имени Ленинского комсомола в п. Копти (Витебский район) и др.

Документы о деятельности поисковиков Витебской области доступны широкому кругу исследователей.

1. Учреждение «Редакция областной газеты «Витебские вести» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vitvesti.by/obshestvo/v-vitebske-sostoiatsia-mesiachnik-voenno-patrioticheskoi-raboty.html>. – Дата доступа: 01.09.2023.
2. Півавэр, М. В. Краязнаўцы Віцебшчыны другой паловы XX – пачатку XXI ст. : біябібліяграфічны даведнік / М.В.Півавэр. – Мінск: Кнігазбор, 2010. – 372с.
3. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО). – Ф.575. Оп.1. Д.36.
4. ГАВО. – Ф.575. Оп.1. Д.1.
5. ГАВО. – Ф.575. Оп.1. Д.33.
6. Князева, Е. Никто не забыт, ничто не забыто / Е. Князева // Народные слова. – 2013. – 8 мая.

Бувич Т.В.

ОЦИФРОВКА «ОСОБО ЦЕННЫХ» АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГОСАРХИВЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: ТРЕБОВАНИЯ, ПЛАНИРОВАНИЕ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: сканер, оцифровка, архивы, «особо ценный документ».

С внедрением в архивную практику автоматизированных технологий на одно из первых мест вышла работа по переводу архивных документов на традиционных (бумажных) носителях в электронный вид.

Цель данной работы – создание банка данных цифровых копий документов постоянного срока хранения для исключения пользования оригиналов архивных документов, в частности, «особо ценных» (ОЦД) и старых, возрастом свыше 90–100 лет. Подобный банк данных именуется ФП(ЦК) – Фонд пользования (цифровые копии). При этом следует помнить, что данные документы содержат мало-контрастные символы, выцветший текст, много слабонасыщенных карандашных помет, чернильных подчеркиваний. Документы составлены на некачественной (папиросной, кислотной) бумаге, в том числе на серой, желтой бумаге, оборотной стороне обоев, старого картона и т.п.

В основе требований к характеристикам оборудования для оцифровки архивных документов лежат «Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий», утвержденные приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 27.12.2007 № 56 [2] и «Методические рекомендации по определению приоритетности и принципов оцифровывания документов с учетом их значимости для истории развития белорусского государства и общества», утвержденные приказом директора этого же Департамента 02.12.2022 № 46 [3].

Методическими рекомендациями установлены требования к минимальному разрешению (dpi) размера знака для скана документа – 300 – 400 dpi. В то же время для чертежей, карт, высококонтрастных документов и рукописного мелкого текста (которого в старых документах значительное количество) установлено требование 600 dpi. Этот же размер используется архивом при сканировании документов для виртуальных выставок, для публикации документов в сборниках документов, при подготовке монтажных листов для выставок на стендах.

Более того, в ходе сканирования старых документов производится восстановление угасшего (полностью выцветшего) текста (по незначительным следам, оставленным краской или печатной машинкой на бумаге). После чего документ с восстановленным текстом подшивается в деле рядом с оригиналом и становится доступным для изучения исследователей.

Кроме того, в соответствии с пунктом 98 «Правил работы государственных архивов», утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 31 августа 2022 г. № 119, защита архивных документов отразрушающего действия естественного и искусственного света должна предусматриваться при любых видах работы с документами [4]. Поэтому необходимо однократное оцифровывание архивных документов и с помощью оборудования, не способного нанести вред.

Нормативные документы предполагают создание цифровых копий документов, пригодных для долговременного хранения, и их использование в качестве доказательств. Например, в рамках расследования Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отече-

ственной войны проводится оцифровывание документов, отражающих деятельность немецко-фашистских военных формирований и органов власти в 1941–1944 гг. Цифровые копии архивных документов должны обладать таким уровнем качества, которое обеспечивало бы им безусловный статус доказательной базы.

Цифровая копия архивного документа считается качественной, если при ее отображении на экране монитора или распечатке получается практически идентичная копия бумажного документа, точно воспроизводящая все линии, знаки, символы, тональность и цвет. Допускается только незначительное изменение тона, при этом запрещена ручная обработка документов, изменение его характеристик, в том числе и цветовых. Для такого сканирования оптическая система сканера должна обеспечивать съемку свысокой детализацией, асистема освещения создавать максимально равномерную освещенность оригинала и гарантировать высочайшие характеристики полученным цифровым копиям.

Качество цифровой копии архивного документа контролируется не только в архиве, сразу после получения цифровой копии, но и на стадии описания файла, его учета. Дополнительный контроль качества осуществляет Государственное учреждение «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации» при приеме цифровых копий на резервное постоянное хранение.

Иными словами, столь высокие требования к цифровой копии исключают использование в работе непрофессиональных (бюджетных потребительского уровня) сканеров, которые изначально не обладают повышенной чувствительностью: они просто не способны передать слабоконтрастные и затухающие тексты. Сканеры потребительского уровня при использовании разрешения свыше 150 dpi в большинстве случаев "галлюцинируют" детали и дают искажение документов, создают, так называемые, «шумы», зато «рисуют» светотени взамен текста, например, при сканировании оригинала на мятой папиросной бумаге. Стоит отметить, что в действующих нормативных документах специально подчеркивается, что выбор более экономичного аппаратного устройства, не способного удовлетворять всем требованиям по созданию цифровой копии архивного документа, неизбежно влечет за собой риск нанесения непоправимого вреда архивным документам, а также сокращению шансов на создание качественной копии.

Построенные на основе матрицы, как в цифровых камерах, или линейек контактного типа CIS, непрофессиональные (бюджетные) сканеры неравномерно освещают документ при сканировании (центр освещен больше, края меньше). Поэтому необходимо «улучшать» его внешний вид (удалять части изображения, корректировать символы, «дорисовывать» недостающие элементы), а это является вмешательством в документ. Следовательно, цифровая копия теряет свою юридическую силу, а это противоречит действующей нормативной базе; и поэтому, например, для выдачи копии по заказу организации или исследователя необходимо будет либо вновь проводить повторное сканирование на профессиональном оборудовании, либо делать архивные копии и выписки на бумажном носителе. А это противоречит основному требованию – закрыть оригинал от воздействия негативных внешних факторов.

Стоит также учесть уже имеющийся опыт архивов республики по оцифровке, который демонстрирует, что создание ФП(ЦК) процесс длительный. При этом анализ последнего десятилетия показал, что операционные платформы ПЭВМ меняются, а разработчик не учитывает необходимость поддержки периферийного оборудования. Например, платформа Windows в 2009–2021 гг. разработала три версии [5]. При этом периферийное оборудование, которое было приобретено до

2010 года уже не совмещается с актуальными версиями. А старые версии операционных систем не устанавливаются на современных компьютерах.

Мировой опыт показал, что наиболее оптимальным при сканировании архивных документов является использование сканеров, работающих на основе технологии сканирования CCD (CCD-линейка), которая обладает высокой разрешающей способностью, наиболее оптимально передает глубину резкости и цвета. Кроме того, сканеры на основе CCD-линейки имеют более долгий срок службы в сравнении с непрофессиональными сканерами и исключают затраты на замену запчастей, что немаловажно для бюджетных организаций, каковыми являются архивы.

Общий объем хранящихся в архиве дел на 01.01.2023 – 1366539 дел[1]. Условный общий показатель, необходимый к оцифровке, на сегодняшний день в Госархиве Витебской области составляет 451984995 электронных страниц (эс)[1]. Этот расчетный показатель взят за основу при определении нагрузки на сканирующее оборудование. При этом следует иметь в виду, что ежегодно архив пополняется не менее 10 тыс. дел (условных 2550000 бумажных листов). С учетом уже выполненных работ (3837 дел) [1] и планируемых в ближайшей перспективе к оцифровке 63 217 (8217 + 55000) дел, дальнейшая перспектива видится в оцифровке не менее 1299659 дел.

Таким образом, объемы плановой и перспективной оцифровки составят 449749080 эс (2711610 эс «ОЦД»+ 18150000 эс периода немецко-фашистской оккупации (1941–1945 гг.) (в рамках сотрудничества с Прокуратурой Витебской области о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны) + 428887470 эс остальная часть документов архива). Также выполняются разовые работы (по сканированию отдельных листов документов для выставок, по заказам исследователей и т.п.), что увеличивает показатель количества цифруемых страниц.

При этом в течение последних трех лет в Госархиве Витебской области сканируется ≈145 тыс. страниц. Эта отчетная цифра без учета отбракованных проходов. Такой объем срабатывания затвора, например, в цифровых камерах фотоаппаратов профессионального типа типа Canon, Nikon и др. которые используются для оцифровки в составе планетарных сканерах, например, доступного сегодня на отечественном рынке производителя «Metis EDS Gamma» (Италия), приведет к тому, что в сканерах данной марки необходимо ежегодно будет менять основной сканирующий элемент, что предполагает весьма значительные затраты.

Очевидно, что объем весьма значителен. Поэтому упор делается на профессиональные сканеры.

В настоящий момент наиболее оптимальными в архивах республики показали себя планетарные сканеры Корпорации ЭЛАР. Данная организация видит одним из направлений работы изготовление профессиональных сканеров (повышенной прочности) для библиотек и архивов с целью оцифровки именно старых и ветхих документов. В них самих реализована поддержка Linux. Камеры Элар являются уникальной разработкой Корпорации и не используют механический затвор: сканирование происходит лазером. Все это обеспечивает высокое качество сканирования без последующей обработки/корректировки/изменения изображения.

В архивной системе Беларуси сканеры опробованы в нескольких архивах. Оцифровка в архиве начата с 2004 г. силами Государственного учреждения «Республиканская лаборатория цифрового копирования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь». До 2017 г. всего было оцифровано всего 80593 эс, т.е. в среднем 3,5 тыс. эс в год (показатель варьировался от 457 до 17448 эс) [1].

Первый профессиональный сканер Госархив Витебской области приобрел в конце 2017 г. Это был Планетарный сканер Элар ПланСкан А2ВЦ-600. И с 2018 года оцифровка началась собственными силами. В результате показатель резко вырос: в 2018 г. – 87488 эс, 2019 г. – 89837 эс, 2020 г. – 87896 эс, 2021 г. – 135184 эс, 2022 г. – 151804 эс, 2023 г. – 112528 эс. В текущем году за 9 месяцев отсканировано 112528 эс [1].

На сканере работало 4 штатные единицы, таким образом, ежедневно техника находится в активном состоянии (непосредственном процессе сканирования) от 70 до 100% рабочего дня. Но за истекшие шесть лет он ни разу с того момента не подвергался ремонту.

О случаях критики от исследователей и работников архивов в адрес цифровых копий, полученных на сканерах корпорации ЭларПланСкан, нам не известно.

Стоит отметить, что тесное сотрудничество между корпорацией и архивными учреждениями позволяют устранять недостатки и оптимизировать затраты на сканирование при каждой последующей модификации. В результате сканеры Элар изначально дают высокое качество копии при сканировании архивных документов на некачественной бумаге, старых и ветхих документов, которые утратили контрастность, а в ряде случаев и цвет. При этом полностью исключается любое программное вмешательство. Сканер не привязан к ПЭВМ, является сетевым и передает изображение непосредственно на сервер в самых популярных, в том числе и бесплатных, форматах.

Таким образом, опыт работы по оцифровке архивных документов (в особенности комплексов, созданных до 1960 г.) показал, что в практике работы не допустимо использование бюджетных (непрофессиональных) сканеров, создающихся на основе матрицы, как в цифровых камерах/фотоаппаратах, или линейек контактного типа CIS, поскольку они не способны создавать цифровую копию архивных документов, обладающую необходимой юридической силой. Но даже при использовании высокочувствительных сканеров типа CCD-линейка сканирующий элемент не должен являться механическим, т.к. современные технологии пока исключают для такого оборудования длительный ресурс работы, что влечет за собой финансовые затраты на поддержание его в рабочем состоянии. Кроме того, сканирующее оборудование должно являться самостоятельным комплексом, не связанным с операционной платформой ПЭВМ.

В итоге, в настоящее время лидером среди профессиональных сканеров, наиболее приемлемых для оцифровки архивных документов и доступных для архивистов республики, являются сканеры Корпорации Элар. Однако стоимость его, как и любого высокопрофессионального, износоустойчивого оборудования, остается высокой, что для архивных учреждений республики, финансирующийся из госбюджета, остается серьезным препятствием.

Подводя итог работы по оцифровке документов Госархивом Витебской области следует отметить, что за 2004–2023 гг. оцифровано 3837 дел по 92 фондам [1], что составляет менее 1%. В составе ФП(ЦК) учтено 657434 электронных страниц [1] (всего 0,15%) из 449749080 расчетных к оцифровке.

Иными словами, вести разговор о сплошной оцифровке документов архива в обозримом будущем не приходится. Оцифровать комплекс документов «ОЦ» и оккупационного периода (1941–1945 гг.) возможно было бы в течение 150 лет.

Поэтому в текущем году архивом приобретен второй сканер Элар ПланСкан. При этом стоит отметить, что при проведении закупки архивом не заявлялась конкретная марка оборудования. Были установлены только требования к качеству

цифровой копии и к износостойкости оборудования при максимальной нагрузке. В результате из предложенных вариантов стало ясно, что на рынке республики пока не появилось оборудования, способного конкурировать с профессиональными сканерами Элар в области сканирования именно архивных документов.

1. Автоматизированная информационная система государственного архива: Модуль «Учет» [Электронный ресурс] // Учреждение «Государственный архив Витебской области» (Госархив Витебской области). – AISSERVER. - 1 электрон. опт. диск.
2. Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий [Электронный ресурс]: утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, 27.12.2007, № 56 : с изменениями, внесенными приказами директора Департамента, 06.02.2009, № 4, 02.04.2013, № 14, 25.09.2015, № 35 // Архивы Беларуси – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 27.09.2023.
3. Методические рекомендации по определению приоритетности и принципов оцифровывания документов с учетом их значимости для истории развития белорусского государства и общества [Электронный ресурс] : утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, 02.12.2022, № 46 // Госархив Витебской области. – Server-data. Папка «Общая важное». Папка «Методические рекомендации по оцифровыванию».
4. Правила работы государственных архивов [Электронный ресурс] ; утверждены постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь, 31 августа 2022 г., № 119 // Госархив Витебской области. – Server-data. Папка «Общая важное». Папка «Правила работы».
5. Microsoft [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.microsoft.com/ru-by>. – Дата доступа: 15.09.2023.

Ван Мэнжун

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ДРЕВНЕМ КИТАЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Ключевые слова: художественный образ, древний Китай, живопись, философия Дао, принцип простоты, духовный.

Древнекитайские художники часто придавали предметам духовный подтекст, стремились воплотить в них собственный духовный мир, и, используя языковые символы, применяли философские идеи в качестве содержания произведения, формировали их художественные образы. Древние живописцы с помощью своих произведений выражали свои переживания, и философские размышления о жизни. Для китайских художников особенно важна концентрация на передаче субъективных эмоций и мыслей, на создании символической образности [1, с. 8].

При создании произведений художники не стремятся к достоверности художественных образов, но в то же время природные объекты в их произведениях узнаваемы. Через образы природы живописцы выражают свои эстетические идеалы, используя ограниченное пространство картины [2, с. 258]. Художники считают, что перенасыщенные образами картины, а также те произведения, в которых художественный образ занимает все их пространство, являются вульгарными и безвкусными.

В древнекитайском искусстве художники всегда пытались передать свои чувства и духовный мир через простые формы. К примеру, для всех изображенных объектов древние китайские художники выбирали только черный и белый цвета (монохромная классическая традиция рисунка тушью). Это отвечает принципу простоты в выборе образности. Кроме того, китайские художники оставляли незаполненной часть картины, что было результатом следования художником принципу простоты в композиции [3, л. 36].

Принцип простоты стал основой глубины содержания и изысканной техники. Принцип простоты не подразумевает непродуманного поверхностного содержания в картины. Напротив, он означает глубокий смысл композиции и образного строя произведения.

Принцип простоты воплощает диалектической философской теория Лао-Цзы, согласно которому меньшее – это большее, а большее – это меньшее. Поэтому, когда художник изображает мало предметов, то зритель больше думает, расшифровывая символику образов. А когда на картине изображено много образов, то мыслить зрителю не приходится: он усвоил содержание, изображенное художником, а додумывать внутренний смысл произведения не представляется обязательным.

Все материальные вещи рождаются из небытия и все существующее происходит из Дао, – говорится в трактате Лао-Цзы «Дао де цзин» [4, с. 91]. Дао порождает единицу (исток) материального и нематериального мира (太极 – великий предел), единица порождает два – Инь и Ян (阴阳 – женское и мужское начала), которые, придя в движение, умножаются и порождают весь проявленный (имманентный) мир (万物).

То есть Дао – это первоначало, божественная пустота, и энергия, из которой состоит весь творческий процесс. Это означает, что если человек стремится к первоисточнику энергии (то есть к Дао), то у него появляется больше творческих мыслей, воображения и возможности их воплощения. Поэтому идеалом творчества китайского художника считается пребывание в состоянии духовной наполненности, или «пустоты». Поддержка состояния «пустоты» в художественном творчестве означает, что художники не гонятся за сложностью и завершенностью

формы, максимально следуя принципу простоты, и стремятся выразить содержание своего произведения в ограниченном количестве образов.

В традиционной китайской пейзажной живописи художник субъективно обобщает и преобразует природу в художественные образы и языковые символы. Цель художника – использовать образы природы для выражения «Дао», или «божественности», или «смысла», заключенного во Вселенной и природе. Поэтому в пейзажи в китайской живописи обладают глубоким символизмом, поскольку каждое изображенное растение имеет смысл символа. Например, образ бамбука символизирует духовную силу, позволяющую противостоять обстоятельствам жизни; орхидея – символ весны, чести, чистоты помыслов и благородства.

Примером создания художественного образа в древнем китайском искусстве является произведение Чжэн Се «Бамбук и камень». Чжэн Се был художником-мыслителем, чьи работы свидетельствуют о его напряженной духовной жизни, поисках пути Дао и смысла творчества, внутренней борьбе с жизненными ситуациями.

**Рисунок 1. «Бамбук и камень»,
Чжэн Се, 1754 г., 217.4×120.6
см, бумага, Шанхайский музей**

Художник мыслил символами, поэтому произведение «Бамбук и камень» можно рассматривать как автопортрет, где личность самого художника изображается в

образе бамбука, растущего на скале в сложных условиях. Среди камней это растение остается прямым и стойким. Бамбук символизирует негибаемую духовную силу и волю. Чжэн Се через образ бамбука выражает свой выбор при столкновении с жизненными трудностями. Это качество – не поддаваться внешним вызовам и мужественно противостоять им – свидетельствует о высоком смысле личности и благородстве художника. Чжэн Се осмысливает свой психологический портрет (образ бамбука) и образ реального мира (образ скалы) посредством применения в технике изображения принципов простоты и «пустоты». Принцип простоты проявляется в монохромности изображения, в простых вертикальных линиях (стебли бамбука и очертание горной породы) и малой насыщенности картины изображениями. Принцип божественной «пустоты» воплощается художником символически и трактуется автором в целом – посредством поэтичности художественных образов и их глубокой традиционной символики.

Таким образом древнекитайские художники создавали художественные образы, наполненные символикой, и связанные с реальными объектами (например, природы). Эти художественные образы воплощали высокий духовный мир авторов-философов. Поэтому художественные образы древнекитайского искусства символизируют идеальные духовные качества, к которым должен стремиться каждый человек. В этом – дидактический смысл древнего китайского искусства.

1. Виноградова, Н. А. Горы – воды. Китайская пейзажная живопись / Н. А. Виноградова – М. : Белый город, 2011. – 48 с.
2. Завадская, Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая / Е. В. Завадская – М. : Искусство, 1975. – 440 с.
3. Сюй, Ин. Сила цвета : дис. ... канд. иску. наук : 17.00.09 / Ин Сюй – Китай, 2015. – 249 л. (= 许莹. 色彩的力量[D].中央美术学院, 2015年).
4. Цзянь, Сяоинь. Краткое обсуждение эстетических различий между китайским традиционным искусством и западным искусством / Сяоинь Цзянь // Журнал Гуйчжоуского ин-та национальностей: издание по общественным наукам. – 1998. – № 2. – С. 91–92. (= 蒋晓音略论中国传统艺术与西方艺术的美学差异贵州民族学院学报(社会科学版)1998年第02期91-92页).

Гавриленко К.Е.

МАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: бужские голендры, лютеране, кирха, католики, костел, кладбища, антропогенный ландшафт, жилые дома.

Цель представленной работы – на основе анализа данных источников и историографии определить, что входит в комплекс материального культурного наследия бужских голендров, а также проследить процесс формирования и сохранения этого наследия.

В настоящее время в Беларуси наблюдается рост интереса к прошлому национальных меньшинств и других социокультурных групп, которые в разные исторические эпохи проживали на территории нашей страны. С обретением Республикой Беларусь государственного суверенитета культурное наследие различных этнических групп стало активно использоваться для развития сферы туризма, в музейном деле, в образовании, а также для маркетинга. Одной из таких социокультурных групп являются бужские голендры. Изучение культурного наследия голендров невозможно без понимания специфики их исторического развития.

Впервые на территорию современной Беларуси голендры прибыли на рубеже XVI–XVII веков из Нидерландов и Северной Германии. На протяжении более чем трех столетий бужские голендры компактно проживали на территории Беларуси в бассейне р. Западный Буг (от названия реки данная социокультурная группа получила свое название), а также на соседних землях Польши и Украины [5, с. 29]. В Беларуси голендры проживали на территории современного Брестского района (Домачевский и частично Томашовский и Знаменковский сельские советы). На названных территориях голендры создали систему поселений, которые в источниках именуются «колониями». До начала Второй мировой войны на территории Беларуси насчитывалось более десятка бужских колоний, две из которых являлись материнскими (Нейдорф и Нейбров), а остальные дочерними [1, с. 3]. Бужские колонисты не являлись единственными представителями голендров на территории бывших Королевства Польского и Великого Княжества Литовского. По оценкам польского исследователя Э. Бытова в разное время существовало примерно 400 поселений (колоний) голендров [1, с. 5]. Однако именно бужские голендры смогли сохранить свой традиционный уклад жизни до начала Новейшего времени.

Слово «голендр», что означает «голландец», не следует понимать исключительно как термин этнической принадлежности. Скорее, данный термин говорит о том, что те социокультурные группы, к которым он применим, обладали специфическим социальным статусом. Название «голендр» происходит от так называемого «голландского права». Согласно положению данного права, те, на кого распространялось его действия, являлись лично свободными крестьянами. Землевладельцы предоставляли им право на пожизненную аренду наделов в своих владениях. Голендр имел право продать, подарить, разделить арендуемый земельный надел [6, с. 539]. Каждый новый пользователь арендного участка был обязан придерживаться первоначально заключенных условий. К таковым относилось уплата ежегодного чинша и выполнения нескольких натуральных повинностей. Условия между голендрами и землевладельцами фиксировались в особых договорах. К числу собственников земель, на которых находились материнские колонии, относятся Лещинские, Радзивиллы, Витгенштейны. В родовых архивах могли сохраниться договора с голендрами [1, с. 3]. Чтобы обозначить границы своих участков, бужские колонисты высаживали дубы. До наших дней сохранились значительные насаждения дуба, которые образуют прямые линии. Краевед и создатель сайта г.п. Домачево А. И. Прокопюк на своем веб-ресурсе приводит для сравнения снимки со спутника и старинные карты, где обозначены границы земельных участков голендров. Сопоставляя изображения видно, как линии, образуемые дубовыми насаждениями, повторяют границы участков. В 1984–1985 гг. территории бывших колоний приспособили для сельскохозяйственных нужд. Значительная часть дубовых насаждений были срублены, были потеряны очертания бывших участков [4].

Голендры, как пожизненные арендаторы, были заинтересованы в проведении работ по улучшению качества земли. С этой целью, колонисты активно занимались мелиорацией. На территории современного Брестского района сохранились десятки прежних мелиоративных каналов голендров [4]. Так же, фактором, повлиявшим на формирование культурного ландшафта, являются паводки. С целью минимизации их последствий в колониях строилась система дамб, заграждений, а также высаживались ивовые деревья. Следы этой гидротехнической деятельности сохранились до наших дней. Уникальным примером наследия голендров можно считать розовую акацию («Робиния клейкая» – «*Robinia Viscosa*»). Данный вид дерева не произрастает на территории Беларуси, а был завезен го-

лендрами во время своего переселения. Таким образом, благодаря сельскохозяйственной деятельности голендров, на территории Брестчины сформировался особый район со специфическим антропогенным ландшафтом, что является одним из памятников материального культурного наследия голендров.

Бужские голендры принесли на территорию нашей страны нидерландские и немецкие традиции строительства жилых домов. Подробный анализ жилых построек бужских голендров представлен в статье Яна Горака в журнале «Польское народное искусство», изданном в 1971 г. Дом голендра представлял собой лангхоф. В постройках такого типа под одной крышей размещались не только жилые комнаты, но также хозяйственные помещения (для хранения инвентаря, зерна и других запасов, а также для содержания домашних животных). С одной стороны, постройки такого типа облегчают жизнь в холодную пору года: надобность выхода на улицу сокращается до минимума. С другой стороны, жизнь «под одной крышей» с животными приводит к очевидным бытовым проблемам. Дома строили из дерева, крышу укрывали соломой. Постоянная угроза весенних паводков привела к необходимости строительства домов не только на высоких фундаментах, но также и на сваях [5, с. 29–38]. Лишь незначительные следы жилых домов бужских голендров сохранились в Беларуси, к ним относятся два кирпичных погреба и один дом на окраине д. Подлужье Брестского района, а также ещё один значительно перестроенный в незначительном отдалении от г.п. Домачево [4].

Важным фактором в формировании культурного наследия голендров можно считать их конфессиональную принадлежность. По своему конфессиональному составу голендры относились к лютеранам и католикам. При этом лютеранами являлось подавляющее большинство колонистов. Все лютеране из числа голендров являлись прихожанами кирхи Св. Троицы. В отдаленных колониях действовали филиалы кирхи, где пастор исполнял духовные обряды. Здание лютеранской кирхи находилось в материнской колонии Нейдорф (ныне это окраина г.п. Домачево). На основе анализа источников, можно утверждать, что первое здание кирхи возвели во второй половине XVII века. В 1777–1778 гг. здание кирхи было перестроено за деньги собственника этих земель князя Радзивилла [7, с. 222]. Здание представляло собой прямоугольную деревянную постройку с двухскатной крышей, небольшим куполом и своеобразной башней над входом в помещение [6, с. 540]. В период с 1939 по 1941 гг. здание кирхи перешло к пограничным войскам, в нем разместились комендатура. В первый день Великой Отечественной войны здание было уничтожено в ходе авиабомбардировки. Последние фрагменты каменного фундамента уничтожили в 2008 году. От древней кирхи сохранились колокол и две металлические люстры, которые в настоящее время используются в православной церкви Святого Апостола и Евангелиста Луки в г.п. Домачево [4]. Особый интерес представляет колокол. На внешней стороне колокола размещена надпись на немецком языке. Возможно, колокол изготовили в Восточной Пруссии в период с конца XVIII по середину XIX века, где и был приобретен для кирхи.

Лютеранская община имела свое отдельное кладбище. Подробному описанию некрополя и надгробий будет посвящена отдельная публикация, в данных тезисах будут освещены лишь отдельные аспекты. Скорее всего, в разное время использовались два кладбища. К такому выводу можно прийти на основе анализа дела о порядке устройства сельских вечных чиншовиков за 1912 год, хранящегося в Национальном историческом архиве в Гродно. В данном документе упоминается, что владелец имения Домачево на рубеже XIX–XX вв. выделил участок земли

для основания нового кладбища[3, с. 15]. Факт основания нового кладбища можно объяснить тремя причинами: 1) первое кладбище оказалось заполненным, в связи с чем потребовалось новое место для погребения; 2) во время паводков старое кладбище было уничтожено; 3) санитарные нормы Российской империи не позволяли расположение мест погребения в черте населенного пункта. В XIX веке во многих городах и местечках были заложены кладбища за пределами поселения, а старые кладбища были закрыты. Возможно, именно этот фактор повлиял на основание нового лютеранского кладбища. До наших дней дошли лишь фрагменты одного из кладбищ. По эпитафиям имеющихся надгробий видно, что сохранившееся кладбище является новым. Данное кладбище существенно пострадало во второй половине 1940-х гг., когда на данном участке производилась вырубка деревьев. В последующие несколько десятилетий надгробные плиты использовались местными жителями для хозяйственных нужд, а сохранившиеся надгробия и обломки стали медленно уничтожаться по естественным причинам (дожди, солнечные лучи, перепады температуры, рост растений). В ходе предварительного обследования территории кладбища выявлено 10 надгробных плит и более 10 фрагментов (тексты эпитафий написаны на польском языке). Полноценных исследований на территории кладбища не проводилось, возможно, что сохранились и другие надгробия (поваленные или заросшие). Важным подспорьем для проведения исследований на территории кладбища могла бы стать карта с обозначенными границами участков. В сохранении и реставрации некрополя заинтересованы потомки бужских голендров из Германии, однако, в настоящее время каких-либо конкретных действий не предпринимается.

Католики из числа бужских голендров являлись прихожанами костела Непорочного зачатия Девы Марии в Домачево (г.п. Домачево, ул. Ленина, 12). Первое здание костела было возведено в 1854 г. Нынешнее каменное здание храма построено в 1905 г. [8, с. 52]. В документах Национального исторического архива в г. Гродно сохранилась информация о том, что строительство костела стало возможно благодаря голендрам-католикам [2, с. 10]. Бужские колонисты, которые составляли большинство католического населения в данном регионе до начала межвоенного времени, выделили значительные средства на строительство храма. Таким образом, костел в Домачево является важной частью материального культурного наследия голендров. В советские времена здание костела перестроили, в нем расположился кинотеатр. В начале 1990-х гг. здание костела вернули верующим. Хотелось бы отметить, что среди прихожан и других представителей местного населения здание не ассоциируется с голендрами. В нескольких сотнях метров от здания костела располагается старое католическое кладбище. Его сохранность значительно выше, чем у лютеранского некрополя, однако, по причине ряда факторов, до наших дней дошла лишь незначительная часть надгробий. Среди сохранившихся надгробных камней есть те, которые установлены над могилами голендров-католиков. К такому выводу можно прийти, сопоставляя имена и фамилии из текстов эпитафий с именными списками колоний Нейдорф и Нейбров. В частной собственности жителей Домачевского сельского совета хранятся уникальные лютеранские молитвенники на польском языке, отпечатанные немецкими готическими буквами.

Исторические судьбы голендров оказались тесно связаны с трагическими событиями XX века. В годы Второй мировой войны бужские голендры, которых относили к немецкому этническому меньшинству, оказались вынуждены переселиться на территорию Германии [1, с. 13]. Это обстоятельство привело к опусто-

шению и разорению бывших колоний. В 1939 г. по территориям материнских колоний прошла государственная граница. Следы деятельности человека практически стали не видны – они «растворились» в природном ландшафте. Тем не менее, опираясь на приведенные выше данные, мы можем сделать вывод, что некоторые следы культурного наследия голендров сохранились до наших дней. Помимо фактора слабой сохранности комплекса материального культурного наследия можно говорить ещё и о проблеме выявления. В настоящее время недостаточно сведений (архивных и полевых), чтобы провести полноценный анализ всего комплекса наследия бужских голендров. Можно предположить, что еще некоторое количество неучтенных памятников находится на территории Беларуси.

1. Бютов, Э. Происхождение и история Бужских голендров / Э. Бютов // Тальцы. – 2004. – № 4 (23). – С. 3–22.
2. Национальный исторический архив в г. Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Ф. 2. Оп. 38. Д. 631.
3. НИАБ в Гродно. – Ф. 18. Оп. 11. Д. 98.
4. Современный Нейдорф-Нейбров [Электронный ресурс] // История колоний Нейдорф-Нейбров на Буге. – Режим доступа: <https://neubrow.domachevo.com/historu-neudorf-segodnia-ru.htm>. – Дата доступа: 02.10.2023.
5. Gorak, J. Holenderskie domy nad Bugiem / J. Gorak // Polska Sztuka Ludowa. – Т. 25, З. 1. – С. 29–38.
6. Kuhn, W. Die Anfänge von Neudorf am Bug / W. Kuhn // Deutsche Monatshefte in Polen. – 1937/1938. – № 4 (14). – С. 538–544.
7. Schultz, E. Kronika zboru ewangelicko-luterskiego Nejdorfskiego / E. Schultz // Zwiastun Ewangeliczny. – 1902. – R. 5. – С. 220–230.
8. Witowski, K. Kresy – ocalona pamięć / K. Witowski. – Konin, 2004. – 152 s.

Галкова О.В., Петрова И.А., Савицкая О.Н.
РОДНАЯ ЗЕМЛЯ КАК МЕСТО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА
(РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ М.З. ШАГАЛА, К.С. МАЛЕВИЧА,
И.И. МАШКОВА)

Ключевые слова: И.И. Машков, К.С. Малевич, М.З. Шагал, Витебск, ст. Михайловская (Нижеволжский край), русский авангард, культурное строительство в Советской России и СССР.

Идеи первой в мире социалистической революции вдохновили радикальную часть российской интеллигенции, которая восприняла свершившееся как провозглашение для себя свободы творчества. Открылась возможность воплощать в жизнь самые авангардные художественные замыслы, главной целью которых стало преодоление разрыва между искусством и жизнью, созидание новой социальной (социалистической) действительности и нового человека.

Этот поворот не был чем-то уж совсем неожиданным, а вполне соответствовал особенностям мировоззрения российской интеллигенции, которая видела свое мессианское предназначение не столько в занятии умственным трудом и творчеством, сколько в служении народу и Отечеству.

Революционные (без преувеличения) эксперименты по преобразению Витебска Марка Захаровича Шагала, Казимира Севериновича Малевича и станицы Михайловской – Ильи Ивановича Машкова выпали на разное время и территории, но имеют немало схожих характеристик.

В первом случае речь идет о крупном, густонаселенном губернском городе, возникшем еще в древнерусский период, с неоднородным национальным и профессиональным составом населения, входившим в черту еврейской оседлости. Евреи являлись здесь национальным большинством, за ними шли русские и бе-

лорусы. Для Шагала, еврея по национальности, и многих его сподвижников, одним из главных завоеваний революции было провозглашение новой национальной политики, в основе которой были идеи национального равенства, упразднение черты оседлости. Мысль о культурном возрождении своего народа окрыляла художника, давали дополнительный стимул к творчеству.

Пребывание Шагала и Малевича в Витебске выпало на первые послереволюционные 1918 – 1920-е гг. В императорской России Витебск был развитым культурным центром региона, с библиотеками, театрами, кинотеатрами, типографиями, учебными заведениями. Город, несомненно, почувствовал на себе удары Первой мировой и разгоревшейся Гражданской войн, но для его культурной жизни они не были слишком сокрушительными, позволяя многим художникам и их ученикам вести поиск новых выразительных форм искусства.

Для Шагала Витебск был Родиной, любовь к которой он пронес через всю жизнь, для Малевича он таким стал. Здесь прошло окончательное становление открытого им супрематизма как теоретической системы искусства и художественного образования, основание группы УНОВИС (Утвердители нового искусства) – самых страстных его последователей.

Во втором случае имеется в виду большая казачья станица, сопоставимая в имперский период по своему благоустройству и количеству населения с уездными городами России. Однако городская культура практически не пробилась здесь сквозь многовековую толщу традиционной народной культуры. Земляки Ильи Ивановича первоначально даже не могли определить род его занятий, так как в их лексиконе, по утверждению мастера, отсутствовало даже само слово «художник» [3].

Станица Михайловская встретила Машкова после его тридцатилетнего отсутствия неузнаваемой для него. Это было время, следовавшее за целой чередой страшных, трагических и судьбоносных для страны и этого места лет: Гражданской войны, когда станица до 30 раз переходила из рук в руки красных и белых; террора обеих воюющих сторон; рассказывания; года «великого перелома» в одном из «образцовых» округов коллективизации – Хоперском, к которому относилась Михайловская. Машков увидел голодных, обессиленных, запуганных, морально раздавленных, отчасти деградировавших людей и уничтоженную станицу его детства.

Тема возрождения, творения новой социальной реальности, спасения через культуру, стала объединяющим началом всех начинаний трех мастеров, не смотря на разницу во времени, отдельных методов преобразований.

По своему просветительскому началу ближе всего стоят проекты Шагала и Машкова, в центре которых находились организация Витебского народного училища (позже института), Витебского музея современного искусства и Михайловского дома социалистической культуры (ДСК) со множеством кружков и научно-просветительских учреждений при нем.

Гигантизм, всеохватность замысла, подчеркнутая авторитарность при его продвижении, а также прошлое членство в одном из ранних объединений русского авангарда «Бубновый валет» объединяют Малевича и Машкова.

Так, одной из причин переезда Казимира Севериновича в Витебск в конце 1919 г. было стремление творца супрематизма «все глубже и глубже погрузится в теоретическое осмысление своей грандиозной художественной системы» [5, с. 49], издать свой только что завершённый труд «О новых системах в искусстве» для продвижения в широкую аудиторию идеи о неизбежной победе беспредметного искусства.

Помимо печатных работ Малевич активно использовал формы устного выступления-агитации, как лично, так и своих последователей, во время которых

эпатажная игра, эффектные фразы и жесты немало послужили расширению известности главного супрематиста и его системы. В Витебске было написано «Установление – А» – «свод законов-постулатов, которые он предлагал своим витебским adeptам» [5, с. 50].

У Машкова черты гигантизма ярко проступили при написании самого проекта дома культуры. ДК был помещен в центр мироздания сначала станицы Михайловской, которая объявлялась образцовым городком социалистической культуры, а затем к середине 1930-х г. и всего Нижневолжского края по развитию художественной жизни в крае, в том числе и вопросы организации художественного образования на всех уровнях, строительство мастерских, производственных цехов, выставочных залов, художественного музея, городка художников, устройство сети самодеятельных студий для всех возрастов «везде, где можно», организацию выставок, олимпиад, экскурсий, оформление городов и празднеств [2, с. 275].

ДСК как руководящий и координирующий орган, должен был осуществлять развитие социалистического соревнования, ударничества; политпросвещения; интернационального и антирелигиозного воспитания; содействовать развитию самообразования, дошкольного и внешкольного воспитания детей и многого другого. На ДСК возлагалась подготовка и переподготовка низовых кадров общественного актива Сельсоветов, колхозов, кооперации, профсоюзов, научно-просветительских и других общественных организаций [1, л. 9–20]. При ДСК должны были действовать (и многое действовало!) самодеятельные кружки и мастерские; ботанический, зоологический сады; опытные метеорологическая, сельскохозяйственные и бахчеводческие станции; дом отдыха и первый в СССР речной курорт; краеведческий музей, исторический архив, парашютная вышка [1, л. 9–20].

В Михайловскую летом 1936 г. прибыла специальная бригада из мастерской академика А.В. Щусева «для большой работы по архитектурной планировке населенных мест и проектировке колхозного жилья» [4]. Над вновь созданным Михайловским районом берет шефство «Всекохудожник», который среди прочего стал предоставлять творческие командировки членам союза художников в районы.

И.И. Машков был глубоко убежден в том, что «все вышеперечисленные вопросы и их осуществление создаст гигантскую армию кадров советских мастеров изо-искусства, по своему содержанию и форме в стиле социалистического реализма, которое превзойдет непревзойденное искусство старых классических мастеров и Античную Грецию» [2, с. 300].

Однако, в отличие от Шагала и Малевича, рядом с которыми находились яркие личности, известные мастера живописи, талантливые и оправдавшие надежды учителей ученики, у Машкова не нашлось в казачьей провинции последователей, которые пошли бы по стопам учителя, перешагнув любительский уровень, и соратников, за исключением И.Б. Маримонта, пожалуй, одного из самых преданных его учеников. Двадцатилетний юноша семь лет своей жизни посвятил станице Михайловской, руководил здесь студией изобразительного искусства, помогал учителю в строительстве дома социалистической культуры.

Авангардистский ренессанс в Витебске и строительство образцового социалистического городка в отдельно взятой станице Михайловской закончились одинаково: внутренними склоками, скандалами, доносами, разворачивающихся в обстановке всеобщей подозрительности, недоверия, поиска врагов на фоне идеологических компаний власти, усиления контроля государством за сферой культуры и ее творцами (эти факторы большинство исследователей ставят на первое место), хронической нищеты, нехватки квалифицированных кадров, материалов

для работы. Определяющим, на наш взгляд, является то, что за стенами Витебского народного художественного училища (института) отвлеченные идеи духовного обновления создания новой реальности беспредметным искусством натолкнулись на равнодушие, непонимание и нежелание своих современников тратить на них свои силы и время.

В случае Машкова это были две далеких друг от друга культуры – активно разрушающаяся властью, деградирующая, но еще жизнестойкая традиционная казачья культура и городская, столичная, новая социалистическая, представителем которой был художник Машков. Станичники не простили ему разоренных церквей, его городского вида, поведения, того, что он, вчерашний мужик, полугражданин станицы сегодня указывал им – казакам как жить, что делать. Он навязывал им чуждый мир, революционными методами разрушая старый, привычный.

Судьбы героев нашего повествования, казалась бы, иллюстрируют утопию о возможностях человека стать тем, что еще в античности называли «гением места». Трагический конец яркого начала.

Современные мировые процессы глобализации и интернационализации породили нового человека, свободного от многих традиционных жизненных ориентиров и ценностей. В «утиль истории» сдается семья, национальность, Родина, вообще любая привязанность, которая ограничивает внешнюю и внутреннюю свободу индивида. Но что тогда остается? Кем будут художник и его зритель?

Без творческих и нравственных исканий, упорного труда, жертвенности акт духовного творения человека не будет завершен. Индивид без любви к Родине, сопричастности и сопереживания ее судьбе и судьбам своих земляков, представляется непосредственной, нищей духом личностью. Без Витебска Шагала и Малевича, и без Михайловской Машков, возможно бы и стали знаменитыми, но другими художниками. Другими были бы и мы, их земляки, «дух», и «образ места», в котором мы живем.

1. Волгоградский музей изобразительных искусств. – Ф. Машков И. И. Художник. Д. 25.
2. Галкова, О. В. «Писать и изображать что-то было невозможно»: из художников в культурные реформаторы / О. В. Галкова, О. Н. Савицкая // Художник И. И. Машков в искусстве, текстах, документах 1930-х годов. – М.: БуксМАрт, ВМИИ им. Машкова, 2014.
3. Государственная Третьяковская галерея. – Ф. 112. Д. 214.
4. Сталинградская правда. – 1936. – 16 июня. – № 137.
5. Шатских, А. С. Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922. / А. С. Шатских. – М.: Языки русской культуры, 2001.

Гаўрылюк П.А.

СЯМЕЙНЫ АРХІЎ ЯК ФОРМА ЗАХАВАННЯ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ ПАМ'ЯЦІ

Ключавыя словы: сямейныя архівы, мемуары, Заходняя Беларусь, гістарычная памяць.

На сённяшні дзень існуе шмат варыянтаў захавання гістарычнай спадчыны. Дадзеную функцыю выконваюць музеі, школы, архівы і іншыя ўстановы. Акрамя таго значны ўплыў ў дадзеным выпадку робяць матэрыялы асобных сямей, якія маюць пэўную гістарычную каштоўнасць. Менавіта ў сям'і людзі ўпершыню даведваюцца пра гістарычныя працэсы і падзеі на прыкладзе сваіх продкаў і сваякоў.

Таксама трэба адзначыць, што на афіцыйным ўзроўні паняцця «сямейны архіў» не існуе. Па адной з класіфікацый архіваў Рэспублікі Беларусь можна вылучыць дзяржаўныя і недзяржаўныя архівы. Да першай групы адносяцца

рэспубліканскія, абласныя, занальныя, гарадскія, тэрытарыяльныя архівы і ЗАГС, а да другой – архівы камерцыйных прадпрыемств, арганізацый, партый, а таксама ўласныя і канфесіянальныя. Самым бліжэй да «сямейнага архіва» можна лічыць ўласны, ці «архіўны фонд уласнага паходжання», які складаецца з дакументаў жыццядзейнасці асобы, сям’і ці рода [1].

У любога архіўнага фонда, у тым ліку і сямейнага, ёсць фондаўтваральнік. Складанасць вылучэння фондаўтваральніка архіўнага фонда асобнай сям’і заключаецца ў тым, што ў сямейным архіве аб’ядноўваюцца матэрыялы дзвух сямей: з боку маці і бацькі. Акрамя таго частка інфармацыі можа захоўвацца ў іншых сваякоў і іх сем’ях, але мець агульнае дачыненне да патомкаў.

Разглядаючы сямейны архіў аўтара можна заўважыць, што большая частка матэрыялаў належала продкам па бацькоўскай лініі. Ад маці ёсць фотаальбом, дзе самы ранні фотаздымак датуецца канцом XIX стагоддзя, а таксама засведчаныя копіі дакументаў з Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, якія дазваляюць даведацца пра месца жыхарства продкаў аўтара ў першай палове XX стагоддзя. Іншыя матэрыялы, у тым ліку ардэна, паштовыя лісты і больш раннія фотаздымкі захоўваюцца ў блізкіх сваякоў і аўтар мае да іх вольны доступ.

Што датычыцца бацькоўскай палавіны архіва, тут асноўным фондаўтваральнікам лічыцца дзядуля аўтара – Гаўрылюк Сяргей Васільевіч. Ад яго застаўся самы вялікі шэраг інфармацыі, які складаецца з фотаальбома з фотаздымкамі пачатка XX стагоддзя і запісаных успамінаў. Асобую цікаўнасць выклікаюць менавіта ўспаміны, якія ў сям’і аўтара называюць «мемуарамі». Мемуары – гэта жанр літаратурнага твора аб мінулым у форме апавядання ўдзельніка розных падзей уласнага і грамадскага характару, аснову зместа якога, у асноўным, вызначае памяць аўтара [2, с. 32]. Пры даследванні мемуараў неабходна ўлічваць ролю асобы іх аўтара ў пэўным гістарычным працэсе і мэту іх напісання. У дадзеным выпадку гутарка ідзе пра аўтабіяграфічныя звесткі і ў самым пачатку іх аўтар тлумачыць, што вырашыў запісаць сваі ўспаміны, таму што шкадуе, што сам у свой час не пацікавіўся аб мінулым старэйшага пакалення, і вырашыў захаваць такім чынам сваю памяць для патомкаў. Гаўрылюк А.С. не прэтэндаваў на іх публікацыю, таму апісваў усё шчыра і падрабязна, а пачаў сваю працу ў 2007 годзе. Што датычыцца структуры мемуараў, яны складаюцца з пяці сшыткаў, кожны з якіх адпавядае пэўнаму этапу ў жыцці іх аўтара:

1. Дзяцінства і юнацтва.
2. Юнацтва і маладосць.
3. Маладосць.
4. Сталы ўзрост.
5. Сталасць і старасць.

Менавіта першая частка ўяўляецца самай цікавай і інфарматыўнай ў гістарычным плане. У ёй Гаўрылюк С.В. зафіксаваў успаміны з ранняга дзяцінства (ён нарадзіўся ў 1935 годзе, а самыя раннія запісы з уласнай памяці аўтара тычацца 1938 года). Так як ён нарадзіўся ў вёскае сучаснага Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці ў запісах можна знайсці прыблізны план двара з пабудовамі, іх назвы на мясцовым дыялекце, колькасць хатніх жывёл у сям’і і краткую інфармацыю пра кожнага члена сям’і і нават некаторых аднасяльчан. Гэта дазваляе скласці ўяўленне аб звычайным жыцці і побыту людзей, якія жылі амаль сто гадоў таму. Акрамя таго прысутнічаюць успаміны пра пераход улады ад палякаў да саветаў (пасля 17 верасня 1939 года Заходняя Беларусь перайшла ад Польшчы ў склад БССР), першыя спробы калектывізацыі ў вёскае і стаўленне

мясцовых жыхароў да новай улады. Далей аўтар успамінае пра нямецкі акупацыйны рэжым на вёска падчас Вялікай Айчынай вайны, дзейнасць партызан, угон людзей у Германію і працягласць баявых дзеянняў напрыканцы вайны. Не менш цікава ў першай частке апісана і вяртанне савецкай улады, складанасці пасляваеннага аднаўлення на вёсцы, агітацыя да ўступлення ў калгасы і ўвядзенне школьнай адукацыі савецкага ўзору.

Неабходна адзначыць, што сам Гаўрылюк С.В. непасрэдна у саміх мемуарах папярэджваў, што пачаў іх пісаць у 72-гадовым узросце, таму найбольш раннія ўспаміны могуць быць недакладнымі і ўвогуле ў дзяцінстве ён мог складаць сваё меркаванне аб чымсьці на падставе размоў дарослых і ўласнага эмацыянальнага ўражання.

Таксама да сямейнага архіва аўтара можна аднесці схемы радаводаў бабулі і дзядулі па бацькоўскай лініі, складзеныя бліскім сваяком. Яны захоўваюцца ў электронным варыянце і ўяўляюць сабой генеалагічную схему з імёнамі і гадамі жыцця прамых продкаў і іх братоў і сяцёр. Дадзеная схема была выкарыстана і дапоўнена аўтарам дадзенага артыкула пры складанні сіметрычнага радавода з генеалагічнымі карткамі на кожнага продка сям'і пры падрыхтоўке заліковага прэкта для курса дапаможных гістарычных дысцыплін на другім курсе гістарычнага факультэта БрДУ імя А.С. Пушкіна.

Акрамя таго аўтар актыўна праводзіць работу па збору вусных ўспамінаў сваякоў, якія ведаюць падрабязнасці аб светапогляду, дзейнасці і характару некаторых продкаў, што дазваляе скласці больш поўнае ўяўленне аб гістарычнай і культурнай спадчыне сваёй сям'і.

Такім чынам можна зрабіць вынік, што стварэнне і захаванне сямейнага архіва з'яўляецца найбольш даступным спосабам захавання гістарычнай памяці на ўзроўні мікрагісторыі і неабходным элементам выхавання маладога грамадзяніна і патрыёта. Таксама трэба ўлічваць, што сямейныя архівы непасрэдна звязаны з часам іх стварэння і адлюстроўваюць яго.

1. Архівы Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://archives.gov.by/>. – Дата доступа: 08.10.2023.
2. Приймак, Н. И. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие / Н. И. Приймак, К. О. Валегина. – СПб : ЛЕМА, 2018. – 72 с.

Даўматовіч К.Д.
КАЛІ З'ЯВІЛАСЯ ВЁСКА ПАГОСТ САЛІГОРСКАГА РАЁНА
НА СТАРОНКАХ ДАКУМЕНТАЎ: 1449 VS 1499 гг.?

Ключавыя словы: Салігорскі раён, Пагост, Вялікае Княства Літоўскае, Алелькавічы, лакальная гісторыя, краязнаўства, дакументальны помнік.

Пытанні захавання і выкарыстання дакументальных помнікаў заўсёды з'яўляліся фундаментальнымі ў гістарычнай навуцы. У залежнасці ад таго, як навуковец выкарыстоўваў дакумент прадвызначаюцца высновы даследавання. Аднак час ад часу нават і ў самых вялікіх даследчыкаў спрацоўвае так званы «чалавечы фактар». Адна з падобных памылак стала асновай для нашага пытання: калі з'явілася вёска Пагост сучаснага Салігорскага раёна на старонках дакументаў: у 1449 ці ў 1499 гг.? Удакладненню дадзенага пытання і прысвечаны гэты тэкст.

У 1892 г. гісторыкам М. К. Любаўскім было апублікавана даследаванне «Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко

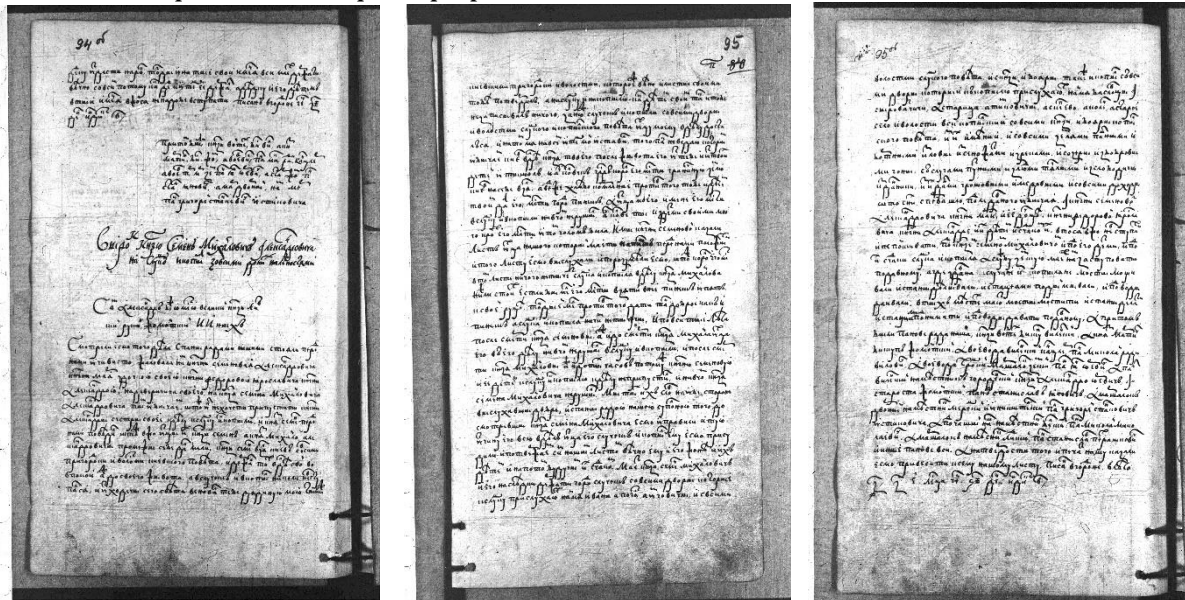
времени издания первого литовского Статута». Адносна нейкай «судной грамоты, выданной в 1449 году» навуковец адзначыў, што яна замацавала за слуцкім князем Сямёнам Міхайлавічам шэраг двароў, сярод якіх быў і Пагост (на дадзены момант вёска Пагост-1 Салігорскага раёна Мінскай вобласці – К. Д.) [8, с. 133]. Пры гэтым М. К. Любаўскі зрабіў спасылку на першы том выдання «Акты, относящиеся к истории Западной России» (1846), у якім размяшчаецца дадзеная «судная грамота». Аднак калі звярнуць увагу на гэтую «судную грамоту 1449 года» у самім выданні, то апyneцца, што гэты дакумент датуецца 16 студзеня 1499 г. [1, № 163, с. 185–186]. У наступстве судная грамата з даціроўкай «1499 г. 1. 15.» (15 студзеня – К. Д.) будзе надрукавана ў першым томе выдання «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах» (1936) [3, № 11, с. 99–100], а адсюль перавандруе ў кнігу «Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Салігорскага раёна» (2004) з адзнакай «15 студзеня 1499 г.» [11, с. 41]. У фондзе Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску захаваўся гэты самы дакумент з датай 16 студзеня 1499 г. («Вырок кн(а)зю Семенѣ Михаиловичѣ Александровича | на Слуцкѣ и Копыл зо всеми до них належностями») [9, арк. 94адв. – 95адв.].

Відавочна, што пры напісанні сваёй працы М. К. Любаўскі зрабіў «механічную» абдрукоўку і датаваў дакумент «1449 годам» [7, с. 99–100]. Гэтая памылка магла так і забыцца. Аднак на працягу 1980–2000-х гг. у Беларусі ажыццяўляўся вялікі праэкт па стварэнню шматтомнага выдання гісторыка-дакументальных хронік «Памяць» па кожнаму раёну і гораду рэспублікі. У 2004 г. з’явілася кніга па Салігорскаму раёну, у якой Л. І. Шчырын напісаў артыкул пра гісторыю Пагоста ў XV–XVIII стст. У актыкуле адзначалася, што Пагост «...У пісьмовых крыніцах упамінаецца з сярэдзіны XV ст. ...» і была прыведзена цытата з даціроўкай «1449 год» з вышэйадзначанай працы М. К. Любаўскага [11, с. 40]. У далейшым гэта дата патрапіла на старонкі сродкаў масавай інфармацыі [2; 7]. Дзеля справядлівасці некаторыя аўтары адводзілі пісьменна зафісаваную гісторыю Пагоста з 1499 г. [7; 10].

Па выніку найбольш ранняя згадка вёскі Пагост Салігорскага раёна на старонках дакументаў адносіцца да 16 студзеня 1499 г. Варта адзначыць, што на дадзенай мясцоваці, па ўсёй бачнасці, пражывалі людзі і раней, пра што сведчыць захаваўшыся курганны могільнік XI–XIII стст. на тэрыторыі сучаснай вёскі [4; 5; 6]. У 1499 г. ад імя вялікага князя літоўскага Аляксандра Казіміравіча і Паноў-Рады быў выдадзены «вырок» па судовай справе паміж слуцкім князем Сямёнам Міхайлавічам і Марыяй з яе дачкой Аляксандрай. Марыя скардзілася на Сямёна за тое, што ён «не хочет припустить кн(а)г(и)ни | Александры, сестры своее, к дѣлу, к Слуцку и к Копылю». Разгледзеўшы бацькоўскі «лист»-завяшчанне, высвятлілася, што ў Марыі і Аляксандры не было падстаў прэтындаваць на Слуцк і Копыль, таму што іх бацькі яшчэ пры жыцці падзялілі ўсю спадчыну. У выніку за Сямёнам Міхайлавічам і ягонымі нашчадкамі на «вѣчно» былі замацаваны Слуцк і Копыль з усімі прылеглымі валасцямі і дварамі (у тым ліку і двор «Погост», які належыў да Слуцка). Дадакова адзначалася, што з дадзеных уладанняў «службу земскую мает нам заступовати | по давному», а случчане і капыляне павінны «мосты мостити, и станы делати, | и стацыями поднимати, и подводы давати по давному» [1, № 163, с. 185–186; 3, № 11, с. 99–100; 9, арк. 94адв. – 95адв.; 11, с. 41; 12, с. 24–26].

Такім чынам, адказам на вышэйвызначанае пытанне з’яўляецца – 16 студзеня 1499 г. Менавіта да гэтага часу адносіцца самая ранняя згадка вёскі

Пагост Салігорскага раёна на старонках дакументаў на дадзены момант. Тым не менш абдрукоўка канца XIX ст. у пэўнай меры паўплывала на наратыў пачатка ХХІст., стварыўшы непаразуменні ў пытанні найбольш ранняй згадкі вёскі. У сувязі з гэтым пытанні захавання і выкарыстання дакументальных помнікаў і дагэтуль з'яўляюцца актуальнымі ад тэматыкі лакальнай гісторыі да больш глабальных праблем гістарыяграфіі.

Мал. 1499 г. студзеня 16. Гародня. Вырак слуцкаму князю Сямёну Міхайлавічу Алелькавічу на валоданне Слуцкам і Капылём
(з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску)

1. Акты, относящиеся к истории Западной России : в 5 т. / Арх. комиссия. – Спб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848–1853. – Т. 1: 1340–1506. – 1848. – 428 с.
2. Арцющанка, М. Дзе сустракаюцца мінулае з будучым? / М. Арцющанка // Шахцёр. – 2008. – 3 красавіка. – С. 22.
3. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах : у 4 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1936–1954. – Т. 1: IX–XVIII ст. – 678 с.
4. Даўматовіч, К. Гісторыя ў наваколлі: курганны могільнік пад Салігорскам / К. Даўматовіч // Краязнаўчая газета. – 2022. – № 19 (888). – С. 5.
5. Даўматовіч, К. Д. Праблема захавання археалагічных помнікаў (на прыкладзе курганнага могільніка каля вёскі Мяцявічы Салігорскага раёна)[Электронны рэсурс] / К. Д. Даўматовіч // Магілёўшчына: XV выпуск: матэрыялы навуковай канферэнцыі «Гісторыя-культурная спадчына Падняпроўя», 23 чэрвеня 2022 г. / В. М. Аненкаў [і інш.]. – Магілёў : МАКМ, 2022. – 1 электрон. апт. дыск (CD – ROM). – С. 13–15.
6. Даўматовіч, К. Д. Праблема захавання археалагічных помнікаў на прыкладзе курганнага могільніка каля вёскі Мяцявічы Салігорскага раёна / К. Д. Даўматовіч // Archaeologia Hrodnae. Працы археалагічнага гуртка 2021–2022 : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: С. А. Піваварчык (гал. рэд.), А. Д. Гаршкоў. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2022. – С. 54–58. – Дзп. у ГрДУ імя Янкі Купалы 22.12.2022, № 0031/22122022.
7. Даўматовіч, К. Дз. Гісторыя Салігоршчыны ў XV – XVIII стст. на старонках сучасных СМІ / К. Дз. Даўматовіч // Краеведение: проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 95-летию краеведческого музея Полоцка, Полоцк, 2–3 декабря 2021 г. / сост. И. П. Воднева. – Полоцк : Полоцкое книжное издательство, 2022. – С. 99–104.
8. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута: исторический очерк / М. К. Любавский. – Москва: университетская тип., 1892. – 998 с.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – КМФ-18. Оп. 1. Д. 5.
10. Никитина-Орловская, Г. Из истории родного края / Г. Никитина-Орловская // Лидер-пресс. – 1999. – 24 июня.
11. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Салігорскага раёна / уклад.: М. З. Башлакоў, Л. І. Шырын, А. І. Пляшэвіч – Мінск: БЕЛТА, 2004. – 576 с.
12. Скеп'ян, А. А. Князі Слуцкія / А. А. Скеп'ян. – Мінск: Беларусь, 2013. – 246 с.

Дашкевіч А.Л.
**КАНСТЫТУЦЫЙНЫ ПРЫНЦЫП САДЗЕЯННЯ РЭАЛІЗАЦЫІ І АБАРОНЕ ПРАВОЎ,
СВАБОД І ІНТАРЭСАЎ ЧАЛАВЕКА І ГРАМАДЗЯНІНА Ў СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ**

Ключавыя словы: канстытуцыйны прынцып, правы і свабоды чалавека і грамадзяніна, грамадскае аб'яднанне, грамадскае фарміраванне, культура.

Канстытуцыйныя прынцыпы, як непасрэдна замацаваныя ў канстытуцыйным тэксце, так і тыя, якія вынікаюць з яго, выступаюць у якасці квінтэсенцыі ўяўленняў аб асновавытворных ідэях уладкавання дзяржавы і грамадства, атрымліваючы сваё ўвасабленне ў канстытуцыйных палажэннях, якія рэалізуюцца ў заканадаўстве і адпаведных грамадскіх адносінах у межах працэсу канстытуцыяналізацыі, што ў поўнай меры датычыцца і сферы культуры.

Прынцып садзеяння палітычных партый і грамадскіх аб'яднанняў рэалізацыі і абароне правоў, свабод і інтарэсаў чалавека і грамадзяніна (далей – прынцып садзеяння рэалізацыі і абароны правоў і свабод) быў замацаваны ў ч. 1 арт. 5 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь паводле змен і дапаўненняў, што былі ўнесены згодна з вынікамі рэферэндума 2022 года [5]. Універсальны характар дадзенага канстытуцыйнага прынцыпа падкрэсліваецца канстытуцыйным правамоцтвам грамадзян (ч. 2 арт. 36) на стварэнне і ўдзел у дзейнасці палітычных партый і іншых грамадскіх аб'яднанняў для ажыццяўлення і задавальнення палітычных, сацыяльных, эканамічных, культурных і іншых інтарэсаў.

Сярод канстытуцыйных культурных правоў і свабод асаблівае месца займае права на ўдзел у культурным жыцці (арт. 51), якое адносіцца да другога пакалення правоў чалавека. Уключэнне духоўна-культурных правоў у асноўныя законы краін, было абумоўлена, як рэакцыяй на таталітарныя і аўтарытарныя рэжымы, якія імкнуліся кантраляваць, у тым ліку, духоўна-культурную дзейнасць, так і пашырэннем магчымасцяў яе фінансавання з боку дзяржавы і даступнасцю культурных каштоўнасцяў, зыходзячы з павышэння дабрабыту грамадства [9, с. 919].

Пералік правоў грамадзян у сферы культуры, заснаваных на канстытуцыйных палажэннях, падаецца ў арт. 32 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры [6]. Ён уключае наступныя правы: удзел у культурным жыцці; дастойны ўзровень культурнага жыцця; эстэтычнае выхаванне; атрыманне, захоўванне і распаўсюджванне поўнай, дакладнай і своєчасовай інфармацыі аб культурным жыцці; свабоду творчай дзейнасці; культурную самабытнасць; адраджэнне, захаванне і развіццё нацыянальных культурных традыцый; свабоду аб'яднанняў у сферы культуры; стварэнне арганізацый культуры; абскарджанне дзеянняў арганізацый культуры іх работнікаў, якія парушаюць правы грамадзян у сферы культуры; ахову аўтарскага права і сумежных правоў; увоз і (або) вывоз культурных каштоўнасцей, у тым ліку вынікаў асабістай творчай дзейнасці, у парадку, прадугледжаным актамі заканадаўства аб культуры, заканадаўствам аб знешнеэканамічнай дзейнасці, заканадаўствам аб мытным рэгуляванні, міжнароднымі дагаворамі Рэспублікі Беларусь, міжнародна-прававымі актамі, якія складаюць права Еўразійскага эканамічнага саюза.

Нарматыўны механізм канстытуцыйнага прынцыпа садзеяння рэалізацыі і абароны правоў і свабод у сферы культуры суб'ектна ўключае грамадскія аб'яднанні, якія ставяць перад сабою мэты і задачы, накіраваныя на рэалізацыю грамадзянамі (замежнымі грамадзянамі, асобамі без грамадзянства) сваіх правоў

і свабод у сферы культуры. У першую чаргу да іх можна аднесці грамадскія аб'яднанні, якія дэфенетыўна вызначаны ў арт. 1 Закона Рэспублікі Беларусь “Аб грамадскіх аб'яднаннях” ад 4 кастрычніка 1994 г. [7]. Гэта дабравольныя аб'яднанні грамадзян, ва ўстаноўленым заканадаўствам парадку аб'яднаўшыхся для сумеснага ажыццяўлення і задавальнення сацыяльных, эканамічных, культурных і іншых інтарэсаў і дасягнення статутных мэт.

Асаблівы прававы статус сярод грамадскіх аб'яднанняў, якія ствараюцца і дзейнічаюць для задавальнення культурных інтарэсаў, маюць творчыя саюзы, якія, згодна з арт. 58 Кадэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры [6], уяўляюць сабою грамадскія аб'яднанні творчых работнікаў (не менш за дзве трэці ад агульнага ліку членаў) і іншых грамадзян, якія ўнеслі ўклад у захаванне і развіццё культуры, створаныя на аснове агульнасці інтарэсаў яго членаў у пэўным відзе творчай дзейнасці для рэалізацыі статутных мэт.

Пералік такіх аб'яднанняў вызначае Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. У яго пастанове “Аб вызначэнні пераліку творчых саюзаў” ад 30 студзеня 2017 г. указваюцца такія грамадскія аб'яднанні, як “Беларуская гільдыя акцёраў кіно”, “Беларускі саюз архітэктараў”, “Беларускі саюз дызайнераў”, “Беларускі саюз журналістаў”, “Беларускі саюз кінематаграфістаў”, “Беларускі саюз кампазітараў”, “Беларускі саюз літаратурна-мастацкіх крытыкаў”, “Беларускі саюз майстроў народнай творчасці”, “Беларускі саюз музычных дзеячаў”, “Беларускі саюз тэатральных дзеячаў”, “Беларускі саюз мастакоў”, “Саюз пісьменнікаў Беларусі”, Беларускае грамадскае аб'яднанне фатографістаў, “Саюз беларускіх пісьменнікаў”, “Беларускі літаратурны саюз “Полацкая галіна”, “Беларуская гільдыя майстроў і рамеснікаў” [8]. Адзначым, што ў дадзеную пастанову патрабуецца ўнясенне зменаў, у прыватнасці, у сувязі з ліквідацыяй і выключэннем з дзяржаўнага рэгістра юрыдычных асоб і індывідуальных прадпрыемстваў “Саюза беларускіх пісьменнікаў”, згодна з рашэннем ад 5 снежня 2022 г. №61 [4].

Да апошняга часу вылучаліся грамадскія аб'яднанні, якія адыгрывалі значную ролю ў межах грамадскага кантролю ў сферы культуры, у першую чаргу, у дачыненні аховы гісторыка-культурнай спадчыны. На неабходнасць удасканалення яго механізму мы ўказвалі ў сваіх ранейшых публікацыях [2; 3]. Аднак, заканадавец паўшоў па шляху выключэння главы 4 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры, прадугледзеўшы ў арт. 18-1 ажыццяўленне кантроля ў сферы культуры ў мэтах забеспячэння выканання заканадаўства аб культуры Міністэрствам культуры і мясцовымі выканаўчымі распарадчымі органамі ў парадку, устаноўленым заканадаўствам аб кантрольнай (нагляднай) дзейнасці [1].

Уяўляецца, што ў далейшым патрабуецца разгледзіць магчымасць вяртання да пытання аб ажыццяўленні грамадскага кантролю ў сферы культуры, уключна з аховай гісторыка – культурнай спадчыны, што будзе несумненна садзейнічаць забеспячэнню рэалізацыі канстытуцыйных норм агульнарэгулятыўнага характару, замацаваных у абноўленай Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Сярод такіх канстытуцыйных палажэнняў асабліва трэба вылучыць такія, як забеспячэнне дзяржавай захавання гістарычнай прайды і памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ч. 2 арт. 15 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь), захаванне гістарычнай памяці аб гераічным мінулым беларускага народа, патрыятызме як абавязку кожнага грамадзяніна Рэспублікі Беларусь (ч. 2 арт. 54 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь).

Гэта абумоўліваецца таксама вынікамі практычнай дзейнасці грамадскіх аб'яднанняў па адраджэнні, захаванні і шырокай трансляцыі беларускай нацыянальна-культурнай гістарычнай спадчыны, іх эфектыўнай дапамозе дзяржаве ў рэалізацыі шэрагу задач і накірункаў дзяржаўнай палітыкі ў сферы культуры, правядзенні шматлікіх праектаў, якія садзейнічалі аднаўленню помнікаў гісторыі і культуры, увекавечанню памяці аб вядомых асобах і гістарычных падзеях, папулярызацыі беларускай культуры ў свеце [10, с. 48].

Акрамя грамадскіх аб'яднанняў суб'ектамі рэалізацыі прынцыпа садзеяння рэалізацыі правоў і свабод могуць выступаць і іншыя віды грамадскіх фарміраванняў. На гэта ўказваюць, як канстытуцыйныя нормы, так і палажэнні арт. 15 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры [6], дзе адначасова з грамадскімі аб'яднаннямі да суб'ектаў узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі ў сферы культуры аднесены органы тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання і іншыя юрыдычныя асобы. Адпаведна да суб'ектаў могуць быць аднесены і іншыя грамадскія фарміраванні, якія з'яўляюцца юрыдычнымі асобамі, а таксама органы тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання, якія могуць і не мець такога статусу.

Падсумоўваючы звернем увагу на неабходнасць рэалізацыі ў заканадаўстве аб культуры канстытуцыйных норм агульнарэгулятыўнага характару, якія накіраваны на забеспячэнне канстытуцыйнага прынцыпа садзеяння рэалізацыі правоў і свабод, інтарэсаў чалавека і грамадзяніна з боку грамадскіх фарміраванняў.

1. Аб змяненні законаў па пытаннях культуры [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2022, № 201-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Дашкевич, А. Л. Удзел грамадскіх фарміраванняў у ахове гісторыка-культурнай спадчыны ў Рэспубліцы Беларусь: асобныя аспекты развіцця канстытуцыйна-прававога рэгулявання / А.Л. Дашкевич // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22–23 октября 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 44–48.
3. Дашкевич, А.Л. Грамадскія аб'яднанні і ахова гісторыка-культурнай спадчыны: канстытуцыйна-правовы аспект / А.Л. Дашкевич // Конституция Республики Беларусь: 16-летний опыт применения : материалы круглого стола, Минск, 15 марта 2010 г. / Белгосунiversитет ; науч. ред. Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 209–213.
4. Информация об исключенных общественных объединениях их союзах (ассоциациях) из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (начиная с 20 февраля 2014 года): Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Республики Беларусь. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/registratsiya-obedineniy-partiy-i-fondov/?sphrase_id=349192. – Дата доступа: 10.10.2023.
5. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года : са змян. і дап., прынятымі на рэсп. рэферэндумах 24 ліст. 1996 г., 17 кастр. 2004 г. і 27 лют. 2022 г. – Мінск : Звязда, 2022. – 62 с.
6. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 ліп. 2016 г., № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-XII : в ред. от 14 февр. 2023 г. № 251-З//ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Об определении перечня творческих союзов [Электронный ресурс] : Постановление Министерства культуры Респ. Беларусь, 30 янв. 2017 г., № 7 : в ред. от 03 марта 2017 г. № 16//ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
9. Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : 2 т. / И. И. Пляхимович. – Т. 1. – Минск : Амалфея, 2015. – 1224 с.
10. Сапотько, П.М. Роль и практики общественных организаций в деле возрождения и репрезентации историко-культурного наследия Беларуси / П.М. Сапотько // Искусство и культура. – 2018. – №1 (29). – С. 42–48.

Довгялло М.С.
ПРАЗДНОВАНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ И ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ
КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: российская эмиграция, беженцы, белоэмигранты, Болгария, Королевство СХС, Югославия, Чехословакия.

История российской эмиграции в Европе – драматическая история миллионов людей, волею судеб, превращенных в беженцев-апатридов, все силы которых были направлены на физическое выживание в инокультурной среде, в то время как мысли, память и чувства большинства из них тянулись к родине. Каждый из них переживал процесс адаптации к новым условиям жизни, нормам и ценностям социальной среды. О национальном, половозрастном, социальном составе уехавших из России может сказать информация, собранная в 1922 г. в Варне. Уехали русские (95,2%), мужчины (73,3%) среднего возраста – от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%). Среди женщин-эмигранток доля интеллигенции еще выше – 88,4% [13, с. 122]. Географически эмиграция из России была направлена, прежде всего, в страны Западной Европы.

Оказавшись в сложных условиях изгнания, большинство представителей русской науки, интеллигенции смогли продолжить свою деятельность и внести существенный вклад в развитие отечественной и мировой культуры. Известно, что эмигранты из Российской империи оказались более чем в 40 странах [4, с. 7]. В 1920-е годы русские академические группы существовали в 16 странах: в Болгарии, Польше, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС, Югославии), Чехословакии, Турции, США и др. Чехословацкое правительство Т. Масарика пригласило из числа эмигрантов более ста профессоров и доцентов и свыше 2 тысяч студентов [2, с. 355]. В Праге работали шесть русских высших учебных заведений, научно-исследовательские структуры, библиотеки, издательства, научные общества и институты. Только с 1921 по 1930 г. ими было проведено пять съездов «академических университетов». За полтора десятка лет российскими эмигрантами было издано 7038 названий заметных в научном отношении исследовательских работ [8, с. 133]. Хотя более полно представлена в литературе деятельность ученых, находящихся в Королевстве СХС, Чехословакии, Франции.

Оказавшись за рубежом, российская эмиграция не превратилась в простую массу беженцев, а сразу же проявила тенденцию к консолидации и воссозданию за границей институтов государственной власти и общественных организаций. Были созданы Совет Послов, Особое совещание, Земгор, РОВС, возникали газеты и журналы, т. е. доминировали конструктивные процессы строительства зарубежной «России №2» [15, с. 65-66]. И особое внимание эмигрантские организации уделяли сохранению национальной идентичности молодого поколения, а также подготовке квалифицированных кадров для грядущего восстановления России. В 1920-е г. была создана сеть начальных и средних школ. В учебные планы включались предметы «Россики» (география, Закон Божий, история и литература России, пение, русский язык), отводились часы на факультативные курсы, связанные с изучением языка, литературы, истории, географии стран, где находились учебные заведения. Занятия в них не только воспитывали патриотические чувства и способствовали сохранению духовной связи с исторической родиной, но и знакомили местное население с русской культурой. На бесплатном содержании в интернатах Чехословакии находилось 90% детей русских беженцев, тогда как в Эстонии – только 6, в Финляндии – 10, в Болгарии и в КСХС – 73% [7, с. 89].

Беспорядочное бегство из России привело к распаду многих семей. Сохранившиеся семьи стали крепче, их члены чувствовали потребность сплотиться в целях самосохранения. Оказавшись в экстремальных условиях вынужденного изгнания, большинство эмигрантов стремились по возможности сохранить прежний образ жизни. Однако из-за тяжелых материальных и жилищных условий, отсутствия правового статуса и перспектив работы добиться удалось не многим. Как правило, ученые, не принимавшие активного участия в борьбе с советской властью, покидали родину вместе с семьями, и большинство ученых-эмигрантов сохранили семью. Многие гражданские беженцы трудоустроились в качестве строителей, инженеров, врачей, преподавателей или открыли свой мелкий бизнес. С 1919 по 1941 г. в югославских университетах работало более 120 российских профессоров и доцентов, в том числе в Белградском университете – более 70 [17, с. 139].

Большой вклад в процесс успешной адаптации эмигрантов из России за границей внесли Лига Наций, Верховный комиссариат по делам беженцев во главе с известным норвежским исследователем Арктики Ф. Нансеном, Международный Красный Крест и др. Нансеновская организация и проект паспорта, предложенный и одобренный 31 государством, способствовали размещению и обретению места в жизни 25 тыс. россиян, оказавшихся в Австрии, Бельгии, Болгарии, КСХС и др. странах [12, с. 59]. По данным Международного бюро труда в Европе в 1923 г. примерно 80% российских беженцев сумели найти себе работу, а 20% не имели определенных занятий [19, с. 17].

Эмигранты из России участвовали в возведении ряда электростанций, мостов, зданий. Силами 1 тыс. русских эмигрантов в Болгарии фактически была построена железная дорога Александрово – Видин. Проектированием и строительством дороги руководили генерал Курбатов, инженер-генерал Вердеревский и инженерный полковник Замраев [16, с. 291–292]. Высокий уровень трудоустройства эмигрантов в Болгарии, КСХС по сравнению со многими странами Европы стал возможен благодаря государственной и общественной поддержке беженцев из России и благожелательному отношению работодателей, которые оценивали русских эмигрантов как трудолюбивых и хорошо подготовленных работников. Только в Королевстве СХС и Чехословакии в 1920-х гг. была организована адекватная система оказания помощи беженцам из России.

В Королевстве СХС и Болгарии казаки особенно активно объединялись по месту жительства в хутора и станицы, которые сохранили старинный уклад жизни с выборными атаманами и правлением. Станицы объединили казаков, не дали им возможности распылиться. Время от времени они устраивали в Белграде и Софии съезды, на которых выбирали общественное казачье представительство. Общественная жизнь станиц и хуторов состояла в помощи нуждающимся и инвалидам, а также в проведении военных и традиционных казачьих праздников. В марте 1922 г. было утверждено «Положение об управлении станицам и хуторами за границей» [15, с. 384]. В основные задачи входили: организация бюро труда, касс взаимопомощи, защита интересов каждого беженца в отдельности, инвалидов, одиноких женщин и безработных и т.д. В 1924 г. в Париже был создан Комитет Казачьих организаций, в состав которого входило: во Франции – 31 станица, в Болгарии – 12, в Сербии – 10, в Чехословакии – 6, в Польше – 2 станицы» [15, с. 387].

Сохранению русского языка и национальных обычаев способствовали компактные эмигрантские поселения, существовавшие в разных странах. В этом случае у российских эмигрантов появлялась возможность создать свой маленький «русский мир» с православным храмом, русской школой и сохраненными национальными обычаями. Многие элементы повседневной жизни и быта русского

зарубежья (офицерские балы, детские и юношеские организации военно-спортивного типа и др.), имевшие в своей основе военную культуру, охватывали значительно более широкий социум российских диаспор. Российская военная эмиграция разработала систему символики и наград, использовавшихся организациями, которая являлась важным аспектом самоидентификации российских военных эмигрантов в контексте традиций военной культуры [10, с. 138].

Православные приходы в небольших колониях уже в 1920-е годы стали играть роль главных центров русской общины. Религиозная жизнь эмигрантов сосредоточивалась вокруг православных храмов. На Балканах русские эмигранты молились в сербских и болгарских церквях. При них открывались воскресные школы для детей, приюты и т.п. Церковные праздники (Рождество Христово, Пасха) традиционно отмечались на протяжении всего межвоенного периода. Именно приходы, по мнению многих «удержали» систему зарубежной России от распада и ассимиляции [5, с. 9–10]. Любая религия всегда апеллирует к традиции. Праздники представляют собой закреплённое реальными действиями воспоминание о значимом для конкретной религии событии. Одним из самых главных христианских праздников является Рождество Христово. Празднуется он ежегодно 7 января по юлианскому календарю. Празднованию Рождества предшествует жестко регламентированный период со множеством ограничений – пост [6, с. 177]. Праздник Пасхи представлялся одним из наиболее интересных по самобытности традиций проведения в славянских странах. Традиция красить яйца присутствует во всех славянских странах без исключения, где находилась и русская эмиграция. Несмотря на все разнообразие и колорит празднований, для всех славянских стран Пасха – великий праздник и светлый день.

Важное значение имело религиозное воспитание в эмигрантских учебных заведениях. Закон Божий оставался приоритетной изучаемой дисциплиной. Широкое распространение получило скаутское движение, помогавшее сохранять православную веру, язык и русскую культуру в среде подрастающего поколения. Так в условиях эмиграции церковь постепенно собирала силы для того, чтобы выполнить свое предназначение.

Первоначально эмигранты открывали русские школы. У эмигрантской школы была своя специальная задача. Сохранить национальную культуру, приучить детей любить все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер – вот основная задача эмигрантской школы [18, с. 262]. Ученики русских школ получали знания в кружках и самодеятельных коллективах, создававшихся практически во всех эмигрантских колониях. Молодежь вливалась не только в иностранный, но и эмигрантский социум, посещая концерты, собрания, спортивные клубы диаспоры, занимаясь в русских библиотеках Праги, Белграда [11, с. 10].

Большое внимание культурная эмиграция уделяла образованию русской зарубежной молодежи. Через студенчество происходила передача традиций от старшего поколения эмиграции к младшему, включая празднование Татьянинного дня, юбилеев Московского и других университетов, чествование профессоров и др. Эмигрантское студенчество имело свои землячества в иностранных вузах. За рубежом действовали корпорации выпускников российских, а затем и эмигрантских учебных заведений [9, с. 65]. Неслучайно символом русской эмиграции не только в Чехословакии, но и во всем зарубежье стал Русский заграничный исторический архив в Праге. В Чехословакии и КСХС наиболее последовательно создавалась система русских школ, высших учебных заведений и профессиональных курсов [14, с. 78–114].

Югославия явилась единственной страной, где российская диаспора фактически стала частью местного социума [17, с. 3] и концентрация российских беженцев на территории Сербии была наибольшей. Это связано с тем, что среди жителей данной территории преобладало православное вероисповедание, а также с традиционными контактами между представителями российской и сербской элиты, которые поддерживались в течение длительного времени. Власти королевства помогали выходцам из России. Причины прагматичного характера вытекали из острой потребности молодого государства в квалифицированных специалистах. Согласно официальной статистике, в 1921 г. большинство населения королевства (75,9%) было неграмотным [20, с. 327]. Преподаватели высшей школы видели свою задачу в том, чтобы воссоздать отечественное научное сообщество, получить возможность обсуждать и публиковать научно-исследовательские труды на родном языке, обеспечивать квалифицированное преподавание и передачу научных традиций молодому поколению Русского зарубежья. Университеты дополняли усилия общеобразовательной школы по передаче подрастающему поколению традиций и достижений русской культуры.

Российская эмиграция нуждалась в ключевых культурных символах, которые могли бы сыграть роль для нового возрождения. Так произошло с именем А.С. Пушкина в культуре эмиграции, ставшим культовой фигурой, символом эмигрантской России. Так, в 1925 г. появляется новая форма национального единения – празднование «Дня русской культуры» (ДРК) в русском зарубежье. Он был единственным праздником, в котором участвовали все эмигранты, независимо от политических взглядов и места в социальной иерархии. Он помогал им сберечь историческую память и сохранить в своем сознании общность культурно-этнических корней. Впервые праздник отмечался в июне 1924 г. в Эстонии и был приурочен к 125-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. В 1925 г. День русской культуры был проведен в 12 странах, а затем превратился в ежегодный праздник, отмечаемый повсеместно в среде русской эмиграции до 1939 г. [15, с. 387–388]. В противовес празднованию Дня русской культуры правые круги эмиграции в КСХС при поддержке митрополита Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) Антония стали отмечать 28 июля, день св. Владимира – крестителя Руси, день русского национального сознания. Однако этот праздник не смог конкурировать с Днем русской культуры и практически не вышел за пределы русской диаспоры в Югославии [3, с. 33].

Юбилейные даты определялись не случайно. Выбор останавливали на тех, которые были способны сплотить диаспору, вселить исторический оптимизм, напомнить о принадлежности каждого из ее представителей к великой культуре. В то же время круглые даты, напоминающие об общественных разногласиях и неудачах, как правило, оставались незамеченными: 100 лет со дня рождения Л.Н. Толстого (1928), 125 лет со дня рождения Н.В. Гоголя, 100 лет со дня смерти А.С. Пушкина (1937) и др. Наряду с ДРК в русском зарубежье отмечали еще два общих эмигрантских праздника: День непримиримости (7 ноября) и День русского просвещения (25 января). Однако они не имели такого значения, как ДРК, поскольку либо напоминали о политических разногласиях, либо касались не всех представителей диаспоры [4, с. 237].

Таким образом, празднование христианских праздников и юбилейных дат было своеобразным щитом от ностальгии, которая в той или иной степени была присуща большинству русских эмигрантов. Ежегодное празднование Рождества, Пасхи, ДРК своего рода как-бы приближало к изгнанникам их Родину, вселяло надежду на встречу с нею. Оказавшиеся из-за раскола в изгнании эмигранты в 20–30-х годах жили с мечтами о новой России, в которую они когда-нибудь вернутся.

В августе 1991 г. на Первом конгрессе соотечественников, проходившем в Москве, представители российского правительства и Верховного Совета СССР подчеркнули, что теперь «нет никаких различий между волнами русской эмиграции, все они – наши соотечественники и деление эмиграции на прогрессивную – нейтралистскую – реакционную теряет всякий смысл [9].

1. Бирюкова, К.В. Российские студенческие союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг. / К.В. Бирюкова. – М.: [б. и.], 2004. – 109 с.
2. Борисов В.П. Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований / В. П. Борисов, В. А. Волков, М. В. Куликова // Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: сб. докладов международной конференции: в 2 ч. – Ч.1. – Прага, 1995. – 534 с.
3. Будницкий, О.В. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции / О.В. Будницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 632 с.
4. Волошина, В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы: монография / В.Ю. Волошина. – М.: Форум, 2013. – 448 с.
5. Даватц, В.Х. Годы: Очерки пятилетней борьбы / В.Х. Даватц. – Белград, 1926. – 238 с.
6. Деревянко, Т.М. Пасха и Великий Пост / Т.М. Деревянко. – М.: АСТ-Пресс, 2011. – 304 с.
7. Зарубежная русская школа. 1920–1924. – Париж: изд-во Земгора, 1924. – 278 с.
8. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970 гг. / П.Е. Ковалевский. – Т. 1. – Париж, 1971. – 347 с.
9. Матюхин, П. Судьбы эмиграции / П. Матюхин // Вечерняя Москва. – 1992. – 21 февраля. – С. 3.
10. Парчевский, К.К. По русским углам: [очерки] / К.К. Парчевский. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 202 с.
11. Петров, В. Русские в Америке. XX век / В. Петров. – Вашингтон, 1992. – 160 с.
12. Пушкарева, Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. – 1996. – №1. – С. 53–69.
13. Романовский, В.К. История российской эмиграции: учебное пособие / В.К. Романовский. – М.: Прометей, 2022. – 254 с.
14. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учеб. пособие / Е.И. Пивовар [и др.]. – М.: РГГУ, 1994. – 117 с.
15. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е.И. Пивовар [и др.]. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 458 с.
16. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Раскол, 1924–1925 гг. – М.: РГГУ, 2010. – Т.5. – 770 с.
17. Русская эмиграция в Югославии: [сб. ст.] / [редкол.: А. Арсеньев [и др.]]. – М.: Индрик, 1996. – 350 с.
18. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 497 с.
19. Серапионова, Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы) / Е.П. Серапионова. – М.: ИСБ, 1995. – 196 с.
20. Тесемников, А. В. Белград как один из научных центров российского зарубежья / А. В. Тесемников // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. – Кн. 1. – М., 1994. – 536 с.

Дрожжа Л.Ч., Костюкевич Н.Г., Давуд Д.В., Тарновский Д.В.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА И ХРАНЕНИЯ
ЦИФРОВЫХ КОПИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ФОНДЕ ЦИФРОВЫХ КОПИЙ

Ключевые слова: государственные архивы; архивные документы; цифровые копии архивных документов; фонд цифровых копий архивных документов.

Цифровой фонд государственных архивов в настоящее время составляют цифровые копии архивных документов (далее – ЦКАД), изготовленные специализированными лабораториями или государственными архивами путем сканирования или цифровой фотосъемки архивных документов. ЦКАД хранятся в государственных архивах и Фонде цифровых копий архивных документов (далее – ФЦК).

ФЦК был создан в соответствии с приказом Председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 22 июня 2005 г. № 28 «О создании Фонда цифровых копий архивных документов» и размещается территориально обособленно от архивных документов, с которых выполнены цифровые копии, на базе государственного учреждения «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации» Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее – БелНИЦЭД).

Работа по созданию ЦКАД ведется государственными архивами самостоятельно либо, при отсутствии сканирующего оборудования с необходимыми характеристиками, с использованием оборудования государственных учреждений – «Центральной лаборатории обеспечения сохранности документов Национального архивного фонда Республики Беларусь» (далее – ЦЛОСД) и «Республиканской лаборатории цифрового копирования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь» (далее – РЛЦКД).

Организация учета и хранения цифровых копий архивных документов в Фонде цифровых копий. Необходимо отметить, что в ГУ «БелНИЦЭД» проделана значительная работа по разработке проектов нормативно-методических документов по организации учета, хранения и использования цифровых копий архивных документов. В результате проведенных исследований впервые в архивной отрасли были разработаны принципы формирования, хранения, учета и обеспечения доступа к цифровым копиям архивных документов; в отрасли создан Фонд цифровых копий архивных документов, начато создание методической, нормативной и технологической базы по процессам оцифровывания архивных документов.

ФЦК начал формироваться в архиве электронных документов БелНИЦЭД с 2006 г. в соответствии с приказом Председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 22 июня 2005 г. № 28 «О создании Фонда цифровых копий архивных документов». Приказом Председателя Департамента по архивам и делопроизводству от 22.06.2007 г. № 31 было утверждено «Положение о Фонде цифровых копий» [3], а также Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий (утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 27.12.2007 г. № 56, с изменен. и доп. от 06.02.2009 г. № 4, от 25.09.2015 г. № 35) [1], Методические рекомендации по подготовке и передаче архивных документов для оцифровывания, учета и хранения цифровых копий (утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 25.11.2008 г. № 38) [2] и др.

В настоящее время отечественные архивы, хранящие цифровые копии архивных документов (ЦК описей, дел, архивных документов, цифровых коллекций, БД и др. электронных ресурсов) испытывают ряд трудностей объективного характера, связанных с техническим обеспечением для их изготовления, хранения, использования и репрезентации для широкого круга пользователей. Высоки риски потери информации в связи со старением архивных документов в результате естественных процессов хранения. Развитие цифровых технологий позволяет минимизировать указанные риски и выдвигает требования по совершенствованию методики изготовления, хранения и использования ЦКАД.

В состав ФЦК архива ЭД БелНИЦЭД на сегодняшний день включаются цифровые копии архивных документов и цифровые копии описей и дел. Цифровые копии создаются в РЛЦКД в ЦЛОСД г. Гомеле, государственными архивами путем сканирования и фотокопирования. В ФЦК также хранятся цифровые копии фотоматериалов Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (далее – БГАКФФД) и фонд ЦКАД на правах подлинников Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ).

С 2012 г. в ФЦК начали поступать цифровые копии, создаваемые не только в РЛЦКД (г. Гомель) и ЦЛОСД, но и государственными архивами. Кроме этого, в ФЦК хранятся цифровые копии на правах подлинников, поступившие от Государственного архива Российской Федерации в 2016 г. – 227 единиц хранения, 47454 файла, объемом 51 Гб.

В 2022 г. приняты и обработаны в ФЦК 60 заявок на размещение цифровых копий документов архивных учреждений, копии передавались на 147 оптических дисках, на 6 флэш-накопителях и трех внешних дисках.

Всего по состоянию на 01.01.2023 года размещены в ФЦК цифровые копии документов в следующем составе и объемах:

дел – 55 865 (2 952 112 файлов дел, 8 530 049 электронных страниц, объем файлов 9 971 339 413 799 байт (9 286,5 Гб));

описей – 16 250 (111 349 файлов описей, 612 975 электронных страниц, объем файлов 316 283 238 133 байт (294,6 Гб)).

Всего по состоянию на 05.09.2023 года размещены в ФЦК цифровые копии документов в следующем составе и объемах: *дел – 3107 640 файлов дел, объем файлов – 10535 380187 148 байт (9,812 Тб)*. Следует отметить, что за последние 10 лет произошло увеличение количества единиц хранения ЦКАД в 3,5 раза, что характеризует ФЦК как наиболее перспективный информационный ресурс долговременного хранения ЦК.

Формирование ФЦК происходит следующим образом. Цифровые копии архивных документов на съемных носителях передаются в единый центр хранения – архив ФЦК БелНИЦЭД. Файлы ЦКАД, созданные архивами или специализированными лабораториями и файлы описаний ЦК на съемных носителях (оптических дисках, флэш-накопителях и др.) вместе с бланком заказа (2 экз.) поступают в архив ЭД БелНИЦЭД по почте. Иногда для передачи информации, если её объем невелик или при передаче нераспознанных с переданных носителей файлов, используется и доступная облачная связь. Сотрудниками архива ЭД БелНИЦЭД обеспечивается обработка заказа и его выполнение. После выполнения заказа бланк заказа (1 экз.), акт выполнения заказа и носители возвращаются в архив путем пересылки по почте.

Хранение данных в ФЦК. Фонд цифровых копий архивных документов начал формироваться в 2006 г., когда ещё не были написаны основные регламентирующие материалы (Положение о ФЦК, нормативные и методические документы по сканированию бумажных документов, по правилам идентификации цифровых копий и т.п.). Поэтому первые цифровые копии создавались и именовались архивными учреждениями на основе собственной практической деятельности. Однако действующие нормативные и методические документы по правилам формирования, наименования и хранения цифровых копий нуждаются в актуализации с учетом современных требований к хранению и учету цифровых копий архивных документов в ФЦК. ФЦК рассчитан на долговременное страховое хранение цифровых копий архивных документов (описей, дел, в некоторых случаях – коллекций ЦК).

Папки с цифровыми копиями архивов размещаются на системах хранения данных (далее – СХД), названных в локальной сети БелНИЦЭД как *NAS 1, NAS 2 и NAS 3¹*, дисковая память которых, в свою очередь, может разбиваться на логические диски (т. н. FCK). Устройства СХД снабжены собственной операционной системой и обеспечивают дополнительную гарантию сохранности информации путём реализации функционала RAID (т.е. запись информации через высокоскоростной адаптер осуществляется на основной и дублирующий (страхующий) дисководы. Такой метод значительно повышает надежность хранения, но вдвое уменьшает объем памяти для сохранения данных.

¹*Справочно:* NAS - система хранения данных ФЦК, структурированная по архивам. На NAS 1 хранятся ЦК документов общим объемом 4 Тб: в логическом разделе (диске) FCK 1.1 - НАРБ; в логическом разделе (диске) FCK 1.2 - областных архивов. На NAS 2 хранятся ЦК документов общим объемом 4 Тб: в логическом разделе (диске) FCK 2.1 – БГАМЛИ, БГАНТ; в логическом разделе (диске) FCK 2.2 – 15 зональных архивов. На NAS 3 хранятся ЦК документов общим объемом 8 Тб – БГАКФД; НИАБ, НИАБГр, ГАРФ в логическом разделе (диске) FCK 3.

В ФЦК в настоящее время распределение дисковой памяти СХД выполнено таким образом, что папка с цифровыми копиями каждого архива полностью расположена на одном логическом диске (HDD). На NAS 1 хранятся ЦК документов общим объемом 4 Тб: в логических разделах папок (дисках) FCK 1.1 – Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ) в логическом разделе папок (диске) FCK 1.2 – государственных областных архивов и государственных архивов общественных объединений. На NAS 2 хранятся ЦК документов общим объемом 4 Тб: в логическом разделе (диске) FCK 2.1 – Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства (далее – БГАМЛИ), Белорусского государственного архива научно-технической информации (далее – БГАНТ); в логическом разделе (диске) FCK 2.2 – 15 зональных архивов. На NAS 3 находятся ЦКАД республиканских архивов (Национального исторического архива (далее – НИАБ); Национального исторического архива (г. Гродно) (далее – НИАБГр); БГАКФФД; ГАРФ). Дисковая память устройства составляет 8 Тб, Дисковая память устройства СХД на NAS 1 и NAS 2 составляет по 4 Тб. На рис. 1 представлена схема хранения цифровых копий архивов в СХД в ФЦК (распределение папок архивов по NAS 1 и логическим разделам папок (дискам) FCK 1.1, FCK 1.2).

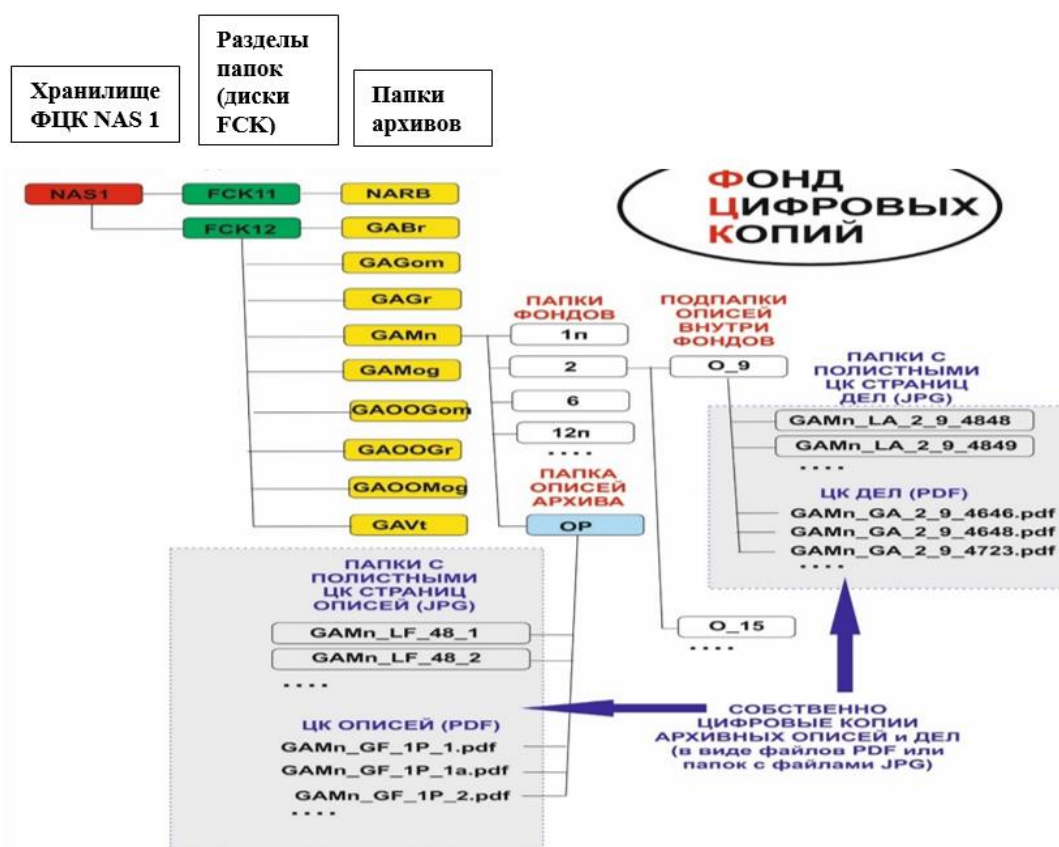

Рисунок 1 – Схема хранения цифровых копий архивов в Системе хранения данных в ФЦК (распределение папок архивов по NAS 1 и логическим разделам папок (дисков) FCK 1.1 и FCK 1.2)

Учет заказа на размещение ЦКАД в ФЦК. Размещение ЦКАД в ФЦК осуществляется путем передачи архивом заказа на размещение его цифровых копий (произведенных самостоятельно или выполненных по заказу архива в РЛЦКД либо в ЦЛОСД) в ФЦК. Заказ состоит из документальной части (бланка заказа) и собственно цифровых копий на одном из возможных видов носителей (оптические

диски, флэш-накопители, внешние диски). Иногда для передачи информации (особенно, если её объём невелик или при передаче нечитаемых с переданных носителей файлов) используются и доступные облачные связи. Письмо с заказом на изготовление ЦКАД для ФЦК регистрируется в канцелярии БелНИЦЭД. После выполнения заказа бланк заказа (1 экз.), акт выполнения заказа, подписанные зав. архивом ЭД, и носители возвращаются в архив путем пересылки по почте.

Основные технологические процессы организации учета, обработки и хранения ЦКАД в ФЦК включают: обработку заказа на размещение ЦКАД в ФЦК; формирование системы хранения данных ФЦК и нового заказа; сканирование системы хранения данных ФЦК; формирование паспорта заказа для ФЦК; формирование отчета по заказу; сохранение папки (структуры) заказа в папку архива на NAS 1, NAS 2, NAS 3; подготовку акта сверки по заказу.

При хранении ЦК защита информации является обязательным технологическим процессом, который обеспечивается организационными и технологическими мероприятиями. Организационными мероприятиями определяется список пользователей, их пароли и права. Права доступа к информации устанавливаются с использованием технологий администрирования. Например, поместить информацию в папку имеет право пользователь, которому разрешен доступ по записи информации в эту папку.

Для оперативного количественного учета хранимых данных был создан в среде Access 2016 программный комплекс «БД работ архива ЭД» (рис. 2).

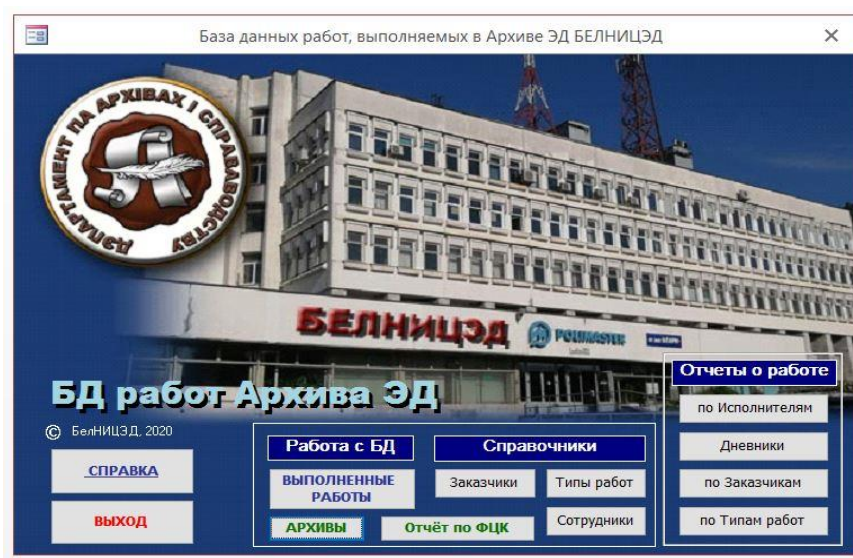

Рисунок 2 – Главная страница «БД работ архива ЭД»

Данный комплекс обеспечивает ведение базы данных поступления ЦК архивных документов в разрезе следующих 10 параметров по каждому архиву:

- 1) количество фондов архива, цифровые копии дел которых хранятся в ФЦК (Ф);
- 2) количество папок описей в папках фондов (О);
- 3) количество дел (Д);
- 4) количество файлов дел (ФД);
- 5) количество электронных страниц дел (СД);
- 6) объём файлов дел (ОФД);
- 7) количество описей (ОП);
- 8) количество файлов описей (ФО);

- 9) количество электронных страниц описей (СО);
- 10) объем файлов описей (ОФ).

Данный комплекс также позволяет получать отчеты по заказу, архиву, в целом по ФЦК.

Таким образом, в рамках описанного технологического процесса достаточно много процессов ручного ввода и обработки, которые могут быть автоматизированы. Таким образом, существующий технологический процесс по формированию ФЦК, который включает: обработку заявок архивов на размещение ЦК в ФЦК, их структурирование (систематизацию) при размещении на длительное хранение в хранилище, а также контроль обеспечения сохранности ЦК вызывает необходимость автоматизации технологических процессов формирования ФЦК, а также доработки действующего Положения о ФЦК архивных документов.

1. Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий [Электронный ресурс] : утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, 27.12.2007, № 56 : с изменен., внесенными приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, 06.02.2009, № 4, 25.09.2015, № 35.– Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 02.09.2023.
2. Методические рекомендации по подготовке и передаче архивных документов для оцифровывания, учета и хранения цифровых копий [Электронный ресурс]: утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, 25.11.2008, № 38. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 02.09.2023.
3. Положение о Фонде цифровых копий [Электронный ресурс] : утверждено приказом Председателя Департамента по архивам и делопроизводству, 22.06.2007, № 31.– Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 02.09.2023.

Дубровская Е.Ю. **«ЭГО-ДОКУМЕНТЫ» КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК** **ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ¹**

Ключевые слова: Российская Карелия, Гражданская война, трансформация коллективной памяти.

Коллективная (коммуникативная и культурная) память населения Российской Карелии о событиях Гражданской войны и международной интервенции 1918–1922 гг. является интересным объектом анализа. Сбор воспоминаний об этом трагическом времени проводился с начала 1920-х гг. в качестве грандиозного государственного проекта по инициативе Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Он создал источниковую базу для исследования памяти о Гражданской войне и ее героях и положил начало формированию фонда «жизненных историй» рядовых участников событий первой четверти XX в.

Особо значимы «эго-документы», собранные по заданию Истпарта, как опубликованные, так и хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия и в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Изучение истории Гражданской войны и интервенции на Европейском севере России, когда шло столкновение очень разных сил и происходило становление карельской государствен-

¹ Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания КарНЦ РАН (FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

ности, имеет давнюю традицию [6, с. 156–160]. Мы обращаемся к источникам личного происхождения, какими являются воспоминания и автобиографии 1930–1960-х гг., хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН, или опубликованные в сборниках 1930-х – 1960-х гг. [1; 2].

В официальной версии справедливо утверждалось, что Карелия в период Гражданской войны и военной интервенции оказалась в фокусе противостояния различных военных и политических сил. Здесь воевали отряды Красной армии и белого Временного правительства Северной области (ВПСО), действовавшего в Архангельске, подразделения Антанты и отряды эмигрировавших в Советскую Россию «красных финнов», созданный при помощи англичан «Карельский полк» и финские добровольческие части [3, с. 105–164]. Однако в учебной литературе, стремившейся к упрощению, число участников было не столь велико, и происходившее на фронтах Гражданской войны, как правило, сводилось к противостоянию «белых» и «красных». В культурную память оно и вошло прежде всего как война «красных» и «белых», что оказалось грубой, но широко распространенной интерпретационной схемой сложнейшего явления на пространстве бывшей Российской империи и многообразия социальных, политических, этнических, религиозных конфликтов на ее территории [7, с.12].

Несмотря на отражение темы Гражданской войны в Карелии в научной литературе и творчестве карельских писателей советского периода, коллективная память о ней носит довольно путанный характер. Это касается не только памяти современников, но и памяти тех, кто был прямым участником событий тех лет. Актуальность проблемы связана и с особым методологическим инструментарием, применяемым к исследованию мемуарных текстов как наиболее массовому виду документов личного происхождения. Обращение к теме памяти в контексте Гражданской войны на Русском Севере вызывает несомненный интерес, тем более, что сегодня все чаще обнаруживается стремление исследователей, изучающих раннесоветский период российской истории, опираться на «живые свидетельства» прошлого [11, с. 65–70].

В 1930-е годы по инициативе сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) под руководством Ээро Хаапалайнена, осуществлялся сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. В период революции 1918 г. и гражданской войны в Финляндии Хаапалайнен был уполномоченным по внутренним делам в правительстве «красных» финнов и занимал должность главнокомандующего Красной гвардии. Став руководителем историко-революционной секции, он хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о том, что происходило в годы его тревожной молодости [10]. В частности, о «красных» национальных героях Карелии и их репрезентации в национальной памяти: уроженцах Беломорской Карелии Григории Лежоеве, Николае Ругоеве, Ристо Богданове, Ииво Ахава – офицере российской армии, георгиевском кавалере и командире «Финского», или «Мурманского» легиона, который вместе с силами союзнической интервенции на севере выступал против вторгшихся «белых» финнов [4, с. 82–98].

Благодаря сотрудникам секции в эти годы были подготовлены сотни текстов на русском и финском языках, ныне хранящихся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦРАН). Многие из этих «эго-документов» стали единственным памятником как их авторам, так и собирателям, не уцелевшим в мясорубке сталинских репрессий.

Еще одна группа источников – это обнаруженные в НА КарНЦРАН воспоминания очевидцев, записанные в 1930-е гг. фольклористами, выезжавшими в карель-

ское приграничье, в Заонежье и Поморье, в частности, материалы фольклорной экспедиции ленинградской исследовательницы А. М. Астаховой [8]. Среди архивных материалов экспедиционных записей они образуют раздел «Фольклор гражданской войны». Фольклорные материалы, привлекаемые в качестве источников по истории Гражданской войны в России, помогают четче осознать специфику ее протекания в приграничном регионе страны и объясняют те поступки и действия воюющих, о которых зачастую невозможно судить по источникам другого рода.

Разумеется, экспедиции сотрудников КНИИ, побывавшие в 1930-х – 1950-х годах в отдаленных районах Карелии (самым известным из них был писатель А.М. Линевский), обращались к памяти лишь одной из сторон – к победителям: бывшим «красным партизанам», красноармейцам и тем жителям приграничья, кто поддерживал советскую власть. Однако в их свидетельствах встречаются подробности, позволяющие обнаружить не только следы индоктринации сознания этой категории населения, не только стереотипы и клише большевистской пропаганды. Значительная часть рассказов, записанных в это время, так и не была опубликована из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

Такая «память» нарушала монополию большевиков на революционизирование жителей приграничья и на чествование павших героев, которые могли происходить лишь из рядов правящей партии или ей сочувствующих. Из окончательных редакций воспоминаний исключались эпизоды с погибшими финскими революционерами, как и многие «неудобные» подробности, связанные, например, с действиями «Карельского полка». Прежде всего, потому, что это национальное вооруженное формирование, действовавшее в Беломорской Карелии в 1918–1919 гг., было создано при помощи англичан с целью изгнания из приграничья сил интервентов, вторгшихся из Финляндии.

Воспоминания, которые в 1950–1960-е гг. все же были предназначены к публикации, носят следы редакторской правки. Эти тексты сами по себе могут стать источником по истории науки и самостоятельным объектом исследования. Так, при подготовке сборника воспоминаний, увидевшего свет в 1963 г. [5], дала себя знать идущая из издательского опыта 1930-х – первой половины 1950-х гг. распространенная практика редакционных правок и не оговариваемых в примечаниях купюр в текстах, что неизбежно вело к искажению источника. На особенность таких публикаций обратила внимание исследовательница Т. Полякова, автор англоязычной статьи «Мемуарист и Редактор: о написании истории Гражданской войны в Карелии» [7]. Соотношение официального и «народного» дискурсов можно увидеть с помощью сохранившейся редакторской правки текста, саморецензирования, а также в решениях, связанных с возможностью публикации того или иного текста.

Влияние официального дискурса и подобной практики сказывается и на воспоминаниях, написанных в 1950-е – 1960-е годы. В своем большинстве они написаны по определенным «лекалам», заданным конспектами-минимумами и вопросниками-«подсказками», которые открывали простор «героическому» мифотворчеству и отфильтровывали все «негероическое», будничное и живое.

Вместе с тем анализируемые источники, составляющие культурное наследие Карельского края, позволяют проследить процесс трансформации коллективной памяти современников драматических перемен в истории страны под воздействием официально конструируемого советского дискурса, выявить национально-региональные особенности коллективной памяти о Гражданской войне на Севере России. Несмотря на трафаретный во многом характер изложения, ме-

муарные тексты открывают уникальные возможности для исследования политических символов и политической культуры раннесоветского периода в целом, языковых клише, а также индивидуальных описаний, в которых фиксировались восприятие и оценка событий их участниками и очевидцами.

Однако исследуемые воспоминания и материалы автобиографий нельзя считать историческим источником исключительно личного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать того времени, когда были написаны или записаны собирателями «Рассказов о Гражданской войне» в Карельском Поморье и Заонежье, в глубинке Олонецкого края, показывают, как шел процесс мифотворчества в Карелии в раннесоветский период и в 1950-е – начале 1960-х годов, позволяют выявлять запретные или «неудобные» для официального дискурса темы. «Эго-документы», прежде не вводившиеся в научный оборот исторических изысканий, демонстрируют на локальном материале основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые в 1920-1930-е гг. использовались для создания этнических и этнополитических образов, а также образов «нового» времени.

Коммеморативный нарратив о Гражданской войне в Карелии, ставший репрезентацией вооруженного противостояния на Севере России, отразил процесс создания коллективной памяти населения края, ее противоречия и столкновения с персональным опытом отдельных участников и очевидцев событий. Их воспоминания уже не могут «представлять» видение времени из 1930–1960-х годов как «живые свидетельства» прошлого, но позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в антропологическом ракурсе.

Историческая дистанция, потеря актуальности событий для официального дискурса, как правило, способствуют трансформации коллективной памяти, появляются фигуры и события умолчания. Работа с воспоминаниями и автобиографическими материалами, в том числе, хранящимися в НА КарНЦ РАН, помогает уловить эти трансформации, способствовать сохранению коллективной памяти и проведению «политики памяти», адекватной принципам, принятым в профессиональном сообществе историков.

1. В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. – Л.: ГИХЛ, 1932. – 224 с.
2. В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии / Карельский филиал АН СССР, Ин-т языка, литературы и истории; редкол.: Е. С. Гардин (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. – 255 с.
3. Витухновская-Кауппала, М. А., В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922 / М. А. Витухновская-Кауппала, А. Ю. Осипов. – М., СПб.: Нестор-История, 2021. – 352 с.
4. Дубровская, Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии / Е. Ю. Дубровская. – Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2016. – 110 с.
5. За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне / АН СССР, Карельский ин-т языка, литературы и истории; редкол.: В. И. Машезерский (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. – 535 с.
6. Историческое краеведение в Карелии: учеб. пособие / Л. Н. Юсупова [и др.]. – Петрозаводск: КГПА, 2012. – 308 с.
7. Колоницкий, Б. И. Введение / Б. И. Колоницкий // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России (Эпоха войн и революций; вып. 16) / редкол.: Б. И. Колоницкий (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – С. 7–34.
8. Научный архив Карельского Научного центра РАН. – Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 1-118. Л. 227–347.
9. Polyakova, T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia [Electronic resource] / T. Polyakova // Nordic and Baltic Studies Review. – 2016. – № 1. – Mode of access: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=482>. – Date of access: 05.10.2023.
10. Такала, И. Р. Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) / И. Р. Такала // Политическая история и историография: От античности до современности: сб. науч. ст. / М-во общ. проф. образования РФ; Петрозав. гос. ун-т; А. Д. Дридзе (ред.). – Вып. 2. – Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1996. – С. 187–193.
11. Трошина, Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века) / Т. И. Трошина. – Архангельск: Поморский университет, 2011. – 338 с.

Дулова Ю.В.
**АРТИОНИМЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ**

Ключевые слова: ономастика, артионим, ценность, изобразительное искусство.

Для белорусского народа характерно признание человека наивысшей ценностью. Значимость гуманизма находит отражение в названиях произведений изобразительного искусства (артионимах). В первую очередь речь идет об артионимах с компонентом *портрет / автопортрет*. А.В. Медвецкий описывает портрет как специфическую попытку эмоционально-художественного анализа самого себя творцом, в том числе отношений художника с социокультурным и природным окружением [1, с. 47]. Названия портретов заключают в себе культурно значимую информацию, если не носят формальный характер, а, например, содержат указание на конкретное лицо. В это же время лексема *автопортрет* в основе названия полотна вызывает у реципиента ассоциации, связанные с личностью художника.

Цель данной работы – выявить потенциал артионимии как средства репрезентации ценности человеческой личности. Фактический материал исследования – названия произведений живописи и графики авторов Белорусского Полесья, собранные из листов поступления основного фонда коллекций графики и живописи учреждения культуры «Витебский областной краеведческий музей», Интернет-портала «Художники Витебщины», каталогов картин.

Полотна, относящиеся к жанру автопортрета, не отличаются оригинальностью названий, т.к. для успешной коммуникации номинатора и реципиента не требуется дополнительных сведений, а достаточным представляется указание на жанр и авторство: О.В. Крошкин «Автопортрет», Б.Г. Лалыко «Автопортрет», которое может дополняться информацией о внешнем виде изображенного, условиях создания полотна и т.д.: В.К. Лебедко «Автопортрет с зеркалом», И.Ю. Боровский «Автопортрет на черном», А.И. Мемус «Автопортрет в клетчатой сорочке».

В имеющемся в нашем распоряжении материале (1725 единиц, объективирующих антропный код культуры) не выявлено артионимов, состоящих лишь из одного компонента – лексемы *портрет*: В.А. Андросов «Портрет студентки», Ф.Ф. Гумен «Портрет дочери». Портрет легко отличим от произведений иных жанров, т.е. дополнительный акцент на жанровых особенностях представляется излишним.

Человек как ценность репрезентируется в отапеллятивных артионимах и в артионимах, образованных путем трансонимизации.

Отапеллятивные артионимы, эксплицирующие антропный код культуры, классифицируются в зависимости от характеристик изображенного на полотне (характеристики могут сочетаться):

- его гендера, возраста: В.И. Ральцевич «Девушка», Г.Ф. Кликушин «Мальчик», И.Ю. Боровский «Мужчина»;

- профессии: М.Д. Михайлов «Пастух», В.И. Витко «Продавцы цветов», Л.С. Ран «Сталевары», И.Ю. Боровский «Медсестра». Обращение к изображению представителей определенных профессий (и их фиксация в названиях полотен) объясняется не только субъективными факторами, но и широким пространством для творческого осмысления;

- родственных связей. Столпами семьи являются отец и мать. При этом в народном сознании отец воплощает долг, а мать ассоциируется с эмоциями – любовью и лаской [2, с. 203]. Более эмоциональное отношение к матери отражено и в артионимах, через которые автор апеллирует к личным переживаниям реципи-

ента. Названия произведений передают боль матерей за своих детей: И.Ю. Боровский «Плач матери», А.И. Мемус «Мамина бессонница», П.Б. Гривусевич «Скорбь матери»; любовь ребенка к матери и материнскую любовь: Г.Ф. Шутов «Маме посвящается», А.В. Шилко «Позови меня еще, мама», В. И. Кухарев «Мать у колыбели», В.Н. Вольнов «Посвящение матерям», О.Г. Орлов «Память матери». Мать и родительский дом в сознании человека образуют единство: А.И. Мемус «Из маминого окна», И.Т. Бобоедов «Хата матери», А. Ф. Ковалев «Окно матери». Родители, дети, бабушки и дедушки, внуки и правнуки, супруги и иные члены семьи – это то, вокруг чего строится жизнь любого человека от рождения и до самой смерти: П.М. Явич «Правнучка», Н.И. Ткачев «Мать», В.И. Витко «Мать», П.Б. Гривусевич «Мать», Ф.Ф. Гумен «Бабушка», В.И. Витко «Память об отце», Н.А. Драненко «Брат вернулся», А.Б. Заборов «Где сын?», Е.А. Зайцев «Внуки приехали», «В теткинском доме», Г.Ф. Кликушин «Дедушка», «С бабушкой по делам», «Собрались родственники», «Супруги в отъезде», В. З. Краевский «Батя едет», «Дед и внук», «Мать», О.А. Сковородко «Сыновья», Н.И. Таранда «Отчий дом. Мои родители». Данный пласт названий характеризуется особой субъективностью и личной направленностью;

– внешности (в том числе положения на полотне, условий позирования, одежды): А.А. Соловьев «Женщина в красном», И.Ю. Боровский «Сидящая девушка», И.В. Могучая «Рыжая обнаженная»;

– социального статуса и роли: П.М. Явич «Школьница», Ю.А. Баранов «Невеста», В.И. Ральцевич «Студентка», Г.Ф. Кликушин «Попутчики».

Артионимы, образованные от имен натурщиков, содержат сведения о личном отношении художника к изображаемому человеку. Можно предположить, что подобные названия получают портреты знакомых художнику людей, его родственников, друзей: В.А. Андросов «Алена», В.И. Витко «Портрет Ани», М.Ф. Глушко «Леночка», Ф.Ф. Гумен «Алла», «Иришка», «Лена», А. Э. Духовников «Гуля», А.С. Изюитко «Лена», «Оля», Г.Ф. Кликушин «Парень Генка», А. Ф. Ковалев «Людмила», «Нина», о чем свидетельствует в том числе и их эмоциональная окрашенность.

Наряду с личными именами номинаторы фиксируют в артионимах национальность натурщика, его принадлежность к конкретной местности, что в единстве с полотном позволяет создать у реципиента образ типичного представителя: В.И. Кухарев «Белорус», А.И. Мемус «Витеблянка», Г.Ф. Кликушин «Испанец», И.В. Могучая «Парижанка».

Культурно-просветительскую функцию выполняют артионимы, которые восходят к прецедентным антропонимам (325 единиц): Г.С. Васильева «Здравствуйте, господин Малевич», А.И. Мемус «Наш Короткевич», Ф.Ф. Гумен «Актриса Светлана Окружная», В.И. Кухарев «Княгиня Ольга», Г.П. Киселев «Герой Советского Союза Вера Хоружая», Б.Г. Лалыко «Епископ Витебска Олег Буткевич». Прецедентные имена, положенные в основу артионимов, не только представляют собой важнейшую часть национальной культуры, но и транслируют общечеловеческие ценности, ценности отдельного народа и социума.

Таким образом, ценность человеческой личности находит отражение в артионимии Белорусского Поозерья, чему способствует обращение к одному из основных сюжетов искусства: человеку, его быту, особенностям профессиональной деятельности. Образы, создаваемые автором благодаря соответствующему артиониму, направлены на воссоздание у реципиента личных ассоциаций, а также передачу ценностей и идеалов, характерных для определенного народа или общества.

1. Медвецкий, А. В. Автопортрет как форма самопознания личности художника / А. В. Медвецкий // Искусство и культура. – 2012. – № 5. – С. 42–47.
2. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). – М.: Междунар. отношения, 2004. – 704 с.

Жэнь Сюйкунь
ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО РАДИОТЕАТРА КИТАЙСКОЙ РАДИОСТАНЦИИ
«ГИМАЛАИ FM»

Ключевые слова: детская радиодрама, Гималаи FM, Китай.

Радиодрамы – это пьесы, передаваемые исключительно по радио, в которых с помощью диалогов, музыки, звуковых эффектов и других художественных средств создаются слуховые образы, разворачивается сюжет и изображаются персонажи, иногда перемежаемые необходимым дикторским текстом, помогающим слушателям понять место действия и поступки героев произведения. Детская радиодрама как одно из важных направлений детской литературы пережила в Китае периоды популярности (1980–1990-е гг.) и упадка. С появлением мобильного аудиоконтента традиционная форма детской радиодрамы постепенно вновь стала популярной среди слушателей своей возрастной категории. Являясь одной из крупнейших компаний по производству детских радиодрам в Китае, радиостанция «Гималаи FM» выпускает детские спектакли с несколькими характеристиками, которые мы описываем и анализируем далее.

Аудитория детских радиодрам – это, как правило, дети в возрасте 3–12 лет, которые еще не зрелые психически и физически, не обладают сильной способностью к самоконтролю, им трудно сосредоточиться на чем-то одном в течение длительного времени, что, следовательно, определяет продолжительность детских радиодрам, которая не должна быть слишком долгой. Кроме того, развитие мобильного Интернета, большое количество интерактивных мероприятий отвлекают аудиторию, поэтому погоня за короткими и могущими быть приостановленными в любой момент прослушиваниями характерна для современной тенденции развития китайской радиодрамы. С развитием станции «Гималаи FM» в детских радиодрамах также наметилась тенденция к краткости содержания и изысканности производства. Таким образом, современные детские радиоспектакли создаются короче по продолжительности и компактнее по содержанию, чем в предыдущие годы, обычно подобное аудио представляет собой короткую историю, которая может быть как самостоятельной завершенной программой, так и отдельной главой в цикле радиопрограмм. Считаем, что такой формат отвечает слушательским запросам детской аудитории.

Важнейшей особенностью мобильного аудиоконтента является то, что его удобно слушать в любое время и в любом месте фактически без ограничений. Для привлечения слушателей радио «Гималаи FM» не только создало профессиональное детское мобильное приложение APP Himalaya Kids, внедрило его в автомобильном радио, «умных» часах и системах «умный дом», но и разработала смарт-аудио «XiaoYu» [1], обеспечивающее удобство для пользователей как в программном, так и в аппаратном плане. Пользователи могут входить в свои учетные записи на разных устройствах, что позволяет им не только переслушивать понравившиеся или любимые программы, но и продолжать знакомство с недослушанными ранее записями на других устройствах. Например, родители могут использовать автомобильное радио для воспроизведения детских радиоспектаклей станции «Гималаи FM» для своих детей по дороге в школу и обратно, включать их на смарт-стереосистеме «XiaoYu» перед сном, слушать на мобильном телефоне.

Следующей особенностью современных радиопостановок является наличие стереоскопического и графического звука. Поскольку радиодрама –

это аудиальное искусство, которое может донести до слушателей слуховые впечатления только через звук, при создании спектаклей необходимо полностью учитывать слуховые потребности аудитории. С развитием науки и современных технических возможностей профессиональные режиссеры радиодрамы все больше и больше осознают важность звука для радиодрамы, в полной мере используют новые технологии, благодаря чему создание звуоряда для радиодрамы получило дальнейшее развитие и позволяет слушателям получить более глубокие впечатления.

В последние годы причина роста популярности детских радиодрам на «Гималаи FM» среди слушателей во многом связана с развитием технологий. Приведем в качестве примера детектив «Команда мышей-сыщиков» (режиссер: Яо Цзиньмин, производство: Shandong Sound Search Education Technology Co, Ltd, 2021), где расследуются загадочные события. В данном спектакле используется панорамный стереозвук, чтобы сделать всю радиодраму более привлекательной для зрителей за счет соответствия звуковых эффектов содержанию программы. В создании радиодрамы была задействована профессиональная команда постпродакшн, благодаря чему уровень звучания всего произведения несколько не проигрывает кино- или теледраме.

Для радиодрамы наиболее важна «визуализация» событийного ряда, выражающаяся средствами звукового сопровождения. Трехмерность и богатство звуковых слоев делают ощущение картины и пространства в радиодраме более объемным. Например, в эпизоде ограбления банка в радиоспектакле «Детективная история обезьяньего шерифа» (режиссеры Ли Пин и Дин Янгуо, производство: Baby Bus, 2021 г.) используются шаги, резкие вздохи, звуки спецэффектов, диалоги героев. Вся эта звуковая палитра заставляет слушателя почувствовать изменение пространства и дает ощущение, что он находится на месте событий.

Ориентация на переживания и чувства детей – это следующая характеристика современной радиодрамы. Дети находятся под серьезным влиянием Интернета, у них активное мышление, развитая система дискурса, требование уважения, собственное сознание и способ мышления. Если детские радиодрамы хотят привлечь внимание слушателей, они должны в полной мере учитывать особенности современных детей и быть искренними с ними. Детские радиодрамы станции «Гималаи FM» в полной мере отражают временные запросы, активно создают произведения, отвечающие физическим и психическим особенностям детей.

В новой медиасреде в условиях массива информации изменилось сознание детей. Они обладают незаурядными личностными качествами, тесно связаны с обществом, любят высказывать собственные идеи и мнения. В условиях изобилия материальных ресурсов сегодня дети стремятся к большей духовной независимости и свободе. В то время как меняются психологические характеристики детей, меняются и воспитательные концепции родителей. В век Интернета родителям уже не так важно, сколько знаний и правды могут дать детям радиоспектакли, больше внимания уделяется чувствам и переживаниям детей при их прослушивании. В традиционных детских радиодрамах большое внимание уделяется воспитательной функции. Современные же детские радиодрамы станции «Гималаи FM» преимущественно сосредоточены на том, чтобы удовлетворить детское любопытство, пробудить детское восприятие, развлечь детей умственно, дать им почувствовать очарование звука.

По сравнению с традиционными детскими радиоспектаклями, детские постановки станции «Гималаи FM» стремятся создать звуковое пространство, отвечающее детскому слуху, и постоянно совершенствовать его. В оформлении языковой выразительности больше внимания уделяется красоте языкового искусства. Контекстуальная красота языка детских радиодрам отражается в смысловом понимании текста актером озвучивания, владении ритмом в соответствии с жанром программы. Например, в случае со спектаклем «Команда мышей-сыщиков», когда Цонцон приходит на место преступления, сопровождаемое звуком шагов, из-за отсутствия визуальной картинки аудиальный поток содержит звуки догоняющей ходьбы при разговоре вместе с соответствующими хрипами и сбитым дыханием; когда глупый Гусь плачет, слова становятся прерывистыми, артикуляция нечеткая, появляются соответствующие звуки рыдания и вытирания слез.

Очередной характеристикой современного китайского радиотеатра можно назвать происходящие изменения во взаимодействии актера с аудиторией. CV (Character Voice) – характерные актеры озвучивания радиодрам. Детские радиодрамы на станции «Гималаи FM» создаются профессиональными командами, многие исполнители – это известные ведущие или актеры озвучивания, которые не только активно работают в радиостудии у микрофонов, но и общаются со слушателями на онлайн-платформе, участвуют в некоторых оффлайн- или промо-мероприятиях. Это способствует привлечению слушателей к личности актера, радиостанции и радиоспектаклям. Например, актер, исполняющий роль Папыльва в радиодраме «Путешествие на Запад» (режиссер: Яо Цзиньмин, производство: Shandong Sound Seeking Education Technology Co., Ltd, 2020), является первоклассным ведущим программ для гималайских детей, имеет более 100 тысяч подписчиков [2], любим детьми, его работы превысили 100 млн. просмотров.

Ведущие и актеры озвучивания каждой детской радиодрамы на радиостанции «Гималаи FM» отвечают на сообщения пользователей, общаются с ними, благодаря чему содержание и качество детских радиоспектаклей постоянно совершенствуется с учетом предпочтений и мнений слушателей [3].

Подводя итог, отметим, что развитие мобильного аудиоконтента, производимого на радио «Гималаи FM» с использованием современных творческих и технических возможностей (улучшение впечатлений от прослушивания спектаклей за счет совершенствования звуковых технологий, внедрение различных эффектов, разработка программного и аппаратного обеспечения с адаптацией к образу жизни сегодняшних детей и т.д.), является перспективным творческим направлением и открывает новые возможности для китайского и мирового детского радиотеатра.

1. Введение [Электронный ресурс] // Himalaya FM. – Режим доступа: <https://www.chinaz.com/2019/0903/1044688.shtml>. – Дата доступа: 05.09.2023 (=站长之家.产品:喜马拉雅FM简介).
2. Количество гималайских якорей превышает 10 миллионов [Электронный ресурс] // Himalaya FM. – Режим доступа: <https://www.chinaz.com/2020/0116/1093088.shtml>. – Дата доступа: 16.09.2023 (=站长之家.喜马拉雅主播数破千万 近200位主播年收入百万).
3. Himalaya FM. Голоса с вершины мира [Электронный ресурс] // Sohu.com. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/329984560_114819. – Дата доступа: 25.09.2023 (=搜狐.产品分析:喜马拉雅FM--来自世界之巅的声音).

Ивашкевич Е.Ф.
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СВОЕГО НАРОДА

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, гражданское сознание, историческое мышление.

Курс истории призван заложить основы формирования чувства национального достоинства и гордости, воспитания человека-гражданина, рачительного хозяина на своей земле, ответственного за результаты своей деятельности и перед современниками, и перед потомками, «ибо без исторической памяти народ – не народ, а бездуховная и безнравственная масса, с которой никуда не дойдешь и ничего не создашь».

Важным здесь является:

- наличие у юношей и девушек устойчивого интереса к жизни гражданского общества, переросшего во внутреннюю потребность его личностного существования, ибо потребности и интересы являются одним из определяющих факторов в механизме взаимосвязи познания и практики;

- знание эталонов и реальных гражданских отношений, прав, обязанностей, норм, традиций, обычаев в экономической, социальной, национальной, нравственной и других сферах жизнедеятельности гражданского общества;

- успешное и качественное овладение знаниями по истории своего народа как определяющей основы для последующего прогрессивного развития, систематическое добровольное приобщение к его культурному наследию. Особенно это важно в настоящий переломный момент в истории белорусского народа;

- способность к научно-познавательной деятельности, логическим мыслительным операциям (умение делать умозаключения, анализировать, обобщать, синтезировать явления и факты и т.п.), оперировать новыми понятиями;

- осведомленность и информированность о текущих изменениях в жизни гражданского общества, понимание перспектив развития демократизации и законности, соотношения государственного и общественного, а также общественного и личного;

- развитие навыков научного прогнозирования, умения видеть дальнейшее развитие событий, определять причинно-следственные связи.

Однако, субъект познает мир и самого себя не только как систему значимых объектов, он также осознает причины существования ценностей, их глубинных внутренних связей, устойчивость и основательность истинно человеческих начал и идеалов. В связи с этим, наряду с содержательным аспектом в духовно-нравственном воспитании молодёжи большую роль играет ценностно-волевой аспект, а именно:

- ценностное познание субъектом значимости для себя вновь открытых ценностных свойств объекта, анализ отношения к предмету отражения, приемлемой формы удовлетворения потребностей и интересов, оценка выбора объектов в качестве ценности;

- оценочное отношение к своему собственному «я», личному достоинству, жизненным качествам, необходимым для собственного самоудовлетворения, своему месту, своей социальной роли в жизни окружающих, социальных общностей, членом которых он является (семьи, классном коллективе, школе, нации, республике и т.д.);

– степень сознательного и зрелого выбора способов самоутверждения в обществе, поведения и деятельности, способность корректировать их в соответствии с общественными нормами и потребностями;

– превращение усвоенных знаний в твердые убеждения, умение последовательно не только излагать их, но и отстаивать в спорах, дискуссиях, применять на практике.

В то же время, чтобы осознать объект как ценность, субъекту требуется особая специфическая чувствительность, особое субъективное целостное психическое состояние, которое сформировалось благодаря устойчивым положительным эмоциям в результате взаимодействия субъекта и объекта. В связи с этим, необходимо учитывать определенную психологическую предрасположенность молодёжи к тем или иным духовно-культурным ценностям, её эмоциональное состояние в диапазоне отрицательного-положительного по отношению к тем или иным познавательным объектам.

Исходной предпосылкой адекватного самоосуществления личности является понимание ею своей сопричастности к формированию перспектив истории, реальным противоречиям времени, верное представление о конкретно-историческом социальном характере ценностей своей жизни. В связи с этим, необходимо обращать внимание на способность молодых людей к преодолению противоречий между индивидуальным пониманием моральных норм и нравственных отношений и насущными требованиями современного развития общества, между абстрактно-идеальными принципами добра, разума, блага и, иногда, отрицанием их конкретными социальными истинами бытия.

Усвоение общих нравственных принципов, ценностное познание человеком окружающего и своего внутреннего мира, не только объектов, но и собственных эмоций и чувств, проявляется в способности личности к самореализации во всех сферах жизни, в выборе принципов деятельности и поведения, продолжительности и регулярности их претворения, что может являться показателями гражданской активности личности.

С учетом всего вышеизложенного, опираясь на ряд научно- педагогических, психологических, философских, социологических исследований, изучение мотивации личности должно, на наш взгляд, вестись по трем основным направлениям:

1) изучение наличия устойчивости интереса молодёжи к формированию гражданского достоинства, формам и возможностям его проявления в учебной и других видах деятельности. Здесь необходимо уделить внимание прежде всего внутренней стороне проявления интереса, то есть превращению его во внутреннюю личностную устойчивую потребность;

2) определение установки личности в этом направлении, совокупности его ориентаций и склонностей, когда исследуется не только такое проявление установки личности, как поведение, деятельность, поступки, а мнение учащихся по тому или иному вопросу, проблеме, ситуации (т.е. вербальное поведение), принимается во внимание не только внутренняя ориентация самого учащегося, но и «внешняя» ориентация его со стороны педагогов, родителей, сверстников, общественности;

3) учет влияния на духовно-нравственное воспитание совокупности обстоятельств, условий, определенного «внешнего принуждения».

Руководствуясь всем вышеизложенным, в процессе преподавания истории необходимо использовать такие методы исследования, как наблюдение, анкетирование, интервьюирование, создание проблемных ситуаций, коллективные и индивидуальные беседы, дискуссии, анализ письменных и устных работ учащихся

ся (докладов, сообщений, реферирования газетных и журнальных статей), разбор конкретных ситуаций, фактов и явлений, игровые и другие формы учебной и внеклассной работы, обобщение результатов деловых игр, интерактивные формы обучения и использованием информационных технологий.

Исследуя содержание ответа на вопрос к учащимся «Ваше отношение к предмету «История Беларуси»?» в процессе устного собеседования, можно прийти к выводу, что ситуация в этом плане не совсем благополучна. Приблизительно 50% отвечающих ответили положительно, а среди отрицательных ответов были такие: «Я никогда не учила историю Беларуси как следует», «мне она безразлична». Типичными ответами, на вопрос, почему не нравится история Беларуси, были: «много трудного материала», «много приходится запоминать», «много теории, фактов, поэтому считаю скучным и сухим предметом», «много уже знакомо, известно, так как это уже проходили раньше».

Естественным было предположить, что там, где нет познавательного интереса к истории родной республики, там она не будет занимать и соответствующее важное место среди других общеобразовательных предметов. На наш взгляд, это в какой-то степени объяснимо. Ведь многие старшеклассники готовятся поступать в высшие учебные заведения и избирательно относятся к предметам, определяющим их будущую профессию. Но, с другой стороны, в связи с этим проблема видится гораздо глубже и острее. Смогут ли быть разносторонними, широко образованными специалистами, достойными гражданами будущие врачи, инженеры, юристы, экономисты и другие, когда наблюдается тенденция достаточно узкой специализации выпускника высшей школы.

Часто получается, что гуманитарное образование как целеустремленный и всеобъемлющий, интегрирующий процесс заканчивается для многих старшеклассников в школе. Вот почему, на наш взгляд, у них отсутствует глубокая убежденность в необходимости систематического и последовательного приобретения знаний по родной истории и культуре, возникает сомнение в их практической значимости для жизнедеятельности любого достойного гражданина страны. В связи с этим, на государственном уровне в последнее время предприняты шаги по увеличению удельного веса дисциплин социально-гуманитарного блока в образовательном процессе.

Исследуя представления учащихся об необходимости изучения истории своего государства, её общественной значимости как науки, так и учебного предмета, личной заинтересованности. к сожалению, можно сформулировать следующие выводы:

1) многие старшеклассники не понимают важности изучения истории своего народа для социальной ориентации, становления их как членов общества. Как и во имя чего жить, как бороться за свои идеалы для них не столь значимо! Только отдельные учащиеся считают, что история призвана формировать мировоззрение, «учит жить, думать, анализировать», «развивает духовно, помогает общению между людьми»;

2) признавая теоретически научную и общественную значимость истории, учащиеся в то же время отказывают ей в практическом знании: «не пригодится в жизни, будущем, для выбранной профессии». Учащихся мало привлекает само познание исторических явлений, возможность самостоятельно творчески мыслить, определять и отстаивать свои взгляды, идеи, убеждения;

3) определение более низкого прикладного значения истории, чем естественно-математических предметов, приводит к потере интереса к данному предмету. Отсюда довольно невысокие оценки по истории в старших классах, интеллектуальная пассивность на уроках, отсутствие навыков и потребности в самостоятельной работе по предмету.

Как правило, учащиеся мало пользуются дополнительной литературой по истории Беларуси и то, как правило, это художественные произведения известных белорусских писателей. Те же газетные статьи, документальные повести, публицистические очерки, которые освещают важные исторические и культурные события республики, остаются, в основном, вне поля зрения школьников. Большинство из них самостоятельно не посещают лекции, встречи, посвященные исторической тематике, а самостоятельная работа в библиотеке, исследовательская деятельность и попытка аналитического обзора информации для многих оказалась неприемлемой и неиспользуемой.

Основными источниками информации по истории и культуре родного края, а следовательно, и важнейшим средством гражданского становления учащихся, по-прежнему остаются уроки и факультативы в школе, средства массовой информации, беседы с родственниками и друзьями. Это еще раз подчеркивает необходимость предъявления повышенных требований к курсу истории Беларуси в соответствии с современной геополитической обстановкой.

Анализируя мнения большинства учёных, общественных и государственных деятелей, можно выделить следующие основные причины этих во многом неутешительных явлений:

- возможная подача иногда преподавателями исторического материала в виде почти «голой» схемы, недостаточное подкрепление теоретических положений фактами, что приводило только к научному теоретизированию, лишенному эмоциональности, формированию формально-логического, а не исторического мышления;

- недостаточное внимание духовной сфере жизнедеятельности своего народа, его гражданским представлениям, традициям и идеалам;

- попытка учителей предлагать учащимся «готовые истины», а не пробуждать их мысль, интеллектуальный поиск.

Таким образом, с учетом современных условий, основными задачами исторического образования являются:

- содействие воспитанию сознательного человека-гуманиста, ответственного гражданина, который знает и уважает историю и культуру своего народа;

- формирование высоко моральной, духовно просветленной, граждански зрелой личности, которая осознает приоритет общечеловеческих и национальных ценностей перед групповыми и личными интересами;

- развитие у учащихся исторического мышления, интеллектуальных и специальных умений, которые необходимы для самостоятельного изучения разных исторических источников;

- освоение национальных традиций и обычаев, формирование чувства личной ответственности за дальнейшую судьбу Отечества.

Камалетдинов Д.А., Халиулина А.И.
СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИЭИ УФИЦ РАН¹

Ключевые слова: культурное наследие, Республика Башкортостан, регион, памятник, музей, экспозиция, коллекция.

В условиях современного мирового порядка актуализируется проблема сохранения культурного наследия, которое представляет для общества, как наследие физических артефактов (памятников архитектуры, музейных, архивных и библиотечных фондов, произведений искусства), так и нематериальных атрибутов повседневной жизни человека (языка и народного фольклора, традиций, праздников и обрядов, памятных и исторических дат, народных промыслов и ремесел). Концептуальные основы культурного наследия сформировались в результате сложных исторических процессов и меняющейся системы ценностей. На сегодняшний день, различные механизмы охраны и защиты культурного наследия способствуют сохранению части нашей культуры и национального наследия в интересах будущих поколений.

Развитие отечественной культуры находится в числе приоритетных направлений государственной политики. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 [1] 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России, который проводится в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей многонациональной страны. Государственная поддержка культуры и популяризация культурного наследия России (в научных изданиях и научно-популярной литературе, в средствах массовой информации, на страницах социальных сетей и т.д.) содействуют сохранению исторической памяти, развитию гражданской, этнической и региональной идентичности населения, а также достижению общественного консенсуса по отношению к историческому прошлому в трансформирующемся российском обществе.

Мировое историко-культурное наследие демонстрирует развитие человеческой истории на протяжении тысячелетий. Так, в соответствии с положениями Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (принята специализированным учреждением Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 1972 г. и официально вступила в силу в 1975 г.), объект Всемирного наследия имеет «выдающуюся универсальную ценность» [2]. Стоит отметить, что данная Конвенция обеспечивает основу для международного сотрудничества в целях сохранения и защиты культурных ценностей и природных зон во всем мире.

Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО делятся на три типа: культурные, природные и смешанные. Так, к объектам культурного наследия относятся исторические здания и городские объекты, важные археологические памятники, произведения монументальной скульптуры или живописи. Объекты природного наследия ограничены природными зонами, которые, во-первых, представляют выдающиеся примеры жизни на Земле или ее геологических процессов, во-вторых, являются прекрасными примерами текущих экологических и биологических эволюционных процессов, в-третьих, содержат природные явления, которые

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 122031400062-7 ИЭИ УФИЦ РАН на 2022–2024 гг.

являются редкими, уникальными, превосходными или выдающейся красоты, или, в-четвертых, обеспечивают среду обитания для редких (или находящихся под угрозой исчезновения) животных и растений. В свою очередь, объекты смешанного наследия содержат элементы как культурного, так и природного значения.

На территории Российской Федерации находится 30 объектов, включенных в Список всемирного наследия, из которых 19 являются культурными и 11 природными [3]. Культурное наследие России представляет ценные с историко-культурной точки зрения материальные и духовные объекты, которые являются национальным достоянием. Согласно статье 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», объекты культурного наследия подразделяются на три основных вида: памятник, ансамбль и достопримечательное место [4].

На официальном сайте Министерства культуры РФ представлены открытые данные – сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ [5]. Обращение к этим данным показывает, что на территории Приволжского федерального округа находится 56366 объектов культурного наследия, из которых 5630 объектов приходится на территорию изучаемого региона – Республики Башкортостан (см. рис. 1).

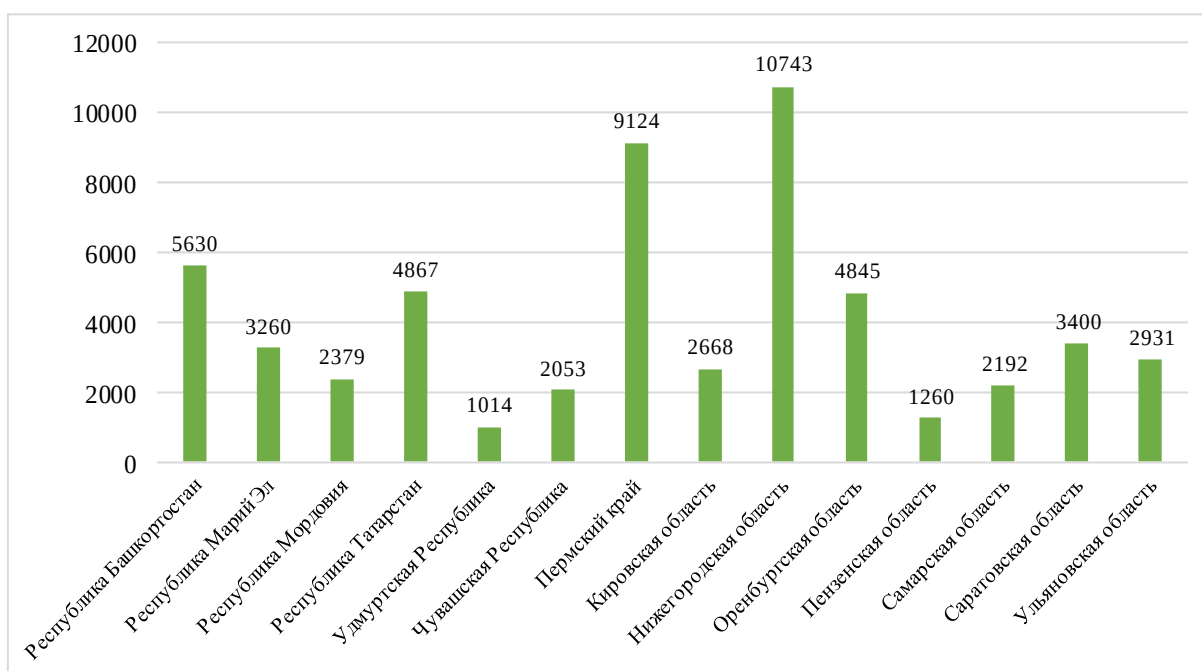

Рис. 1. Количество объектов культурного наследия на территории субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации [5]

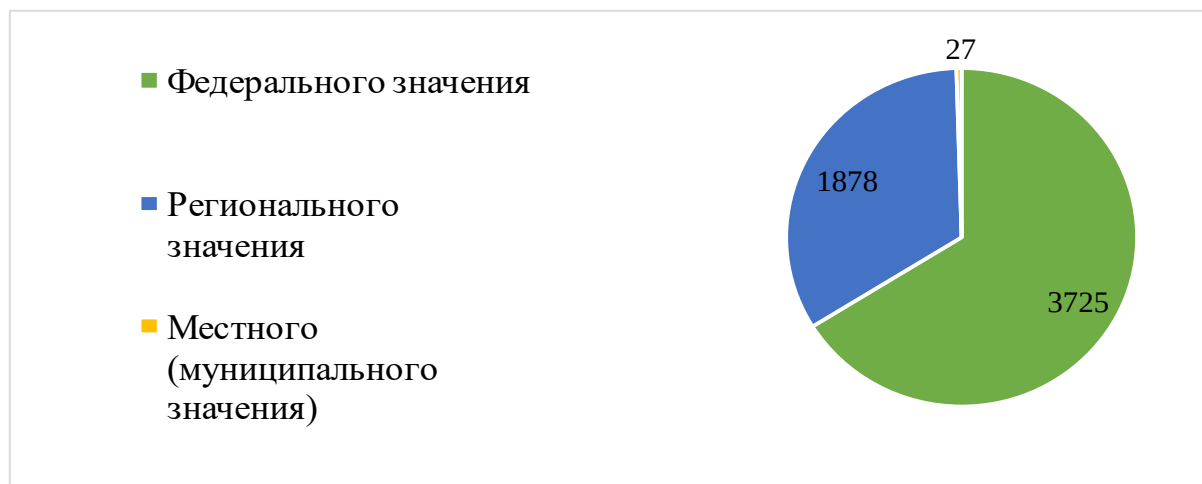
Необходимо отметить, что в российском законодательстве выделены три категории историко-культурного значения объектов культурного наследия: федерального, регионального и местного (муниципального) значения (см. табл. 1).

Согласно сведениям из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (см. рис. 2), на территории Республики Башкортостан находится 3725 объектов федерального значения (66,16 %), 1878 – регионального (33,36 %) и 27 – местного (муниципального) значения (0,48 %). Данные объекты культурного наследия включают 5473 памятника, 189 ансамблей, 18 достопримечательных мест (см. рис. 3).

Таблица 1

Категории историко-культурного значения объектов культурного наследия [4]

№	Категория	Определение
1.	Объекты культурного наследия федерального значения	Объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации, а также объекты археологического наследия
2.	Объекты культурного наследия регионального значения	Объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации
3.	Объекты культурного наследия местного (муниципального) значения	Объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры муниципального образования

Рис. 2. Количество объектов культурного наследия на территории Республики Башкортостан по категориям историко-культурного значения [5]**Рис. 3. Количество объектов культурного наследия на территории Республики [5]**

Также необходимо обратить внимание на электронный реестр объектов нематериального культурного наследия народов Республики Башкортостан. Он содержит сведения о 78 объектах, собранных в группы по четырем категориям: устное творчество (сказки, пословицы и поговорки, эпические сказания и песни, фольклорная проза), исполнительное искусство (песенное, танцевальное, музыкально-инструментальное и театральное искусство, сказительство), празднично-обрядовая культура (праздники, обряды, ритуалы, традиционные игры и исконные забавы), техники и технологии (традиционные народные костюмы и ремесла, народные музыкальные инструменты, традиционная хозяйственная и бытовая культура, охотничьи промыслы, рыболовство) [6].

Преобразование материального и духовного культурного наследия в объекты музейного показа позволяет произвести репрезентацию и конструирование исторического прошлого (передать образ жизни какой-либо прошедшей эпохи, понять мировосприятие и духовные ценности человека в различных культурах, узнать функциональное предназначение предметов повседневного обихода, показать уникальность и неповторимость традиционного искусства народов Башкортостана, оценить роль народа и отдельных личностей в развитии общества и др.). Музейные учреждения страны вносят большой вклад в сохранение, популяризацию и актуализацию объектов историко-культурного наследия.

Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (учрежден в 1976 г. по инициативе члена-корреспондента РАН Р.Г. Кузеева) является крупнейшим хранилищем археологических и этнографических коллекций на территории региона. Экспозиция музея выстроена по коллекционно-тематическому принципу, в ней представлены важнейшие результаты научных исследований по археологии и этнографии Башкортостана, выраженные в археологических и этнографических коллекциях, собранных научными сотрудниками в период с середины XX в. по настоящее время [8, с. 6]. Академический музей состоит из четырех залов: «Археология Южного Урала», «Мир башкирской культуры», «Народы Башкортостана», и «Золото сарматов». Следует признать, что экспонаты, размещенные в залах музея, являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия региона и страны.

В зале «Археология Южного Урала» последовательно представлены этапы развития человеческих сообществ на Урале. Это антропогенез, эпоха камня (включающая палеолит, мезолит, неолит, энеолит), эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Традиционный быт и культура башкир в XIX–XX вв., виды хозяйственной деятельности, народные промыслы и декоративно-прикладное искусство демонстрируются в зале «Мир башкирской культуры». В экспозиции «Народы Башкортостана» на примере традиционной одежды показана специфика национальной культуры восточнославянских, тюркских и финно-угорских народов, проживающих на территории Республики Башкортостан, в свою очередь костюмные комплексы гармонично дополнены предметами быта, хозяйства и прикладного искусства. Золотая коллекция из Филипповского курганного могильника (IV в. до н.э.) размещена в экспозиции «Золото сарматов», в ней выставлены коллекция «Золотые олени Евразии», золотая и серебряная посуда, деревянные сосуды с оковками из золота, оружие древних кочевников и детали конского снаряжения [8, с. 6–7]. ИЭИ УФИЦ РАН вносит вклад в репрезентацию музейных объектов в виртуальной среде, на официальном сайте научной организации (<http://www.ikuzeev.ru/>) размещена виртуальная экскурсия по музею в формате 3D, а также флеш-объект одного экспоната из фонда драгоценных металлов – чувашского женского головного убора хушпу из бисера, серебряных монет и кораллов [7, с. 109].

Таким образом, материальные и духовные ценности Республики Башкортостан, создаваемые на протяжении длительных исторических эпох, являются важнейшей составляющей локального (регионального), российского и мирового культурного наследия. Этнические связи в рамках евразийского пространства обусловили культурное, духовное и языковое разнообразие регионального социума, что еще раз подчеркивает уникальность и богатство культурного наследия России. Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН вносит значительный вклад в сохранение, репрезентацию и популяризацию материального и нематериального культурного наследия Башкортостана, поскольку основу научной концепции его развития составляют важнейшие результаты исследований в области археологии и этнографии. Репрезентация предметов историко-культурного наследия в экспозициях академического музея представляет несомненную ценность для сохранения и развития культуры народов, проживающих на территории многонационального региона. Каждый экспонат является иллюстративным материалом для музейного повествования, объективной интерпретации и передачи научных знаний (о истории и культуре края, особенностях его природно-географического положения, социально-экономического и духовного развития) для широкой аудитории.

1. О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России : Указ Президента Российской Федерации, 30.12.2021, № 745 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 1. – Ст. 73.
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : заключена в г. Париже, 16.11.1972 // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М. : Логос, 1993. – С. 290–302.
3. Объекты Российской Федерации, включенные в Список всемирного наследия [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/ru>. – Дата доступа: 18.11.2022.
4. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон, 25.06.2002, № 73-ФЗ : с изм. на 20 октября 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.07.2002. – № 26. – Ст. 2519.
5. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры РФ. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>. – Дата доступа: 10.11.2022.
6. Электронный реестр объектов нематериального культурного наследия народов Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://onknrb.nknrb.ru/>. – Дата доступа: 20.11.2022.
7. Мухаметзянова-Дуггал, Р. М. Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: создание и развитие / Р. М. Мухаметзянова-Дуггал, Д. А. Камалетдинов // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2021. – № 3. – С. 103–112.
8. Музей археологии и этнографии: каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / отв. ред. А. Б. Юнусова. – Уфа : ЦЭИ УНЦ РАН : Информреклама, 2007. – 220 с.

Кантор Ю.З.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ МУЗЕЕВ И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1943–1944 ГГ.

Ключевые слова: музеи, оккупация, воссоздание, ЧГК, правовые акты, памятники, учет.

«Мы, вернувшие миру тысячи занятых оккупантами городов... за то мы дрались, чтобы все вернуть, все, что у нас отнято фашистами. У нас создавалась красота, от утраты которой человечество всего мира чувствует себя беднее. Мы ее и должны воссоздать. Наши прекрасные дворцы изранены, они ждут нас... То, что уцелело – это же все живое! Раненое, но живое! Надо только ничему не дать затеряться и погибнуть. И спасать, спасать сегодня, не дожидаясь конца войны! Засучив рукава работать, чтобы сохранить то, что уцелело, восстановить то, что пострадало, вернуть человечеству всего мира то, что заставит человечество чувствовать себя богаче... Восстановим и то, что исчезло» [1, с. 261], – эти слова зна-

менитого ленинградского архитектора-фронтовика, Ф.Ф. Олейника, сказанные в январе 1944 г., являются своего рода «эпиграфом» к невероятно трудной но в высшем смысле необходимой созидательной деятельности по воссозданию утраченных шедевров культурного наследия России.

Восстановление музеев на освобожденной от оккупантов территории и возобновление их деятельности стало одной из важнейших как в политическом, так и в нравственном отношении задач, консолидирующих общество уже в годы войны. Противопоставить созидание разрушению, культуру варварству и нерушимую связь времен сиюминутности хаоса – было делом чести и для государства, и для его граждан, активнейшим образом и с неподдельным энтузиазмом откликнувшихся на призыв помочь возродить из руин поруганное национальное достояние, национальные святыни. Воссоздание памятников архитектуры, дворцово-парковых ансамблей, самих музеев и их экспозиций наконец справедливо рассматривалось как возвращение к мирной жизни, истокам самоидентификации, как торжество человечности над бесчеловечной сущностью нацизма.

Систематическая работа в этом направлении стала вестись в 1943 г., после победы в Сталинградской битве, когда фронт стал катиться на запад, и советские войска освобождали один город за другим, хотя и до этого времени, предпринимались попытки восстановить музеи, пострадавшие во время оккупации – в тех, где она была недолгой: преимущественно это касалось московского региона, откуда враг был отброшен уже в конце 1941 г.

Первым официальным документом, предписывающим необходимость учета разрушений памятников истории и культуры, а также и потерь, понесенных музеями и библиотеками на территории СССР, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками, стало письмо Наркомпроса от 3 февраля 1942 г. [2]. В нем нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин поручил руководителям только что освобожденных от врага областей России организовать специальные комиссии, которые должны были собирать подробнейшую информацию об уничтожении отечественных памятников культуры. Он предлагал заведующим областными отделами народного образования Калининской, Московской, Тульской, Ростовской областей привлечь к этой деятельности представителей общественности, директоров, сотрудников музеев и библиотек – для сбора свидетельств очевидцев, фотодокументов, составления актов о разрушениях и разграблении памятников, вывозе музейных и библиотечных коллекций. В документе «читается» абсолютная уверенность в победе (несмотря на то, что в феврале 1942 г. ситуация на фронте была сложнейшей) и, как ее следствие – возможность «предъявить неприятелю счет» [2].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была сформирована Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. (Она действовала до 1956 г.) В документе говорилось: «Вероломно напад на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершают на временно захваченной ими советской территории чудовищные преступления... разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза и расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов» [3].

Согласно указу в задачу ЧГК входил «полный учёт злодейских преступлений нацистов и причинённого ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с

целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области» [4]. Комиссии предоставлялось право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников на территории СССР. (Акты и сообщения ЧГК стали одним из важнейших доказательств обвинения на Нюрнбергском процессе).

16 марта 1943 г. было утверждено Положение о Чрезвычайной государственной комиссии, где сообщалось, что ЧГК собирает документальные данные, проверяет их и по мере необходимости публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе, что она издаёт распоряжения и инструкции по вопросам, входящим в компетенцию комиссии. Предусматривалось, что к составлению актов о злодеяниях оккупантов должны привлекаться представители советских, хозяйственных, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций, рабочие, колхозники и служащие. Председатель комиссии – секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. 3 апреля 1943 г. был утверждён штат комиссии в количестве 116 человек и смета в сумме 2 млн. 669 тыс. руб. [5].

Факты злодеяний полагалось устанавливать актами на основе заявлений советских граждан, опроса потерпевших, свидетелей, врачебных экспертиз и осмотра места совершения преступлений. К ним должны были прилагаться все относящиеся к делу документы: протоколы опросов, заявления граждан, заключения медицинских экспертов, фотоснимки, немецкие документы и др. Акты должны были составляться непосредственно на местах совершения преступлений в месячный срок после освобождения советских территорий.

В соответствии с Положением в республиках и областях также были созданы местные комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, которые действовали в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК. К началу 1944 г. функционировало 19 областных и республиканских [6, с. 190]. Разумеется, важную роль в деятельности комиссии и ее региональных подразделений играл сбор информации и оценка злодеяний нацистов и их сателлитов в сфере культуры.

Вся эта масштабная и скрупулезная работа шла параллельно с многопрофильной деятельностью, направленной на восстановление музейной сети, реставрацией или реконструкцией памятников культуры, пострадавших во время Великой Отечественной, воссозданию музейных фондов и формированию новых коллекций.

Музеи, входившие в систему Управления музейно-краеведческой работы Наркомпроса РСФСР: проверка состояния сохранившихся фондов, первоочередная реставрация и консервация, восстановление учетных документов (инвентарные книги, коллекционные описи), проведение мероприятий по охране памятников [7, с. 12].

Музеи, расположенные в тылу, обязаны были принять участие в помощи пострадавшим от оккупантов музеям, передав им часть своих фондов (мера в тех условиях понятная, но, заметим, болезненно воспринятая музейным сообществом), а также оказанием методического содействия по восстановлению [7, с. 13]. Наркомпрос предписывал: «Нам придется восстановить около 50 музеев (впоследствии, к концу войны, когда стали полностью известны масштабы разрушений, это цифра увеличилась почти в четыре раза – Ю.К.), от многих из которых почти ничего не осталось. Нам придется делиться с ними своими фондами, придется принимать очень активное участие в их восстановлении, и об этом пора подумать. Уже сейчас в тыловых музеях надо выделить те фонды, которые могут

быть переданы потом на запад» [8, с. 11]. Эта, видимо, необходимая мера – иначе огромное количество освобожденных регионов, опустошенных смерчем войны, вообще оказалось бы лишенным образцов культурного наследия, тем не менее, была неоднозначной: она причинила ущерб целостности фондов музеев, ставших «донорами». Главным «донором» для разрушенных или пострадавших музеев союзных республик стали в послевоенные годы музеи регионов РСФСР.

1. Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма / А. И. Зеленова. – СПб. : Арт-Палас, 2006. – 307 с.
2. Культурные ценности – жертвы войны [Электронный ресурс] / Министерство культуры РФ. – Режим доступа: <http://www.lostart.ru/ru/>. – Дата доступа: 03.10.2023.
3. Генеральная прокуратура РФ. Исторические документы. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 40. [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/veterans-rights/documents?item=1693764>. – Дата доступа: 03.10.2023.
4. Материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://statearchive.ru/1185>. – Дата доступа: 03.10.2023.
5. Епифанов, А. Следствие ведет ЧГК. В самый тяжелый период оккупации СССР создал комиссию для расследования злодеяний нацистов [Электронный ресурс] / А. Епифанов, Д. Асташкин, Д. Сидоров. – Режим доступа: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20201127/37706/Sledstvie-vedet-ChGK.html>. – Дата доступа: 03.10.2023.
6. Павлов, А. Ю. Определение ущерба, нанесенного дворцам и паркам Петергофа в период оккупации, и начало восстановительных работ / А. Ю. Павлов, Е. В. Потемкина // Дворцы и война: К 100-летию начала Первой мировой войны: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2014 / Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. – V. – СПб. : Европейский Дом, 2015. – 356 с.
7. Маневский, А. Д. Основные вопросы музейно-краеведческого дела : пособие для работников музеев / А. Д. Маневский. – М., 1943. – 28 с.
8. Маневский, А. Д. Музейно-краеведческое дело : [лекция, прочит. для участников совещания по политпросветработе при НКП РСФСР 3-го сент. 1942 г.] / А. Д. Маневский. – М., 1943. – 28 с.

Козлов А.А.

**ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЙ
ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАИН В ПЕЧАТИ (1953–1991 гг.)**

Ключевые слова: архив, цензура, облит, вычерки, Главлит.

Документы собственного делопроизводства облитов составляют неотъемлемую часть источниковой базы исторических исследований по изучению функционирования областных управлений по охране государственных тайн. Однако, несмотря на важность источников собственного делопроизводства областных управлений Главлита БССР, их следует использовать со всем имеющимся комплексом документов по истории советской цензуры.

В Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 1195, опись 2) хранятся руководящие документы Главлита СССР, приказы Главлита БССР. Однако репрезентативность материалов архивов ограничена, так как копии многих документов были уничтожены, с некоторых описей Национального архива Республики Беларусь не снят гриф секретности. Особенно это касается документов периода 1990–1991 гг. Годовые отчеты всех облитов представлены только по 1960 г. Однако эта проблема может быть отчасти решена привлечением документальных материалов региональных архивов. В отличие от Национального архива Республики Беларусь в Государственных областных архивах материалы облитов БССР представлены значительно полнее. Они хранятся в Государственном архиве Гродненской области (фонд 1264), Государственном архиве Витебской области

(фонд 3991), Государственном архиве Могилевской области (фонд 1195), Государственном архиве Брестской области (фонд 794). Это протоколы производственных совещаний работников управления, приказы по основной деятельности, планы работы, статистические отчёты, списки газет, выходящих в областях. Из областных архивов наиболее полными являются фонды архивов Витебской (отсутствуют документы за 1990–1991 гг.) и Брестской области, в архиве Гродненской области ограничен доступ к документам за 1980-е гг., в Государственном архиве Могилевской области сохранилась только две из пяти описей, посвященных деятельности местного обллита (отсутствуют документы с 1972 г.). В Государственном архиве Гомельской области приняты на сохранение и выделены в отдельный фонд только документы за 1927–1930 гг.

Следует отметить, что уничтожение некоторой документации обллитов происходило еще в период БССР, особенно в переходные периоды истории советской цензуры. Например, после выведения обллитов из системы МВД в 1953 г. все дела были переданы по акту. Все секретные и несекретные дела были уничтожены по акту или сданы в архив по согласованию с МВД БССР [8, л. 1]. Упразднение в 1955 г. должности цензоров-совместителей также привело к уничтожению на месте по акту всех секретных документов районных уполномоченных.

Из документов, хранящихся в областных архивах, наибольший интерес представляют годовые отчеты о работе обллитов и заключения Главлита по ним. Годовые отчеты являются источниками информации о том, как изменялась структура организации, содержат данные о контроле обллитами районных цензоров, а затем и редакторов, в них сохранилась информация о системе подготовки цензоров и редакторов, раскрыты некоторые основные политико-идеологические вмешательства. Вместе с этим уникальность 1940–1950-х гг. заключается в том, что в этот период отсутствовала унифицированность в ведении делопроизводства и эта ситуация затрудняет провести сравнительный анализ объема работы обллитов в этот период.

Годовые отчеты позволяют определить объем работы, который ложился как на управление в целом, так и на каждого цензора в отдельности, выраженный в количественном выражении. Объем предварительного и последующего контроля был показателем работы цензоров, который позволял определить вклад каждого работника в работу обллита. В 1950-е гг. считалась сумма предварительного и последующего контроля. Сравнение показателей объема предварительного и последующего контроля позволяет сделать вывод о его значительном увеличении в период «оттепели» по сравнению с началом 1950-х гг. Общий объем возрос на 27 %, при этом нагрузка на одного цензора осталась примерно на прежнем уровне.

Последующий контроль превосходил предварительный в несколько раз. Его объем даже в одном обллите в различное время колебался. Например, в Брестском управлении в 1980-е гг. он был от 6330 до 9267 учетно-издательских листов в год (139260–203874 страниц машинописного текста), т.е. каждый день на одного сотрудника в среднем приходилось от 6 до 9 учетно-издательских листов (132–198 страниц машинописного текста) [3, л. 6]. Если сравнивать показатели объема работы с периодом 1953–1964 гг., то тогда, например, можно проследить следующие: в Брестском обллите, в среднем на одного цензора приходилось около 1045,12 печатных листов и 351,7 наименований мелкопечатных изданий [1, л. 8]. То есть тогда объем предварительного контроля составлял около 972 учетно-издательских листов. Даже с учетом шестидневной рабочей недели

ежедневная нагрузка на цензора в 3,16 учетно-издательских листа (около 69 страниц машинописного текста) была больше [3, л. 19].

Важной частью годовых отчетов обллитов являются характерные только для органов цензуры источники, так называемые вычерки. Они представляют собой материал, который по определенным причинам не допускался к публикации. В 1950–1960-х гг. произведенные вмешательства подробно описывались, но с начала 1970-х гг. напротив такого материала просто указывалось их количество и номер статьи Перечня, на основании которой был не допущен материал к публикации.

Документы архивов позволяют сделать вывод, что в исследуемый период наибольшее количество вмешательств было в период с 1953 по 1962 гг. Именно тогда осуществлялись наиболее массовые чистки библиотек за исследуемый период, изъятия запрещенных сведений из музеев. Например, в 1959 г. в Брестской области было проверено 1282 библиотек, а в 1974 г. только 35. Такая же тенденция была и в остальных областях. Причины этого связаны со сменой политической элиты в стране и сменой внешнеполитического курса.

Также в отчетах есть разделы, которые касаются взаимодействия с партийными органами. Без их рекомендации прием на работу и увольнение цензоров было невозможным. Когда во второй половине 1950-х гг. требования к образованию возросли, по согласованию с партийными органами в конце 1956 и начале 1957 гг., из обллитов были уволены лица без высшего образования. Принимались на работу, с их точки зрения, подготовленные, политически грамотные и деловые кадры, предпочтение отдавалось окончившим пединституты [4, л. 5]. В Гомельском и Могилевском обллитах вместо уволившихся цензоров со средним образованием были приняты на работу работники с высшим образованием, все были членами партии [5, л. 3–4]. В конце 1970-х гг. все сотрудники областных управлений (кроме курьеров-уборщиц) являлись членами КПСС. Управления имели свою партийную организацию [6, л. 12].

В середине 1950-х от предварительной цензуры были освобождены издания министерств, ведомств, академий наук и вузов, а также вся мелкопечатная продукция. По мере того, как постепенно был ликвидирован институт цензоров-совместителей и сокращались цензорские пункты – районные газеты освобождались от предварительного контроля. Объем предварительного контроля сократился в 1988 г. также в связи с освобождением от предварительного контроля служебных документов партийных, советских и комсомольских органов. В 1990 г. предварительный контроль был запрещен, но фактически сохранился за счет заключенных договоров между обллитами и контролируемыми ими объектами. Количество заключенных договоров на предварительный контроль в областях БССР различалось, и разница могла быть в несколько раз. Например, в Бресте было заключено только 3 договора, а в Гомеле – 21 [2, л. 11].

Чрезвычайно информативны такие архивные документы как штатные расписания и сметы административно-хозяйственных расходов Главлита, содержащиеся в Национальном архиве Республики Беларусь (Фонд 1195, опись 1). Опираясь на материалы этого фонда, можно сделать вывод о заработной плате работников обллитов. В целом оплата труда цензоров была невысокой. Но каждое десятилетие уровень оплаты труда возрастал. В 1966 г. у старших цензоров зарплата возросла на 27%, у цензоров на 31,5%, у начальников в 1973 г. на 38,8%. Особенно резкий подъем был в 1974 г., у глав обллитов на 7,4%, у старших редакторов на 30,4–39%, у редакторов на 14,3–38,1% Уровень оплаты других категорий

советских граждан также имел тенденцию к росту, но по сравнению с ними зарплата цензоров была выше средней. В целом на период с 1953 по 1981 гг. она выросла в 1,6–1,7 раза у рядового цензорского состава. У начальников обллитов – в 2,3–2,5 раз. Министерству здравоохранения БССР и облисполкомам было поручено обеспечить лечебное и санаторное обслуживание руководителей обллитов [9; 10; 11].

Характерной чертой исследуемого периода было постепенное сокращение штата обллитов. В 1955 г. был ликвидирован штат цензоров-совместителей, затем на протяжении 1960–1970-х гг. были закрыты цензорские пункты в крупных городах и сокращены единицы районных штатных цензоров, осуществлявших там контроль. Кроме того произошло уменьшение численности штатных цензоров самих обллитов с 6–7 в 1950-е до 4-х в 1980-е [9, л. 2; 12, л. 2; 13, л. 2; 14, л. 2]. Сами же обллиты несколько раз поменяли свое подчинение за период с 1953 по 1990 гг. они сменили их четыре раза: февраль 1945 – март 1953 гг. – областные учреждения по делам литературы и издательств Главного управления по делам литературы и издательств при Совете Министров БССР; март 1953 – октябрь 1953 гг. – 11 отделы управления Министерства внутренних дел; октябрь 1953–1964 гг. – отделы по охране военных и государственных тайн при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся; ноябрь 1966 – январь 1991 гг. – управления по охране государственных тайн в печати при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся.

Опираясь на такие документы как протоколы производственных совещаний управлений, можно проследить взаимоотношение обллитов и подконтрольных организаций. Материалы архивов показывают, что СМИ, типографии, библиотеки, музеи и выставки не находились в непосредственном подчинении органам цензуры. Это создавало возможность их противостояния обллитам (но не системе в целом). Отсутствие собственных рычагов давления вынуждало обллиты искать поддержки у партийных органов. Например, в 1966 г. цензору по г. Орше, которому «не удавалось призвать директора местной типографии к порядку». Витебский обллит призвал своих работников, в случае если общий язык не будет найден, обращаться за помощью в ГК КПБ [7, л. 12–15].

Таким образом, в целом архивные источники, различные по своему содержанию, четко отражают все этапы развития государственного контроля над средствами массовой информации на региональном уровне. На основе архивных материалов можно выявить переломные моменты в развитии профессии цензора, проследить динамику развития штатов, раскрыть уровень дохода работников цензуры.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБРО). – Ф. 794. Оп. 1. Д. 56.
2. ГАБРО. – Ф. 794. Оп. 2. Д. 52.
3. ГАБРО. – Ф. 794. Оп. 2. Д. 33.
4. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 19.
5. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 44.
6. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 60.
7. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 55.
8. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 37.
9. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 84.
10. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 28.
11. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 43.
12. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 140.
13. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 185.
14. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 163.

Косов А.П.
МЕСТО РУССКОЙ АМЕРИКИ ВО ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Ключевые слова: Россия, США, российско-американские отношения, соотечественники, Русская Америка.

Окончание Холодной войны открыло новую страницу в российско-американских отношениях. Деидеологизация и деполитизация культурной сферы позволила начать полномасштабный диалог России и США, в котором свое место заняла русская диаспора в Америке. С российской стороны в нем принимали участие государственные структуры (Министерство культуры, Министерство иностранных дел), а также частные организации, расположенные по обе стороны океана. В целях координации внешней культурной политики страны при правительстве РФ был создан Росзарубежцентр, замененный в 2008 г. Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничеством) [3, с. 31].

Традиционно российское руководство (и в период Российской империи, и в период существования СССР) негативно относилось к эмиграции населения страны. Однако с конца 1980-х гг. ситуация с выездом за рубеж кардинально изменилась. Запреты были сняты, что привело к новой эмиграционной волне. В Америку стали переселяться те, кто мечтал о лучшей жизни и карьере в «американском раю». Именно в постбиполярный период в США выехало наибольшее количество русскоязычных граждан за всю историю эмиграции в Америку. По разным оценкам, численность русскоязычной диаспоры в Соединенных Штатах составляет от трех до семи миллионов человек [7, с. 203].

В изменившихся условиях развития российско-американских отношений русские американцы попытались стать своеобразным каналом связи между жителями России и США. В Америке активисты из числа соотечественников стали носителями и проводниками русской культуры, истории и ценностей. При этом для многих из них история Русской Америки является неотъемлемой частью истории России [5]. Прежде всего, культурно-историческое наследие Русской Америки связано с Аляской и Калифорнией. История русского присутствия на американском континенте стала известна многим американцам благодаря неустанной деятельности Р. Пирса, Н. И. Рокитянского, В. П. Петрова и других энтузиастов по изучению и сохранению русского наследия.

Например, одним из таких памятных мест является дом епископа Камчатки, Курильских и Алеутских островов, бывший до 1859 г. резиденцией И. Вениаминова, ставший музеем «Russian Bishop's House». Сегодня он входит в состав Национального исторического парка Ситка. Еще одним национальным историческим памятником США является одно из самых старых русских зданий, построенных на рубеже XVIII–XIX вв. в Павловской гавани на Кадьяке на Аляске, – бывший магазин Российско-Американской компании, в котором располагается музей А. А. Баранова [1, с. 97].

В Калифорнии культурно-историческое наследие Русской Америки, в первую очередь, связано с фортом Росс. В 1928 г. он стал историческим памятником в системе парков штата Калифорния. А в 1962 г. форт Росс приобрел статус исторического парка штата и национального достопримечательного места [1, с. 98]. В настоящее время он наполнен разнообразной деятельностью благодаря кол-

лективным усилиям большого количества волонтеров и спонсоров, а также музейным организациям. Сегодня форт Росс ежегодно посещают около 150 000 человек. Каждый год в День культурного наследия в последнюю субботу июля в нем тысячи посетителей со всей Калифорнии принимают участие в костюмированном празднике [1, с. 108–109].

В отличие от эпохи Холодной войны представители многих объединений эмигрантов из России (Координационный совет организаций российских соотечественников США (КСОРС), «Русская молодежь Америки» (РМА), Конгресс русских американцев (КРА), Русское дворянское собрание в Америке (РДСА) и др.) подчеркивали необходимость поддержки и защиты соотечественников со стороны Москвы на всех уровнях российско-американского взаимодействия. Как отмечал известный исследователь русской эмиграции в Америке А. Б. Ручкин, характерным примером их настроений стало следующее высказывание: «Россия должна прекратить считать эмигрантов предателями Родины. Мы очень хотим помочь, и можем сделать очень многое для России. Нам нужно конструктивное сотрудничество» [8, с. 190].

Национальным интересам России отвечала работа по созиданию ее положительного образа в США на основании общей истории двух стран, которую проводили энтузиасты из русскоязычной диаспоры по сохранению русского наследия в Америке. Дело в том, что большинству американцев, из-за их неинформированности о ситуации за пределами страны, Россия совершенно неинтересна. Неудивительно, что в Соединенных Штатах возможны и жесткие антироссийские высказывания политиков, и оголтелая ложь средств массовой информации. По этой причине целью русских в США было создание атмосферы доверия, основанного на общности историй двух стран путем создания культурно-просветительских центров. И, конечно, энтузиастами из числа соотечественников в этом направлении делалось многое.

В 2000-е гг. в различных американских городах стали появляться новые культурные центры и общественные организации, деятельность которых была направлена на объединение соотечественников на основе интереса к русскому языку, истории и культуре. Среди них можно назвать Российско-американский культурный центр «Наследие» (РАКСИ), Русский Дом «Континент» в Вашингтоне, Объединенную русско-американскую ассоциацию в Хьюстоне, Русский культурный центр «Русская душа» в Миннесоте и др. [4, с. 6]. Например, в 2003 г. в целях сохранения и распространения русской культуры, популяризации истории Русской Америки и русских в Америке в Нью-Йорке О. С. Зацепиной и Х. Родригесом был создан РАКСИ. В совет директоров вошли многие известные лица из числа представителей русской диаспоры – президент Ассоциации русского дворянства в Америке К. Э. Гиацинтов, В. К. Голицын, Е. В. Маяковская, И. И. Сикорский, Н. И. Сикорский, Н. В. Случевский и Г. А. Шереметев. В первую очередь, РАКСИ начал проводить выставки художников на севере Манхэттена, где проживало около 30 тыс. русских и русскоязычных эмигрантов. Позднее они превратились в совместные презентации русских и американских художников, отражающие темы интересные для обеих сторон. С 2004 г. центром стали проводиться «Русские Салоны в Нью-Йорке». С 2007 г. одним из самых больших проектов РАКСИ, принесших ему широкую известность в Нью-Йорке, стал ежегодный международный «Детский фестиваль русской культуры в Нью-Йорке» [8, с. 185]. С 2013 г. энтузиасты добились того, чтобы апрель в штате Нью-Йорк был объявлен Месяцем русско-американской истории. Его ключевыми задачами стали следующие направления: укрепление в глазах американского общества позитивного «имиджа» русских американцев, популяризация их вклада в развитие нации, знакомство американ-

цев с культурным и этническим многообразием выходцев из России и других бывших советских республик, развитие партнерских отношений между РФ и США, а также информирование россиян о значимости и возможностях диаспоры. По словам О. С. Зацепиной, «россияне должны знать, что в США проживает около 3 млн. людей, которые говорят по-русски, многие из которых никогда не прерывали связь с Родиной. Сегодня для всех нас сохранение языка и культуры – главная задача. Те, кто называют себя русскими американцами, гордятся тем, что они русские. Дети, которые родились в Америке, должны знать о вкладе русских в историю и культуру всего мира и той страны, где они живут» [8, с. 190].

В создании и деятельности организаций Русской Америки принимали участие не только из России, но и других постсоветских государств – Беларуси, Украины, Казахстана, Узбекистана и др., ощущавшие себя частью Русского мира. Так, эмигрантка из Минска Р. Чернена основала в Нью-Йорке благотворительный фонд «Be proud» («Гордись»), адресовавший российским соотечественникам в США призыв гордиться своим происхождением, быть «не просто американцем, но русским американцем» [4, с. 7].

Однако до начала 2010-х гг. деятельность энтузиастов из диаспоры по укреплению доверия между двумя народами не встречала большой поддержки у российских властей. Их обращения в высокие инстанции относительно нужности действий по популяризации русского наследия в Америке не получили ответа из Москвы [5]. В лучшую сторону ситуация изменилась только во втором десятилетии XXI века, когда российские власти осознали огромную пользу для страны так называемой «мягкой силы». Взаимодействие с диаспорами стало восприниматься руководством как возможность укрепления влияния и позитивного имиджа России за рубежом.

В 2010-е гг. основным партнером соотечественников стало российское государство, которое, по словам К. И. Косачева, напрямую через правительственные структуры взаимодействует с диаспорами [7, с. 209]. Со своей стороны, эмигрантские объединения отметили положительный опыт сотрудничества с посольством и консульствами России в США, Россотрудничеством, Фондом «Русский мир» и другими структурами. При этом представители русской диаспоры высказывали пожелания российской стороне поддерживать программы изучения русского языка, программы академического обмена, помочь работе русскоязычных школ и образовательных центров, способствовать направлению преподавателей русского языка в США, проведению олимпиад и конкурсов для школьников [8, с. 192].

Организации соотечественников в Америке стали получать определенную поддержку со стороны МИД РФ, Россотрудничества, а также ряда неправительственных организаций и фондов на свою деятельность по популяризации русской культуры и истории. Это свидетельствовало о растущем внимании к положению и деятельности соотечественников в США, стремлении разобраться в перипетиях жизни эмигрантов и выстроить долгосрочные продуктивные отношения между представителями диаспоры и Россией [8, с. 193]. Многие российские представители свидетельствовали о важной роли российской диаспоры в развитии российско-американских отношений и продвижении за рубежом русской культуры. Например, в декабре 2016 г. директор Московского Дома соотечественника В. В. Лебедев, отметил, что «русская Америка начала находить больше точек соприкосновения как внутри себя, так и с Россией, и это – естественная тяга к нахождению своих исторических корней» [4, с. 9].

Действительно, культурные связи содействуют гармонизации международного климата. В 2017 г. в России для сохранения российского историко-культурного наследия в Америке была создана специальная межведомственная рабочая группа под руководством заместителя министра иностранных дел [2, с. 71]. В целях разви-

тия российско-американских отношений в сфере культурной дипломатии и гуманитарного сотрудничества Министерство обороны России даже выступило с предложением установить с 2020 г. новый памятный день 19 июля – День Русской Америки. Обоснованием этой инициативы стало отсутствие памятных дат, посвященных Русской Америке [1, с. 99].

Однако добиться весомых положительных результатов объединениям соотечественников так и не удалось. Дело в том, что общественное мнение подвержено резким колебаниям в связи с международными или внутривластными событиями при отсутствии внутри обществ значимых групп влияния, заинтересованных в сглаживании противоречий [6, с. 43]. К сожалению, в США отсутствует мощное русское лобби в политических кругах. Если на бытовом уровне американцы не испытывают никакой ксенофобии к приезжим на постоянное место жительства россиянам, то к самой России и живущим в ней русским у них в основном негативное отношение, навязанное американскими СМИ.

Огосударственные нападки Запада на Россию в связи с событиями вокруг Сирии и Украины вызвали осуждение многих представителей русской диаспоры в Америке. Например, в 2014 г. президент РДСА К. Э. Гиацинтов выразил надежду, «что эта унижительная и бесчестная пропаганда против России скоро прекратится, так как она не только ведет обе стороны деструктивным путем, но и игнорирует действительные, подлинные интересы России как независимой и выдающейся страны», и выступил за изложение в СМИ «правдивой картины происходящего» [7, с. 204]. Последовательным борцом с русофобией выступил Конгресс русских американцев. В октябре 2014 г. президент КРА Н. Г. Сабельник обвинила американские власти в игнорировании мнения русских американцев, недовольных освещением в СМИ событий на Украине. Однако лоббирование интересов русских американцев и улучшение имиджа России оказалось для организации одной из самых трудно реализуемых задач. Многочисленные петиции и запросы членов КРА были оставлены даже без формального ответа [7, с. 205].

В связи с обострением российско-американских отношений деятельность русской диаспоры в США все чаще стала рассматриваться в Вашингтоне сквозь призму национальной безопасности. Ряд американских экспертов рассматривает ее как важный ресурс российской политики, планомерная работа по мобилизации которого велась на протяжении последних лет [7, с. 202]. Поэтому с середины 2010-х гг. давление властей США на сторонников России в Америке существенно усилилось, что привело к проблемам в деятельности организаций русской диаспоры.

В условиях нарастания конфронтации в российско-американских отношениях Москва попыталась консолидировать соотечественников на пророссийской платформе. Однако русофобская пропаганда в Америке не позволила осуществить задуманное. Часть русской диаспоры увидела в действиях МИД РФ «попытку оказать политическое давление на русскоязычную общину США» и даже обвинила посольство России в Соединенных Штатах в создании пятой колонны из иностранных агентов, камуфлирующих «свои политические идеи под культурно-образовательные мероприятия» [7, с. 208]. Тем самым сообщество соотечественников раскололось на сторонников и противников РФ.

Таким образом, окончание Холодной войны открыло новые возможности для российско-американского диалога, в котором свою нишу заняла русская диаспора. Соотечественники попытались стать своеобразным мостом между двумя странами. Потенциально культурно-историческое наследие Русской Америки являлось колоссальным пропагандистским активом России для улучшения своего имиджа в США. Однако до конца 2000-х гг. Москва, по сути, игнорировала этот актив в своей внешней культурной политике. Только в 2010-е гг. организации сооте-

чественников стали получать более ощутимую поддержку своей деятельности по популяризации русского языка, истории и культуры в Америке со стороны российских властей. Тем самым русская диаспора становилась одним из инструментов по продвижению российской «мягкой силы» в США, направленной на формирование позитивного имиджа России среди американцев. Однако усиление в эти годы геополитических противоречий между Москвой и Вашингтоном не позволило реализовать задуманное. В обеих странах возобладали негативные стереотипы по отношению друг к другу, как в политико-экспертных кругах, так и на уровне массового сознания, что стало результатом развязанной американцами информационной войны по дискредитации России. Пропаганда сказалась и на взглядах соотечественников в Америке. По сути, мнения представителей русской диаспоры относительно действий РФ в мире разделились на ее сторонников и противников. Хотя, согласно большинству русских американцев, российско-американские отношения должны строиться на основе позитивного общего прошлого двух стран, а не из текущих конъюнктурных программ, утопий и пустопорожней демагогии.

1. Алексеева, Е. В. Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти / Е. В. Алексеева // Журнал Фронтирных Исследований. – 2020. – № 2. – С. 92–121.
2. Гуцалов, А. А. Русское зарубежье как часть культурного пространства Русского мира и как ресурс внешней культурной политики / А. А. Гуцалов // Культурное наследие России. – 2018. – № 1. – С. 68–74.
3. Косов, А. П. Культурная политика России в отношении США (1992–2022 гг.) / А. П. Косов // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (пред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 30–36.
4. Новосильцева, О. В. Русский мир США в 1991 – начале 2000-х гг.: общественно-культурная активность и диалог с Россией [Электронный ресурс] / О. В. Новосильцева // Человек и культура. – 2019. – № 4. – DOI: 10.25136/2409-8744.2019.4.30218. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30218. – Дата доступа: 13.09.2023.
5. Русское наследие в США и образ России сегодняшней [Электронный ресурс] // Континент. – Режим доступа: <https://www.kontinent.org/article.php?aid=4aea06594ad1d>. – Дата доступа: 14.09.2023.
6. Ручкин, А. Б. От «врагов народа» до «друзей нации»: русская диаспора в российско-американском диалоге / А. Б. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 40–50.
7. Ручкин, А. Б. Русская диаспора в США: реакция общественных организаций на события на Украине и присоединение Крыма / А. Б. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 201–215.
8. Ручкин, А. Б. Центр «Наследие» и организации русской диаспоры в США / А. Б. Ручкин // Россия и современный мир. – 2013. – № 4 (81). – С. 184–193.

Котович Т.В.

ПЛОЩАДЬ СМОЛЕНСКОГО РЫНКА/ПЛОЩАДЬ ЛЕНИНА

Ключевые слова: Витебск, площадь Смоленского рынка, площадь Ленина.

В течение своей истории Витебск, разрастаясь и совершенствуя городскую структуру, развивал систему площадей, как основных узлов, традиционно связывающих целый блок больших и малых улиц.

В середине и второй половине XIX в. А. Сементовский подчеркивал, что Витебск площадями славен и богаче многих губернских городов: их было в то время восемь. Из описанных А. Сементовским площадей сохранились пять. В 1802 г. Витебск стал центром губернии. На границах города обустроивались окопные площади. С расширением городского пространства они теряли статус окопных и встраивались в городскую структуру, а со временем исчезли или превратились в бульвары, скверы, в часть улицы.

В современном Витебске насчитывается десять площадей: площадь Победы, площадь Свободы, площадь Ленина, Ратушная, Успенская, Замковая, Привокзальная. Пролетарская, Смоленская и площадь 1000-летия Витебска.

Пять центральных площадей Витебска расположены на единой городской оси: от нынешней Смоленской площади до площади Победы – по улице Ленина.

Смоленская площадь – в разные годы это было название двух разных площадей.

Нынешняя Смоленская площадь – это бывшая **Конная**. А нынешняя площадь Ленина была **Смоленской площадью**.

К началу XX в. сохранился большой прямоугольник площади, застроенный кирпичными домами с магазинами и лавками. Эту площадь называли не только Смоленской, но и Смоленский базар.

Рис. 1. Площадь Смоленского рынка на плане Витебска 1904 г.

Ее формирование началось в начале XIX в., а Смоленский рынок, самый большой в городе, появился на ней практически сразу, в первой половине XIX в. В начале 1860-х с трёх сторон рынка были построены торговые ряды. Кроме магазинов и лавок, в них помещались харчевни и чайные, эти так называемые «обжорные ряды» предлагали горячие блюда. Жизнь здесь была ключом во всём своём разнообразии, простоте, сложности и – истинном городском провинциальном виде на рыночной площади и на соседних красно-кирпичных улицах – Больничной, Ветряных, Грязных, но и на Офицерской и Богословской.

Характеризуя нравы, царящие на витебских торговых площадях, Н. Никифоровский писал о клятвенных уверениях в базарный день, спорах и брани, протягивании рук в чужие карманы за кошельками и к поклаже на возах, об угоне чужой лошади и прочем. «Правда, – подчеркивает историк, – в редкие дни на Смоленской площади появлялись балаганы: “петрушковый”, фокусный, для зверинца, для цирка» [1].

Летом 1921 г. коммунотдел начал разрушение торговых рядов, и, несмотря на решение Губкомиссии по охране памятников старины и предметов искусства о внесении строений в «Список зданий города Витебска. Подлежащих охране», они были уничтожены.

Оставалось место манежа для выездки лошадей местной жандармской команды. Сама команда помещалась на противоположной, восточной стороне площади в каменном здании, впоследствии приспособленном под «Ростовцовский» театр, а в 1898 г. перестроенном в городской зимний театр.

Рис. 2. Здание городского театра в начале XX в.

Здание театра, история которого началась во второй половине XIX в., имело судьбу долгую и драматическую, уничтожаемое не единожды, перестраивалось, восстанавливалось, меняло хозяев, сцену, знало голоса больших актеров, принимало и изгоняло бюсты правителей, само становилось рынком, было площадкой для городских праздников и концертов.

В июне 1889 г. оно сгорело. Отреставрированное, восстановленное, оно имело полукруглый зрительный зал на 600 человек с плоским партером и ярусами лож, глубокую сцену с огромной порталной аркой и выступающей в зал оркестровой ямой системы Вагнера, лестницы и вестибюль, курительные комнаты, фойе во втором этаже для танцев и буфеты [2]. Это была основная театральная площадка Витебска.

Летом 1889 г. уничтоженное пожаром здание было реконструировано по проекту А. Клементьева.

После пожара 1898 г. – по проекту Т. Кибардина. В этой реконструкции сохранялось до 1944 г.

Именно эта площадь, в 1919 г. – Смоленский рынок, связана с первым действием УНОВИСа в Витебске: «Третье задание было декорирование Большого театра для торжественного заседания делегатов и рабочих комитета (первые два связаны с оформлением Комитета по борьбе с безработицей в Белых казармах – ред.). Когда устанавливали супрематические декорации, просвещенные артисты вишневых садов были возмущены, что рабочему классу преподносят такую белиберду, но, когда все было устроено, и собрались рабочие, был дан соответствующий свет, в который вошли делегаты и представители рабочих коллективов. Декорации были рассчитаны на освещение в три цвета, что придало полноту, оказа-

лось, что весь театр рабочих принял с восторгом декорации заседания, – то, что для артистов было белибердой. После торжественного заседания была поставлена живая картина всех предприятий в декорациях супрематизма. Тем и кончилось все задание нового выступления искусства» [3].

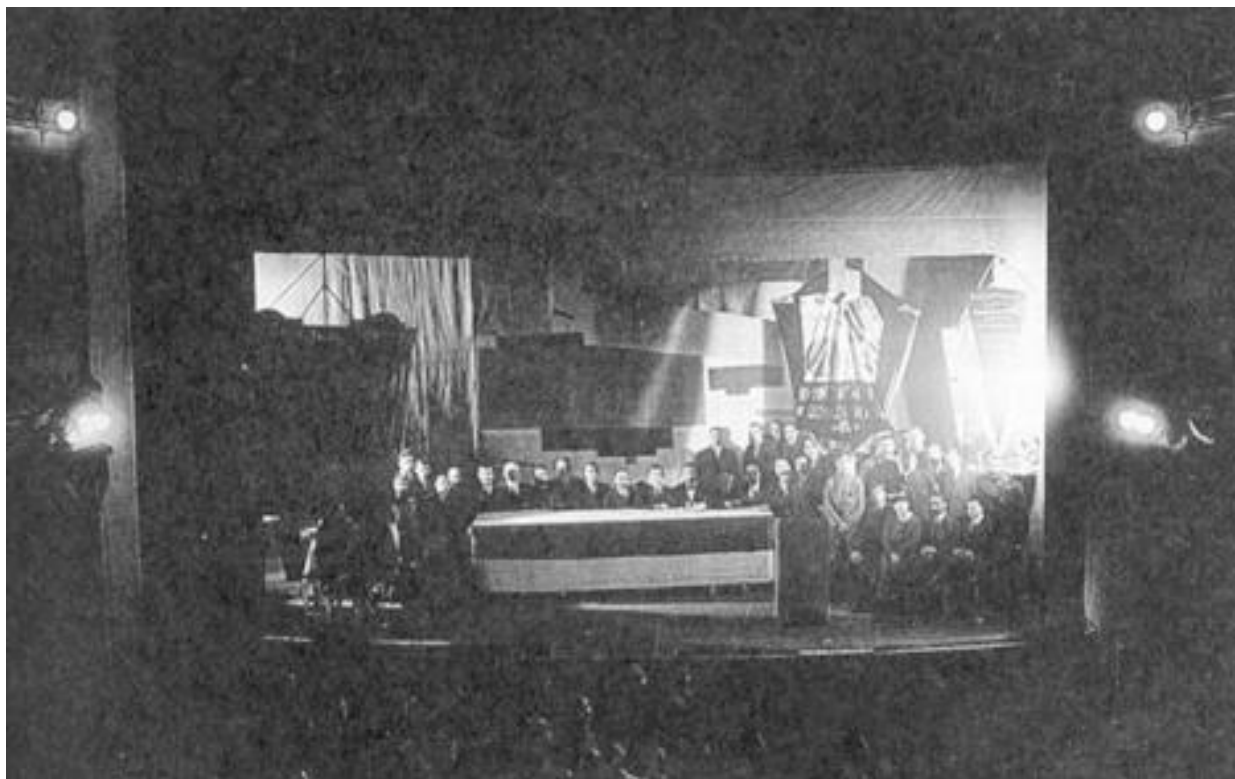

Рис. 3. Заседание на праздновании годовщины Комитета по борьбе с безработицей в городском театре. Декабрь 1919 г.

8 февраля 1924 г. губисполком утвердил постановление отдела союза работников искусств о присвоении губернскому показательному театру имени Ленина [4].

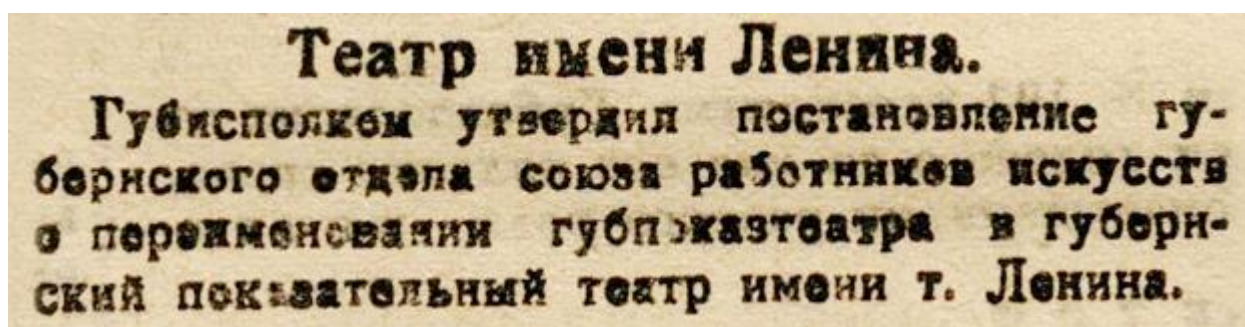

Рис. 4.

21 ноября 1926 г. здесь расположился БДТ-2 (до 1941 г.), который на следующий же вечер дал свой первый спектакль – «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира в постановке В. Смышляева и сценографии Л. Никитина.

Летом 1941 г. театр покинул Витебск, началась война, и начались его скитания по городам эвакуации.

В октябре 1944 г. БДТ-2 вернулся в освобожденный Витебск. Город и театр были разрушены почти полностью.

В 1953 г. была снесена коробка театра, которая продолжала стоять в развалинах после войны, а к декабрю 1956 г. был введен в строй Дом культуры промкооперации (проект арх. А. Ефременка на основе типового проекта клуба).

В сентябре 1960 г. Дворец культуры был передан предприятиям местной промышленности.

В ноябре 1965 г. здание уже принадлежало управлению бытового обслуживания населения.

В октябре 1991 г. было передано на баланс управления культуры облисполкома.

На базе гастрольно-концертного отделения Белорусской государственной филармонии была создана Витебская филармония в 1989 г. В начале 1990-х она разместилась в здании на площади Ленина.

Рис. 5. Здание Витебской областной филармонии. Начало XXI в.

В 2005 г. была проведена реконструкция зала и самого здания. В июне 2007 г. здесь установлен немецкий духовой орган «Glatter-Gotz».

На северо-восточной стороне площади расположен парковый комплекс, включающий сквер филармонии и сквер Горовца, представляющие единство зеленых насаждений вокруг филармонии и сквера вдоль улицы Горовца от площади Ленина до Смоленской площади. Они были заложены в 1956 г.

С левой стороны от здания начинается улица Александра Горовца, бывшая часть улицы Смоленской и площади

Смоленского рынка. Улица соединяла Конную площадь с площадью Смоленского рынка. В 1820 г. здесь было построено здание витебской городской больницы, недалеко от богадельни и рабочего дома. Ее прежние названия: Богадельная, Больничная.

24 мая 1957 г. улице было присвоено имя летчика А. Горовца, Героя Советского Союза, уроженца Витебщины. В 1966 г. на доме № 2 установили мемориальную доску с именем Александра Горовца.

В центре сквера в 1995 г. был установлен памятник Александру Горовцу.

Из воспоминаний скульптора Анатолия Артимова:

«Архитектор Валерий Рыбаков и скульптор Михаил Иньков – старые друзья, а Михаил – мой ученик, и он обратился ко мне с этим предложением. А Михаил Концевой занимался отливанием формы.

Тогда пришла именно такая идея: человек и машины в небе, их противостояние – отсюда возникла мысль сочетать геометрические формы с реальными, некое все-таки портретное сходство с лицом на старых фотографиях, а костюм лётческий обобщенный. И ветер, ветер, такой сильный... Лётчик здесь остается один на один со смертью и один на один с врагом. Стеллы за его спиной там с крестами как остатки побежденных немецких самолетов, и есть ассоциация с самолетами. И вся эта формальная конструкция – это то, что противостоит человеку.

Размер фигуры – 3 м. Меньше это было бы и невозможно, она не смотрелась бы в пространстве».

**Рис. 6. Памятник Александру Горовцу
в сквере Горовца в Витебске**

Взлетающий в вечность летчик, руки и лётная куртка распахнуты навстречу ветру. Вся фигура подобна стреле или птице с одного ракурса, и винтообразна – с другого.

Авторы, не отступая от портретного сходства, форсируют сам исторический сюжет, они устремляются в пространство символа. Реальная фигура, плотная, мощная, весомая, не имеет точки опоры и лишена гравитации, отчего возникает визуальное ощущение преодоления самого материала. Реальная фигура остается в рамках героики, однако она и не является памятником в традиционном значении. Скульптурная композиция «Летчик Александр Горовец» трансформируется в скульптурную композицию «Лётчик».

Фигура расположена на фоне падающей/взмывающей геометрической конструкции, форма которой вызывает целый ряд ассоциаций: война, крошащийся металл, падаю-

щие конструкции, крыши, стрелы/пилоны ворот в вечность... Архитектурное сооружение нарастающих кубов композиционно уравнивают диагональ взлетающей фигуры, а вертикаль узких пилонов усиливает ощущение взлёта.

1. Никифоровский, Н.Я. Странички из недавней старины города Витебска / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1899. – С. 54.
2. Чарнатаў, В. Архітэктура гэтага ў / В. Чарнатаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 1. – С. 29.
3. Альманах УНОВИС. – 1920. – № 1.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.

Крючкова Н.Д.

ПАМЯТЬ О ГАБСБУРГАХ КАК ТУРИСТСКИЙ РЕСУРС СЛОВАКИИ

Ключевые слова: Словакия, туризм, историческая память, образ, династия Габсбургов.

Память о прошлом всегда была в числе главных факторов, определяющих привлекательность территории. Она определяет уникальность региона, делает туристский опыт разнообразным и запоминающимся.

Словакия имеет древнюю и богатую историю, однако, эта история, начиная с Великой Моравии, – история разделенных с другими народами государственных образований. Как самостоятельное государство Словацкая Республика очень молода, она ведет отсчет с 1993 года. Вполне естественно, что в исторической памяти словаков центральное место занимает все, что связано с формированием национальной и государственной субъектности [1, с. 185–186]. Наибольшее вни-

мание уделяется, прежде всего, событиям XX века – созданию первого Чехословацкого государства, Словацкому восстанию 1944 г., Бархатной революции. Из более ранних исторических периодов интерес в наибольшей мере вызывает период правления Марии Терезии, время процветания Братиславы и словацких земель, Словацкое национальное возрождение XIX века, заложившее основы самосознания словаков как нации [18, р. 56]. Габсбургское наследие, в целом, не находится в центре внимания. Это неоднозначный период для словаков, включавший не только годы культурного и экономического подъема, но и периоды жесткого давления, стагнацию. Однако в последние годы внимание историков и общества к этому периоду определенно усилилось.

Во многом это произошло на фоне общего роста интереса в Европе. Габсбургская империя, располагавшаяся на значительной части Европы, объединяла в себе народы, отличавшиеся друг от друга по уровню экономического развития, по языку, культуре, рассматривается как прообраз единой Европы, как особая модель формирования общеевропейской идентичности [9].

В определении политики памяти наиболее значимую роль в Словакии играют местные органы власти, а также неправительственные и общественные организации. Общественность оказывает очень сильное влияние на формирование и распространение исторических представлений на массовом уровне. Комmemорации габсбургского наследия либо являются инициативой общественных организаций или муниципалитетов, либо проходят через фильтр общественного обсуждения [8].

Роль государства заметна, главным образом, в системе охраны памятников. В настоящее время основное внимание уделяется не созданию новых памятников императорам Габсбургской династии, а восстановлению старых, разрушенных еще в период образования Чехословацкой республики. Многие из них восстановлению уже не подлежат, и наиболее значимые возрождаются в копиях, как, например, знаменитые памятники Марии Терезии в Братиславе. Памятники Елизаветы Австрийской (в Бардеевске-Купеле, Братиславе, Прешове, Полтаре, Комятице) неплохо сохранились, хотя некоторые требовали трудоемких реставрационных работ. Ведется поиск спрятанных, забытых скульптур, мемориальных досок. Обсуждаются вопросы их расположения. Не всегда их восстанавливают на прежнем месте, часто более весомым аргументом является плотность людского и туристического потока. Гостиница «Карлтон», например, хотела арендовать примыкающую территорию, чтобы на постоянной основе расположить там копию памятника Марии Терезии, так как пробная установка памятника вызвала заметное оживление туристов [17].

Памятники монархам демонстрируют исторические корни, значимость города для империи или просто обозначают связь с ней и вместе с тем повышают привлекательность территории, оживляют городское пространство, насыщают общественную жизнь, способствуют развитию туризма.

Этой же цели служат юбилейные комmemорации. Наибольшими масштабами в Словакии отличались торжества, посвященные 300-летию со дня рождения Марии Терезии, проводимые в течение года. Они включали целый спектр мероприятий разного уровня: проведение научных конференций, чтение научно-популярных лекций на темы, связанные с эпохой и правительницей, тематические экскурсионные программы в Братиславе и за ее пределами, развлекательные программы с элементами исторической реконструкции и т.д. [15] Отмечаются юбилеи и местного значения, например, 250-летие императорского визита в Банска-Штьявницу Франца Стефана Лотарингского.

Габсбургское наследие используется в брендинге территорий. Братислава строит свой туристский образ как «коронационный город», напоминая о том, что во времена Османского завоевания город выполнял функции столицы Венгрии и служил местом коронации Габсбургов. Ежегодно проводимые костюмированные фестивали, воспроизводящие церемонию коронации монархов, народные гулянья с танцами и пиршествами, играми, музейные экспозиции, выставки, посвященные личностям монархов или коронации, приглашения наследников Габсбургов создают устойчивый образ Братиславы как места коронации [20]. Этот образ впоследствии транслируется в буклетах, путеводителях, на туристских сайтах города и страны [2; 11; 16; 23; 24].

Словацкий курорт Бардеевске-Купеле – самый развитый в Словакии туристский бренд, связанный с Елизаветой Австрийской. Брендинг основан на реальном факте пребывания императрицы на курорте в 1895 г. Кампания по созданию имиджа включала организацию музейного съезда в отеле, где останавливалась императрица, строительство туристской тропы «Сисси и ее остановки», кафе «Сисси», в котором предлагаются блюда, связанные с реальными и мифическими предпочтениями императрицы (типа фиалкового меню), продажу сувениров, как общераспространенных, так и местных, связанных с пребыванием императрицы в Бардеевске-Купеле [6]. Так же, как и в Братиславе, центральным пунктом кампании является проведение ежегодного фестиваля «Альжбетино», с торжественной церемонией у памятника императрицы, туристскими фотосессиями с переодеваниями в костюмы императорской четы актерами и т.д. [21]

Для курорта, куда приезжали за здоровьем и красотой, образ Елизаветы, создавшей культ молодости, стройности и красоты очень актуален. Пребывание здесь императрицы, имевшей возможности посещать самые высокосеклассные мировые курорты, свидетельствует об уникальности местного климата и местной минеральной воды, их целебного и омолаживающего действия.

Что касается туристских маршрутов, то Словакия пока не занимает достойного места в «габсбургских» турах. Она либо не присутствует, либо включается как пункт проезда. Например, в одном из самых крупных культурных маршрутов Совета Европы «По стопам Габсбургов», о Словакии не упоминается [22]; в турах, предлагаемых отдельными туроператорами, Словакия представлена максимум недолгой ознакомительной прогулкой [3; 4].

Туров по габсбургским местам внутри страны также нет. В основном габсбургское наследие обыгрывается в отдельных экскурсионных маршрутах. Регулярно проводимых маршрутов не так много. Это тематический маршрут, связанный с коронацией Габсбургов, который проводит гостей по главным пунктам маршрута коронации; а также экскурсия «Братислава во время правления Марии Терезии» [23]. Остальные экскурсии, посвященные представителям Габсбургской династии, проводятся периодически в зависимости от личности «коронуемого» монарха или соответствующего юбилея. В Бардеевске-Купеле регулярны экскурсии по местам пребывания Сисси [12]. Но в основном места, так или иначе связанные с Габсбургами, входят в общие экскурсионные маршруты.

Наиболее активно образы представителей династии Габсбургов эксплуатирует индустрия гостеприимства. В этой области наиболее заметна коммерциализация исторического прошлого, превращение исторического образа в продукт массового потребления. В гостиничной и ресторанной сферах Словакии имена Габсбургов используются, в основном, для создания стиля и атмосферы (кафе «Майер» в Братиславе) [5], для того чтобы подчеркнуть связь с концепцией заве-

дения и предоставляемыми услугами (отель «Елизавета» в Тренчине) [10] либо говорят о высоком, «императорском» классе заведения (ресторан «Мария Терезия» в Бернолаково) [14]. Часто громкие названия, связанные с Габсбургами, используются просто для привлечения внимания (гостиница «Мария Терезия», «Коронационные апартаменты» в Братиславе, никак не напоминающие ни королевский уровень, ни Габсбургов) [7; 13].

Самые популярные образы представителей Габсбургской династии в туризме Словакии – это женские образы – Мария Терезия, Елизавета Австрийская. Мария Терезия – легендарная историческая фигура, к которой обращаются во всех странах, ранее входивших в империю Габсбургов. Для Словакии она особенно значима, поскольку сделала для словацких земель и Братиславы больше, чем все предыдущие и последующие монархи. Частые упоминания Марии Терезии объясняются ее ролью в истории Словакии. В случае использования образа императрицы Елизаветы работают другие факторы. Во-первых, это значительное монументальное наследие, оставленное венграми и ныне восстанавливаемое. Во-вторых, аттрактивный потенциал мифа о Сисси. В настоящее время образ Сисси стал туристическим магнитом во всех странах, которые она посещала, сформирована целая «индустрия памяти» Сисси.

Интересно, что образ Франца Иосифа, олицетворявшего габсбургский миф, в коммеморативных практиках туризма используется относительно мало. В основном, он фигурирует вместе со своей супругой. Здесь могут быть разные причины. Франц Иосиф, трудолюбивый, скромный, добропорядочный, не обладавший харизмой и ораторским даром, больше напоминал чиновника-бюрократа, чем императора, его образ скучноват и мало подходит для того, чтобы произвести впечатление на туристов. Кроме того, в Словакии сохранилось мало памятников Францу Иосифу, возможно, из-за отсутствия традиции ставить памятники живущим деятелям. После смерти императора возводить монументы уже не было возможности в радикально изменившейся политической ситуации.

Образы членов Габсбургского дома в туризме становятся менее личностными, скорее, они олицетворяют образ Габсбургской монархии в целом – ее престижа, аристократизма, роскоши, вкуса. Они выступают как символ сложной и противоречивой, но вместе с тем прекрасной эпохи.

Память о Габсбургах в туризме актуализируется посредством различных форм коммемораций: монументальной, юбилейной, музейной и т.д. Образы монархов широко используются в формировании имиджа территорий, в событийном туризме, анимации, экскурсионном деле, в гостиничном и ресторанном секторах. Представляется, что потенциал использования габсбургского наследия в Словакии далеко не исчерпан и имеются возможности развития этого направления как во внутреннем туризме, так в кооперации с другими странами-наследницами Габсбургской империи.

1. Крылова, О.С. «Самый главный словак» в исторической памяти современной Словакии / О.С. Крылова, Г.В. Рокина // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, №6. – С.185–192.
2. Слобода, М. Братислава: иллюстрированный путеводитель / М. Слобода. – Bratislava: MS Agency, 2010. – 52 p.
3. Backroads of the Habsburg Empire [Electronic resource] // CTN. – Mode of access: <https://customtravelnetwork.com/attractions/backroads-of-the-habsburg-empire/>. – Date of access: 08.12.2021.
4. Bike & Boat through the Habsburg Empire [Electronic resource] // Tourradar. – Mode of access: <https://www.tourradar.com/t/206393>. – Date of access: 08.11.2021.
5. Café Mayer [Electronic resource] // Kaffemayer. – Mode of access: <http://www.kaffemayer.sk/>. – Date of access: 07.11.2021.
6. Cisárovná Sisi sa vracia do Bardejova. V kúpeľoch sa objaví v nedeľu [Electronic resource] // Pravda. – Mode of access: <https://cestovanie.pravda.sk/cestovny-ruch/clanok/480743-cisarovna-sisi-sa-vracia-do-bardejova-v-kupeloch-sa-objavi-v-nedelu/>. – Date of access: 20.12.2021.

7. Coronation Apartment [Electronic resource] // Bratislava: Hotels & Resorts. – Mode of access: <http://coronation-apartment.bratislavacheaphotel.com/>. – Date of access: 20.12.2021.
8. The Cultural Heritage Management and Protection in V4 Countries: Report of International Cultural Centre in Krakow [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.heritageresearchhub.eu/app/uploads/2022/04/ICC_REPORT_CULTURAL_HERITAGE_MANAGEMENT_AND_PROTECTION_IN_V4_COUNTRIES_1.pdf. – Date of access: 04.05.2022.
9. Dominion, S. Our Rich European Heritage [Electronic resource] / S. Dominion // Via Habsburg. Cultural route of the Council of Europe. – Mode of access: <https://www.viahabsburg.online/>. – Date of access: 15.12.2021.
10. Hotel Elizabeth [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hotelelizabeth.sk/>. – Date of access: 11.12.2021.
11. Kompanik, T. Bratislava. Chill out in an amazing coronation city / T. Kompanik. – Bratislava: Bratislava Tourist Board, 2016. – 47 p.
12. Kúpele Bardejov [Electronic resource]. – Mode of access: <https://kupele.bardejovske.info/>. – Date of access: 12.11.2021.
13. Maria Theresia Apartment [Electronic resource] // Slovakia Hotels. – Mode of access: <https://maria-theresia-apartment.stayinslovakia.com/>. – Date of access: 17.10.2021.
14. Maria Theresia Restaurant [Electronic resource]. – Mode of access: <https://maria-theresia-restaurant.business.site/>. – Date of access: 15.10.2021.
15. Rok Márie Terézie 1717-2017 [Electronic resource] // Bratislavský okrásľovací spolok. – Mode of access: <http://bos-bratislava.sk/rok-marie-terezie-1717-2017/>. – Date of access: 17.12.2021.
16. Slovakia Travel [Electronic resource]. – Mode of access: <https://slovakia.travel/korunovacne-slavnosti>. – Date of access: 19.12.2021.
17. Socha Márie Terézie na Hviezdoslavovom námestí nebude [Electronic resource] // Pravda. – Mode of access: <https://spravy.pravda.sk/regiony/clanok/462520-socha-marie-terezie-na-hviezdoslavovom-namesti-nebude/>. – Date of access: 15.06.2022.
18. Tatarenko, A. The Habsburg heritage in collective memory and politics of memory: the Czech Republic, Hungary, and Slovakia (1989-2020) / A. Tatarenko. – Lublin: Institute of Central Europe, 2021. – P. 77.
19. Thompson, H. The Habsburg Myth and the European Union / H. Thompson // Europe's Malaise. Research in Political Sociology / ed. by F. Duina, F. Merand. – Bingley: Emerald Publishing Limited, 2020. – P. 45–66.
20. Tomáš, D. Miroslav Vetrík: Mňa ľudia nepoznajú, ale poznajú moju prácu. Preto kandidujem [Electronic resource] / D. Tomáš // Svetlo sveta. – Mode of access: <https://www.svetlosveta.sk/cirkevasvet/rozhovory/miroslav-vetrik-mna-ludia-nepoznaju-ale-poznaju-moju-pracu-preto-kandidujem/>. – Date of access: 15.06.2022.
21. V Bardejovských kúpeľoch budú spomínať na cisárovnu Sisi Bardejovské kúpele pripravujú 12. Alžbetínsky deň [Electronic resource] // Wellness. – Mode of access: <http://www.wellnessbook.eu/-v-bardejovskychkupeloch-budu-spominat-na-cisarovnu-sisi-bardejovske-kupele-pripravuju-12-alzbetinsky-den679.htm>. – Date of access: 17.06.2022.
22. Via Habsburg. Cultural Routes of the Council of Europe. Evaluation Cycle 2017-2018 [Electronic resource] // European Institute of Cultural Routes. – Mode of access: <https://rm.coe.int/8-habsbourg-eng/168094d267>. – Date of access: 18.12.2021.
23. Visit Bratislava [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.visitbratislava.com>. – Date of access: 19.12.2021.
24. Welcome to Bratislava [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.welcometobratislava.eu/coronation-journey>. – Date of access: 19.12.2021.

Кухто Л.К.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ И РЕВИТАЛИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: культура, культурное наследие, самобытность, уникальность, конвенция, фольклор, нематериальное культурное наследие.

Культура состоит из совокупности элементов, отражающих специфические особенности мировоззрения и исторических этапов развития определенного народа. Эволюция и непрерывное развитие этнических групп приводят к усложнению структурно-функциональной составляющей культуры, ее духовно-ценностного и материального содержания, которые транслируются поколениями и могут определяться исследователями как культурное наследие. Оно включает в себя нематериальные и материальные компоненты, рассматриваемые представителями этнических сообществ как существенные элементы присущей им

уникальной культуры, а также ее самобытности и отличительности в сравнении со всеми другими группами. Нематериальное культурное наследие (далее НКН), как достояние мировой культуры, имеет большую духовную и научную ценность. Научное исследование, особые виды деятельности, направленные на сохранение и ревитализацию нематериального культурного наследия, предполагают выявление уникальных традиционных культурных генов, способствуют формированию этнической и национальной идентичности. До последних десятилетий XX века это целостное восприятие культуры оценивалось международным сообществом не в полной мере. Основные правовые документы, разработанные и принятые с целью защиты культурного наследия, были ориентированы на применение в случае возникновения вооруженных конфликтов, либо в мирное время и затрагивали исключительно материальные проявления культуры, значимость которых должна была оцениваться на основании объективного восприятия их эстетической, художественной и научной ценности.

Данные правовые и методологические основания, разработанные и апробированные в западноевропейских странах, стали универсальным методом оценки, для использования международным сообществом при установлении ценности культурного наследия. Отсутствие глубокого осознания и осмысления необходимости обеспечения более полной охраны нематериального культурного наследия, было результатом уверенности в том, что артефакты НКН, являющиеся существенной частью культурной и социальной идентичности этнических сообществ, сохраняются надлежащим образом на местном уровне в контексте их социальной эволюции. Считалось, что субъекты, курирующие НКН, надлежащим образом выполняют функции трансляции будущим поколениям компетенций, необходимых для сохранения и ревитализации их собственного нематериального наследия, без необходимости действий международного уровня в этом отношении. Данная практика осуществлялась на протяжении нескольких веков, но ее динамика была резко нарушена в связи с активным развитием глобализационных процессов, которые были наиболее ярко проявили себя в последние десятилетия XX в. На современном этапе общественного развития мы являемся свидетелями исчезновения языков, обычаев и традиций отдельных народов, что ведет к прогрессирующему уменьшению оттенков культурной палитры. Культурное разнообразие человечества постепенно и опасно сменяется унификацией. В культурном отношении единообразие означает не только утрату культурного наследия, но и гомонегизацию социальной и культурной идентичности мирового сообщества. Множественность культур выражает разнообразие, неповторимость и самобытность народов.

Утверждение устоявшейся на Западе идеи культурного наследия, воплощенного в материальных произведениях различных видов искусства, долгое время не позволяло нематериальной части культуры стать самостоятельным объектом международного права. С начала 1970-х годов международное сообщество осознало, что сфера охвата и значение культуры выходят за рамки ее материальных продуктов, и что ее духовной сфере должна быть представлена соответствующая охрана. На международных переговорах, результатом которых стало утверждение и принятие Конвенции о всемирном наследии 1972 г., ряд представителей отдельных государств разделили мысль о том, что сфера действия данной Конвенции слишком узка, и что действия международного сообщества в области культурного наследия должны распространяться на элементы и практики его нематериальные проявления. В 1982 г. на Всемирной конференции по политике в области культуры в Мехико было внесено предложение по использованию

нового, более целостного, определения содержания понятия культуры как всего комплекса отличительных духовных, материальных и интеллектуальных черт, которые характеризуют общество или социальную группу. Данное понятие включает не только искусство и литературу, но и образ жизни, традиции и верования, основные права человека, системы ценностных ориентаций [1].

Исходя из этого, под культурным наследием народа следует понимать совокупность материальных и нематериальных произведений, через которые находит свое выражение творческий потенциал определенного народа (языки, обряды, верования, произведения искусства, литература, исторические места и памятники и т.д.). 15 ноября 1989 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла первый международный правовой документ по НКН – Рекомендацию о сохранении фольклора [5]. В указанном правовом документе была подчеркнута особая важность фольклора как части универсального наследия человечества, средства объединения различных народов и социальных групп и утверждения их культурной самобытности. Особое внимание было отведено угрозам, которым устное народное творчество подвергается со стороны многочисленных внутренних и внешних факторов, а также отмечены основополагающие принципы, обеспечивающие руководство по выявлению, сохранению, трансляции и правовой защите фольклора. Данным правовым актом понятие фольклора раскрывается как совокупность творений, основанных на традициях культурного сообщества, выражаемых группой или отдельными лицами его культурную и социальную идентичность, особенности мировоззрения, нормы и ценности, передаваемые устно, путем подражания или другими способами. Основными формами проявления являются язык, мифология, религия, ритуалы, обычаи, музыка, игры и др. Кроме этого, указывается, что фольклор как форма духовного выражения должен находиться под охраной группой и в интересах группы (семейной, религиозной, этнической, национальной, региональной, и т.д.), чью самобытность и уникальность он выражает.

В 1990-е гг. в рамках ЮНЕСКО были рассмотрены и приняты ряд новых предложений, направленных на сохранение НКН. Одной из значимых таких инициатив является разработка и реализация ЮНЕСКО в 1994 г. программы «Живые сокровища человечества». Данная программа предусматривала поощрение государств-членов при официальном признании носителей традиций и ремесленников, которые обладают знаниями и навыками, необходимыми для создания и трансляции артефактов НКН, а также на поощрение передачи их знаний и навыков представителям молодого поколения [3].

В 1996 г. Всемирной комиссией по культуре и развитию был подготовлен доклад, в котором особо подчеркивалось, что общественное развитие ставит новые цели и задачи перед сохранением наследия. Кроме этого, в докладе отмечалось, что существует не только огромный разрыв между целями и средствами охраны, но и слишком узкие содержания определения категориального аппарата. Представителями комиссии НКН было определено как практика, представления, формы выражения, знания, навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, которые сообщества и отдельные лица признают частью своего культурного наследия. Это нематериальное культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение, постоянно воссоздается сообществами и группами в ответ на воздействие внешних и внутренних факторов, и предоставляет им чувство самобытности и преемственности, способствуя тем самым уважению культурного разнообразия, реализации творческого потенциала. Оно включает в себя: а) устные традиции и формы выражения, включая язык как ядро культуры и носитель нематериального культурного

наследия; б) исполнительское искусство; в) социальные практики, ритуалы и праздничные действия; в) опыт, знания и практики, касающиеся окружающей природы и Вселенной; г) традиционные виды ремесленнической деятельности, при условии, что они совместимы с существующими международными документами по правам человека, а также с требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами [2].

Выделяется несколько атрибутивных факторов, которые, на наш взгляд, имеют важное значение для полного понимания значимости и ценности НКН для мирового сообщества. Среди таких факторов можно выделить следующие: самопризнание соответствующими этническими сообществами, группами и отдельными лицами НКН как части своего культурного наследия; постоянное воссоздание НКН как ответной реакции на историческую и социальную эволюцию соответствующих сообществ и групп; глубокая связь артефактов наследия с идентичностью его создателей и носителей; подлинность; глубокая взаимосвязь НКН с правами человека и содействие реализации прав человека. Все указанные факторы глубоко взаимосвязаны друг с другом. Так же стоит отметить, что в отличие от материального наследия, НКН по своей природе имеет ярко выраженный динамический характер. С одной стороны, оно позволяет выражать культурную идентичность его создателей и носителей, с другой, НКН может утрачивать свою актуальность при распространении современных культурных образцов. В эпоху активных глобализационных процессов, такая характеристика подвергает самобытность народов опасности быть поглощенной в результате унификации культуры, а общество с его уникальными традициями и обычаями может оказаться в условиях культурного вымирания. Поэтому культурная самобытность неразрывно связана с сохранением НКН и его передачей будущим поколениям.

В начале XXI в. проблема сохранения НКН выходит на новый уровень. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г. предусматривала содействие активному распространению гуманистических принципов для прогрессивного развития гражданского общества и сохранения культурного разнообразия путем установления партнерского сотрудничества между государственными и частными институтами [1].

Основное содержание Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. посвящено проблеме сохранения и характеристике форм проявления НКН, условиям получения международной помощи отдельным государствам [4]. В 2015 г. на основе указанной конвенции были приняты Этические принципы охраны нематериального культурного наследия, основывающиеся на уважении и признании нематериального культурного наследия разных народов [6].

Таким образом, международная деятельность представляет собой прогрессивный динамический процесс по сохранению культурного наследия. Соответствующие меры по охране НКН формируются на основе его значимости для его создателей и носителей, в соответствии с содержанием определения. Охрана НКН предполагает сохранение его связи с живыми культурами, содействие проявлению самобытности его носителей, формированию культурной идентичности, а также возможности передачи его различных оттенков будущим поколениям.

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml. – Дата доступа: 02.09.23.
2. Доклад генерального директора о ходе работы над проектом декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000122341_rus. – Дата доступа: 02.09.23.

3. Конвенция нематериального наследия и Конвенция всемирного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000122341_rus. – Дата доступа: 02.09.23.
4. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия, Париж, 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] // UNESDOC. Цифровая библиотека. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>. – Дата доступа: 02.09.2023.
5. Рекомендация о сохранении фольклора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902084650>. – Дата доступа: 21.03.23.
6. Этические принципы охраны нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention-Ethical_principles-RU.pdf. – Дата доступа: 02.09.23.

Лицкевич О.В.

КОГДА ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ ГРАНИЧИЛА С ДАТСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ?

Ключевые слова: Полоцк, Дания, Нальшаны, Литва, граница.

В белорусской истории есть малоизвестный, но весьма любопытный эпизод, когда средневековая Полоцкая земля какое-то время формально граничила с Датским королевством. Предыстория его такова.

В 60-х гг. XIII в. между Великим Княжеством Литовским и Ливонией развернулась борьба за Нальшанскую землю. Историческое ядро этой балтской области, судя по концентрации топонимов типа Нолишки, находилось в районе древних центров Утена и Таурагнай [1, с. 198–201; 2, р. 678]. С юго-запада Нальшаны граничили с областью Деволта (с центром в Вилькомире) [3, р. 7]. К северо-западу от Нальшан находились территории, которые исторически относились к домену великого князя Миндовга – на них в XIV–XV вв. возникли Оникштенская (Аникшайская) и Ушпольская (Ужпалайская) волости. С севера к Нальшанам примыкала Селония: рубеж с учетом пуши проходил по берегам р. Яра, р. Шятыкшна, оз. Сартай и далее на восток до окрестностей оз. Зарасай.

С востока соседкой Нальшан была Полоцкая земля. Примерное представление о древних рубежах между Нальшанами и Полоцкой землей дает расположение полоцких приграничных крепостей Мядель (XI–XIII вв.), Дрисвяты (XI–XII вв.) и Браслав (XI в.) [4, с. 71, 95]. Со стороны Нальшан одним из крайних форпостов, расположенных близ пуши напротив Дрисвят и Браслава, было городище Мажулонис, существовавшее в XI – начале XIII в. и представлявшее собой центр волости [5, р. 106; 6, с. 19; 7, р. 16]. Это была часть укрепленной оборонительной линии Таурагнай – Рекучай – Мажулонис, которая существовала в XII–XIII вв. на северо-восточных рубежах Нальшанской земли, очевидно, для защиты от Полоцкого княжества [8, р. 355–356]. К Нальшанам также относилась волостка к югу от оз. Диснай, выявляемая по скоплению литовских археологических памятников [7, р. 16], и местность к востоку от нынешнего Швенчёниса в Литве, где зафиксирована д. Гирденай, название которой связывается с нальшанским князем Герденем [9, р. 70–71].

В политическом отношении князь Нальшан еще в 50-х гг. XIII в. сохраняли определенную самостоятельность, но признавали верховную власть Миндовга. В географическом трактате XIII в. «Incipiunt descriptiones terrarum» («Описание земель») отчетливо отделяются друг от друга Жемайтия (Samoita), затем граничившая с Русью Литва (Lectauia), в которой правил король Миндовг, Ятвезь (Ietuesi) и Нальшаны (Nalsani) [10, р. 722–723]. В перечне князей и бояр Миндовга, который содержится в документе 1260 г. о передаче Ордену всего Литовского королевства, упоминается князь Гердень из Нальшан (Gerdine de Naalse) [11, с. 39]. Хотя сам этот акт является фальсификатом [12, с. 28–35], перечень свидетелей со

стороны Миндовга в нем взят, очевидно, из какого-то аутентичного источника. Из Нальшан, по-видимому, происходил и князь Vesegele, называемый в том же документе вслед за Герденем. В районе Утены и к югу от оз. Сартай наблюдается концентрация топонимов типа Вайзгеляй, которые могут иметь отношение к землям, которые когда-то принадлежали этому князю [13, р. 20].

После смерти Миндовга князь Деволтвы и Нальшан отказались подчиняться его сыну Войшелку. Согласно Галицко-Волынской летописи, в 1264 г. Войшелк заручился поддержкой волынян и «поиде в силѣ тажыцѣ и нача города имати во Дявелѣтвѣ и в Нальщанехъ, города же поимаявъ а вороги своя избивъ» [14, стб. 863]. Некоторым мятежным князьям, видимо, удалось спастись бегством. В мае 1268 г. в Ригу прибыл нальшанский нобиль-католик Николай Суксе (*Suxe siue Nicholaus nobilis de Lettowia de prouincia Nalsen*). Он подарил Римско-католической церкви в лице рижского архиепископа Альберта свои земли в Нальшанах, которые достались ему в наследство от предков, а рижский архиепископ, в свою очередь, пожаловал ему эти же земли в лен (*in feudum*) [15, s. 17–18; 16, с. 152]. Таким образом рижский архиепископ получил юридическое право претендовать на Нальшаны. На этом прецеденте основываются и все дальнейшие попытки Ордена обосновать свои притязания на Утену, Таурагнай и Ужпаляй, в том числе с помощью подложных грамот Миндовга 1261 г. об уступке Ордену Селонии [11, с. 41–44].

В конце XIII в., несмотря на союзные отношения великого князя литовского Витеня с Ригой [17, р. 212–213], вопрос о рубежах ВКЛ с Ливонией юридически по-прежнему оставался неурегулированным, что сохраняло почву для притязаний ливонских владетелей на некоторые приграничные области ВКЛ. Так, 12 июня 1298 г. король Дании Эрик VI Менвед заключил с рижским капитулом союз против Тевтонского ордена и получил от рижан в дар Земгалию, Нальшаны (*Nalexe*) и область *Therake* [18, s. 748; 2, р. 272–273]. В сохранившемся тексте экземпляра, выданного рижским капитулом, Нальшаны названы искаженно *Valez*, а вместо области *Therake* фигурирует область *Gerze* (= *Gerre?*), которую, возможно, следует связывать с местностью близ р. Яра [18, s. 716; 2, р. 273].

Владычество Дании над указанными областями, конечно, носило лишь номинальный характер и никак себя не проявило в виде каких-то конкретных шагов. Примечательно, что в 1322 г. великий князь литовский Гедимин направлял посланников в Данию [19, s. 117]. А через год представитель датского короля участвовал в заключении договора о мире между ВКЛ и владетелями Ливонии [подробнее см.: 20, с. 126–127]. Однако он действовал от имени датской Ревельской области в Эстонии. Очевидно, что к 1323 г. история о подарке Земгалии и Нальшан датскому королю уже не была актуальна и как-то сошла на нет. Не вспоминали о ней впоследствии и братья Тевтонского ордена, которые в 1346 г. приобрели у Дании Ревельскую область в Эстонии. Но во всяком случае де-юре с 1298 примерно по 1323 г. Полоцкая земля в районе Дрисвят граничила с Датским королевством.

1. Вольтер, Э. А. Где искать землю Нальщанскую Ипатьевской летописи? Историко-географическая заметка / Э. А. Вольтер // Журнал Министерства народного просвещения. – 1900, май. – Ч. 329. – С. 195–201.
2. Būga, K. Rinkiniai raštai / K. Būga. – Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961. – Т. 3. – 1008 p., il.
3. Zabiela, G. Deltuvos žemė / G. Zabiela, T. Baranauskas // Lietuvos istorijos metraštis. 1995. – Vilnius, 1996. – P. 5–14.
4. Куза, А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников / А. В. Куза. – М. : Христианское издательство, 1996. – 256 с.

5. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. – T. 2 : Piliakalniai. – Vilnius : Mintis, 1975. – 228 p.
6. Ochmański, J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI w. / J. Ochmański. – Poznań : UAM, 1981. – 84 s.
7. Zabiela, G. Nalšia Lietuvos valstybės kūrimosi išvakarėse / G. Zabiela // Rytų Lietuva. Istorija, kultūra, kalba. – Vilnius, 1992. – P. 12–24.
8. Girininkas, A. A defence installation of the developing Lithuanian state / A. Girininkas // Archaeologia Baltica. – 2007. – Vol. 8. – P. 347–359.
9. Gudavičius, E. Bandydas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas / E. Gudavičius // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. Series A. – 1984. – T. 3 (88). – P. 69–79.
10. Colker, M. L. America Rediscovered in the Thirteenth Century? / M. L. Colker // Speculum. – 1979. – Nr 54 (4). – P. 712–726.
11. Міндаў кароль Літовіі ў дакументах і сьведчаньнях / уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. А. Жлуткі. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 135 с., [16] л. факсім.
12. Maleczyński, K. W sprawie autentyczności dokumentów Mendoga z lat 1253–1261 / K. Maleczyński // Ateneum Wileńskie. – Wilno, 1936. – R. 11. – S. 1–60.
13. Baranauskas, T. Praeities pėdsakai Anykščių krašto vietovardžiuose / T. Baranauskas // Anykščiai. Krašto kultūros istorijos puslapiai. – 1995. – Nr 9. – P. 18–22.
14. Полное собрание русских летописей. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – Изд. 3-е. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – XVI, 938 стлб., 87, IV с.
15. Perlbach, M. Urkunden des Rigaschen Capitel-Archives in der Fürstlich Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau / M. Perlbach // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. – Riga, 1886. – Bd. 13. – S. 1–23.
16. Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 531 с.
17. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius : Mokslas, 1982. – 392 p.
18. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / hrsg. von F. G. von Bunge. – Abteilung 1. – Bd. 1 : 1093–1300. – Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. – XII, 190, 810 s.
19. Das Rigische Schuldbuch (1286–1352) / hrsg. von Dr. H. Hildebrand. – St. Petersburg : Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. – LXIX, 153 s.

Літвінка Н.С.

КАНВАЛЮТ І ПАЛОВЫ XVII СТАГОДДЗЯ: КНІЖНАЯ КАЛЕКЦЫЯ ЭПОХІ БАРОКА ПАД АДНОЙ ВОКЛАДКАЙ

Ключавыя словы: кнігадрукаванне, XVII стагоддзе, эпоха Барока, старадрукі, друкарня ў Любчы, канвалют, кніжныя помнікі.

Асаблівымі калекцыямі каштоўных кніг, сабраных разам пад адной вокладкай, можна лічыць канвалюты. Кнігі ў іх могуць быць аб'яднаны адзінствам тэмы – бібліяфіл сшываў раней самастойныя, але тэматычна блізкія выданні. Часам канвалюты ствараліся з-за нежадання трымаць на паліцах тонкія, пазбаўленыя пераплёту кнігі, брашуры, сшыткі, а таксама па прыкмеце адзінства фармата [2, с. 18]. У XIX – пачатку XX стагоддзяў канвалюты часта складалі букіністы, якія прадавалі кнігі па вазе [1, с. 337].

У справе захавання беларускай гістарычнай памяці канвалют займае не апошняе месца. Большасць выданняў нашага першадрукара Францыска Скарыны захаваліся менавіта ў канвалютах. Многія з іх былі складзеныя яшчэ ў XVI–XVII стагоддзі і дайшлі да нашага часу ў амаль нязменным выглядзе. Аднак нярэдка канвалюты расшываліся і перапляталіся ў іншай паслядоўнасці – згодна з бачаннем новага гаспадара.

У фондах Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы (РДБ), дзякуючы дапамозе старшага навуковага супрацоўніка аддзела рэдкай кнігі Антона Грыгор'ева, мне ўдалося адшукаць канвалют першай паловы XVII стагоддзя. Гэты том цікавы тым, што, сярод іншага, змяшчае кнігі, якія пабачылі свет на тэрыторыі сучаснай Беларусі або маюць да яе непасрэднае тэматычнае дачыненне. Сшытыя разам

выданні істотна ўзбагачаюць нашы ўяленні пра духоўную і свецкую культуру зямель сучаснай Беларусі ў эпоху ранняга Барока.

Большасць алігатаў, сабраных у канвалюце, надрукаваны па-польску, з кароткімі ўступнымі словамі на лацінскай мове. Завяршаюць кнігазбор творы, выпушчаныя цалкам па-лацінску. У многіх выданнях тытульныя лісты змешчаны ў рамкі наборнага арнаменту – кожная з іх утрымлівае свой адметны ўзор. Другая старонка тытульнага ліста часта аздоблена родавым гербам той асобы, якой прысвечаны апублікаваны твор. Пачаткі раздзелаў ўпрыгожваюць буквіцы (ступень іх аздобленасці залежыць ад кожнай канкрэтнай друкарні). Канцоўкі ўпрыгожаны друкаваным малюнкам (арнаментам). Сустрэкаецца незвычайная вёрстка: напрыклад, імя князеўны, якой адрасавана пасланне, дубліруецца на апошніх старонках – кожная літара імя і прозвішча размяшчаецца ўздоўж тэксту, зверху ўніз.

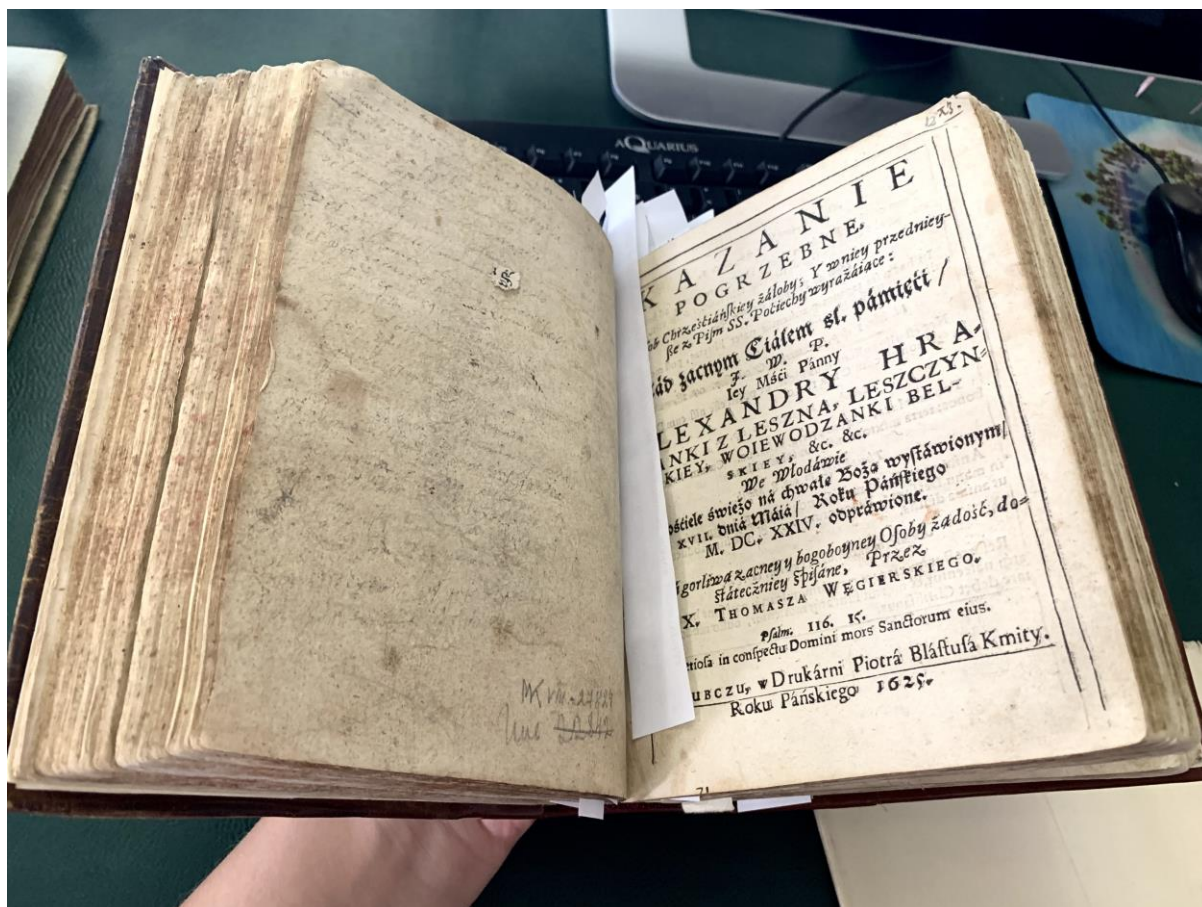
У картатэцы РДБ згаданы канвалют мае назву “Фавор нябесны” Паўля Русела (па першым прыплёце) [20]. Тытульная старонка змяшчае інфармацыю, што кніга была выдадзена ў Любліне, у друкарні Яна Вечарковіча ў 1649 годзе. На другой старонцы тытульнага ліста надрукаваны малюнак з выявай Багародзіцы, якая трымае дзіця. Пад малюнкам – зварот да чытача на лацінскай мове – сам твор напісаны па-польску.

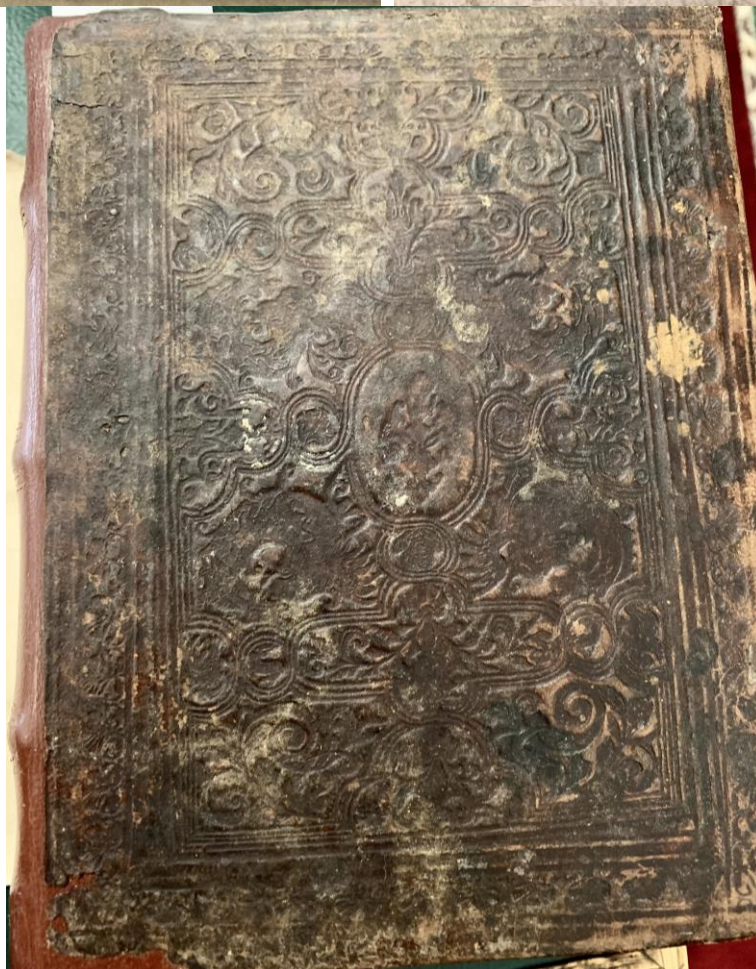
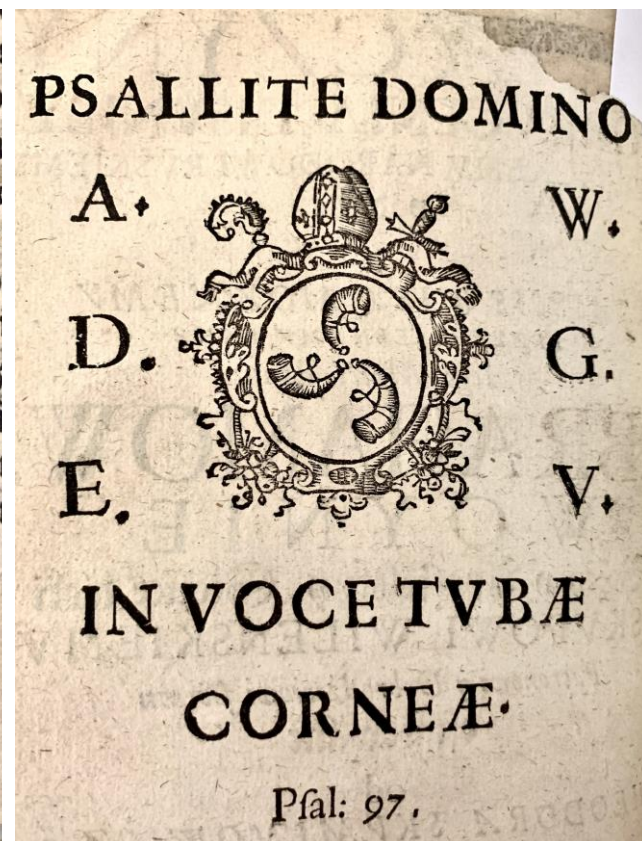
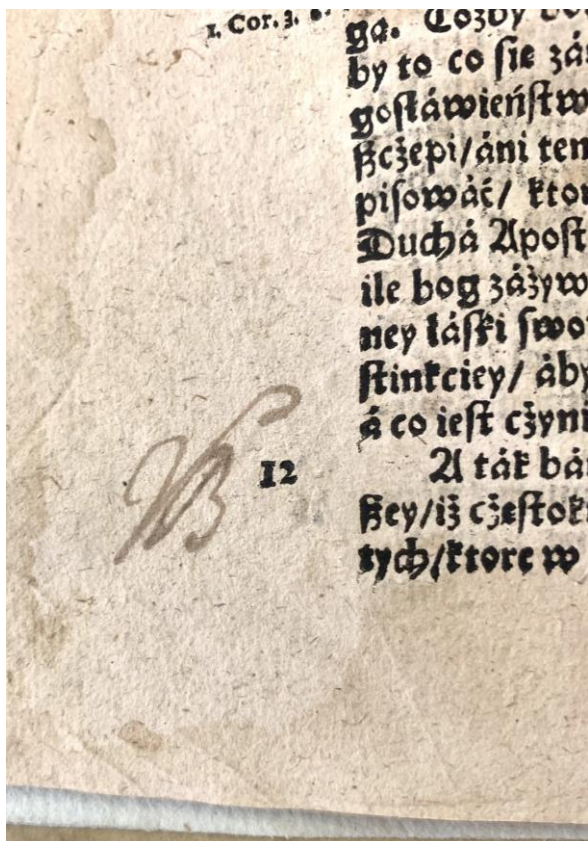
У канвалюце сабрана 21 выданне. Кніга тоўстая, амаль усе алігаты у добрым стане. Некаторыя кнігі (сабраныя ў РДБ пад адной вокладкай) захоўваюцца таксама як адзінкавыя асобнікі ў бібліятэках Польшчы і Літвы, – напрыклад у ў “Бібліятэцы нарадавай” у Варшаве, у гарадской публічнай бібліятэцы імя Іераніма Лапачынскага ў Любліне, у бібліятэцы імя Урублеўскіх Літоўскай акадэміі навук, – інфармацыю аб гэтым можна знайсці ў электронных каталогах згаданых устаноў. Калі параўноўваць захаванасць выданняў з канвалюта з электроннымі копіямі тых жа арыгінальных выданняў, можна сказаць, што алігаты з канвалюта захаваліся лепш; большасць з іх (акрамя апошніх) у добрым стане.

У дзвюх месцах канвалюта бачны сляды выразаных старонак – значыць, два алігаты па нейкіх прычынах былі прыбраныя яго ўладальнікам ці захавальнікам.

Верагодна, канвалют ствараўся некалькі стагоддзяў таму аматарам польскамоўнай і лацінамоўнай кнігі, – аб гэтым можна меркаваць па вокладцы. Для канвалюта была выкарыстана арыгінальная вокладка аднаго з алігатаў: скураная, вельмі пацёртая, на ёй змешчаны суперэкслібрыс. Выданне было рэстаўраванае: скураная спінка (або карэнчык) выдання больш новая, з трыма папярочнымі бінтамі. Фарзацы кнігі ў добрым стане. У некальках месцах унізе старонак ёсць рукапісныя пазнакі, зробленыя чарнілам: “NB”. У тэксце шмат падкрэсліванняў, часам можна прачытаць рукапісныя пазнакі “для каталікоў”.

Адзін з аўтараў, прадстаўленых у канвалюце, – гэта Тодар Скуміновіч, прадстаўнік старажытнабеларускай літаратуры [5]. У сваім творы ён звяртаецца да “народа рускага” (як вядома, у той час так называлі беларусаў). “Прычыны раз’яднання. Цудоўнаму народу рускаму прадстаўлены і прападобнаму Абрагаму Войне, біскупу віленскаму, заступніку ў дабрадзеянасцях” [21] – так называецца яго казанне, у якім аўтар засмучаецца, што народ не застаецца цалкам верным ідэям уніяцтва. Кніга была выдадзена ў друкарні Віленскай грамадскай акадэміі ў 1643 годзе. На другой старонцы тытульнага ліста змешчана аднаколерная выява герба “Трубы” – тры трубы, злучаныя ў цэнтры шчыта, у коле, з яго расходзяцца адна ўправа, другая ўлева, а трэцяя ўніз. З усіх бакоў вакол герба размешчана цытата на лацінскай мове, узятая з 97 Псалма Бібліі.

Найбольшая колькасць кніг, прадстаўленых у канвалюце, – гэта выданні пахавальных пропаведзяў. Такія творы з’яўляюцца элементам надзвычай пышных пахаванняў, уласцівых эпосе Барока. Вось што аб гэтым кажа гісторык Марцэлі Косман: “...У эпоху Барока сціплыя некалі пахавальныя ўрачыстасці набылі куды большую пышнасць... усё даўжэй працягвалася адпяванне і больш часу займалі пахавальныя прамовы” [3, с. 252].

Акурат такім выданнем канвалюта з’яўляецца кніга, выдадзеная ў Любчанскай друкарні, якая ў XVII стагоддзі дзейнічала побач з Любчанскім замкам (сёння гэта Навагрудскі раён). Выданне называецца “Пахавальная пропаведзь як спосаб хрысціянскай жалобы. У памяць аб яе міласці панне Аляксандры Ляшчынскай, графіні з Лешна, ваевадзянцы бельскай” [22]. Аўтар казання – Тамаш Венгерскі. Кніга была выдадзена ў друкарні Пятра Бластуса Кміты ў 1625 годзе.

Большасць іншых казанняў, сабраных у канвалюце, таксама былі прамоўлены, а пасля надрукаваны з нагоды пахавання знатных асобаў. Аднак насамрэч аўтары часта ставілі перад сабою не толькі мэту ўшанавання памяці нябожчыка: да біяграфіі памерлага яны маглі звярнуцца ў самым канцы аповеду, асноўны ж тэкст быў прысвечаны таму ці іншаму рэлігійнаму пытанню.

Яшчэ адзін алігат таксама мае жалобную тэматыку. Выданне “Міласць... у попеле скрухі. На пахаванні яснавяльможнага пана Адама Казаноўскага” [23] аўтарства Казіміра Вайшнаровіч, было надрукавана ў Любліне 14 студзеня 1650 года, звесткі пра гэта маюцца на тытульным лісце.

Наступны прыплёт называецца “Пілігрымка Абрагама ў зямлю абяцаную. Пры пахаванні Абрагама Галухоўскага. У Вінарах” [25], аўтар – Павел Заблоцкі. Кніга надрукавана ў Кракаве ў 1648 годзе ў друкарні Пянткоўскага.

Далей ідзе алігат пад назвай “Вобраз сапраўднага арла, які ляціць на вечны супакой, Аляксанда Мышкоўскага” [24]. Гэта твор аўтарства айца Мар’яна з ордэна Кармелітаў. Прамова была сказана 12 ліпеня 1650 года. Дата выдання не пазначана, вядома толькі, што яно пабачыла свет у Любліне, у друкарні Яна Мечаховіча.

Яшчэ адно выданне, таксама змешчанае ў канвалюце, – “Пропаведзь, або гімн. Аўтарства Валенція Грозы Фабрыцыўса” [11]. Адзначаецца, што гэта пропаведзь, прамоўленая езуіцкім святаром у 1622 годзе, перавыдаецца другі раз. Кніга пабачыла свет у Кракаве ў 1648 годзе ў друкарні Лукаша Купіша.

“Суцяшэнне, або палеміка паміж траўрам і словамі падтрымкі на пахаванні Канстанцыі Чарнкоўскай” [18] было напісана Станіславам Меллерам. Прамова прагучала ў Харкаве 3 кастрычніка 1646 года. Апублікавана ў Познані друкаром Войцехам Рэгулусам.

Як адзначае Марцэлі Косман, памерлым магнатам прамоўцы прыпісвалі ўсе магчымыя дабрачыннасці: веру, надзею, любоў, мудрасць, справядлівасць, “магутнасць”, “вярхоўнасць”, дасканаласць, сціпласць і г. д., якія потым падрабязна аналізавалі. Асабліва манахі стараліся такім чынам дагадзіць фундатарам новых манастыроў і храмаў [3, с. 275]. Прамовы пахавальных казанняў па меры магчымасці даручалі найлепшым святарам.

У канвалюце змяшчаецца казанне “Годнасці Станіслава Любамірскага, кракаўскага ваяводы” [7], аўтар – айцец Аляксандр з ордэна босых кармелітаў. Любамірскі, якому адрасаваны развітальныя словы, памёр 14 ліпеня 1649 года. Дзе і калі надрукавана “Cnota” на тытульным лісце не пазначана.

Наступны алігат – “Сутыкненне паміж дабрачыннасцю і ўдачай. Леў Адам Трызна. Казанне на пахаванні” [12] аўтарства Інакенція Гізэля было прамоўлена 6 лістапада 1643 года, а надрукавана ў 1646 годзе.

“Пропаведзь на пахаванні Аляксандра Мышкоўскага” [19] прамовіў Якуб Растоўскі 12 ліпеня 1650 года. Надрукавана яна ў Любліне ў друкарні Яна Вечарковіча (дата не ўдакладняецца).

“Вымярэнне ў кароткім веку доўгага жыцця” [15] – так называецца наступны алігат. Прамова сказана канонікам Каспарам Лацкім у храме айцоў-бернардзінцаў 4 студзеня 1649 года. Надрукавана яна ў Кракаве ў друкарні Лукаша Купіша.

“Пахавальнае казанне, прамоўленае на двух відных гарах, выдадзенае на пахаванні Яна Адама Камароўскага” [14], падрыхтаваная айцом Іеранімам Макоўскім. Прамова прагучала 9 студзеня 1648 года, выдадзена ў Любліне.

Два алігаты, змешчаныя ў канвалюце, прысвечаны ваенным падзеям. У адным з іх услаўляецца перамога войска шляхты і магнатаў Рэчы Паспалітай над украінскімі казакамі ў Збораўскай бітве. Гэты твор мае назву “Экспедыцыя збороўская, паспяхова завершаная. Нядзельнае казанне ў прысутнасці рыцараў лагераў Збороўскага і Збараскага ў Львове” [10]. Аўтар прамовы Войцех Цецішэўскі. Надрукавана ў Варшаве ў друкарні Пятра Элерта ў 1649 годзе.

Другі твор ваеннай тэматыкі – гэта “Працяг ваеннага дзённіка гетманаў каронных. Жаданне высакароднага польскага рыцарства... У 1638 годзе. Да Ведама Кароны, у Вялікім Княстве Літоўскім” [17] – надрукаваны ў Кракаве ў друкарні Францішка Цэзары ў 1639 годзе. Аўтар прамовы – гісторык, геральдыст, прапаганднік Сымон Акольскі. Ён быў палкавым святаром і суправаджаў войскі гетмана Мікалая Патоцкага ў двух паходах супраць украінскіх казакаў. Падчас паходаў Акольскі пісаў нататкі, якія ў пазнейшы час сталі каштоўнай крыніцай па гісторыі фармавання ўкраінскага этнаса. Гэтыя нататкі Акольскага, як мяркуецца, былі выкарастаны Гоголем пры напісанні гістарычнага рамана «Тарас Бульба» [4].

Наступнае выданне вылучаецца з канвалюту сваёй святочнай тэматыкай. Гэта “Раствовы гімн палкоўніку Яну Дэнхофу і Эльжбеце Білафоўне. Ад сыноў з услаўленнем свайго роду” [8]. На тытульным лісце пазначана, што твор сыноў Іана і Крыстофа Дэнхофаў напісаны ў Віленскай акадэміі. Адметна, што гэта святочная сямейная прамова змяшчае таксама і калядную песню.

Па-свойму цікавы для даследчыкаў і “Каляндар праўдзівай царквы Хрыстовай ад айца Яна” [13]. На тытульным лісце чытаем, што каляндар надрукаваны ў Вільні ў друкарні айцоў базільянаў ў 1644 годзе.

Завяршаюць канвалют тры выданні, надрукаваныя на лацінскай мове. Першае – гэта “Багаслоўскія сцверджанні” [6], аўтарства епіскапа Пятра Гембіцкага. На тытульным лісце пазначана, што кніга выдадзена кармелітамі ў Вільні ў 1639.

Другое выданне – “Багаслоўскае пытанне” [9] аўтарства прафесара Адамуса Драскіса, выдадзенае ў 1644 годзе.

Трэці твор на лацінскай мове мае назву “Юрыдычны дыспут аб справядлівасці і волевыяўленні людзей. Крыштафа Хадкевіча, губернатара Шклова, Быхава, Бабруйска, Крэва, Вішнева, Белякаў і інш.” [16], аўтар Іаган (ці Ян) Маркварт.

Як бачым, з моманту выступлення з казаннем да моманту яго друку магло прайсці ад некалькіх месяцаў да некалькіх год; тэкст часта ўдасканальваўся і дапаўняўся. У выпадку пахавальных прапагандзяў іх рассылалі сваякам памерлага і тым людзям, які прысутнічалі на развітальнай цырымоніі.

Выданні, сабраныя ў канвалюце, дэкларуюць славу роду, маюць хрысціянскае павучэнне. І хоць адрасаваны яны былі канкрэтным асобам, іх сваякам і знаёмым, тым не менш, прадастаўляюць нам багаты біяграфічны і фактаграфічны матэрыял, з’яўляюцца крыніцай па вывучэнні рэлігійнага і грамадскага жыцця свайго часу. Пышная, напоўненая метафарами, паважлівымі зваротамі, яскравымі вобразамі, арыгінальным чынам аздобленая літаратура дае нам яснае ўяўленне пра пісьмовую культуру эпохі Барока.

1. Книга: Энциклопедия / Всерос. кн. палата. ; гл. ред. В.М. Жарков. –Москва : Большая рос. энцикл., 1999. – 796, [3] с.
2. Книговедение : энциклопедический словарь / редкол.: Н.М. Сикорский (главный редактор) [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1982. – 661, [3] с.
3. Косман, М. 3 гісторыі і культуры Вялікага Княства Літоўскага : пераклад з польскай / М. Косман ; [укладанне Г. Сагановіча]. – Мінск : Медысонт, 2010. – 446 с.
4. Мемуары относящиеся к истории Южной Руси / пер. К. Мельник; под ред. В. Антоновича. – Киев : Тип. Корчак-Новицкого, 1896.
5. Старажытнабеларуская літаратура [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя. Свабодная энцыклапедыя. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B6%D1%8B%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D1%96%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0. – Дата доступу: 02.10.2023.
6. Assertiones theologicae. De scientia, voluntate... – Vilna. XXXIX // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
7. Cnota P. Stanisława Lubomirskiego, woiewody krakowskiego. Przez W.O. Alexandra... // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
8. Denhoff, I. Kołęda ktora Ianowi Denhoffowie, pułkownikowi i Elzbiecie Byłofownie... Synowie naupowolnieyszy / I. Denhoff. – Akademicy Wilenskie // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
9. Draskis, A. D.o.m.s. quastio theologica... / A. Draskis. – A.D, 1644 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
10. Expeditia zborowska, szczęśliwie dokończona. Przy obecności rycerstwá obozow, Zborowskiego y Zbáraskiego w Lwowie... – W Warszawie : w drukárni Piotra Elerta, 1649 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
11. Fabricius, W. Kazanie abo kolenda... / W. Fabricius. – W Krakowie : w drukárni Lukasa Kupisa, 1648 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
12. Giziell, I. Utarczka cnoty zfortuna... Lew Adam Tryzna. Kázaniem pogrzebnym... / I. Giziella. – W Wiewi, 1646// Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
13. Kalendarz prawdziwy cerkwi chrystusowey od Ojca Iana". – W Wilnie : w drukárni Oycow Bazylianow, 1644// Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
14. Kazanie pogrzebowe, ofiara oddana na dwóch gorach wydatnych wystawiona na pogrzebie Iana Adama Komorowskiego. – W Lublinie, 1948 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
15. Lacki, K. Pomiar w krotkim wieku życia długiego przy Pogrzebie... / K. Lacki, 1649. – W Krakowie : w drukárni Lukasa Kupisa // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
16. Marquart, I. Disputatio iuridica de iustitia et ivre personarum... Christophori Chodkiewicz... / I. Marquart. – Vilna typis. – XLIX // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
17. Okolski, S. Kontinuacja diaryusza woiennego,hetmanow koronnych. Ochota snego rycerstwa polskiego... / S. Okolski. – W Krakowie : w drukárni Fránciská Cezárego, 1639 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
18. Pociecha przednim vszczona mieiscem, abo controversia miedzy zalem y poćiech pogrzebnymi... – W Poznani : drukiem Woiciehá Regulusa // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
19. Rostkowski, I. Iastrzębiec Gniazda Szlacheckiego, W Osobie... Alexandra z Mirowa Myszkowskiego... / I. Rostkowski. – W Lubline : w drukárni Janá Wiczorkowiczá // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
20. Ruszel, P. Fawor niebieski podczas szczęśliwey elekcyey... / P. Ruszel. – W Lublinie : w drukárni Janá Wiczorkowiczá, 1649 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
21. Skuminowicz, T. Przyczyny porzucenia Disuniei przezacnemu Narodowi Ruskiemu podáne... / T. Skuminowicza. – W Wilnie ; w Drukárni Akadémiey Societatis, 1643 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
22. Węgierski, T. Kazanie pogrzebne, sposob chrześciańskiej żałoby... Pamięći iey mści pánny Alexandry hrabianki z Leszna, Leszczynskiej, woiewodzanki belskiej / T. Węgierskiego. – W Lubczu : w drukárni Piotrá Blástusa Kmity, 1625 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.

23. Woysznarowicz, K. Laska Zelazna w Popiele Skruszona... / K. Woysznarowicza. – W Lubline : w drukárni Janá Wiczorkowiczá, 1650 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
24. Wizerunk prawdziwego iastraząba, ku wiecznemu odpoczynkowi wylátuiącego... Przez Oycà Maryana od Anyołów Kármeliteę. – W Lubline : w drukárni Janá Wiczorkowiczá // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.
25. Zablocki, P. Pielgrzymstwo Abrahama do ziemie obiecáney przy pogrzebie P. Abrahama, Gołuchowskiego... / P. Zablockiego. – Krakov : Piątkowskiego, 1648 // Расійская дзяржаўная бібліятэка [МК Музей кнігі] IV-пол. 4°. Рэгістрацыйны нумар: МК VIII-27825.

Лю Цзин

ВЕНОК ИСКУССТВ В ГОМЕЛЬСКОМ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОМ АНСАМБЛЕ

Ключевые слова: гомельский дворцово-парковый ансамбль, венок искусств, архитектурный стиль, изобразительное искусство, синтез искусства.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль является одним из наиболее значимых памятников культурного наследия страны. Этот ансамбль включает в себя дворец Румянцевых и Паскевичей, а также прекрасно оформленный парк с многочисленными архитектурными элементами, которые придают ему неповторимый облик.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль представляет собой непревзойденный "венок" искусств, в котором слились воедино архитектурные шедевры, живопись, скульптура и ландшафтный дизайн. Этот ансамбль не только символизирует богатство и роскошь природы Беларуси, но и является ярким примером того, как разные виды искусства могут гармонично взаимодействовать, создавая уникальное пространство [3, с. 47].

Гомельский дворцово-парковый ансамбль был основан в конце XVIII века. В разные исторические периоды он претерпел различные изменения и реконструкции под руководством разных владельцев и архитекторов. Важно отметить, что искусство и культура всегда были важной частью жизни хозяев дворца и их окружения.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль является удивительным образцом симбиоза архитектуры и изобразительного искусства. Его архитектурные элементы и художественные композиции тесно переплетаются, создавая непередаваемую атмосферу красоты и изыска.

Гомельский дворец построен в стиле классицизма, который характеризовался строгостью форм, гармонией и вдохновением античной архитектурой. Этот стиль подразумевал собой умеренную роскошь и высокое качество исполнения. Изобразительное искусство дворца – роспись стен и потолков – акцентирует классические мотивы и богатство декора.

Дворец был украшен дорическими, ионическими и коринфскими колоннами, которые являются классическими архитектурными элементами. Их изысканные детали и скульптурные украшения придают зданию благородный вид.

Фронтон дворца украшается изображениями аллегорических фигур и скульптурными композициями, что придает зданию символическое значение. Парадные лестницы также являются архитектурным акцентом [6].

Внутренние помещения дворца наполнены росписями и фресками, которые изображают сцены из мифологии, истории. Например, в Золотом зале можно увидеть потолочные фрески, изображающие античных богинь и муз [5, с. 246].

Разнообразные скульптурные композиции украшают садовые территории парка. Эти скульптуры, созданные талантливыми мастерами (скульптором В. Слободчиковым и Адамом Идзковским), дополняют природную красоту и создают уникальные точки акцента. Такими парковыми скульптурами являются "Прогулка с борзыми" и "Лодочник" (скульптор Вячеслав Долгов) и многие другие [2, с. 4]. Кроме скульптур, ансамбль украшали различные элементы лепки и резьбы, такие как вазы, барельефы и бюсты. Эти детали подчеркивали внимание к деталям и ручной работе, что было характерно для эпохи [1, с. 8].

Пейзажная архитектура: Парк Гомельского дворцово-паркового ансамбля был создан с учетом ландшафта, и его архитектурные элементы органично вписывались в природное окружение. Это создавало уникальное единство искусства и природы. В парке созданы искусственные озера и ручьи, украшенные фонтанами и скульптурами. Водные элементы обогащают художественный облик ансамбля парка и создают дополнительные визуальные эффекты [4, с. 62].

Гомельский дворцово-парковый ансамбль представляет собой яркий пример того, как архитектурные решения и изобразительное искусство могут взаимодействовать и дополнять друг друга, создавая уникальное и впечатляющее пространство [7, с. 212]. Ансамбль продолжает вдохновлять и привлекать художников, архитекторов и туристов своей красотой и культурным наследием, отражая богатство и многогранность искусства и истории Беларуси.

Таким образом, гомельский дворцово-парковый ансамбль представляет собой уникальное сочетание архитектурных и природных красот, обогащенное изобразительным искусством. Художественные элементы, созданные в разные исторические периоды, придают этому месту особый характер и статус культурного наследия.

1. Белоусов, О. Дворцово-парковый триумф: [о присвоении Гомельскому дворцово-парковому ансамблю гран-при в номинации «Лучший музей по организации туристского обслуживания в 2012 году»] / О. Белоусов // Гомельская праўда. – 2012. – 16 кастр. – С. 8.
2. Белькович, Н. Центральный район: привлекают «Лодочник» и Карандаш : [городская скульптура г. Гомеля] / Н. Белькович // Гомельская праўда. – 2008. – 17 чэрвеня. – С. 4.
3. Гомельский дворцово-парковый ансамбль: от усадьбы до музейного комплекса: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Гомель: Барк, 2019. – С. 47–53.
4. Карчевская, Е.Н. Анализ туристского кластера Гомельской области / Е.Н. Карчевская // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. – 2012. – № 1. – С. 62–68.
5. Карчевская, Е.Н. Система управления туристско-рекреационными зонами Гомельской области / Е.Н. Карчевская // Материалы Юбилейной научно-практической. конф., посвящ. 40-летию ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, 11 июня 2009 г. – С. 246–249.
6. Парки и скверы. О городе над Сожем [Электронный ресурс]. – Режимдоступа: <https://goo.gl/4FmuBj>. – Дата доступа: 10.03.2018.
7. Самостроев, Н.А. Природные предпосылки рекреационного использования ландшафтов Гомельской области / Н.А. Самостроев // География в XXI веке: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Брест, 2008. – С. 212–214.

Мазур Л.Н.
О МАЛОМ ГОРОДЕ, БИБЛИОТЕКАХ И КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ¹

Ключевые слова: малый город, библиотека, культура памяти, книжная культура памяти, краеведческий фонд.

Малый город живет своей жизнью, в своем темпе, отличном от крупного города, а тем более от мегаполиса. Особая роль здесь отводится учреждениям культуры – библиотекам, музеям, дворцам культуры, аккумулирующим вокруг себя творческие силы городского сообщества. Они, наряду с городской средой, формируют образ города и локальную идентичность. Как это происходит?

Ответ на этот вопрос стал одной из задач историко-социологического исследования, проведенного учеными Уральского федерального университета по теме «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ), поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00418). Программа проекта включала обследование 12 российских малых городов, отобранных целевым образом по схеме непропорциональной квотной выборки с учетом даты основания города, географического расположения и демографических параметров². В каждом городе было проведено полевое обследование с целью изучения его историко-культурного и меморативного ландшафта с использованием методов контролируемого наблюдения, глубинного интервью с жителями города, а также с работниками музеев, архива и библиотек, методов фотомэппинга, ментальных карт и онлайн-анкетирования. Собранные эмпирические данные позволили охарактеризовать культуры памяти, которые бытуют на индивидуальном и коллективном уровне, а также в институциональном измерении.

Разработка рассматриваемого понятия началась не так давно – в конце XX – начале XXI в. и связана с работами А. Ассман, М. Кастельса, Б. Шварца, А. Хюссена, Т. Шнайдера и др. В них раскрыта связь памяти, культуры, истории и информационных технологий (коммуникаций) [21–23], институциональный характер меморативных практик [1], влияние массовой культуры на формирование медийной культуры памяти [24].

Из совокупности всех меморативных практик с учетом используемых информационных технологий, носителей информации и декларируемых ценностей складывается определенная модель поведения, которую обозначают термином культура памяти (см. рис. 1).

Я. Ассман отмечал, что прошлое существует только тогда, когда к нему обращаются, а для этого должны сохраниться следы прошлого – его свидетельства [2]. К ним, прежде всего, относятся документы, предметы-артефакты, за хранение и использование которых в коммуникационных и коммеморативных практиках отвечают институты памяти – музеи, библиотеки, архивы, медиа.

Архивный, библиотечный и музейный информационный ресурс востребован наукой, властью (идеологией/политикой) и обществом, т.е. является общественным достоянием, регламентированным на законодательном уровне. Регулирование касается не только вопросов комплектования и хранения фондов институтов памяти, но и режима доступа и использования информации.

¹ Тема поддержана грантом Россия РНФ (проект № 21-18-00418). URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00418/>.

² В выборку вошли: Вытегра (Вологодская обл.); Данилов (Ярославская обл.); Инта (Республика Коми); Качканар (Свердловская обл.); Котельнич (Кировская обл.); Красноуфимск (Свердловская обл.); Мариинск (Кемеровская обл.); Медногорск (Оренбургская обл.); Петровск-Забайкальский (Забайкальский край); Пущино (Московская обл.); Тихвин (Ленинградская обл.); Трубчевск (Брянская обл.).

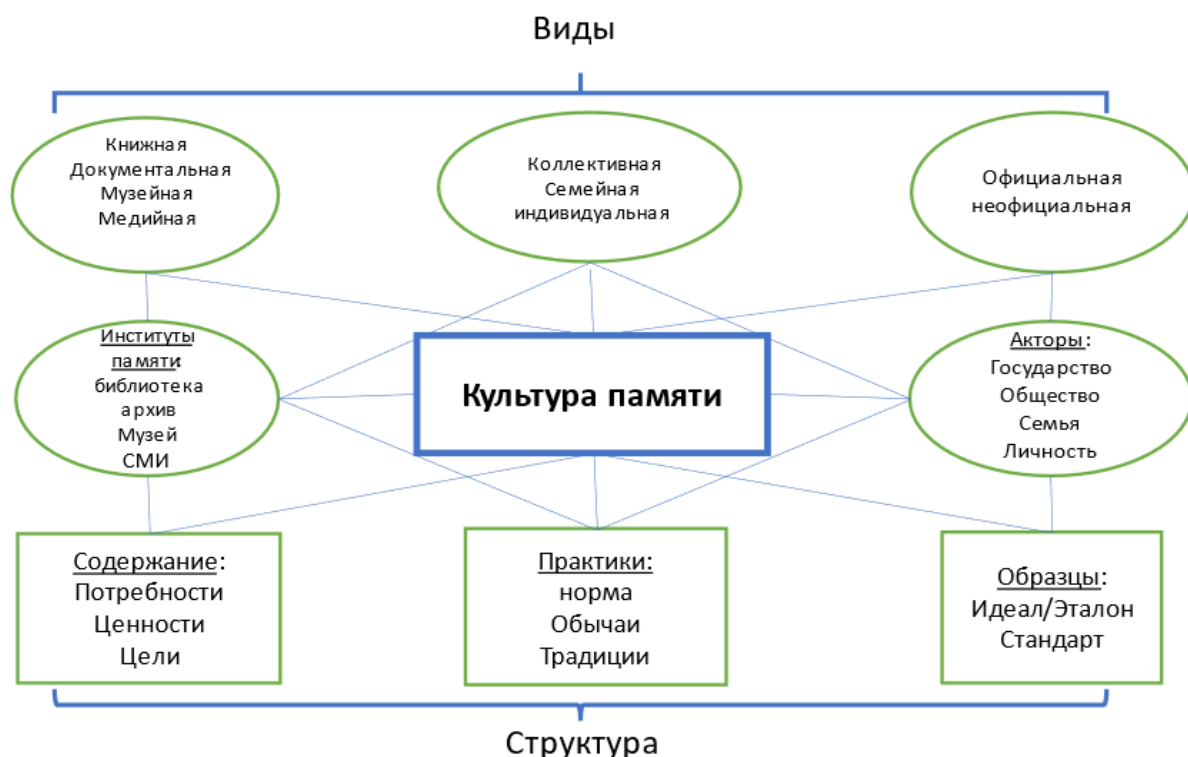

Рис. 1. Структура, виды и акторы культуры памяти

Библиотеки, также как и архивы, имеют дело с документированной памятью, которая носит долговременный характер, но более открытый, нежели архивная. Речь идет о книжной памяти, которая представляет собой совокупность образов, отрефлексированных в научных, публицистических или художественных текстах и представленных в печатной форме [16]. Печать дала письменной культуре по выражению Маклюэна «новую память» [11, с. 88], заполненную книжными образами. Для российского общества книга представляет собой особый символ и продукт меморативных практик, обеспечивая приоритет книжных образов в коллективной памяти.

Библиотека, как учреждение, обеспечивает сохранность историко-культурного книжного наследия, ее деятельность регламентирована законодательно, в том числе определены организационные статусы библиотек, структура и функции [12]. Деятельностные аспекты нашли отражение в системе нормативных документов, где прописаны процедуры комплектования, хранения и использования книжного фонда библиотек [3].

Национальный библиотечный фонд формируется из книжных памятников и обязательного экземпляра печатных изданий, *соответствующих социально-значимым критериям*, установленным положением о реестре книжных памятников [12]. В организационном плане библиотеки подразделяются по вертикали на национальные/областные (краевые, окружные) / городские / районные; по составу фонда на универсальные и специализированные; по принадлежности – государственные/муниципальные/ведомственные/частные.

Национальные библиотеки (Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Российская государственная библиотека и Российская национальная библиотека) выполняют функции научно-методического и информационного плана, выступая культурными центрами федерального значения. Областные, городские,

районные библиотеки имеют статус центральных в пределах обслуживаемой территории (субъекта федерации, города, района), в том числе в их задачи входит *формирование специализированного краеведческого книжного фонда, сохраняющего региональную/локальную историческую память*. С учетом структуры книжного библиотечного фонда и сферы применения книжного наследия можно выделить следующие разновидности книжной культуры памяти – *научная, публицистическая, специальная, художественная, краеведческая*.

Традиционными задачами библиотек являются учет, комплектование, хранение и использование документов, входящих в состав библиотечных фондов. Они технологически отработаны и нормативно обеспечены, в частности в федеральном законе выделены описаны следующие процессы – технологии моделирования, комплектования, обработки, размещения и использования библиотечного фонда, а также исключения из него изданий. Таким образом, основным объектом книжной культуры памяти является книга, отношение к которой определяет статус акторов книжной культуры – автор, читатель, хранитель.

В малом городе роль библиотеки особо значима: она выполняет функции формирования и сохранения локальной памяти, задокументированной в периодической печати, краеведческой литературе и произведениях местных писателей и поэтов. Библиотеки появились в уездных городах в конце XIX – начале XX в., благодаря деятельности земств, и создавались с просветительской целью. Данная функция сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени. В советский период процессы библиотечного обслуживания приобрели плановый и организованный характер, поскольку были включены в систему пропаганды и агитации. В целом же, как и другие учреждения культуры малого города, районные библиотеки отличаются низким уровнем специализации и являются универсальными по своему функционалу. Следует выделить и особенности практик, характерные для районных библиотек. В частности, специфической чертой комплектования краеведческих фондов является дарение авторами своих книг, изданных на собственные средства: *«Вот у нас Николай Николаевич Терентьев, есть такой замечательный человек и краевед, один из оставшихся уже ... Он издаёт эти книги ... на свои средства, да. И эти книги он дарит нашей библиотеке. Уже целая скопилась коллекция»* (МрЖ58)¹.

Практически во всех городах, включенных в выборку, библиотека не только выступала в роли информационного центра, но организационной площадкой краеведческой работы – она служила местом встречи членов местных творческих, исторических и литературных общественных организаций (рис. 2).

Очень насыщенным выглядит график мероприятий районных библиотек – праздники, творческие вечера, знаменательные даты, посвященные творчеству русских поэтов и писателей. Особое внимание в графике мероприятий уделяется историческим событиям локального, всероссийского или глобального значения.

Значение книжной культуры в жизни малого города можно проследить на примере г. Трубчевска (Брянская область), в 2022 г. удостоенного почетного звания «Литературный город России». Такой результат был достигнут благодаря стечению нескольких обстоятельств: активной деятельности литературного объединения «Горизонт», созданного в Трубчевске в 1966 г., историко-литературному капиталу (город упоминается в «Слове о полку Игореве» и образ легендарного Бояна стал символом города) и активной роли городской библиотеки в вопросах коммеморации и сохранении литературного наследия.

¹ Интервью с сотрудницей библиотеки г. Мариинска. Архив проекта.

Рис. 2. Библиотека г. Петровск-Забайкальского. Фото из архива проекта

Трубчевская центральная библиотека¹ ведет свою историю с 1898 г., когда земское собрание утвердило Устав и приняло решение о выделении на обустройство библиотеки-читальни средств в размере 62 руб. В первый год в фонде числилось 909 экземпляров. На 1 января 1914 г. в библиотеке насчитывалось 4315 экземпляров книг. Это были книги по естествознанию, сельскому хозяйству, медицине, географии, педагогике, духовного содержания, беллетристика. В настоящее время книжный фонд библиотеки составляет 175 тыс. экз. (2021 г.), библиотека обслуживает около 10 тыс. читателей. Библиотека организовала в течение года 814 мероприятий, в том числе провела ежегодную научно-практическую конференцию в рамках традиционного праздника «На Земле Бояна», конкурс «Человек читающий», тематические беседы и др. [5].

В библиотеке имеется краеведческий фонд, практикуются тематические выставки, приуроченные к праздничному календарю, а также историческим датам и событиям государственного и локального уровня [19].

*«... У нас краеведческий фонд, поэтому мы здесь какие-то ставим краеведческие выставки. Мы периодически что-то меняем. Вот 17 сентября будет «Освобождение Брянщины». Естественно, мы уже другие поставим, другую литературу. /пауза/ А так здесь вот и Трубчевск, и Брянск литературный и какая-то литература по экономике. Очень мало новой литературы по ... экономике, ... почему-то. По сельскому хозяйству так вообще ничего нету. Только больше детская литература. Но краеведческий фонд не списывается, он весь хранится. Поэтому, что есть, то есть, вот все здесь».*²

¹ Библиотека является межпоселенческой и включает помимо городской библиотеки, детскую библиотеку и Бороденковскую библиотеку.

² Интервью с директором Трубчевской межпоселенческой центральной библиотеки. Архив проекта.

Любопытно, что меморативные практики муниципальной библиотеки не ограничены традиционными формами и расширены за счет использования игровых технологий и музейных технологий. В частности, в структуре детской районной библиотеки были открыты две музейные комнаты: первая – литературно-мемориального профиля под названием «Трубчевск – край литературный» (2015 г.); вторая – «Горница» – экспозиция фольклорно-этнографического типа.

Литературная музейная комната посвящена истории создания и деятельности литературного объединения «Горизонт» (рис. 3), которое было организовано в 1970 г. при редакции районной газеты «Знамя Октября» [8]. Его членами были как профессиональные писатели и поэты (С.П. Кузькин, В. Козырев, В. Беловусов), так и учителя, рабочие – люди разных профессий, тянувшиеся к литературному творчеству.

«...вот у нас музейная комната "Трубчевск – край литературный". Она, кстати, родилась в голове тоже у Степана Павловича [Кузькина]¹. Потому что он понимал, что есть какое-то наследие поэтическое, литературное, трубчевское, которое надо сохранить где-то» (ТрЖ62)²

Рис. 3. Музейная комната «Трубчевск – край литературный».
Детская библиотека г. Трубчевска. Фото из архива проекта

В первые годы встречи участников объединения проходили как «литературные посиделки», на которых обсуждались стихи и рассказы, говорили о литературных новостях и творчестве известных поэтов. В городе стала выходить литературная страница «Деснянские зори», составленная из стихотворений и рассказов членов «Горизонта». Объединению принадлежала идея проведения ежегодных праздников славянской письменности и культуры «На земле Бояна». При участии литобъединения были опубликованы коллективные сборники произве-

¹ Кузькин Степан Павлович (1937–2012) – писатель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, родоначальник праздника народного искусства и поэзии «На земле Бояна».

² Интервью с сотрудником детской библиотеки г. Трубчевска. Архив проекта.

дений: «Струны Бояна» (1991), «Трубчевские просторы» (1993), «Собор» (2001), «Трубчевское литобъединение «Горизонт» 40 лет» (2010), «Струны души» (2015). Кроме того – с 2003 года выпускается «Поэтический ежегодник». В 2020 г. была опубликована книга о самом объединении, его истории и членах, включая их произведения [20]. Так, коммеморативные практики, связанные с созданием поэтических образов Трубчевска, дополняются практиками и изданиями, сохраняющими память о самом объединении.

«Я вам хочу показать книжечку. Это Елена Ивановна издала в 20-ом году к юбилею "Горизонта". ... Она собиралась всё, но так как она была начальником до этого, у неё сохранились очень богатые материалы, в том числе и вот эти поэтические, там разнообразные. Ну, потом она к нам приходила, брала разные книги, в газетах искала стихи...». (ТрЖ62)¹.

Музейная комната «Горница» была оборудована в здании детской библиотеки и представляет собой условную реконструкцию крестьянской избы, где есть картонный муляж печи, стол, кровать, декорированные подлинными вещами (рис. 4):

**Рис. 4. Музейная комната «Горница». Детская библиотека г. Трубчевска.
Фото из архива проекта**

«Принесли всё, что можно и нельзя тут, что у нас сохранилось по домам, по хатам. Различные фольклорные мероприятия проводятся здесь у нас в этой комнате. Вот видите, какая у нас ступа с бабой Ягой» (ТрЖ60)².

Следует добавить, что рядом с «Горницей» в соседней комнате располагается книжная выставка «Мир русского фольклора» – так музейная культура памяти пересекается с книжной, дополняя друг друга (рис. 5). Подобная интеграция книжной и музейной памяти встречается и в других городах, обследованных в

¹Интервью с сотрудницей Детской библиотеки г. Трубчевска. Архив проекта.

²Интервью с сотрудницей Детской библиотеки г. Трубчевска. Архив проекта.

рамках проекта – среди них Пущино, Петровск-Забайкальский, Инта, Котельнич, что свидетельствует о формировании определенных тенденций взаимодействия институтов памяти и интеграции технологий использования историко-культурного наследия.

**Рис. 5. Выставка «Мир русского фольклора». Детская библиотека г. Трубчевска.
Фото из архива проекта**

Книжная культура в Трубчевске и других малых городах включает не только литературную составляющую, но и научную/краеведческую. Каждый малый город имеет своих летописцев из числа профессиональных историков или любителей-энтузиастов, которые, работая с архивными документами и используя технологии устной истории, реконструируют локальный образ прошлого – научный или околонуточный. Научный интерес к локальной истории находится в прямой зависимости от историко-культурного капитала места. Так, например, Трубчевску с его тысячелетней историей посвящено немало исторических трудов, раскрывающих его легендарное прошлое [4; 13; 15; 17; 18]. Их дополняют труды непрофессиональных историков – краеведов, создающих летопись города [6; 7]. В начале 1990-х гг. при районной библиотеке были организован литературно-краеведческий клуб «Боян», объединивший интеллигенцию города.

В совокупности с литературными произведениями историко-краеведческие труды формируют сложный многогранный образ места, оставляющий наиболее глубокий след памяти. По мнению Ю.М. Лотмана, прошлое предстает в двух измерениях – в форме текста и культурного контекста, которые дополняют друг друга [9; 14]. Тексты имеют несколько уровней сложности, помимо простых высказываний, закодированных в символах языка, могут быть тексты второго порядка, к ним можно отнести ритуалы, обряды, действия. Следующий более высокий уровень сложности – художественные тексты, для которых харак-

терна сложная структура и многоголосие. Они представляют собой авторское высказывание, зашифрованное в образах. Культурный контекст – явление не менее сложное [10], он связан с условиями создания того или иного текста. Структурными элементами культурного контекста выступают язык, знания, традиции, ценности, а также обряды, ритуалы и практики.

Вместе с тем, следует отметить, что книжная культура в Трубчевске постепенно вытесняется медийной, в частности кинокультурой. Город стал востребован как пространство для съемки авторского кино¹, что послужило поводом для проведения в городе кинофестиваля «Наше кино». 12 июня 2018 г. в кинотеатре «Родина» прошел второй кинофестиваль и фотовыставка «Кинокомпания АРСИ-фильм в Трубчевске» (2008–2018 гг.).

Любопытны и нередкие для малого города ведомственные пересечения, когда в результате «слабости» одной из институций, ее функции берет на себя более активный член триады (музей-библиотека-архив). Так, например, в Медногорске функции хранения книжной памяти выполняет архив:

«У нас есть коллекция прозаики города Медногорска. Сейчас вот я что сделала – [сборник] “В книжной памяти мгновения войны” – наши поэты и прозаики и местные поэты и писатели о людях города трудовой славы. То есть я выбирала наших поэтов из своей коллекции, которые писали стихи о Медногорске. Вот, я их выставила. И у нас [есть] Янина Людмила Михайловна, ... она пишет! Она историю...города пишет. ... О людях города, о комбинате, это ее стихи о пуске завода и “Медногорск – души столица...”. Настолько легко пишет, это так воспринимается! Это надо читать. А открыл талант наш сотрудник, журналист газеты “Медногорский рабочий”. Она начала писать ... и тоже передает в архив. Они мне передают-передают, я их тоже принимаю, складываю. Потом я их разбираю. У нас много, кто пишет, но вот Янина, всё это вот ее» (МдЖ55)².

Кроме того, следует отметить общую тенденцию к взаимодействию, при этом выделяются различные варианты кооперации: горизонтальная (равная активность двух или трех институций и культур памяти – Красноуфимск, Мариинск) и иерархическая (приоритет одной из институций, чаще всего музейной или библиотечной, реже - архивной)

«Мы вот это тоже, наверное, прелесть маленького городка, да, то, что мы вот ну мы каким-то сообществом всё равно живём, то есть мы знаем друг друга. И, когда, /пауза/ ну вот, вот проекты эти совместные, да, пусть они там ни наши, ни Мариинские, но тем не менее, как бы мы в них совместно принимаем участие, естественно, знакомимся...» (МрЖ58)³

Конфигурация институциональных культур памяти в большинстве случаев зависит от участия в них творческих личностей, непосредственно связанных с коммеморативными практиками и определенными институциями. В одном случае – это могут быть медиаторы (Петровск-Забайкальский), в другом – носители книжной культуры (Трубчевск), в третьем – музеи и творческие личности, формирующих новый бренд города (Мариинск).

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

¹ «Сынок» (реж. Л. Садилова, 2010); «Она» (реж. Л. Садилова, 2013); «РОК» (реж. И. Шахназаров, 2016); «Однажды в Трубчевске» (реж. Л. Садилова, 2019).

² Интервью с директором Муниципального архива г. Медногорска. Архив проекта.

³ Интервью с сотрудницей музея г. Мариинска. Архив проекта.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Библиотечный фонд. Технология формирования: ГОСТ Р 7.0.93-2015. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу, введен 01.07.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ifap.ru/library/gost/70932015.pdf>. – Дата доступа: 19.09.2023.
4. Городков, В. Н. Архитектура малых городов Брянского края / В. Н. Городков. – Брянск : УП «Брянское областное полиграфическое объединение, 2008. – 128с.
5. История Трубчевской центральной библиотеки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bibltrib.narod.ru/index/istorija_biblioteki/0-6. – Дата доступа: 08.09.2023.
6. Земля былинного Бояна: посвящено 1000-летию Трубчевска, XX празднику «На земле Бояна», 30-летию литобъединения «Горизонт» / ред.-сост. О. Р. Вязьмитин. – Брянск : ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение, 2005. – 134 с.
7. Летопись Трубчевского края: материалы I-III краеведческих чтений – Брянск : [без изд.], 2009. – 150 с.
8. Литературное объединение «Горизонт» (г. Трубчевск) [Электронный ресурс] // Брянская областная общественная писательская организация Союза писателей России. – Режим доступа: <https://slovo32.ru/literaturnoe-obedinenie-gorizont-g-trubchevsk/>. – Дата доступа: 11.09.2023.
9. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри. мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб., 2001. – 704 с.
10. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–132.
11. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В Николаева. – М. : Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2003. – 464 с.
12. О библиотечном деле (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 29 декабря 1994 г., № 78-ФЗ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/103585/>. – Дата доступа: 12.09.2023.
13. Падин, В. А. Трубчевск / В. А. Падин. – изд. 2-е, доп, испр. – Тула : Приокское книжное издательство, 1975. – 240 с.
14. Полякова, Т. А. Текст как смыслопорождающее устройство в концепции Ю. М. Лотмана / Т. А. Полякова // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №3. – С. 72–79.
15. Руденков, Г. Н. Золотая страница Трубчевска: краткий очерк новейшей истории древнего города / Г. Н. Руденков. – Брянск : Кириллица, 2003. – 67 с.
16. Терновая, Л. О. Вклад книжной культуры в обеспечение социальной памяти / Л. О. Терновая // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – № 11-1. – С. 589–593.
17. Тихонов, Н. Десять веков Трубчевска / Н. Тихонов. – Тула : Приокское книжное издательство, 1980. – 288 с.
18. Тихонов, Н. Г. Славные витязи Трубчевска / Н. Г. Тихонов. – Брянск : Грани, 1996. – 63 с.
19. Трубчевская центральная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibltrib.narod.ru/>. – Дата доступа: 15.09.2023.
20. Юденкова, Е. И. От «Горизонта» к горизонту: к 70-летию Трубчевского литературного объединения: поэтический сборник / Е. И. Юденкова. – Брянск : [без изд.], 2020. – 386 с.
21. Castells, M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. – Vol. II. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – 584 p.
22. Snyder, T. Commemorative Causality / T. Snyder // Modernism/Modernity. – 2013. – Vol. 20, No. 1. – P. 77–93.
23. Huyssen, A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia / A Huyssen. – NY ; London : Psychology Press, 1995. – 292 с
24. Kukkonen, K. Popular Cultural Memory. Comics, Communities and Context Knowledge / K. Kukkonen // Nordicom Review 29. – 2008. – Iss. 2. – P. 261–273.

Малишевский Н.Н.

МОНАСТЫРЬ НА КОЛОЖЕ И ГРОДНЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА

Ключевые слова: монастырь на Коложе, Борисоглебская церковь в Гродно, Коложская церковь, церковь во имя Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба в Гродно, электронно-цифровой архив Коложской церкви в Гродно, гродненская архитектурная школа.

Сегодня Борисоглебская церковь на Коложе – единственный в Гродно сохранившийся храм XII века. В то время в городе существовали, по меньшей мере, еще четыре каменные церкви, «сестры» Борисоглебской: княжеская Соборная (на территории Старого замка), Малая, Пречистенская – для жителей гродненского посада и окрестных деревень (на территории нынешнего женского монастыря Рождества Богородицы) и Воскресенская для богатых прихожан (на территории Нового замка).

Само их наличие в городе XII века с населением не более полутора тысяч человек свидетельствует по мнению исследователей [1, с. 4] о том, что Гродно считался не только восточнославянским форпостом на границе с западнославянскими и балтскими племенами, но и своеобразным форпостом Православия в этих землях.

Все упомянутые православные храмы и строения Гродно были возведены в оригинальном стиле. Ни один населенный пункт на территории Беларуси XII века не имел такой плотности каменных построек религиозного назначения [2]. Этот факт дает возможность говорить о существовании в Гродно XII века собственной архитектурной школы. Это очень важный момент. Особенно с учетом того, что в первые века после принятия славянами христианства храмы на белорусских землях строились преимущественно мастерами, приглашенными из Византии.

Примечательно, что то же посвящение святым Борису и Глебу, что и гродненская, получила и древнейшая церковь Новогрудка, возможно, строившаяся чуть позже Коложской и при участии гродненских мастеров. Обращает на себя внимание исключительная быстрота формирования своеобразной гродненской архитектуры. По мнению историков архитектуры [3], данный факт говорит о ведущей роли какого-то очень талантливого и самобытного зодчего.

Этим человеком некоторые исследователи считают мастера византийского происхождения Петра Милонегу [4] – одного из четырех архитекторов доордынского периода, имена которых сохранили русские летописи. Он работал в Гродно, Луцке, Турове, Киеве, был придворным зодчим киевского князя Рюрика Ростиславовича. В Ипатьевской летописи Милонегу сравнивают со строителем Веселеилом из Ветхого Завета и упоминают в связи с возведением в Выдубицком монастыре под Киевом каменной подпорной стены со стороны реки Днепр, одновременно являвшейся обзорной площадкой.

Примечательный факт: Киево-Выдубицкий монастырь был семейным монастырем Владимира Мономаха и его потомков, включая гродненских внуков – Бориса и Глеба – и их мать – первую «летописную» правительницу Гродно княгиню Агафью Момах. Как и в Гродно, в Киеве из строений монастыря пережила столетия церковь Архистратига Михаила, построенная при отце Мономаха князе Всеволоде, и, подобно гродненской Коложской церкви, частично обрушившаяся в реку.

О церковной жизни самого древнего сохранившегося храма Гродно в первые три столетия его истории определенно можно сказать лишь то, что вокруг него складывалась и разрасталась монастырская обитель, существовавшая с «незапамятных времен». Гродненская обитель, получившая свое посвящение по имени соборной церкви в честь Бориса и Глеба, на первых порах входила в юрисдикцию епископа Туровского. Соответственно и освящал храм в XII веке, скорее всего, святитель Кирилл Туровский, – как епископ, в юрисдикции которого возникла обитель. С рубежа XIV–XV веков Борисоглебская обитель подчинялась непосредственно митрополитам Киевским и всея Руси.

Точная дата возникновения монастыря при Борисоглебском храме неизвестна. Иногда предполагается, что он был основан при церкви в 1480 году, а архимандрия учреждена с 1500 года. Но это только версия, обусловленная недостатком сохранившихся письменных свидетельств о событиях и настоятелях первых трех (XII–XV) веков существования храма и обители.

По данным специалистов Генерального штаба русской императорской армии, в 1241 году город Гродно оказал упорное сопротивление ордынцам перекопского (крымского) хана Койдана – брата Батыя, сына хана Джучи, внука Чин-

гиз-хана [5, с. 758]. Скорее всего, в ходе этого нападения Борисоглебская церковь была очень сильно разрушена. Причем до такой степени, что польский историк, археолог и гродненский краевед И.И. Иодковский даже предположил, что древняя святыня на Коложе построена князем Войшелком после его возвращения из Афона [6], так как не могла уцелеть во время татарского нашествия. В данном случае речь идет не столько о храме, сколько о монастыре.

Вероятно, Войшелк – старший сын великого князя литовского Миндовга, принявший Православие под именем Лавриша, – существенно отремонтировал гродненский храм. И одновременно с этим возродил в городе над Неманом Коложский монастырь, уничтоженный пришельцами с востока. Либо заново основал его, как сделал это с другим монастырем на Немане – Елисеевским, который станет также называться по христианскому имени основателя – Лавришевским (Согласно Галицко-Волынской летописи, старший сын первого великого князя ВКЛ Миндовга – Войшелк – принял постриг и по прошествии трёх лет *«основал себе монастырь на реке на Немане между Литвой и Новым городком [Новогрудком – прим. Н.М.], и тут жил»*).

Список сохранившихся по состоянию на сегодняшний день документально зафиксированных [7] имен настоятелей монастыря на Коложе открывает игумен второй половины XV века Каллист. Его имя приводит составленная в 1738 году «Хроника игумнов, архимандритов, ктиторов и покровителей Гродненского Коложского монастыря» в записи под 1480 годом. Поэтому этот год иногда и принимают за дату основания монастыря. Хотя сам автор «Хроники», упоминая Каллиста, специально отмечает, что и «до него должно быть были игумены». Так что монастырь при храме святых Бориса и Глеба появился гораздо раньше предполагаемой датировки.

Весьма вероятно, что церковь строилась как монастырская уже изначально, в XII веке. Этим можно объяснить ее уединенное расположение, вдали от мирской суеты, на площадке урочища Коложань. Одно из значений слова «коложань» или «коложень» в древнерусском языке означает место, где бьют многочисленные родники [8]. Скорее всего именно оно и повлияло на появление у гродненской церкви святых Бориса и Глеба второго названия.

1. Трусов, И.Г. Гродненские архитекторы и строители XII–XVIII веков / И. Г. Трусов. – Гродно, 2012. – С. 4.
2. Археологическая сенсация в Гродно: АТН: новости Беларуси и мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-VZUkQwBRxY>. – Дата доступа: 20.07.2018.
3. Православные Храмы. Путешествие по святым местам. – 2013. – № 23.; Раппопорт, П.А. Новые данные об архитектуре древнего Гродно / П. А. Раппопорт // ДРИ. – 1988. – С. 64–72; Раппопорт, П. Пётр Міланег – гродзенскі дойдзі XII стагоддзя / П. Раппопорт // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1987. – №4. – С. 21–22.
4. Міланег Петр // 250 асоб з Беларусі ў дыялогах культур = 250 people from Belarus in the dialogue of cultures. – Мінск, 2008. – С. 291; Трусов, И.Г. Гродзенская архітэктурная школа / И. Г. Трусов // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. – Мінск, 1993. – С. 86; Трусов, И.Г. Гродненские архитекторы и строители XII–XVIII веков / И. Г. Трусов. – Гродно, 2012. – С. 6–8.
5. Гродненская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / склад. П. Бобровский. – СПб, 1863. – С. 758.
6. Иодковский, И. Замок в Мире / И. иодковский // «Древности», Труды комиссии по сохр. древних памятников, МАО. – Т. VI. – М., 1915. – С. LXIV–LXV.
7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 128. Оп. 1.
8. Черепица, В.Н. Как спасали Коложу во второй половине XIX – нач. XX веков / В. Н. Черепица // Гродненские Епархиальные Ведомости. – 2002. – № 11; Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 95.

Мартынюк А.В.
«КОРОНА ЛИТОВСКОГО КОРОЛЕВСТВА»
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, королевская корона, методологическая модель, культурное наследие.

Развитие исследований в области средневековой истории Восточной Европы отличается – с методологической точки зрения – крайней противоречивостью. С одной стороны, современные историки, как правило, декларируют ориентацию на академическую непредвзятость и применение новых инновативных методологических моделей. С другой стороны, анализ публикаций по данной проблематике показывает практически безраздельное господство этно- и государствоцентрических схем, а именно прямолинейную проекцию в прошлое современных политических реалий, рассмотрение средневековой истории Восточной Европы только как предыстории современных государств и наций. Применительно к истории Великого княжества Литовского это порождает вечную «проблему наследования», которую безуспешно пытаются решить историки Литвы, Беларуси и иных стран (о проблематике политической инструментализации средневековой истории на постсоветском пространстве см. недавнюю обобщающую работу: [2]). К сожалению для академической историографии и профессионального сообщества историков-медиевистов, уровень политизации средневекового периода истории Восточной Европы демонстрирует в последние годы явную тенденцию к возрастанию.

Можно ли предложить какую-то иную исследовательскую перспективу в изучении Великого княжества Литовского, способную если не снять, то хотя бы несколько снизить остроту «проблемы наследования» и сопутствующие ей «войны за прошлое»? Собрать «осколки разбитого зеркала» (таким образным выражением определил историческое наследие Великого княжества Литовского современный российский исследователь А. И. Филюшкин [4]) можно различными способами, назовем лишь некоторые из них:

- история Великого княжества Литовского как история средневекового государства и культурного пространства, не имевшего прямых политических наследников в истории Нового и Новейшего времени (в качестве своеобразной «Античности» или «Византии» восточноевропейского региона);
- история Княжества как история фронта в Восточной Европе – политического, религиозного, культурного, цивилизационного и т.д.;
- выбор какой-то иной методологической «точки сборки», позволяющей структурировать исторический нарратив из специально выбранной исследовательской перспективы.

Поясним последний пункт на конкретном примере. В качестве системообразующего элемента такого исторического нарратива можно предложить проблему «короны Литовского королевства» – историю попыток и проектов по повышению политического статуса Великого княжества Литовского до самостоя-

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г22У-002 «Беларусь как зона цивилизационного взаимодействия и трансфера социокультурных инноваций в Средние века и раннее Новое время (X–XVI вв.)».

тельного королевства. В качестве исходной точки отсчета этого нарратива выступает принятие князем Миндовгом королевской короны от папы Иннокентия IV в 1253 г. – без сомнения, важнейший политический акт первых этапов истории государства, вошедшего в историю как Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, и яркая социокультурная инновация для всего восточноевропейского региона. Наметим в самом первом приближении возможные «реперные точки» подобного исследования (некоторые из них были рассмотрены нами ранее, см.: [1]).

- две коронации 1253 г. – Миндовга и Даниила Романовича («Галицкого») – и их общий геополитический и социокультурный контекст;
- Шварн Данилович – несостоявшаяся «русская» династия на литовском престоле;
- Пржемысл II Оттокар и иные титулярные короли Литвы;
- Литва в политике папской курии – «лен святого Петра» в XIII–XIV веках;
- Литва как «земля без законного короля» и объект крестоносной экспансии в *Великую эпоху рейз* в XIV веке;
- «литовский вопрос» в политике императоров Священной Римской империи в XIV веке – крещение в обмен на корону;
- политические проекты великого князя Витовта и его несостоявшаяся коронация в 1430 г.

Мы ограничиваемся здесь только периодом Средневековья – проблематика «короны Литовского королевства» может быть легко продолжена и в последующие исторические эпохи, вплоть до Новейшего времени. Достаточно указать в этом контексте на казус «короля Миндовга II» – герцога Вильгельма II фон Ураха, представителя боковой ветви вюртембергского дома, которого в 1918 г. Государственный совет Литвы пригласил занять престол этого государства, только что обретшего свою независимость [5]. Как мы видим, выбор данной исследовательской перспективы (еще раз подчеркнем, что «корона Литовского королевства» – лишь один из возможных вариантов) позволяет задать структуру изучения истории Великого княжества Литовского на протяжении нескольких столетий. При этом такой подход дает возможность выйти за рамки национальных историографий и «споров о наследии» и рассмотреть историю Княжества в широком региональном контексте истории Центральной и Восточной Европы – в тесной связи не только с историей Литвы и Руси (здесь: средневекового восточнославянского мира), но и с историей Польши, Чехии, Венгрии, Священной Римской империи, папской курии и т.д. Представляется, что поиск новой исследовательской перспективы (а более правильно будет говорить во множественном числе: новых исследовательских перспектив, новых методологических «точек сборки» исторического нарратива истории Великого княжества Литовского и Восточной Европы в целом) является актуальной научной задачей.

В завершение отметим следующее обстоятельство. Корона, предназначавшаяся для коронации великого князя Витовта в 1430 г., не сохранилась. Но источники дают возможность реконструировать процесс ее создания и даже составить некоторое представление об ее возможном облике (данную работу провел современный российский исследователь С. В. Полехов: [3]). Таки, образом, королевская корона не доехала до великого князя Витовта – но осталась в Истории. И это – не только отдельная исследовательская проблема в области политической истории Великого

княжества Литовского, истории идей и идеологий, материальных древностей и др., но и часть культурного наследия восточноевропейского Средневековья.

1. Мартынюк, А.В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века) / А.В. Мартынюк. – Москва : Квадрига, 2019. – 576 с.
2. Мобилизованное Средневековье: в 2 т. – Т. II: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под. ред. А.И. Филюшкина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – 560 с.
3. Полехов, С.В. Как короновать великого князя? Из истории «коронационной бури» (1429–1430) и инсигний, предназначавшихся для Витовта / С.В. Полехов // Istorijos šaltinių tyrimai. – Vilnius, 2021. – Kn. 7. – P. 9–74.
4. Филюшкин, А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского / А.И. Филюшкин // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 561–601.
5. Cube, S. von. Ein württembergischer Prinz auf dem Thron von Litauen, 1918 / S. von Cube // Annaberger Annalen. Jahrbuch über Litauen und deutsch-litauische Beziehungen. – № 8. – 2000. – S. 150–160.

Мацулевич Е.В.
СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕГАТИВНЫМ АСПЕКТАМ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: Республика Беларусь, национальная культура, США, постсоветское пространство, постсоветская интеграция.

31 марта 2023 г. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко обратился с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию. Центральное место в данном обращении заняли вопросы сохранения белорусского суверенитета. Одним из условий суверенитета и независимости республики были названы «историческая память и наши национальные традиции» [1], т.е. национальная культура. В условиях, когда Беларусь столкнулась с проявлениями недружественной политики ряда стран Запада, как справедливо отметил Президент, «актуальным стал вопрос о поэтапном культурном «импортозамещении» <...> пора уходить от культурных веяний и празднований, которые противоречат нашим христианским традициям и морали. Надо активнее продвигать свои традиции, свои символы, своих артистов, художников и так далее <...> начиная от упаковки продукции и заканчивая интерьерным оформлением городской инфраструктуры» [1].

Не только Республика Беларусь, но и ряд стран бывшего СССР столкнулись с внешней культурной политикой стран Запада, направленной на вестернизацию образа жизни и традиций разнообразных народов постсоветского региона. В результате популяризации западных идей «Под внешним управлением оказывались целые народы, одурманенные идеями созидания «новой страны», «нового порядка», «нового совершенного общества» <...> Подобные идеологические «бомбы» были заложены во всех бывших советских республиках. И сейчас мы видим, как они детонируют. Сначала страну накрывает «мягкая» культурная экспансия, мягкая сила, а потом топчет сапог иностранного наемника» [1] – отметил Президент Беларуси, определив угрозу подобной политики для стран, подвергнутых ей.

Такая «мягкая» культурная экспансия» появилась в политике США с момента распада Советского Союза, когда Вашингтон направил свою политику на реформирование новых независимых государств по западному, проамериканскому, пути развития. Сфера культуры стала для США полем для реализации цели включить постсоветское пространство в зону своего влияния, что также означало

стремление подорвать неподконтрольные Вашингтону интеграционные проекты в регионе, которые не могли быть приемлемыми для Соединенных Штатов. Одним из инструментов для реализации этих задач стала политика продвижения положительного имиджа американской культуры, идей образа жизни, бытового и политического укладов. В частности, администрация У. Клинтона привнесла в американскую политику новый инструмент – научно-образовательные и культурные механизмы стали использоваться США в целях «демократизации» новых независимых государств. Так Радио Свободная Европа и Радио Свобода стали восприниматься как инструменты «демократической» консолидации бывших республик СССР [2, р. 6123–6124], стало обсуждаться налаживание образовательных программ обмена, научных поездок и конференций [3, р. 9216], технической помощи, образовательных услуг и грантов [4, р. 16304].

О пользе культурной политики для реализации американских интересов в регионе говорили и ведущие неправительственные организации США. Фонд «Наследие» рекомендовал 104 Конгрессу сделать ставку на поддержку международного вещания Радио Свободная Европа/Радио Свобода, развитие образовательных программ и независимых медиа-проектов в странах бывшего СССР и соцлагеря [5]. Фонд Карнеги также поддержал такое направление мысли и предлагал финансировать программы по образованию и мобильности, развитию СМИ, культуры в новых независимых государствах [6].

Развитие обозначенной американской политики укладывается в логическое обоснование: если США финансируют культурные проекты в других странах, то они популяризируют американскую культуру, а также налаживают более тесное сотрудничество с этими государствами в процессе обсуждения с иностранными политиками направлений взаимодействия, тем самым создается проамериканская поддержка на уровне общественности и на уровне руководства стран, что является базой для реализации цели Вашингтона по усилению своего контроля над процессами в регионе.

В обозначенных условиях сохранение национальных культур является гарантией сохранения суверенитета стран постсоветского региона, их противодействия устремлениям недружественных стран распространять свое видение направлений развития отдельных государств и межгосударственных формирований, противореча интересов суверенных стран. При этом важен диалог между странами-союзниками, «активизация взаимодействия Беларуси, России, Китая, Ирана, стран Ближнего Востока, других конструктивных центров силы» составляет «наш внешнеполитический ответ на всю эту вакханалию», который заключается «в единстве и общих подходах к формированию справедливого и многополярного мира, основанного на созидании и уважении культурно-исторического многообразия, а также на взаимной поддержке друг друга» [1].

1. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Pravo.by – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 31 марта 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P023p0001>. – Дата доступа: 20.10.2023.
2. Extensions Of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. – 23 March 1993. – Mode ofaccess: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/23/GPO-CRECB-1993-pt5-1-3.pdf>. – Dateofaccess: 03.11.2021.
3. CongressionalRecord – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 4 May 1994. – Mode ofaccess: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/05/04/GPO-CRECB-1994-pt7-3-1.pdf>. – Dateofaccess: 03.11.2021.
4. CongressionalRecord [Electronic resource] // Congress.gov. – 13 July 1994. – Mode ofaccess: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/07/13/GPO-CRECB-1994-pt11-6.pdf>. – Dateofaccess: 03.11.2021.

5. Cohen, A. Aid to Russia: Yes, But Needs Reform [Electronic resource] / A. Cohen // The Heritage Foundation. – 6 February 1995. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/report/aid-russia-yes-needs-reform>. – Date of access: 21.11.2021.
6. Carothers, T. Aiding Post-Communist Societies: A Better Way? [Electronic resource] / T. Carothers // Carnegie Endowment for International Peace. – 10 October 1996. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/1996/10/10/aiding-post-communist-societies-better-way-pub-153>. – Date of access: 28.12.2021.

Мезенко А.М.

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ УЛИЦ В СВЕТЕ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

Ключевые слова: культура, ономастика, славяне, урбаноним, урбанонимикон, фаунистические названия.

В настоящее время сравнительно-сопоставительной ономастике принадлежит заметная часть пространства лингвистической теории. Ее лингвистическая значимость проявляется в различных сферах жизни.

В урбанонимии как части ономастики отражается феномен культуры в самом широком смысле. Наряду с часто рассматриваемыми и хорошо изученными единицами представлены и те, которые пока не вошли в поле исследовательского интереса. К категории таких элементов относятся урбанонимы, образованные от наименований животных.

Согласно выводам ученых, в настоящее время на Земле обитает огромное количество различных животных – от микроскопических бактерий до крупнейших млекопитающих. Наименования определенного их числа выступают одним из источников названий улиц, образованных от этих основ. Фаунистические урбанонимы существуют у всех народов. И хотя они, как и флористические названия внутригородских объектов, составляют не самую самобытную часть урбанонимикона, набор их – существенный признак конкретного этноса. Этнические приметы, которые несут эти названия внутригородских объектов, заключены прежде всего в распределении степени частотности и продуктивности различных групп.

Актуальность их исследования определяется рядом факторов: во-первых, тем, что изучение наименований животных, отраженных в названиях улиц, способствует лучшему пониманию символики народной культуры, быта людей, их мифологических представлений; во-вторых, необходимостью комплексного описания урбанонимии белорусов, которая позволит выявить принципы и традиции наименования внутригородских объектов у других славян; в-третьих, сравнить особенности употребления названий животных в составе урбанонимикона восточных и западных славян.

Материалом для исследования послужили полные списки названий внутригородских линейных и территориальных объектов городов Беларуси (Бреста, Минска, Витебска, Гродно, Гомеля) и Польши (Белостока, Вроцлава, Гожува, Познани, Торуня), включающие более 7,5 тысяч урбанонимов; электронные ресурсы, туристические путеводители и карты, что делает выводы достаточно объективными.

Цель исследования – определить место и роль названий животных как трансляторов культуры в урбанонимиконах белорусских и польских городов.

Анализ фаунистической урбанонимии белорусских и польских городов свидетельствует о наличии как общих, так и специфических особенностей функционирования данной группы названий внутригородских линейных объектов.

Так, объединяет представителей восточных и западных славян то, что и у одних, и у других из десяти типов царства животных – губки, мшанки, плоские черви, круглые черви, кольчатые черви, кишечнорастворимые, членистоногие, моллюски, иглокожие, хордовые – в урбанонимии задействованы только последние.

При этом названия улиц, мотивированные наименованиями животных, фреквентативно противопоставлены: если в польских урбанонимиконах, в частности белостокском, вроцлавском познаньском, торуньском и гожевском, урбанонимы, произведенные от названий животных, довольно типичны и многочисленны (хотя в целом в названных урбанонимных системах на их долю приходится от 4,5 % до 1,3 % от общего количества названий внутригородских линейных объектов), то в белорусских – брестском, минском, гомельском, витебском, гродненском – их доля колеблется от 0,9 до 0 % от общего числа улиц в исследуемых урбанонимиконах.

Отличаются и номинативные приоритеты в каждой из названных групп. Так, в белостокском списке урбанонимов из названий девяти классов животных типа хордовых нашли отражение наименования пяти разновидностей: птиц, млекопитающих, насекомых, паукообразных и пресмыкающихся. Это такие названия, как *ul. Bociania* (ул. Аусма), *ul. Kormoranów* (ул. Бакланов), *ul. Krecia* (ул. Крота), *ul. Łosia* (ул. Лося), *ul. Jaskółcza* (ул. Махаона), *ul. Motyla* (ул. Бабочки), *ul. Rajęcza* (ул. Паучья), *ul. Żółwia* (ул. Черепашня) и под. У белорусов же зафиксированы единицы, образованные лишь от двух названий указанных классов – птиц (ср.: *Воронья ул.* – Брест; *Журавлиная ул.* – Минск. р-н;) и насекомых (*Пчелиная ул.* – Минск. р-н).

Кстати, будет здесь отметить, что и фамилии, образованные от названий птиц, являются самой частотной группой среди всех фамилий, произошедших от названий животных у большинства славян. Необычайно высокую частотность фамилий этого типа отмечали зарубежный славист В.Р. Кипарский, доказывавший, что это продиктовано культом птиц; А.В. Суперанская, полагавшая, что «помимо древнерусских поверий, что якобы птицы предохраняют от болезней (отсюда обращение к языческим именам, образованным от названий птиц), на частотность этих фамилий у русских повлияли контакты с финно-угорскими народами, в частности – с удмуртами, у которых много воршудных имен, образованных от названий птиц» [8, с. 10]; В.А. Никонов, видевший причину не в культе птицы в жизни славян, а в огромной хозяйственной и бытовой роли птиц в жизни: широкая промышленная охота, занятие птицеводством в каждой семье, грандиозные соколиные охоты и многое другое [5, с. 119], с чем трудно не согласиться, отметив ту же ситуацию в польских и белорусских урбанонимиконах, где большинство фаунистических урбанонимов в своей основе содержат названия птиц, при этом в основном диких.

Так, приоритеты номинаторов двух народов совпали в названиях, мотивированных наименованием птицы *сокол*. В белорусской традиционной культуре сокол символизирует мужское начало, молодость жениха, воина, а также скорость. В обрядовом фольклоре сокол представлен как магический помощник молодцу – воину или охотнику [1, с. 476–477]. Для западных славян *сокол* прежде всего «огненный дух домашнего очага» [6]: *ul. Sokola* – Гожув, Вроцлав, Торунь, *пос. Сокол* – Минск.

Сближают номинативные приоритеты брестских, белостокских и вроцлавских жителей названия улиц, мотивированные наименованием птицы *ворон*: ср. *Воронья ул.* – Брест и *Wronia ul.* – Вроцлав, *ul. Krucza* – Белосток (вид птицы из рода воронов, обитающий в Северном полушарии и являющийся наиболее широко распространенным из всех врановых и одним из умнейших на планете). В мифологии славян эта птица пользуется недоброй славой. Считалось, что карканье вороны вблизи жилища вещает беду и даже смерть. Издавна ворон считался вопло-

щением смерти, лиха и недобрых сил [2]. Вероятно, именно поэтому приведенные урбанонимы реже других встречаются и у белорусов, и у поляков.

Еще в одном названии совпали урбанонимиконы Бреста, Белостока и Вроцлова – *Голубиная ул.* – Брест, *ul. Gołębia* – Белосток, Вроцлав. В христианстве голубь вообще олицетворяет мир, любовь, невинность. «Его два крыла означают любовь к Богу и к людям, шея и белое оперение – чистоту и невинность. Голубь – символ Святого Духа. Это было официально принято отцами церкви на соборе в Константинополе в 536 г.» [3].

Название птицы *соловей* нередко становилось производящей основой для белорусских урбанонимов, ср.: *Соловьиная ул.* – Минск, *Соловьиный пер.* – Брест. В представлениях белорусов и белорусской традиционной поэзии соловей – благородная птица, высокоценимая за прекрасное пение [1, с. 447–448]. Соловей относится к «божьим», «святым», чистым птицам. Поляки рассматривают его как Божье творение. “Убивать соловья грех, потому, что он красиво поет людям и пользуется особой любовью Бога и Божьей Матери. Когда Христос спасался от мучителей, соловей накрыл его крыльями. Поляки считают, что соловей произошел от искусного умершего органиста. В Польше верят, что соловей прилетит в апреле, чтобы спеть горюющей Божьей Матери” [7]. Несмотря на эти поверья, название данной птицы нам не удалось отметить в урбанонимиконах польских городов.

С другой стороны, в польских Белостоке, Вроцлаве, Познани, Торуне мотивирующими основами урбанонимов стали еще около 30 названий птиц (альбатроса, аиста, чибиса, цапли, гуся, ястреба, канарейки, баклана, утки, петуха, кукушки, куропатки, лебедя, чайки, орла, павлина, перепела, птицы как группы теплокровных яйцекладущих позвоночных животных, традиционно рассматриваемых в ранге отдельного класса, крачки, сипа, синицы, совы, сороки, страуса, щегла, скворца, журавля): *ul. Albatrosa, ul. Bociania, ul. Czajcza, ul. Czapla, ul. Gęsia, ul. Jastrzębia, ul. Kanarkowa, ul. Kacza, ul. Kormoranów, ul. Krucza, ul. Kogucia, ul. Kukułcza, ul. Kuropatwia, ul. Łabędzia, ul. Mewy, ul. Orla, ul. Pawia, ul. Przepiórki, ul. Ptasia, ul. Rybitwy, ul. Sępia, ul. Sikorcza, ul. Sowie, ul. Srocza, ul. Strusia, ul. Szczygla, ul. Szpacza, ul. Żurawia*), отсутствующих в сводах названий улиц белорусских городов.

Сопоставление списков урбанонимов, образованных от названий млекопитающих, выявило полное отсутствие таковых в современных белорусских урбанонимиконах. В противоположность данному факту в польских городах на долю названий внутригородских линейных объектов, мотивированных наименованиями млекопитающих, приходится до 2 % от общего их числа. Так, в Белостоке функционирует 15 названий улиц, мотивированных наименованиями диких (*ul. Borsucza, ul. Jelenia, ul. Lisia, ul. Rysia* и др.) и 2 – одомашненных животных (*ul. Kozłowa, ul. Królicza*).

Славяне верили, что все из нас наделены характеристиками, присущими различным животным. Каждое животное, зверь ли, птица или рыба, имеют свой характер, историю и волшебную силу. Неслучайно их образы выступают в сказках, преданиях, песнях, пословицах и поговорках. При этом у каждого народа своя исконная культура, вероисповедание и образ жизни [4]. Скорее всего именно этим и объясняется перекося в использовании названий млекопитающих в урбанонимиконах белорусов и поляков.

Похоже соотносятся в урбанонимиконах исследуемых групп славян названия улиц, образованные от наименований паукообразных и рептилий: при полном отсутствии у белорусов они немногочисленны и у поляков: *ul. Pajęcza* (Паучья ул.), *ul. Żółwia* (Черепашья ул.) – Белосток, *ul. Smocza* (Драконья ул.) – Торунь.

Отличаются и списки урбанонимов, образованных от наименований насекомых, которые всегда имели место в жизни человека и нередко из-за своих осо-

бенностей использовались в качестве названий внутригородских объектов. В польских урбанонимиконах такие названия немногочисленны, в белорусских вообще единичны. Совпали у белорусских и польских номинаторов единицы, восходящие к основе *пчел-а* (*Пчелиная ул.*), что привлекает особое внимание, поскольку пчела повсеместно у славян воспринималась как «чистая», Божья тварь и была одним из наиболее почитаемых существ.

Таким образом, названия улиц, соотносимые с наименованиями животного мира, составляют заметный пласт урбанонимии Беларуси и Польши, характеризующийся как общими, так и специфическими чертами.

Из всех категорий фаунистических урбанонимов, соотносительных с названиями животного мира, повторяющимися в списках названий улиц представителей двух групп славян оказались названия, образованные от наименований птиц и насекомых, олицетворяющих благородство, чистоту, святость, мир, любовь, невинность, что определенным образом коррелирует с культурным кодом, транслированным в лингвистический код.

Различия в месте и роли названий животных в урбанонимиконах белорусских и польских городов кроются в культуре: почитание тех или иных животных зависит от географического положения, специфики исторического развития, обрядов, обычаев и мн. др.

Фаунистические названия улиц белорусов и поляков транслируют особенности их культуры, привычки людей, населявших исследуемую территорию.

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
2. Ворон. Энциклопедия славян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/406109>. – Дата доступа: 13.10.2023.
3. Голубь в мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mar4586.narod.ru/animals/birds/dove.html>. – Дата доступа: 13.10.2023.
4. Животные в славянской культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skoviaktualno.livejournal.com/1155319.html>: 14.10.2023.
5. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов. – Москва: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
6. Птица сокол в истории, культуре и природе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://secretofworld.ru/zivotnye/ptica-sokol.html>. – Дата доступа: 13.10.2023.
7. Соловей в мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mar4586.narod.ru/animals/birds/nightingale.html>. – Дата доступа: 12.10.2023.
8. Суперанская, А.В. Влияние этнических контактов на частотность русских фамилий / А. В. Суперанская // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регион. конф. – Чебоксары, 2002. – 206 с.

Метельский А.А. ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОГИЛЕВСКОГО ПОСОЖЬЯ

Ключевые слова: Беларусь, Могилевская область, Посожье, туристический потенциал региона.

Туристический потенциал Республики Беларусь богат и разнообразен. Но обычно его связывают с западными регионами страны, в то время как восточные остаются незаслуженно обделены вниманием. Безусловно, все наиболее известные памятники архитектуры, лесные пуши расположены в западе Беларуси, но и восток нашей страны также богат памятниками истории и архитектуры, объектами экологического туризма, которые могут привлечь туристов.

Могилевское Посожье охватывает Горецкий, Дрибинский, Мстиславский, Кричевский, Климовичский, Хотимский, Костюковичский, Краснопольский, Славгородский и Чаусский районы расположенные в бассейне реки Сож и его притоках.

Во всех административных центрах этих районов имеются историко-краеведческие или историко-этнографические музеи, освещающие историю региона с момента его заселения и до сегодняшних дней. В Мстиславле расположен историко-археологический музей, экспозиция которого построена на материалах археологических исследований Замковой горы Мстиславля.

Кроме этих музеев, в Горецком районе, в агрогородке Ленино действует «Музей советско-польского боевого содружества» посвящённый началу боевого пути дивизии им. Т. Костюшко Войска Польского. При Горецком историко-этнографическом музее действует и картинная галерея. Кроме того, в Горках действует музей истории Белорусской государственной аграрной академии, первом учебном заведении сельскохозяйственного профиля Российской империи – Горы-Горецкая земледельческая школа (1840 г.).

При Мстиславском историко-археологическом музее в д. Малая Багатьковка открыт филиал «Литературный музей им. М. Горецкого», посвященный литературной и общественной деятельности основателей белорусской прозы Максима Горецкого. В Костюковичском районе, в агрогородке Новые Сомтевичи действует «Литературный музей народного поэта Аркадия Кулешова».

Памятники археологии представлены стоянками, селищами, курганными могильниками, городищами. В Мстиславле, Кричеве, Славгороде, в а.г. Горы Горецкого района сохранились укрепленные центры средневековых городов – «Замковые горы», а в а.г. Горы сохранилась и фортификация города XVI–XVIII вв. На Замковой горе Мстиславля законсервирован археологический раскоп и реконструирована часть её укреплений (Дозорная башня), в которой открыта музейная экспозиция. Ежегодно в начале августа в Мстиславле проходит фестиваль «Рыцарский фэст», на который собираются представители рыцарских клубов Беларуси и России.

Большинство **памятников архитектуры** данного региона сосредоточено в его северной части, в Мстиславле и его округе. Это памятники архитектуры XVIII в. – иезуитский и кармелитский костёл с его многочисленными фресками как на библейские сюжеты, так и с сюжетами из истории города, многочисленные архитектурные памятники XIX – начала XX в. – гражданская застройка города, православные храмы.

Окрестности Мстиславля привлекают и паломников в связи с посещением Пустынского Свято-Успенского мужского монастыря, одной из старейших обителей (XIV–XV вв.). Между Мстиславлем и Кричевом располагался Онуфриевский монастырь, на территории которого сейчас возрождается церковь.

В Горках историко-культурной ценностью является комплекс сельскохозяйственной академии построенный в XIX – начале XX вв. Это учебный корпус № 4, физико-химический корпус, бывший таксаторский корпус, административный корпус (левый флигель), бывший профессорский корпус, правый флигель, баня, бывший павильон для машин, корпус механизации, библиотека, общежитие, два жилых здания, дендропарк, ботанический сад.

В остальных районных центрах и крупных населённых пунктах имеется гражданская застройка и каменные православные храмы XIX в. Но и тут выделяется Кричев с построенным в конце XVIII в. дворцом Г.А. Потемкина.

В Дрибинском районе в агрогородке Рясно имеется костел Св. Казимира – памятник архитектуры в стиле классицизма построенный в 1819 г. В годы Великой Отечественной войны костел сильно пострадал, а местное население начало растаскивать храм на кирпичи. Тогда же исчезли орган и статуи святых. На сегодняшний день от костела уцелели только стены и колонны. В Костюковичском

районе в д. Каничи стоит повреждённый каменный костел построенный в первой половине XIX в. В этой же деревне расположен каменный бровар XIX в.

В регионе сохранились отдельные дворянские усадьбы, которые представляют интерес. В Дрибинском районе, на окраине а.г. Рясно сохранилась здание усадьбы XIX в. Спытковых. В Климовичах в усадьбе *княгини М.Н. Мещерской* действует Климовичский историко-краеведческий музей.

Учитывая, что Великая Отечественная война прокатилась по Посожью дважды; как в 1941 г., так и в 1943 году, а с осени 1943 г. фронт стоял по р. Прони до конца июня 1944 г., **памятники истории Великой Отечественной войны** имеются практически по всех населённых пунктах региона. Это как памятники отдельным солдатам оказавшим героическое сопротивление гитлеровцам летом 1941 г. (Н.В. Сиротинин под Кричевом), так и памятники, установленные на братских могилах воинов. В центрах всех городов организованы Аллеи памятники, на которых увековечили фамилии Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, уроженцев района. Также в Мстиславле и в Кричеве насыпаны курганы Славы в честь победы над фашизмом. В Кричеве есть несколько памятников увековечивших жертв пересыльного лагеря военнопленных (1941–1943 гг.) в котором погибло более 20000 солдат Красной Армии, а также героям местного подполья. Во многих населённых пунктах, расположенных вдоль линии фронта осени 1943 – лета 1944 гг., имеются воинские кладбища. Во всех городах и городских поселениях, а также бывших местечках, где до войны жили евреи, установлены памятники жертвам холокоста, и сохраняются еврейские кладбища.

Отдельно стоит памятник посвящённый военным действиям Северной войны 1700–1721 гг. в которой Россия выступала в союзе с Речью Посполитой в борьбе со Швецией – каплица в а.г. Лесная Славгородского района, на месте битвы русских войск со шведами в 1708 г. Тут же находятся братская могила русских солдат погибших в этом сражении, и братская могила солдат погибших при освобождении деревни в 1943 г.

Экологический туризм. Бассейн Сожа привлекает туристов великолепной поймой главной реки, а также его многочисленными притоками. Реки Сож, Вихра, Волчас, Проня, Басея, Остер, Сенная являются раздольем для рыбаков, а лесистое междуречье Сожа и Ипути богатое дичью, идеальное место для охоты. Кроме того, водные походы по рекам, это идеальный вариант для тех, кто хотел бы провести выходные на природе. Тем более, что эти реки спокойные, и по ним сможет пройти на байдарке даже новичок.

В Горках при Белорусской сельскохозяйственной академии действует ботанический сад, заложенный в XIX в. для практических занятий студентов по ботанике, лесоводству, садоводству. Он является базой для интродукции новых видов растений. Здесь проходит изучение приемов их возделывания и репродукции в условиях северо-восточной части Беларуси, оценка степени их пригодности в данных климатических условиях, устойчивость к болезням и вредителям.

Одной из главных экспозиций сада является дендрарий, который постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь объявлен ботаническим памятником природы республиканского значения. А сам ботанический сад объявлен историко-культурной ценностью целого комплекса учреждения образования Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. Площадь его в настоящее время составляет 8 га. Сегодня в коллекциях ботанического сада и дендрария насчитывается 840 родов, 1476 видов и 1045 сортов декоративных растений.

И в других местах Посожье имеется много памятников природы, которые заслуживают внимание. Возле д. Устье Чериковского района можно посетить уникальный участок леса с дубравой, возраст которой превышает 200 лет. В самом В Черикове расположен памятник природы республиканского значения «Межледниковое отложение», породы которого имеют возраст около 100 тысяч лет. В 5 километрах от Черикова, на окраине деревни Мирогощь, в излучине Сожа, находится геологический памятник природы республиканского значения.

На территории Славгородского района, в пойме рек Проня и Сож, создан уникальный водно-болотный заказник «Славгородский», с целью сохранения в естественном состоянии ценного природного пойменного и лесоболотного комплекса, являющегося местом произрастания видов дикорастущих растений и обитания видов диких животных, включенных в Красную книгу Республики Беларусь.

В настоящее время местная власть и инициативная группа при поддержке Глобального экологического фонда реализует «План перспективного развития территории водно-болотного заказника «Славгородский» с целью его преобразования в эко-парк «Амулет Присожья» площадью около 11 тысяч гектаров. Главной особенностью парка является разделение территории в зависимости от вида отдыха: родниковая зона (особо охраняемая), заповедная зона (для наблюдения за животным и растительным миром) и экологическая зона (для сельского туризма и активного отдыха). Выявлены и проработаны места расположения двух экотроп и двух веломаршрутов, устанавливаются наблюдательные вышки.

Один из элементов будущего экопарка – Голубую крыницу или Синий колодец, можно посетить уже сегодня. Это одна из пяти криниц Беларуси, которая объявлена памятником природы республиканского значения. Криница представляет из себя небольшое озеро размером 20 x 12 м с тёмно-синей, никогда не замерзающей водой. В ней, на глубине 2,5 м находится кратер глубиной до 150–200 м из которого каждую секунду на поверхность вырывается 60 литров воды. В народе считается, что если человек трижды перейдет Голубую криницу, то ему длительное время не угрожает никакая болезнь. Вода из криницы считается целебной, возле криницы построена церковь, где 14 августа, на православный праздник Маковой (Медовый спас), проводится служба.

Учитывая, что значительная территория Славгородского района загрязнена после аварии на ЧАЭС в 1986 г., и выведена из сельскохозяйственного оборота, в настоящее время на чистой территории развивается в инициативном порядке производство органической продукции – сыроварение и пчеловодство. Сейчас более 40 домашних хозяйств осуществляют производство сыра, и ежегодно в мае месяце проводится «Сырный фэст», в котором уже принимают участие не только местные сыровары, но приезжают мастера из других областей Беларуси, и из стран ближнего зарубежья.

Под **Кричевом** красивым экологическим памятником являются меловые карьеры, образовавшиеся в результате деятельности цементно-шиферного комбината и заполненные голубой водой – своеобразные местные Мальдивы. Также привлекает местное население Святой колодец находящийся возле деревушки Прудок. Люди ценят воду криницы за ее хорошие вкусовые качества, кристальную чистоту и животворную силу. Также жителей Кричева привлекает для отдыха Чёрное озеро, расположенное в пойме Сожа, которое местное население называет «наше Черное море».

В **Дрибинском районе, в д. Трилесино**, существует памятник природы – «Трилесинские исполины». Это группа старинных деревьев, которая состоит из

дубов, лип, осин и тополей, некоторые из которых имеют возраст до 200 лет. Они взяты под опеку Республиканской инспекцией природных ресурсов и охраны окружающей среды, включены в природно-заповедный фонд Могилёвской области местного значения.

Если Славгородский район выделяется своим сыроделием, то остальные районы также ищут свою изюминку, которая бы позволила району выделиться не только в производстве, но и привлечь туристов.

В Дрибинском районе поддерживается существование шерстобитно-валяльного промысла, и существует музейный праздник «День валенка», который проходит в последнюю пятницу ноября. **В Климовичском районе** существует одна из немногочисленных в Беларуси страусиных ферм. В деревне Соболевка расположено подразделение агрокомбината «Приднепровский», где содержится около 2 тысяч страусов. Здесь можно не только полюбоваться страусами, но и попробовать на вкус их яйца, и купить продукцию, изготовленную из кожи страусов.

Здесь же в Климовичском районе, в деревне Старый Дедин, сохранился народный обряд «Закліканне дажджу» признанный историко-культурной ценностью Республики Беларусь. Исполняют это таинство на реке, длится оно 20 минут, участвуют в обряде 6 человек.

В Краснопольском районе в д. Брилёвка расположен памятник природы местного значения – ботанический сад «Иванов Хутор». Он основан Зотовым Иваном Изотовичем, откуда его и название. Площадь ботанического сада 10 га. В нем произрастает более 30 видов экзотических деревьев из Европы, Азии и Северной Америки (лиственница сибирская, кедр сибирский, пихта европейская, туя, бук восточный, сосна румелийская и т.д.).

Хотимский Свято-Троицкий собор ежегодно собирает под своими сводами участников и гостей Национального фестиваля колокольного звона. Фестиваль открыт не только для звонарей и паломников, но и для всех желающих.

Безусловно, для нормального функционирования туристического потенциала региона необходима соответствующая инфраструктура. Во всех райцентрах имеются гостиницы различной ценовой категории, а также можно остановиться в домиках охотника, которые имеются практически в каждом лесничестве. В последнее время в регионе активно развиваются агроусадьбы, которые предоставляют различный комплекс услуг от простого ночлега с питанием, до организации региональных туристических маршрутов.

Мирзаев Дж.З. НЕКРОПОЛЬ ТЕРМЕЗСКИХ САЙЙИДОВ

Ключевые слова: Термез, саййиды, накибы, Султан-Саодат, мавзолей.

Средневековье на территории современного Термеза было началом нового расцвета своеобразной культуры, оставившей в истории имена выдающихся философов, поэтов, богословов и удивительные памятники архитектуры, сохраняющие культовое значение и в наши дни. В них проявляется дух преемственности поколений, память о славном историческом прошлом региона. К таким местам, овеянным памятью о предках, относится мемориальный комплекс Султан-Саодат, названный одним западным журналистом азиатским «Авиньоном» на берегу Сурхандарьи. Он расположен на территории современного Термеза.

Термез был специфическим городом Центральной Азии, представлявшим особый тип городского устройства. Организация саййидов в Термезе была городским корпоративным объединением и своеобразной формой самоуправления. В Термезе саййиды составляли значительную долю городского населения. В отличие других саййидских городов лидеры термезских саййидов, как правило, осуществляли в городе всю полноту власти. Механизм управления саййидов отрабатывался в течение столетий и явился результатом длительного процесса [2, с. 15].

Султан-Саодат, название фамильной усыпальницы *саййидов* Термеза, в переводе с арабского означает «владыка счастливых», так называли предводителей – *накибов* местных *саййидов*, аристократов мусульманского мира, потомков пророка Мухаммеда. Результатом активной социальной динамики периода становления Ислама явился процесс утверждения генеалогического принципа с возникновением новой иерархии, на вершине которой размещаются «*ахл ал-байт*» (члены семьи Пророка). Повсюду, где властвовал Ислам, возникли династии из потомков Пророка. Саййидами, как правило, называлась та их часть, которая восходила в своей родословной к внуку Мухаммада Хусейну, сыну Али ибн Абу Талиба и Фатимы, племянника и дочери Пророка [5, с. 10].

Основой престижа, который снискали в исламском мире термезские саййиды, выступали столетия ничем не прерываемой преемственности в социальной значимости. Подтверждением широкой известности термезских саййидов, как лидеров религиозной общины, служат многочисленные упоминания о них в сочинениях средневековых авторов. Саййиды составляли обособленную привилегированную группу в иерархии мусульманского общества и пользовались большим авторитетом среди верующих. В сознании окружающих саййиды часто отождествлялись со святыми *аулия*. Особенно подчеркивалась роль саййидов в качестве носителей «*барака*» – божественного благословения. Вообще, считалось, что потомки Пророка проникнуты эзотерическим знанием, хранят божественное могущество и передают его своему потомству [2, с. 13].

Накибы, главы саййидов, избираемых из их числа, поддерживали внутрикорпоративную солидарность и координировали усилия различных групп рода, проживавших в определенной местности, они должны были быть знатоками генеалогий, чтобы судить о подлинности притязаний саййидов, должны были следить за поведением саййидов и блюсти их интересы, надзирать за вакфами, принадлежащими им. Они также исполняли судебные функции. Предметом особых забот *накиба* было распространение ислама, материальное благосостояние мечетей, мавзолеев и их строительство, благотворительная деятельность. Как правило, функции *накиба* закреплялись за одной родовой ветвью. В последующем во многих центральноазиатских городах эта должность стала передаваться потомкам рода термезских саййидов [1, с. 89–92].

Происхождение позволяло термезским саййидам утверждать себя в качестве легитимных духовных лидеров. Их статус никогда не оспаривался. Многие духовные лидеры мусульманского мира были выходцами из рода термезских саййидов. Известный шайх, наставник Джалал ад-Дина Руми саййид Бурхан ад-Дин Термези, ташкентский шайх Хованд Тохур, Тадж ад-Дин Термези, шайх ул-ислом саййид Абдуллах Термези и снискавший себе известность под прозвищем Пир Бобо, духовный лидер афганского племени юсуфзаев саййид Али Шах Термези и многие другие обеспечивали своей деятельностью распространение и укрепление ислама. Тем самым саййиды выполняли функции гарантов преемственности религиозной традиции [2, с. 14].

Саййиды принадлежали к определенной профессионально-культурной среде, составляя наиболее образованную часть мусульманского общества. Эта среда характеризовалась занятиями умственным трудом, основанном на обладании знаниями, полученными в результате специальной подготовки, что обеспечивало ее высокий образовательный уровень. Термезским саййидам принадлежит авторство многочисленных трудов по различным направлениям средневековой мысли. Знаменитый художник, один из основателей так называемой «могольской школы» миниатюры Мир Саййид Али также принадлежал к клану термезских саййидов [3, с. 121–123].

Поэтому до середины 30-х гг. XX в., до полного укрепления советской власти, паломничество к мавзолеям комплекса было довольно активным. Оно проходило обычно с четверга на пятницу и сопровождалось закалыванием жертвенных животных и собственно ритуалом *зийарат* с чтением Корана, обходом (*таваф*) могил, возжиганием свечей. С установлением советской власти положение кардинально изменилось. Борьба с религией, традиционными структурами, вековыми социально-культурными установками приводила к самым негативным последствиям: даже ставился вопрос об уничтожении архитектурного комплекса Султан Саодат [4, с. 99].

Комплекс Султан-Саодат – это сложный композиционный архитектурный объект. Он занимает площадь около 4 гектаров и включает 143 сооружения, представляет собой группу мавзолеевых построек с захоронениями представителей рода термезских саййидов. Комплекс стал образовываться с IX века с мавзолея основателю рода термезских саййидов амиру Хасану. Его мавзолей занимает западную часть комплекса и является самой древней постройкой. Внутренние стены мавзолея задекорированы затейливой орнаментированной кирпичной кладкой. Портал квадратного в плане здания, увенчанного огромным куполом, возвышается на пятнадцать метров и является самой высокой частью ансамбля. Еще в древности мавзолей был украшен глазурованными плитками. Его купол опирается на арки и паруса, выложенные жженым кирпичом в «елочку». В интерьере и на северном фасаде здания чередуются большие и малые ниши с угловыми колонками – прием, ставший типичным для других подобных памятников архитектуры этой эпохи. Другое древнейшее сооружение комплекса – южный мавзолей – возведено несколько позже, в конце XI – начале XII века. К этому же времени относится и хорошо сохранившаяся айванная мечеть. Комплекс представляет собой семидесятиметровый замкнутый двор, вытянутый с запада на восток. Вход в комплекс находится на восточной стороне. По обеим сторонам двора можно увидеть ряды порталов мавзолеев. Большая часть мавзолеев построена здесь в XV–XVII века [4, с. 99].

Ныне сохранилась примерно половина зданий того времени. Строительным материалом этих сооружений был жженный кирпич. Самые поздние постройки XVII–XVIII века расположены на юго-востоке и у западного фасада южной группы. Все мавзолеи ориентированы на запад и не имеют никаких надписей, по которым можно было бы определить, кто в них покойся. Кроме мавзолеев на территории комплекса имелась построенная в XV веке в восточной стороне крупная ханака и айванная мечеть. На протяжении XIV–XV вв. в памятнике проводились большие строительные работы: реконструирован портал первоначального здания, древний декор покрыт новым, соответствующим стилю эпохи. В настоящее время большая часть этой надписи утрачена. Утрачена и большая часть остального декора. Фрагменты первоначальных и ремонтных коранических надписей

зафиксированы в интерьере мечети. Вокруг полосы с надписью размещались трехрядные майоликовые бордюры. Щековые стены, софиты центральной арки и тимпан украшали восьмигранные майоликовые плиты с геометрическим орнаментом, поверх глазури (белого, голубого, синего или фиолетового цвета) были нанесены пятна позолоты. Архивольт арки опирался на трехчетвертные колонки с причудливыми капителями, украшенными геометрическим и растительным орнаментами. Стены вестибюля были покрыты росписью, выполненной черной и синей краской (фрагменты обнаружены во время исследований) [4, с. 100]. Этот своеобразный музей восточного зодчества привлекает паломников и туристов со всего света. Любопытно, что первым европейцем, увидевшим и описавшим комплекс Султан-Саодат, был посетивший его в 1880 году известный французский путешественник, географ и этнограф Габриэль Бонвало [6, с. 18].

В советское время весь прилегающий к границе район Термеза был закрыт для туристов. И лишь после обретения Узбекистаном независимости путешественникам, преодолевшим немалые расстояния, стали доступны эти уникальные памятники Термеза.

1. Бабаджанов, Б. Садат-и Тирмиз / Б. Бабаджанов // Ислам на территории бывшей Российской империи. – Вып. 3. – М., 2001. – С. 89–92.
2. Мирзаев, Дж.З. Роль термезских саййидов в истории Центральной Азии / Дж. З. Мирзаев // O'zbekiston tarixi. – 2004. – №3. – С.13–23.
3. Мирзаев, Дж. К биографии художника Мир Саййида Али Термизи / Дж. Мирзаев // Камолиддин Беҳзоднинг жаҳон маданияти тарихида тутган ўрни. Буюк рассом таваллудининг 550 йиллигига бағишланган илмий анжуман материаллари. – Тошкент, 2005. – С.121–123.
4. Некрасова, Е. Г. Султан+садат / Е. Г. Некрасова, Б. М. Бабаджанов // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – Вып. 3. – М., 2001. – С. 98–100.
5. Семенов, А.А. Происхождение термезских сейидов, и их древняя усыпальница «Султан Садат» / А. А. Семенов // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год XVII/(XIX). –Т., 1914. – С. 10.
6. Mirzaev, Ds. Sultan Saodat – hier ruhen die “Herrscher der Glücklichen” / Ds. Mirzaev. – “Wostok”2010. Surchar-darja.Über die jahrtausende Schmelztiegel der Kulturen im südlichen Usbekistan. –S. 18–19.

Мясаедава С.Н. ПРА ЦМОКАЎ І “ЦМОКАЎ”, АБО ЯК СТВАРАЮЦЦА БРЭНДЫ

Ключавыя словы: Сянно, міфалогія, Караткевіч, цмокі, баскетбол.

“Азёрная краіна”. На паўднёвым захадзе Віцебскай вобласці ў Сенненскім раёне “сустракаюцца ў вялікай колькасці азёры рознага памеру”. Яны большай часткай групуюцца ў доўгія ланцугі, злучаюцца паміж сабою пратокамі і ручаямі, верагодна з’яўляюцца рэшткамі рэк пасляледніковага перыяду. Яшчэ на пачатку XX ст. у Сенненскім павеце іх налічвалася больш за 100, многія месціліся на паўночным захадзе ад горада Сянно такім чынам, што гэты край нагадваў па трапнаму выразу этнографа і краязнаўцы Кірыла Цімафеевіча Анікіевіча “азёрную краіну” [1] (калі ўлічваць той факт, што на тэрыторыі Магілёўскай губерні, у склад якой уваходзіў Сенненскі павет, увогуле азёр было мала).

Азёры, здаецца, нічым не адметныя, тапаграфічна аднолькавая. Яны знаходзяцца на плоскім узвышшы паміж Дняпром і Заходняй Дзвіной, большасцю маюць цвёрдыя берагі, парослыя трыснягом ці чаротам; перасякаюцца балотыстымі лясамі або чыстымі балотамі. Глыбіня азёр месцамі значная; дно ў асноўным пясчанае [3].

Возера Сянно знаходзіцца ў басейне ракі Крывінкі на поўнач ад горада і звязана маленькай рачулкай з Багданаўскім возерам, якое праз рэчку ў мястэчку Бешанковічы злучаецца з Заходняй Дзвіной [4]. Паўднёвая частка возера глыбакаводная (найбольшая глыбіня – 31,5 м), паўночная – мелкаводная. У яго ўпадаюць каля 20 ручаёў [2]

Звычайна вакол азёр складаюцца легенды і паданні, але, як ні дзіўна, пра сенненскія такіх гісторый вельмі мала [11] і гісторыкі, краязнаўцы могуць запоўніць гэтую лакуну самастойна і ў будучым ствараць свае брэндзі.

Цмокі. Азёры, напрыклад, можна засяліць цмокамі (драконамі), пачварамі з высокім інтэлектам і, пажадана, прыязнымі ў адносінах да людзей тым больш, што зараз назіраецца нейкі “драконавы бум”. Так, дзякуючы ініцыятыве лепельскага краязнаўцы Уладзіміра Шушкевіча на беразе возера Лепельскае ў 2013 г. з’явілася скульптура міфічнай змеяпадобнай істоты, Цмока Лепельскага, персанажа з міфалогіі Вялікага Княства Літоўскага і пачвары, якая нібыта жыве ў возеры. За аснову прынялі паданне пра цмокаў, якое прапанаваў Уладзімір Караткевіч у рамане “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”. З таго часу прайшло 10 гадоў. Цмок пераўтварыўся ў сапраўдны брэнд краю.

Але Уладзімір Караткевіч пісаў не толькі пра Лепель, але і пра Сянно, і ў 2017г. “цмок прыязмліўся ў Сянне”: намаганнямі дырэктара Сенненскай школы-інтэрната Леаніда Казлова ў этнаграфічным пакоі з’явілася выява гэтай міфалагічнай істоты [12].

Згодна Ул. Караткевічу, цмокі сустракаліся раней паўсюдна, асабліва ў сенненскіх азёрах, былі сярод іх і небяспечныя. Прападобны Амбражэй Куцеянскі (верагодна з Аршанскага Свята-Багаяўленскага Куцеінскага манастыра – С.М.) калісьці закліў і загнаў іх у возера (нейкае адно, але яны маглі неўзабаве і рассяліцца, азёры ж спалучаюцца – С. М.). Таму сенненскія цмокі нікога не хапалі і не лапалі, людзей не палохалі, верагодна, жылі сабе пад вадой, а калі і выходзілі, то ноччу. Па меркаванню Ул. Караткевіча цвярозы чалавек не палезе ўначы ў возера, таму і ўбачыць сенненскіх цмокаў “акрамя п’яног начных” ніхто не мог [10].

Да гэтага можна ўспомніць вядомыя легенды пра возера Сянно, з якіх мы выдзяляем наступныя міфалагемы:

- добры дух перамог злога (“чудзілу з вялікай галавой”), і апошні помсціць, кожны год забірае чалавека;
- паміж добрым духам возера і людзьмі было пагадненне, што яны даюць яму нейкае дабро, а ён, у сваю чаргу, аберагае іх, дапамагае з рыбай. Як толькі пагадненне людзі парушылі, добры дух узлаваўся;
- астравы з’яўляюцца месцамі пражывання духаў;
- добрая прыкмета – спакойнае возера ў час, калі дзіця нараджаецца [4].

Згодна дадзеным міфалагемам можна дапусціць, што пад паняццем “духі” аўтары паданняў маглі разумець якраз цмокаў.

Лепельскі цмок з’явіўся пры трагічных абставінах: у тым годзе, калі загінула мноства жывых істот, з іх сорака адзін лепельскі цмок, пачвары ўсплылі на паверхню, іх убачылі і апісалі [10].

Сенненскія цмокі ў тым годзе людзям не паказаліся. Яны маглі, канешне, выглядаць як “чудзілы з вялікай галавой” [4] ці быць падобнымі на лепельскіх. А можа быць сенненскі цмок – гэта вясёлка над возерам, якая быццам высмоктвае ваду з яго (цмок смокча) і вяртае назад на неба. Апошні выгляд цмока, дарэчы, не супадае з бачаннем Ул. Караткевіча.

“Цмокі”. Увогуле, на тэму дракона-цмока, яго характара і выгляда можна фантазіраваць бясконца. Беларускі баскетбольны клуб “Мінск”, напрыклад, у 2012–2022 гг. называўся “Цмокі-Мінск”, палічыўшы выдатнай метафарай выхад на пляцоўку “з агнём у душы”, адпаведна меў паступова дзве выявы цмока на эмблеме (2014–2017 гг., 2019–2022 гг.), зусім непадобнага на лепельскага.

Дарэчы, сапраўдная гісторыя пра з’яўленне баскетбола на Беларусі якраз тычыцца Сянно. Каротка яе можна ўпісаць у тэзіс: “Сянно – радзіма беларускага баскетбола”, і гэта ўжо не фантазія пісьменніка, а звесткі з дакументаў 1919 – пачатку 1920-х гг.

Сянно – радзіма беларускага баскетбола. Спартыўны клуб у Сянне адчыніўся 8–9 мая 1919 г. у быўшым доме Шыбекі на вуліцы Карла Маркса з вялікім кавалкам зямлі і садам. Дзякуючы намаганням першых інструктараў па фізічнай культуры і спорце аддзела Ёсеагульнага воінскага навучання Сенненскага павятовага ваенкамата тут культывавалі з мая да верасня 1919 г. многія віды спорту. У прыватнасці летам 1919 г. пад кіраўніцтвам семнаццацігадовага Станіслава Уладзіміравіча Янаніса [5] займаліся гімнастыкай, лёгкай атлетыкай, барацьбой [6], па вечарах гулялі лаўн-тэніс, кракет, серсо, лапту, баскетбол [9].

Баскетбол быў параўнальна новым відам спорту ў РСФСР, у склад якой уваходзіў і Сенненскі павет Віцебскай губерні, і ўпершыню ў губерні яго пачалі гуляць менавіта ў Сянне ў 1919 г. У 1922 г. аддзел Усеагульнага воінскага навучання Сенненскага павятовага ваеннага камісарыяту ў план работы па спорту і фізічнай культуры на вясенні і летні перыяды 1922 г. уключыў развіццё лёгкай і цяжкай атлетыкі, бокса, гімнастыкі, спартыўных гульняў, рамонт байдаркі і будаўніцтва новых лодак, устаноўку на гарадской пляцоўцы прыстасаванняў для лаўн-теніса, баскетбола, кракета, кегельбана. Баскетбол уключылі ў праграму заняткаў па спорце і фізічным развіцці на летні перыяд 1922г. з моладдзю 1902, 1903, 1904, 1905 гг. нараджэння, планавалі 36 гадзін вывучаць гісторыю гульні, правілы, пляцоўку, а таксама правесці трэніроўкі і да 15 чэрвеня 1922 г. сфарміраваць каманду [8, арк. 70, 72–72адв., 97–98адв., 199, 200–200адв.]. Такім чынам, першая вядомая сёння секцыя па баскетболе была аформлена ў фізкультурным цэнтры Сенненскага павета ў 1922 г. [13], на 1 ліпеня 1922 г. у яе ўваходзіла 12 чалавек, на 10 кастрычніка 1922 г. – 18 чалавек [7, арк. 44, 64; 8, арк. 247, 248]. А паколькі звестак аб развіцці баскетбола ў іншых рэгіёнах сучаснай Беларусі да 1922 г. пакуль не выяўлена, Сянне можна лічыць радзімай беларускага баскетбола.

Такім чынам, і цмок, і баскетбол могуць стаць у тым ліку брэндамі рэгіёна як, напрыклад, “Дзукоссе”. І на беразе возера сярод іншага можна расказаць легенды пра цмокаў і вясёлку на небе ці гісторыю пра Сянне – радзіму беларускага баскетбола.

Нейрасетка Kandinsky 2.1 згенеравала прыкладную выяву (адну з вялікай колькасці магчымых) па запыту “возера, цмок, баскетбол і вясёлка”.

1. Аникиевич, К. Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии : опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картою уезда, схемою двух озёр и рисунками в тексте / К. Т. Аникевич. – Могилёв : Могилёвский губ. стат. ком., 1907. – С.25.
2. Бандарэвіч, В. В. Экскурсія да вытокаў горада Сянне : краязнаўчыя нарысы / В. В. Бандарэвіч. – Мінск: Літаратура і Искусство, 2008. – С. 16.
3. Военно-статистическое обозрение Российской Империи // издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. – Санкт-Петербург : в типографии Департамента Генерального Штаба , 1848–1858 . – Т. 8, ч. 3: Могилевская губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Ген. штаба кап. Черницкий]. – 1848. – [3], 79, 61 с., [3] л. табл. – На шмуцтит. загл.: Военно-статистическое обозрение Могилевской губернии. – С. 34.
4. Вялішчанскі, С. Сенненскае возера / С.Вялішчанскі // Наш край. – 1927. – № 1. – С. 55–58.
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1582. Воп. 1. Спр. 157. Арк. 56.
6. ДАВВ. – Ф. 1582. Воп. 1. Спр. 352. Арк. 16 – 16адв.
7. ДАВВ. – Ф. 1582. Воп. 1. Спр. 547.
8. ДАВВ. – Ф. 1582. Воп. 1. Спр. 558.
9. Занальны Дзяржаўны архіў у г. Оршы. – Ф. 1396. Воп. 1. Спр. 475. Арк. 246 – 246адв., 346.
10. Караткевіч, Ул. Хрыстос прыязмліўся ў Гародні [Электронны рэсурс] / Ул. Караткевіч // Беларуская палічка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Uladzimir_Karatkevich/Chrystos_pryziamliusia_u_Harodni.html. – Дата доступу: 19.09.2023.
11. Кулікоўскае // Азёры Беларусі ў легендах і паданнях / склад., запіс, апрац. А. М. Ненадаўца. – Мінск, 2003. – С. 88–90.
12. Цмок прыязмліўся ў Сянне [Электронны рэсурс] // Сайт газеты “Голас Сенненшчыны” – Рэжым доступу: <https://www.senno.by/?p=28775>. – Дата доступу: 19.09.2023.
13. 100 лет первой секции по баскетболу [Электронны рэсурс] // Сайт Белорусской федерации баскетбола. – Рэжым доступу: <https://belarus.basketball/novosti/raznoe/6997-100-let-pervoj-sektsii-po-basketbolu>. – Дата доступу: 01.07.2022.

Новікаў С.Я.
МЕМАРЫЯЛЬНЫ КОМПЛЕКС ЯК ЦЭНТР ЗАХАВАННЯ ГІСТАРЫЧНАЙ
СПАДЧЫНЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ МЕМАРЫЯЛЬНАГА КОМПЛЕКСУ “ХАТЫНЬ”)

Ключавыя словы: вёска Хатынь, Лагойскі раён, карная акцыя, мемарыялізацыя, першая (другая) чарга, архітэктурна-скульптурная кампазіцыя, музей-помнік, мемарыяльны комплекс “Хатынь”.

80-годдзе хатынскай трагедыі, адзначанае на высокім дзяржаўным узроўні 22 сакавіка 2023 г., замацавала ў свядомасці беларускага грамадства думку пра тое, што дзеючы Мемарыяльны комплекс “Хатынь” – святыня нацыянальнай памяці беларускага народа. Трагедыя жыхароў маленькай вёскі Хатынь Лагойскага раёна з 149 жыхарамі рознага ўзросту, спаленых нацысцкімі захопнікамі і іх мясцовымі памагатымі разам з жылымі і гаспадарчымі збудаваннямі, была ўпершыню ўвекавечаная на рэспубліканскім узроўні ў канцы 1960-х гадоў. У заключны год восьмай пяцігодкі стваральнікі архітэктурна-скульптурнай кампазіцыі мемарыялу – архітэктары Ю.М. Градаў, В.П. Занковіч, Л.М. Левін і скульптар С.І. Селіханаў – былі адзначаны Ленінскай прэміяй.

У якасці афіцыйнага ў красавіку 1966 г. тагачаснымі партыйнымі і ўрадавымі рашэннямі ў рамках рэспубліканскай праграмы мемарыялізацыі месцу спаленай вёскі разам з яе жыхарамі быў нададзены статус “мемарыяльны комплекс музея-помніка” [1, с. 145]. Адкрыць яго планавалася да 50-годдзя Кампартыі БССР і ўтварэння Беларускай ССР, то бок да 1 студзеня 1969 г. Апроч таго, у адпаведнасці з пастановай ЦК КП Беларусі “Аб далейшай рабоце па ўвекавечанні гераічных подзвігаў савецкіх людзей у перыяд Вялікай Айчыннай вайны” на месцы трагедыі павінен быць створаны філіял Беларускага дзяржаўнага музея Вялікай Айчыннай вайны і ўстаноўлены мемарыяльныя знакі [2, с. 148]. Як паведамляла рэспубліканская газета “Советская Белоруссия” 6 ліпеня 1969 г., па рашэнні Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Беларусі і ўрада рэспублікі на месцы вёскі Хатынь быў збудаваны мемарыяльны комплекс [4, с. 171].

Звярнуцца да тэмы мемарыялізацыі аўтара гэтых радкоў як і шматлікіх чытачоў вымагае не столькі памятная дата, колькі адкрыццё новага музея. Сёння надзвычай важна паглядзець на Мемарыяльны комплекс “Хатынь” таксама і ў кантэксце працы, якую апошні час мэтанакіравана праводзіць Генеральная пракуратура Рэспублікі Беларусь у рамках расследавання крымінальнай справы па фактах здзяйснення нацысцкімі злачынцамі і іх саўдзельнікамі генацыду мірнага насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны [3, с. 6]. Адным з папярэдніх вынікаў яе працы з’яўляецца ўдакладненне агульнай лічбы колькасці спаленых вёсак, больш вядомых для грамадскасці пад назвай “сёстры Хатыні”. У час памятных мерапрыемстваў у сувязі з 80-й гадавінай хатынскай трагедыі ў Мемарыяльным комплексе “Хатынь” 22 сакавіка 2023 г. упершыню была агучана новая лічба спаленых вёсак, якія раздзялілі лёс Хатынь. Цяпер гэтых вёсак стала на 30 больш у параўнанні з лічбай, што застаецца ўвекавечанай у архітэктурна-скульптурнай кампазіцыі “Спаленыя вёскі” на тэрыторыі Мемарыяльнага комплексу “Хатынь”. Апроч таго, сённяшні наведвальнік новай экспазіцыі музея атрымае іншую інфармацыю і адносна агульнай колькасці беларускіх вёсак, якія пацярпелі за часам нацысцкай акупацыі Беларусі. І гэтая лічба значна перавышае тую, якая на ўваходзе сустракае кожнага наведвальніка на сімвалічным тыне былой вёскі Хатынь [5, с. 3].

Новы ўнікальны музей у Мемарыяльным комплексе “Хатынь” – што гэта ў кантэксце сучасных канцэпцый мемарыялізацыі і нацыянальнай культуры памяці? Або насамрэч гэта толькі чарговая музейная экспазіцыя на тэму вайны, якая стварае дадатковыя магчымасці для паглыблення ведаў аб генацыдзе мірнага насельніцтва Беларусі, або новая прастора для эмацыянальнага ўздзеяння на наведвальніка, які праз наглядныя і гукавыя эфекты адчуе на сабе боль і жах вайны, усвядоміць маштаб гора, якое прынесла нацысцкая акупацыя жыхарам толькі адной з беларускіх вёсак. Якую ролю выконваюць шэсць залаў музея, кожны з якіх вырашае сваю пазнавальную задачу, пагружаючы наведвальніка ў спалучэнне разрозненых, а не тэматычна знітаваных вобразаў, аб’ектаў, фактаў як гісторыі, так і памяці?

Чаму ж насамрэч службыць экспазіцыя першай залы “Дрэва гісторыі”, якая раскрывае гісторыю канфліктаў пачынаючы з X стагоддзя і даводзячы іх да асабліва крывавага XX стагоддзя, у той час як экскурсантаў мэтанакіравана прыехаў на месца трагедыі хатынцаў 22 сакавіка 1943 г. Другая зала “Пачатак вайны” пагружае наведвальніка ў атмасферу пачатку Вялікай Айчыннай вайны, але не паказвае пры гэтым рэлігійны, нацыянальны, прафесійны склад жыхароў вёскі Хатынь як напярэдадні, так і ў першыя дні ваеннага ліхалецця. Наступная зала “Акупацыя” раскрывае тэму акупацыі, лагераў смерці, масавых расстрэлаў і выжывання мірнага насельніцтва на захопленай тэрыторыі Беларусі, аднак пакідае экскурсантаў без гістарычных звестак аб саміх жыхарах вёскі Хатынь, іх колькасным удзеле ў Чырвонай арміі ці партызанскім руху, а галоўнае – не знаёміць наведвальніка са стратэгіямі выжывання жыхароў адной з мірных беларускіх вёсак. Чацвёртая зала “Спаленыя вёскі” прысвечаная вёскам, знішчаным за гады вайны ў ходзе шматлікіх карных акцый супраць мірнага насельніцтва. У цэнтры залы знаходзіцца карта Беларусі, дзе чырвонымі вугалькамі тлеюць 216 спаленых вёсак, якія раздзялілі лёс Хатыні: а ці даведаецца экскурсантаў аб трагедыі беларускіх вёсак у нацыянальным вымярэнні, ці ўбачыць колькасць “сясцёр Хатыні” у дачыненні да кожнага раёна і воблаці, ці даведаецца пра агульную лічбу тых, хто быў спалены разам са сваімі вёскамі? Пятая зала “Ідзі і глядзі” перадае тэму памяці, ўвасобленай у назвах населеных пунктаў, якія пацярпелі ад захопнікаў, аднак не прадстаўленых у колькасці людскіх ахвяр, панесеных у кожным з гэтых месцаў трагедыі беларускага народа, як не пачуе, не ўбачыць і не знойдзе адказу на пытанні аб агульнай колькасці мірнага насельніцтва, знішчанага за гады вайны на акупаванай тэрыторыі Лагойскага раёна, Мінскай вобласці, рэспублікі ў выніку правядзення карных акцый супраць партызан. Па кім званіць звон на белай столі, ці даведаецца наведвальнік у ходзе экскурсіі і ці разумее, што галоўнай застаецца памяць не толькі пра колькасць спаленых вёсак, разбураных ці пацярпелых збудаванняў, колькі пра маштабы людскай трагедыі ў кожным з гэтых 216 месцаў. Заключная зала “Памяць” дэманструе асобныя гістарычныя рэлікты, якія не толькі перадаюць трагедыю вайны, але і служаць справе захавання памяці аб гісторыі стварэння мемарыяльнага ансамблю “Хатынь”, у той час як памяць пра хатынцаў адсоўваецца на задні план, асабліва ў вымярэнні асноўных сацыяльных груп самой вёскі, іх роду заняткаў, узросту, палавога складу, веравызнанняў, прафесійных інтарэсаў і інш. [6, с. 6–7]. Інакш кажучы, ці будзе ў новай музейнай экспазіцыі надалей службыць захаванню трывалай памяці ў розных груп наведвальнікаў стварэнне штучных, а не гістарычных вобразаў? І ў выніку ці не

прывядзе гэта да падмены памяці аб трагедыі хатынцаў памяццю толькі пра лічбавую статыстыку вайны.

У практычным плане перад кожным наведвальнікам Мемарыяльнага комплексу “Хатынь” стаіць вельмі няпростая задача: або пазнаёміцца з новай экспазіцыяй, адкрытай на ўваходзе ў комплекс, пасля чаго прайсці па прасторы памяці на гістарычным месцы спаленай вёскі Хатынь. Або аддаць перавагу адной з гэтых прастор памяці? Да ўсяго ў наведвальніка ўзнікаюць пытанні, сярод якіх галоўнае – як жа суадносяцца гэтыя прасторы памяці? Ці думалі стваральнікі новага музея аб важнасці спалучэння канцэпцый мемарыялізацыі новай экспазіцыі і існуючага месца памяці? Наколькі яны служаць галоўнай мэце – захаванню памяці пра ахвяр хатынскай трагедыі, увекавечанню кожнага з тых, хто загінуў у час карнай акцыі супраць мірных жыхароў вёскі Хатынь 22 сакавіка 1943 г.? Гэтыя і іншыя пытанні паўстаюць не толькі ў наведвальнікаў, але і экскурсаводаў. Адным з цэнтральных пытанняў тут нам бачыцца наступнае: ці стане новы музей “жывым сэрцам памяці” [7] у існуючай нацыянальнай святыні беларускага народа? Пошук адэкватных адказаў на пастаўленыя пытанні, прычым абгрунтаваных гістарычнымі дакументамі і практычным досведам, на сённяшні дзень адна з важных задач па захаванні памяці аб трагедыі беларускага народа ў гады вайны.

У якасці аднаго з варыянтаў такога адказу звернемся да вопыту мемарыялізацыі трагедыі спаленай вёскі Хатынь у канцы 1960-х гадоў. Мажліва назапашаны тады досвед можа дапамагчы наведвальніку вызначыць аснову надзвычай вялікага інтарэсу ў дачыненні да сусветна вядомага месца памяці пад назвай спаленай вёскі Хатынь, пераўтварыць гэтыя месцы ў новую прастору калектыўнай памяці і не будзе садзейнічаць яе трансфармацыі ў штучныя вобразы вайны?

Звернемся да філасофскай канцэпцыі памяці, замацаванай у архітэктурна-скульптурных вобразах на месцы спаленай вёскі Хатынь і побач з ёй. У якасці адказу працытуем адно з выказванняў архітэктара Л.М. Левіна. Шукаючы агульную ідэю стварэння кампазіцыі помніка, ён адзначаў: “Мы разам з Юрыем Градавым і Валянцінам Занковічам сядзелі і думалі, філасофствавалі, малявалі. Кожная ідэя прымалася і складвалася ў агульную скарбонку. Гэты працэс цяжка апісаць. Мы паставілі перад сабой задачу паказаць трагедыю беларускай вёскі, перанесці нашы адчуванні, пачуцці так, як гэта не было зроблена раней” [8]. Пры гэтым ведаючы гісторыю ўзнікнення гэтага месца памяці архітэктарамі агучвалася думка пра тое, што Хатыні магло і не быць [9, с. 32].

Разважаючы пра трагедыю Хатыні і хатынцаў, Л.М. Левін неаднаразова паўтараў, што адзін з галоўных успамінаў яго жыцця – асабістая сустрэча з Іосіфам Іосіфавічам Камінскім у Хатыні вясной 1967 г., калі ў памяці архітэктара пачаў складвацца вобраз пра трагедыю вёскі, яе жыхароў, кожнага хатынца. Менавіта тады была сфарміравана ідэя агульнай кампазіцыі – паказаць усю вёску, вуліцы, кожны дом, месца, дзе жыхары Хатыні былі спалена, і месца, дзе іх пахавалі. На думку Л.М. Левіна, вельмі важнай была ідэя зрубаў з комінамі. Ідэя не новая, але архітэктары ўбачылі яе па-іншаму, зрабілі падсечаную вертыкаль коміна, якая гаварыла, што дом быў знішчаны, спалены. Пра гэта казалі і расчыненыя веснічкі. Як вядома, у беларускіх вёсках людзі раней не закрывалі дамы, не вешалі замкоў, таму веснічкі расчынены... Але прыйшлі тыя, хто ўварваўся ў гэтыя дамы [8, с. 5].

Як успаміналі Ю.М. Градаў і Л.М. Левін, асаблівае хваляванне выклікала ідэя званаў на комінах, якія павінны былі “размаўляць” з кожным наведвальнікам, каб чалавек пачуў голас загінуўшых і голас сваёй душы. Паводле слоў Ю.М. Градава,

архітэктары шукалі альтэрнатыву званам, але на той час знайсці яе не змаглі [11]. Таму званы сталі тым сродкам, праз які ўдалося ажывіць Хатынь, стварыць яе гукавы вобраз, асабліва кранальны і памятны для кожнага наведвальніка.

Наступным важным аб'ектам помніка вёсцы Хатынь павінен быў стаць сімвалічны абпалены дах, які планавалася ўзняць на месцы гумна. Насупраць яго, на месцы брацкая магілы жыхароў Хатыні, сімвалічны Вянок памяці са словамі памяці. На адным баку белага мармуровага Вянку памяці былі змешчаны словы сімвалічнага звароту загінуўшых хатынцаў да нашчадкаў, на адваротным – адказ нашчадкаў хатынцам.

Як пісаў у аўтабіяграфічнай аповесці Л.М. Левін, скульптура старога з хлопчыкам на руках – гэты збіральны вобраз няскоранага чалавека, які ў намаляваных эскізах прыкметна розніўся з тым, што зрабіў скульптар С.І. Селіханаў. З пад яго рук Няскораны чалавек выйшаў крыху іншым, але ён выдатна перадаваў ідэю трагедыі, канцэптуальна замыкаў прастору трагедыі і памяці.

Адкрыццё мемарыяльнага ансамбля “Хатынь” адбылася 26 снежня 1968 г. напярэдадні 50-годдзя БССР. Тады ж першы намеснік старшыні Савета міністраў СССР К.Т. Мазураў прапанаваў надаць мемарыялу больш вобразнае гучанне – праз ідэю адной вёскі паказаць трагедыю ўсяго беларускага народа. Як лічыць Ю.М. Градаў, так у ансамблі, не парушаючы яго гармоніі, з'яўляюцца сімвалічныя могілкі беларускіх вёсак, вечны агонь з трыма бярозкамі ў памяць аб тых, хто загінуў у вайне [11]. Але галоўным у гэтай справе з'явіўся наўмысны адыход аўтараў ад агульнапрынятых на той час архітэктурных рашэнняў на карысць выкарыстання простае мовы архітэктуры і скульптурнай пластыкі ў перадачы гістарычных артэфактаў самой вёскі Хатынь. Як адзначаў Ю.М. Градаў, мы нічога не змянялі ў “помніку-дакуменце”. Прататыпам для скульптуры “Няскоранага чалавека” з паміраючым сынам на руках стаў Іосіф Камінскі, які цудам выжыў. Там, дзе праходзілі вясковыя вуліцы, захавалі дарожкі-падыходы, дзе стаялі 26 хат, паставілі вянцы зрубаў с пачнымі комінамі, дзе была адрына, у якой зажыва згарэлі жыхары вёскі, паставілі рухнуўшы дах. Проста прымусілі загаварыць кожны гістарычны элемент мовай блізкага і зразумелага ўсім наведвальнікам вобраза. Дах спецыяльна зрабілі масіўны, каб перадаць абрынутую на краіну бяду. Веснічкі пакінулі адкрытымі ў знак гасціннасці беларусаў. Пячныя вертыкалі завяршылі званамі [12, с. 266].

Л.М. Левін успамінаў, што аўтары адкрытага ў 1968 г. мемарыяльнага ансамбля “Хатынь” доўга думалі, перш чым вырашылі пачаць ствараць II чаргу мемарыяльнага комплексу. Узнікла ідэя зрабіць могілкі вёсак, спаленыя цалкам, якім паўтарылі трагічны лёс Хатыні. Апроч таго, нарадзілася ідэя 433 тых вёсак, якія былі знішчаны, аднак адраділіся пасля пажару вайны.

Архітэктары знайшлі ідэю паказаць наглядна бясконцую сцяну ахвяр, прысвечаную ахвярам месцаў масавага знішчэння мірнага насельніцтва і ваеннапалонных у Беларусі. Гэты вобраз быў выкананы ў выглядзе Сцяны Жалобы, Сцяны Памяці даўжынёй у 9800 см, дзе былі зроблены 66 ніш памяці аб дзіцячых лагерах смерці, лагерах смерці ваеннапалонных, месцах масавага знішчэння беларускіх грамадзян, вёсак, населеных пунктаў, гарадоў.

Аднак цэнтральнай у гэтым праекце была ідэя Вечнага агню Хатыні. На думку Л.М. Левіна, неабходна было ўспомніць кожнага чацвёртага жыхара Беларусі, які загінуў падчас Вялікай Айчыннай вайны. Архітэктары шукалі арыгінальнае рашэнне. Таму з'явілася ідэя паказаць гэта на чорнай пліце з чатырма адтулінамі. У трох з іх – будучы беларускія бярозкі, тры жыцця, якія

захаваліся нават ва ўмовах германскай акупацыі Беларусі. А ў чацвёртай, праз разарваныя краты, агонь – агонь Вечнай памяці, кожнаму чацвёртаму, які загінуў. Успамінаючы пра гэты момант, Л.М. Левін адзначае, што на этапе падрыхтоўкі П.М. Машэраў наведаў майстэрню, дзе яму першапачаткова быў прапанаваны макет традыцыйнага “Вечнага агню”. Тагачасны Першы сакратар паглядзеў макет, паслухаў тлумачэнні, а потым сказаў: “Тое, што зрабілі вы, мог зрабіць і я. Не веру. Проста не веру, што ў вас няма арыгінальнага рашэння “Вечнага агню”, “Вечнага агню Хатыні”. І мы паказалі наш праект. Тры бярозкі і “Вечны агонь”. Машэраў маўчаў. Усе прысутныя маўчалі. А потым Пётр Міронавіч сказаў: “Вось тое, што трэба. Тое, менавіта тое. Думаю, што вы знайшлі вобраз, які стане сімвалам Беларусі. Сімвалам нашых страт і нашага жыцця” [2, с. 8]. Так няпроста нараджалася ідэя вечнага агню Хатыні, які пасля яго адкрыцця стаў адным з сімвалаў трагедыі Беларусі, сімвалам страт і подзвігу беларускага народа. На думку Л.М. Левіна, “з завяршэннем тэмы “Вечнага агню” стварэнне ідэі мемарыяльнага комплексу “Хатынь”, якая адлюстроўвала трагедыю беларускага народа, была цалкам завершана. Вечны агонь Хатыні стаў сімвалам трагедыі беларускага народа [8, с. 8].

На думку Л.М. Левіна, адкрыты летам 1969 г. мемарыяльны комплекс “Хатынь” стаў Народным Храмам Памяці. У ім удалося праз трагедыю Хатыні перадаць трагедыю ўсяго беларускага народа. Больш таго, у кожным архітэктурным вобразе ўвасоблены увесь той жах, той боль, тое гора беларускага народа, што прыйшлося яму перажыць на працягу трох гадоў германскай акупацыі Беларусі 1941–1944 гг.

Кажучы пра Хатынь, Л.М. Левін адзначае, што яна стала ўвасабляць Беларусь. Так, прэзідэнт ЗША Рычард Ніксан пасля візіту ў Мінск у 1974 годзе сказаў, што для яго Беларусь – гэта мемарыяльны комплекс “Хатынь”, вакальны ансамбль “Песняры” і алімпійская чэмпіёнка па спартыўнай гімнастыцы Вольга Корбут [8, с. 8]. У сваім інтэрв’ю архітэктар зрабіў вельмі важную выснову аб тым, што калі гаварыць пра памяць, пра трагедыю беларускага народа, пра народнае гора, то менавіта ў Хатыні быў створаны своеасаблівы Дом памяці, які трымаецца на чатырох вуглах – Хатынь, Трасцянец, Курапаты і Яма. Знакаміты майстар перакананы, што неабходна захоўваць памяць пра трагедыю беларускага народа. І ў ёй Хатынь адлюстроўвае душу нашага народа, будзе заставацца Храмам, беларускім храмам памяці пад акрытым небам, Народным Храмам Памяці.

Сярод архітэктурных рашэнняў, вядомых у той час, згадваўся і “Музей зверстваў фашызму”. Як успамінаў В.П. Занковіч, дзе быць гэтаму музею як не ў Хатыні. На яго думку, па замысле Музей сустракае ўсіх, хто прыехаў у Хатынь пакланіцца ахвярам нацызму, і праводзіць усіх з воклічам – ПОМНІ!!! Менавіта таму важна яго размясціць пры ўваходзе у ансамбль і пры выхадзе з яго. І менавіта дах адрыны, у якой спальвалі хатынцаў, павінен уздыбіцца над “Музеем зверстваў фашызму” як клічнік з зваротам да ўсяго чалавецтва: “Не! Не! Не!” [13, с. 269].

Пастаўленыя вясной гэтага году пытанні чакаюць сваіх адказаў. Калі разглядаць памяць як мадэль сённяшняга жыцця, як пра гэта пісаў французскі даследчык П’ер Нара яшчэ ў мінулым стагоддзі, тады яе носбітамі павінны выступаць людзі, якія не дазваляць ёй растварыцца ў прасторы гісторыі і захаваюць гістарычную памяць пра Вялікую Айчынную вайну ў сучасным і будучых пакаленнях.

1. Письмо Минского облисполкома в Совет Министров БССР о строительстве мемориального музея-памятника в д. Хатынь, 11 апреля 1966 г. // Хатынь. Трагедия и память. Документы и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2009. – С. 139.

2. Из письма Минского облисполкома в Совет Министров БССР о ходе строительства Кургана Славы и филиала Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны и мемориального памятника в д. Хатынь Логойского района, 23 октября 1968 г. // Хатынь. Трагедия и память. Документы и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – С. 148.
3. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск: Беларусь, 2022. – 175 с.
4. Репортаж в газете «Советская Белоруссия» «Хатынь никогда не повторится» об открытии мемориального комплекса «Хатынь» // Хатынь. Трагедия и память. Документы и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – С. 171–179.
5. Кононович, Е. «Если голову в руках будем держать, будет все нормально» / Е. Кононович, Д. Умпирович // СБ. – 23 марта 2023. – С. 3–5.
6. Горбатенко, И. Чтобы сердце рвало / И. Горбатенко // СБ. – 23 марта 2023. – С. 6–7.
7. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mirt.ru/education/chair/philosophy/upload/6ec/nora1-arph7asf0ow.pdf>. – Дата доступа: 09.09.2023.
8. Левин, Л. М. Хатынь: автобиограф. повесть / Л. Левин. – Минск: Асобны Дах, 2005. – 280 с.
9. Народны Храм Памяці. Інтэрв'ю намесніка галоўнага рэдактара “Беларускага гістарычнага часопіса” Максіма Гальпяровіча з архітэктарам Леанідам Мендэлевічам Левіным // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 7. – С. 3–9.
10. Левин, Л. «Хатыни могло не быть» / Л. Левин // Женский журнал. – 2009. – № 5. – С. 32–35.
11. Градов, Ю. М. Память в камне [Электронный ресурс] / Ю. М. Градов. – 2018. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/pamyat-v-kamne.html>. – Дата доступа: 09.09.2023.
12. Из интервью с Ю.М. Градовым от 21 марта 2019 г. // Хатынская трагедия. Документы и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск: Издатель Р. М. Цымберов, 2023. – С. 266–267.
13. Из воспоминаний В. П. Занковича // Хатынская трагедия. Документы и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : Издатель Р. М. Цымберов, 2023. – С. 267–269.

Олейникова В.П. ТРАДИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА КАМПАНИЯ (ИТАЛИЯ) И ПОИСКИ НОВЫХ ФОРМ

Ключевые слова: Италия, Кампания, Неаполь, историко-культурное наследие, Всемирное наследие ЮНЕСКО.

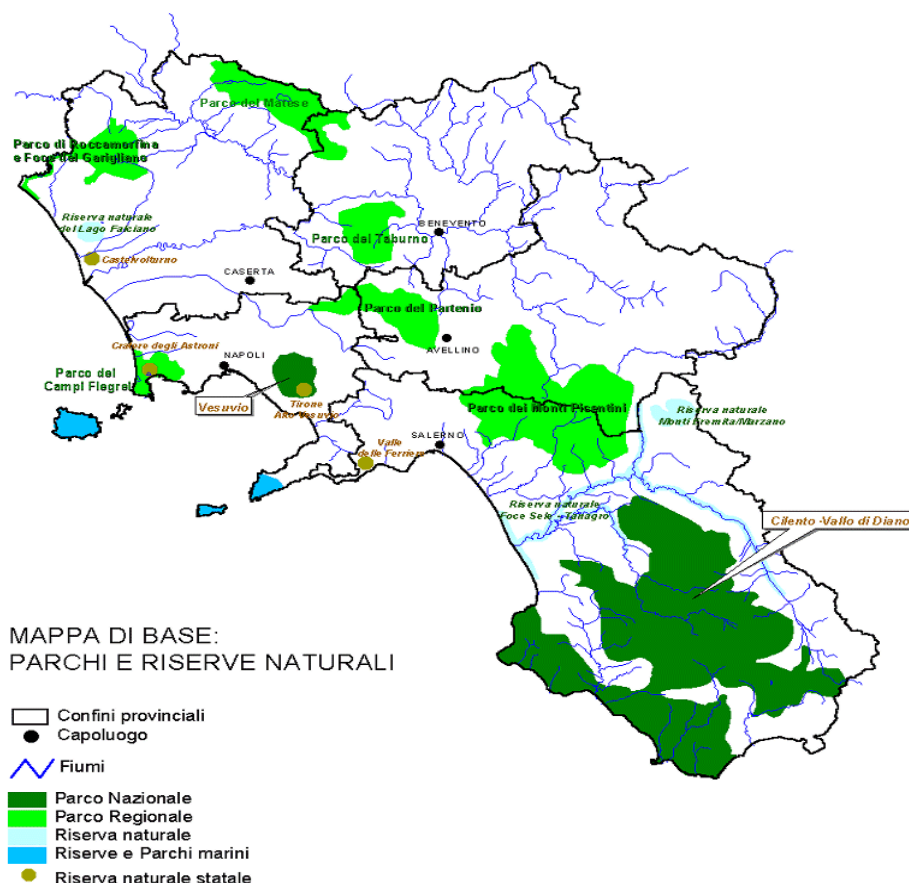
По состоянию на 2018 год в Италии находилось 60 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [1, р. 3–4]. 40 кандидатов числились на попадание в этот важный список [2]. Это – более 5% от общего количества объектов в мире.

Значительная часть из вышеперечисленных объектов расположена в регионе Кампания, что вполне объяснимо: этот район был заселен с древнейших времен, и на протяжении тысячелетий на этой земле оставили свой след различные культурные и художественные традиции. Достаточно сказать, что крупнейший город Юга Италии – Неаполь – имел решающее значение для греческой, итальянской и, вообще, европейской истории с момента своего основания, ибо на протяжении веков этот великий мегаполис периодически оказывался под властью различных европейских властителей.

Одаренное местное население не только развивалось под влиянием умений и навыков «пришельцев», но и вдохновлялось своей богатейшей природой. Роскошная натура Юга вдохновляла на творческий взлет, как титулованные слои общества, так и простой народ. Достаточно отметить, что сегодня охраняемые природные локации Кампании занимают территории, занимающие 25% от всей поверхности региона [3], и, в основном, покрывают горные местности или холмистые равнины, за редкими исключениями, такими как долины Селе и Вольтурно.

Творческий взлет детей Юга выразился в том, что в Неаполе веками процветали разнообразные оригинальные ремесла: обработка кораллов, инкруста-

ция (по мрамору и полудрагоценным камням), интарсия по дереву, вертепы (презепе), майолика (глазурированная роспись по керамике в лавках Массари, Кьяйасе и др.), ювелирное мастерство (в приморских районах Св. Элигия – покровителя золотых и серебряных дел мастеров), а так же неповторимая по своему разнообразию и аутентичности неаполитанская кухня (куккумела¹, пицца, разнообразные макаронные изделия, неаполитанские сладости, неаполитанский фастфуд и др.). Последняя королевская династия, правящая Неаполем – Неаполитанские Бурбоны – добавили к разнообразным искусствам производство уникального *фарфора Каподимонте* – продолжателя традиций Мейсенского фарфора на итальянской земле.

Карта Национальных, региональных и морских парков

По состоянию на 2023 г. в регионе Кампания расположено 7 материальных объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО и один нематериального. Данная цифра представляется автору спорной, ибо некоторые объекты, в свою очередь, состоят из нескольких объектов. Они были объединены в один «кластер», исходя из принципа близкого географического расположения. Перечислим данные объекты:

1. Исторический центр Неаполя; 2. Археологические зоны Помпеи, Геркуланума и Торре-Аннунциата; 3. Королевский Дворец Казерты с парком, акведуком

¹ Куккумела – альтернативный способ заваривания кофе в оригинальной кофеварке, изобретенный до эспresso и гейзерной кофеварки. Неаполитанская кофейная культура является кандидатом на включение в список нематериального наследия ЮНЕСКО, ибо Неаполь считается первым в Италии городом по уровню потребления кофе и количеству баров на душу населения [4].

Ванвितелли и комплексом Сан-Леучо; 4. Берег Амальфи; 5. Национальный Парк Чиленто и долины Дианы с археологическими объектами Пестума и чертозой Падудула; 6. Символы власти лонгобардов в Италии – романская церковь Св. Софии в Беневенто [1, р. 114–129]; 7. Кампи Флегреи с эффектом брадисизма. Стоит отметить, что по количеству объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО регион Кампания возглавляет список итальянских регионов, уступая только региону Ломбардия.

Помимо данных центров в Кампании историческая память географически концентрируется вокруг замков, дворцово-парковых комплексов, археологического наследия, сакральных строений, значительная часть которых имеет музейный статус. Каждый из объектов регулярно подвергается ремонту и реконструкции.

Каталог от *National Geographic* «Десять самых лучших» определяет мировые тенденции в поисках культурных ценностей. Внимание данного путеводителя к определенным культурным объектам является знаковым, ибо. *National Geographic Society* является по своему происхождению крупнейшей научной и образовательной организацией США. Но данное элитное руководство сосредоточено на преувеличенном внимании к объектам США. Тем не менее, в перечень *десяти самых лучших в мире* вошли следующие объекты региона Кампания: остров Капри (номинация «Острова») [5, с. 52, 240–246]. театр Сан-Карло (номинация «Оперные театры» [5, с. 54]); Амальфитанское побережье (номинации «Виды» и «Исторические и литературные маршруты») [5, с. 160, 244–247] отель «Карузо» (номинация «Плавательные бассейны» [5, с. 26]); холмы Южной Италии на маршруте Бари-Роджано (группа «Дороги» [5, с. 152]).

Остановимся чуть подробнее на культурных ценностях, охраняемых ЮНЕСКО в Кампании:

Исторический центр Неаполя

Самая старая часть исторического центра Неаполя с 1995 г. находится под охраной ЮНЕСКО. Фактически, город всегда являлся важнейшим социально – экономическим центром на протяжении веков истории, еще со времен Великой Греции и Римской республики. Один из важнейших портов Средиземноморья вплоть до 1800 г. представлял из себя крупнейшую европейскую столицу, влиявшую на мысль и искусство Просвещения и уступавшую по численности народонаселения только Парижу.

Эту историю хорошо видно, прогуливаясь по его историческому центру, наполненному аутентичными зданиями разных периодов.

Раскопки Помпеи и Геркуланума

Раскопки Помпеи и Геркуланума являются наиболее важной римской археологической зоной в мире, поскольку два древних города, затопленные лавой после извержения Везувия, сохранились в аутентичном виде. Став объектом ЮНЕСКО в 1997 г., древние города Помпеи и Геркуланум сохранили форумы, улицы, дома, дома, амфитеатры, мозаики и фрески.

Королевский дворец Казерты и акведук Ванвителли

Королевский дворец Казерты являет собой не только крупнейшую королевскую резиденцию в мире, но и представляет удивительный архитектурный симбиоз барокко и неоклассицизма. Построенный королем Карлом III Бурбоном (1716–1788) дворец окружен огромным садом, представляющим удивительное сочетание традиций английского и французского парка, в котором среди изысканных и ухоженных растений можно наслаждаться классическими скульптурами. Кроме того, рядом с итальянским Версалем расположен уникальный акведук, спроектированный так же автором Дворцового комплекса – Луиджи Ванвителли

(1700–1773). Созданный на основании традиций Витрувия водопровод обеспечивал подачу воды в королевский комплекс.

Комплекс Сан Леучо

Комплекс Сан-Леучо был построен по заказу короля Фердинанда IV Бурбона (1751–1825), который хотел превратить существующие здания в комплекс, направленный на производство шелка. Вокруг него расположены дома, школа, больница и другие службы, поэтому его воспринимают как примерную модель общества «утопического социализма», основанного на труде, чувстве общества и равенстве.

Амальфитанское побережье

Амальфитанское побережье с его всемирно известными пейзажами также является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО с 1997 г. Дорога от Сорренто до Амальфи – одна из самых романтических в мире и считается самой красивой в Европе.

Национальный парк Чиленто, Валло-ди-Диано и Пестум

Национальный парк Чиленто, Валло-ди-Диано и Пестум входят в число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО с 1998 г.

Чиленто, расположенный в южной части Кампании, был пограничным пунктом между территориями Великой Грецией и областями, населенными этрусским населением. Археологические локации, такие как Пестум с его храмами и святилищами, представляют бесценные аутентичные свидетельства прошлого.

Валло-ди-Диано расположен в этом районе и также является объектом наследия ЮНЕСКО. Он включает в себя территорию, покрытую зелеными долинами и холмами, которые предлагают нетронутые и захватывающие дух пейзажи.

Церковь Санта-София в Беневенто

В Беневенто сохраняется еще один объект наследия ЮНЕСКО: церковь Санта-София. Он был построен по велению лангобардского принца Арехиса II (Arechî II; умер в 787) в VIII в. и представляет собой один из красивейших образцов раннесредневековой архитектуры романского стиля.

Искусство неаполитанских мастеров пиццы

К объектам нематериального наследия относится искусство неаполитанских пиццайоло. Оно было признано наследием человечества благодаря своей давней традиции, передаваемой из поколения в поколение.

Кулинарная практика включает в себя различные этапы: от создания теста до начинки, а также приготовление самой пиццы. Это признание не только подтверждает статус пиццы как самого известного и любимого блюда в мире, но и признает неаполитанскую культуру краеугольным камнем в формировании этой практики, признающей настоящим искусством благодаря мастерству и истории, стоящей за ней. Неудивительно, что много лет подряд неаполитанская пицца занимает лидирующие позиции в мире.

Во время Второй мировой войны нацисты разграбили итальянские музеи: бесчисленные украденные произведения искусства предназначались для музеев нацистского руководства в Германии. Среди работ, украденных нацистами и возвращенных в *Каподимонте*: «Антея» Пармиджанино, «Даная» Тициана, «Притча о слепом» Брейгеля, «Святой Иероним в мастерской» Колантонио, «Мадонна дель Вело» Себастьяно дель Пьомбо и многие другие.

В конце войны Родольфо Сивьеро (*Rodolfo Siviero*, 1911–1983), глава Межведомственного управления по восстановлению произведений искусства, известный своей важной работой по возвращению произведений искусства, украденных из Италии во время Второй мировой войны в рамках «нацистского грабежа», от-

правился в Германию, чтобы найти утраченные шедевры. Картины, обнаруженные в соляной шахте в Альтаусзее около Зальцбурга (Австрия), были перевезены в Мюнхен. Оттуда они были возвращены итальянскому правительству 7 августа 1947 г. В том же 1947 г. Сивьеро добился возврата работ, похищенных из художественных и археологических музеев Неаполя в 1943 г. и спрятанных в аббатстве Монте-Кассино (в том числе «Даная» кисти Тициана из Museo di Capodimonte, преподнесенная Герингу в качестве подарка на день рождения в январе 1944 г. и скульптуры, такие как Аполлон из Pompei Scavi и Гермес Лисиппа) [6].

Несколько лет назад история «нацистского грабежа» получила продолжение: в 2013 г. была обнаружена на антикварном рынке Вены (Австрия) голова сфинкса, представлявшего фрагмент знаменитой мраморной статуи бога Нила, расположенного в историческом сердце Неаполя. Во время Второй мировой войны два из трех херувимов, окружавших божество, а также голова сфинкса, были украдены, вероятно, для перепродажи на черном рынке. Голова сфинкса была выявлена через шестьдесят лет после кражи, отделом охраны художественного наследия карабинеров [7, p. 259–266].

Реставрация, целью которой было так же перемещение найденной голову, продолжалась весь 2014 год [8]. 15 ноября 2014 г. статуя была представлена городу.

В современном Неаполе количество охраняемых объектов, имеющих музейный статус, постоянно растет. Создаются новые формы сохранения объектов уникального аутентичного прошлого, ибо количество потенциальных объектов, нуждающихся в сохранении, огромно. Ведь Неаполь веками гордился наличием только более пятисот храмов (!). Руководство Неаполя решилось на поддержку инициативных предложений молодежи. Студенты снимают в аренду старинные здания, реставрируют, открывают клубы по интересам, небольшие музеи, хостелы, бары, кафе, траттории. Молодые люди из Ассоциации *RespiriamoArte* посвятили себя восстановлению храма Святых Филиппо и Джакомо (или *Arte della Seta*), а также церкви Санта-Лучелла.

Храм *Arte della Seta* сохранился как уникальное свидетельство существования в Неаполе искусства производства шелка на протяжении нескольких веков (вплоть до XIX в.) [9]. Молодые люди из Ассоциации *RespiriamoArte* посвятили себя раскрытию мира забытого Неаполя – мира производства шелка, как движущего сектора экономики с середины XVI в. Символом мощи и богатства Гильдии Шелка была Церковь Шелка. Девушки не только реставрируют уникальные шелковые изделия, но и проводят авторские экскурсии как по истории благородного искусства, так и по истории интерьера, скульптур, картин и резьбы уникального храма Святых Филиппо и Джакомо.

Но реставрация церкви Святой Луциллы (Лучеллы, Лучии) стала для Ассоциации *RespiriamoArte* испытанием на прочность и профессионализм. Уникальный храм Мельничного искусства (или Мельников) находился в заброшенном состоянии более 30-ти лет. Благодаря упорству и активной работе Ассоциации Санта Лучелла была вновь открыта публике 5 апреля 2019 г. Ассоциация продолжает реализовывать проект, направленный на восстановление храма, как туристического объекта, так и места социальной интеграции жителей района. Населению предлагаются бесплатные уроки, посвященные фундаментальным темам (гражданское образование, социальные обязательства и др.), занятия по пению и т.д. [10].

В современном мире Кампания, как один из регионов Италии, представляет яркий пример бережного и внимательного отношения к сохранению, восста-

новлению и популяризации своего культурно-исторического наследия, принадлежащего не только Италии, но и всему человечеству.

1. I tesori Italiani patrimonio dell' umanita UNESCO. – Torino: Edizione del Capricorno.– 2016.– 160 p.
2. Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО в Италии[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://italy4.me/unesco/>. – Дата доступа: 09.10.2023.
3. Биоразнообразие и охрана окружающей среды в Кампании[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iam.na.cnr.it/settimana/enenv/environment/biodiversity/bioitaly.htm>. – Дата доступа: 09.10.2023.
4. Куккумела – традиционный неаполитанский способ заваривания [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://shop.tastycoffee.ru/blog/cuccumela>. – Дата доступа: 09.10.2023.
5. Ланде, Н.Десять самых лучших. Исчерпывающее руководство от National Geographic / Н. Ланде, Э. Ланде Э. – М.: АСТ, 2010.– 480 с.
6. Родольфо Сивьеро[Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://wiki5.ru/wiki/Rodolfo_Siviero. – Дата доступа: 09.10.2023.
7. Кристилли, А. Неаполитанская Нилотика. Пересмотр статуса диос-рио Нило де Наполеса / А. Кристилли // Satyrice Signa.Классические археологические исследования в доме профессора Педро Родригеса Оливы / ред. Хосе Мигеля Ногера Селдрана, Изабель Лопес Гарсиа, Луиса Баэна дель Алькасар. – Гранада, 2020.– 303 р.
8. Ди Чека, Дж. Голова Сфинкса возвращается в Неаполитанское тело // namonitorenapoletano.it, MONITORE NAPOLETANO. – 9 ноября 2014 г.
9. Regina, V. Le chiese di Napoli. Viaggio indimenticabile attraverso la storia artistica, architettonica, letteraria, civile e spirituale della Napoli sacra / V. Regina. – Naples: Newton and Compton editor, 2004.
10. Церковь Санта Лучелла ай Либрай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.respiriamoarte.it/luoghi/chiesa-santa-luciella-librai>. – Дата доступа: 09.10.2023.

Орловский Г.С.

ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ РЕМОНТА, РЕКОНСТРУКЦИИ, РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В Г.ВИТЕБСКЕ

Ключевые слова: архитектура; исторический центр; памятник архитектуры; проблемы ремонта, реконструкции, реставрации; Витебск.

Профессиональная реставрация, реконструкция, ремонт памятников архитектуры имеет важнейшее значение в сохранении архитектурного наследия страны, сохранении первозданного исторического облика городов. Только качественное, научно обоснованное проведение данных работ позволит сохранить в аутентичном виде памятники архитектуры.

В Витебске сохранилась значительная часть аутентичных памятников архитектуры как в составе исторического центра, так и за его пределами. На протяжении всего периода существования большинство из них реконструировались не один раз, поэтому в разной мере имеют измененный исторический облик. Реконструкции зданий, особенно со второй половины XX в., зачастую вели к утрате художественных качеств памятников архитектуры.

К сожалению, подавляющее большинство примеров, проведенных реставраций, реконструкций, ремонтов памятников архитектуры за последние 20–30 лет в городе весьма затруднительно можно отнести к профессиональным.

По данным мониторинга реконструируемых объектов в г. Витебске за последние время сложились следующие тенденции в реставрационной деятельности:

1. Устройство крыш по современной технологии отличной от традиционной (пр-д Гоголя, 3, ул. Димитрова, 10, 12, ул. Калинина, 14, ул. Ленина, 62, 67, 72, ул. Покровская, 10, 12).

Изменяется конфигурация крыш, организация водостока, диаметр водосточных труб, применяются современные отличные от исторических материалы

кровель (металлочерепица). Устройство подвесных желобов не характерно для исторических железных кровель, их использование «уродует» карнизы, скрывает часть декора и нарушают общие пропорции. [3] На многочисленных исторических дореволюционных фотографиях г. Витебска можно увидеть, что на металлических кровлях зданий применяются так называемые настенные желоба либо организованный водосток отсутствует вовсе.

2. Непрофессиональная реставрация «кирпичной архитектуры» (ул. Большевистская, 7А, ул. Буденного, 7, 5, ул. Зеньковой, 4, ул. Калинина, 6, 14, ул. Космонавтов, 4, ул. Ленина, 68, ул. Мичурина, 18, ул. Октябрьская, 9, 15, ул. Революционная, 1, 3, 5, 6, 18, ул. Советской Армии, 14, 18, 20, ул. Суворова, 28).

Несмотря на наметившуюся положительную тенденцию по раскрытию кладки зданий «кирпичной архитектуры», многие здания до сих пор оштукатуриваются, утепляются, окрашиваются, обшиваются сайдингом. При раскрытии же кирпичной кладки сложилась негативная практика в массовом «раскрашивании» плоскостей фасадов (каждый кирпич кладки окрашивается), срезки наружной поверхности кладки, утрате аутентичной расшивки швов, замена новой аутентичной расшивки швов на накладную (характерной далеко не для всех зданий «кирпичной архитектуры»), замена накладной расшивки швов на неаутентичную с изменением формы, цвета, размера, декоративной расшивки железобетонных конструкций под кирпичную кладку. Отсутствие донорского, современного реставрационного кирпича и применение современного, отличающегося как по физическим так и эстетическим качествам, также отрицательно сказывается на внешнем облике зданий.

3. Утрата и замена штукатурного декора (ул. Ленина, 53/13, 62, 67, ул. Советской Армии, 8, ул. Среднебережная, 7, ул. Суворова, 11).

Тотальная замена аутентичного архитектурного штукатурного декора как уникального, так и типичного для города на новый с изменением материалов, упрощением либо утратой подлинных архитектурных обломов. Систематическое исчезновение подлинных штукатурных декоративных элементов приводит к общему обесцениванию памятников архитектуры.

4. Хаотичная, научно необоснованная окраска фасадов (ул. Купалы, 5, 7, ул. Толстого, 7).

Окраска в большинстве случаев (зачастую без согласования с Министерством культуры) происходит не на основании послойного изучения красочных слоев фасада и химанализа, а на основании спонтанных желаний эксплуатирующих организаций.

5. Утрата аутентичных окон, дверей (пр-д Гоголя, 3, ул. Ленина, 82, ул. Чайковского, 14).

Во время реконструкций утрачиваются аутентичные деревянные двери, окна с заменой на новые (пластиковые) с изменением исторического рисунка переплетов, как следствие происходит утрата декоративных, как уникальных, так и типичных элементов, утрата подлинников, которые могут служить объектами для изучения. За последние десятилетия нет ни одного примера реставрации подлинных окон, дверей.

6. Утрата аутентичной металлопластики (пр-д Гоголя, 3, ул. Димитрова, 6, ул. 1-я Доватора, 7 к.11, ул. Ленина, 10, 22, 74, ул. Октябрьская, 14, 15, ул. Суворова, 5, ул. Толстого, 15)

Безвозвратная утрата (лишь иногда замена) аутентичных элементов металлопластики (ограждений балконов, прямков, кровель, флагодержателей, ре-

шеток лестниц). За последние полвека отсутствуют примеры реставрации объектов металлопластики. Зачастую объекты металлопластики являются неотъемлемой частью архитектурного решения здания, являются отдельными художественно-выразительными элементами, обладают собственной историко-культурной ценностью.

7. Утрата исторических интерьеров и их элементов (*пр-д Гоголя, 3, ул.Октябрьская, 14*).

Опираясь только на новое функциональное назначение (зачастую не собственному зданию) полностью изменяется внутренняя планировка, происходит утрата сводов (сводиков), печей, штукатурного декора, плитки и др. элементов декора.

К отдельной тенденции «реставрации» можно отнести снос исторических дореволюционных зданий как в границах исторического центра, так и за его пределами. К таким зданиям относятся 2-этажное кирпичное здание по ул. Ленина, 71 (2010 г.), 3-этажное здание по ул. Калинина, 2 (2014 г.), кирпичное одноэтажное здание по ул. Грибоедова, 12 (2015 г.), кирпичное здание по ул. 5-я Свердлова, 1 (2017 г.), деревянное здание с резным декором по ул. Грибоедова, 7 (2018 г.), красно-кирпичное здание по ул. Кондратьева, 11 (2018 г.), красно-кирпичная 1-этажная застройка по ул. Титова, 2, 4 (2019 г.), кирпичные здания, часть комплекса бывших казарм по ул. Буденного, 9 к.1, 9 к.8 (2020 г., 2021 г.). Данные здания не имели аварийного состояния, могли быть приспособлены для дальнейшего использования, являлись характерными примерами исторических стилей. Причем часть зданий снесены уже после 2017 г., во время действия постановления Министерства культуры №18 от 20 марта 2017 г. «Аб зацвярджэнні праекта зон аховы гісторыка-культурнай каштоўнасці – «Гістарычны цэнтр г. Віцебска», изданного с целью сохранения архитектурного наследия. [2]

Обозначенные тенденции носят массовый характер и приводят к изменению, обесцениванию памятников архитектуры, утрате их отличительных архитектурных, художественных, конструктивных особенностей, благодаря которым им присвоен статус историко-культурных ценностей. Тем самым происходит подмена статуса и значения: памятник архитектуры с охранной табличкой зачастую не имеет ни чего общего с подлинным историческим, архитектурным источником. А так как большая часть памятников архитектуры города находится в историческом центре, то происходит значительное изменение комплексной историко-культурной ценности «Исторический центр г. Витебска», имеющей категорию «2». Изменяется планировка, силуэт застройки, характер архитектуры. И зачастую данные изменения имеют необратимый характер.

Обозначенные тенденции связаны прежде всего со следующими проблемами:

1. Дефицит специалистов с высоким уровнем знаний со свидетельством на руководство разработкой научно-проектной документацией на выполнение ремонтно-реставрационных работ.

2. Отсутствие специалистов и системы подготовки строителей-реставраторов в т.ч. узкоспециализированных специалистов (плотники, столяры, кузнецы, химики-технологи и др.).

3. Отсутствие системы лицензирования (аттестации) специалистов на реставрационно-строительные работы и как следствие низкое качество реставрационных работ.

4. Формальный подход к реставрации. Исполнители выполняют работы именно как строители, т.е. основное внимание уделяется не воссозданию интерьера, внешней отделки, нюансам и мастерству выполнения отдельных элементов

здания, а капитальному строительству с соблюдением строительных норм. Обследование здания сводится к оценке его технического состояния, приспособлению к современной эксплуатации, полностью игнорируя сохранение отличительных черт памятника архитектуры, реставрацию конструктивных элементов.

5. Принятие изначально неправомерных решений с составлением некорректных заданий на проектирование, зачастую противоречащих законам в области охраны культурного наследия, основополагающим принципам реставрации.

6. Проведение до недавнего времени текущих, капитальных ремонтов на объектах недвижимых историко-культурных ценностях без согласования.

7. Отсутствие разработанной нормативной базы по реставрации – законов, строительных норм, четких требований, методик реставрации, предъявляемых к объектам архитектуры, утвержденных на законодательном уровне, в т.ч. исходя из категории и статуса недвижимой историко-культурной ценности.

8. Несовершенство действующего Кодекса о культуре [1] и разработанного проекта зон охраны исторического центра г. Витебска [2] с размытыми формулировками.

9. Отсутствие запроса на качественные чертежи как со стороны заказчика, так и со стороны Министерства культуры, низкое качество выполнения обмерных чертежей, отсутствие требований, предъявляемых к обмерочным работам.

10. Отсутствие единой доступной базы данных на памятники архитектуры (историко-культурные ценности) с полной историко-библиографической информацией, обмерочными чертежами, подробными документами (чертежи, пояснительные записки и др.) о всех проводимых проектных, строительных работах на объекте.

11. Удаленность источниковедческой базы от исследователей. Большинство дореволюционной информации по застройке г. Витебска находится в Национальном историческом архиве Беларуси (в Минске), которая практически не востребована другими исследователями страны.

12. Нехватка средств на профессиональные реставрационные работы.

13. Практически полное отсутствие контроля за деятельностью на недвижимых историко-культурных ценностях на местах (надзор, учет, мониторинг).

14. Отсутствие у Министерства культуры инструментов влияния и контроля за деятельностью на недвижимых историко-культурных ценностях.

15. При наличии положительных примеров на знаковых объектах города (восстановление Воскресенской церкви, Успенского собора) отсутствие полноценных археологических исследований на других памятниках архитектуры (историко-культурных ценностях), которые зачастую могут дать дополнительную информацию на начальных этапах проектирования при отсутствии историко-архивных материалов.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, можно сделать вывод, что на фоне немногочисленных удачных примеров реставрации, реконструкции, ремонта происходит массовая и зачастую необратимая деградация памятников архитектуры, исчезновение архитектурных, документальных, конструктивных особенностей историко-культурных ценностей.

Сложившиеся фундаментальные, системные проблемы в реставрации на объектах недвижимых историко-культурных ценностях, ведущие к потере архитектурно-исторической ценности объектов.

Без принятия продуманных, комплексных мер по решению обозначенных проблем, складывается угрожающая ситуация, ведущая в той или иной мере к уничтожению культурного наследия.

Считается, что архитектура – это летопись мира. Чтобы сохранить летопись витебской архитектуры без искажения исторической действительности или даже утрат целых глав требуются кардинальные и неотложные изменения в реставрационной практике.

1. Аб зацвярджэнні праекта зон аховы гісторыка-культурнай каштоўнасці – «Гістарычны цэнтр г. Віцебска» [Электронны ресурс] : пастанова Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, 20 сакавіка 2017 г., № 18 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21731948p&p1=1>. – Дата доступа: 05.09.2021.
2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны ресурс] : 20 ліпеня 2016 г. № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г. : адабраны Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413>. – Дата доступа: 05.09.2021.
3. Части зданий : Строит. искусство : Курс дополн. класса Николаев. инж. уч-ща / В. Стаценко, экстраорд. проф. Николаев. инж. акад. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1905. – XII, 485 с., 2 л. черт. : ил.; 27.

Павлович Р.К.
НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ФОНДАХ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: документальная летопись Беларуси; проект; начальный период Великой Отечественной войны; документы; фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

В рамках реализации задач, поставленных Премьер-министром Республики Беларусь Романом Головченко в ходе обсуждения вопросов развития архивной сферы деятельности 5 августа 2022 г., по поручению Министра юстиции Сергея Хоменко создан информационный ресурс (интернет-сайт) «Документальная летопись Беларуси».

Владельцем ресурса является Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, администратором по информационному и техническому сопровождению – государственное учреждение «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации» (далее – БелНИЦЭД).

Основной целью проекта является просветительская работа в части представления в сети Интернет полной и объективной информационной картины истории белорусской государственности на основе первоисточников – документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, обеспечение неразрывной исторической связи и преемственности поколений белорусского народа, а также повышение гражданской сознательности.

Основными функциями является предоставление (с возможностью поиска по различным критериям) информации о значимых событиях в политической, экономической, социальной и культурной жизни нашей страны, начиная с 1919 года по настоящее время. Историческая направленность материалов сайта соответствует основным этапам процесса становления и развития белорусской государственности.

Вниманию каждого пользователя представлены не просто основные события из богатой истории Беларуси, а архивные документы, в том числе хранящиеся в Белорусском государственном архиве кинофотофоно-документов, а также документы, хранящиеся в фондах музеев Республики Беларусь. Потенциальные пользователи смогут узнать об уникальных документах из фондов государствен-

ных архивов и музеев, ознакомиться с их содержанием и, таким образом, соприкоснуться с исторической памятью.

Необходимо отметить, что в годы перестройки (1985–1991) и особенно после развала Советского Союза 8 декабря 1991 г. некоторыми историками был рождён миф о том, что отступление советских войск летом 1941 г. приняло неорганизованный, хаотический и панический характер. Поэтому от Бреста и до Минска никаких боёв с немецко-фашистскими захватчиками не было. Однако документы говорят об обратном.

Так, в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ) хранятся интересные документы, рассказывающие об упорном и ожесточённом сопротивлении Красной Армии немецко-фашистским захватчикам летом 1941 г. под Минском. Среди них – копия журнала боевых действий штаба 44-го стрелкового корпуса, который вёл помощник начальника оперативного отдела капитан Ф.Ю. Царёв. Этот документ свидетельствует о том, что в невероятно тяжёлых условиях красноармейцы и командиры 44-го стрелкового корпуса под командованием комдива (с 7 августа 1941 г. генерал-майора) П.А. Юшкевича до последней возможности сдерживали немецко-фашистские войска на западных подступах к Минску (см. [1]).

Особую стойкость и мужество в боях за Минск летом 1941 г. проявили и воины 2-го стрелкового корпуса. Один из наиболее тяжёлых ударов враг обрушил на 100-ю ордена Ленина стрелковую дивизию (входила в состав этого корпуса), которая в ночь с 22 на 23 июня заняла оборону на рубеже Острошицкий Городок – Караси, в двадцати километрах севернее Минска. Почти трое суток, не отходя ни на шаг с занятых рубежей, сдерживали яростные атаки фашистов мужественные красноармейцы и командиры дивизии. Части 3-й танковой группы под командованием генерала Г. Гота, усиленные артиллерией и авиацией, так и не смогли сломить их упорное сопротивление. Большая заслуга в этом принадлежит генерал-майору И.Н. Руссиянову, опытному командиру, который обладал решительностью, твёрдостью воли и умением не колеблясь брать на себя ответственность в тяжёлые минуты боя.

В частях и подразделениях этой дивизии накануне боевых действий была проведена большая партийно-политическая работа. Инструкторы и агитаторы отдела политической пропаганды, которым руководил полковой комиссар К.И. Филяшкин, выступили перед бойцами, призвали их с честью выполнить свой долг перед Родиной, партией, народом. В ротах и батальонах состоялись партийные и комсомольские собрания, митинги личного состава. Это подняло боевой дух бойцов, придало им мужество и силы.

В фондах БГМИВОВ хранится копия дневника боевых действий 100-й ордена Ленина (впоследствии 1-й гвардейской ордена Ленина) стрелковой дивизии. Там напечатано, что утром 26 июня 1941 г. 331-й стрелковый полк во взаимодействии с 85-м стрелковым полком начали бой за овладение Острошицким Городком: «В результате боя 1-й и 2-й батальоны 331-го стрелкового полка под командованием капитана Старкова и капитана Бабия попали в окружение в районе Галица, Бродок. Командир 331-го стрелкового полка полковник Бушуев одним танком выступил для вывода батальонов из окружения. Батальоны из окружения не удалось вывести. Часть людского состава вышла из окружения. О судьбе этих батальонов неизвестно. В бою за Острошицкий Городок и в период вывода батальонов из окружения был тяжело ранен командир 33-го стрелкового полка полковник Бушуев, храбро и мужественно сражаясь в танке за выполнения поставленной задачи полку. За время боевых действий в районе Острошицкий Городок с немецким фашиз-

мом, части дивизии разгромили и уничтожили 25-й танковый полк во главе с командиром полка полковником Ротенбургом (об этом известила и призналась германская печать см. «Красную Звезду» за 27.7) и 82-й моторизованный полк. Бойцы, командиры и политработники проявили исключительное мужество, стойкость и самоотверженность в борьбе с обезумевшим врагом.

Капитан орденоносец товарищ Коврижко и капитан товарищ Тертычный, воспитанники дивизии, смело уничтожали фашистские танки противника, применяя бутылки с горючим. Они наливали в бутылки бензин, опускали в них фитиль из тряпки и давая танкам противника приблизиться, бросали бутылки на моторную группу или на выхлопную трубу танка.

Так в бою за Острошицкий Городок частями дивизии уничтожено до 300 танков» [3].

Копия.

Ж У Р Н А Л

БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ШТАБА 44 СРЕЛКОВОГО КОРПУСА.

/Должность и фамилия лица ведущего журнал/
ПОМ.НАЧ.ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА - КАПИТАН ЦАРЕВ Ф.Ю.

24.6.41 г. 12.00.

15 июня 1941 года 44 СК получил приказ - выйти в подвижной лагерь с сосредоточением: 64 СД в районе лес 4 км. юго-вост. м.ЗАСЛАВЛЬ; 108 СД, батальон связи и саперный батальон - лагерь ЗДАНОВИЧИ; 161 СД УРУЧЬЕ и лес сев.восточнее; 49 КАП - лес 1 км. вост.УРУЧЬЕ.

Выполняют поставленную задачу, части укомплектованные по штатам мирного времени, сосредоточились в указанных районах к 23.6.41 г. /108 СД без 539 СП, который находился в пути следования/, кроме того 407 и 444 СП имели только по 2 батальона, остальные также находились в пути следования/.

Все части не были полностью обеспечены положенным вооружением и боеприпасами. В результате чего события развернувшиеся 22.6. застали части корпуса неподготовленными к вступлению в бой.

Отмобилизование частей корпуса происходило на месте постоянной дислокации. Такой разрыв между районами отмобилизования до штатов военного времени и районами действительного нахождения частей, привело к отрыву отмобилизованных частей от кадровых, которые не могли попасть к месту назначения своевременно.

В результате 24.6.41 г. корпус получил боевую задачу - оборону Минского УР, не имел:

а/ положенных тыловых учреждений, не было средств подвоза, следствием этого явилось отсутствие снарядов в процессе боя.

о/ Отсутствие инженерных и средств связи.

в/ Не было корпусных органов разведки.

24.6.41 г. 18.00.

Вызван в штаб Западного фронта ПНКО-1 капитан ЦАРЕВ для получения боевой задачи. В период получения задачи в штаб фронта прибыл командир 44 СК комдив ЮШКЕВИЧ, где был получен устный приказ от начальника штаба Зап. фронта генерал-майора КЛИМОВСКИХ на оборону Минского УР.

44 СК в составе 64, 108 СД и 161 СД, которая оставалась в корпусном резерве в месте сосредоточения, 100 СД оперативно подчинялась командиру 44 СК, но выполняла специальное задание фронта по охране г.МИНСКА. /Лист 2/.

25.6.41 г. 2.00.

На основании устного приказа фронта командир 44 СК отдал приказ № 1 на оборону Минского УР.

Ширина фронта обороны корпуса в I-м эшелоне 64, 108 СД равнялась 80-84 км. Соседа справа не было. Слева - стык между Минским и Слуцким УР прикрывал 20 МК. На правом фланге оборонялась 64 СД с 1,2/49 КАП в полосе СТАЙКИ, м.ЗАСЛАВЛЬ, КРАСНОЕ, ширина фронта до 55 км.

На левом фланге оборонялась 108 СД с 3/49 КАП, в первом

эшелоне были 407 и 444 СП, 539 СП находился в пути к месту сосредоточения со станции КОЛОДИЩИ.

49 КАП к утру 25.6. находился на ОП с дивизиями, согласно приказа № I.

25.6.41 г. 20.00.

Комендант УР и начальник штаба 64 СД доложили, что не все ДОТы заняты постоянными гарнизонами.

25.6.41 г. 22.00.

В районе ШЕЛУХИ, ДЕКАШАНЫ, ПУТНИКИ, зап. РАДОШКОВИЧИ произошел бой смешанного отряда, высланного для ликвидации парашютного десанта двух пехотных рот, возимых на транспортерах и 4 броневика. В результате боя часть противника уничтожена, часть разбежалась.

Захвачены документы крупного штаба:

- а/ приказ о наступлении на СССР 39 мотомехкорпуса;
- б/ карты;
- в/ фотографии.

К этому времени части корпуса заняли оборону, согласно приказа № I.

26.6.41 г. 5.00.

Танковая группа противника до 1000 разных машин прорвалась из м. РАДОШКОВИЧИ на КОЗЕКОВО. В 16.00 эта группа обнаружена в лесу вост. КОЗЕКОВО, но встреченная организованным огнем противотанковой артиллерии, дивизионной и корпусной артиллерией в течение всего дня не прорвала фронт обороны 64 СД, которая оставалась на своих позициях.

Командир 100 стр. дивизии генерал-майор
И.Н.Руссиянов (слева) и военком 100 стр.
дивизии ст. батальонный комиссар К.И.Фи-
ляшкин (справа).

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. –
Фонды. – НД 4702 [2].

Таким образом, несмотря на то, что в первую неделю Великой Отечественной войны части и подразделения Красной Армии не смогли сдержать натиск превосходящих сил немецко-фашистских захватчиков и отступали на восток, но они делали всё возможное и даже невозможное для того, чтобы остановить стремительное продвижение хорошо вооружённых войск вермахта, в том числе и на Минщине, о чём свидетельствуют документы тех лет, хранящиеся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

1. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Фонды. Н/Д 26400/3.
2. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Фонды. НД 4702.
3. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Фонды. КП 30064.

Палтаржыцкая Н.М.
ГІСТОРЫЯ ЗАХАВАННЯ КОМПЛЕКСУ МАГІСТРАЦКІХ КНІГ
І ЁМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ СУЧАСНАГА СТАНУ АРХІВА
ОРГАНАЎ ГАРАДСКОГА САМАКІРАВАННЯ МІНСКА

Ключавыя словы: магістрацкія кнігі, гарадское самакіраванне, Мінск, архів органаў гарадскога самакіравання Мінска.

Адной з галоўных крыніц для вывучэння гісторыі самакіравання горада з'яўляюцца кнігі, створаныя ў канцылярыі магістрата. Сфера дзейнасці магістратаў была разнабаковай: тут павінны былі рэгістравацца акты натарыяльнага характару, гаспадарча-фінансавыя адносіны жыхароў горада, адміністрацыйныя стасункі і інш. Усё гэта стварала ўмовы для адлюстравання ў магістрацкіх кнігах розных бакоў жыцця тагачаснага грамадства.

У залежнасці ад статусу і эканамічнага развіцця горада колькасць кніг, якія былі створаны ў канцылярыі магістрата, таксама была рознай. Акрамя кніг запісаў, дэкрэтавых і паточных, вядзенне якіх было абавязковым для судовых устаноў ВКЛ, важнымі для забеспячэння адміністрацыйнага кіравання горадам і рэгулявання дакументаабароту ў канцылярыі магістрата з'яўляліся кнігі пратаколаў пасяджэнняў. На жаль, не заўсёды ўключаліся ў актавыя кнігі ці наогул не звадзіліся ў асобныя кнігі дакументы фінансавага характару (чарнавыя запісы падліку гарадскіх рахункаў, рэестры выплаты падаткаў мяшчанамі і інш.), а таксама пэўныя справаздачы і запісы, якія складаліся ўраднікамі і дапаможным персаналам пры выкананні службовых абавязкаў. Частка такой дакументацыі па розных прычынах (з-за чарнавога характару гэтых запісаў, невялікага тэрміну іх захавання пасля выкарыстання, адсутнасці сродкаў з гарадскога бюджэту на вядзенне дадатковых кніг і інш.) не падшывалася ў кнігі і доўгі час захоўвалася ў фасцыкулах ці наогул знішчалася.

Вялікая ўвага на дзяржаўным узроўні адводзілася ўмовам захавання судовых кніг (актавыя кнігі запісаў, дэкрэтавыя і паточныя). На працягу стагоддзяў да іх запісаў звярталіся па разнабаковых (часцей маёмасных) пытаннях. Таму на сённяшні дзень гэтыя актавыя кнігі разам з кнігамі пратаколаў пасяджэнняў магістрата складаюць асноўную частку фонда «Мінскі магістрат», які знаходзіцца на захаванні ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей НГАБ) [1–3]. Самымі раннімі з захаваўшыхся з гэтага комплексу магістрацкіх кніг Менска (суч. – Мінск) з'яўляюцца кнігі за другую палову XVII ст.: кніга пратаколаў пасяджэнняў магістрата за 1674–1680 гг. і кніга запісаў (спраў вячыстых) за 1663–1680 гг. У адзначаны перыяд у канцылярыі Менскага магістрата вяліся і іншыя актавыя кнігі. Так, у запісе ад 18 кастрычніка 1663 г. з кнігі спраў вячыстых за 1663–1680 гг. указана аб актыкацыі ўгодлівага ліста мяшчаніна Танхека Міхалевіча пану Лазару Кузмінскаму ў кнігу спраў паточных [1, арк. 36адв.]. Аб існаванні дзвух актавых кніг з судовымі дэкрэтамі за 1663–1726 гг. і дзвух кніг спраў вячыстых за 1681–1700 гг. паведамляецца ў дакуменце ад 24 верасня 1781 г. з кнігі земскага суда [4, арк. 429]. Там адзначана, што яны згарэлі ў пажары ў ноч з 6 на 7 чэрвеня 1762 г., а разам з імі – шэраг дакументаў па ўвядзенні ва ўладанне дамамі, пляцамі, крамамі, землямі ў горадзе; два стосы розных дакументаў (як арыгіналаў, так і копій), якія былі выдадзены гораду і розным мяшчанам: адзін стос за 1548–1656 гг. на старабеларускай мове, другі стос перыяду да 1700 г. на сярэднепольскай. Акрамя гэтага, аб страчаных у вайну

1654–1667 гг. актавых кнігах Менскага магістрата за першую палову XVII ст. неаднаразова паведамляецца ў розных дакументах кнігі спраў вячыстых за 1663–1680 гг. [5, с. 140].

Да канца XVIII ст. пераплеценыя менскія магістрацкія кнігі і асобныя дакументы ў фасцыкулах маглі захоўвацца як у будынку ратушы ў скрынцы мейскай, так і ў доме аднаго з гадавых бурмістраў ці пісара. Напрыклад, у кнізе спраў вячыстых за 1663–1680 гг. пасля тэксту прадажнага ліста пазначана, што выпіс выданы са скрынкі мейскай, дзе захоўваліся на той час прывілеі гораду [3, арк. 1078адв.]. У другім выпадку на адвароце аднаго з аркушаў гэтай жа актавай кнігі запісана, што квітацыі аб выплаце падымнага і пагалоўнага падатку знаходзяцца ў асобным фасцыкуле, а ўсе астатнія квітацыі – у менскага мяшчаніна пана Залатарэвіча [1, арк. 391адв.]. У дакументах за 1677–1680 гг. ён узгадваецца як «славетны пан», што ўказвае на яго прыналежнасць да ўраднікаў магістрата [3, арк. 839, 842]. У згаданым вышэй дакуменце аб частковым знішчэнні ў пажары 1762 г. архіва Менскага магістрата месцам, дзе ўзнік агонь, названа камяніца бурмістра Яна Давіда Шэйбы. Менавіта там захоўваліся на той час актавыя кнігі гарадскога самакіравання [4, арк. 96]. Такі факт захавання актавых кніг у службовых асоб часта пацвярджаў цесную сувязь кніг з гэтай асобай, установай, іх дзейнасцю.

У канцы XVIII – першай чвэрці XIX ст. кнігі гарадскога самакіравання знаходзіліся ў ратушы. У 1831 г. магістрату было загадана прыняць на захаванне лісты і справы ад 5-га і 6-га егерскіх палкоў, а таксама 6-й і 7-й брыгад у час праходу праз горад расійскіх войск. Па прычыне перапоўненасці архіўнага пакою, ваенныя паперы, а таксама кнігі і дакументы Менскага магістрата, сіроцкага суда былі змешчаны ў асобную келлю ў бернардзінскім манастыры [6, арк. 404адв.]. У час пажару ў манастыры 30 мая 1835 г. кнігі былі выкінуты з келлі праз выбітае акно і часткова знішчаны [6, арк. 405, 539адв.]. Для прывядзення ў парадак архіва была створана ў 1839 г. камісія, якая пранумаравала, прашнуравала і прапачатала кнігі [6, 97адв.]. Нягледзячы на ўсё гэтыя намаганні, архіў да другой паловы XIX ст. знаходзіўся ў заняйдбанні. Ёсць сведчанні, што некаторымі яго служачымі ў 30-40-х гг. праводзілася падрубка дакументаў. Па гэтай прычыне актавыя кнігі былі пашкоджаны, а некаторыя незваротна страчаны. У 1852 г. была створана камісія для правядзення следчых дзеянняў аб злоўжыванні службовымі паўнамоцтвамі былых ураднікаў магістрата [6, арк. 24]. Магістрацкія кнігі былі знойдзены раскіданымі па падлозе ў вільготным вуглу на гнілой рагожы разам з кучай спархнелых папер, якія большай часткай адносіліся да перыяду другой паловы XVII ст. [6, арк. 540]. Уцалелыя дакументы і кнігі былі складзены членамі следчай камісіі ў мех і два куфры, а 9 лістапада 1851 г. разам з кнігамі сіроцкага суда перавезены з дома купца 3 гільдыі яўрэя Абрама Гольдэна ў дом двараніна Роберта Ланеўскага [6, арк. 86адв.]. Іх размясцілі ў двух невялікіх пакоях, якія замкнулі і апячаталі [7, арк. 251адв.]. Следчай камісіяй былі прагледжана 161 кніга і складзены асобны вопіс. У ім была змешчана інфармацыя аб разнавіднасцях магістрацкіх кніг, колькасці аркушаў, дакументаў і наяўнасці сумнеўных запісаў [6, арк. 178адв., 181].

Пасля адкрыцця ў 1852 г. Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг Віленскай, Мінскай, Гродзенскай губерняў, кнігі магістрата былі перавезены туды на захаванне. Па каталогу, складзеным у 1872 г. архіварыусам і сябрам археаграфічнай камісіі М.І. Гарбачэўскім, яны значацца пад №12272-

12343 [8, с. 428–430]. Пры апісанні кніг Менскага магістрата М.І. Гарбачэўскі ўказаў тыя, якія храналагічна адносіліся да перыяду Рэчы Паспалітай. У каталозе ім улічаны толькі 71 кніга з 161 магістрацкіх кніг, якія былі выяўлены следчай камісіяй у 1851 г.

Складаным і да канца нявысветленым застаецца пытанне аб захаванні менскіх магістрацкіх кніг у перыяд 1915–1940 гг. Вядома, што ў 1915 г., калі нямецкія войскі наблізіліся да Вільні (суч. – Вільнюс), частка фондаў Цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг была эвакуіравана ў Яраслаўль. Па дадзеных М.Ф. Шумейкі, было вывезена 7227 з 25577 кніг [9, с. 14]. Пасля вайны частка кніг была вернута, але некаторыя дакументы і кнігі пры эвакуацыі былі страчаны. Аднак устанавіць, ці перавозіліся менскія магістрацкія кнігі ў час эвакуацыі, пакуль не прадстаўляецца магчымым.

У 1948–1950 гг. з Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва (далей – ЦДГА) МУС Літоўскай ССР у г. Вільнюсе было перададзена 66 адзінак захавання ў філіял ЦДГА БССР у г. Гродна па распараджэнні Галоўнага архіўнага ўпраўлення МУС СССР. Яны складалі фонд «и-189» «Мінская магдэбургія» (13 адзінак захавання за 1662–1813 гг.) і фонд «и-200» «Мінскі гарадавы магістрат» (53 адзінкі захавання за 1784–1794 гг.) [10, с. 2]. Такая нумарацыя фондаў у архіве Літоўскай ССР, дзе да іх парадкавага нумару дадавалася руская літара «и», з’яўлялася спецыяльным пазначэннем. Гэта ўказвала на тое, што фонд быў падрыхтаваны для перадачы ў архіў адной з краін СССР, да тэрыторыі якой адносіліся згрупаваныя ў ім дакументы.

Пасля паступлення ў 1951 г. архіўных спраў з г. Вільнюса ў філіял ЦДГА ў г. Гродна, новаму фонду быў прысвоены №1362 і назва «Мінскі гарадавы магістрат» [10, с. 2]. Акрамя гэтага, была зроблена навукова-тэхнічная апрацоўка дакументаў: праведзена сістэматызацыя спраў, шыфроўка, інвентарызацыя і звязка пакаў [10, с. 5].

У 1964 г. па распараджэнні Архіўнага кіравання МУС БССР філіял ЦДГА ў г. Гродна перадаў у ЦДГА БССР у г. Мінску 66 адзінак захавання ф. 1362. Новаствораны фонд №1816 атрымаў назву «Мінскі магістрат». У справе фонда было адзначана, што актавыя кнігі знаходзяцца ў здавальняючым стане (толькі адна з іх павінна была прайсці рэстаўрацыю і пераплёт), але патрабуюць дэзінфекцыі і дэзінсекцыі. У 70-х гг. XX ст. было праведзена ўдасканаленне і папаўненне фондаў ЦДГА г. Мінска, а таксама рэстаўрацыя і пераплёт ветхіх спраў. У выніку былі прагледжаны дакументы шматлікіх фондаў, перапрацаваны і дапоўнены старыя вопісы да архіўных спраў. Так, у 1973 г. была праведзена навукова-тэхнічная апрацоўка спраў фонда «Мінскі магістрат»: складанне загалоўкаў, удакладненне фондавай прыналежнасці, крайніх дат, сістэматызацыя спраў. У складзе фонда таксама адбыліся некаторыя змены. У студзені 1970 г. у сховішчы неапісаных і няўлічаных спраў былі выяўлены матэрыялы за 1694 г. і 1784 г., з якіх створана справа №52 ф. 1816. У кастрычніку 1972 г. з ф. 1822 «Пінскі магістрат» была перададзена адзінка захавання за 1783–1786 гг. (зараз справа №43 ф. 1816). У сакавіку 1973 г. у ф. 1795 «Мінская магдэбургія» выяўлены справы за 1788 г., 1782–1785 гг. (зараз справы ф. 1816 №51 і №53). У 1973 г. з ф. 1827 «Мінская гарадская ратуша» перададзена актавая кніга запісаў за 1663–1676 гг. (зараз справа №1 ф. 1816). У 1977 г. у фонд перайшла яшчэ адна адзінка захавання за 1677–1680 гг. з ф. 1706 «Бельскі гродскі суд», якая завяршыла працэс фарміравання фонда (зараз справа №54 ф. 1816). У сваю чаргу ў 1972 г. частка спраў за другую

палову XVIII ст. з фонда «Мінскі магістрат» паступіла ў ф. 1916 «Мінскі кампрамісарскі суд» (зараз справы №2, 8–10 гэтага фонда) [10, с. 10–10адв.].

На сённяшні дзень у фондзе «Мінскі магістрат» НГАБ налічваецца 55 адзінак захавання за перыяд 1663–1839 гг. Вывучэнне гісторыі захавання і аналіз звестак аб перамяшчэнні архіва магістрата дазваляе вызначыць кнігу пратаколаў за 1674–1680 гг. і кнігу спраў вячыхаў за 1663–1680 гг. як каштоўныя крыніцы па гісторыі гарадскога самакіравання Менска. Яны з’яўляюцца самымі раннімі з захаваных з усяго комплексу магістрацкіх кніг і адзінымі за другую палову XVII ст. На падставе дадзеных аб перамяшчэнні асобных кніг фонда ў 60–70-я гг. XX ст. былі выяўлены 15 аркушаў з кнігі Менскага магістрата за 1677 г., якія былі няправільна падшыты ў кнігу Бельскага гродскага суда ў час знаходжання гэтых кніг на рэстаўрацыі [5, с. 137].

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 1.
2. НГАБ. – Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 33.
3. НГАБ. – Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 54.
4. НГАБ. – Ф. 1769. Воп. 1. Спр. 12.
5. Палтаржыцкая, Н. М. Да пытання аб лёсе актавых кніг менскага магістрата XVII ст. / Н. М. Палтаржыцкая // *Архіварыус* : зб. навук. паведамл. і арт. / Дэпартамент па арх. і справаводства М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь ; Нац. гіст. арх. Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 9. – С. 136–141.
6. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 339.
7. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 350.
8. Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильне / сост. Н. И. Горбачевским. – Вильна : Тип. А. И. Зака, 1872. – [2], XXVI, [10], 861 с.
9. Шумейко, М. Ф. Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем / М. Ф. Шумейко. – Минск : БелНИИДАД, 1997. – 152 с.
10. НГАБ. – Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 56.

Папроцкая А.Ю.

ФЕСТИВАЛЬ АКВАРЕЛИ В ВИТЕБСКЕ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: акварель, культурное наследие, феномен, художественный музей, фестиваль, пленэр.

Одной из наиболее привлекательных современных форм участия в культурной жизни является фестиваль. Музейное сообщество отреагировало на культурный запрос, предложив разнообразие фестивалей, ориентированных на различные целевые аудитории, являясь организатором и площадкой фестивалей разных видов искусств [1]. Феномен музейного фестиваля рассмотрен в исследовании на примере Открытого фестиваля «Праздник акварели в Витебске» – 2023, что и являлось целью исследования.

Творческий колорит города над Двиной разбавил яркими красками арт-форум акварельного искусства, который объединил на витебской земле более 40 художников из разных уголков Беларуси, России и Китая. Мероприятие подобного формата за последние годы прошло в Беларуси впервые. Организатором фестиваля выступил Витебский областной краеведческий музей. Его локации стали основными арт-площадками фестиваля.

Почему именно Витебск? Город, который является меккой художников, имеет богатые акварельные традиции. «Витебская акварель» – союз индивидуальностей, преданных акварели, связанных подобием взглядов на искусство, но

не на его «технологию». Проект «Праздник акварели в Витебске» подчеркивает уникальность развития акварельного искусства на Витебщине, где процесс становления акварельной школы произошел гораздо раньше, чем в других регионах Беларуси. Вспомним серию пейзажей Витебска, которые выполнили художники Юзеф Пешка и Наполеон Орда. К акварели обращаются ученики школы Юрия Пэна – Марк Шагал и Давид Якерсон [3]. Новым витком развития акварельной школы стали 1950-е годы, когда молодой преподаватель Иван Столяров смог привить любовь к акварели многим своим студентам. Одним из его учеников был талантливый Феликс Гумен, пройдя через препятствия сложившейся традиции, пишет дипломный проект акварелью и с блеском защищает его.

С середины 1960-х годов участвующие в выставках витебские талантливые акварелисты Геннадий Шутов, Виктор Лукьянов, Викентий Ральцевич переломили отношение к акварели, считавшейся несерьезной техникой. Они привлекли к акварели огромное внимание публики, повысили её статус в глазах знатоков и ценителей. Так возникло удивительное явление, которое пытались даже назвать «витебской школой акварели», что верно лишь отчасти. О школе в её классическом смысле вряд ли можно говорить. В плеяде акварелистов нет места подражательному однообразию. Все художники уникальны, ищут новое, в том числе в тонкостях технологических приемов, в работе с бумагой.

И сегодня снова, как и десятилетия назад, Витебск стал местом притяжения художников, разных по художественным взглядам, но имеющих одно общее художническое кредо – акварель. Открытый фестиваль «Праздник акварели в Витебске» – 2023, проходивший в городе с 22 по 24 сентября, подарил зрителям и художникам возможность познакомиться не только с работами мэтров «витебской акварели», но и посетить множество мероприятий и арт-точек. Торжественное открытие форума началось с выступления октета «Витебские виртуозы» Витебской областной филармонии, презентации выставки «Витебская акварель» и вручения благодарностей и подарков мэтрам акварели. Специальные сертификаты были вручены почетным дарителям Феликсу Гумену и Игорю Шкуратову за их бесценный вклад в пополнение музейного фонда. Например, знаменитый Феликс Гумен подарил Витебскому областному краеведческому музею более 2000 своих акварелей. Автор презентовал выставку «Маэстро акварели», экспозиция которой отражает красоту окружающего мира и показывает ценность искусства в современном культурном пространстве [5].

Яркой ноткой презентации прозвучало дефиле коллекции «Цветочная фантазия» Народного театра моды «Стиль» Витебского государственного индустриально-технологического колледжа. Акварельная тема проходит тонкой нитью через авторскую коллекцию, органично подчеркивая творческую атмосферу вечера. Для посетителей были представлены выставочные проекты «Романтика души» акварельных работ Игоря Шкуратова, выставка «Все грани акварели» и «Осенний вернисаж» из фонда музея.

Самым насыщенным событиями был второй фестиваль день. Здесь гостей ждало множество сюрпризов: мастер-классы в Художественном музее и Усадьбе И.Е. Репина «Здравнево», театральное представление и, конечно же, центральное мероприятие фестиваля – пленэр. Но обо всем по порядку. Куда пойти в выходной день, если вы не художник, но очень хотите им стать? Безусловно, на «Очень осенний мастер-класс» Марины Яковлевой в Художественном музее. Акварель не прощает ошибок, а мастерство владения кистью приходит с годами. Вот и начинающие художники смогли создать свои цветы в акварели, ведь аура

музея вдохновляла – занятие проходило прямо в пространстве выставки «Витебская акварель». Художественную атмосферу праздника дополнил иммерсивный спектакль авторского театра «Роздум» Маргариты Ивановой «Легенда старого города» о знаковой личности в истории витебской художественной школы Юрие Моисеевиче Пэне, легендарном живописце, учителе Марка Шагала. Уникальность этого мероприятия заключается в том, что спектакль «вовлекающий» – в нем используются эффекты присутствия, погружения в эпоху.

Одним из наиболее значимых событий фестиваля стал пленэр, который посетило более 20 художников из разных городов Беларуси, России и Китая. Регистрация участников прошла в Художественном музее и мастеров акварели увезли в живописное место Витебщины – Усадьбу И.Е. Репина «Здравнево». Что значит пленэр для художника? Это возможность мастеру отчасти выступить в роли корреспондента, стремясь передать своё актуальное видение предмета изображения «здесь и сейчас». В этом главное отличие от способа написания картины «по памяти» или с опорой на воображение, если бы мы работали над пейзажем в своей мастерской. Вспомним мастеров русской живописи, таких как Исаак Левитан, Константин Коровин, Валентин Серов, пленэр для которых стал важной частью творчества. В этюде, написанном с натуры, ощущаются эмоции автора, овладевавшие им в момент создания картины.

Погода благоволила, и мастера акварели приступили к созданию этюдов. Пленэр объединила единая тема – «Поэзия осенней усадьбы», которая не ограничивала воображение художника, а только лишь указывала путь, направление мысли. Красота усадьбы, которую еще в XIX веке приобрел сам Илья Репин, способствовала созданию творческой атмосферы. Писать картины или просто для общения с единомышленниками-художниками приехали в усадьбу и именитые акварелисты – Валентина Ляхович, Михаил Левкович, Игорь Шкуратов, Галина Васильева, Виктор Данилов, Светлана Врублевская, Наталья Каржицкая и другие. Да и участникам пленэра выпала уникальная возможность лицезреть, как работает мэтр акварели Феликс Гумен – художник проводил в этот день в усадьбе мастер-класс для студентов Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Пленэр закончился поздним вечером, но фестивальная программа еще продолжалась: свое выступление художникам подарил музыкальный дуэт «Ветер июля» - Алеся Медведева и Михаил Фурс.

Третий день фестиваля стал не только волнительным для участников пленэра, ведь впереди вручение сертификатов, но и образовательным. Для художников была организована экскурсия по древнему Витебску, во время которой они прогулялись по старым извилистым улочкам города и смогли его увидеть со смотровой площадки башни Ратуши, а вид там действительно потрясающий. Пока участники отдыхали, музейщики работали над созданием выставки по итогам пленэра. И какое же было удивление акварелистов, когда после утренней прогулки, они возвратились в музей и увидели свои работы уже в новом качестве – они стали экспонатами. А это значит, были оформлены в рамы и представлены на выставке. Яркие эмоции, теплые слова и даже слезы радости – все это сопровождало торжественное закрытие фестиваля. Всем были вручены сертификаты об участии и памятные подарки. А Витебская областная филармония даже вручила свой собственный специальный приз – диплом «За нежную иллюстрацию звучания осени» художнице Диане Малиновской (Новополоцк, Беларусь). «Очень много приятных впечатлений, которые просто переполняют меня, - говорит Диана. Потрясающе красивое место, дружеская и очень душевная атмосфера среди участников.

Дни пролетели на одном дыхании и, безусловно, стали, одними из самых ярких моментов в моей творческой жизни. Надеюсь, это мероприятие станет ежегодным. Часто смотришь картины только на выставке, но когда своими глазами видишь процесс создания произведения, у меня во многом меняется восприятие работы, оно становится глубже, теплее. Живое общение с единомышленниками очень вдохновляет. За спиной крылья! Хочется лететь дальше!»

Художница Екатерина Пономарева (Смоленск, Россия) отмечает: «Очень понравилась атмосфера. Это был больше, чем пленэр, это был настоящий праздник. Невероятно интересно было посмотреть на итоговую выставку – насколько по-разному и технически, и сюжетно, и колористически можно рассказать историю о красоте осенней усадьбы. И сделана выставка за сутки – от того момента, как мы взяли в руки кисть и заканчивая тем, как увидели свои картины в рамках с паспорту и аннотациями. Огромное спасибо организаторам!»

Под звуки композиции «Акварель» Татьяны Мовли, солистки-инструменталистки Витебской областной филармонии, завершилось торжественное закрытие фестиваля акварели. Участники еще долго гуляли по музейным экспозициям, заряжаясь искусством, и поздно вечером бежали на поезд, чтобы вернуться домой – одухотворенные, наполненные и счастливые.

Аспирант Белорусской государственной академии искусств, художник Чжан Цзин (Аньян, Китай) говорит, что «праздник акварели оставил незабываемые впечатления благодаря его исторической значимости. Усадьба «Здравнево» – это место, где жил и работал Илья Репин, переполнено творческой энергией и вдохновением. Этот опыт обогатил мою культурную палитру и помог мне лучше понять искусство в мировом контексте. Я хотел бы отметить гостеприимство организаторов, их внимание к деталям и заботу о каждом участнике фестиваля, они создали атмосферу тепла и гармонии, которая способствовала продуктивной работе и творческому вдохновению». Искусство не знает границ, оно говорит на всех языках. И сегодня на празднике акварели мы попытались раскрыть одну из его граней, ту, которая дарит нам красоту, легкость и невероятную поэтику художественного образа.

Проведение фестиваля акварели в Витебске способствовало актуализации культурного наследия среди различных сегментов аудитории, развитию сотрудничества Витебского областного краеведческого музея с творческими индустриями, интеграции музея в систему культурно-познавательного туризма, расширению музейной аудитории и выявлению новых имен среди художников. Посредством фестиваля музей стал площадкой для взаимодействия художника и зрителя, выполняя, в том числе, и функцию воспитания и организации свободного времени [4]. Фестиваль содействовал формированию единого культурного пространства, поддержке талантливых художников-акварелистов и их профессиональной консолидации, сохранению лучших традиций акварельного искусства [2].

Таким образом, в современном культурном пространстве музейный фестиваль занял свою существенную нишу в жизни общества, служит сохранению культурного наследия. Данная форма в полной мере соответствует приоритетным задачам развития музейного дела в Республике Беларусь на ближайшие годы.

1. Калугина, Т.П. Художественный музей как феномен культуры / Т. П. Калугина. – СПб.: Петрополис, 2001. – 224 с.
2. Косова, И.М. Культурное наследие и современный музей / И.М. Косова // Музей и нематериальное культурное наследие. – 2003. – № 6.
3. Лазука, Б.А. Гісторыя беларускага мастацтва : у 2 т. / Б. А. Лазука. – Мінск: Беларусь, 2007. – 351 с.
4. Сапанжа, О. С. Основы музейной коммуникации / О. С. Сапанжа. – СПб., 2007. – 116 с.
5. Художественный музей города Витебска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/pen1854>. – Дата доступа: 22.09. 2023.

Пашкович Е.И.
УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ: УСАДЬБЫ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА
В 1920-е – 1930-е гг.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Дрогичинский повет, Пинский повет, Полесское воеводство, имение, усадьба, парцеляция, осадники, Орды, Скирмунты, Палеологи, Пусловские, Контковские, Еленские.

По условиям Рижского мирного договора 1921 г. большая часть земель современного Ивановского района входила в состав Дрогичинского повета, а восточная часть относилась к Пинскому повету Полесского воеводства Польской республики. Социальной опорой государственной власти на т.н. «Крэсах» были поляки-землевладельцы, при этом самые крупные имения концентрировались в Полесском воеводстве, где, согласно переписи населения 1921 г., в частной собственности находилось 856 земельных владений площадью 1658019 га [17, с. 251]. Имения являлись центрами по сохранению польских культурных традиций, шляхетского духа и аристократизма. В Ивановском регионе по данным на 1932 г. имения принадлежали 41 владельцу [19, s. 239–242, 247].

Большинство имений серьезно пострадали во время Первой мировой войны из-за близости линии фронта. Многие усадьбы были разрушены и разграблены. На их восстановление требовались значительные финансовые затраты, на которые владельцы имений не всегда были готовы, а многие из них вынуждены были выплачивать кредиты (зачастую Виленскому земскому банку), предоставленные еще перед войной. Быть владельцем имения где-то на окраине Польши в межвоенный период в польской аристократической среде было уже не так престижно. Зачастую они предпочитали жить в городах центральной и западной Польши, передав все хозяйственно-административные вопросы в распоряжение управляющих, и лишь иногда бывать на Полесье. Эти факторы способствовали тому, что многие помещики, особенно с середины 1920-х гг., распродавали земельные владения частным покупателям или государству, оставляя себе лишь усадьбы. На основании Закона об аграрной реформе от 28 декабря 1925 г., в большинстве имений была проведена парцеляция с последующей распродажей земли мелкими участками местным крестьянам. Парцеляция земельных владений требовала долгих подготовительных процедур: изучались имеющиеся планы земельных владений, при необходимости проводились измерительные работы, проверялись все нотариальные акты, удостоверяющие собственников имения. Затем с разрешения Полесского окружного земского управления разрабатывался план деления земельных владений на участки (парцели). Прежде чем осуществить продажу участка тщательно проверялись квалификация, финансовая состоятельность, моральная и политическая благонадежность покупателя. В приобретении парцели Полесское окружное земельное управление могло отказать, и продажа земельных владений растягивалась на несколько лет.

Примером тому может послужить судьба имений Баландичи, Вороцевичи, Замошье, Лясковичи, Одрижин, Островок, земли которых были подвергнуты парцеляции [2; 3; 4; 6; 8; 13]. Так, часть земель имения **Ополь** гмины Бездеж, с середины XIX в. являвшееся собственностью Еленских, в соответствии с планом парцеляции 1931 г., была разделена на 548 участков в среднем по 4–5 га и распродавалась в последующие годы, в т.ч. среди местных крестьян [12]. Имение **Климентиново** гмины Осовцы Дрогичинского повета в начале XX в. являлось соб-

ственностью Александра Генриха Онихимского, который в 1912 г. продал земли в нераздельную собственность 65 владельцам. Затем, по причине неуплаты долгов, имение перешло в собственность Виленского земского банка, а в начале 1930-х гг. было подвергнуто парцелляции на несколько сотен участков [5].

Во владениях, перешедших в собственность государства, организовывались поселения военных и гражданских осадников. Средняя площадь осады составляла 18 га. Осадничество должно было выполнять несколько функций: укреплять в восточных регионах Польши слой крестьян-середняков польской национальности, содействовать польскому культурному влиянию на местное население, сдерживать антиправительственные выступления, быть опорой местной администрации. Так, имение Ляховичи, которым во второй половине XIX в. владели Орды, предположительно в 1924 г. перешло в собственность государства с последующей передачей части земель (74,1860 га) в пользование военным осадникам [7].

На окраине деревни **Вороцевичи** Дрогичинского повета, в урочище Красный Двор размещался усадебный дом Ордов (герб «Остоя»), где родился и жил Наполеон Орда (1807–1883) – известный художник, композитор, музыкант, литератор. Это была двухэтажная деревянная постройка в стиле классицизма, окруженная парком. По мнению А.Т. Федорука, Вороцевичи перешли во владение рода Ордов в XVII в. [16, с. 217]. За активное участие в восстании 1830–1831 гг. Наполеон Орда был лишен права наследования имения. После возвращения из эмиграции в 1856 г. Наполеон Орда преступил к перестройке усадьбы на западноевропейский манер. После восстания 1863 г. имение было конфисковано и спустя время куплено генерал-майором Алексеем Бушеном, после которого ненадолго стало собственностью Новицких, а затем Крашевских. В 1885 г. имение Вороцевичи у Евстафия Крашевского приобрел отставной майор, почетный мировой судья Иван Палеолог, будучи владельцем имения Островок (недалеко от Иванова). После смерти Ивана Палеолога имение перешло во владение его сына, генерал-майора Николая Палеолога. После него имение унаследовали сыновья – Борис и Сергей Палеологи. В 1921 г. Сергей Николаевич Палеолог (1877 г.р., общественный деятель русской эмиграции) выдал доверенность на владение имением брату Борису Николаевичу (1875 г.р.), в прошлом камергеру царского двора, томскому губернатору. В годы Первой мировой войны усадьба сгорела [15, с. 218; 16, с. 218; 3].

На сегодняшний день в Вороцевичах действует Районный музейный комплекс имени Наполеона Орды, одним из учреждений которого является Усадебный дом Наполеона Орды, торжественно открытый 26 ноября 2021 г. Рисунки художника и данные раскопок, позволившие выявить оригинальные фундаменты, легли в основу проекта, направленного на восстановление этого важного историко-культурного объекта [14].

Ордам принадлежало также имение **Достоево**, которое до середины XVIII в. являлось родовым поместьем рода Достоевских (герб «Радван»), к которому принадлежал знаменитый писатель Ф. М. Достоевский (1821–1881). После 1754 г. имение перешло Стравинским, потом Чаплицам, Гедройцам [15, с.13; 16, с. 136]. В середине XIX в. поместье приобрел Виктор Орда, маршалок (предводитель дворянства) Пинского уезда. Его потомкам Достоево принадлежало до 1939 г. Последним владельцем усадьбы был Тадеуш Орда. Усадьба сгорела в 1943 г. В результате археологических исследований в 2012–2013 гг. под руководством А.А.Башкова был найден фундамент господского дома. На этом месте был установлен памятный знак.

Еще одним центром польской культуры на Полесье в 1920-е – 1930-е гг. было поместье в **Молодово**. Поселение впервые упомянуто в источниках в 1497 г. Его первым владельцем был Матвей Война (герб «Трубы»), который, купив окрестные земли, стал селить сюда семьи из окрестных сел. Дочь Матвея Войны Элеонора вышла замуж за Казимира Доминика Огинского, и в скором времени имение перешло к роду Огинских. В 1792 г. Михаил Клеофас Огинский (1765–1833) продал Молодово и соседнее Поречье Шимону Скирмунту (1747–1835), маршалку пинскому и берестейскому, депутату Главного Литовского Трибунала, послу на Сейм 1792 г. С тех пор и по 1939 г. Молодово стало семейной резиденцией рода Скирмунтов (герб «Дуб»). Здесь родился Александр Изидор Скирмунт (1798–1870), маршалок пинский, реформатор промышленности на Полесье [15]. После смерти его сына Генриха Скирмунта (1836–1916), поручика царской гвардии, права на совместное владение имением, которое оценивалось в 62 миллиона 520 тысяч польских марок (в 1922 г.), перешли его четырем детям в браке с Марией Твардовской. В 1922 г. имение было разделено между наследниками на 4 части. В собственность сына, Константина Стефана Феликса Скирмунта (1866–1949), профессора, политика, члена Российского Государственной Думы, посла Польши в Лондоне, министра иностранных дел Польши в 1921–1922 г., передавались фольварк Росош с урочищем Багновец, подаренными отцом еще при жизни (всего 1 466 десятин), и часть имения Молодово – 1738 десятин. Сын Генрих Стефан Марианн Скирмунт (1868–1939), известный поэт, литератор и композитор, становился владельцем части имения Молодово в 1 651,83 десятины земли с фольварком Койнах и урочищем Сновидов и Бусса. Дочери Марии Стефании Эльжбете Еве Скирмунт (1872–1939) передавались в собственность фольварк Залуги Дрогичинского повета и урочище Обожное в Пинском повете – всего 1097,37 десятин. Дочь Ядвига Мария Стефания Михалина Скирмунт (1874–1968) получила во владение фольварк Боровки и урочище Вытёк – всего 1765 десятин земли [9, л. 4–6 об.].

В 1915–1918 гг. имение Молодово, находясь в прифронтовой полосе, сильно пострадало, ценности и библиотека были разграблены. После 1920 г. начались работы по восстановлению усадьбы, в том числе дома, построенного в 1798 г. Шимоном Скирмунтом [1, л. 1]. Более всех из наследников внимания имению уделял Генрих Стефан Скирмунт – человек верующий, проводивший в дворцовой каплице молебны. Вместе с Генрихом жила его сестра Мария, которая организовала в имении школу домашнего хозяйства, занималась лечением больных. Ядвига Скирмунт жила в имении Грушево Кобринского повета. Усадьба Молодово в межвоенный период стала известным культурным очагом. Здесь собиралась польская интеллигенция, устраивались личные встречи, благодаря дипломатическим контактам Константина здесь часто бывали зарубежные гости. Последние владельцы не имели своих семей. У Генриха, помолвленного с Ирэнрой Пузыной, брак не состоялся.

В 1936 г. Константин Скирмунт передал права на владение своей частью имения Молодово (83,3039 га) брату Генриху при условии, что дарованные земли будут подвергнуты парцелляции в соответствии с проектом 1929 г. Согласно нотариальному акту от 11 марта 1937 г., Скирмунты, желая, «чтобы имение Молодово с прекрасной многовековой традицией оставалось всегда очагом католической культуры и польского духа и содействовало расширению Царства Божьего на Польской земле», передали его (6 426,4882 га земли), в собственность, Братству сестер ордена св. Урсулы. Движимое имущество, в т.ч. мебель, находившаяся в имении, оставалась в собственности Скирмунтов. В соответствии с дарственным

актом, всеми доходами с лесных угодий распоряжались Скирмунты. Они также оставляли за собой право пользоваться постройками в имении, а именно: усадебным домом вместе с парадным двором, флигелем и парком; кухонными постройками, ледовней (помещением для охлаждения продуктов), копильней, зданием в саду – т.н. «скарбчиком» (сокровищницей). В свою очередь на сестер-урсулянок накладывались следующие обязательства: использовать имение только в благотворительных и просветительских целях и для осуществления католической миссионерской работы на благо, прежде всего, Полесского воеводства; молиться за души умерших и живых из рода Скирмунтов (2 панихиды в месяц за души тех из Скирмунтов, кто был похоронен на кладбище в Молодово) [9, л. 30]. Урсулянки, приехавшие в усадьбу в 1937 г., жили в приспособленном хозяйственном здании, преподавали в школе, занимались лечением людей, вели хозяйство.

В сентябре 1939 г. Генрих и Мария Скирмунты были расстреляны в лесу вблизи усадьбы. Константин Скирмунт успел выехать из имения в сентябре 1939 г. и до смерти жил в Липнице (около Познани) в пансионе ордена св. Урсулы. Там был и похоронен в 1949 г. В 1968 г. в возрасте 69 лет в Варшаве умерла Ядвига Скирмунт [15, с. 273].

Усадебный дом в Молодово был построен по проекту архитектора Ван-Гросса. Гостившая здесь француженка Роза Байлли сравнивала молодовскую усадьбу с Трианоном Марии Антуанетты в Версале. Согласно описи ценностей, сделанной в 1939 г., в холе было большое собрание рогов оленей и лосей. В столовой находился массивный дубовый стол, украшенный резьбой, буфеты из дуба и стулья в стиле эпохи Людовика XVI. На стенах висели семейные портреты, в т.ч. представителей рода Скирмунтов. В бальном зале геометрический рисунок паркета был сложен из нескольких видов древесины разного цвета, находился большой камин с бронзовыми часами и канделябрами, освещала зал бронзовая люстра. Мебель зала состояла из диванов, кресел и стульев в стиле ампир, консоли с зеркалом. В библиотеке, обставленной мебелью из черного дуба, хранилось около тысячи томов на польском и французском языках. Большую ценность представлял семейный архив Скирмунтов. Усадебный дом окружал парк, территория усадьбы была украшена цветочными клумбами [15, с. 275–276].

Усадебный дом и другие постройки сгорели в 1943 г., а оставшиеся имущество было разграблено в послевоенное время [15, с. 277]. Единственное, что сохранилось от всего ансамбля, – часовня-усыпальница, расположенная возле родового кладбища Скирмунтов, построенная по проекту архитектора Ростваровского в 1905–1908 гг. В 1960-е годы захоронения из усыпальницы были ликвидированы. Здание часовни все больше зарастает и разрушается.

К утраченному наследию относятся и другие усадьбы Ивановского района, которые являлись оригинальными архитектурно-парковыми комплексами.

Одним из таких было имение в **Завышье**, которое на рубеже XVIII–XIX вв. стало собственностью Пусловских (герб «Шелига») и входило в состав телеханского ключа. Двухэтажный усадебный дом был построен Войцехом Пусловским (1762–1833) в окружении леса на живописном берегу озера. Главный фасад дома, выходящий на озеро, формировали три ризалита. Акцент был сделан на среднем, выполненном в форме портика с двумя парами ионических колонн на высоком цоколе. Между колоннами размещалось большое полукруглое окно вестибюля. Перед ризалитом находилась просторная терраса с каменными ступеньками, ограниченная балюстрадой. Два боковых псевдоризалита были обозначены пилястрами. В юго-западной части здания размещалась оранжерея. Кроме большого газона и

клумб перед домом в усадьбе не было парка, эту роль выполнял окружающий лес. На территории усадьбы находился одноэтажный дом для администрации, построенный в польских шляхетских традициях с входом в виде портика. В 1922 г. телеханский ключ с Завышьем и Будами включал 36 180 га земли [19, s. 175–177].

Имение в **Могильно** с 1859 г. являлось собственностью Контковских (герб «Остоя»). С 1912 г. имение принадлежало Виктору Яну Людвигу Контковскому (1863–1921), женатому на Ванде Петкевич (1870–1939). После его смерти имение было разделено на три части, из которой собственником одной являлся сын Виктор Контковский (1897–1957), второй – его сестра София Контковская (1895–1957) (в замужестве Бжостовская, Влодарская, Каденац) [10, л. 2–6]. Во время Первой мировой войны в 1915 г. старый усадебный дом был полностью уничтожен. С конца 1920-х по конец 1930-х гг. земли имения выставлялись на продажу участками. Некогда обширные владения Могильно перед 1939 г. включали только 700 га. В 1932–1933 г. София Контковская (Каденац) построила новый усадебный дом с 12-ю комнатами. Передний фасад был акцентирован крыльцом с четырьмя массивными колоннами, задний – полукруглым ризалитом. По своей архитектуре здание было полностью оригинальным и не имело ничего общего с традиционным усадебным зодчеством. Перед Второй мировой войной Виктор Контковский для себя и своей семьи в другой стороне парка построил новый дом в традициях польских помещичьих усадеб, в классическом стиле на высоком фундаменте. Передний фасад формировал монументальный портик с четырьмя колоннами. В доме со стороны сада размещалась веранда с открытой террасой наверху. Усадьбу окружали парк площадью в 20 га и сад (10 га). Украшением парка был остров, где находился богатый розарий (более 100 видов роз). В парке было несколько аллей – каштановая, грабовая. Возраст некоторых деревьев насчитывал несколько сотен лет [15, с. 119; 18, s. 79–80].

С 1923 г. имение **Новашицы** с урочищем Подгородище (всего 1176 десятин 1990 кв. саженей) Дрогичинского повета гмины Дружиловичи являлось собственностью Витольда Франциска Юзефа Орды (1901–1945). Усадебный дом, построенный в середине XIX в. в стиле провинциального классицизма – длинное одноэтажное здание, деревянное оштукатуренное, крытое высокой четырехскатной крышей. С фронтальной стороны фасад украшали два живописных крыльца с парными массивными колоннами. Со стороны парка имела обширная веранда с четырьмя колоннами. Внутренняя планировка дома включала жилые комнаты, столовую, гостиную, библиотеку и салон с белыми мраморными каминами. Интерьер салона украшали каннелюрованные пилястры. Полы были выложены квадратными дубовыми плитами и обработаны под красное дерево. В доме было собрание семейных портретов, несколько слущих поясов, фарфор, старинный хрусталь, серебряные столовые сервизы, около тысячи томов домашней библиотеки. В годы Первой мировой войны большинство ценностей были утрачены. Здание Усадьба сгорела в 1943 г. После войны здание было восстановлено, там размещалась администрация спиртзавода, но в 1956 г. опять горело. Последнее кирпичное здание было разобрано в 1995 г. [11, л. 107; 15, с. 167–169; 19, s. 95–96].

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Ф.2011. Оп.1. Д. 46.
2. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 103.
3. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 173.
4. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 243.
5. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 290.
6. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 367.
7. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 298.

8. ГАБн. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 312.
9. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 334.
10. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 336.
11. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 346.
12. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 391.
13. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 397.
14. Государственное учреждение культуры «Районный музейный комплекс имени Наполеона Орды»[Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://napoleon.museum.by/>. – Дата доступа : 09.10.2023.
15. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т.Федорук.– Минск : Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки, 2006. – 576 с.
16. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны Х–ХХстагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л. М. Несцярчук. – Минск : БЕЛТА, 2002. – 336 с.
17. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2кн.– Кн. 1. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 593 с.
18. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy.– T.2 : Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. – Wrocław-Warszawa-Kraków : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1992. – 472 s.
19. Pierwszy informator województwa Poleskiego. Rok 1932. – Brześć nad Bugiem : Zakłady graficzne sejmiku Brzeskiego, 1932.

Пивовар Н.В.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ МЕСТ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНИЦИАТИВАМИ В ВИТЕБСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мемориализация, Витебская область, общественные инициативы.

В соответствии со статьей 15 Конституции Республики Беларусь государство обеспечивает сохранение памяти о героический подвиг белорусского народа в Великой Отечественной войне. Одной из форм сохранения памяти является возведение памятников, памятных знаков, посвященных событиям войны. Здесь значительную роль играют общественные инициативы. В Витебской области имеется богатый опыт, который имеет смысл рассмотреть, чтобы на его примере выявить недостатки, определить достоинства, перспективы развития и способы осуществления в дальнейшем. Рассмотрим памятники, которые установлены на территории Витебского района представителями общественности в период независимости.

В д. **Лужесно** силами учащихся и преподавателей Витебского кадетского училищана месте бывшего концлагеря в 2019 г. установлена информационно-мемориальная доска в память о замученных фашистами военнопленных и мирных жителях. В Витебском районе, у д. Тулово, в так называемом Иловском рву в годы войны фашисты расстреляли узников витебского гетто. В начале XX в. на месте трагедии был установлен валун с табличкой. В 2010 г. был открыт памятник жертвам витебского гетто, установленный за счет пожертвований [2].

На месте бывшей д. **Шухвосты** в 1975 г. был установлена стела с текстом: “Товарищ, остановись. На этом месте находилась д. Шухвосты, сожженная фашистами в августе 1943 г. вместе с 70 жителями”. В начале XXI в. рядом со стелой жители д. Сущево установили другой, самодельный памятник в виде металлической трубы увенчаной небольшим навершием, которое накрывает металлическую табличку с текстом, на котором нанесена информация о трагедии. К навершию прикреплен своеобразный колокол. Рядом с памятников установлен валун на который нанесена христианская символика.

У д. **Трегубцы** на могиле жертв войны еще в советские времена был установлен металлический крест и ограда. В 2021 г. к ограде была прикреплена ме-

таллическая табличка с информацией о тех погибших, о которых удалось установить сведения, а в 2022 г. рядом с захоронением по инициативе жителя р.п. Верховье (Руба-2) Н.Д. Столбунова установлен большой валун, к которому прикреплена гранитная доска с информацией о трагедии и погибших жителях деревень Трегубцы и Поповичи[6].

На гражданском кладбище д. **Боровляны** установлены 2 креста: на месте расстрелов мирных граждан и на месте расстрелов советских военнопленных, которых удерживали в концлагере Учдор-756 [6].

По инициативе кадет Витебского кадетского училища студентов ВГУ имени П.М. Машерова в 2022 г. в д. **Красня Искра** на могиле советского летчика, а в 2023 г. в **Тетерки** на могилах советских солдат, погибших в 1942 г. были установлены металлические обелиски со звездой.

Формы увековечения памяти уничтоженных населенных пунктов и жертв войны часто весьма разные и зависят от имеющихся средств, возможностей и ресурсов. Так, в д. **Зароново** по инициативе Л.К. Никитиной необычным образом увековечили память о исчезнувших деревнях Зароновского сельского совета. На внешней стене здания музея разместили географическую карту сельского совета размером 5 x 1,5 м, на которой обозначили существующие и исчезнувшие деревни, “Гэта толькі частка праекта. Давайце разам абмяркуем, як абуладкаваць месца, каб яно на самой справе стала помнікам вёскам, што зніклі з жыцця, але не з памяці” [1]. По инициативе этого же краеведа в деревне установлен памятный знак ветеранам и погибшим жителям Зароновского сельского совета [3, с. 40].

В 2014 г. у д. **Койтово**, недалеко от дома-музея И.Е. Репина “Здравнево” был установлен памятный знак на месте перехода 825-го волго-татарского батальона на сторону партизан. На валун прикреплен гранитная мемориальная плита с надписью, в которой рассказывается об обстоятельствах события. С боку прикреплен небольшая плита, на которой размещены имена авторов проекта: А.А. Нуриева, А.А. Резакова, М.С. Хакимова [6, с. 46].

У д. **Ворошилы** в 1999 г. по инициативе краеведа Б.Я. Легонькова был установлен памятный знак на месте гибели экипажа самолета ИЛ-2. На бетонном основании установлен ошлифованный с одной стороны валун, к которому прикреплен металлическая дощечка с текстом: “Здесь, 5.01.1944 г. при штурме немецкой артиллерии погиб экипаж самолета ИЛ-2 949 ШАП 211 ШАД совершивший огненный таран летчик л-нт Быковский Д.Ф. воздушный стрелок Надымов И.Е.”. Выше размещена фотография экипажа [6, с. 15].

В километре от д. **Побединщина** на поле есть воинское захоронение № 5717. Еще в 1983 г. рядом с могилой сослуживцами ст. лейтенанта, Героя Советского Союза В.П. Краева был установлен металлический крест на месте гибели героя. В 2013 г. рядом с захоронением был установлен памятный знак на месте подвига Героя Советского Союза В.П. Краева: камень с гранитной плитой и текстом. Рядом с захоронением есть еще одна памятная доска, установленная в честь Героя Советского Союза Д.М. Перова (1915–1986). У д. **Старое Село** на берегу р. Язвенка в 2011 г. был установлен знак на месте подвига Н.А. Никонова. На валун прикреплен гранитная доска с текстом “Никонов Николай Андреевич (1924–1954) совершил подвиг 25.07.1944 г. на берегу р. Язвенка” [6].

В 1,5 км от д. Фокино находится урочище **Волчки**. Здесь в феврале 1943 г. германскими оккупантами вместе с 43 жителями была сожжена д. Волчки. Она не восстановилась. В 1968 г. на месте бывшей деревни был насыпан курган и установлен каменный обелиск. Со временем он упал и утратил эстетичный вид.

В 2011 г. силами общественности установлен новый обелиск: плита черного гранита с надписью: «Вечная память жителям деревни Волчки, расстрелянным в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками» [6, с. 17].

В аг. **Копти** военный пенсионер В.Д. Терещенко (1926–2021) инициировал и частично финансировал возведение множества памятников и монументов на этом мемориале. Среди прочих: 10 гранитных обелисков с наименованиями освобожденных деревень и указанием количества погибших при их освобождении солдат, памятника жителям деревни, погибших в годы войны, памятники Я. Джугашвили, В. Сталину, Героям Советского Союза П. Галецкому, Г. Григорьеву, французским летчикам полка «Нормандия–Неман», Г.М. Мамоновой и многих других.

У д. **Кузьменцы** членами поисковых отрядов Витебщины установлен памятный знак 251 стрелковой дивизии, которая понесла здесь огромные потери в июне 1944 г [6, с. 53].

У главного корпуса бывшего Великолетчанского детского дома в д. **Большие Летцы** в 2015 г. был установлен памятный знак в честь 70-летия Победы. На обелиске черного гранита выбита надпись: «Никто не забыт, ничто не забыто. 70 лет Великой Победы. Память павшим. Май 2015». Памятный знак в честь 75-летия освобождения Беларуси установлен в 2019 г. в аг. **Новкау** районного дома культуры и аллеи выдающихся земляков.

На месте расстрелов советских военнопленных и мирных жителей «Черные пруды» в годы войны у д. **Улановичи** в 2001 г. установлен памятный знак с надписью: «Потомок, не оскверни память тех, кто отдал жизнь за свою Родину и твое светлое будущее» [6, с. 95].

На гражданском кладбище д. **Красный Двор** силами работников областного военкомата была благоустроена могила партизана К.П. Королева. Вместо металлического креста установлен гранитный памятник.

У здания сельского исполнительного комитета в д. **Шапечице** активистами поисковых отрядов Витебщины был установлен памятник Лучесе. У гранитного креста на плите размещены стихи, посвященные погибшим бойцам 5-й, 33-й, 39-й армий, которые погибли в декабре 1943 – июне 1944 гг. на подступах к Витебску [6, с. 107].

У г.п. **Яновичи** силами общественности были установлены несколько памятников, посвященных погибшим евреям местечка. В урочище Ахрютки, на могиле евреев, убитых нацистами, памятник был возведен в 1960-е гг. В начале 2000 гг. на средства родственников погибших был возведен еще один памятник с изображением меноры. На нем текст на иврите, белорусском и английском языках.

Памятник на могиле 1600 жертв яновичского гетто в ур. Зайцево был установлен в 1955 г. В начале 2000-х гг. в 200 м. от могилы, на развилке дорог установлен новый памятник на средства семьи Лазарус. На гранитной плите изображение могоендавида и текст на белорусском, английском языках и иврите. На гражданском кладбище Янович на захоронении неизвестного советского летчика в 2020 г. установлен гранитный памятник [6, с. 113].

Памятники устанавливаются и в других районах Витебской области. Так, по инициативе и за средства сямьи Ю. Ничипора в 2008 г. на месте уничтоженной в годы войны д. **Гутище** Ушачского района установлен памятник сожженной деревне [4, 5].

В 2013 г. в д. **Иванск** Чашникского района мемориальный знак в память о сожженных деревнях и их жителях установлен силами местного энтузиаста при поддержке органов государственного управления [8].

Стараниями краеведа В.Р. Карасева в г.п. **Ветрино** Полоцкого района было установлено несколько памятных знаков событиям войны, в том числе памятный знак на могиле евреев Ветрино.

В деле мемориализации мест памяти войны общественными инициативами огромную роль имеет роль личности и мотивация деятельности. Ярким примером качественной, вдумчивой, аргументированной работы по увековечению является пример работы российской исследовательницы и мецената Марины Валентиновны **Фроловой**. Она посвятила множество времени, усилий и средств на установление судьбы своего дяди – командира САУ, мл. лейтенанта Н.И. Лашкова, который сражался в годы войны на территории Витебского района. Тщательно проработала документы Центрального архива вооруженных сил (ЦАМО) РФ (2015–2016), которые относились к боевым действиям 735 САП и других частей 33 Армии восстановила хронику боев на плацдарме Новики. Неоднократно приезжала в д. Новики, чтобы найти очевидцев, понять и разобраться на местности. Провела значительную работу по поиску родственников погибших солдат и офицеров. Разыскала семьи тех воинов, которые сгорели в самоходных установках на этом плацдарме в феврале–марте 1944 г.

За собственные средства в 2017 г. она создала мемориал «**Плацдарм Новики**»: изготовила 2 мемориальные плиты, на которые были нанесены имена 49 воинов-самоходчиков, которые числились по спискам потерь, как «пропавшие без вести». На другой плите мемориала перечислены номера частей 33 Армии, сражавшихся на этом плацдарме. Руководила работами по планировке, установке памятного знака и мемориальных плит, информационных стендов, указателей, благоустройству территории.

Продолжила исследовательскую работу в ЦАМО РФ (2017–2018). Установив, что Н.И. Лашков был тяжело ранен и 30.03.1944 г. скончался в госпитале в д. Ольховик Лиозненского района. М.В. Фролова поехала туда в поисках могилы дяди. Узнав, что в 1984 г. останки были перенесены на воинское захоронение «**Адаменская горка**» у г.п. Лиозно. В результате проработки электронных баз Военно-медицинского архива и ЦАМО РФ по бойцам, умершим от ран в госпиталях в окрестностях г.п. Лиозно были установлены судьбы 818 бойцов. За собственные средства и при согласовании и руководством Лиозненского района и Министерством культуры провела реконструкцию мемориала, благоустройство прилегающей территории. На 12 гранитных плитах кроме фамилии воинов звание, год рождения, дата гибели, последнее место службы. На заглавной мемориальной плите указаны все номера госпиталей, из которых были произведены перезахоронения, а также номера Армий, в составе которых эти бойцы воевали. Мемориал открыт 13 октября 2018 г. На месте бывшего госпитального захоронения в д. Ольховик установлен памятный знак (2019).

Установив, что госпитальное захоронение в **Ольховике** было проведено формально, а останки погибших солдат находятся на прежнем месте, М. Фролова стала организатором и спонсором проведения Вахт Памяти с участием 52 ОСПБ, поисковиков Витебской области, московских археологов и судмедэкспертов. В результате работ были подняты останки 190 воинов, умерших от ран в госпитале д. Ольховик, которые были торжественно перезахоронены на мемориал «Адаменская горка» у г.п. Лиозно.

Таким образом, увековечение памяти защитников Отечества и сохранение памяти о жертвах войны в Беларуси является важным направлением государственной политики и проводится органами власти. Наряду с этим существенный

вклад вносят общественные организации, и отдельные граждане. На Витебщине их силами возведены ряд памятников, памятных знаков, мемориальных досок, посвященных отдельным событиям войны. Особо отметим деятельность М.В. Фроловой.

1. Заронаўскія энтузіясты-краязнаўцы Віцебскага раёна стварылі залу беларускай міфалогіі і помнік зніклым вёскам // Жыццё Прыдзвіння. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.pridvinje.by/2014/09/u-zarona%D1%9Eskim-gistoryka-etnagrafichnym-muzei-vicebskag-rayona-adkrylasya-zala-belaruskaj-mifalogii-i-pomnika-zniklym-vyoskam/>. – Дата доступу: 12.09. 2023.
2. Матвеева, Т. Рана-звезда на сердце / Т. Матвеева // Витебский проспект. – 2010. – 1 июля. – С. 2.
3. Нікіціна, Л.К. Любоў і боль майго Заронава / Л. К. Нікіціна. – С. 43.
4. Оазис памяти и красоты // Народная газета. – 2008. – 9 лип. – С. III.
5. Пашковіч, А. Высакародная справа / А. Пашковіч // Патрыёт. – 2008. – 21 чэрвеня. – С. 2.
6. Півавар, М.В. Звод помнікаў воінскай славы, памятных месцаў, воінскіх пахаванняў і пахаванняў ахвяр Вялікай Айчыннай вайны Віцебскага раёна / М.В. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2021. – 134 с.
7. Торбина, И. Мемориальный знак в Иванске / И. Торбина // Чырвоны прамень. – 2013. – 16 мая. – С. 2.

Плытнік Е.Г.
МУЗЕЙНЫЙ БРЕНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: музей, бренд, музейный брендинг, коллекция-бренд, музей-бренд, продвижение музея.

Перед современным музеем стоят задачи не только сохранения и презентации своих коллекций, но и формирования культурного пространства региона, а также популяризации культурного наследия путем создания и продвижения локальных культурных брендов. Благодаря работе музеев происходит узнавание региона, приобретение им статуса культурного центра, что в свою очередь позволяет генерировать конкурентоспособные предложения в области туризма, обучения, культурного обмена. Кроме того, бренды делают территорию аттрактивной и запоминающейся, содействуют притоку валютных поступлений.

Учитывая многогранность понятия «бренда» мы считаем целесообразным отметить, что в данной статье «бренд» рассматривается как образ или определенная совокупность образов, ассоциаций, возникающих у реального или потенциального посетителя музейного учреждения [1].

Анализ работы отечественных и зарубежных музеев позволил систематизировать различные подходы к использованию брендинга в деятельности современных учреждений.

Одной из наиболее обширных категорий является группа «музей-бренд, коллекция-бренд». В случае, когда потребитель покупает продукт музея (осмотр экспозиции, другие услуги) из-за известности, узнаваемости и престижа самого учреждения, музей становится самостоятельным брендом («музей-бренд»). Наиболее ярко данная тенденция проявляется при рассмотрении крупных и всемирно известных музеев, таких, как Эрмитаж, Лувр, галерея Уффици, Прадо.

В данном случае бренд формируется на основе шедевров, которые экспонируются, уникальных коллекций учреждения, что позволяет нам расширить группу и включить в нее категорию коллекция-бренд. Нашу мысль подтверждает работа «Музейный брендинг: процесс и инструментарий» Е.С.Соболевой и М.З.Эпштейн, в которой отмечено, что в музее брендом может выступать предмет коллекции, здание, историческое событие [2]. Во многих ведущих музеях бренда-

ми являются наиболее известные или уникальные экспонаты, части коллекции. В качестве примера бренда-экспоната можно привести полотно Леонардо да Винчи «Мона Лиза», которое экспонируется в Лувре и, безусловно, является брендом музея. Подобные бренды активно используются учреждениями для создания разнообразной сувенирной продукции. Так, «Онлайн магазин французских музеев» [3] предлагает приобрести сувенирную продукцию, в том числе и Лувра. Проведенный анализ данного сайта показал большой выбор и разнообразие сувенирной продукции с использованием шедевров музея, в первую очередь полотна «Мона Лиза».

Сувениры, представленные в онлайн магазине, можно разделить на ряд видов: репродукции картин, товары для детей (раскраски, детские книжки-путеводители по экспозиции музея, «трехмерные гиды», игры с карточками), канцелярские товары (блокноты, закладки, папки для бумаг, календари), аксессуары и товары для дома (салфетки, подносы, часы, кружки, тарелки, фартуки, полотенца), мода (обложки для паспорта и документов, сумки, косметички, футляры и салфетки для очков, зонтики, майки, шарфы, веера). На перечисленных выше товарах размещается полное или частичное изображение художественных полотен, иногда сюжет дополняется современной обработкой или новыми элементами, не мешая при этом узнаванию картин и восприятию бренда.

В музеях г.Витебска данная тенденция только начинает внедряться в работу, а представленная сувенирная продукция по разнообразию ассортимента заметно уступает зарубежным коллегам. Тем не менее, у витебских музеев имеется большой потенциал для развития данного направления музейного брендинга. В качестве примера приведем филиал Витебского областного краеведческого музея – Витебский Художественный музей, который обладает богатой коллекцией картин российских и белорусских мастеров. Жемчужиной музея по праву являются произведения Ю.М. Пена – первого учителя М.З. Шагала. В данном случае брендом могут стать наиболее узнаваемые и известные произведения Ю.М. Пена: «Часовщик», «Автопортрет с музой и смертью», «Сват» и другие. Сюжеты полотен могут использоваться при создании разнообразной сувенирной продукции по примеру европейских музеев. Художественный музей может использовать в качестве бренда экспонируемые полотна и на основе их сюжетов изготавливать сувенирную продукцию. Многие сувениры из приведенного ранее примера просты в изготовлении и не требуют больших финансовых затрат, однако были бы привлекательны как для туристов, так и для местных жителей, являющихся основными потребителями услуг Художественного музея.

В содержательном отношении близкой к первой выделенной нами категории выступает группа *«музей бренда личности»*. Многие города или регионы получают известность благодаря жизни и деятельности известных людей, видных политиков, ученых, деятелей культуры. В отдельных случаях такие личности становятся брендами. Портреты знаменитостей размещаются на сувенирной продукции, тиражируются созданные ими произведения, а музеи, рассказывающие о жизни и деятельности таких людей, становятся Меккой для туристов из разных стран. Примерами могут стать музей В.Моцарта в г. Зальцбурге, Австрия; театр-музей С. Дали в г. Фигерасе, Испания, Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», Псковская область, Россия. Отметим, что брендом стать не только историческая личность, но и вымышленный персонаж – музей Шерлока Холмса, г. Лондоне, Англия или творческий коллектив – музей ABBA в г. Стокгольме, Швеция.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют современную тенденцию в музейной практике: музей выступает как транслятор бренда-личности. Учреждение создается на основе имеющегося бренда, дополняет и уточняет его, использует бренд как средство привлечения туристов с одной стороны, а с другой – визуализирует символ, образ, идею, обогащает знания и углубляет чувственное восприятие. Музей в данном случае – это место, где посетитель может дотронуться до бренда, сфотографироваться с ним, купить сувенир с брендом, а кроме того, узнать дополнительную информацию о бренде.

Из наиболее ярких примеров реализации данной категории в г.Витебске является Музей Марка Шагала. Не секрет, что Витебск привлекает большое количество туристов благодаря имени знаменитого художника. Таким образом, Дом-музей М.Шагала и Арт-центр М.Шагала выступают туристическими брендами региона. В данном случае музеи раскрывают, дополняют и популяризируют образ художника, повествуя о его жизни и творчестве, но, в то же время, сами музеи (их названия, здания, в которых размещаются экспозиции, коллекции) также являются узнаваемыми брендами. Интересной тенденцией становится формирование новых брендов на базе музея. Так, например, в последние годы возникли бренды: памятник «Витебская мелодия на французской скрипке» (скульптор В.Могучий), а также «роза Шагала» – куст роз сорта «Марк Шагал», подаренный музею в 2016 году. Таким образом, музей М.Шагала объединяет в своей работе несколько разновидностей бренда: музей как бренд; музей бренда личности; коллекция-бренд и новые бренды. Бренды Музея М.Шагала активно используются как сюжеты для создания сувенирной продукции (магнитов, открыток, копий работ) и как действенное средство продвижения региона (размещение информации и иллюстративного материала в социальных сетях, на сайтах государственных учреждений и туристических предприятий).

Еще одна категория музейного брендинга – *«музей бренда местности или страны»*. В практике встречается четкая зависимость между символом (брендом) города или региона и музеем. Так, например, один из музеев Амстердама посвящен символу (бренду) Голландии – тюльпану, в Берлине есть музей карривурст, посвященный национальным немецким сосискам карривурст, музей лаванды в Провансе рассказывает о выращивании и использовании этого растения в производстве косметических средств. Вышеуказанные музеи представляют бренд страны или региона, выбор их тематики обусловлен узнаваемостью символа: тюльпана, карривурст или лаванды. Среди российских учреждений можно назвать музей медведя в Южно-Сахалинске или музей балалайки в Ульяновске.

Отдельную группу музеев представляют учреждения, которые созданы на основе локальных брендов, не имеющих такой известности, как голландские тюльпаны или лаванда Прованса. В качестве примеров приведем некоторые российские и белорусские музеи. Так, в городе Ковров Владимирской области Российской Федерации в 1999 году открыт музей зайцев, насчитывающий сегодня около 1000 экспонатов. На выбор тематики повлиял исторический герб города, на котором с XVIII века изображены два зайца. Музей, посвященный другому геральдическому животному – белке, был открыт в городском поселке Большая Берестовица Гродненской области Республики Беларусь. В Твери (Россия) с 2008 года успешно функционирует «Музей козла», представляющий несколько легенд о том, почему жители города считают козла местным символом и откуда появилось выражение «Тверской козел». Музей привлекает внимание местных жителей и туристов, проводит обширную культурно-образовательную деятельность (лекции, экскурсии, мастер-классы).

Среди Витебских учреждений, доступных для широкой публики, на данный момент отсутствует пример музея бренда местности. Однако реконструкция музея витебского трамвая и создание условий для свободного доступа посетителей будут способствовать дальнейшей популяризации одного из брендов города – трамвая.

Последнее время набирает популярность еще один вид музейного брендинга – «музей бренда торговой марки». Популярная продукция какого-либо производителя, бренд может стать основой для создания музея на предприятии. Подобные музеи рассказывают об истории производства, новых технологиях, специфике выпускаемого продукта. В качестве примеров можно привести музей BMW в Мюнхене, Германия; музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М.Т.Калашникова в Ижевске, Россия; музей елочных игрушек «Клинское подворье» г. Клин, Россия, музей стеклозавода «Неман» г. Березовка, Беларусь, музей пивоваренного завода «Аливария» г. Минск, Беларусь.

Устойчивая положительная ассоциация направлена на восприятие конкретного продукта, а не региона или страны. Как правило, потребители узнают бренд, зачастую даже не зная или не задумываясь, в каком городе сосредоточено его производство. Открытие музеев при предприятиях способствует развитию промышленного или индустриального туризма. В то же время необходимо отметить тенденцию ограничения доступа в музеи предприятий широкой общественности за счет невозможности или незаинтересованности учреждения в развитии промышленного туризма.

Таким образом, создание и дальнейшее развитие музейного брендинга становится одной из современных музейных практик. Работа музея по популяризации образов и ассоциаций на основе собственных коллекций, местных товаров, известных личностей позволяет сформировать привлекательный, запоминающийся образ региона, способствует продвижению и презентации историко-культурного наследия, что важно как для развития туризма, так и для самоидентификации местного сообщества.

1. Малышкина, Е.А. История бренда или история о бренде / Е.А.Малышкина // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – №3(61). – С. 72–75.
2. Соболева, Е.С. Музейный брендинг: процесс и инструментарий / Е.С.Соболева, М.З. Эпштейн // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 212. – С. 93–100.
3. Les boutiques de musées [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.boutiquesdemusees.fr/en>. – Date of access: 10.10.2023.

Польская С.А. ОТ СОКРОВИЩНИЦЫ ХАРТИЙ ДО НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: Trésor des Chartes, Сокровищница хартий, Казначейство хартий, Парижский Парламент, Национальный архив Франции, National Archives.

Формирование одного из крупнейших хранилищ исторического наследия Европы – Национального архива Франции – прошло свой, достаточно долгий и осложненный немалыми трудностями путь. Сегодня это одновременно архив, библиотека, музей и крупный научно-исследовательский центр, расположенный в столице Французской республики. Все возрастающие объемы его фондов, их востребованность профессиональным сообществом и активная общественная деятельность стали причиной того, что в 2004 г. было принято решение, при сохра-

нении прежнего исторического здания в районе Маре, о строительстве нового Национального центра в северном пригороде Парижа Пьерфит-сюр-Сен. Спроектированный итальянским архитектором М. Фуксасом, он был открыт в 2013 г. В итоге Национальный архив Франции стал одним из крупнейших хранилищ исторической информации в мире [8].

Но все имеет свое начало. Имелось оно и в случае с *National Archives*. Его начало было положено собранием Сокровищницы хартий, начавшем складываться в конце XII – начале XI вв. и непрерывно пополнявшемся на протяжении всей истории французской монархии. В конце эпохи Старого Порядка коллекция была формально разделена на архив и библиотеку, хотя и сохранилась как единое учреждение.

Trésor des Chartes – Сокровищница или Казначейство хартий – положила начало одному из крупнейших хранилищ Европы, носящему несколько непривычное название «Национальной архив». Необычность заключается в том, что это не только архив, но и значительная по своим фондам библиотека, музейное собрание артефактов и многофункциональный культурный центр.

Здесь хранятся архивы центральных государственных органов Франции, за исключением фондов Министерства Вооруженных Сил, Министерства финансов и Министерства иностранных дел. Они были созданы в ходе Великой Французской буржуазной революции декретом Учредительного собрания 1790 г. [9, р. 2] Сейчас Национальный архив находится в ведении Министерства по делам культуры с момента его создания в 1959 г. Фонды составляют в общей сложности 373 линейных км, позволяющих документировать историю Франции с VII в. до настоящего времени [1, р. 3].

Причина формирования собрания до сих пор является предметом споров. С точки зрения первой группы исследователей, импульс был задан 5 июля 1194 г., когда Филипп II Август был разбит Ричардом I Львиное Сердце в битве при Фретвале, ставшей частью борьбы французской и английской корон за владения на континенте. Филиппу удалось бежать, но он потерял архивы реестров и ордонансов, финансовые записи, домениальные хартии, платежные описи, квитанции об аренде и пошлинах, всю казну и даже королевскую печать – все это стало трофеем Ричарда [2, р. 408].

Ранняя французская монархия, только что начавшая усилия по преодолению политической раздробленности, оставалась «кочующей» – перевозила с собой все необходимые сигнатуры, чтобы подтверждать пока слабые права короля. Печать и документы служили доказательством монарших притязаний во время военного похода. Какое количество повозок перевозило подобный скarb – неизвестно, но очевидно, что их перемещение затрудняло передвижение армии.

Именно необходимость восстановить восходящие к первым Капетингам документы вызвала более сознательные действия по отношению к потестарному наследию династии, и формирование собрания было поручено второму по уровню властных полномочий после короля лицу – канцлеру Франции Готье, второму герцогу Немурскому. Он и положил начало Казначейству хартий.

Вторая группа исследователей настаивает на более объективном характере происхождения *Trésor des Chartes*, не имеющем прямой связи с поражением при Фретвале. Усилия Филиппа II по собиранию земель королевского домена неизбежно требовали концентрации всех документов в одном хранилище, что и было поручено ближнему кругу монарха вне зависимости от текущего состояния дел в длительном конфликте с Англией [11, р. 143].

Составление первого картулярия Филиппа II Августа, по общему признанию, началось около 1205 г. Но только в 1231 г. было обнаружено первое упоминание о постоянном хранении документов в Пале-Рояль. Это хранилище было основано еще во второй половине XIII в. в специально построенном для этого здании во дворце Сент-Шапель на острове Ситэ, где оно находилось до 1783 г. [5, p. 37].

В конце правления Людовика IX Святого, документы до 1302 гг. и королевская библиотека хранились на втором этаже, этажом выше сокровищницы французской короны и главных реликвий Страстей Христовых, вывезенных королем из крестового похода. Поэтому хранилище первоначально именовали назвали «Сокровищница хартий» (в латинском варианте – *Thesaurus chartarum et Privilegiorum Domini Regis*). С 1254 г. содержащиеся в фондах рукописи фиксировались опечатанными сургучом королевскими грамотами, и помещались на третьем этаже дворца [7, vol. 3].

Манускрипты оставались здесь до сноса здания, сгоревшего в 1776 г. Дворец Правосудия на острове Ситэ остался единственной сохранившейся его частью.

Библиотека Филиппа IV Красивого и трех его сыновей – Людовика X, Филиппа V и Карла IV – составляют почти треть собрания [8]. Короба, в которых хранились манускрипты – *les layettes* – сохранились до настоящего времени.

Первым хранителем стал Пьер д'Этамп, назначенный Филиппом Красивым в 1307 г. Самым известным из его преемников остается Жерар де Монтегю: Карл V, страстный читатель и собиратель книг, поручил ему реорганизацию хранилища, и Монтегю разделил его на собственно библиотеку и архив, став первым, кто получил титулы казначея хартий и королевского нотариуса. Окончательный расцвет собрания берет свой отсчет от правления Франциска I. Его внуком Генрихом III с 1582 г. вплоть до Великой Французской буржуазной революции обязанности казначея хартий были возложены на обязанности Генерального прокурора короля в Парижском Парламенте, чтобы он мог легко передавать документы, необходимые для защиты прав короля [6, p. 51].

В 1615 г. хранителем стал Пьер Дюпюи, который по поручению главы Парижского Парламента Матье Моле составил первый каталог книг и документов *Trésor des Chartes*. Эта работа заняла одиннадцать лет: рукописный экземпляр хранится сегодня в Национальной библиотеке, копии находятся в национальных архивах Парижа, Лондона и других хранилищах. Благодаря усилиям Дюпюи и сменившего его Теодора Годфруа Казначейство хартий окончательно стало библиотекой и в 1696 г. было выведено из-под контроля Счетной палаты [10, p. 167]. А в 1736 г. последовала реорганизация, следствием которой стало отделение библиотеки от архива и назначение должностей библиотекарей и архивариев соответственно [4, p. 413].

После бурных событий революции в 1808 г. чудом уцелевшее собрание поступило в опустевшие дворцы Париж – отель Субиз и отель Роан (сейчас, как уже упоминалось выше, это район Марэ в центре Парижа) [3, p. 316].

Рукописи в *les layettes* сегодня хранятся в Национальной библиотеке Франции, где образуют серии J и JJ, в общей сложности 422 переплетенных манускриптов и 1020 коробок с разрозненными записями с X по XVIII вв. Это строго светские фонды, они сохранили свою внутреннюю средневековую организацию, поскольку не были переупорядочены в разные серии даже после Великой Французской буржуазной революции [6, p. 80].

Их содержимое проанализировано, систематизировано и опубликовано позитивистами XIX в. Например, том V, опубликованный Анри-Франсуа Делабордом,

полностью содержит дополнительной серии J, ранее известной как серия сумок (*série des Sacs*) (J 736–1053). Она охватывает период до 1270 г. и может быть выборочно представлена в форме нижеследующей таблицы.

Таблица 1. Серия J 148–735 [7, vol. 5, extr.]

Единица хранения	Серия	Содержание	Год	Место
280	Государственное управление	Орлеан J 182–Пуату, I, № 106	1177	Периге
2986	Государственное управление	Орлеан J 190 А–Пуату, I, № 16	август 1242 г	у Марсильяка
2980	Государственное управление	Орлеан J 192–Пуату, II, № 8 Орлеан J 192–Пуату, II, № 15 Лион J 270 Ла Марш, № 12	1 августа 1242 г.	Понс
1737	Государственное управление	Гаиень J 292–Перигор, № 1	до 1226 г	–
713	Государственное управление	Гиень J 292–Перигор, № 2	май 1204 г.	Руан
3568	Государственное управление	Гиень J 292–Перигор, № 3	ноябрь 1246 г.	Париж
3608	Государственное управление	Гиень J 292–Перигор, № 4	3 июля 1247 г.	Периге
3611	Государственное управление	Гиень J 292–Перигор, № 5	июль 1247 г.	Периге
3612	Государственное управление	Гаиень J 292–Перигор, № 6	17 августа 1247 г.	–
3596	Государственное управление	Гиень J 292–Перигор, № 7	апрель 1247 г.	Крепи
3609	Государственное управление	Гиень J 292–Перигор, № 8	3 июля 1247 г.	Периге
3461	Государственное управление	Лангедок J 295 – Лангедок, № 10	февраль 1245–46 гг.	Париж
2935	Государственное управление	Лангедок J 304–Тулуза, II, № 73	12 февраля 1241–42 гг.	Кастель–Сарразин
2962	Государственное управление	Лангедок J 304–Тулуза, III, № 8	14 марта 1241–42 гг.	Пенне–д’Ажен
3832	Государственное управление	Лангедок J 304–Тулуза, III, № 84	12 декабря 1249 г.	Муассак
4105	Государственное управление	Лангедок J 307 – Тулуза, IV, № 51	28 июня 1254 г.	Бержерак
2164	Государственное управление	Лангедок J 309–Тулуза, V, № 10.2	18 ноября 1231 г.	Тулуза
2743	Государственное управление	Лангедок J 309 – Тулуза, V, № 15	3 сентября 1238 г.	Тулуза
2742	Государственное управление	Лангедок J 309 – Тулуза, V, № 16	3 сентября 1238 г.	Тулуза
2457	Государственное управление	Лангедок J 310 – Тулуза, VI, n° 102 Лангедок J 314 – Тулуза, VII, n° 73	12 августа 1236 г.	Тулуза

4293	Государственное управление	Лангедок J 312 – Тулуза, VI, № 58	28 сентября 1256 г.	–
5757	Государственное управление	Лангедок Дж 314. – Тулуза, VII, No 60, 61, 62	Недатированный	–
2895	Государственное управление	Лангедок J 314 – Тулуза, VII, № 76	14 февраля 1240–1241 гг.	Тулуза
23	Государственное управление	Лангедок J 317 – Тулуза, VIII, № 1	16 июня 1080 г.	Тулуза
5308	Государственное управление	Languedoc J 317 – Тулуза, VIII, № 68	2 сентября 1267 г.	Париж
4917	Государственное управление	Лангедок J 318. – Тулуза, IX, № 28.1	31 марта 1263–1364 гг.	Париж
4134	Государственное управление	Лангедок J 318 – Тулуза, IX, № 28.3	18 декабря 1254 г.	Париж
719	Государственное управление	Лангедок J 323 – Тулуза, XIV, № 65	20 июня 1204 г.	Лиль в Перигоре
2710	Государственное управление	Лангедок J 326 – Тулуза, XVII, № 8 и 29	11 мая 1238 г.	Тулуза
237	Государственное управление	Лангедок J. 340 – Монпелье и Магелон, II, № 6	29 сентября 1172 г.	Монпелье
1	Государственное управление	Лангедок J 342 – Фижак, № 8.1	8 ноября 755 г.	Фижак
4116	Совместное управление	J 346 – Регалии, I, № 37	22 августа 1254 г.	–
4117	Совместное управление	J 346 – Обещания, I, № 38	25 августа 1254 г.	Сарла
5337	Совместное управление	J 400 – Обещания, № 49.1	21 декабря 1267 г.	Вьярм
5336	Совместное управление	J 400 – Обещания, № 49.2	Сентябрь 1267 г.	–
5318	Совместное управление	J 400 – Обещания, № 49.3	20 декабря 1267 г.	–
3412	Совместное управление	J 421 – Обязательства, I, № 3	18 февраля 1245–1246 гг.	–
5314	Совместное управление	J 426 – Обязательства, IV, № 8	20 сентября 1267 г.	–
1116	Совместное управление	J 430 – Буллы против еретиков, № 10	2 апреля 1215 г.	Монастырь св. Иоанна Латеранского
4378	Совместное управление	J 473 – Расписки, I, № 17	27 октября 1257 г.	–
5335	Совместное управление	J 531 – Намюр, № 3	16 декабря 1267 г.	Париж
2872	Совместное управление	J 620 – Оммажи, I, № 12	июль 1240 г.	Компъень
1674	Совместное управление	J 622 – Оммажи, II, № 12	ноябрь 1224 г.	Реймс
4328	Совместное управление	J 622 – Оммажи, II, № 27	23 февраля 1256–1257 гг.	–

714	Совместное управление	J 627 – Клятвы городов de villes, № 3	май 1204 г.	Руан
1603	Совместное управление	J 627 – Клятвы городов, № 6 бис	сентябрь 1223 г.	Сарла
1602	Совместное управление	J 627 – Клятвы городов, № 6 тер	сентябрь 1223 г.	Периге
2748 ²	Совместное управление	J 627 – Клятвы, № 9	Ноябрь 1238 г.	–
431	Совместное управление	J 628 – Англия, I, № 2	январь 1195–1196 гг.	Англия
1929	Совместное управление	J 628 – Англия, II, № 12	Апрель 1227 г. (между 11 и 30 апреля)	–
3547	Совместное управление	J 628 – Англия, II, № 16	26 сентября 1246 г.	–
4736	Совместное управление	J 630 – Англия, III, № 18	4 февраля 1262 г.	Лондон
4898	Совместное управление	J 630 – Англия, III, № 19	23 января 1263–1264 гг.	Амьен
5552	Совместное управление	J 630 – Англия, III, № 25	4 июля 1269 г.	Вестминстер

Таблица 2. Серия J 736–1053 [7, vol. 5, extr.]

Единица хранения	Серия	Содержание	Год	Место
815	Совместное управление	J 918 – Англия, № 12	27 сентября 1267 г.	Шербур
683	Совместное управление	J 1022 – Совместное управление, № 41	1257 г.	–
855	Совместное управление	J 1024 – Совместное управление, № 17	30 октября 1269 г.	–
672	Совместное управление	J 1024 – Совместное управление, № 19	Между 1256 и 1263 гг.	–
569	Совместное управление	J 1031 – Счета и расследования, № 23 бис	Июнь, около 1251 г.	–

Всего в Национальном архиве хранится 47 рукописей эпохи Меровингов (до в 751 г.), пять – времени правления Пипина Короткого (751–768), 31 – Карла Великого (768–814), 28 – Людовика Благочестивого (814–840), 69 – Карла Лысого (840–877), 4 – Гуго Капета (987–996), 21 – Роберта Благочестивого (996–1031), более тысячи манускриптов, оставшихся от правления Филиппа II Августа (1180–1223) [8, Vol. 1] и несколько тысяч – Людовика Святого (1226–1270) [8, vol.2–4].

В итоге Казначейство стало бесценным арсеналом рукописей, предназначенных для обслуживания государственных и дипломатических интересов государства. И уже по другим названию – Национальный архив Франции – остается им по сей день.

1. Archives nationales. Rapport annuel 2020 / éd de B. Ricard. – Paris, 2020. – 25 p.
2. Baldwin, J. W. The Government of Philip Augustus: Foundations of French Royal Power in the Middle Ages / J. W. Baldwin. – Oxford, 1986. – 611 p.
3. Béchu, Ph., Taillard, Ch. Les Hôtels de Soubise et de Rohan / Ph. Béchu, Ch. Taillard. – P., 2004. – 495 p.
4. Bondonio, P.-M. Une réintégration au Trésor des chartes en 1736 / P.-M. Bondonio // Bibliothèque de l'École des chartes. – 1925. – № 86. – P. 411–420.

5. Cox, K. Ideology, Practicality, and Fiscal Necessity: The Creation of the Archives Nationales and the Triage of Feudal Titles by the Agence Temporaire Des Titres, 1789–1801 / K. Cox. – Paris, 2007. – 95 p.
6. Dessalles, M. L. Le Trésor des Chartes, sa création, ses gardes et leurs travaux, depuis l'origine jusqu'en 1582 / M. L. Dessalles // Imprimerie royale. – 1844. – № 4. – P.79–82.
7. Layettes du Trésor des Chartes : 4 vol. / éd. de A. Teulet, J. de Laborde, Elie Berger, H.–F. Delaborde. – Paris, 1863–1927 : Vol. 1. 755–1223 / éd. de A.Teulet. – Paris, 1863. –648 p.; Vol. 2. 1223–1246 / éd. de A.Teulet. – Paris, 1870. –741 p.; Vol. 3 1246–1260/ éd. de J. de Laborde. – Paris, 1873. –772 p.; Vol. 4. 1260–1270/ éd. de E. Berger. – Paris, 1902. –593 p.; Vol. 5. Ancienne série des Sacs dite aujourd'hui Supplément. 632–1270 / éd. de H.F. Delaborde. – Paris, 1927.
8. Livret de présentation du site[Electronic resource]. – Mode of access: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.40bb7878-6316f4b7-31d5cb3a-74722d776562/static.apidae-tourisme.com/filestore/objets-touristiques/documents/120/78/937592.pdf. – Date of access:02.10.2023.
9. Loi du 7 Messidor, l'an deuxième de la République française, une et indivisible concernant l'organisation des archives établies auprès de la Représentation nationale // Bulletin des lois. – Vol. 12. – № 58.
10. Pomian, K. Les Archives: du Trésor des Chartes au Caran / K. Pomian // Les lieux de mémoire. – T. 3 : Les France. – Vol. 3 : De l'archive à l'emblème. – Paris, 1993. – P. 164–233.
11. Potin, Y. Trésor, écrits, pouvoirs. Archives et bibliothèques d'État en France à la fin du Moyen Âge / Y. Potin. – Paris, 2020. –271 p.

Раемский Ю.А. **К ВОПРОСУ О ГОСТИНИЦАХ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО** **В МОГИЛЕВЕ**

Ключевые слова: Могилев, Ставка Верховного главнокомандующего, гостиница.

Облик белорусских городов начала XX века до наших дней дошел зачастую лишь благодаря почтовым карточкам того периода. Однако данные источники визуального характера передают лишь внешнюю сторону городской жизни: виды улиц, отдельных зданий, парков, мостов и т.д. Все это касается и губернского города Могилева, в котором с августа 1915 г. размещалась Ставка Верховного главнокомандующего, возглавляемая в этот момент императором Николаем II. Даже такой авторитетный краевед как И.И. Филиппович (1912–1998), так и не довел до логического конца свои исследования довоенной городской застройки. Собранная им информация в фондах Могилевского областного краеведческого музея представлена в виде многочисленных черновиков, фрагментарных записок и карточек [9]. Не существует плана с нанесенными на него зданиями и строениями с четкой адресной сеткой. Поэтому до сих пор актуален вопрос обобщения собранного материала и завершения начатой Филипповичем работы. В данный момент появилась возможность использовать для этой цели также многочисленные немецкие аэрофотоснимки периода 1941–1944 гг. В рамках нашего исследования инфраструктуры Ставки Верховного главнокомандующего, а также в целях популяризации историко-культурного наследия было решено обобщить материалы, касающиеся многочисленных могилевских гостиниц. Развитый гостиничный фонд стал одной из причин, по которым город на Днепре был избран для размещения Ставки.

В условиях военных неудач и постепенного приближения противника к Ставке Верховного главнокомандующего, располагавшейся в местечке Барановичи, возникла необходимость в поиске нового места для ее размещения. В качестве вариантов рассматривались: Орша, Борисов, Быхов и Могилев. Для принятия окончательного решения была командирована группа офицеров во главе с комендантом Штаба, генералом С.П. Саханским, которая должна была на месте оценить все достоинства и недостатки потенциальных городов-кандидатов. В своих

воспоминаниях дежурный генерал штаба Верховного Главнокомандующего П.К. Кондзеровский в отношении выбора губернского Могилева написал довольно однозначно: «По своем возвращении Саханский представил результаты своей командировки, по которым нельзя было не прийти к заключению, что единственным подходящим местом, из всех им осмотренных, был Могилев» [2, с.61]. Город на Днепре был выбран по множеству причин. Одной из них было наличие большого числа гостиниц, крайне необходимых для размещения чинов штаба, управлений и служб, а также лиц, состоящих при Верховном главнокомандующем.

Говоря о преимуществах города на Днепре, дежурный генерал указывал на 60 могилевских гостиниц, «из которых несколько вполне приличных, так что реквизируя некоторые из них, мы все же не стесняли город в его обычной жизни» [2, с. 70]. Цифра 60, названная Кондзеровским, впечатляет, ведь согласно данным дежурного генерала в Калуге, куда осенью 1915 г. планировали переносить Ставку в случае продолжения неудач на фронте, было 3 или 4 гостиницы. Однако она выглядит сомнительной, поскольку согласно адрес-календарю «Весь Могилев на Днепре» за 1912 год в Могилеве насчитывалось всего 30 гостиниц [1, с. 41]. К сожалению, данный список содержит лишь адреса, данные о количестве номеров в нем отсутствуют. Источниками по исследуемому вопросу являются также памятные книжки Могилевской губернии за 1914, 1915 гг. [5, с. 115–116] и план Могилева, составленный капитаном П.Е. Навоевым [3]. Однако в легенде к плану содержится еще меньше гостиниц – всего 14, подробной информации о них также нет.

В скором времени после переноса Ставки из Барановичей в Могилев в целях организации учета всех военных и гражданских чинов, имеющих отношение к ее функционированию, 31 августа 1915 г. по штабу Верховного главнокомандующего был издан приказ № 60. В нем перечисляются названия реквизированных для нужд Ставки гостиниц: «Бристоль», «Париж», «Франция», «Метрополь», «Днепровская», «Яр», «Лондон», «Эрмитаж», «Орловская» [7, л. 152]. Среди них есть те, которые в адрес-календаре 1912 г. не упоминаются. Вероятно, что за 3 года в городе могло появиться определенное количество новых гостиниц, некоторые могли изменить названия. Однако в научном архиве Могилевского областного краеведческого музея был найден более актуальный список, относящийся к 1916 г. В нем содержится информация о 28 гостиницах, в том числе и о количестве номеров в них [4]. Таким образом, стоит признать, что генерал Кондзеровский явно преувеличил возможности губернского Могилева.

Указанные в приказе № 60 гостиницы действительно использовались для проживания офицерского состава Ставки Верховного главнокомандующего. Об этом говорят данные телефонного справочника для абонентов сети штаба, который содержит также адреса проживания и места службы. Информация представлена по состоянию на 1 апреля 1916 г. Этот документ позволяет провести анализ на указанную дату. В ходе исследования данного источника также были установлены многочисленные факты проживания офицеров в других гостиницах города, не указанных в упомянутом приказе. В результате были выявлены еще 9 гостиниц, услугами которых пользовались офицеры Ставки: «Гражданский клуб», «Петроградская», «Южная», «Рим», «Тульская», «Польская», «Американская», «Московская», «Континент» [8]. Таким образом, для нужд Ставки было задействовано 18 гостиниц, что составляет около 60 % от имевшихся в городе. Результаты анализа были обобщены и сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Гостиницы Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве

Название гостиницы	Содержатель	Кол-во номеров	Кол-во прожив. офицеров	Адрес на 1916 г.	Адрес дома на 2023 г.
Бристоль	Ф.П. Слукин	30	5	Дворянская ул., д.Этлингера	Комсомольская ул., д.12 / Ленинская ул. д.23
Париж	Б.Ш. Ландау	?	10	Большая Садовая ул., д.Ландау	Ленинская ул., д. 19 / Болдина ул., д.4
Франция	Ж. Пассе	10	1	Днепровский пр., д.Каптелева	Не сохранился
Метрополь	М. Берлин	24	16	Днепровский пр., д.Грубина	Первомайская ул., д.21
Днепровская	И.И. Певзнер	17	11	Пожарный пер., д.Кагана	Пожарный пер., д.9
Яр	Г.Р. Петраков	6	6	I часть, д. Гисина	Не установлено
Лондонская	Г. Моносзон	16	22	Днепровский пр., д.Каца	Не сохранился
Эрмитаж	А. Гинсбург	22	22	Днепровский пр., д.Гинсбурга	Не сохранился
Орловская	Г. Моносзон	14	6	Днепровский пр., д.Грубина	Не сохранился
Гражданский клуб ¹	Совет старшин Мог. Общ. собрания	22	7	Днепровский пр., д.Павловицкого	Первомайская ул., д.34
Петроградская	И.Я. Каган	10	5	Дворянская ул., д.Эйдельмана	Не сохранился
Южная	М.-Г.М. Гинсбург	10	11	Дворянская ул., д.Гинзбурга	Не сохранился
Рим	Е.А. Шаволева	20	17	Днепровский пр., д.Лифшица	Не сохранился
Тульская	А.Ш. Гуревич	14	3	Большая Садовая ул., д. наследников Сухаревского	Ленинская ул., д.21
Польская	В.Ф. Вильчинский	12	1	Пожарный пер., д.Вильчинского	Пожарный пер., д.5
Американская	Г.А. Модлин	8	1	Днепровский пр., д.Цетлина	Не сохранился
Московская	Х.-И.Ф. Шефтель (?)	?	4	Днепровский пр., д.Бако	Не сохранился
Континент	Крапивницкий и Барсов	11	1	Днепровский пр., д.Хейфеца	Не сохранился

В справочнике содержится 486 фамилий, из них в гостиницах города проживало 149 человек, что составляет 30 % от общего числа. Стоит отметить, что в

¹ В доме Павловицкого в 1914–1916 гг. по разным данным находились гостиницы «Венеция», «Мерон-Гарни», «Гражданский клуб» и меблированные комнаты при Общественном собрании

источнике указаны только данные генералитета, офицерского состава и гражданских чинов, которые имели должности в Ставке. Лица свиты императора в данном списке не фигурируют, между тем их было немало. Для расселения части свиты, которая не поместилась в зданиях на Губернаторской площади, была выделена отдельная гостиница. Дежурный генерал штаба Кондзеровский писал об этом в своих воспоминаниях следующее: «Одна из лучших гостиниц Могилева, находившаяся очень близко от Ставки, на площади против городского театра, была предназначена мною для лиц Свиты Верховного Главнокомандующего» [2, с. 71]. Речь идет о гостинице «Франция», здание которой снесли в 1970-е гг. после постройки областной филармонии. Именно поэтому в таблице указан всего один человек – корнет граф Замойский, назначенный ординарцем Верховного главнокомандующего как чин Ставки. Остальные номера, вероятно, были заняты членами свиты императора.

Анализ данных таблицы показывает, что наибольшее число офицеров Ставки проживало в гостиницах «Эрмитаж», «Лондонская», «Рим» и «Метрополь». В связи с отсутствием информации о размере номеров и количестве спальных мест в них, мы не можем утверждать, что все офицеры занимали одноместные номера. Именно поэтому таблица 1 не содержит колонки «процент занятых номеров», поскольку ее данные могут быть непреднамеренно искажены. О живших в гостинице «Бристоль» военных агентах стран Антанты и о функционировании в ней офицерского собрания штаба Верховного главнокомандующего мы уже писали ранее [6].

Также хотелось бы указать и местоположение не сохранившихся до наших дней гостиниц Ставки (в скобках указана нумерация дома на первую четверть прошлого столетия согласно данным И.И. Филипповича). По левой стороне нынешней улицы Первомайской, в зданиях, на месте которых после войны был построен дом № 12, располагались гостиницы: «Континент» (№ 22) – угол ул. Лазаренко, «Московская» (№ 28), «Эрмитаж» (№ 34) – угол 1-го Коммунистического пер., «Лондонская» (№ 38) и «Орловская» (№ 40) – угол 1-го Крутого пер [9]. Гостиница «Петроградская» находилась в доме на углу улиц Большой Садовой и Дворянской. Сейчас на его месте стоит здание по адресу Ленинская, 10 / Комсомольская, 14 (магазин «Перекресток»). Гостиница «Рим» располагалась в доме на углу нынешней Первомайской и Комсомольского сквера со стороны городской доски почта, а «Американская» – на месте 9-этажного углового дома по адресу Первомайская, 5 / Болдина, 1. Местоположение гостиницы «Яр» по имеющимся данным установить не удалось.

Таким образом, Могилев губернский в 1915 г. был избран в качестве Ставки Верховного главнокомандующего в том числе по причине наличия в городе большого количества гостиниц, необходимых для размещения офицерского состава. По итогам анализа оказалось, что весной 1916 г. минимум 30 % офицеров проживали в городе в номерах частных гостиниц. Механизм оплаты за проживание установить не удалось, однако вероятнее всего, что все расходы на себя брало военное ведомство. Из 18 гостиниц, в которых проживали офицеры Ставки, на сегодняшний день сохранились здания всего семи. Все они имеют статус материальной недвижимой историко-культурной ценности Республики Беларусь.

1. Весь Могилев на Днепре : адрес-календарь. – Могилевская губерния : типография А. И. Шнейдера, Ш. З. Шаина, 1912. – 56 с.
2. Кондзеровский, П. К. В Ставке Верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем / П. К. Кондзеровский. – Париж, 1967. – 129 с.

3. Могилев на Днепре [Карты] : пл. города / сост. П.Е. Навоев. – Могилев : типолитография Я.Н. Подземского, 1918. – 1 к.
4. Научный архив Могилевского областного краеведческого музея. – НА 2129.
5. Памятная книжка Могилевской губернии // издание Могилевского губ. статистического комитета. ... на 1914 год / под редакцией и. д. секретаря комитета И.И. Марченко. – Могилев : губернская типография, 1914. – XVII, 292, 256 с.
6. Раемский, Ю. А. Функционирование офицерского собрания штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915–1916 гг. / Ю.А. Раемский // Романовские чтения – 16 : сборник статей Международной научной конференции, Могилев, 24 ноября 2022 г. / под общ. ред. А.С. Мельниковой, Е.И. Головач. – Могилев, 2023. – С. 40–41.
7. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1652.
8. Справочник для абонентов телефонной сети Штаба Верховного Главнокомандующего. – Могилев : Типография Штаба Верховного Главнокомандующего, 1916. – 102 с.
9. Могилевский областной краеведческий музей. – НВ 10814.

Репин В.В.
ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ В СЛОВАКИИ
ОБ УЧАСТНИКЕ АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, СЛОВАЦКОМ КАПИТАНЕ ЯНЕ НАЛЕПКЕ

Ключевые слова: историческая память, историография, Вторая мировая война, Словакия, Ян Налепка, антифашистское сопротивление.

В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны в тематическом зале, посвященном истории антифашистского сопротивления на территории Беларуси, среди экспонатов представлена картина белорусского художника М.А. Савицкого «Переход словаков к партизанам», на которой показана сцена братания участников белорусского партизанского и отряда и словацких солдат, перешедших к ним во главе с начальником штаба 101 дивизии капитаном Яном Налепкой, в ночь с 14 на 15 мая 1943 г. Ян Налепка (20 сентября 1912 г. – 16 ноября 1943 г.) стал руководителем 1-го чехословацкого партизанского отряда на территории СССР, который он возглавлял до своей смерти 16 ноября 1943 г. в бою за освобождение украинского города Овруча. Факт перехода к советским партизанам группы словаков из состава Первой охранной словацкой дивизии, базировавшейся на территории северной Украины и Юго-Восточной Беларуси, которые уже с конца 1942 г. установили первые контакты с антифашистским сопротивлением и взаимодействовали с ним во время операции по подрыву моста на реке Птичь в начале ноября 1942 г., не стал единичным, что заставило немецкое командование летом 1943 г. расформировать морально разложившуюся дивизию и направить ее состав на итальянский фронт. Значение поступка капитана Яна Налепки, взявшего среди партизан оперативный псевдоним Репкин, было высоко оценено советским верховным главнокомандованием, когда 2 мая 1945 г. ему было посмертно присвоены орден Ленина и звание Героя Советского Союза, которым он оказался единственным словаком за всю историю Великой Отечественной войны.

В Чехословакии после ее освобождения в 1945 г. и завершения Второй мировой войны сюжет о героическом участии в антифашистском сопротивлении Яна Налепки стал значимым способом трансляции исторической памяти, ввиду того, что центральным местом памяти о войне для словаков стало Словацкое национальное восстание августа-октября 1944 г., поднятое словацкими антифашистами в тылу немецкого фронта на территории центральной Словакии. Активное участие словаков в движении сопротивления должно было

перечеркнуть факт союзничества Словацкой республики в блоке введомых нацистской Германией центрально-европейских государств, и в частности, поддержку Словакией нападения нацистов на Польшу в сентябре 1939 г. и немецкого нападения на СССР в июне 1941 г.

История капитана Яна Налепки оставила след в белорусском, украинском и прежде всего словацком историческом нарративе, историографии и культурной памяти. Говоря о Беларуси, его именем названы улицы в Ельске и Лельчицах, а на фасаде одноэтажного дома в Ельске, где он проживал, в 1967 г. была установлена мемориальная доска. В конце июля 2015 г. мемориальный знак Герою Советского Союза Яну Налепке был открыт в Ельске при участии руководителя дипломатической миссии Словацкой республики в Республике Беларусь посла Мирослава Мойжиты. На историческом факультете Белорусского государственного университета в декабре 2014 г. состоялся круглый стол и выставка плакатов, посвященных юбилейной годовщине Словацкого национального восстания, на которой был представлен и стенд, посвященный Яну Налепке.

В Словацкой исторической памяти формирование образа Яна Налепки началось практически после его смерти, 5 мая 1945 г. он был посмертно включен в список Героев Словацкого национального восстания, а 28 октября 1948 г., в день 30-летней годовщины образования Чехословацкой республики награжден военным орденом Белого Льва 1-й степени. 31 августа 1996 г. он был *in memoriam* награжден высшей наградой Словацкой республики Орденом Людовита Штура второй степени за активное участие в антифашистской борьбе. Отметим, что Ян Налепка был также удостоен медалей «За героизм» (две медали III степени, и одна медаль II степени), полученные за службу в войске Словацкого государства в 1939–1940 гг., участие в защите Словакии во время т. наз. Малой (семидневной) войны с Венгрией в марте 1939 г. и в польской компании Вермахта. 8 июля 1943 г. еще при жизни он был награжден советской Медалью Партизана Отечественной войны 1-й степени. Среди его наград – также Чехословацкий военный крест (02.03.1946 г.), Медаль «За храбрость перед врагом» (02.03.1946 г.), Орден Словацкого национального восстания первой степени, целый ряд посмертных юбилейных наград, югославский Орден братства и единства.

Именем героя сопротивления был назван ряд улиц в словацких и чешских населенных пунктах. С 1948 г. носит его имя деревня Налепково (предыдущее название Вондришел) в округе Гелница Кошицкого края. Его имя носят и базовая школа в городе Штупава, Налепковы водопады в Зеймарском ущельи на территории природной зоны Словацкий рай, источник возле деревни Модра над Цирохоу в округе Гуменне, а с 1946 г. улица в районе чешского города Брно, а также улицы в крупных словацких городах Кошице, Прешове, Мартине, Нитре, Банской Быстрице и еще более 40 населенных пунктах Словакии, улицы в Остраве, Пардубицах и еще более 30 населенных пунктах Чехии. В столице Словакии Братислава до 1989 г. в центре старого города также существовала улица, названная в честь капитана Яна Налепки, однако в 1989 г. ей было возвращено историческое название Панска. 7 мая 2004 г. президент Словацкой республики Иван Гашпарович присвоил Я. Налепке посмертно воинское звание бригадного генерала. В 2022 г. 110-летний юбилей Яна Налепки был отмечен мероприятием в его родном селе Смижанох, организованном культурно-просветительским обществом Матица Словенска.

Образу капитана Яна Налепки, участника антифашистского сопротивления помимо многочисленных публикаций в чехословацкой периодической печати и

памятных мероприятий поспособствовало издание и массовых художественных произведений. В 1961 г. словацкий писатель, видный представитель социалистического реализма, бывший участник антифашистского сопротивления в Банской Быстрице, впоследствии служивший сотрудником чехословацкого посольства в СССР Милош Крно опубликовал биографический роман о Яне Налепке «Вернусь живой» («Vrátim sa živý»), изданный на чешском языке три раза суммарным тиражом более 20000 экз. [9]. Данный роман стал основой для сценария к чехословацко-советскому военному биографическому фильму «Завтра будет поздно» («Zajtra bude neskoro»), снятом на киностудии «Белорусфильм» режиссерами Мартином Тяпаком и Александром Карповым в 1972 г., где роль капитана Налепки играл известный словацкий актер Милан Княжко. Действие фильма показывает белорусский этап жизни Яна Налепки, белорусских персонажей в нем играли актрисы Нонна Мордюкова (белорусская связная), Евгения Ветлова, Майя Булгакова.

Особое место в формировании памяти о капитане Яне Налепке отводилось научно-популярным изданиям, которые значительными тиражами публиковались в период социализма. Часть из них была переводами советских публикаций. Так в 1952 г. был издан перевод на словацкий язык Р. Ванчиковой очерка «Герой Советского союза Ян Налепка (Репкин)», написанного Давидом Юдковичем Берлинским и Мордухом Вениаминовичем Погребинским [1].

В 1954 г. в Спишской Новой Веси была опубликована брошюра «По поводу открытия памятника Герою СССР капитана Яна Налепке» [18]. В 1961 г. в серии «Листаем историко-политический календарь» в Братиславе вышла брошюра «Ян Налепка: к 16-й годовщине награждением званием Герой Советского союза (2 мая 1945 г.)» за авторством Винцента Кутика и Корнеля Хаима [10]. В 1956 г. Союз словацких деятелей изобразительного искусства организовал выставку «По следам капитана Яна Налепки: картины Юла Немчика», выставленные в период с 16 ноября по 6 декабря 1956 г. в выставочном зале на Шафарикой площади в Братиславе [14].

1960-е гг. были для социалистической Чехословакии временем отстаивания памяти об участии словаков в антифашистском сопротивлении, большую роль в котором сыграл будущий руководитель чехословацкой компартии, участник Словацкого национального восстания Густав Гусак. Наряду с ним, важную роль в руководстве КПЧ играл член ЦК Вилиам Шалгович, участник чехословацких антифашистских формирований на Восточном фронте, впоследствии занявший консервативную позицию в отношении модели чехословацкого социализма. Еще в 1946 г. он опубликовал не раз издаваемый очерк «Капитан Репкин уходит: (Ян Налепка – учитель, партизан, герой)» [16]. Впоследствии он был издан 10 раз, на словацком, чешском и русинском языках, а также на болгарском в Софии. За время длительной политической карьеры В. Шалгович возглавлял такие структуры как Словацкий национальный совет и Общество советско-чехословацкой дружбы.

Музыкальные произведения в честь словацкого партизана были изданы Словацким музыкальным фондом в 1962 г. (партитуры «Дума о Налепке» Милана Новака и «Песнь о Налепке» Зденко Микулы) [13].

Об Яне Налепке за время социализма три раза были изданы библиографические справочники, приуроченные к его юбилеям (под ред. Палушевой Марии в 1962 г. в Жилине, Вейсеровой Марины в 1972 г. в Банской Быстрице, Йиткой Велнеровой в Оломоуце в 1987 г.) [12, 17, 19].

О педагогической деятельности Я. Налепки, который до войны работал школьным учителем в ряде школ различных регионов Словакии была издана публикация в периодическом издании Оломоуцкого университета им. Ф. Палацкого «Сборник трудов педагогических» в 1964 г. [15]. Попытку реконструировать образ Яна Налепки на основании документальных материалов, фотоисточников и воспоминаний современников предприняла в 1970 г. Мария Якубичова [4]. Использование примера Я. Налепки широко применялось в воспитательной работе в чехословацких школах. Так в 1972 г. Виктория Брестлова подготовила сборник методических материалов по личности словацкого партизана, который был опубликован в Кошицах [7]. В честь 60-летнего юбилея Я. Налепки в Спишской Новой Веси 22 сентября 1972 г. был проведен научно-методический семинар, материалы которого были изданы [5]. Памятное 220-страничное биографическое издание, богато снабженное иллюстративными материалами, было составлено в 1976 г. и издано в главном словацком издательстве «Словенски списователъ» под ред. Матея Андраша [6].

Последним изданием об Яне Налепке в социалистический период стал очерк, опубликованный в 1988 г. в Праге за авторством Марии Якубовичевой и Татьяны Ащенбреннеровой «Капитан Ян Налепка – герой СССР» [3].

В период после демонтажа социалистического режима в Чехословакии в 1989 г. и последующего возникновения отдельных Словацкой и Чешской республик, наступил процесс пересмотра наследия социалистического прошлого, который часто затрагивал и тематику Второй мировой войны. Отметим, что в случае Яна Налепки, который теперь стал рассматриваться прежде всего как герой словацкого (а не чехословацкого) сопротивления, сохранению памяти о нем способствовала и активная общественная деятельность его брата Йозефа Налепки (1925–2014), который в период социализма занимал ряд дипломатических и общественных постов (в Варшаве, Москве, Белграде и Афинах, несколько лет был председателем Международного славянского комитета). В период открытости и свободы слова он выступил инициатором проведения памятных мероприятий о своем брате, а также стал редактором воспоминаний, где более открыто рассказал об известных ему событиях, касающихся в том числе и мемориализации памяти об Яне Налепке. В 1995 г. в Братиславе им была издана книга «Вторая школа и новые сведения о капитане Яне Налепке», а в 2002 г. сборник документов и воспоминаний «Другие об Яне Налепке» [2, 11]. Под конец своей жизни, в 2012 г. в Спишской Новой Веси вышло третья книга Йозефа Налепки о своем героическом брате «Капитан Налепка-Репкин в бою против немецких оккупантов» [8].

Отметим, что образ легендарного словацкого командира и партизана регулярно возвращается в публичную повестку словацких медиа, причем вокруг его личности ведутся активные дискуссии и даются разные оценки, которые мы вынуждены вынести за пределы данного исследования, резюмируя, что представленный кейс модели сохранения исторической памяти на словацком опыте имеет свое практическое измерение, которое необходимо принимать во внимание в условиях актуализации тематики сохранения историко-культурного наследия и памяти о прошлом.

1. Berlinskij, D. Hrdina Sovietskeho svazu Ján Nálepka (Repkin) / D. Berlinskij, M. Pogrebinskij ; [z rus. orig.] preložila R. J. Vančíková. – Bratislava : Svaz protifašistických bojovníkov, 1952. – 85 s.
2. Iní o kapitánovi Jánovi Nálepkevi : (k nedožitým 90. narodeninám) : zborník spomienok a dokumentov / zostavil: Jozef Nálepka : zborník spomienok a dokumentov. – Spišská Nová Ves : Polygrafia, 2002. – 172 s.

3. Jakubovičová, M. Kapitán Ján Nálepka – hrdina ZSSR / M. Jakubovičová, T. Aschenbrennerová. – Praha : federální ÚV ČSSPB, 1988. – 54 s.
4. Jakubičová, M. Učiteľ Ján Nálepka : Zborník spomienok, dokumentov a fotografií / M. Jakubičová. – Banská Bystrica : Stredoslov. vydav., 1970. – 197 s.
5. Ján Nálepka – učiteľ – partizán – hrdina : Zborník zo seminára pri 60. nedežných narodeninách : 22.9.1972 – Spišská Nová Ves / Red. Otília Pavlíková. – Bratislava : Osvetový ústav, 1973. – 103 s.
6. Kapitán Ján Nálepka / [rediguje Matej Andráš ; spolupracovali Matej Andráš a kol.]. – Bratislava : Slovenský spisovateľ, 1976. – 221 s.
7. Kapitán Ján Nálepka : Metodický materiál pre prácu s deťmi nad 11 rokov / Zost. Viktória Bröstlová. – Košice : Mestská knižnica pre mládež, 1972. – 23 s.
8. Kapitán Nálepka-Repkin v boji proti nemeckým okupantom : zborník spomienok a dokumentov o Hrdinovi Sovietskeho zväzu a Slovenského národného povstania, brigádnom generálovi in memoriam Jánovi Nálepkevi / zostavil Jožo Nálepka. – Spišská Nová Ves : Andrej Macko, 2012. – 235 s.
9. Krno, M. Vráť sa živ / M. Krno ; Ze slov. orig. Vráť sa živý přel. Břetislav Truhlář. – Praha : Naše vojsko, 1960. – 233, [2] s.
10. Kútik, V. Ján Nálepka : K 16. výročiu udelenia titulu Hrdina Sovietskeho svazu (2. mája 1945) / zost. Vincent Kútik a Kornel Haim. – Bratislava : Universitná knižnica, 1961. – 21 s.
11. Nálepka, J. Druhá maturita a nové poznatky o kpt. Jánovi Nálepkevi / J. Nálepka. – Bratislava : NVK International, 1995. – 223 s.
12. Palušová, M. Kapitán Nálepka – vzor statočnosti : malá odporúčajúca bibliografia o kpt. J. Nálepkevi, vyd. pri príležit. 50. výročia jeho narodenia / M. Palušová. – Žilina : Okresná ľudová knižnica, 1962. – 9 s.
13. Pamiatke hrdinu Sovietskeho svazu Jána Nálepku [hudebnina]. – Bratislava : Slovenský hudobný fond, 1962. – 1 partitura (16 s.)
14. Po stopách kapitána Jána Nálepku : obrazy Jula Nemčíka / Svaz slovenských výtvarných umelcov v Bratislave. – Bratislava : Reklama, podnik Slovenského fondu výtvarných umení, 1956. – 24 s.
15. Sborník prací pedagogických. 5. [sv.] / věd. red.: Ervín Koukal. – Praha : SPN, 1964. – 178 s.
16. Šalgovič, V. Kapitán Repkin odchádza : (Ján Nálepka – učiteľ, partizán, hrdina) / V. Šalgovič. – Bratislava : Obzor, 1946. – 234 s.
17. Wernerová, J. Ján Nálepka – protifašistický bojovník, hrdina SSSR : 20.9.1912 – 16.11.1943 : personální bibliografie / sestavila J. Wernerová. – Olomouc : Okresní knihovna, 1987. – 1 nestránkovaný sv.
18. Z príležitosti osláv odhalenia pomníka Hrdinovi SSSR kpt. Jánovi Nálepkevi. V Sp. Novej. – Vsi : Kultúrno-propagačná komisia pre prípravu osláv odhalenia pomníka Hrdinovi SSSR kpt. Jánovi Nálepkevi, 1954. – 32 s.
19. Žiť chcem, no smrti sa nebojím : odporúčajúca bibliografia k 60. nedežným narodeninám kpt. Jána Nálepku, Hrdinu ZSSR a SNP / zostavila Mária Weiserová ; úv. štúdiu nap. Jozef Baláž. Spišská Nová. – Ves : Okresná knižnica, 1972. – 25 s.

Розенблат Е.С. ПАМЯТНИКИ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА БРЕСТЧИНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: культура, синагоги, привилеи, кладбище, божница.

В настоящее время Республика Беларусь переживает процесс национального возрождения. Огромное внимание уделяется памятникам национальной культуры, их изучению и восстановлению. Однако процесс национального возрождения затронул не только этнических белорусов, но и представителей национальных меньшинств и групп, проживавших и проживающих сейчас на территории республики. Среди них следует назвать русских, украинцев, татар и евреев. Вряд ли будет преувеличением сказать, что нельзя объективно воссоздать историко-культурный облик городов и местечек столь сложного и многообразного этнически региона, как Брестчина, не изучая культурного наследия проживавших здесь этнических групп, в том числе евреев.

Проблему изучения памятников еврейской культуры на Брестчине следует, вероятно, разделить на два основных направления: выявление и описание культовых зданий (синагог) и еврейских кладбищ и их современное состояние; поиск и увековечивание мест массовых расстрелов еврейского населения, павших жертвой гитлеровского геноцида в годы Великой Отечественной войны.

Первоначально местами расселения евреев в Беларуси служили города, крупные торгово-ремесленные центры. Уже при Витовте евреи жили в Бресте, Троках, Гродно, Луцке, Владимире-Волынском и других городах. Основывая свои общины в Великом княжестве Литовском, евреи прежде всего добивались привилегий, которые бы обеспечивали их права как граждан государства. Согласно самому раннему (1388 г.) привилею, еврейские общины имели право на свободу вероисповедания, строительство синагог и кладбищ. Земля, на которой находились кладбища и синагоги, освобождалась от налогов. За разрушение или осквернение еврейского кладбища виновные подвергались казни и конфискации имущества, а за осквернение еврейской синагоги – уплате двух фунтов перца [1, с. XX]. Позднее, например, в привилее 1644 г. короля Владислава IV Пружанской еврейской общине устанавливаются некоторые архитектурные ограничения при постройке синагог: «... разрешаем ... построить ... свою божницу, но только с условием, чтобы она не была выше католических костелов...» (в других привилеях добавляется «и церквей») [1, с. XXI]. Разрешение евреям строить синагогу и иметь свое кладбище было также средством давления на общину, т. к. в случае неисправных платежей подати власти опечатывали и синагогу, и кладбище. Подобная практика применялась неоднократно [2, с. 343]. Здания синагог служили и для защиты жителей от нападения врагов, и их часто строили в виде крепостей с мощными стенами, за которыми можно было отсидеться в случае опасности. Луцкая синагога была снабжена бойницами «для обороны со всех четырех сторон», пушкой и «людьми, способными к обороне» [5, с. 95]. Вероятно, первая Брестская синагога тоже была крепостного типа. Внутри синагоги были роскошно украшены. В люстрах тончайшей работы горели свечи, стоял семисвечник – в память об Иерусалимском храме, висела лампада с семью ветвями для фитилей, в которой постоянно горел огонь. Прихожане заказывали богато украшенные свитки Торы и дарили их синагогам. В синагогах были драгоценные бокалы для обряда благословения, вышитые золотом покрывала для стола, на который клали свиток Торы при чтении, серебряные тазы для мытья рук. В Виленской синагоге «все было из серебра и золота, из парчи, шелка и бархата... Кресло для обряда было ... осыпано жемчугом, оковано серебром, с золотыми шариками, и на нем подушка, шитая золотом, а также шитое покрывало из шелка. На полу лежали персидские ковры, а все сосуды и чаши были серебряные с позолотой». Даже невзрачные снаружи деревенские избы-синагоги были разрисованы изнутри по стенам и потолку затейливыми рисунками [5, с. 96]. Вероятно, такими же богато украшенными были и синагоги Бреста, Пружан, Каменца и других городов и местечек края.

В целом, наличие синагоги и кладбища было признаком самостоятельности и значимости еврейской общины в Великом княжестве Литовском [2, с. 339].

Брестская община в XIV–XVII вв. занимала ведущее место среди еврейских общин Беларуси, поэтому особый интерес вызывают сведения о Брестской синагоге. Брестская синагога славилась по всей Европе. Своей архитектурой и изящной отделкой она вызывала зависть у знатоков. В 1411 г. великий князь Витовт бесплатно выделил на ее постройку глину и кирпич [4, с. 8]. К сожалению, не сохранилось ее изображений, но можно попытаться выяснить ее местонахождение. В 1660–1671 гг. в Бресте состоялся судебный процесс между священником Лазаровичем и еврейской общиной: целью Лазаровича было доказать, что еврейская синагога стоит на месте церкви св. Сергия и Вакха и отсудить занятый евреями плац. В доказательство Лазарович представил духовное завещание священника церкви св. Сергия и Вакха Фалалевича, датированное 1405 г. В завещании говори-

лось, что плац и синагога стояли на немецкой улице, на месте церкви св. Сергия и Вакха, выстроенной неким Иваницким и затем проданным им врагам св. Креста [1, с. VIII, XII, XV]. В 1495 г. после изгнания евреев из Великого княжества литовского великим князем Александром дома брестских евреев с синагогой были отданы на госпиталь католический и костел св. Духа. По возвращении евреев в Брест в 1503 г. Александр возвратил синагогу общине.

В 1511 г. король Сигизмунд I, будучи в Бресте, подтвердил права еврейской общины, данные его предшественниками, обратил внимание на их знаменитую в то время синагогу и разрешил отпускать кирпич и глину на ее починку. Еврейское кладбище в то время находилось, очевидно, возле р. Угрышки.

В описании староства Берестейского 1566 г. мы встречаем еврейскую синагогу на ул. Жидовской, рядом с рынком, а на ул. Преорской – копища (кладбища) еврейские.

XVI–XVII вв. для Бреста – время постоянных вражеских нашествий, войн, разрушений. Вместе с городом, вероятно, постоянно разрушалась и перестраивалась и Брестская синагога. В 1842 г. при сносе старого города в стене синагоги нашли замурованную гранитную плиту с надписью: «Вельможа Саул-Самуил Юдич построил женскую галерею синагоги в память супруги своей Двойры» [4, с. 92]. Самуил (Саул) Юдич – Шаул бен Иехуда Валь (ок. 1541, Падуя – ок. 1617, Брест-Литовск) был богатым купцом и откупником и возглавлял Брестскую общину в конце XVI – начале XVII в. [6, с. 203]. Во время войн между Москвой и Польско-Литовским государством Брест сильно пострадал от русских войск. Короли Михаил (в 1669 г.) и Ян III (в 1676 г.) подтвердили привилегии Брестской еврейской общине. В жалованной грамоте упоминается и Брестская синагога с комплексом построек: «...А еще евреи Бреста имели при школе божницу старую, недалеко от вала, построенную из дерева, которая из-за опустошения московского, происшедшего в Бресте, сожжена была. На том месте маленькую построили... Теперешним письмом нашим разрешаем восстановить и построить большую, так, как с давних времен было...» [1, с. 264]. Речь идет, вероятно, о восстановлении при синагоге здания, называвшегося Бейт-Мидраш – «дом ученья» (в источнике «божница») – место для изучения Торы, Талмуда и другой священной для евреев литературы. В средние века Бейт-Мидраш размещался в синагоге или рядом с ней, выполняя функцию не только места ученья, но и места молитвы. При нем обычно была библиотека, а зачастую «Дом ученья» служил приютом для странников [6, с. 391].

На плане г. Бреста 1824 г. мы видим еврейскую синагогу на ул. Жидовской. Отмечено там и кладбище. Большая «чудо-синагога» оставалась в старом городе до 1842 г., пока казна не выкупила ее у общины за 8 тыс. рублей, после чего здание было разрушено. Памятная плита Саула Юдича, найденная при сломе, была замурована в фундаменте новой синагоги, которая была построена в 1851–1862 гг. В XIX – начале XX в. количество молельных домов увеличивалось пропорционально увеличению еврейского населения города. В 60-е гг. XIX в. в Бресте была каменная синагога и 16 деревянных молитвенных домов («дом ученья»). В конце XIX в. – 2 большие синагоги и 30 молитвенных домов. В 1929 г. выделяли красивую каменную синагогу по ул. Домбровского, 57 молитвенных домов.

В годы немецкой оккупации все синагоги и молитвенные дома в Бресте были заняты под конюшни и гаражи. Были уничтожены молитвенные книги, одеяния, чаши и короны из серебра, мебель и т. д. Общий ущерб оценивался в 28965380 руб. [3, л. 24]. Каменная синагога в г. Бресте была разрушена на 30%, уничтожены 23 деревянных молитвенных дома [3, л. 25]. Полностью была разру-

шена синагога в Каменце (ущерб – 204768 руб.) [3, л. 28], разрушено 9 культовых зданий в г. Пружаны (ущерб – 5968 000 руб.) [3, л. 22–23].

После Великой Отечественной войны здание большой Брестской синагоги просуществовало до середины 1970-х гг. В 1976 г. на ее месте был построен кино-театр «Беларусь». Архитекторы использовали в проекте уцелевшие части большой шестигранной синагоги, окружив ее по периметру железобетонным каркасом с широкими застекленными проемами [7, с. 71]. Сохранилась в Бресте еще одна каменная синагога (бывший клуб «Прогресс»). В настоящее время в Брестской области зафиксированы следующие памятники еврейской культуры:

1. Здание бывшей синагоги, г. Кобрин (кирпич), вторая половина XIX в. Памятник представляет собой базиликальный безбашенный храм. Является памятником эклектичной архитектуры с элементами классицизма. В здании находился цех безалкогольных напитков [7, с. 248].

2. Здание бывшей синагоги, г. Пружаны (кирпич, вторая половина XIX в.). Памятник эклектичной архитектуры. При синагоге действовала еврейская школа, здание которой построено из кирпича в едином архитектурном стиле, повторяющем синагогу: прямоугольный в плане одноэтажный объем под полуовальной крышей [7, с. 370]. Здание использовалось Ружанской автобазой.

3. Здание бывшей синагоги, г. Столин (кирпич, 1792 г.). Здание, в плане близкое к квадрату со слегка скошенными с северо-западной стороны углами. Стены декорированы фресковой живописью, имитирующей архитектурную пластику. Синагога – памятник архитектуры переходного периода от барокко к классицизму [7, с. 382].

Самостоятельным и фактически неизвестным для исследователей видом памятников истории и культуры являются еврейские (и не только) кладбища.

Старые кладбища не обозначены в «Своде памятников истории и культуры Брестской области». Еврейские кладбища в больших городах, как правило, попадали под застройку и исчезли навсегда. Так, в Бресте, на месте еврейского кладбища нового времени построен стадион «Локомотив» (с 1972 г.). Однако еврейские кладбища частично сохранились в небольших городах и местечках. Комплексного исследования не проводилось, однако сейчас известны кладбища в Ружанах, Пружанах, остатки кладбища в д. Лысково Пружанского района. Для выявления подобного рода памятников требуется программа и планомерные поиски. Важность подобных исследований несомненна. Ведь традиционное еврейское кладбище являлось неперенным элементом и даже условием существования еврейских общин в диаспоре. Согласно канону, принятому в иудаизме, кладбище должно находиться на расстоянии не менее 25 м от ближайшего дома поселения: участок, отведенный под кладбище, следовало огораживать. На кладбище обычно имелась особая постройка для омовения покойников. Из-за небольших размеров выделенной под кладбище земли часто приходилось хоронить в два (а иногда и более) слоя, оставляя между ними пласт земли толщиной в шесть ладоней (около 45 см), равный предписанному минимальному расстоянию между смежными могилами.

Именно таким предстает Пружанское еврейское кладбище. Часто несколько еврейских общин имели общее кладбище. На большинстве кладбищ выделяли особый участок для погребения раввинов и других знатных членов общины. Иногда мужчин и женщин хоронили в разных рядах. Враждующих запрещалось хоронить рядом, вероотступников следовало хоронить в дальнем углу или за оградой кладбища. Памятники часто украшались декоративным орнаментом.

Кладбища являются ценным источником по численности, социальной градации, профессиональной принадлежности членов еврейских общин. Одно из надгробий еврейского кладбища в Пружанах предположительно относится к концу XVIII в. Наконец, это просто кладбище и необходимо положить конец их варварскому уничтожению. Сейчас сносится Пружанское кладбище, а в скором времени эти памятники истории и культуры еврейского народа будут, вероятно, полностью утеряны. Памятники еврейской истории и культуры являются частью культурного наследия Республики Беларусь и требуют тщательного изучения, фиксации, а по возможности и сохранения.

1. Акты, издаваемые Виленской Археологической Комиссией : в 39 т. – Вильно : Тип. губерн. правления, 1871. – Т. V. – 450 с.
2. Бершадский, С. А. Литовские евреи / С. А. Бершадский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 432 с.
3. Государственный архив Брестской области. – Ф. 514. Оп. 1. Д.110.
4. Зоненберг, Х. История города Брест-Литовска 1016–1907 / Х.Зоненберг. – Брест-Литовск : Тип. И. Кобринца, 1908. – 104 с.
5. Кандель, Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев / Ф. Кандель. – Иерусалим : Ассоциация Тарбут, 1986. – Т. 1. – 56 с.
6. Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим : Кетер, 1976. – 400 с.
7. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. – Минск : Белорус. Сов. Энцикл. им. Петруся Бровки, 1990. – 417 с.

Розмысл Е.В.

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ЩУЧИНСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, жертвы оккупации, мемориализация, социальная политика, ветераны.

С освобождением в июле 1944 г. нынешнего Щучинского района Гродненской области, который тогда состоял из Василишковского, Желудокского и Щучинского, перед советскими и партийными органами одной из первоочередных задач стало увековечение жертв немецкого геноцида и погибших в боевых действиях. Более трёх лет жители находились под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). Оккупационные власти совершили огромное количество преступлений против мирного населения. Помимо того, на территории района погибло много солдат и офицеров Красной армии, участников партизанской и подпольной борьбы.

Важным шагом в этом направлении стало решение Щучинского райкома КП(б)Б от 18 сентября 1944 г. «О создании районной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» [3, л. 2].

Благодаря её оперативной работе, уже 5 октября 1944 года на заседании бюро РК КП(б)Б рассматривался вопрос «Оформление братских могил – жертв немецких оккупантов в Щучинском районе» [3, л. 11]. Было принято постановление: «В целях увековечивания памяти погибших лучших сынов нашей Родины в борьбе за независимость и свободу белорусского народа провести следующие мероприятия:

1. Обязать председателей сельсоветов к 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) взять на учёт все могилы партизан, бойцов Красной Армии и граждан, зверски уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками.

2. Построить ограды вокруг кладбища, а также одиноких и братских могил, провести кодировку могил, посадку деревьев, цветов и др.

3. Восстановить, а там, где нет – сделать постаменты и надписи о похороненных в данной могиле. Надписи восстановить на металлических пластинках масляными красками, а также сохранить имеющиеся фотографии.

4. Организовать постоянный уход и наблюдение за состоянием кладбищ, а также одиночных могил и мест массовых казней белорусского народа.

5. Организовать общественность: рабочих, служащих, интеллигенцию, комсомольцев, пионеров и школьников по сохранению и уходу за местами похороненных воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну.

6. Выделить из местного бюджета средства для оплаты расходов, связанных с оформлением и уходом за могилами» [3, л. 13–14]. Аналогичные меры были приняты 17 апреля 1945 г. на заседании Василишковского РК КП(б)Б, согласно которому постановили «обязать сельские и поселковые советы к 1 мая 1945 г. привести в надлежащий вид все могилы погибших воинов, огородив их и установить соответствующие надписи» [6, л. 65].

В связи с окончанием войны в мае 1945 г., а также вследствие работы ЧГК и проведенных ею расследований, на заседании Щучинского РК КП(б)Б от 20 апреля 1946 г. было принято новое постановление «Об увековечивании памяти воинов РККА». В частности, в нем говорилось:

«А) Перенести могилы воинов и партизан из городского сквера на военное кладбище.

...В) соорудить памятники на городских скверах на месте массового расстрела еврейского населения, а также в парке, где были расстреляны советские военнопленные.

...2. обязать председателей сельсоветов произвести перенос могил воинов РККА погибших в 1941 г. и захороненных на полях, шоссе и тракторным дорогам, а также к населенным пунктам» [4, л. 93].

В постановлении Василишковского РК КП(б)Б от 26 июля 1947 г. «Об итогах работ по увековечиванию памяти воинам Советской Армии и партизан, погибшим в годы Великой Отечественной войны» было принято окончательное решение – все работы по увековечиванию памяти воинов и партизан завершить ко дню победы над Японией 3 сентября 1947 г. [7, л. 240].

Активно, несмотря на условия послевоенной разрухи, реализовывалась социальная политика по отношению к участникам Великой Отечественной войны. Подобные задачи уже упоминались в перечне мероприятий, связанных с годовщиной освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков 3 июля 1945 г.: «...5. Провести проверку семей, члены которых погибли в борьбе с немецкими захватчиками, инвалидов Отечественной войны. Крайне нуждающимся из них оказать необходимую помощь, провести с ними соответствующую массово-политическую работу.

7. Рекомендовать Щучинскому райисполкому присвоить ряд медалей особо-отличившимся в борьбе за освобождение Белоруссии» [2, л. 204].

Активно проводился учет участников войны по местам работы. Данные мероприятия проводились с целью: во-первых – оказать помощь ветеранам-инвалидам и найти им оптимальное место работы в соответствии с их здоровьем;

во-вторых – помочь с трудоустройством после демобилизации; в-третьих – обеспечить господдержку их семьям в случае нетрудоспособности или гибели бойца.

Не были оставлены без внимания инвалиды Великой Отечественной войны. Если в Желудокском районе в 1945 г. проживало лишь 2 инвалида II группы [1, л. 16], то в Василишковском ситуация была куда серьезнее. На заседании Василишковского РК КП(б)Б от 20 ноября 1945 г. обсуждался вопрос «О проведении работы по трудоустройству инвалидов Великой Отечественной войны, демобилизованных из Рабоче – Крестьянской Красной Армии». Отмечалось, что «Работа по трудоустройству инвалидов Отечественной войны проводится недостаточно: из 130 инвалидов трудоустроено 15. В связи с чем, поручить отделу кадров вести ежедневный контроль по трудоустройству инвалидов Отечественной войны» [6, л. 204]. О выполнении поставленной задачи свидетельствует тот факт, что, например, Щучинский парткомитет на 1946 г. состоял из 11 военнослужащих, 18 партизан, из которых 14 награждены различными орденами [5, л. 240]. Помимо того, участники Великой Отечественной войны были представлены к различным государственным наградам. В первую очередь это были партизаны, которые остались в районе после освобождения и внесли немалый вклад в восстановление народного хозяйства. Согласно документам, только за 1945 г. в Щучинском районе из 33 бывших партизан 8 были награждены медалями «Партизан Великой Отечественной войны» I степени, 25 – II степени [4, л. 195–196, 220]. В послевоенные годы местные органы власти проводили учёт бывших партизан, проживающих в Щучинском районе, число которых на 1948 г. составляло до 28 человек [8, л. 10–11].

Таким образом, в послевоенный период были приняты меры по увековечению памяти погибших советских людей – как воинов, подпольщиков и партизан, так и мирных жителей. Создание братских могил – яркий пример того, какое огромное значение советский народ отдавал памяти о защитниках и погибшим. В этом проявился пример мощного духовного героизма и патриотизма народов СССР. Социальной политики в отношении ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны была направлена на их трудоустройство, а также на предоставление к заслуженным наградам. Местные органы власти взяли на учет каждого проживающего в районе участника войны, принимали меры к тому, чтобы обеспечить им материальную поддержку, воздавая должное за их ратный труд и вклад в победу над фашизмом.

1. Государственный архив Гродненской области – Ф. 1171. Оп. 1. Д. 8.
2. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (далее – ГАООГО) – Ф. 10. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАООГО – Ф. 10. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАООГО – Ф. 10. Оп. 1. Д. 30.
5. ГАООГО – Ф. 10. Оп. 1. Д. 33.
6. ГАООГО – Ф. 7. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАООГО – Ф. 7. Оп. 1. Д. 20.
8. ГАООГО – Ф. 10. Оп. 1. Д. 93.

Рубинина З.М.
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ХРАНИТЕЛЯ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ «ФОТОГРАФИИ» ОТДЕЛА СОБРАНИЯ ФОНДОВ
МУЗЕЯ В.И. ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Ключевые слова: фотография, музейная коллекция, Исторический музей, Центральный музей В.И. Ленина, культурное наследие, историческая память.

Одним из способов формирования и сохранения исторической памяти являются публикации памятников истории и культуры, включая экспонирование на выставках и постоянных экспозициях музеев, электронные и типографские публикации, начиная от каталогов и заканчивая материалами СМК и т.п. С помощью подобных публикаций происходит актуализация культурного наследия. В данном докладе мне хотелось бы показать, как этот процесс выглядит с точки зрения хранителя музейной коллекции фотографий.

Два слова о коллекции, работа с которой послужила основой для этих наблюдений. Включает в себя фотографические отпечатки и альбомы. Сложилась в ведомственном Центральном музее В.И. Ленина (ЦМЛ), целенаправленно комплектовались лишь некоторые комплексы фотодокументов, в том числе – «В.И. Ленин и семья Ульяновых», «Места, где жил и работал В.И. Ленин» и т.п. Коллекция была разделена на шесть фондов по тематическому принципу, причем один из них назывался «Фотографии. Разные». Многие фотодокументы записывались только в книги поступлений ЦМЛ, но не включались в инвентарные книги – своеобразный аналог научно-вспомогательного фонда. Поскольку учетно-хранительская работа в ЦМЛ не была приоритетной, в запасниках музея отложилось большое количество фотографических отпечатков и альбомов, не включенных в учетную документацию музея. Создание единой коллекции «Фотографии» из всех этих разрозненных частей относится уже ко времени существования фондов бывшего ЦМЛ в Государственном историческом музее (ГИМ). Поэтому коллекция является очень пестрой как по составу (от ожидаемых фотографий В.И. Ленина до представительного семейного фотографического архива дворян и интеллигентов Левицких – середина XIX – последняя треть XX в.), так и по качеству фотодокументов (от винтажных авторских отпечатков ленинских фотографий до плохого качества пересъемок необходимых для экспозиционной работы ЦМЛ сюжетов, включая ту же фотолениниану). Иными словами, небольшая по объему коллекция (в настоящее время – 20 890 предметов основного фонда хранения) достаточно разнородна по содержанию.

Следует принимать во внимание, что предметы коллекции в большинстве случаев стали доступны широкому кругу пользователей лишь с 2017 г., когда Государственный каталог Музейного фонда РФ (ГК МФ) стал учетным документом, и началась публикация музейных предметов в соответствующем реестре каталога. До того времени речь шла об экспонировании некоторых предметов на временных выставках и публикациях в каталогах выставок и научных статьях. На этом примере видно, что ГК МФ при всем несовершенстве поисковых возможностей решил проблему доступа к музейным предметам и коллекциям в РФ, что особенно актуально для малоизвестных, небольших и разнородных коллекций фотодокументов, одной из которых является коллекция «Фотографии» отдела собрания фондов музея В.И. Ленина (ФМЛ) ГИМ. С этого времени можно говорить не только

об отборе предметов для выставок ГИМ или, в лучшем случае, сторонних выставок с участием музея, но и об отборе предметов сторонними пользователями. Поэтому следует говорить о нескольких формах актуализации культурного наследия, исходя не только из вида публикации, но и на основании актора, обращающегося к предметам музейной коллекции: хранитель, сотрудники научно-экспозиционного отдела, сторонние пользователи, в том числе – сотрудники иных подразделений ГИМ и различные организации, включая музеи.

Зачастую хранитель коллекции – единственный человек из актуальных сотрудников, кто видел все ее предметы «вживую». Хранители, как правило, специализируются на определенных видах памятников, поэтому подготовлены для проведения источниковедческих исследований и/или публикации каталогов предметов коллекции и/или создания выставок фондовых предметов. Конечно, большая, представительная коллекция может послужить основанием для проведения конкретной исторической работы. В качестве примера можно привести монографию-альбом бывшего сотрудника отдела изобразительных материалов ГИМ Т.Г. Сабуровой, посвященную истории Русского Фотографического общества [5], закрывающую «белое пятно» в истории отечественной фотографии. Но мейнстрим хранительских исследований в исторических и краеведческих музеях – все же, на мой взгляд, источниковедческий или искусствоведческий. Благодаря таким исследованиям, каталогам, выставкам, научное сообщество и общество в целом знакомится с предметами культурного наследия, получает более точное, яркое и объемное представление о творчестве мастеров былых эпох. А если применить этот тезис к фотодокументам, то одновременно – с различными реалиями жизни прошлого, запечатленных фотографами.

Предметы музейной коллекции могут быть отобраны для участия в тематической выставке или публикации в издании музея. Созданием тематических выставок обычно занимаются экспозиционеры (реже – хранители). В этом случае предметы составляют общий предметный ряд с памятниками других типов. И отбираются они, как правило, с учетом взаимодействия различных памятников, в совокупности создающих образ события, явления, эпохи. В этом смысле тематическая выставка на исторический сюжет – научно-популярное издание, возможно, более привычное в иных формах (книжное или журнальное издание, радио или телепередача и т.п.). При удачном воплощении замысла зритель получает полноценную картину в рамках темы выставки. При неудачном – лишь знакомится с предметным рядом. В любом случае происходит актуализация культурного наследия, каждый посетитель дополнит свои представления не только об определенном событии или явлении отечественной истории, что неразрывно связано с функционированием исторической памяти, но также о составе культурного наследия.

Безусловно, музейные коллекции редко публикуются полностью. И независимо от того, кто является актором – хранитель или автор тематической выставки, существует проблема отбора, на который во многом влияют вненаучные или околонаучные факторы. Так, выбор хранителя может быть продиктован его специализацией и областью научных интересов, в том числе – творчеством определенных авторов, развитием отдельных жанров и направлений. Актуализации коллекции в целом здесь помогает то, что хранители меняются, и каждый последующий находит свои сюжеты для публикаций, делая таким образом представление предметов культурного наследия более полным.

Случай тематической выставки сложнее, поскольку подразумевает неоднородный предметный ряд, и проблема взаимодействия памятников весьма важна.

Но есть и другие факторы. Так, еще в XX столетии сформировались два противоположных подхода к отбору предметов для выставок и экспозиций музеев. Первый из них подразумевает отбор и экспонирование только оригиналов, за редкими исключениями, обусловленными проблемой обеспечения сохранности, когда экспонируется точная копия предмета из собрания данного музея (обязательное условие!). Второй подход базируется на максимально полном и ярком раскрытии темы, пусть целиком или отчасти на копийном материале. В действительности оба подхода служат актуализации культурного наследия и помогают обогащению исторической памяти, знакомя зрителей с культурными ценностями или напоминая уже знакомые произведения. С точки зрения строгой науки представляется важным первый подход, а для социально ориентированной истории важны оба. Если в музее работают адепты обоих подходов, это будет проявляться в выставочной деятельности. В противном случае подходы могут меняться со временем.

Невозможно отрицать субъективность любого отбора: разнообразие представлений о «сильном кадре» (часто по Р. Барту [1]), значение личных ассоциаций, силу сформировавшегося у автора выставки/ издания образа эпохи, исторических деятелей, даже силу привычных памятников. Поскольку у автора, особенно если он неоднократно делает выставки сходной тематики, может с течением времени сложиться излюбленный набор предметов. Актуализация культурного наследия в более полном смысле достигается за счет того, что на основании одного музейного собрания различные авторы в разные периоды создают выставки. Безусловно, здесь речь идет лишь о профессионалах в полном смысле слова, без учета таких факторов, как, к примеру, идеологическая ангажированность автора, поскольку это яркий признак отсутствия профессионализма.

Электронные каталоги (прежде всего, ГК МФ) сделали сведения о музейных собраниях, включая изображение предмета, доступным широкому кругу пользователей. Конечно, следует учитывать отсутствие расширенного поиска в реестрах ГК и различие в качестве электронных имиджей, а также их наличие/отсутствие. Подобные технические факторы неизбежно влияют на отбор предметов сторонними пользователями. Также следует учитывать проблему разницы цен на копирование в архивах и музеях РФ, что, безусловно, уменьшает привлекательность музейных коллекций фотодокументов, несмотря на лучшее представление в электронной среде музейных предметов, по сравнению, с архивными документами. Тем не менее, даже предметы таких небольших и малоизвестных коллекций, как коллекция ФМЛ ГИМ становятся темой пользовательских запросов о предоставлении права на публикацию или участия предмета в виртуальной выставке. Подобные запросы стали особенно популярны, начиная с пандемии, когда значимыми стали электронные публикации. Так, в 2020-2023 гг. по предметам коллекции «Фотографии» ФМЛ в ГИМ пришло 23 запроса, включая проверку аннотаций в типографских изданиях музея. Безусловно, это немного, но, во-первых, число запросов неуклонно растет от 3 в 2020 г. до 11 в текущем. Во-вторых, по сравнению даже с 2020 г. изменился характер запросов – вместо «что у вас есть на интересующую меня тему» предметом письма все чаще становятся отобранные в электронных каталогах музейные предметы. Наконец, даже столь невеликое число позволяет отметить некоторые тенденции. Прежде всего, благодаря электронным каталогам появился спрос на фотографии в составе альбомов, в том числе фотокопию диаграммы. Т.е. даже сложные для экспонирования и антиаттрактивные предметы могут быть востребованы. Также следует вновь подчеркнуть расширение круга инициаторов публикаций музейных предметов.

Какое отношение вышеизложенное имеет к исторической памяти? Для ее функционирования и развития необходимы не только публикация документов, научные исследования, всевозможные формы научно-популярной деятельности от публикаций в СМК до модных ныне квестов. Необходимо также постоянно представлять широкому кругу зрителей сами памятники историко-культурного наследия, расширять представление о жизни, деяниях, творчестве людей прошлого. В конце концов, с помощью этих памятников от архитектуры до фотографии и кино связывать настоящее и прошлое страны. Имеет значение постоянное обновление визуального ряда: не создается впечатление, что отечественное культурное наследие состоит из ограниченного количества предметов и потому вторично по сравнению с кажущимся разнообразием культурного наследия иных стран, где в действительности просто не пренебрегают постоянным обновлением и расширением форм представления. Поэтому важно, что формы публикации предметов культурного наследия разнообразны и инициированы различными акторами. Чем больше будет качественных и различных по форме и содержанию публикаций предметов отечественного культурного наследия, тем серьезней будет его влияние на формирование и функционирование исторической памяти.

1. Барт, Р. Camera lucida. / Р. Барт.– М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с.
2. Государственный каталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/>.– Дата доступа: 10.10.2023.
3. Магидов, В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В.М. Магидов.– М.: РГГУ, 2005. – 394 с.
4. Маловичко С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева.– Орехово-Зуево: МГОИ, 2013. – 252 с.
5. Сабурова, Т.Г. Русское фотографическое общество в Москве. 1894–1930 / Т.Г. Сабурова.– М.: Планета, 2013. – 320 с.

Румянцева М.Ф.
ОСВОЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ СТОЛКНОВЕНИЯ / СИНЕРГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ключевые слова: социально ориентированное историописание, принцип инаковости, принцип контекста, столкновение цивилизаций, синергия цивилизаций, государство-цивилизация.

...мир находится на пути к синергии государств-цивилизаций, больших пространств, общностей, осознающих себя именно таковыми.
В.В. Путин. 5 октября 2023 г.

Преамбула. Настоящий доклад продолжает и развивает тему, рассмотренную мною на конференции 2021 года [5]. Тогда речь шла о двух стратегиях освоения культурного наследия – социально ориентированном историописании и исторической науке. Давайте расширим контекст рассмотрения проблемы освоения культурного наследия до уровня цивилизаций и их взаимоотношений, причем расширим с учетом исторического опыта прошедших со времени конференции 2021 года двух лет. Конечно, мне могут возразить, особенно историки: два года явно недостаточное расстояние для суждения об исторических изменениях. Но текущая эпоха – переломная, ход исторического времени нереально ускорился и история требует постоянного переосмысления, хотя бы и на гипотетическом уровне. Поэтому давайте все-таки попробуем... И, естественно, доклад имеет открыто дискуссионный характер.

Сразу же оговорим, что речь идет об освоении культурного наследия массовым/общественным сознанием, а не о научной его разработке. Но и в научном плане эти аспекты необходимо учитывать, хотя бы потому, что профессиональный историк является носителем массового сознания и не всегда способен его элиминировать.

При выходе в осмыслении стратегий освоения культурного наследия на уровень цивилизаций складывается сложная ситуация – сложная как сама по себе, так и своей динамикой, поэтому оттолкнемся от рубежа 1980–1990-х гг., начала перехода от постмодерна к постпостмодерну, что, как мне представляется, есть непосредственный background актуальной ситуации.

Хантингтон vs Фукуяма. Ситуация кризиса постмодерна и начала перехода к постпостмодерну на рубеже 1980–1990-х годов отмечена (среди много прочего) дискуссией двух известнейших американских политологов/политических философов Сэмюэла Хантингтона (1927–2008) и Фрэнсиса Фукуямы (р. 1952). Обе концепции хорошо известны, поэтому позволю себе акцентировать внимание лишь на некоторых аспектах, непосредственно относящихся к нашей теме. Но сначала не могу не отметить: Фукуяму в настоящее время критикуют все – и даже ленивый, но, на мой взгляд, его концепция заслуживает самое пристальное внимание, как минимум, по двум причинам. Во-первых, именно концепция Фукуямы [8; 9] предельно репрезентативна в отношении западной культуры, по-прежнему претендующей на исключительность, что делает эту концепцию значимой при экспликации контекста освоения культурного наследия. Во-вторых, эту концепцию (надеюсь, что я неправа!) имплицитно, а зачастую и вполне декларируя, по-прежнему разделяет значительная часть «интеллигенции», включая и так называемых «профессиональных» историков. Хотя, на мой взгляд, в нынешних условиях это выглядит уже достаточно странно...

Хантингтон [10], возражая Фукуяме, противопоставляет его концепции победы западного либерализма концепцию столкновения цивилизаций и формулирует существенно важную для рассматриваемой нами проблемы мысль: «Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных» [10, с. 12]. И подчеркивает: «Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [10, с. 13].

Отметим, что нашу, отличную от западной, цивилизацию Хантингтон именует православной (*orthodox civilization*), что, конечно же, не вполне корректно: одно из системообразующих качеств этой цивилизации – многоконфессиональность. Но здесь важно, что Хантингтон практически фиксирует цивилизационные различия внутри христианства, чему историки не всегда придают соответствующее значение, а тем более религиозному фактору как во многом определяющему культурный код, хотя это, казалось бы, и очевидно. Напомню, что и А.Дж. Тойнби выделял «православно-христианское, или византийское общество» как отдельную цивилизацию [7, с. 33].

Несмотря на радикальное различие и даже противостояние концепций Хантингтона и Фукуямы, на мой взгляд, они не порождают принципиальных различий в освоении культурного наследия, а лишь задают границы его освоения/присвоения. Концепция Фукуямы предполагает восприятие западной цивилизации как «цветущего сада» (воспользуемся изящными формулировками представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозепа

Борреля), а окружающие ее «джунгли» воспринимаются в лучшем случае как экзотика, причем не только массовым сознанием, но зачастую и «профессиональными» историками. Концепция Хантингтона в этом аспекте может выглядеть еще более радикально, поскольку предполагает имманентность культурного наследия определенной цивилизации и, соответственно, восприятие иноцивилизационной культуры как чужой, а в ситуации столкновения цивилизаций – враждебной. В духе концепции «столкновения цивилизаций» Хантингтон утверждает: «Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль “линий разлома” между основными мировыми цивилизациями» [9, с. 13].

От столкновения цивилизаций к их синергии. Фактически уже общепризнанная граница перехода от одной цивилизационной ситуации к другой – 24 февраля 2022 года. Казалось бы, начало Специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации против украинского режима – апофеоз столкновения цивилизаций, как минимум Православной (по Тойнби и Хантингтону) и Западной. Но эта высшая точка одновременно является точкой перелома от парадигмы столкновения цивилизаций к началу оформления парадигмы их синергии, что, очевидным образом модифицирует (должно модифицировать) стратегию освоения культурного наследия.

И я вижу эту новую только еще складывающуюся ситуацию весьма парадоксальной. С одной стороны, сохраняется, а скорее – усугубляется разрыв между социально ориентированным историописанием (историческим нарративом) и исторической наукой, сохраняющей презумпцию инаковости в рассмотрении как иных цивилизаций, так и разных исторических периодов собственной. С другой стороны, синергия цивилизаций предполагает, вероятно, внедрение принципа инаковости в стратегию освоения культурного наследия общественным сознанием. Но восприятие инаковости неотделимо от принципа контекста, общественному сознанию несвойственного. В докладе 2021 г. я уже это отмечала, ссылаясь на таких разных авторов как Г. Риккерт и Дж. Тош, а также Ф. Ницше [5].

В современном общественно-политическом дискурсе утверждается понятие «государство-цивилизация». Насколько я могу судить, это понятие введено в общественно-политический дискурс Концепцией внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г.: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [2].

Понятие государство-цивилизация получило дальнейшее концептуальное развитие в речи Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г.: «В Концепции внешней политики России, принятой в этом году, наша страна охарактеризована как самобытное государство-цивилизация. В такой формулировке точно и ёмко отражено то, как мы понимаем не только наше собственное развитие, в ней – основные принципы мирового устройства, на победу которых мы надеемся. В нашем понимании цивилизация – многогранное явление. <...> цивилизаций

много, и ни одна из них не лучше и не хуже другой. Они равноправны как выразители чаяний своих культур и традиций, своих народов. <...> Основные качества государства-цивилизации – многообразие и самодостаточность» [1].

Конечно, это понятие еще требует осмысления и теоретической разработки, поскольку возникающие при его универсальном применении проблемы вполне очевидны. Но попытаемся предположить, какие новые возможности для стратегии освоения культурного наследия дает это понятие. На мой взгляд, оно позволяет задействовать в максимальной мере национально-государственный нарратив. Но сопряжение национально-государственного нарратива и принципа многообразия и равноправия цивилизаций создает новые проблемы: национально-государственный нарратив строго ориентирован на определенный социум и, – в теории, ввиду неverifiedируемости нарратива, – не работает на синергию цивилизаций. Вероятно, выход из этой, практически тупиковой, ситуации возможен на путях выработки соответствующей этической установки при понимании тесной связи этики и эпистемологии [подробнее 6].

А что же может дать здесь историческая наука, кроме материала для выработки этической установки на толерантность? Кратко перечислю, поскольку о каждом из этих аспектов уже писала.

Первое. Источниковедение историографии, то есть источниковедческий подход к историографическому источнику, позволяющий деконструировать иноцивилизационный нарратив.

Второе. Установка на интерпретацию, как ее понимает источниковедение, в отличие от герменевтической установки в духе Г.-Г.Гадамера [подробнее 3].

Третье. Обращение к вещественным историческим источникам. Историки так и не выработали методов работы с этим типом исторических источников (по имманентным для исторической науки причинам). Но соответствующий опыт есть у музеев, играющих самую существенную роль в позиционировании культурного наследия.

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]// Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>. – Дата доступа: 05.10.2023.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>. – Дата доступа: 05.10.2023.
3. Румянцева, М. Ф. Вещный поворот в контекстах источниковедения и глобальной истории // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 1. – С. 9–11.
4. Румянцева, М. Ф. Герменевтика vs интерпретация с точки зрения источниковедческой концепции методологии истории / М. Ф. Румянцева // Cogito. Альманах истории идей. – Ростов н/Дону, 2015. – Вып. 6 : Foundation. – С. 11–25.
5. Румянцева, М. Ф. Две стратегии освоения культурного наследия / М. Ф. Румянцева // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22–23 октября 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 155–159.
6. Румянцева, М. Ф. Этика и эпистемология: «четвертый постулат практического разума» А.И. Введенского / М. Ф. Румянцева // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії : досвід переживання : [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол. : О.І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпро : Пороги, 2017. – С. 58–83.
7. Тойнби, А. Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
9. Фукуяма, Ф. Началась ли история снова? [Электронный ресурс]// Фрэнсис Фукуяма // Гуманитарный портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/222>. – Дата доступа: 05.10.2023.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : АСТ, 2003. – 603, [5] с.

Саидахматов Ш.Т.
УРБАНИЗАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА

Ключевые слова: урбанизация, Центральная Азия, Термез, период независимости, туризм.

В конце XX – начале XXI века в различных регионах и странах мира произошли существенные изменения, связанные с трансформацией современного мира. Увеличение числа городов и поселков, формирование специфической городской культуры и появление крупных мегаполисов и агломератов стали важным фактором развития развитых стран. Урбанизация переходит в новое качество, в которой каждый город занимает особое место, как на локальном уровне, так и на глобальном. Поэтому развитие каждого города требует всестороннего изучения, обобщения, социально-философского осмысления, исправления с учетом современных тенденций развития данного феномена на уровне мирового сообщества. В Узбекистане урбанизация также имеет свои собственные этапы исторического развития.

В XX веке развитие городов активизируется, его проблемы к началу XXI века приводят к противоречиям процессов урбанизации, конфликту интересов, проблемам, которые ранее не стояли на повестке дня и которые требуют их всестороннего анализа. Урбанизация постепенно становится такой новой глобальной проблемой, что со своими скрытыми угрозами она может превзойти даже экологические проблемы. С конца XX века особенно противоречиво происходят процессы урбанизации в условиях противостояния в государствах Центральной Азии, сильным имущественным расслоением населения, демографическим кризисом, идеологической неразберихой. Поэтому проблемы урбанизации становятся одним из основных направлений государственной политики Республики Узбекистан. В этом отношении особое внимание уделяется современному развитию исторических городов.

Чтобы определить масштабы, причины, динамику, последствия процесса роста городов в современном мире, необходимо выявить результаты, проблемы и перспективы городского развития, связанные с западной и восточными культурами, определить особенности городов на территории СССР, указать достижения, проблемы и перспективы, присущие каждому пространству.

Термез – центр Сурхандарьинской области, один из городов Узбекистана, сохранившийся с древних времен. Он входит в число городов Центральной Азии, которые в процессе становления и развития мигрируют с одного места в другое. Следовательно, необходимо понимать, что Термез – это город конгломерат, разные части которого раскинулись на широкой территории треугольной формы между Амударьей и Сурхандарьей, на севере ограничен Каттакумом. Такой конгломерат характерен для городов Центральной Азии, они переезжали с одного места на другое из-за войн, экономического кризиса или нехватки воды [3, с. 8].

По археологическим данным, в середине I тысячелетия до нашей эры образуется город Термез. В то время в Северной Бактрии, жители предгорного региона начали переселяться в долины крупных рек. В результате число поселений у берегов Амударьи увеличилось. Один из них возник на месте будущего города, на естественном песчаном холме, лежащем на берегу реки. По мере увеличения численности населения растут экономические и культурные связи между двумя побережьями Амударьи, возрастает значение переправы, и этот фактор стал определяющим в жизни поселения. Таким образом, с ранних периодов своей истории Термез начал служить крепостью, охраняющей важный проход через Амударью, международного торгового пути. С образованием Великого Шелкового пути Термез превращается в важную цепочку в его составе [3, с. 55].

В результате монгольского нашествия жизнь города временно прекратилась, и разрушенный Термез в течение XIII века восстанавливался на новом месте. XIV–XV века были наивысшим периодом развития городской жизни. В период правления Амира Темура и его потомков Центральная Азия, как отмечают исследователи истории региона, переживет наивысший этап своего развития. Жители Термеза стали одной из политических и идеологических опор государства Темуридов. Во времена Шейбанидов Термез стал центром Кунградского улуса. Термез, сохранявший свое положение до середины XVIII века, сотрясается кризисами от взаимных войн, в результате иранского вторжения приходит к полной деградации. Жизнь в городе продолжается только в Салавате, который является его исторической частью.

Во второй половине XIX века регион становится зоной соперничества между Россией и Великобританией. Россия на основе планов по завоеванию Индии через Афганистан превратила Термез в «военный городок», который стал ее форпостом [1, с. 121]. С конца XIX века в Центральной Азии начинается новый этап урбанизации. В Термезе, как и в других городах Узбекистана, начала развиваться городская жизнь.

В годы независимости Термез, несмотря на все испытания и невзгоды прошлого, сохранил свое традиционное значение и вступил в новый этап своего развития. Термез становится культурным и образовательным центром развивающегося промышленного и сельскохозяйственного региона – Сурхандарьинской области. В 2014 году Термез награжден орденом Амира Темура за успехи, достигнутые в годы независимости в социально-экономической, культурной сферах. Осуществляемые в Узбекистане реформы открывают перед Термезом новые перспективы, город становится межрегиональной стратегической платформой в сфере экономики и транспорта.

В советский период Сурхандарья была наименее развитым регионом Узбекистана с точки зрения промышленного развития. В первые годы независимости возникли экономические проблемы, потому что после разрыва связей в конце существования Советского Союза, поставки вышли из строя. С 1991 года начался процесс преобразования государственных предприятий в хозяйственные компании и общества с целью создания рыночной экономики с социальной ориентацией. Процесс приватизации последовательно продолжался в годы независимости. За годы независимости, благодаря развитию различных сфер промышленности, город Термез превратился в один из центров многопрофильного производства республики. В частности, в городе стали функционировать предприятия легкой промышленности по шелководству, шелкоткачеству, трикотажу, швейное и мебельное производство. В Термезе были созданы малые и средние предприятия, которые обеспечивали население промышленной продукцией, товарами народного потребления, различными услугами. Доля малого бизнеса и частного предпринимательства в валовом региональном продукте города составляет 75,3%. Более 80 процентов занятого населения работает в этом направлении.

В Термезе в советское время для проживания, как и во всей стране, велось строительство многоэтажных панельных домов, получивших в народе название «хрущевка». Социальные объекты и жилые объекты были построены с большими недостатками. План развития города Термез, принятый в 1979 году, не был выполнен. Статус Термеза в советское время определялся с точки зрения «военного городка». Поэтому все вопросы, связанные с городской инфраструктурой, решались по согласованию с военными. В первые годы независимости, на основе той же традиции, даже работы по благоустройству проводились совместно с военными.

Поворот в сфере строительства был совершен в 2001 году, в Термезе было построено и введено в эксплуатацию в общей сложности 67 объектов, таких как Археологический музей, амфитеатр, железнодорожный вокзал, центр предпринимателей, ряд парков. На подготовку 2500-летнего юбилея Термеза и на строительство других объектов были выделены крупные суммы. С началом нового этапа в сфере строительства для выявления проблем в системе и их решения к 2021 году было принято около 40 законов, указов и постановлений, регулирующих строительную сферу. Они были направлены на радикальное реформирование проблем, которые оставались в системе на протяжении многих лет.

Накануне распада СССР тяжелая ситуация в социальных отношениях отмечалась не только в Узбекистане, но и во всех республиках. В результате нехватки средств многие запланированные работы в масштабах Советского Союза выполнить не удалось. Например, не было выполнено даже решение правительства по обеспечению населения питьевой водой и природным газом.

В Узбекистане было отремонтировано более 34 тысяч многоэтажных домов. В связи с этим был изучен опыт крупнейших мегаполисов мира. На месте устаревших многоэтажных домов в рамках программы реновации в стране были построены и сданы в эксплуатацию новые дома с современными условиями для нужд населения. Если в 2001 году в городе Термез насчитывалось 19 махаллей – системы квартальной самоуправления, то к 2021 году их число достигло 37. Деятельность махаллей радикально изменилась не только с точки зрения количества, но и с точки зрения качества. Обеспечение занятости населения, выход из бедности и доступ к источникам дохода считаются одной из приоритетных задач.

В 2021 году построена и сдана в эксплуатацию «Президентская школа», которая соответствует мировым стандартам. Были созданы широкие возможности для получения высшего образования. В южном регионе Узбекистана охват выпускников школ и средних специальных учебных заведений высшим образованием к 2017 году составлял 10%. Для того чтобы осуществить радикальный поворот в этой области, был взят курс на повышение престижа высших учебных заведений, привлечение в них высококвалифицированных кадров и усиление конкуренции. Сегодня в Термезе функционируют 1 университет, 4 института и 1 филиал высшего учебного заведения. Охват населения высшим образованием достиг 28%, научный потенциал составляет 19,7%. Контингент студентов составляет 41266 человек, профессорско-преподавательский состав – 1403 человек.

В развитии современной городской культуры сфера туризма занимает особое место. Поэтому проведен широкий комплекс работ по развитию туристической инфраструктуры. В настоящее время сохранение исторических памятников и их использование при развитии территорий считаются актуальной проблемой. В 2021 году комплекс памятников на территории Термеза были включены в инвестиционные программы с целью реставрации этих памятников. Одним из отреставрированных памятников является памятник Зул-Кифль, который расположен на острове и в средневековье являлся продолжением городской территории. Долгое время посещение и ремонтные работы исторического памятника, расположенного на приграничной территории, было ограничено с точки зрения безопасности, из-за беспокойства и нестабильности в Афганистане. Теперь памятник Зул-Кифль, как и другие исторические памятники, был отремонтирован.

Музеи играют важную роль в формировании туризма. В частности, Термезский археологический музей, единственный специализирующийся в области археологии в Центральной Азии, действующий с 2002 года, предоставляет возмож-

ность привлекать туристов со всего мира. Создание Государственного музея истории и культуры на базе краеведческого музея и предоставление нового здания стало важным шагом в развитии музейного дела в городе. В 2019 году на базе музея был создан Государственный музей-заповедник «Термез» и в его распоряжение переданы объекты культурного наследия Сурхандарьинской области. В дополнение к государственным крупным музеям в городе Термезе функционируют музеи в школах, колледжах, университетский музей, специальные музеи различных учреждений. На протяжении всей истории Термез был центром культуры, просвещения, литературы, искусства, архитектуры. Поэтому ведется работа по включению города с древним наследием в список ЮНЕСКО.

Пандемия коронавируса оказала большое влияние на состояние и дальнейшее развитие туризма. Такого тяжелого кризиса в туристской сфере не наблюдалось со времен Второй мировой войны. Несмотря на такое положение, в 2022 году число туристов увеличилось на 30%.

Таким образом, Термез был расположен на перекрестке великих дорог, в этом регионе городская культура с древних времен формировалась и развивалась, переживала кризисы на перипетиях истории. В XX веке превращение Термеза в закрытый «военный городок» препятствовало его развитию. Положительные изменения, наблюдаемые в городской экономике в годы независимости, налаживание новых направлений в промышленности, создании совместных предприятий, привлечении иностранных инвестиций, расширения частного сектора, отразились на росте объемов производства.

В период независимости в городе Термезе были проведены большие строительные и созидательные работы. В городе были возведены новые здания и сооружения, отремонтированы исторические памятники. Большая работа была проведена в области коммуникаций, транспортных услуг и дорожного строительства, которое занимает особое место в развитии современной городской культуры. Большое скопление населения в областном центре и его окрестностях привело к быстрому развитию городской агломерации, присоединению к городу населенных пунктов, близких к Термезу. Формирование городской агломерации является характерной чертой урбанизации современного периода. За годы независимости в городе Термезе наиболее важные изменения были внесены в социальную сферу, в том числе, в систему здравоохранения и образования. Но, несмотря на то, что принимаются важные меры для решения существующих проблем и недостатков, экологические проблемы еще не нашли полного решения.

Город Термез, ставший «южными воротами Узбекистана» в годы независимости, и окружающие его исторические памятники, музеи имеют возможности для дальнейшего развития туристических перспектив региона. Но, несмотря на принимаемые меры, инфраструктура туризма не отвечает современным требованиям. Поэтому предлагается разработать долгосрочную программу развития Термеза с учетом природных условий, на основе «Критериев развития современных городов ООН в Программе Хабитат», других международных культурных документов.

1. Мирзаев, Дж. З. Военные конфликты в Афганистане: Термезский плацдарм / Дж. З. Мирзаев // Сборник докладов конференции «Слинкинские чтения» памяти профессора М.Ф. Слинкина, Симферополь, 15 февраля 2013 г. – Симферополь, 2013. – С. 18–20.
2. Мирзаев, Дж. З. Город на перекрестке великих дорог: история, идеология и культура / Дж. З. Мирзаев // История и современность Великого Шелкового пути: социально-культурные, исторические, политические и экономические аспекты развития : материалы научной конференции. – Т., 2013. – С.197–201.
3. Ртвеладзе, Э.В. Термиз ва унинг Ўрта Осиё тарихидаги ўрни. Термиз. / Э. В. Ртвеладзе // Термиз. Буюк йўллар чоррахсидаги кўҳна ва янги шаҳар. – Т.: Шарқ, 2001. –Б 9.

Саидов Б.М.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
КАК ИСТОЧНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Ключевые слова: национальные традиции, народная педагогика, природосообразность, экологическое воспитание.

В современном обществе идет глубокая переоценка истории вклада различных народов, идей, учений в общечеловеческую культуру. Это связано, прежде всего, с ростом национального самосознания, потребностью духовного возрождения этносов, со стремлением возродить наиболее эффективные формы и методы воспитания. Поэтому воспитание непосредственно связано вопросами жизнедеятельности человека и группы людей в разные исторические периоды развития человечества.

Народная педагогика близка к природе и человеку, и она воспринимается как природная, естественная. Именно исходя из этого, народными педагогами можно назвать деда, бабушку, людей старшего поколения, умудренных жизненным опытом. Национальное образование в этой связи призвано быть механизмом управления, обеспечивающим оптимальные условия для осуществления различных функций организма человека природных, социальных, физических с целью адекватной самореализации молодого человека в различных сферах деятельности – семейно-бытовой, профессиональной, добро творческой.

Воспитание личности средствами народной педагогики дает положительные результаты в школьной практике, поскольку именно в них заключена многовековая мудрость народа – воспитателя. Поэтому воспитание подрастающего поколения нужно начинать с его приобщения к духовно-нравственным ценностям народа, его традициям, обычаям. В связи с этим можно мы считаем, что важнейшим моментом воспитания в любом возрасте является приобщение к духу и культуре своего народа. Для нашей многонациональной Родины это особенно важная и сложная проблема. В конечном счете, эта проблема заключается в правильном понимании национального и интернационального.

В народной педагогике четко выделяются естественность и природосообразность воспитания, основой идеи которого является признание природного равенства людей, самоценности и уникальности каждого индивида, его неразрывного единства с окружающим миром. Природосообразность и естественность в народной педагогике характеризуется глубоким пониманием внутреннего мира человека, его целей, поступков, мотивов деятельности, интересов, а также роли природы в нравственном становлении личности молодого поколения. На основе естественности и природосообразности построены своего рода народные педагогические программы формирования целостной личности, выраженные в народных идеалах, которые ярко отражаются в пословицах, поговорках.

Согласно традиционному мировосприятию, все, что нас окружает – растения, животные, люди – это создания единой природы, которые находятся в постоянном взаимодействии. Когда нарушаются нормы и правила общения с живой природой, наступает дисгармония, это убеждение должно уясняться ребенком с раннего детства.

Результаты проблемы ученые видят в том, что образование должно ориентироваться на национальную культуру, включать себя национальные мифы и предания; всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; дела и слова святых, героев, гениев и вождей; родной язык и литературу; обычаи и обряды, национальную

архитектуру, дизайн утвари, изобразительное искусство, хореографию и музыку, народный костюм; меры, средства и способы измерения, средства ориентирования, национальные игры и виды спорта, народную медицину; знание национальной культуры земледелия, животноводства, орудий труда и технологий, и многое другое.

Что же входит в понятие «национальная школа», каковы ее отличительные признаки, как работают узбекские национальные школы в Республике Узбекистан? Определение понятия «национальная школа» мы находим в психолого-педагогическом словаре под редакцией П.И. Пидкасистого дается следующее определение: «Национальные школы – учебные заведения, осуществляющие учебный процесс во всех или в части классов на родном языке учащихся». Анализируя различные педагогические позиции и взгляды на понятие «национальная школа», Х.Х. Лукманова отмечает его определенную многомерность и выявляет ряд признаков, присущих национальной школе:

- этнографический облик, сохраняющий внешние атрибуты материальной и духовной культуры этноса;
- лояльность по отношению к нравственным ценностям религии;
- осуществление разностороннего образования и нравственного воспитания, которое естественным образом обуславливают формирование национального менталитета;
- этнокультурная направленность и включенность в диалог языков и культур;
- перманентное качественное обновление в условиях модернизации и глобализации общества.

Для наиболее полного раскрытия данного вопроса необходимо кратко рассмотреть процесс эволюции природосообразных нравственных представлений народа, повлиявших на становление традиций природосообразного воспитания. Узбекский народ имеет тюркское происхождение. Поэтому на формирование его менталитета огромное влияние оказало мировоззрение древнетюркской этнокультурной общности. По нашему мнению, наиболее древними нравственными представлениями тюрков, определяющими процесс духовного природосообразного развития народов, были следующие:

во-первых, антропоморфизация жизни природы и животных, наделение живых существ моральными качествами. Эта черта естественного сознания узбека была одной из доминирующих в течение многих веков и так же, как и следующие, влияла на становление природосообразного характера воспитания;

во-вторых, в мире существует Добро и Зло, между ними идет непрерывная борьба. Добро рано или поздно побеждает зло. На добро нужно отвечать добром. Добро связано с созиданием, а зло с разрушением;

в-третьих, появление моральной рефлексии, о чем говорит выбор человеком своего жизненного пути;

в-четвертых, моральный феномен уважения к старшим и почтительного отношения к ним;

в-пятых, возникновение идеи самоценности человека: он ценен не только по "утилитарным соображениям", но и как субъект, переживающий и думающий.

Можно отметить, что перечисленные нравственные представления могут иметь место и в духовной культуре других народов, так как они содержат в себе ценности общечеловеческого характера. Следовательно, вышеназванные нравственные представления узбекского народа на протяжении веков вырабатывали свою систему основных положений и традиций, направленную на «упорядочивание» жизни, регулирование отношений, воспитание подрастающего поколения.

Представления о формировании природосообразных по сути являются основой народного воспитания. Эти основы сохранялись и при насильно насаждаемом мусульманстве, не оказавшем большого влияния на материальную и духовную культуру народа. Наряду с мусульманскими праздниками отмечали и свои, в результате чего сложился единый мусульманско-календарный цикл. Наряду с мусульманским именем наречением детям давали имена, которые обожествляли солнце, луну, родную природу. За много веков узбекским народом были определены методы, формы, средства формирования народного идеала совершенного человека.

Традиции и преемственность поколений, этнокультура и оригинальное видение мира выступали при этом специфическими и одновременно универсальными инструментами народного воспитания узбеков. И если в идеале показывается конечная цель воспитания и самовоспитания человека, дается высший образец, к которому он должен стремиться, гармонично развивая все стороны, своей личности, то содержательным элементом данного процесса выступают имеющиеся у всех народов заповеди как программа воспитания совершенного человека, ключевыми словами которых являются: трудолюбие, здоровье, ум, дружба, целомудрие, доброта, честность. Их реализация являлась обязательной целью народного воспитания. Эти заповеди воспитания были выработаны узбекским народом с древних времен.

По этнографическим данным и данным устного народного творчества узбеков трудолюбие было важнейшим качеством человека среди простого народа, а его воспитание занимало одно из главнейших мест в системе родной педагогики. Под трудом узбеки подразумевали, главным образом, труд физический. Любить труд и людей труда – это важнейшая заповедь народной системы воспитания, которая внушалась детям с малолетства.

Узбекские этнопедагоги наглядно демонстрируют, как физический труд в народной жизни, являясь началом, самым процессом и итогом воспитания, способствует формированию у молодых людей здоровья, психического и нравственного совершенства. А.Л. Бугаева, изучая процессы народной жизни, приходит к выводу, что в процессе систематического труда «как бы между делом, как бы само собой» происходит «вхождение детей в определённые традицией отношения друг с другом, с миром взрослых, с природой; расширение представлений о существе мироздания; попытка самостоятельно классифицировать наблюдения за жизнью; получение относительной самостоятельности и независимости от взрослых, необходимой для активного саморазвития личности». В процессе систематического труда происходит творческое развитие формирующейся личности и одновременно закалка молодого организма.

Труд является также средством формирования душевного и физического здоровья детей, за которым постоянно следили старшие в семье. Здоровыми детьми они могли гордиться на селе: здоровый – значит хороший помощник в работе, здоровый – значит красивый и лицом, и телом, и душой.

Подтверждение учёных-этнологов каждый народ обладает своей культурой здоровья, у каждого народа есть свой арсенал средств, своя система формирования здоровья у подрастающих поколений – система жанровых правил и предписаний жизни, свои традиции и обычаи оздоровления.

К их числу относятся обряды возрастной и символично-статусной инициации как своеобразная сдача физической и психологической подготовки к жизни; массовые игрища – перевоплощения как кодировка и программирование на достижение человеком разных способностей и на избавление от ненужного в результате многократного повторения одних и тех же игровых действий; календар-

ные обрядовые игрища как способы установления связи человека с окружающей природой и нахождения своего места в ней; песенная поэзия и творчество и т.д.

Исследования показывают, что педагогическая культура народов создается на основе примеров природы, имеет в своей клейкой основе законы гармонии природы и общечеловеческие ценности, которые воплощаются в народных идеалах совершенного, гармонично и всесторонне развитого человека. Что касается форм и методов, традиций воспитания, народных обычаев, обрядов и праздников, также служащих средствами воспитания подрастающего поколения, то эти элементы народного воспитания данных этносов в большинстве случаев отличались особенностью, специфичностью, выявляли своеобразный подход к решению задач воспитания. Однако и здесь невозможно было избежать взаимовлияния культур, живущих в соседстве народов, в нашем случае – русских, узбеков, уйгуров и киргизов Республики Узбекистан.

Формирование педагогических условий предъявляют усложненные требования к этносу его представителям. Так или иначе, переход в новую среду социального существования всегда связан с изменением привычного образа жизнедеятельности и требует адаптации к данным условиям. Следовательно, чтобы представить сущность социального аспекта народного воспитания, нужно обратиться к вопросу возникновения самого общества – социума, т.к. на первый взгляд может показаться, что сами понятия «природосообразный» и «социальный» противопоставлены друг другу по значению «естественный» и «искусственный». Известно, что человек является частью природы и живет по ее законам, а социум – рукотворная среда обитания человека является «производной от его природы, от его врожденных способностей усваивать человеческую роль, мыслить, трудиться, слышать голос своих инстинктов, – самосохранения, продолжения рода, свободы, защищенности, – от врожденной потребности в реализации всех своих врожденных способностей», то созданный человеком социум должен был воплотить законы бытия природы. Человеком двигателя «нужда в искусственной среде, во "второй природе", содержащей недостающее человеку в «первой природе», заполняющей вырванную людьми у природы и обживаемую ими экологическую нишу». Но рукотворная среда не устраняла значение первозданной среды для человека, не ликвидировало его отношения к ней, а сама выступала как специфическая для человека форма его связи с природой, его единства с ней. Это связано и с основной функцией общины, «обеспечение целостности мира и целостного мировоззрения, воспроизводство единства жизненных циклов природы и человека, сохранение его через неуклонное следование традиции.

Мы считаем, что традиция в народной среде – ведущее условие межпоколенной коммуникации, взаимодействий и отношений с природой, общественного развития и главная мера педагогического воздействия, как на индивида в социуме, так и на социальный организм в целом; традиционный компонент народного воспитания – важнейшая его отличительная черта и специфическая особенность.

Все положения, изложенные выше, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что ученые, просветители, думая о будущем своего народа, видели его образование в единстве направленности содержания и чистоты языка, в соответствии с национальным, народным духом. Исходя из анализа трудов узбекских общественно-педагогических деятелей, которые в равной мере являются и выразителями народных представлений, идеалов, следует отметить их актуальность и значимость для современной практики образования и воспитания, создания новой модели современной узбекской школы, определения сущности народной педагогики, ее основных идей.

Сівохін Г.А., Сямашка К.У.

ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК “ЗАСЛАЎЕ” ЯК ЦЭНТР ПРАЦЫ З КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНАЙ. АД МЕТАНАРАТЫВУ ДА ЛАКАЛЬНАГА ТЭКСТУ

Ключавыя словы: Заслаўе, музеі-запаведнікі, скансэны, Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе”, музейная антрапалогія, партыцыпацыя.

Узніклі ў Заслаўі ў канцы 1960-х філіял Дзяржаўнага музея БССР – зараз гэта Нацыянальны гістарычны музей, – гісторыка-археалагічны запаведнік, як і экспазіцыя “Музей рамёстваў і народных промыслаў”, якая дзейнічала на яго базе, прадстаўлялі спробу стварэння гістарычнага метанаратыву, які ставіў перад сабой за мэту асвятліць “усю” гісторыю Беларусі са старажытных часоў.

У канцы 1980-х на базе філіяла Белдзяржмузея быў утвораны самастойны музей – Гісторыка-культурны запаведнік “Заслаўе” (далей – Запаведнік). Першапачаткова ў канцэпцыю яго развіцця таксама была закладзена канцэпцыя стварэння метанаратыву. Шэраг экспазіцыйных праектаў таго часу выразна сведчаць пра гэта, напрыклад, унікальная экспазіцыя “Музыка вячораў” дэманструе менавіта ўніверсальскі падыход да стварэння музейных праектаў.

Аднак з часам намеціліся відавочныя змены ў даследчай і экспазіцыйнай рабоце Запаведніка. У аснову былі пакладзеныя мікрагістарычныя падыходы, лакальная гісторыя займела прыярытэтнае значэнне ў яго рабоце.

Знакавымі сталі праекты стварэння шэрагу экспазіцый, у першую чаргу музейфікацыя гарадскога млына і стварэнне на яе базе экспазіцыйна-выставачнай прасторы “Этнаграфічны комплекс «Млын»”, а таксама незавершаная спроба стварэння комплексу “Хата каваля”, якая зараз прадстаўленая адзіным экспазіцыйным аб’ектам “Кузня”.

На дадзены момант у Запаведніку працягваецца работа менавіта ў рэчышчы мікрагістарычных прэзентацый лакальных наратываў, пра што могуць сведчыць і апошнія праекты, напрыклад “Фотагледы і нарысы Заслаўскіх абшараў. XX ст.” (2022–2023), “Камяні млынара. Вяртанне... З гісторыі сям’і Мяхедак-Савіцкіх – заслаўскіх млынароў і мінскіх майстроў ды каменацёсаў” (2023) і мемарыяльны праект да 120-й гадавіны нараджэння ў Заслаўі Фядоса Шынклера “Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра славянага земляка” (2023) і шэраг іншых. Сярод іх – і адкрыты ў 2023 першы і адзіны ў Беларусі Музей беларускай маляванкі, пры стварэнні якога была спроба прэзентаваць менавіта шэраг самастойных мікранаратываў, звязаных з гісторыяй беларускіх маляваных дываноў.

Важным аспектам у рабоце Запаведніка ў “павароце” да лакальнага тэксту стала работа з мясцовым кам’юніці.

Айчынны “класічны” музей мае досвед работы з лакальным кам’юніці і гэта – не толькі традыцыйная краязнаўчая праца ці традыцыйныя не-/музейныя мерапрыемствы. Грунтуючыся на антрапалагічным/этнаграфічным падыходзе ў сваёй рабоце, у другой палове XX ст. айчынныя музеі ўжо працавалі па метадыках, якія ў далейшым была абазначаная як *партыцыпатыўная* і спрыяла ўключэнню музеяў у жыццё мясцовай супольнасці.

Партыцыпатыўная культура / культура саўдзельнасці накіраваная на дыялог паміж самымі рознымі актарамі і можа выяўляцца, напрыклад, у творчых акцыях, сумесных навучальных праектах альбо ў практыках камунальнага самакіравання. Важным з’яўляецца не сам вынік, які дасягаецца праз практыкі

партыцыпатыўнай культуры, а форма іх рэалізацыі – інструменты і метады, якія дазваляюць дасягнуць патрэбнага выніку.

Таму важнае месца ў рабоце музеяў павінны займаць менавіта партыцыпаторныя тэхналогіі – “інструменты, з дапамогай якіх музей павінен ператварацца ў сучаснае, шматграннае, дынамічнае, спагадлівае месца, арыентаванае на патрэбы гледача” [4, с. 20]. Гэта азначае, напрыклад, што пры дапамозе такіх тэхналогій ствараецца магчымасць значна дапоўніць і пашырыць традыцыйную метадалогію музейнай камунікацыі.

Класічны музей у сваёй экспазіцыйна-выставачнай і музейна-педагагічнай рабоце стварае інфармацыйны прадукт, які наведвальнік музея і атрымлівае. І працэс гэты – аднабаковы. У выпадку ж работы па партыцыпатыўнай метадалогіі, музей наадварот – імкнецца стварыць сітуацыю, пры якой існуюць рознанакіраваныя вектары абмену інфармацыяй – музей “выступае ў якасці пляцоўкі, якая аб’ядноўвае розных карыстальнікаў, а тыя выступаюць у ролі стваральнікаў, распаўсюджвальнікаў, крытыкаў і сутворцаў кантэнт. Інакш кажучы, партыцыпаторная ўстанова не гарантуе ўсім аднолькавых уражанняў. Яна дае магчымасць кожнаму наведвальніку атрымаць уласнае ўражанне, у стварэнні якога ён прымае непасрэдны ўдзел” [4, с. 17]. Важнейшым вынікам гэтага з’яўляецца набыццё агульнаствораным кантэнтам прываблівай для ўсіх актараў працэсу формы. Такім чынам партыцыпатыўная культура не толькі стварае арыгінальны кантэнт, але і ўкараняе адмысловыя практыкі кааперацыі і кааптацыі новых ідэй, меркаванняў і г.д.

Запаведнік дэманструе цікавую спробу пабудовы музея як навукова-даследчай установы. Пры яго ўтварэнні было распрацаванае і прапаноўвалася да разгляду вучонай радзе ўстановы некалькі канцэпцый развіцця. Пры абгрунтаваным больш чым крытычным стаўленні да, напрыклад, прапаноў Т. Гаранскай па развіцці Запаведніка, нельга не адзначыць, што нават у гэтай навукавай рабоце відавочная праца па метадалагічнай распрацоўцы навукавай дзейнасці ўстановы і прысутнічае хоць і “наіўны” і “стыхійны”, але вызначаны *этнаграфічны падыход* да музейефікацыі гістарычнай спадчыны: “Кожны асобны пададзел [прапаноў па стварэнню Запаведніка “Заслаўе” – Г.С.], акрамя гістарычнага ракурсу, утрымлівае канкрэтныя прапановы аўтара па скарыстанню і прапагандзе гэтай галіны культуры ці гісторыі горада з тым, каб не парываць цэльнасці ўяўлення дадзенага пытання” [1, арк. 3]. І хаця у гэтых прапанавах відавочна прысутнічае памкненне да стварэнне *ідэальных* і *аб’ектыўных* ведаў пра гістарычную спадчыну Заслаўя [1, арк. 2], такая пазітывісцкая “аб’ектыўнасць” шмат у чым можа быць нівеляваная прапанаванымі спробамі карэктнай работы з мясцовай супольнасцю і з музейнымі артэфактамі, іх інтэрпрэтацыяй і музейнай рэпрэзентацыяй [1, арк. 3–4].

Больш грунтоўнай выглядае канцэпцыя развіцця Запаведніка як *музея пад адкрытым небам*, прынятая ў тым жа 1989 г. вучонай радай установы [3, арк. 1]. Нягледзячы на спецыфічны фармат, уласцівы канцу 1980-х – 1990-м гг., дадзеная работа ўяўляецца даволі грунтоўнай і глыбокай: “... адной з галоўных мэт мы ставім перад сабой узнаўленне такога жыццёвага стану жыхароў Заслаўя, пры якім ... стрыжнямі гэтага ладу мусяць быць месчачковыя рамесніцкая культура і духоўна-матэрыяльны склад жыцця, якія ў сваёй сукупнасці забяспечвалі пераймальнасць веры, ведаў, вопыту. Адсюль вынікае, што аб’ектам уздзеяння Запаведніка павінна быць перш за ўсё свядомасць людзей, якая спрычыняецца да яго культурнай дзейнасці” [3, арк. 1].

Фактычна прапаноўваецца вельмі ўрбанізаваная музеалагічная партыцыпатыўная мадэль – аднаўленне традыцыйнага мястэчка, – якая б згодна з канцэпцыяй развіцця грунтавалася перад усім на трох асноўных прынцыпах: этнаграфічным, мастацкім і краязнаўчым [3, арк. 21].

Важным этапам у стварэнні і дзейнасці Запаведніка з’яўляліся распрацоўка і спробы рэалізацыі канцэпцыі экамузею, якія мелі месца з 1988 да 1994 г. [2, с. 55]. Асновы канцэпцыі развіцця музею палягалі на прынцыпах музейна-антрапалагічнага падыходу, “горад разглядаўся як культурная экасістэма, у якой культурныя і прыродныя кампаненты звязаны паміж сабой прынцыпам самазахавання і самаабнаўлення” [2, с. 56]. Праўда, на пачатку работы дзейнасць музея сустрэла пэўны недавер і, нават, месцамі варожасць з боку тубыльцаў – прыйшлі “чужыя” і штось спрабуюць намі кіраваць: “Самым жа складаным было атрымаць у мясцовага насельніцтва і ўлад крэдыт даверу, перавесці скептычна-агрэсіўныя адносіны ў плоскасць канструктыўнага ўзаемаразумення, схіліць мясцовых жыхароў да пошуку самабытнасці і новай ацэнкі сваёй спадчыны, традыцый” [2, с. 56].

Як адзначай тагачасны дырэктар установы А. Калбаска, пры распрацоўцы *экамузейных* прынцыпаў работы Запаведніка было вызначана, што для яго грунтоўнасным “з’яўляецца вяртанне ў жывое асяроддзе згубленых з’яў і элементаў культуры. У сваёй дзейнасці Запаведнік, практыкуючы наватарскія падыходы, галоўнай задачай лічыў устанаўленне сувязяў паміж мінулым і сучаснасцю, жыхарамі і навакольным асяроддзем. Ён спрабаваў правесці ў жыццё тэндэнцыю захавання помніка ў кантэксце з усім прыродным і культурным асяроддзем... [каб – Г.С.] захаваць ці вярнуць у асяроддзе чалавека не толькі пэўныя аб’екты і прадметы, але і самі вытворчыя працэсы, рамёствы, згубленыя элементы культуры і навыкі” [2, с. 58–59]. У выніку музей не толькі становіцца рэальна дзеючым цэнтрам партыцыпатыўнасці, але і цэнтрам “побытавага” жыцця – у “галоўныя” 90-я узімку на млын, які працаваў не толькі як экспазіцыйны аб’ект, але і як вытворчы – непасрэдна як млын: стаяла чарга саней з мяхамі зерня на памол. Усё гэта, безумоўна, садзейнічала наладжванню стасункаў паміж мясцовай грамадой і Запаведнікам.

Запаведнік ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. рэальна становіцца не толькі культурным цэнтрам жыцця мястэчка, але і генератарам ідэй арганізацыі жыццёвай палітыкі гораду – пры падтрымцы і па ініцыятыве яго быў арганізаваны гарадскі грамадскі камітэт, які актыўна ўплываў на жыццё Заслаўя: “Значнай грамадскай акцыяй, якая мела ў горадзе пэўны рэзананс, стала арганізацыя запаведнікам у верасні 1989 г. экалагічнага мітыngu. Была зроблена выстаўка, праведзены збор подпісаў жыхароў за вынас асфальтавага завода за межы горада” [2, с. 60]. Фактычна музей ператвараецца ў пляцоўку для камунікацыі: музей – гараджане, гараджане – гараджане, гараджане – улады і выступае партыцыпатыўным партнёрам у ролі пасярэдніка і арганізатара дыялогу ўсіх паміж усімі.

І хаця працэс наладжвання камунікацыі не заўжды адбываўся проста і без заганаў, але ён меў месца. Дзеля гэтага Запаведнікам былі прыкладзеныя не толькі агульна-арганізацыйныя намаганні, але і “профільныя” – былі праведзеныя навуковыя даследаванні: “З дапамогай прафесійных сацыёлагаў з Акадэміі навук Беларусі ў 1989 г. супрацоўнікамі запаведніка было праведзена сацыялагічнае даследаванне на тэрыторыі старога горада. Гэта дазволіла высветліць адносіны і стаўленне жыхароў горада да ўстановы і яе дзейнасці. Вынікі апытання былі ўлічаныя пры распрацоўцы канцэпцыі запаведніка” [2, с. 61]. Ні для каго не сакрэт, што такія даследаванні, граматына і карэктна

арганізавання і праведзеныя з акадэмічнага пункту гледжання, апрача высвятлення рэальнага стану рэчаў могуць і спрыяць стварэнню пазітыўнага іміджу ўстановы і наладжванню камунікацыі, з чаго Запаведнік і скарыстаўся. Што, у сваю чаргу, пазітыўна паўплывала на стасункі мясцовай супольнасці і Запаведніка і на арганізацыю дзейнасці грамадскага камітэту: "Праводзячы работу па вяртанню абліччу горада «свайго твару», запаведнік не мог абысці праблему назваў вуліц у гістарычнай частцы. Супрацоўнікамі запаведніка было праведзенае апытанне жыхароў. Па яго выніках было прынятае рашэнне гарвыканкама аб змене назваў вуліц: «Вялікай» і «Замкавай» зараз зноў называецца колішняя «Луначарскага», а «Камсамольская» зноў стала «Рынкавай»" [2, с. 62]. Больш затое, менавіта дзякуючы намаганням камітэту жыхароў захавалася гістарычная трасіроўка гэтых вуліц пры пракладанні газаправоду.

Такім чынам, нельга сказаць, што партыцыпатыўная культура – штосьці невядомая ў практыках айчынных музеяў. З іншага боку, нельга не адзначыць, што з канца 1990-х і асабліва ў 2000–2010-я гг. назіраўся крызіс партыцыпатыўных практык – крызіс і арганізацыйна-метадалагічны, і экзістэнцыйны. Калі звярнуцца да досведу работы таго ж Запаведніка, то можна канстатаваць, што ў пэўны перыяд асабліва моцна тэндэнцыя да адраджэння элементаў традыцыйнай культуры выявілася праз удзел мясцовых жыхароў у арганізацыі і правядзенні культурна-масавых мерапрыемстваў – ад этнаграфічных абрадаў і рытуалаў да пленэраў сучаснага мастацтва. На жаль, большасць з такіх мерапрыемстваў зараз ужо праходзіць без удзелу саміх жыхароў – ім аддаецца роля выключна гледача-назіральніка. Менавіта тут і маглі б прыйсці на дапамогу сучасныя метадалагічныя падыходы ў партыцыпатыўнасці і скіраванасць ў экспазіцыйнай і культурна-адукацыйнай рабоце да лакальнага кантэксту.

Трэба прызнаць, што на сёння немагчыма не толькі паўтарыць ранейшы поспех лакальнай музейнай партыцыпатыі з ранейшай жа метадалогіяй. Аднак спалучэнне колішніх дасягненняў і новых метадалагічных падыходаў маглі б даць плён.

1. Гаранская, Т. Прапановы па стварэнню запаведніка "Заслаўе": Заслаўе на Меншчыне (1989) / Т. Гаранская // Навуковы архіў ДУ "Гісторыка-культурны музей-запаведнік "Заслаўе" (НА ГKM33).
2. Калбаска, А.М. Музейны дыярыуш ці Уваходзіны ў новую музейную/ А.М.Калбаска. – Мінск : БелІПК, 1999. – 148 с.
3. Канцэпцыя развіцця Гісторыка-культурнага запаведніка "Заслаўе" (1989) // НА ГKM33.
4. Саймон, Н. Партиципаторный музей / Н. Саймон ; пер. А.Глебовской. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.

Сімакоў А.В.

МУЗЕІ І ТЭМЫ: ВОПЫТ ПЕРАПІСКІ ІНДЗЕЯНІСТАЎ ГОМЕЛЯ З МУЗЕЯМІ

Ключавыя словы: музейнаўства, індзеяністыка, карэспандэнцыя, калекцыі, Гомель, класіфікацыя, персаналіі.

Частай тэмай у размовах гомельскіх індзеяністаў была ідэя стварыць уласны музей, публічны цэнтр – індзейскі музей, музей Чэ Гевары або Лацінаамерыканскі цэнтр. Індзеяністы-аматары звычайна маюць тую ці іншую колькасць "прадметаў музейнага значэння" – мадэлі і імітацыі матэрыяльнай культуры, плакаты, буклеты, значкі, маркі і г.д. (яркая атрыбутыка, несумненна, прыцягвае наведвальнікаў, але падтрыманне такога самадзейнага "пункта ўвагі" ў еўрапейскіх краінах ажыццяўляецца пераважна ў выглядзе "індзейскіх вёсак"

за гарадам (у Беларусі – пакуль адзінкавыя "спрошчаныя" камерцыйныя спробы); "Музей індзейца" і "Музей індзейцаў" былі блізкія да пачатку рэалізацыі на практыцы ў Глускім раёне і Сокале каля мінскага аэрапорта). Адначасова вялася перапіска з музеямі розных краін (найбольш Беларусі, Расіі і ЗША) па пытаннях даследавання беларуска-індзейскіх сувязей (БІС). Музеі і бібліятэкі былі сярод першых, стандартных адрасатаў, якім накіроўваліся нашы запыты ў рамках распрацоўкі тэм.

Найпрасцейшая класіфікацыя музеяў заснаваная на тэмах нашых зваротаў да іх (некаторыя структуры з музейнымі калекцыямі не мелі слова "музей" у назве, былі "змешанага" тыпу або музейнымі "аддзеламі"):

1) М. Грынкевіч [2], яго радзіма в. Рэпкі Рагачоўскага раёна, яго сваякі і калегі: Амурскі абласны краязнаўчы музей імя Р. С. Новікава-Даурскага (Д. Грынкевіч), Арэнбургскі губернатарскі гісторыка-краязнаўчы музей, Горацкі раённы гісторыка-этнаграфічны музей (Ф. Грынкевіч), Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей, Музей гісторыі горада Арэнбурга, Музей гісторыі і культуры яўрэяў Беларусі (пераклад на ідыш і іўрыт нататкі "Пра школу"), Музей гісторыі расійскага кадэцтва, Рагачоўскі музей народнай славы, Ровенскі абласны краязнаўчы музей (А. Мартыш), Тульскі абласны краязнаўчы музей, Цэнтральны музей старажытнарускай культуры і мастацтва імя Андрэя Рублёва (епіскап Уладзімір (Сакалоўскі)), Чарнігаўскі абласны гістарычны музей імя В. В. Тарноўскага (ігумен Георгій (Чудноўскі));

2) руселезнаўства, якое цесна звязанае з тэмай М. Грынкевіча: Дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі (Санкт-Пецярбург), Магілёўскі абласны краязнаўчы музей, Сахалінскі абласны краязнаўчы музей, Смітсаніянскі інстытут і інш.;

3) алясказнаўства, у асноўным тэма беларусаў на Алясцы або ў сувязі з ёй (апошняе – М. Грынкевіч і М. Русель): Ахоцкі краязнаўчы музей імя Я. Ф. Марокава (Саўчанкі, Кацельнікавы), Іркуцкі дзяржаўны аб'яднаны музей (Літвінцавы – іркуцкая сям'я купцоў і святароў), Калужскі абласны краязнаўчы музей (мясцовая мяшчанская сям'я Карсакоўскіх – з якой адкрывальнік на Алясцы), Карэльскі дзяржаўны краязнаўчы музей (У. Сладкевіч – аўтар кнігі пра Рускую Амерыку), Краснінскі краязнаўчы музей (Саўчанкі), Курскі дзяржаўны музей археалогіі, Літаратурны музей Максіма Багдановіча (П. Шадура), Музей алуціі і Музей Баранава (у Кадзьяку) (Саўчанкі);

4) езуітыка, беларускія езуіты ў краінах Амерыкі: Даўгаўпілскі краязнаўчы і мастацкі музей і Музей місіі (Санту-Анжэлу, Рыу-Грандзі-ду-Сул) (А. Экарт); Маздокскі краязнаўчы музей (І. Анры, І. Вароніч, Я. Войшвіла);

5) БІС праз літаратурнае краязнаўства: Гудзевіцкі дзяржаўны літаратурна-краязнаўчы музей (А. Карпюк і К. Кавальчук), Дзяржаўны літаратурны музей Янкі Купалы, Лепельскі раённы краязнаўчы музей (У. Міхно), Музей Янкі Маўра (Бытчанская 8-гадовая школа), Музей Янкі Маўра (СШ № 126 г. Мінска), школьны музей в. Мясата Маладзечанскага р-на (А. Тышыньскі);

6) БІС праз артэфакты, прамыя кантакты ў музеях: Дзяржаўны музей гісторыі і этнаграфіі Літвы (Вільнюс) (індзейскія рэчы ў калекцыях Радзівілаў [1] і ў гэтым музеі), Музей афрыканска-амерыканскай гісторыі Дзюсабль (В. Смірноў і С. Паўлаў);

7) Эмігрантыка, беларуская дыяспара: Брэсцкі абласны краязнаўчы музей (у сувязі з месцам нараджэння мастака Л. Рыбака [4]), Капыльскі раённы краязнаўчы музей (капыльскія выхадцы ў Су-Сіці), Крычаўскі краязнаўчы музей (М. Русель, А. Галынскі, У. Бонч-Бруевіч, М. Крываносаў), Мазырскі краязнаўчы

музей (М. Анціповіч, ідэнтыфікацыя – мазырскі аўтар і / або эмігрант у Мексіцы), Музей рускай культуры (Сан-Францыска), Музей таоскага мастацтва (мастакі з Беларусі ў Нью-Мексіка і Арызоне), Навагрудскі гісторыка-краязнаўчы музей (І. Дамейка, пытанне перакладу "Араўканіі і яе жыхароў" – музей быў гатовы перакласці з польскай), НДІ і музей антрапалогіі МДУ (антрапалагі Я. Рагінскі з Магілёва, І. Сілініч з Крычава), Рослаўльскі гісторыка-мастацкі музей (С. Сакалоўскі), Чукоцкі акруговы краязнаўчы музей (М. Мандрыкаў; абмен матэрыялам для вырабаў), Этнаграфічны музей (Торунь) (М. Пецюкевіч), Яўрэйскі музей Амерыканскага Захаду;

8) індзейскія музеі або музеі індзейцаў: Аравакскі музей (Кінгстан, Ямайка) (у т.л. беларусы на Ямайцы), Музей індзейскай культуры (Гістарычнае таварыства лены-лепапэ), Музей індзейца (Манаўс), Музей індзейцаў іракезаў (Скахары), Музей індзейцаў паўднёвых раўнін, Музей народа анейда (Вісконсін);

9) высвятленне магчымых беларускіх каранёў: Драгобыцкі краязнаўчы музей, Львоўскі дзяржаўны рэспубліканскі гістарычны музей, Стрыйскі дзяржаўны краязнаўчы музей (усе запыты звязаныя з Агрызкамі), Цяльшайскі краязнаўчы музей (А. Мазановіч);

10) пошук кантактаў і карэспандэнтаў: Антрапалагічны музей Мантанэ (факультэт біялогіі Гаванскага ўніверсітэта) (запыт па кубінскіх індзейцах), Гістарычны музей Форт-Уачука (спецыялісты па Паўднёвым Захадзе, асабліва апачах), Музей Амерыкі (Мадрыд) (у т.л. Трохгоддзе Выгодскіх);

11) захаванне (перадача) калекцый, лічбавых матэрыялаў: Беларуская бібліятэка і музей імя Францішка Скарыны, Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва, Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый, Гісторыка-культурны музей-запаведнік "Заслаўе", Гомельскі музей ваеннай славы, Гомельскі палацава-паркавы ансамбль (раней Гомельскі абласны краязнаўчы музей), Музей аўтографа (Гомельская цэнтральная бібліятэка імя А. І. Герцэна), Музей друку і фатаграфіі (Гомель) (пытанне захавання перыёдыкі), Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь;

12) навуковыя канферэнцыі: Віцебскі абласны краязнаўчы музей, Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі, Музей гісторыі Магілёва [2], Філіял "Чырвоны Бераг" Жлобінскага гісторыка-краязнаўчага музея і інш.

Па розных пытаннях мы пісьмова звярталіся і ў іншыя музеі, сярод іх Баранавіцкі краязнаўчы музей, Біялагічны музей Брэсцкага дзяржаўнага педагагічнага інстытута, Мемарыяльны дом "Сальвадор Альендэ" (Гавана), Музей малой бацькаўшчыны ў Студзіводах (Падляшша), Музей-лабараторыя Ф. Скарыны Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта, Хойніцкі краязнаўчы музей.

Даволі значныя абмены (падрыхтоўка публікацый [5], бягучая бібліяграфія, працяглая бясплатная падпіска на часопіс, "агульныя і розныя пытанні") былі з К. Феестам з Этнаграфічнага (перайменаваны ў Сусветны) музея ў Вене.

Прыкладам нашых кароткіх і ў той жа час ёмкіх пытанняў можа служыць ліст у Нацыянальны музей у Варшаве: "Станіславу Лорэнцу або яго калегам" (№ 7 12.01.1990):

"Шаноўныя панове,

Мы адважваемся звярнуцца да Вас з просьбай даць кароткія даведкі па двух пытаннях:

1. Ці вядома Вам штосьці пра лёс этнаграфічных калекцый Радзівілаў з Нясвіжа – магчымае цяперашняе месцазнаходжанне індзейскіх прадметаў, а таксама іканаграфіі з амерыканскімі сюжэтамі?

2. Ці былі прадстаўлены артэфакты з Амерыкі ў калекцыях Вашага музея ў перыяд кіраўніцтва ім Ю. Карніцкім і Ц. Ляхніцкім?

Будзем Вам надзвычай удзячныя за адказ.

Нашы сардэчныя пажаданні поспехаў у вашай дзейнасці.

З павагай

Алесь Сімакоў

часовы выканаўчы сакратар [Беларуска-індзейскага таварыства]" (пераклад з рускай мовы; С. Лорэнц памёр праз год і два месяцы – тэарэтычна можна лічыць, што ён мог даведацца пра гэты ліст).

Наяўнасць і атрыбуцыя індзейскіх прадметаў у музеях СССР абмяркоўваліся з А. Вашчанкам, Г. Дзеніскевіч [3] і інш.

Нас цікавілі месцы ў Беларусі, дзе ёсць або магчымая папулярызацыя індзейскіх рэалій і гісторыі індзеяністыкі, а таксама навуковых дысцыплін, якія найбольш блізкія да яе – як гісторыя першабытнага грамадства. З гэтай мэтай мы звярнуліся і ў Музей БДУ; яго загадчык адказаў (на бланку БДУ, але без даты і нумара, мінскі штэмпель – 21.10.1991; папраўкі арфаграфіі):

"Выканаўчаму сакратару БІТ [...].

Паважаны тав. Сімакоў, на Ваш ліст ад 12.10.1991 магу паведаміць наступнае. Наш музей пачаў працаваць у 1929 годзе як музей гісторыі першабытнай культуры і рэлігіі. Ён быў састаўлены з гіпсавых злёпкаў, зробленых ленінградскімі мастацкімі майстэрнямі з арыгіналаў, што знаходзіліся галоўным чынам у Эрмітажы і ленінградскім Этнаграфічным музеі. З пачатку ў ім былі прадстаўлены Егіпет, Асіра-Вавілон, першабытная культура (каменны, бронзавы вякі), а таксама будызм, ламанізм і інш.

На жаль, у час Вайны, усе матэрыялы загінулі, і паведаміць што-небудзь больш канкрэтнае зараз немагчыма.

З павагай. Заг. Музея А. Плавінскі".

Абмен на арыгінальную тэму злачынства беларуса ў Рускай Амерыцы адбыўся 24.01.2019 г.: Э. Стэфіян з Музея алуцік паведаміла пра сляды, якія засталіся ад прамысловай арцелі на востраве Укамак (Чырыкава), якой кіраваў В. Саўчанка.

Мастацтвазнавец і супрацоўнік музея ў Таосе (Нью-Мексіка) Д. Уіт дастаў інфармацыю пра Л. Рыбака і Л. Гаспара – пакеты з ксеракопіямі [4], кнігамі, газетамі і інш. З Нью-Мексіка ж мы атрымалі (ад Т. Гульёта, 9.06.2005) і пасылку з дакументамі пра наданне ступені ганаровага доктара ўніверсітэта А. Цеханавецкаму (спонсар выдання пра калекцыі Радзівілаў [1]) і артэфактамі, якія маюць "музейнае значэнне" ў Беларусі.

У Лацінскай Амерыцы, хаця тут першы музей з этнаграфічнымі калекцыямі ў катэгорыі "створаны ўраджэнцам Беларусі" (І. Дамейкам), мы маем невялікую колькасць музейнай перапіскі; вынік быў бы лепш, калі б мы цалкам скарысталіся спісам індзейскіх музеяў, дасланым Бразільскім камітэтам ICOM (ліст яго старшыні Л. М. Марцінс ду Рэгу Наваэс (Рыа-дэ-Жанейра) ад 17.09.1991).

Мы налічваем каля сотні асоб, якія мелі працяглы вопыт з музеймі / або ў час нашых пісьмовых абменаў працавалі ў іх; найперш прыгадваюцца тым ці іншым важкім або адметным укладам у нашы пошукі і пачынанні: У. Валодзін, Г. Варонава, А. Гульбэ (Даўгаўпілс), К. Джохансен, Г. Дзеніскевіч [3], А. Дрыдза,

Г. Запартыка, А. Зорын, І. Пушкін [2], В. Кавалік (Торунь), С. Каспрыцкі, Р. Кінжалаў, С. Корсун, А. Кузняцова, Г. Кузьміч, У. Латышаў, А. Ляшковіч, І. Машкала, М. Мельнікаў, Н. Міхасёва, К. Мэсінджэр (Пенсільванія), М. Мянйленка, А. Панеях, Ю. Патлань, А. Санчэс Гарыда, М. Станюковіч, Т. Сулежыская (Варшава) [1], К. Усовіч, Дж. Фадэн (іракезкі мастак), В. Шубін (ураджэнец Мінска на Сахаліне).

1. Высоцкая, Н. [автор предисловия, публикация]. Инвентарь XVII в. коллекции радзивилловских портретов, опубликованный Т. Сулежиской в 1962 г. / Н. Высоцкая [автор предисловия, публикация] // Нясвіжскія зборы Радзівілаў : іх фарміраванне, гістарычны лёс, цяперашняе месцазнаходжанне і шляхі выкарыстання / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларускі фонд культуры, 2002. – С. 101–124.
2. Сімакоў, А. В. Протаіерэй Мікалай Грынкевіч : фармулярны спіс 1907 г. і іншыя крыніцы пра службу ў Сан-Францыска, Чыкага, Арэнбургу, Бялёве і Ташкенце / А. В. Сімакоў // Гісторыя Магілёва : мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XIII Міжнар. навук. канф., Магілёў, 28–29 чэрвеня 2023 г. / уклад. І. А. Пушкін. – Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2023. – С. 321–329.
3. Dzeniskevitch, G. I. La collection tlingite dans le Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS / G. I. Dzeniskevitch // Pre-Columbian collections in European museums / ed. A.-M. Hocquenghem, P. Tamási, Ch. Villaine-Gandossi. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1987. – P. 181–190.
4. Rand, H. Louis Ribak / H. Rand // Louis Ribak : the late paintings. [Exhibition] January 8th to April 8th, 1984. Roswell Museum and Art Center, Roswell, New Mexico. – [1984]. – P. 15–31.
5. Simakou, A. Indian trail across Belarus / A. Simakou // European Review of Native American Studies. – 1993. – № 1. – P. 65.

Соколова О.М.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ОТКРЫТОГО ГОРОДА: ОБНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Ключевые слова: культурное наследие, городское пространство, открытый город, гуманизация городской среды, социальная активизация.

Современные концепции реконструкции городской среды в числе основных задач определяют сохранение и популяризацию культурного наследия. Культурное наследие участвует в процессе градостроительного развития, формировании архитектурно-художественного облика города, выступает составляющей его бренда, влияет на обновление территории.

В характеристике современного города, развивающегося в контексте гуманизации городской среды (идеи которой отсылают к концепту «право на город», предложенному Анри Лефевром в 1960-е гг. [8], а также концепции «город для людей», разрабатываемой Яном Гейлом в 2000–2013 гг. [3]), одной из базовых черт является его открытость.

В первоначальном значении понятие «открытый город» подразумевало объявление города необороняемым, что запрещало нападение на него во время военных действий с целью защиты исторических достопримечательностей.

В актуальных исследованиях городского пространства идея открытости получает иную интерпретацию.

По мысли Ричарда Флориды, автора теории креативного класса, открытый город – это город, предназначенный для всех категорий горожан, разных социальных групп. «Открытость – уровень терпимости к различным группам населения, их принятия...» [7, с. 163], «...толерантность и принятие разнообразия в местном обществе» [7, с. 175], – отмечает исследователь. Открытость, по его мнению, прежде всего связана с ценностью индивидуального самовыражения. Р. Флорида ссылается на данные, полученные Рональдом Инглхартом, опросы кото-

рого о ценностях «World Values Surveys», проведенные более чем в пятидесяти странах, позволили выделить данную ценность как один из «определяющих элементов сегодняшнего общества» [7, с. 176].

Концептуализация понятия «открытый город» как направления исследовательского поиска с 2010 г. разрабатывается научным сообществом Екатеринбурга (Т.Ю. Быстрова, А.А. Пронин и др. [1; 2; 6]). Понятие формулировалось с учетом истории города Екатеринбурга (Свердловска), который до 1991 г. был закрытым для иностранцев. Открытость города трактуется учеными как свободный обмен идеями в условиях открытой коммуникации и взаимодействия в противовес вынужденной изоляции.

Таким образом, открытость города рассматривается как ключевой фактор «формирования удовлетворенности местом и совокупного ощущения счастья» [7, с. 177], ресурс взаимообогащения разных культур, источник выявления пространств и трендов, усиливающих открытость [1, с. 188].

Выделяют разные уровни открытости: пространственный, социокультурный, ментальный, открытость местной культуры.

Открытость предлагает новые возможности для самовыражения представителям разных культур, в том числе с помощью развития культурных индустрий, однако при этом на фоне мультикультурализма ставит задачу сохранения локального своеобразия, т. е. памяти о культуре в широком смысле слова, и о культурном наследии – в узком смысле.

В качестве примера открытости для взаимодействия можно привести создание Ганзейского союза Нового времени (1980), в который был также принят Полоцк (2009), включенный в Средние века в торгово-экономические отношения в системе городов Ганзейского союза. Города, объединенные принадлежностью к средневековой Ганзе, сохраняют и популяризируют средневековую аутентичность в том числе посредством организации фестивалей, таким образом историко-культурное наследие служит инструментом качественного обновления пространства.

Основным показателем качества городской среды, согласно Кевину Линчу [9], является преемственность исторического развития. Использование культурного наследия в интересах устойчивого городского развития, содействие новаторскому и устойчивому использованию архитектурных памятников и объектов декларируется в международных программах, например, в Новой программе развития городов – Habitat III (2016) [5, с. 36].

Объект культурного наследия может стать доминантой, организующей культурный городской ландшафт, как, например, реконструированный Лидский замок с установленным перед ним памятником Гедмину (2019), где проводятся масштабные рыцарские турниры, театральные встречи, музыкальные фестивали.

Открытое взаимодействие с историей города в общественных пространствах проявляется в создании интерактивных малых архитектурных форм. Например, почтовый ящик, установленный перед Главпочтамтом в Могилеве (2022), продолжает тему исторических объектов города. Стилизованный арт-объект представляет собой миниатюрную копию могилевской ратуши и выполняет утилитарную функцию, в него можно опускать корреспонденцию. Памятник раритетному телефону со справочником номеров за 1914 г. в Барановичах (2023) возле сервисного центра «Белтелеком» на улице Советской также является интерактивным объектом. Можно снять трубку кованого телефонного аппарата, нажать кнопку и прослушать озвучку – механический голос расскажет информацию об историческом первом звонке, который был сделан в Барановичах 1 августа 1911 г.

В ряду важнейших характеристик открытого города – информационная доступность. С помощью инновационных технологий создаются историко-просветительские проекты, например такие, как интерактивные выставки «Исторический багаж» в залах ожидания минского и брестского вокзалов (2021). Экспозиции, находящиеся в открытом доступе, посвящены истории городов, событиям Великой Отечественной войны, выдающимся личностям, памятникам архитектуры, мемориальным объектам и пр. Благодаря интерактивному дисплею можно познакомиться с картой города, выбрать интересующие объекты, получить историческую справку, увидеть архивные фотографии, услышать видеорассказ.

Среди современных форм сохранения и популяризации культурного наследия создание интерактивных 5D-паспортов зданий – памятников архитектуры, в том числе с целью привлечения внимания потенциальных инвесторов. С помощью новых технологий можно восстановить объект наследия или совершить виртуальный тур. Например, в 2022 г. создана пространственная модель усадебного дома графа Потоцкого, расположенного в Березино.

Новые возможности для самовыражения в контексте практик сохранения культурного наследия предоставляет современный стрит-арт. Созданные в открытых общественных пространствах граффити обеспечивают доступность и создание привлекательной, эстетически гармоничной среды. Например, новый арт-объект в Гродно (художник В.Качан), открытие которого было приурочено к Дню города, посвящен истории королевского Гродно в сюжетах на тему охоты и основным его достопримечательностям, являющимся культурным наследием. Подобные арт-объекты созданы в 2021–2022 гг. в рамках проектов Urban Myths в Гродно, «Традиции ради будущего» в Бобруйске, Полоцке, Мозыре, Пинске. Социальная активизация культурного наследия [4, с. 169, 170] заключается в постоянном обновлении открытых городских пространств, способствует росту общественной значимости исторических объектов.

Среди эффективных современных практик актуализации культурной памяти установка на фасадах зданий – памятниках архитектуры информационных табличек с QR-кодами, содержащими сведения об объектах историко-культурного наследия, архивные фотографии (например, проекты «Зандажы і міражы Мінска», 2016; «Открой Гомель», 2021). В 2021г. к Дню белорусской письменности в копильском сквере обустроили Аллею писателей, установив 17 интерактивных букв-скамеек с QR-кодами, по которым можно узнать о писателях – уроженцах Копыльщины.

Цифровизация наследия является одной из важнейших современных стратегий культурной политики. В 2020 г. созданы публичная кадастровая карта со сведениями о воинских захоронениях и захоронениях жертв Великой Отечественной войны, автоматизированный банк данных «Книга памяти Республики Беларусь», национальная база данных и нормативные справочники топонимов и др. В 2022 г. завершена работа над совместным проектом Государственного музея истории белорусской литературы и Национального кадастрового агентства. На публичной кадастровой карте создан слой «Беларусь литературная» с 994 элементами – улицами, названными в честь литераторов.

Таким образом, обновление стратегий сохранения и популяризации культурного наследия в пространстве открытого города предусматривает: обеспечение индивидуализации образа города, выявление новых качеств и функций исторического наследия при формировании открытых общественных пространств,

привлечения внимания к истории и культуре с помощью инновационных технологий, создание новых элементов городской среды, отражающих потребности взаимосвязи истории и современности.

1. Быстрова, Т. Ю. Идея открытого города Р. Флориды как повод к развитию научного направления / Т. Ю. Быстрова // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-метод. семинара, Екатеринбург, 18 марта 2015 г. – Екатеринбург, 2015. – С. 186–189.
2. Быстрова, Т. Ю. Социокультурные основания идеи открытого города / Т. Ю. Быстрова // Реалии новой культуры открытого города: материалы Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной науч.-практ. конф. молодых ученых, Екатеринбург, 21 нояб. 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – С. 6–14.
3. Гейл, Я. Города для людей / Я Гейл ; пер. с англ. А. Токтонов. – М.: Крост, 2012. – 276 с.
4. Крижановская, Н. Я. Принципы гуманизации архитектурно-градостроительной инфраструктуры в крупнейших городах Украины (на примере города Харькова) : моногр. / Н. Я. Крижановская, М. А. Вотинов ; Харьков. нац. ун-т гор. хоз-ва им. А. Н. Бекетова. – Харьков : ХНУГХ им. А.Н. Бекетова, 2016. – 186 с.
5. Новая программа развития городов: принята на Конференции Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), 17–20 окт. 2016 г., г. Кито ; одобр. на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 23дек. 2016 г. – Нью-Йорк : ООН, 2017. – 69 с.
6. Пронин, А. А. Культура «открытого города»: грани концепта / А.А.Пронин // Библиография и книговедение. – 2016. – № 6. – С. 23–34.
7. Флорида, Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства : пер. с англ. / Р. Флорида. – М. : Strelka Press, 2014. – 368 с.
8. Lefèbvre, H. Le Droit à la ville / Henry Lefèbvre. – Paris: Anthropos, 1968. – 159 s.
9. Lynch, K. The image of the city / K. Lynch. – Cambridge, Mass. : The M.I.T. Press, 1960. – 194 p.

Столова И.В.

ЭКОЛОГО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ БИБЛИОТЕКИ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: культурное наследие, экология, библиотека, частные музеи, региональная эдентичность.

Проходят годы и постепенно забываются традиции, ремесла нашего края, уходят из обихода многие предметы быта, которые в свою очередь играли немаловажную роль и имели глубокий смысл в жизни человека. Мы считаем, что очень важно воспитывать у детей причастность к истории своих предков, формировать желание изучать традиции и обычаи родного края, познавать свои корни, природные особенности региона. Традиционные ценности обеспечивают единство страны и помогают защищать ее суверенитет.

В рамках Года культурного наследия народов России (2022 г.) Детская экологическая библиотека «Радуга» реализовала социально-просветительский проект «Фольклор. Традиции. Экология: старые сказки на эко лад», который позволил объединить устное народное творчество и экологию.

Одной из приоритетных задач в современном обществе является воспитание экологически грамотного человека. Проект был направлен на формирования у читателей-детей представлений об экологической культуре, правилах и нормах поведения человека в мире, через знакомство с фольклором, традициями и обычаями своего края.

Славянские мифы, легенды и сказки учат любить и понимать окружающий мир, а значит любить Родину. В основу проекта положено изучение экологии читателями-детьми различного возраста посредством знакомства со сказками и другими фольклорными формами, а также традициями и обычаями своего народа, через игровую и исследовательскую деятельности, при организации мероприятий экологической направленности. Особое внимание уделяется региональному

компоненту, местному фольклору, природным особенностям региона. Целевая аудитория проекта – дети до 14 лет.

Цель проекта: Формирование у читателей-детей представлений об экологической культуре, о правилах и нормах поведения человека в мире через изучение фольклора, народного искусства, обычаев и традиций предков.

Задачи проекта:

1. Проследить отношение наших предков к природе через изучение фольклора, народных обычаев и традиций, в том числе Псковского края.
2. Показать экологический смысл, заложенный в фольклоре, природу «вчера» и «сегодня», через сотворчество приобщить детей к народной культуре и искусству.
3. Воспитать осознанное, ответственное отношение к природе, основанное на опыте прошлых поколений.
4. Повысить интерес к книге и чтению и ввести в повседневный обиход экопривычки предков.
7. Развивать познавательный интерес, память, внимание, воображение, речь, расширить кругозор детей, способствовать развитию умения сравнивать, анализировать, делать выводы.
8. Рассмотреть возможности презентации участниками проекта своих творческих работ в области фольклора и экологии.

В рамках проекта состоялось 20 мероприятий, которые посетили более 1000 детей.

Открыло проект детективное расследование, о тайне происхождения Снегурочки и ее связи с древними славянскими богами, отвечающими за смену времен года, жизнь и смерть, а значит за благополучие людей, чья основная деятельность связана с сельским хозяйством.

Ярким событием стал день народного творчества «Мастерство за плечами не носить». Открыло программу выступление ансамбля «Фолк-Феникс» с элементами дефиле в народных костюмах «Всяк хорош, кто платьем пригож». Гости праздника узнали о народных традициях, которые могут помочь современным людям вести экологически осознанный образ жизни и беречь природные ресурсы. Большой интерес вызвала презентация выставки-инсталляции «Весну-красну приглашаем!». На выставке были представлены куклы, подобные тем, в которые дети играли в старину и которые создавали в качестве оберегов наши предки, а также другие произведения прикладного народного творчества и, конечно, книги. Выставку мы подготовили совместно со студентами специальности «Дизайн в области культуры и искусства» Псковского политехнического колледжа. Завершил программу мастер-класс «Масленица-любущка, пришел твой час, голубушка» по созданию экокуклы-оберега, который для ребят провела студентка колледжа.

Продолжил проект экскурс в историю хозяйственной деятельности предков к Всемирному дню Матери-Земли «Как на Руси природу берегли». Мероприятие прошло совместно с Печорским музеем льна и конопли «Льняная губерния» и семейной мастерской «Бумажная мельница в Тайлово». Участники мероприятия познакомились со старинными книгами из льна, узнали, сколько семечек в льняной головке, что такое «костра», для чего используют било и чесало, а также о том, как предки благодаря льну создавали в своем хозяйстве безотходное производство. Завершилась встреча мастер-классом по изготовлению крафтовой бумаги из льняной ветоши.

Совместно с творческой студией «Полосатый кот» мы провели мастер-класс по рисованию «Там на неведомых дорожках». Анималистические сказки являются самой древней формой фольклора. На мастер-классе ребята познакоми-

лись с образами животных в русских народных сказках, обсудили сходство и различия сказочных персонажей с их прототипами в реальной жизни, и, конечно, создали собственного сказочного персонажа в технике сухая пастель.

Благодаря экспертной поддержке руководителя проекта «Псковские сказки для детей» Анастасии Поповой и художницы Евгении Матвеевой мы смогли организовать для наших читателей мастер-класс «Псковская набойка». Ребята познакомились с этой техникой украшения костюма и создали необычный сувенир с использованием вторичных материалов.

Отдельного внимания заслуживают мероприятия, посвященные презентациям краеведческих изданий. В рамках проекта мы провели презентации сборников «Псковские сказки для детей», «Псковские народные сказки», а также сборника «Сказки и легенды Псковского края». Почему это так важно? Псковский фольклор – часть общерусского фольклора, однако в нем много уникальных отличительных особенностей. Например, здесь встречаются сюжеты народных сказок, которых нет в других регионах России. Яркую местную окраску придают сказкам черты местного обрядового быта. Отличительной особенностью языка фольклорных произведений, придающих им черты местного колорита, являются характерные для Псковщины диалектизмы. Нашими партнерами в проведении презентаций стали: проект «Псковские сказки для детей»; научно-образовательная лаборатория «Социогуманитарная регионалика» ПсковГУ; потомственная сказительница Евгения Буйко, продюсер и режиссёр-постановщик Нина Витковская; студенты отделения «Дизайна в области культуры и искусства» ППК; а также Фольклорный ансамбль «Плескава».

В период реализации проекта нашу библиотеку украсили: выставка шрифтовых иллюстраций, посвященная древним профессиям «Трудолюбивый народ города Букваринска»; выставка художественных работ, выполненных в традиционных народных техниках «Сохраняя традиции»; выставка «Куклы в псковских костюмах». Это стало возможным благодаря сотрудничеству с Псковским Областным Колледжем Искусств им Н.А. Римского-Корсакова, Псковским Политехническим колледжем, а также клубом традиционной и авторской куклы «Псковитянка».

В ходе реализации проекта его участники научились делать традиционные куклы обереги из вторсырья и бумагу из ветоши, узнали почему Псковскую область издавна называли Льяной губернией и о том, в чем отличительная особенность псковских сказок от общероссийских, попытались найти ответ на вопрос о том, какое отчество у Снегурочки и познакомились с народными играми и обрядами, экологически дружелюбным поведением и правилами эко потребления.

Одной из «фишек» проекта стал конкурс экофанфиков на русские народные (в том числе Псковские) сказки. Участникам конкурса предлагалось найти в народных сказках экологические мотивы и развить их в контексте фанфика. Экспертами при отборе конкурсных работ выступили сотрудники Музейного Образовательного Центра Псковского музея-заповедника, руководитель проекта «Псковские сказки» Анастасия Попова и потомственная сказительница Евгения Буйко.

В рамках ежегодной эколого-краеведческой конференции «Я - защитник природы!» состоялось награждение победителей конкурса экофанфиков «Старые сказки на эко лад», который стал завершающим этапом социально-просветительского проекта. Победители конкурса получили дипломы, а также призы, которые помогут ребятам вести экологически осознанный образ жизни, от нашего партнера завода «Титан-Полимер». Работы участников конкурса будут использованы для проведения эколого-просветительских мероприятий. В пер-

спективе работы победителей будут представлены на территории экопространства в Корытовском лесопарке, над созданием которого в данный момент работают специалисты завода «Титан-Полимер» в рамках проекта «Экосуббота».

Успешная реализация данного проекта и расширившиеся благодаря его реализации партнерские связи вдохновили нас на создание нового проекта, опирающегося на самобытность, региональную идентичность и экологичность наших партнеров.

В 2023 году библиотека реализует эколого-просветительский проект «По Печорской стороне: хутора и частные музеи Псковской области». Наш проект – это увлекательное путешествие в историю родного края, экскурс в культурную и хозяйственную деятельность предков, приобщение к экологической культуре через осознание своей принадлежности к определенному культурному дискурсу. Целевая аудитория – дети и подростки.

Проект реализуется при поддержке Псковского областного союза туриндустрии, ООО «Континент-тур», частных музеев и хуторов Псковской области, входящих в Национальный туристический маршрут «С грохотом по фермам» или «Глаза, страшатся, а руки делают».

Цель проекта: формирование у читателей-детей представлений об экологической культуре, природных особенностях региона, возрождение ремесел и традиций, через изучение частных музеев и хуторов Псковской области, входящих в Национальный туристический маршрут «С грохотом по фермам» или «Глаза, страшатся, а руки делают».

Задачи проекта:

1. Показать Псковскую область не только как хранительницу истории, духовности, архитектуры, но и экологии, культуры, живущей в руках местных умельцев, в сердцах равнодушных людей.

2. Воспитать осознанное, ответственное отношение к природе, основанное на опыте хуторов и частных музеев.

3. Повысить интерес к книге и чтению.

4. Развивать познавательный интерес, память, внимание, воображение, речь, расширить кругозор детей, способствовать развитию умения сравнивать, анализировать, делать выводы.

5. Рассмотреть возможности презентации участникам проекта своих творческих работ в области традиций, ремёсел, природы региона.

На данный момент в рамках проекта состоялось 7 мероприятий, следующих модной современной тенденции – lifelong learning (постоянное обучение). В январе участники проекта, вместе с хозяйкой фермы «Сады на Кудебе», попытались представить себя фермерами, узнали кто они такие, насколько тяжел этот труд, а также о том, как выращивать и правильно хранить экологически чистые яблоки. А уже в начале февраля наши читатели совершили увлекательное путешествие в прошлое и познакомились с различными материалами, аналогами современной бумаги, узнали о способах их изготовления, а затем отправились в виртуальную экскурсию на настоящую бумажную фабрику и приняли участие в мастер-классе по изготовлению бумаги из льняной ветоши.

Псковская область богата умелыми мастерами и радушными, хлебосольными хозяевами, они и доброму делу обучат и вкусно накормят. Таковы и хозяева «Хлебного хутора», которые рассказали участникам проекта о том, как пряник из варяжского лакомства превратился в традиционное русское угощение. Уникальный для России международный социальный проект «Активное село» появился из стремления его создателей производить честные, экологически-чистые про-

дукты. Наши маленькие гости смогли не только попробовать продукцию органик-центра, но и попрактиковались в изготовлении слайсов из яблок, а также по достоинству оценили современное оборудование, которое может существенно упростить жизнь каждой хозяйке. В доступной форме про лён и коноплю посевную, про их историю, производство и сферы применения от истоков до наших дней рассказали участникам проекта специалисты Частного информационного центра льна и конопли «Льняная губерния». Африканскую птицу разводят совсем недалеко от Пскова, а еще овечек, разнообразную птицу и даже северных оленей. Этих нехарактерных для северо-запада России животных можно увидеть на эко-ферме «Изборский страус», сотрудники фермы проводят отличные мастер-классы и делятся секретами приготовления страусиных яиц.

Каждая наша встреча сопровождалась презентацией выставки «С грохотом по фермам», на которой экспонировались уникальные объекты, предоставленные партнерами проекта, а также выставкой книг по теме встречи. Такой насыщенной и разнообразной была практическая часть проекта, завершившаяся в середине апреля круглым столом, в котором приняли участие представители частных музеев и хуторов Псковской области, сотрудники библиотеки и представители туристической индустрии. В ходе встречи было принято решение продлить эти живые, познавательные встречи с детьми на следующий год и перейти к творческой части проекта – конкурсам. Реализация проекта предполагает организацию и проведение творческого конкурса «Не столица, но есть чем гордиться». Участникам конкурса будет предложено разработать экскурсию по одному из музеев или хутору, или же изготовить рекламную продукцию, продвигающую частные музеи и хутора Псковской области. Участниками конкурса могут стать старшеклассники и студенты профильных вузов. Призовой фонд конкурса обеспечивают партнеры проекта.

Реализация проектов получила положительный отклик у читателей и партнеров библиотеки, а также широкий отклик в местных СМИ. Проекты послужили своеобразной социальной рекламой для наших партнеров, а нам помогли увлечь детей историей культурной и хозяйственной деятельности региона, приобщить участников к национальной культуре, повысить интерес к чтению краеведческой литературы и, конечно, приобрести новых партнеров.

Сукина Л.Б.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XXI В.: ОПЫТ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ключевые слова: культурное наследие, памятники церковной старины, христианская археология, церковная археология.

Значительную часть культурного наследия современной России составляют так называемые «памятники церковной старины» – храмовые и монастырские постройки, иконы и фрески, предметы прикладного искусства культового назначения, рукописные и печатные книги, связанные с богослужебными и учительными практиками православных религиозных конфессий. Они стали объектами исследования ученых разных специальностей (преимущественно филологов и историков) еще в XIX в. Но в это же время данные объекты привлекли внимание и особой дисциплины, существовавшей в рамках системы церковного образования, ученой и просветительской деятельности. Определяемая как «христианская ар-

хеология», она начала складываться в Европе во второй половине XVI в. в среде защитников церковных древностей, стремившихся сохранить их в качестве ценного культурного наследия в ситуации пренебрежительного отношения к старинному устройству церковной жизни под влиянием религиозных и эстетических идей протестантизма. В России эта разновидность «науки о древностях» получила распространение в XIX – начале XX в. под названием «церковная археология» [См.: 2, с. 517–528]. Забытая в советское время и возрожденная в 1990-е гг. в наши дни она вновь вызывает определенный интерес, в том числе у крупных исследователей. В настоящей работе мы рассмотрим ее познавательный ресурс, оценив основные достоинства и недостатки.

За рамками наших рассуждений мы оставим тот раздел церковной археологии, который занимается проблемами исторической литургики, а также «библейскую» археологию Христианского Востока и сосредоточимся на области исследования «материальных памятников» Церкви, созданных в эпохи Средневековья и Нового времени в культурном ареале, ограниченным Византийским миром и Русью/Россией. Следует отметить, что, несмотря на заметные успехи и на первых двух из обозначенных выше областей церковно-археологического знания, усилия российских исследователей уже в XIX в. были сосредоточены, в основном, на изучении наиболее доступных им православных древностей, находившихся на территории их собственной страны. Здесь церковной археологией было сделано удивительно много: выявлены и обследованы многочисленные памятники архитектуры как Москвы и окрестностей Санкт-Петербурга, так и самых отдаленных губерний, описаны древние чтимые иконы, средневековые произведения лицевого шитья, кресты и литургические сосуды, рукописи и редкие старопечатные издания, хранившиеся в монастырских и церковных ризницах и библиотеках. В изданиях, выпущенных региональными археологическими комиссиями, опубликовано большое количество письменных источников. Ценность этих публикаций (хотя они зачастую осуществлялись без соблюдения археографических требований) невозможно переоценить, так как многие подлинники оказались утраченными после 1917 г. Церковная археология XIX – начала XX в., используя опыт европейских коллег, выработала собственные жанры научного исследования и презентации его результатов, среди которых особенное и важное место принадлежит описаниям отдельных монастырей, в составлении которых использовались методы статистики, экономики, географии, истории и некоторых других научных дисциплин [подробнее см.: 13, с. 108–117]. Этот жанр в XX в. утратил свою актуальность не только и не столько по причине смены научного дискурса, но и в связи с безвозвратным разрушением на советском и постсоветском пространстве исторической преемственности в существовании монастырей как сложных религиозных, хозяйственных и культурных институций.

Итак, церковная археология занималась вопросами изучения и поднимала проблему сохранения определенной части «культурного наследия» задолго до появления самого этого понятия и его осмысления в науке и практике (о дефинициях термина «культурное наследие» до сих пор продолжают дискуссии [см.: 10, с. 12–18]). В XIX – начале XX в. сложилась и традиция называть музеи древностей, создававшиеся при архиерейских кафедрах и духовных учебных заведениях церковно-археологическими кабинетами (например, существующий и сейчас «Церковно-археологический кабинет Московской Духовной академии» в Троице-Сергиевой лавре).

Уже в дореволюционный период крупнейшими представителями церковно-археологической науки (например, А.П. Голубцовым (1860–1911)) ее объект

трактовался довольно широко и включал археологию (раскопки утраченных святынь и сделанные при этом находки), места молитвенных собраний (храмы), церковную живопись и другие материальные следы истории христианства [7]. Эта особенность церковной археологии прослеживается и в том, как ее достижения были представлены в докладах и выставках на археологических съездах в России [См.: 8]. В то же время, принципиальное различие исследовательских методов уже тогда способствовало появлению среди трудившихся в этой сфере ученых как «чистых» археологов, так и специалистов, интересующихся преимущественно старинной церковной архитектурой и живописью (т.е. занимающихся, в нашем современном понимании, искусствоведением). Так, директор Археологического института и профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.В. Покровский (1848–1917) в своем итоговом труде манифестировал церковную археологию как оптимальный исследовательский подход к изучению истории христианского искусства [12] (Подчеркнем, что кандидатская диссертация Покровского была посвящена происхождению древнехристианской базилики, а докторская евангельским сюжетам в византийской и русской иконографии).

Эта многосторонность и раздробленность церковной археологии сохраняется и в ее нынешнем состоянии. Специалисты, способствовавшие ее возрождению, настаивали на комплексном характере церковно-археологической науки, так как и в XIX в. эта область научного знания охватывала всю «духовную культуру и историю православных народов» [11, с. 8]. Об этом свидетельствовала и программа первой Всероссийской церковно-археологической конференции, проведенной в 1995 г. в Пскове. Но название и, отчасти, содержание пленарного доклада В.М. Массона, рассматривавшего церковную археологию, как «направление археологической науки», противоречили этому посылу [11, с. 7–9]. Многообразие объектов и методов церковно-археологических исследований показывает осуществленный Л.А. Беляевым историографический анализ новейших публикаций в этой сфере [3].

В настоящее время часть ученых мыслит и осуществляет церковно-археологические исследования исключительно в узких дисциплинарных рамках академической и университетской археологии [см., например: 9]. Для других – это направление искусствоведения, занимающегося древностями храмов, монастырей и приходов в рамках определенных культурно-географических локусов [см., например: 1]. Для третьих – предметное поле исторической науки, в котором осуществляется сравнительное изучение христианских артефактов различных видов [См.: 4]. Для четвертых – объяснительная модель внутренней сущности памятника культуры христианской древности, работающая в теологическом дискурсе [см., например: 5].

Определенные проблемы у церковной археологии возникают и в связи со сложившейся системой дисциплинарной организации гуманитарных наук и образования, в которую она вписывается с трудом. Институты, занимающиеся продвижением этой дисциплины, решают задачу ее связи с другими видами гуманитарного знания по-разному. В рубрикации «Православной энциклопедии» она определена как «одна из вспомогательных дисциплин исторической науки» [См.: 14]. В основанном в 2019 г. научном «Вестнике церковного искусства и археологии» Московской Духовной академии материалы делятся на два дисциплинарных раздела в соответствии с классификацией ВАК РФ: 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и 07.00.06 – Археология [см.: 6]. В Электронной библиотечной системе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета издания подобного содержания отнесены к общей рубрике: «Искусство. Искусствознание. Церковная археология» [см.: 15].

В современной эпистемологической ситуации специалисты, практикующие исследования в сфере церковной археологии, так и не определились с ее рангом в системе знания: эксплицитно и/или имплицитно ее позиционируют как дисциплину, направление, предметное поле. По нашему мнению, церковная археология – это исследовательский подход, задающий определенную оптику изучения части культурного наследия, обязанного своим происхождением деятельности христианских конфессий. Он довольно продуктивен, однако его методы, заимствованные у других дисциплин (истории, археологии, искусствознания), не уникальны и не универсальны.

1. Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек / А.Л.Баталов[и др.]. – Москва : Лингва-Ф, 2007. – 560с.
2. Беляев, Л.А. Археология христианская / Л.А.Беляев // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – Т.3. – С.517–528.
3. Беляев, Л.А. Новые работы в области христианской и церковной археологии: конец XX – начало XXI века / Л.А.Беляев // Искусство христианского мира. – 2016. – Вып.13. – С.45–66.
4. Беляев, Л.А. Христианские древности: Введение в изучение / Л.А.Беляев. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – 575с.
5. Ванеян, С. Христианская археология и церковное искусство: аспекты эпистемологии / С.Ванеян // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2011. – Вып.3 (6). – С.7–33.
6. Вестник церковного искусства и археологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.publishing.mpa.ru/index.php/church-art-review>. – Дата доступа: 03.10.2023.
7. Голубцов, А.П. Из чтений по Церковной Археологии и литургики / А.П.Голубцов. – Сергиев Посад, 1918. – 289с.
8. Красносельцев, Н.Ф. Церковная археология на русских археологических съездах / Н.Ф.Красносельцев. – Казань, 1887. – 28с.
9. Курлаев, Е.А. «Церковная археология» как направление исследований / Е.А.Курлаев // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – №1 (25). – С.169–178.
10. Курьянова, Т.С. Культурное наследие : смысловое поле и практика / Т.С.Курьянова // Вестник Томского Государственного университета. Серия «Культурология и искусствоведение». – 2011. – №2. – С.12–18.
11. Массон, В.М. Церковная археология как научное направление российской археологической науки / В.М.Массон // Церковная археология : материалы первой Всероссийской конференции, Псков, 20–24 ноября 1995г. – Санкт-Петербург – Псков, 1995. – Ч.1 : Распространение христианства в Восточной Европе. – С.7–9.
12. Покровский, Н.В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства / Н.В.Покровский. – Петроград, 1916. – 242с.
13. Сукина, Л.Б. Описание монастырей как жанр научной публикации в церковной археологии XIX – начала XX в. / Л. Б. Сукина // Grand Altai Research & Education. – 2020. – №52(16). – С.108–117.
14. Церковная археология [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Электронная версия – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/rubrics/122950.html>. – Дата доступа: 03.10.2023.
15. Электронно-библиотечная система Православного свято-Тихоновского гуманитарного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.pstgu.ru>. – Дата доступа: 03.10.2023.

Сцебурака А.М.

ТРАНСФЕР САЦЫЯКУЛЬТУРНЫХ ІНАВАЦЫЙ У БЕЛАРУСІ Ё РАННІ НОВЫ ЧАС¹

Ключавыя словы: Беларусь у ранні Новы час, трансферсацыякультурных інавацый.

Фарміраванне беларускага этнасу прыпадае на Сярэднія вякі і завяршаецца ў ранні Новы час. У гэты перыяд складаюцца адметнасці духоўнай, матэрыяльнай культуры і менталітэту беларусаў. Пры гэтым знаходжанне нашага народу на скрыжаванні еўрапейскіх шляхоў зрабіла моцны, а часам вызначальны, ўплыў на з’яўленне шэрагу найбольш важных рысаў характару і жыцця этнасу. Падаецца дастаткова трапным разглядаць вонкавае ўздзеянне на гэты працэс ў межах

¹ Публікацыя ажыццяўляецца ў рамках праекта БРФД № Г22У-002 “Беларусь як зона цывілізацыйнага ўзаемадзеяння і трансферу сацыякультурных інавацый у Сярэднія вякі і ранні Новы час (X–XVI стст.)”.

цывілізацыйнага падыходу і парадыгмы глабальнай гісторыі. Бяспрэчна, мінулае і сучаснасць Беларусі звязаныя з сітуацыяй культурнага памежжа, напружанага кантакту з глабальнымі і лакальнымі цывілізацыямі.

У рамках сціпрых тэзісаў немагчыма шырока спыніцца на ўсіх акалічнасцях несупыннага трансферу сацыякультурных інавацый цягам мінулага нашай краіны. Таму абмяжуемся найбольш цікавымі з’явамі з перыяду пачатку ранняга Новага часу, якія запатрабаваныя ў дзейснай гістарычнай палітыцы і сталі сімвалічнымі для нашага грамадства. Гутарка вядзецца пра інавацыі XVI ст., якія ўкараніліся на тэрыторыі Беларусі ў выніку актывізацыі кантактаў як з нашымі гістарычнымі суседзямі ў рэгіёне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, так і з краінамі Заходняй Еўропы, якія перажывалі працэс глыбокай трансфармацыі ў час позняга Адраджэння, росквіту Рэфармацыі і пачатку Контррэфармацыі. Здатнасць да прыняцця і трансферу еўрапейскіх інавацый той эпохі прывялі да якасных змен у беларускім соцыуме, далейшым вынікам чаго стала фарміраванне на тэрыторыі Беларусі грамадства раннемадэрнага тыпу.

Кнігадрукаванне, як найбольш яскравая дэталёвая новай эпохі, радніць беларускія землі з рэнесанснымі працэсамі так званага «Паўночнага Адраджэння». У гэтым рэгіёне (Цэнтральная і Паўночная Еўропа) значны ўплыў аказала распаўсюджванне Рэфармацыі, а сам друкарскі варштат стаў важным чынным распаўсюджвання новых ідэй. Такі працэс можна было назіраць і ў Вялікім Княстве Літоўскім, аб чым сведчыць жыццёвы шлях нашага гуманіста і вучонага-палімата Францыска Скарыны. Адукацыя і веды ў кнігавыдавецкай справе, атрыманыя Ф. Скарынам у Кракаве, Падуі, Венецыі і Празе, адкрылі для яго магчымасць заснаваць першую друкарню ў Вільні ў пачатку 1520-х гг. Праз усё XVI ст. у ВКЛ чырвонай ніткай праходзіць развіццё кнігадрукавання, як галоўнай інавацыі ў сферы культуры, рэлігіі і адукацыі (В. Цяпінскі, С. Будны, М. Радзівіл Чорны і «Берасцейская Біблія» 1563 г., кнігавыдаўцы браты Мамонічы і інш.). А дзейнасць у Маскве ў 1550-х гг. выходцаў з ВКЛ, першадрукароў І. Фёдарова і П. Мсціслаўца, з’яўляецца пераканаўчым сведчаннем ролі беларускіх зямель як маста для трансферу інавацый ва ўсім усходнееўрапейскім рэгіёне [3, с. 80–85; 5].

Распаўсюджванне Рэфармацыі ў Еўропе разам з пашырэннем кнігадрукавання імкліва змяніла аблічча адукацыі. Універсітэт з’яўляўся ў XVI ст. самавітым удзельнікам рэфармацыйнага руху, актыўна садзейнічаў распаўсюджванню па Еўропе новых ідэй. Бліжэйшай да Беларусі лютэранскай вышэйшай навучальнай установай робіцца «Альбярціна» ў Кёнігсбергу ў 1540-х гг. Яна была арыентаваная на далейшае распаўсюджванне Рэфармацыі ў рэгіёне ў сувязі з гэтым у акадэмію ахвотна прымалі як выкладчыкаў (А. Кульвец, С. Рафаловіч), так і шматлікіх студэнтаў з абшараў ВКЛ. Аднак, амбіцыйная спроба адкрыць уласны пратэстанцкі ўніверсітэт у Вільні не мела поспеху з-за прамога супрацьдзеяння з боку ўлады. З пачатку 1570-х гг. на беларускіх землях пачынае набіраць моц Контррэфармацыя, звязаная ў першую чаргу з актыўнай дзейнасцю ордэна езуітаў у ВКЛ. Паступова ствараецца сетка сярэдніх навучальных устаноў-калегіумаў (Полацк, Нясвіж і інш.), а з 1579 г. са згоды караля С. Баторыя ў сталіцы ВКЛ з’яўляецца езуіцкая акадэмія [6, с. 52]. Рэцэпцыя еўрапейскіх форм навучання, аж да ўзроўню ўніверсітэта, стала якасна новым этапам для грамадскай і культурнай эвалюцыі ВКЛ, паколькі адкрыла для жыхароў княства магчымасць прайсці ўсе ступені адукацыі ад пачатковай да вышэйшай не пакідаючы межаў сваёй краіны. Пры гэтым, асноўная частка выкладчыкаў у езуіцкіх навучальных установах у XVI – першай палове XVII ст. у выніку

рэгулярнай ратацыі мела досвед працы ў іншых еўрапейскіх краінах, што спрыяла пераносу ў Беларусь новых адукацыйных практык. Разам з тым, мода на адукацыйныя падарожжы сярод прывілеяваных саслоўяў ВКЛ працягвала набіраць папулярнасць у ранні Новы час, што садзейнічала яшчэ больш актыўнаму культурнаму ўзаемадзеянню з рознымі адукацыйнымі цэнтрамі пратэстанцкай і каталіцкай Еўропы.

У пачатку ранняга Новага часу ў беларускім дойлідстве складаецца ўнікальнае спалучэнне розных еўрапейскіх стыляў з мясцовай арыгінальнай традыцыі. Яшчэ ў першай траціне XVI ст назіраецца інерцыя шырокага ўжывання прыёмаў сярэднявечнай гатычнай архітэктуры. Помнікі праваслаўнай готыкі ў Сынкавічах, Маламажэйкаве, Супраслі сталі адным з самых пераканаўчых прыкладаў трансферу і паспяховай адаптацыі прыёмаў еўрапейскіх муляраў на беларускіх землях. Адметна, што далей рэнесансныя рысы архітэктуры праяўляюцца ў шэрагу свецкіх і сакральных будынкаў па ўсёй Беларусі цягам XVI ст. і яшчэ ў першай палове XVII ст. і не спяшаюцца сыходзіць у нябыт. У канцы XVI ст. у Беларусі паступова распаўсюджваецца барока, якое на наступныя два стагоддзі стала дамінуючым архітэктурным стылем і пакрысе пранікла з тэрыторыі нашай краіны на землі сучасных Расіі і Украіны [1, с. 8–22]. Невыпадкова сёння найбольш важнымі турыстычнымі славутасцямі Беларусі, уключанымі ў спіс сусветнай спадчыны ЮНЕСКА, з’яўляюцца Мірскі і Нясвіжскі замкі (выбітныя помнікі гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі ранняга Новага часу).

Адной з найбольш адметных інавацый гарадскога жыцця Беларусі ў ранні Новы час робіцца распаўсюджванне Магдэбургскага права. І хаця яно пачынае з’яўляцца яшчэ ў канцы XIV–XV ст., але найбольш яно пашыраецца ў наступнае стагоддзе [2]. Разам з самакіраваннем па еўрапейскаму ўзору шпарка развіваецца гарадская геральдыка, якая сёння ў грамадскай свядомасці найчасцей ўвасабляе трывалую традыцыю гарадской аўтаноміі і свабоды (прыгадаем, што дзейсныя гербы Менску, Гродна, Віцебска, Навагрудка, Мазыра, Полацку паходзяць з XVI ст.) [7, с. 67].

На гэтых сціплых прыкладах не абмяжоўваецца пералік выпадкаў трансферу сацыякультурных інавацый у Беларусі ў пачатку ранняга Новага часу. Асобнага аналізу вартыя запазычанні ў сферы права і заканадаўства, вайскавай справы, эканамічных рэформаў, развіцця рамёстваў, грашовай сістэмы, транспарту, ладу жыцця, кулінарыі, мастацтва, моды і г.д. Пашырэнне інавацый было звязана часам не толькі з буйнымі рэлігійнымі, культурнымі, тэхналагічнымі хвалямі і адкрыццямі, але і з актывізацыяй кантактаў праз палітычныя саюзы, кантакты і, бясспрэчна, канкрэтныя дзеячы эпохі (чаго вартыя ініцыятывы Боны Сфорцы, Стэфана Баторыя, ці Генрыха Валуа (прыгадаем яго ўплыў на заканадаўства, на ўзнікненне кантактаў паміж нашым краем і Францыяй)).[4]

Такім чынам, пранікненне, адаптацыя і далейшая эвалюцыя знакавых для нашай гісторыі і культуры інавацый у ранні Новы час было ў значнай меры абумоўлена абставінамі цывілізацыйнага памежжа. Яны выступаюць не як раз’яднаныя і выпадковыя з’явы, а як сістэмны фактар гістарычнага развіцця нашай краіны. Згаданыя вышэй знакавыя для беларускай мінуўшчыны і нацыянальнай гістарычнай памяці феномены наўпрост звязаныя з паспяховым выкарыстаннем замежных узораў і плённым пераасэнсаваннем еўрапейскіх практык.

1. Архітэктура Беларусі. Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце. – Т. 2: XV – сярэдзіна XVIII ст. – Мінск, 2006. – 392 с.
2. Келлер, О.Б. Трансферт средневекового немецкого права на земли к востоку от Германии / О.Б. Келлер. – Минск, 2017. – 391 с.

3. Нікалаеў, М.В. Гісторыя беларускай кнігі. –Т. 1: Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага / М.В. Нікалаеў. – 2009. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2009. – 424 с.
4. Рукапісныя крыніцы Нацыянальнай бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім Княствам Літоўскім у новы час (XVI–XVIII ст.) / І. Лялькоў. – 90 с.
5. Суша, А.А. Асэнсаванне шэдэўра. Берасцейская Біблія / А.А. Суша. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2020. – 259 с.
6. Сцебурака, А.М. Развіццё адукацыі ў Беларусі ў 1569–1648 гг.: традыцыі поліканфесійнасці сацыяльнай абумоўленасці / А.М. Сцебурака // Вышэйшая школа. – 2009. – № 4. – С. 50–53.
7. Цітоў, А. Геральдыка Беларусі : (ад пачаткаў – да канца XX стагоддзя) / А. Цітоў. – Мінск : Мінская фабрыка каляровага друку, 2010. – 139 с.

Усик Б.Г., Николаева Л.В.
**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ
 НА ЗЕМЛЕ СТАЛИНГРАДА**

Ключевые слова: увековечивание памяти, памятники, обелиски, братские захоронения, учет исторических мест, посвященных Сталинградской битве.

Осознание величия Сталинградской победы и необходимости сохранить историческую память о ней возникло, когда ещё шли ожесточённые бои. 29 ноября 1942 г. корреспонденту газеты «Красная звезда» В.И. Коротееву, бывшему секретарю Сталинградского обкома ВЛКСМ, было выдано удостоверение за подписью председателя Сталинградского городского Комитета Обороны (далее – СГКО) А.С. Чужанова, дававшее право собирать экспонаты для будущего музея и предписывавшее «всем военным, партийным и советским организациям оказывать тов. Коротееву полное содействие и необходимую помощь» [6, с. 402].

Важную роль в увековечивании памяти о подвигах защитников города сыграл Музей обороны Царицына им. И.В. Сталина, который в январе 1943 г. был реорганизован в Музей обороны Царицына-Сталинграда им. товарища Сталина [1, с. 6].

24 января 1943 г. Сталинградский горком ВКП(б) обратился к начальникам полиотделов 57, 62 и 64-й армий с просьбой передать музею фотоснимки, листовки, плакаты, трофейное оружие, обмундирование, знаки отличия и т.п., а также фотопортреты командного состава, Героев Советского Союза и особо отличившихся командиров и бойцов [8, л. 11, 19, 32]. Особенно активно проводился сбор трофеев и других материалов по окончании боёв. 3 февраля 1943 г. А.С. Чужанов обратился к командованию Донского фронта с просьбой передать музею подшивки фронтовых газет, боевых листовок, обращений и листовок, танки, автомашины, орудия, миномёты, пулемёты, комплекты обуви, одежды и др. обмундирования немецких, румынских солдат, офицеров и генералов, а также знамёна, находившиеся в числе трофейного имущества.

Аналогичные просьбы были направлены в штаб трофейного имущества Приволжского военного округа, район авиационного базирования, выездную редакцию газеты «Комсомольская правда», журнал «Фронтная фотоиллюстрация», Центральную студию кинохроники. Запрашивались карты-схемы положения фронтов в районе Сталинграда по состоянию на 19 ноября 1942 г., схема окружения и ликвидации немецкой группировки, схема минирования города, диаграммы проведения разминирования [6, с. 402].

7 июня 1943 г. СГКО обязал Сталинградский горком ВКП(б) и горсовет усилить практическую помощь музею обороны Царицына-Сталинграда и в первую очередь в части ремонта и оборудования подвала помещения главного универма-

га и развертывания в нем выставки, горкому ВКП(б) и горсовету предписывалось взять на учет во всех городских партийных, советских организациях и на предприятиях документы и экспонаты, характеризующие оборону и восстановление Сталинграда с тем, чтобы в течение июля 1943 г. передать их на хранение в музей. Для выставки трофейного имущества, захваченного Красной Армией в районе Сталинграда, поручалось отвести площадку бывшего стадиона «Динамо». Начальнику Сталинградского стройуправления было поручено восстановить к ноябрю 1943 г. здание музея обороны Царицына, имеющее историческое значение (в 1918 г. в нем помещался штаб обороны Царицына). Вопрос о реставрации и восстановлении здания музея обороны города Царицына – Сталинграда находился под контролем Центрального Комитета ВКП(б) [7, с. 557–558].

Согласно справке заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Пономарева на имя секретаря обкома ВКП(б) Чуянова от 20 ноября 1943 г. «оборудование помещения под выставку (подвал универмага) закончено, всего десять комнат, которые закреплены за учреждениями, участвующими в организации выставки. Нижне-Волжское пароходство, завод «Красный Октябрь», Ерманский район приступили к монтажу материалов выставки. Трофейное вооружение и техника были свезены на площадку стадиона «Динамо» (6 различных самолетов, 10 танков, 23 орудия) и в музей (легкое вооружение). Работа по учету исторических мест в городе и районах, а также братских могил и сбор материалов об обороне Сталинграда музеем продолжается [7, с. 561].

Открытие Музея обороны Царицына – Сталинграда им. товарища Сталина состоялось 6 июня 1948 г. в восстановленном здании по ул. Гоголя, 10. Экспозиция, посвященная Сталинградской битве, существовала в музее до 1982 г., а затем была передана в Музей-панораму «Сталинградская битва», где была создана новая экспозиция к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В настоящее время Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» – самый большой музейный комплекс, посвященный Сталинградской битве. Он объединяет Музей-панораму «Сталинградская битва», в залах которого представлено свыше 4,5 тыс. экспонатов, а в фондах хранится более 147 тыс. единиц хранения, Мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, руины паровой мельницы; Бронекатер БК-13 – памятник Волжской военной флотилии, Музей «Память», открытый в 2012 г. в подвале Центрального универмага, Мемориально-исторический музей, посвященный событиям Гражданской войны.

Событиям и героям Сталинградской битвы посвящено много памятников и обелисков, мемориалов и братских могил, первые из которых появились еще в военные годы над одиночными и братскими захоронениями советских солдат и мирных жителей, погибших во время оккупации.

10 февраля 1943 г. было принято постановление горисполкома об отводе мест под братские могилы воинов, погибших при обороне Сталинграда. Для братских захоронений отведены следующие места: по Тракторозаводскому району – парк по улице Михайлова (против летнего театра) и в парке по улице Зеленой; по Баррикадному району – парк Дома культуры и отдыха и в парке на Нижнем поселке; по Краснооктябрьскому району – парк против главных ворот завода «Красный Октябрь»; Дзержинский район – Комсомольский сад, сквер площади Павших Борцов; Ворошиловский район – против учебного здания мединститута и Дар-Горы в парке на базарной площади. Погребение погибших из гражданского

населения производилось в общих могилах на кладбищах соответствующих районов [7, с. 489].

По постановлению СГКО от 7 июня 1943 г. дирекция Музея обороны должна была взять на учет исторические памятники обороны Сталинграда по городу и предместьям, установить на них специальные обозначения, а также взять на учет все братские могилы отдельных героев обороны. Горсовет должен был привести их в порядок и огородить.

На заседании бюро Сталинградского городского комитета ВКП(б) 21 июня 1943 г. было предложено райкомам ВКП(б), начальнику Облуправления милиции УНКВД по Сталинградской области майору Бирюкову Н.В. и директору музея Хмелькову А.И. взять на учет участников обороны города Сталинграда и все исторические места обороны Сталинграда (по городу и предместьям), а также братские могилы, отдельные могилы героев обороны, и составить списки на зверски замученных сталинградцев немецко-фашистскими варварами, а также на погибших сталинградцев при героической обороне Сталинграда. Они должны были представить в горком ВКП(б) к 1 июля 1943 г. материалы: акты, сообщения граждан и организаций о всех злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в период временной оккупации части города [7, с. 558].

6 июля 1943 г. СГКО постановлением № 466 обязал горисполком взять на учет и зарегистрировать в специальной книге, которая должна находиться в райисполкоме и горисполкоме, все могилы бойцов и командиров, погибших при защите Сталинграда. Вторые экземпляры сводных книг исторических памятников должны находиться постоянно в музее обороны города и предоставлены для постоянного знакомства посетителей музея.

Также горисполком должен издать специальное постановление об охране памятников (в том числе и могил) обороны Сталинграда, исключающее возможность небрежного отношения к памятникам обороны и обязывающее местные органы - райсоветы систематически наблюдать и восстанавливать все исторически важные памятники обороны города Сталинграда. В течение июля-августа 1943 г. должен быть проведен полный учет всех памятников обороны Сталинграда (могил одиночных и братских - погибших бойцов, важных опорных пунктов, блиндажей, мест расположения командных пунктов, штабов и т.п.) силами населения и привлеченных общественных организаций, необходимо было отремонтировать могилы, обложить их камнем, кирпичом, поставить ограды, построить деревянные или каменные памятники, отреставрировать надгробные надписи, украсить могилы цветами, обсадить деревьями и назначить ответственных лиц или общественные организации по наблюдению за сохранностью этих исторических памятников.

Городским райкомам партии и горкому партии, райисполкомам и горисполкому поручалось установить имена погибших безымянных героев, а также установить адреса их семей и родственников через воинские части, ранее находившиеся в Сталинграде, записать подвиги павших героев или рассказы людей, знавших их.

В дни традиционных советских праздников (7 ноября, 1 мая, 23 февраля), а также в день бомбардировки Сталинграда (23 августа) и в день окончания разгрома немецко-фашистских оккупантов (2 февраля) рекомендовалось возлагать на могилы павших воинов венки от общественных организаций, учреждений и предприятий. Данная традиция продолжается и в настоящее время.

Городские, районные комитеты партии, Сталинградский горком комсомола, а также музей обороны должны систематически знакомить жителей города, молодежь и детей с подвигами людей, павших в боях с немецкими захватчиками

на территории Сталинграда, устраивая коллективные посещения могил, беседы и т.д. [7, с. 571–572].

СГКО считал необходимым подчеркнуть великое благородное значение работы по уходу и сохранению могил героев Сталинграда, имена которых должны навсегда сохраниться в памяти жителей Сталинграда.

Вопрос «о сохранении и поддержании в первоначальном виде мест боев на Мамаевом бугре и наиболее важных мест боев 62-й армии предложения об обставлении этих мест мемориальными досками» обсуждался отдельно [10, л. 14–14об.].

В ноябре 1944 г. обком ВКП(б) по докладу тов. Пономарева рассмотрел список исторических мест и памятников обороны Сталинграда. Список был дополнен вновь установленными памятными местами г. Сталинграда: обороны Царицына – 16 мест, обороны Сталинграда – Тракторозаводской район – 17 мест, Баррикадный район – 7 мест, Краснооктябрьский район – 9 мест, Дзержинский район – 10 мест, Ерманский район – 14 мест. Ворошиловский район – 9 мест, Кировский район – 16 мест; были установлены месторасположения 46 братских могил по г. Сталинграду и исторические места обороны по Красноармейскому, Среднеахтубинскому, Калачевскому, Городищенскому, Ворошиловскому, Клетскому, Ольховскому, Нижнечирскому, Солодчинскому, Сиротинскому районам области. Еще раз было принято решение о заведении областной книги учета всех исторических мест с подробной характеристикой событий, происходивших в этих местах, а также об издании путеводителя по памятным местам области и города [9, л. 18–26].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. на месте братских и одиночных могил советских военнослужащих устанавливали бетонные стелы с именами погибших. В 1948 г. были установлены обелиски в хуторах Венцы, Ерик и Головском Клетского района; в 1949 г. – памятники на хуторах Жирковском и Гвардейском Клетского района, в станицах Отрожкинской и Усть-Хоперской в Серафимовичском районе [3, с. 62].

Один из самых значительных по масштабам монумент послевоенного десятилетия – памятник чекистам – воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда высотой 22 м был воздвигнут в 1947 г. на площади чекистов на правом берегу реки Царицы. В 1954 г. в поселке Пятиморск Калачевского района был сооружен монумент «Соединение фронтов», изображающий фигуры четырех солдат: мотострелка, конногвардейца, пехотинца и танкиста. В 1951–1954 гг. были установлены на расстоянии в несколько километров друг от друга 17 башен танков Т-34, символизирующих линию обороны Сталинграда протяженностью около 30 км. В 1955 г. в сквере нижнего поселка завода «Баррикады» установили стелу с бронзовой мемориальной доской в честь «Острова Людникова» [3, с. 62–63].

Под руководством Е.В. Вучетича в 1959 г. было начато строительство грандиозного мемориала на Мамаевом кургане с памятником-ансамблем «Героям Сталинградской битвы», главным монументом которого являлась «Родина-мать зовёт!» высотой 85 м. Завершилось строительство в 1967 г. Масштаб мемориала призван увековечить значение Сталинградской битвы как важнейшего события Великой Отечественной войны. В 1963 г. на площади Павших Борцов был зажжен Вечный огонь в память о мужестве и героизме всех защитников города. От площади Павших борцов до набережной 62-й армии была проложена Аллея Героев. Установленные на ней стелы Героев Советского Союза увековечили имена 127 человек, получивших это звание за героизм в Сталинградской битве, 192 уроженцев Волгоградской области, в том числе трех дважды Героев Советского Союза, 28 кавалеров ордена Славы трех степеней.

Приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 1 мая 1945 г. Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса названы городами-героями. А 8 мая 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Волгоград был награжден медалью «Золотая Звезда» и орденом Ленина. Постепенно город-герой Волгоград стал превращаться в город-памятник, в котором мемориальные объекты, посвященные Сталинградской битве, стали играть ведущую роль в организации художественного облика города и в патриотическом воспитании молодежи.

В память о жестоких боях на Лысой горе (высоте 145,6) в 1968 г. был установлен 20-метровый обелиск, в 1975 г. – памятник матросу-пехотинцу 193-й стрелковой дивизии М.Д. Паникахе, в 1977 г. – памятник речникам – катер «Гаситель» на берегу Волги, а возле здания элеватора – статуя морского пехотинца. В 1985 г. открыта мемориальная стена-памятник на доме Павлова.

Практически во всех населенных пунктах Волгоградской области установлены памятники на братских и одиночных могилах погибших участников войны, мемориалы в честь невернувшихся с полей сражений односельчан. Например, в Серафимовичском районе находятся 66 братских захоронений и 7 памятных знаков, в Суровикинском районе – 52 братских захоронения и 11 памятных знаков, в Чернышковском районе – 22 братских захоронения и 11 памятных знаков. Немало памятных мест насчитывается и в прифронтовых районах Волгоградской области, например в Новоаннинском районе находится 18 братских захоронений и 24 памятных знака, в Светлоярском районе – 39 братских захоронений и 9 памятных знаков, в Урюпинском районе – 34 братских захоронения и 28 памятных значков. Из 2000 историко-мемориальных объектов области – 852 военных захоронения и 142 памятных места периода Сталинградской битвы. Свыше 400 знаков установлено в память воинов-земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны [5, с. 11].

Нередко изображение солдатского подвига включает, помимо стеллы, скульптуры, бюсты, мемориальные доски и другие памятные знаки, а также списки погибших.

23 августа 1999 г. в Городищенском районе Волгоградской области было торжественно открыто Россошинское военно-мемориальное кладбище советских воинов, погибших под Сталинградом. Впервые на кладбище были захоронены останки 808 защитников Отечества. За период с 1997 г. на мемориале в 39 братских и более чем 500 индивидуальных могилах похоронено 23095 защитников Сталинграда.

С конца 1990-х гг. стали появляться кладбища погибших на территории Сталинградской области военнослужащих Германии и ее союзников. Ветераны Великой Отечественной войны нередко выступали против таких «попыток прославления оккупантов» [2, с. 9]. В 1999 г. на Россошинском мемориале было открыто военно-мемориальное кладбище для немецких солдат, уход за которым осуществляется за счет пожертвований немецких граждан. Здесь погребено около 50 тыс. погибших. На мемориальные плиты занесены имена 120 тыс. погибших, пропавших без вести и тех, место гибели которых установить невозможно. В 2015 г. там же было открыто румынское кладбище, на котором на июнь 2021 г. захоронено 2013 румынских солдат [4, с. 100]. Памятные знаки на местах захоронений военнослужащих, воевавших на стороне вермахта, появились в Урюпинске и Камышине.

В 2000-х гг. в увековечивании событий Сталинградской битвы стали использовать религиозные символы. В 2005 г. на Мамаевом кургане был возведен

храм Всех Святых, в 2008 г. – 10-метровый православный крест на «Острове Людникова», в 2012 г. – часовня памяти на площади Чекистов.

Судьба мирных жителей-жертв битвы также отражена в мемориалах и памятниках. В 1995 г. на перекрестке улиц Комсомольской и Чуйкова был открыт памятник жителям Сталинграда, погибшим во время бомбежки 23 августа 1942 г. В 2004 г. у железнодорожной станции Ельшанка в Советском районе состоялось открытие памятного знака мирным жителям, погибшим в дни Сталинградской битвы. В августе 1942 г. на этом месте было разбито два железнодорожных эшелона с жителями, эвакуированными из блокадного Ленинграда. В 2013 г. на хуторе Ляпичево Калачевского района был установлен памятник «Босоному гарнизону» – подросткам, расстрелянным фашистами в 1942 г.

2 февраля 2015 г. в месте пересечения улиц им. 7-й Гвардейской дивизии и Маршала Чуйкова, к 70-летию Победы был воздвигнут конный памятник Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому.

В рамках празднования 80-летия победы в Сталинградской битве 1 февраля 2023 г. возле музея-панорамы «Сталинградская битва» открыли бюсты полководцев Иосифа Сталина, Георгия Жукова и Александра Василевского.

Сталинград стал настоящим городом-монументом, символом Победы всего советского народа. Наибольшую известность среди всех мемориальных объектов, связанных с Великой Отечественной войной, имеют Мамаев курган и монумент «Родина-мать зовет». Мемориалы Великой Отечественной войны стали священными и заветными центрами городов и сельских поселений Волгоградской области.

1. Богатова, Т. А. Музей: путь длиной в 60 лет / Т.А. Богатова // Музей: история и современность: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию музея. – Волгоград: Комитет по делам печати и информации, 1997. – С. 5–15.
2. Кринко, Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.
3. Кринко, Е.Ф. Сталинградская битва в мемориальной культуре Волгограда и Волгоградской области / Е.Ф. Кринко // Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве, Волгоград, 20–21 окт. 2017 г. : в 2 ч. – Ч. 1. – Волгоград, 2017. – С. 59–69.
4. Орешкина, Г.А. Россошинское военно-мемориальное кладбище: прошлое и настоящее / Г.А. Орешкина // Вестник Центра по изучению Сталинградской битвы. 2018. Ежегодник: сб. науч. тр. – Вып. 4 (2019). – Волгоград: НИЦ «Абсолют», 2021. – С. 98–100.
5. Свет великой победы. Памятники и памятные места Волгограда и Волгоградской области. – Волгоград: Издат. группа «Вика-плюс», 2007. – 380 с.
6. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М.М. Загорулько; Адм. Волг. обл., Центр по изучению Сталинградской битвы. – Волгоград: Издатель, 2020. – 848 с.
7. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, Н.А. Горюнова, С.Ю. Пищулина. – Волгоград: Издатель, 2003. – 920 с. (Царицын–Сталинград–Волгоград в документах; т. 1).
8. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 113. Оп. 14. Д. 111.
9. ЦДНИВО. – Ф. 113. Оп. 14. Д. 129.
10. ЦДНИВО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.

Файзуллаева М.Х.
ПИТАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: питание, Сурхандарьинская область, этикет, традиции, обряды.

В эпоху ускорения процессов глобализации в мире большое внимание уделяется проблеме безопасности продовольствия, совершенствованию системы обеспечения безопасности продуктов питания, стабилизации социально-экономической ситуации, вопросам природно-экономического потенциала, экологии безопасности продуктов питания, гастрономического туризма и оздоровления населения отдельных регионов.

В настоящее время в мировой антропологии культура питания является одной из наиболее разрабатываемых тем исследований, в ходе которых учёные стремятся комплексно осветить проблему, начиная с традиционной этнографической характеристики до суждений, принятых в гуманитарных, общественных, естественных отраслях науки. Национальная кухня всегда была и остаётся непотворимым объектом исследования классической этнографии.

В Узбекистане формирование у населения здорового образа жизни становится одним из важных направлений государственной политики в совершенствовании данной сферы. На современном этапе актуализируется дальнейшее изучение национальных блюд, их видов, состава, способов приготовления, приёма пищи, то есть культуры питания, являющейся составной частью материальной культуры узбекского народа. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость анализа и исследования на основе антропологического подхода традиций, обычаев и ритуалов, связанных с национальной кухней на примере традиционных блюд населения Сурхандарьинской области, считающегося уникальным этнографическим регионом.

Антропология пищи и питания, столовый этикет, символические проявления в повседневной, праздничной и обрядовой пище, а также симбиоз национальных и современных признаков в традиционной кухне, экология и продовольственная безопасность, гастрономический туризм, локальное и глобальное изучение религиозных факторов, влияющих на развитие материальной культуры, составляют приоритетное направление современных исследований.

Питание имеет важное значение в умственном и физическом развитии человека. В данной главе показаны теоретико-методологические аспекты вопроса пищи как неотъемлемой части жизни человека и общества, проявляющейся в антропологии питания, отражении хозяйственно-культурных типов, пищевом коде, коде культуры, в виде средства идентификации, генетической памяти, рефлексов и т.д. Эти этнографические формы связаны не только с приоритетом определённой парадигмы кулинарии и подходов, но и создают качественно новый вид этнографических знаний. Уникальные особенности национальной кухни отличаются тем, что вобрали в себя древние корни культуры той или иной нации. Употребляя какое-либо блюдо или напиток, человек невольно соприкасается с культурой определённого народа.

Пища в качестве фактора, определяющего социальные связи, готовится в рамках семейных отношений. Трапеза у населения Сурхандарьинской области содержит в себе характерные элементы, проявления, традиции употребления ритуальных блюд, связанных с мусульманскими праздниками и поминальными обрядами. В ней нашли отражение место женщины в этикете питания, его правила, права и обязанности хозяйки дома, распределение труда, гарантия здоровья, обес-

печиваемого питанием домашних условиях, традиции гостеприимства, правила личной гигиены, а также представления людей о рациональном питании, в которых вкюпе прослеживаются локальные особенности, присущие жителям области.

Этикет трапезы – культура застолья населения, наряду с сервировкой стола, приёмом гостей, подачей блюд, высказыванием пожеланий или поминовением умерших, включает в себя взаимоотношения участников трапезы, церемониал гостеприимства. Совокупность этих факторов представляет собой застольный этикет, традиции которого строго соблюдаются в горных и предгорных кишлаках. Коллективный аспект застольного этикета наглядно проявляется в доброжелательной обстановке, укреплении взаимоотношений, приобретении новых знакомств, поддержании общей беседы, поминовении, стремлении быть учтивым, церемониале приёма и провода гостей. Следует отметить, что все эти аспекты формировались в традиции среди местного населения ещё с древних времён.

Кулинарное искусство узбеков, имеющее многовековую историю, формировалось под влиянием образа жизни, обрядов и обычаев, видов хозяйственной деятельности населения и природно-климатических условий. Вместе с тем, в ней нашли отражение традиции гостеприимства и почитания старших, элементы культуры питания проживающих в области представителей различных этносов.

Исходя из своих биологических потребностей, материальных возможностей и семейного уклада жизни, люди как правило придерживаются трехразового питания, т.е. завтракают, обедают и ужинают. Разумеется, существуют и некоторые исключения из правил, связанные с сезонными работами, постом либо состоянием здоровья. Привычный порядок приёма пищи, складываясь из поколения в поколение, впитался в образ жизни узбекского народа. Сложившийся веками порядок приёма пищи с течением времени несколько изменился, что можно видеть в его названиях: *эрталабки чой*, *нонушта* (завтрак), *тушлик* (обед), *тамадди* (полдник), *кечки овқат* (ужин). Вместе с тем мы видим, что еда делится на сезонную, праздничную, ритуальную и повседневную, что проявляется в различиях в процессе приготовления, названиях и подаче на стол.

Для жителей области два дня недели, т.е. четверг и воскресенье считаются наиболее желательными для приготовления плова. Это блюдо имеет особое значение в укреплении социальных связей. Также следует упомянуть, что в некоторых семьях члены знают, какое блюдо приготовлено на ужин, поскольку для них каждый день недели ассоциируется с определённой пищей.

Условная характерность сезонных блюд обусловлен приготовлением, составом, степенью потребления блюда, возрастом потребителей, гендерным фактором, объёмом блюда. Сезонными считаются зимние, весенние, летние, осенние блюда. В частности, употребляемые круглый год блюда зимой часто готовят из тыквы, а весной – с зеленью. Летом обычно предпочтение отдаётся кисломолочной пище и овощным блюдам, а зимой – еде из мяса и зерновых продуктов. Наряду с тем, что в осенне-зимний период мясные блюда предпочтительнее из-за калорийности, считается что в это время мясо является более вкусным, т.к. летом в нём как бы чувствуется вкус разнотравья, которым питается скот на пастбищах. До недавнего прошлого в кулинарии не было таких понятий, как «первое и второе блюдо», «соус», «гарнир». Однако помимо того, что блюдо должно было быть вкусным и эстетичным, значение придавалось его пользе для организма.

Основу кулинарии составляет два процесса: подготовка продуктов, непосредственно используемых в ходе приготовления и способы технологической обработки продуктов для получения готового блюда. Так, ассортимент, объём и ка-

чество продуктов оказывает влияние на здоровье человека и свидетельствует о том, что сбалансированность питания, вкус, аромат и эстетическая привлекательность блюд формировались на протяжении веков. Виды продуктов, используемых при приготовлении еды, связаны с *природно-климатическими* и *экономическими* условиями региона. В результате технологической обработки из одних и тех же продуктов получаются блюда, имеющие разный вкус и аромат.

Своеобразные традиции сформировались в процессе приготовления и приёма пищи, проявляясь в особых правилах и местной практике её потребления. Права и обязанности женщин, распределение труда непосредственно влияли на процесс приготовления еды. Так, при производстве молочных продуктов дойки коров, кипячение молока, его взбивание для получения сливочного масла, заквашивание молока (*катык*) осуществляли женщины, равно как и подачу пищи на стол. Если мужчины резали барана и разделяли тушу на части, то женщины обеспечивали хранение и распределение мяса. Женщины следили за необходимым запасом продуктов, знали, как рационально их использовать, соблюдали правила подачи блюд. Следует отметить, что застольный этикет, распределение еды и обеспечения её необходимого объёма, соблюдение гендерного равенства – во всех этих действиях важное значение имеет опыт, такт, мастерство ведения хозяйства, характер, настроение, самочувствие хозяйки дома. Застольный этикет формируется в процессе коллективного приёма пищи. Соблюдение меры во время еды является составной частью культуры питания. Традиционность кухни Сурхандарьинской области сохранилась до наших дней. Особенно в период до первой половины XX века традиционность отчётливо наблюдалась в жизни хозяйств, занимавшихся земледелием и выращиванием скота. По сравнению с другими компонентами материальной культуры, традиционная кухня обладает большей консервативностью, сохраняя в себе стабильные этнические черты, поэтому вплоть до второй половины XX – начала XXI века в ней прослеживались различия, присущие определённым хозяйственно-культурным типам.

Обряды, связанные с определёнными верованиями, сопровождающиеся действиями магического характера и обильным угощением, могут свидетельствовать о *самоограничении*. Наличие заметных различий в праздничных и торжественных блюдах населения разных регионов объясняется, в первую очередь, природно-климатическими условиями, уровнем урбанизации, культурными потребностями и возможностями. Отныне в составе праздничной и ритуальной пищи населения кишлаков равнинных и горных районов почти нет различий и всё зависит от материального положения каждой семьи. В наше время не только сохраняются традиционные праздничные блюда, но и появляются новые. В настоящее время вследствие урбанизации, мобильности населения, повышения благосостояния, материальных возможностей для организации семейных трапез в ресторане заметно изменяется культура праздничной трапезы.

Особые ритуальные блюда, в отличие от повседневных и праздничных, являются составной частью поэтапно совершаемого обряда и превращаются в объект общей трапезы либо магического действия. Ритуальные блюда кардинально отличаются от повседневных. Они, в свою очередь, делятся на ритуально-светскую и ритуально-сакральную пищу. Ритуальная пища удовлетворяла не только витальные потребности, но и отражала в себе мировоззрение народа. Во всех местностях области в первые три дня в доме, где умер человек, не готовят еду. Обычно в этот дом еду приносят родственники и соседи. Приготовление и потребление ритуальной пищи было связано с приглашением людей определенного круга.

В результате этнокультурных процессов, протекавших в разные исторические периоды, в составе праздничной и ритуальной пищи появились новые иноэтнические блюда, что привело к трансформации традиционных блюд, характерных для региона. Сравнительное изучение традиционных блюд разных этнических общин показало, что в ходе интеграции населения, различия в традиционных кушаньях постепенно исчезли, придав им общеузбекские или общерегиональные особенности.

Для приёма гостей (*зиёфат*, *базм*, *ган*, *гаштак*) готовится семейный, гостевой, свадебный или праздничный достархан, при этом соблюдаются материальные и духовные условия. По обычаю, пока старшие не приступят к трапезе, младшие не должны начинать есть; класть пищу в рот следует правой рукой; даже сильно проголодавшись, нельзя торопиться во время еды; нельзя откусывать слишком большие куски, жевать следует неторопливо, с закрытым ртом, неслышно проглатывая пищу. И, конечно же, трапеза завершается особым благословением всех тех, кто вырастил продукты, доставил их, приготовил пищу, обслуживал гостей, и тех, кто эту пищу ел. Такое благословение считается у населения символом благодарности, радости и согласия, возможностью высказать добрые пожелания. Эти обычаи сформировали культуру питания ещё с древних времён.

В узбекской культуре питания особое внимание уделяется «чистоте», т.е. качеству пищи, а также правилам её потребления. Так, нельзя употреблять молоко с рыбой, с чем-либо кислым, яйцами; жареное мясо с отварным, старое мясо со свежим; подряд два кушанья, считающихся «*иссиклик*» (горячие) или «*совуклик*» (холодные), мягкое с твёрдым; одновременно продукты, которые крепят и те, которые слабят; быстроусвояемую еду с медленноусвояемой и т.д.

Традиционные блюда и их виды формировались вследствие, во-первых, религиозно-культурных традиций народов, длительное время проживающих в Узбекистане и, во-вторых, под влиянием природных условий. Несмотря на то, что традиционные блюда обогащались благодаря кухням, верованиям, обычаям разных этносов, они сохранили в себе особые локальные черты.

Таким образом, являясь одной из основ жизни людей как источник энергии для жизнедеятельности организма, пища определяет их физическое, умственное и психологическое развитие. Как известно, традиционная кухня каждого народа совершенствуется во взаимосвязи с местными природно-климатическими условиями, образом жизни, направлением хозяйственной деятельности, обычаями и обрядами. В повседневной жизни населения пища и питание, связанные с ними обычаи и обряды, имеют ряд характерных особенностей. Эти особенности характеризуются разнообразием этнического состава населения, многообразием блюд, их потреблением, найдя своё отражение в связанных с ними традициях, обычаях и обрядах. В годы независимости в кухне населения появился ряд новых блюд, повлекших за собой определённые изменения. Приготовление пищи и её потребление, будучи связано с региональным расселением населения, отражают в себе специфические особенности. С течением времени названия блюд претерпели большие изменения, многие оказались утрачены, некоторые под влиянием времени сменились другими эквивалентами, появились новые названия. Названия постепенно трансформировались под влиянием заимствованных русским языком иностранных названий. Словом, за счёт изменений в социальной жизни населения в изучаемый период в названиях блюд появились новые, свидетельствующие о коренных изменениях в этой сфере. Эти перемены, в свою очередь, привели к появлению среди населения таких понятий, как «правильное питание», «диета», «деликатесы», связанных с современной культурой питания.

Халмуминов Ж.
ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: урбанизация, Центральная Азия, Термез, период независимости, туризм.

В современных условиях перед специалистами в сфере экологии стоит задача не просто узнать больше о прошлом, но и помочь сохранить сокровища древнего мира для следующих поколений. Особо надо подчеркнуть, что права граждан в области культуры являются неотъемлемой составной частью всей системы прав и свобод человека, и это ни у кого не вызывает сомнения. В существующих международно-правовых актах и научных исследованиях, посвященных объектам культуры, обычно используются два термина – “культурное наследие” (*cultura* Шерitage) и “культурная собственность” (*cultural property*). Надо отметить, что последний из них, чаще всего, переводится на русский язык, как “культурные ценности”.

В современном международном праве получила распространение концепция, согласно которой понятие “культурное наследие” понимается шире, чем понятие “культурная собственность”, и включает в себе как материальные, так и нематериальные объекты.

Термин “всеобщее наследие человечества”, утвердившийся в XX веке, заимствован в международном праве у его основателя – голландского философа, юриста и государственного деятеля Гуго Гроция, а в современный оборот введен в 1967 году при выработке документов, посвященных правовому регулированию морского дна и его недр, Арвином Пардо, представителем Мальты при ООН.

Впервые понятие “культурная ценность” было сформулировано в ст. 1 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. Именно этим актом указанный термин был введен в международную правовую терминологию. В дальнейшем, концепция “всеобщего наследия человечества” была закреплена в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах, 1979 года.

Идея же о “культурном наследии всего человечества” впервые появляется в Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. и подтверждена в Конвенции ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия 2001 г., а также других международных правовых актах.

Формирование суверенных государств Центральной Азии побудило активный интерес народов Республики к историческим корням, истокам становления государственности, экономики и культуры, взаимоотношениям с другими народами, вкладу в культурную сокровищницу мировой цивилизации.

Создание объективной исторической картины генезиса народа является сегодня первостепенной задачей, способствующей возрождению, укреплению национального единства и суверенного государства Республики Узбекистан. Согласно статьи 61 Конституции Республики Узбекистан “Граждане обязаны оберегать историческое, духовное, культурное, научное и природное наследие народа Узбекистана. Историческое, духовное, культурное, научное и природное наследие охраняется государством” [1].

В настоящее время на территории Республики насчитывается 4788 археологических памятников, и ежегодно проводится более 50 археологических науч-

ных экспедиций. Сегодня проводится более 15 международных археологических исследований с привлечением экспертов из Японии, Франции, Италии, России, Соединенных Штатов и Китая. В Узбекистане насчитывается более 7300 историко-культурных и архитектурных памятников. Большинство из них расположено в Самарканде, Бухаре, Хива, Шахрисабзе, Термезе и Ташкенте. Более 200 исторических памятников и монументов в нашей стране включены в список культурного наследия ЮНЕСКО.

В настоящее время в нашей стране уделяется особое внимание сохранению, изучению и защите наших национальных ценностей, исторических памятников культуры. В целях правовой охраны историко-культурного наследия Республики Узбекистан был принят специальный Закон Республики Узбекистан “Об охране и использовании объектов культурного наследия” от 30 августа 2001 года, а также Закон “Об охране и использовании объектов археологического наследия”, который был принят Законодательной палатой 16 июня 2009 года и одобренный Сенатом 29 августа 2009 года и который служат важной правовой основой для систематизации работы в этом направлении.

В целях укрепления и сохранения уникального и редкого культурного наследия, отражающего богатую историю и культуру народа Узбекистана, цифровизации промышленности, инновационного развития и укрепления материально-технической базы, эффективного применения лучшие мировые практики, а также Указа Президента Республики Узбекистан от 6 апреля 2021 года “О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления в области культурного наследия”, принято Постановление Президента Республики Узбекистан “Об организации деятельности Агентства культурного наследия при Министерстве туризма и спорта и мерах по инновационному развитию отрасли”. На основании этого решения было создано “Агентство культурного наследия при Министерстве туризма и спорта” и его департаменты в Республике Каракалпакстан, в областях и городе Ташкенте.

Следует отдельно отметить, что территория республики, включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, в силу своей историко-культурной ценности, считается особо охраняемыми историко-культурными территориями, и планируемые на них проекты и работы строительных и благоустройству выполняются в обязательном порядке по согласованию с Департаментом и правительством Республики.

Согласно Постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан от 4 октября 2019 года № 846 “Об утверждении национального перечня объектов недвижимого имущества материального культурного наследия” имеет важное значение, поскольку служит той же цели, в соответствии с которой был утвержден национальный перечень объектов недвижимого имущества материального культурного наследия. Согласно постановлению, всего по Республике имеется 8208 недвижимых объектов материального культурного наследия, из них 4748 памятников археологии, 2250 памятников архитектуры, 678 памятников монументального искусства, 532 достопримечательности. Постановлением Министерства культуры предоставлено право при необходимости в соответствии с соответствующим приказом вносить ясность в название, период и адрес объекта. Также, в случае обоснованной необходимости Министерство культуры будет вносить предложения в Правительство об изменении и дополнении в национальный перечень. Еще одним важным моментом является то, что налажена деятельность общественных инспекторов по охране объектов материального культурного наследия, их обращения по поводу нарушения законодательства проверяются

Департаментом или его региональными отделениями в форме государственного контроля в обязательном порядке. При выявлении административного правонарушения или преступления общественным инспекторам выплачивается денежное вознаграждение из средств Фонда, что выглядит как стимул, но на самом деле это возможность для профессионалов повысить свою ответственность и работать честно. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что теперь в отношении лиц, не выполняющих предписания Агентства культурного наследия, может быть составлен протокол об административном правонарушении. За это граждане были оштрафованы до 5-кратного размера БРВ, должностные лица – до 7-кратного. Также было усилено уголовное наказание за уничтожение и порчу объектов материального культурного наследия.

15 февраля 2022 года Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев подписал закон об установлении административной ответственности за невыполнение предписаний Агентства по культурному наследию. Согласно закону, Кодекс Республики Узбекистан “Об административной ответственности” был дополнен статьей 198-5 [2]. Согласно этой статьи, невыполнение предписаний Агентства по культурному наследию и его территориальных управлений влечет наложение штрафа на граждан от одной до трех, а на должностных лиц – от трех до пяти базовых расчетных величин. То же правонарушение, совершенное повторно в течение года после применения административного взыскания, влечет наложение штрафа на граждан от трех до пяти, а на должностных лиц – от пяти до семи базовых расчетных величин. Кроме того, Агентство по культурному наследию имеет право самостоятельно составлять протокол об административных правонарушениях в отношении лиц, которые не только нарушили правила охраны объектов культурного наследия, но и тех, кто не следовал указаниям агентства.

Новый закон также усилил уголовное наказание за уничтожение или повреждение объектов материального культурного наследия, находящихся под охраной государства. Согласно этому, если вышеуказанная ситуация была совершена повторно или рецидивистом, кроме того, одним или группой лиц по предварительному сговору, то теперь предусмотрен штраф в размере от 300 до 500 минимальных месячных окладов или ограничение свободы на срок от 3 до 5 лет лишения свободы наказывается лишением свободы на срок от 3 до 5 лет.

В целом, следующие приоритеты связаны с возмещением ущерба, причиненного объектам культурного наследия и археологическим памятникам: **во-первых**, подготовка высококвалифицированных, творчески мыслящих кадров на основе передового международного юридического опыта и современных требований, совместные юридические исследования, взаимный обмен профессорами и преподавательским составом и активизация студентов; **во-вторых**, подготовка высококвалифицированных, творчески мыслящих кадров на основе передового международного юридического опыта и современных требований, совместные юридические исследования, взаимный обмен профессорско-преподавательским составом и активизация студентов. активно привлекать опытных ученых и специалистов к образовательному процессу, разъяснять студентам законы и нормативно-правовые документы, относящиеся к данной области; **в-третьих**, продолжать развивать правосознание, мышление и культуру населения относительно возмещения ущерба, причиненного объектам культурного наследия и археологическим памятникам, а также их экологическому состоянию. и правовая защита; **в-четвертых**, совершенствование законодательства о возмещении ущерба, причиненного объектам культурного наследия и археологическим памятникам, и их

эколого-правовой охране с учетом потребностей времени; **в-пятых**, целесообразно принять **“Кодекс культурного наследия”**.

4 августа 2022 года под руководством Инспекции по охране культурного наследия Кабинета Министров Республики Узбекистан на первом заседании рабочей группы с участием профильных министерств и ведомств, экспертов был рассмотрен первый проект “Кодекса культурного наследия”, в этой области работают и зарубежные эксперты. Тот факт, что разрабатываемый проект кодекса состоит из 6 разделов, 23 глав и 154 статей, является очень позитивным и поможет решить проблемы в этой области. Целью Кодекса является регулирование отношений в сфере культурного наследия. Основными принципами в области культурного наследия являются: всесторонняя охрана культурного наследия и его передача будущим поколениям; рациональное использование культурного наследия; популяризация, продвижение и внедрение культурного наследия в систему образования; повышение осведомленности населения о культурном наследии; организация исследования культурного наследия и осуществление деятельности в этой области на научной основе; признание того, что культурное наследие служит обеспечению устойчивого развития.

Также основные направления государственной политики в области культурного наследия можно определить следующим образом: разработка, утверждение и реализация государственных программ и иных поручений; совершенствование нормативно-правовой базы; охрана, сохранение и рациональное использование культурного наследия, популяризация и продвижение; организация и развитие научных исследований; подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров; государственная поддержка физических и юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере культурного наследия; содействие внедрению передовых инновационных и информационно-коммуникационных технологий; в целях охраны культурного наследия составление и регулярное обновление списков объектов культурного наследия, существующих на его территории; развитие международного сотрудничества и т.д. Поэтому важно, чтобы государственное управление в области культурного наследия осуществлялось Кабинетом Министров, Агентством культурного наследия при Министерстве туризма и культурного наследия, Министерством культуры, Государственным таможенным комитетом, агентством “Узархив” и местными органами государственной власти.

Таким образом, очень важно сохранить потомкам в достойном виде памятники историко-культурного прошлого. Для этого необходимо: во-первых, усилить воспитательную составляющую по приобщению молодежи к культуре и ее наследию; во-вторых, правильно организовать обучение, как в системе вузовского образования, так и в системе повышения квалификации кадров по различным правовым аспектам охраны культурного наследия; в-третьих, уделить особо пристальное внимание популяризации общего культурного наследия стран СНГ и культурного наследия каждой страны Содружества Независимых Государств в отдельности; в-четвертых, следует признать, что правовая практика в сфере сохранения культурного наследия является весьма размытой в силу отсутствия единой комплексной государственной политики в данной сфере. Это, в свою очередь, препятствует реализации конституционной нормы. Конституция Республики Узбекистан четко и ясно определила основные направления правового регулирования в сфере сохранения исторического и культурного наследия.

1. Конституция Республики Узбекистан.
2. Кодекс Республики Узбекистан «Об административной ответственности».

Хамутова І.В.
САЦЫЯЛЬНЫ ФЕНОМЕН КАЛЯДНАЙ АБРАДНАСЦІ ЗАХОДНЯГА ПАЛЕССЯ
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ ФАЛЬКЛОРНАЙ ЭКСПЕДЫЦЫІ
Ў МАЛАРЫЦКІ РАЁН БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ)

Ключавыя словы: Заходняе Палессе, камунікацыя, шчадроўкі, Каляды, экспліцытныя адрасаты, імпліцытныя адрасаты, замяшчаючыя адрасаты.

Мэта артыкула: разгледзець калядны абрад Заходняга Палесся як элемент сацыяльнай рэальнасці, які валодае ўсёй паўнатай сацыяльных уласцівасцяў і прыкмет.

У 2023 годзе быў здзейснены шэраг экспедыцый у Маларыцкі раён Брэсцкай вобласці. Былі праведзены інтэрв'ю з носьбітамі традыцыі і супрацоўнікамі мясцовых Сялянскіх дамоў культуры: аг. Арэхава, д. Дарапеевічы і інш. Апытанне носьбітаў традыцыі праходзіла па наступнаму апытальніку:

- Добры дзень. *(прадставіцца, сказаць, што з Мінска).*
- Ці можна з вамі паразмаўляць пра святкаванне Каляд?
- Не супраць, што ідзе запіс?
- Прадстаўцеся, калі ласка. Імя, прозвішча, імя па бацьку.
- Назавіце поўную дату нараджэння?
- Ці ўвесь час пражываеце ў дадзеным паселішчы? Калі пераехалі, у якім годзе?

Асноўная частка

- Як сустракаюць Раство? У чым розніца паміж Ражствам і Калядамі? Чаму называюць Калядамі?
- Ці рыхтуеце куццю? З чаго робіцца куцця на Раство? Чым яна адрозніваецца ад куцці на Васілле, Вадохрышча?
- Ці здзяйсняюць калядоўшчыкі абыход хат? У які час ладзіцца абыход хат? Пералічыце калі магло адбывацца.
- Каляднікі застаюцца на двары ці заходзяць ў хаты?
- Што кажуць, каб ім дазволілі калядаваць?
- Хто ў асноўным хадзіў калядаваць? Хлопцы / дзеўкі, жанчыны / мужчыны, ці ўсе разам? Як гэта адбывалася раней?
- У якіх істот пераапрацаюцца калядоўшчыкі? Заўсёды так было ці з'явіліся якія новыя персанажы?
- Ці бяруць калядоўшчыкі калядную зорку?
- Ці ёсць у калядным гурце механоша – той, хто збірае пачастункі?
- Якія песні спявалі падчас абыходу двароў? Можа памятаеце некалькі радкоў?
- Мо спявалі песні аб Хрысце?
- Ці спявалі песні з прыпевам «Шчодры вечар» альбо «Добры вечар – багаты вечар»? Можа наспяваеце нам?
- Як гаспадары рыхтуюцца да сустрэчы гурта калядоўшчыкаў?
- Як калядоўшчыкі развітваюцца з гаспадарамі? Ці кажуць: «Каб за год даджаці?» Што гэта азначае?
- Як дзялілі дары гаспадароў паміж сабой калядоўшчыкі?
- Як Вы лічыце, чаму кожны год дагэтуль адбываецца абыход хат калядоўшчыкамі? Што гэтаму спрыяе?

– Ці здаралася так, што калядоўшчыкі не заходзілі ў некаторыя хаты? Калі так, то з чым гэта было звязана? Як гэта ўспрымаюць людзі – крыўдна, не будзе спрыяння ў новым годзе...

– Як калядоўшчыкі разумеюць, што іх чакаюць гаспадары? Можа існуюць нейкія прыкметы?

- Ці рады гаспадары, што да іх завіталі калядоўшчыкі?
- Як раней адбывалася калядаванне і як цяпер, што змянілася?
- Ці ходзяць гаспадары на раждественскую службу ў царкву?
- Што святкуецца больш яскрава? Раство ці Шчадрэц?
- Ці чулі, хто такі св. Васілій?
- Што трэба абавязкова зрабіць на Вадохрышча?
- Ці варожаць дзяўчаты на Каляды? Калі так, то як?
- Ці існуюць варожбы на ўраджай у наступным годзе?
- Дзякуй за размову!

Апытальнік падрыхтаваны на грунце метадалагічных рэкамендацый В. І. Басько, Т. І. Кухаронак [0, с. 27–31] і І. В. Масюк [0, с. 221–223]. Нягледзячы на складаныя ўмовы захавання фальклорнай спадчыны ў XXI ст., ў Маларыцкім раёне засталася жывая традыцыя мноства калядных абрадаў, што ўжо, нажаль, з надыходам урбанізацыі сустракаецца даволі рэдка і таму культурная каштоўнасць занатаваных матэрыялаў толькі ўзрастае.

Як заўважна, апытальнік накіраваны не толькі на непасрэдна фіксацыю абраду калядавання, але і на выяўленне асэнсавання носьбітамі традыцыі каштоўнасці дадзенага абраду ў сучасным яго бытаванні. Гэта дае магчымасць даследаваць сацыяльны феномен дадзенай традыцыі.

Сацыяльны феномен каляднай абраднасці яскрава прасочваецца ў яе функцыях на сучасным этапе бытавання. У XXI ст. значная роля надаецца камунікатыўнай функцыі.

Камунікатыўная функцыя каляднай абраднасці прасочваецца праз песенны фальклор. Песеннае выказванне з’яўляецца выніковай фазай структуравання сэнсу ў яго вербальнай, моўнай форме, прыдатнай для разгортвання сацыякультурнай дзейнасці суб’екта.

Разгледзем камунікатыўную функцыю на прыкладзе шчадроўкі, якая зафіксавана ў аг. Арэхава ад носьбітаў традыцыі Жук Тамары Сяргееўны, Алесь Святланы Мікалаеўны, Грышынай Наталы Стяпанаўны і мясцовай супрацоўніцы Сялянскага дома культуры, Полугаевай Марыны Дзмітрыеўны:

1. Небо ясне зіркі вкрэлы, нашу зямлю освітэлы.
Щэдрій вэчір, добрый вэчір, усім людям на здоровья.
2. Снігом білым спорошыло, нам дорогу заносыло.
Щэдрій вэчір, добрый вэчір, усім людям на здоровья.
3. Добрый вэчір господарю, мы прынэслы Богу дары.
Щэдрій вэчір, добрый вэчір, усім людям на здоровья.
4. Наші пісні, гарні дары, рождэнному для похвалы.
Щэдрій вэчір, добрый вэчір, усім людям на здоровья.
5. Боже благый, Божэ шчырый, пошлы жэ нам, рік счастливый.
Щэдрій вэчір, добрый вэчір, усім людям на здоровья.

Акрамя відавочнай функцыі – віншавальнага матыву гаспадароў, шчадроўка адрасавана не толькі рэальнаму экспліцытнаму адрасату, а і імпліцытнаму – непасрэдна Богу. Калядоўшчыкі просяць ў Бога ўсіх даброт у

наступным годзе. Пасля таго, як калядоўшчыкі спяваюць дадзеную шчадроўку, гаспадары ахвяруюць ім дары, што з'яўляецца магічным актам ахвярадаўства.

Камунікатыўны аспект каляднай абраднасці прасочваецца не толькі ў песенным складніку каляднага абходу двароў, але, безумоўна, і ў выказваннях. Кандыдат філалагічных навук, А. У. Рагуля, падкрэслівае, што «ў якасці адзінкі маўленчага дзеяння выказванне адрозніваецца ад адзінкі мовы сваёй устаноўкай на актыўны ўдзел у дыялогу і палілогу» [3, с. 10].

Разгледзем камунікатыўны аспект уступных і заключных віншавальных формул на прыкладзе тэкстаў з дзіцячага калядавання аг. Дарапеевічы:

Уступныя:

Тупу, тупу на памосце

Прыехалі до вас госці!

То не госці, коляднічкі,

Вашы хлопцы невэлічкі.

Заключныя (калі сыходзілі з хаты):

В гэтой хаты, ешо даты!

А затым:

Дай, Божа, каб ў гэтай хаце жыто радзіло!

Шоб у Вас коровы вэлыся!

Дай, Божа, вам здароўя на долгія годы!

Бувайце здаровы, а мы пійдзем!

Зафіксавана ад Дзем'янка Анатоля Ігнацьевіча (1945 г. нар.).

Дадзеныя прыклады адрасаваны непасрэдна экспліцытным адрасатам – гаспадару і яго сямейнікам. Функцыя дадзеных абрадавых формул – прашальна-віншавальная.

Звароты да імпліцытнага адрасату ў каляднай абраднасці ўласцівы замовам. У замовах распаўсюджана, што камунікатыўны акт з імпліцытным адрасатам адбываецца праз невербальную камунікацыю (дзею). Напрыклад, у аг. Арэхава носьбіт традыцыі Алесь Святлана Мікалаеўна адзначае, што, калі яна была маладая (1960–1970 гг.), існавала наступная замова на шлюб: «Гадалі на пончыках. Дзяўчаты пяклі пончыкі і клалі іх, потым запускалі сабаку. І чый пончык першы з'ест, той першы замуж пойдзе».

Яшчэ адзін тып адрасатаў – замяшчаючыя. Як правіла, гэта рытуальныя дублёры вышэйшых персанажаў [2, с. 81]. Так у Маларыцкім раёне сустракацца ў якасці замяшчаючага адрасата «пастушок з вівцамі», за вобразам авечак паўстаюць людзі, а сам пастух атаясамліваецца з Госпадам Богам Ісусам Хрыстом [4, с. 139–140].

Акрамя камунікатыўнай функцыі калядная абраднасць на Заходнім Палессі выконвае яшчэ і выхаваўчую функцыю. Старэйшае пакаленне выходзіла дзяцей і моладзь на грунце традыцыйнай культуры.

Праз мясцовыя Сялянскія дамы культуры адбываецца перадача традыцыйнай культуры, у тым ліку, безумоўна, і каляднай абраднасці. Таму калядная абраднасць упісываецца ў сучаснасці ў адукацыйны працэс і сцэнічныя, тэатральныя пастаноўкі ў сваіх лакальных версіях. Аднак, у сувязі з гэтым, губляецца першапачатковая абрадавая функцыя і сакральны змест калядных твораў.

Падводзячы высновы, трэба адзначыць, што на Заходнім Палессі калядаванне з'яўляецца жывой традыцыяй і арганічна ўпісваецца ў сацыяльную рэальнасць у XXI ст. Калядаванне захоўвае сваю камунікатыўную функцыю і

набывае новыя сацыяльназначныя функцыі. Пры гэтым губляецца першапачатковая абрадавая (сакральная) функцыя.

1. Даследаванне лакальных культур Беларусі : праграмы па зборы фальклор.-этнагр. матэрыялаў / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : БДУКіМ, 2008. – 402 с.
2. Ковалева, Р. М. Горизонты коммуникации в календарно-обрядовом фольклоре: сакральное и мирское / Р. М. Ковалева // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2017 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Э. А. Усовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 73–84.
3. Рагуля, А. У. Этносеміётыка : вучэб.-метаад. дапам. / А. У. Рагуля. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2019. – 152 с.
4. Рыбалова, М. И. Евангелизмы пастырь, овцы, стадо: из истории развития значений / М. И. Рыбалова // Сиб. филол. журн. – 2013. – № 4. – С. 139–146.

Ходор Г.Н.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СПИСОК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, памятники истории и культуры, учет историко-культурных ценностей.

В 2023 году исполнилось 30 лет с даты создания Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее – Госсписок) [13]. Вместе с тем история формирования системы государственного учета и охраны объектов национального наследия Беларуси охватывает более чем вековой период. За это время законодательство в данной сфере прошло несколько этапов развития. В статье отражена эволюция охранных списков памятников истории и культуры в советский период, государственных органов, ответственных за ведение их учета, а также рассмотрен феномен преемственности правового статуса объектов наследия, взятых под охрану государством, после 1991 г.

Как система правовых норм данное законодательство начало формироваться на рубеже 1920-х гг. В период советской государственности охрана памятников развивалась в русле российского (1918–1922 гг.), а затем союзного (1922–1991 гг.) законодательства.

После Октябрьской революции 1917 декреты, постановления и действия советской России имели непосредственное отношение к неоккупированной части Беларуси. В ноябре 1917 в Народном комиссариате просвещения (далее – Наркомпросвещения) Советской России создается коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины [7].

Формирование и деятельность органов в сфере охраны памятников в Беларуси до создания БССР (01.01.1919) происходило в очень сложных условиях. На протяжении 1918 года функция охраны памятников была возложена на художественно-археологический подотдел отдела народного просвещения Западной области [12].

В мае 1918 в Москве в системе Наркомпросвещения создается отдел по делам музеев и охраны памятников, имевший в своём составе две реставрационные комиссии (по памятникам архитектуры и произведениям искусства). С целью оказания помощи и организации контроля из Москвы в Минск был направлен ряд российских специалистов в области охраны памятников истории и культуры.

Первая государственная регистрация памятников в России состоялась в 1918 г. на основании Декрета СНК РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации,

приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владениях частных лиц, обществ и учреждений» [20; 43].

19 января 1919 был создан Наркомпросвещения БССР, взявший под свою опеку памятники культуры и искусства. В первые дни существования комиссариата было принято решение об организации отдельного художественно-археологического подотдела, основной задачей которого должна была стать охрана памятников искусства и древности. 30 января 1919 было принято постановление Временного рабоче-крестьянского правительства БССР «О передаче культурных ценностей науки и искусства, находящихся в имениях и различных учреждениях, Комиссариату образования и об организации их учёта, охраны и сбора».

Целенаправленное изучение культурного наследия Беларуси начало проводиться после 1922 г., когда был образован Институт белорусской культуры (далее – Инбелкульт), специальная комиссия которого возглавила краеведческое движение в нашей стране [7].

24 декабря 1923 г. СНК БССР принял постановление «Об обязательной регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства, старины, быта и местной природы» [34]. По сути, данный документ стал первым правовым актом, положившим начало формированию системы учета объектов культурного наследия Беларуси. Постановлением предписывалось проведение на постоянной основе государственной регистрации и охране памятников искусства, древности, народного быта и природы, которые находятся при учреждениях, товариществах, у частных лиц.

Создавался специальный орган, ответственный за регистрацию таких памятников и выдаче их владельцам особого охранного свидетельства – Научно-Художественная Экспертная Комиссия. Комиссия подготовила план реставрации наполовину разрушенных памятников, особенно в Минске и Полоцке. В 1926 г. Первый Всебелорусский краеведческий съезд поставил задачу учесть памятники и спасти их от разрушения. Комиссия Инбелкульт выявила и описала ряд монументальных памятников Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Слуцка и Минска [12].

Список этих памятников был представлен в правительство для провозглашения их национальным достоянием.

Постановлением СНК БССР от 5 июля 1926 г. был национализирован ряд объектов искусства, архитектуры, быта и природы, а на окружные, районные, городские и сельские Советы возлагались обязанности по охране памятников культуры [37]. По сути, этим актом был утвержден первый в Беларуси список 87 памятников, находящихся в Минском, Слуцком, Полоцком, Оршанском, Могилевском, Калининском, Бобруйском и Витебском округах. Через высшие государственные учреждения Комиссия провела акт о возложении дела охраны памятников монументальной архитектуры, а также городищ, курганов, селищ на местные органы власти.

Справочно: Например, под номером 31 в списке памятников истории и культуры, расположенных на территории Витебской области, принятых под охрану государством постановлением Совнаркома БССР от 5 июля 1926 г. «Об объявлении государственной собственностью памятников древности, искусства, быта и природы» находился Софийский собор. На его примере проследим эволюцию развития системы учета памятников до наших дней.

В 1932 г. постановлением СНК БССР была проведена реорганизация государственных учреждений по охране памятников. При Наркомпросвещении был создан межведомственный комитет по охране памятников материальной культуры в БССР, деятельность которого подчинялась генеральной линии партии по проведению сплошной коллективизации и разрушении старого быта.

После присоединения Западной Беларуси к БССР в 1939 г. был принят ряд постановлений правительства об охране памятников в этих регионах, в том числе «Об охране в западных областях БССР памятников революции, искусства и старины и сохранении архивов». Согласно ему, запрещалось разрушение памятников, грабеж имений и уничтожение архивов, а также вывоз художественных ценностей без разрешения Совнаркома БССР.

В 1939 г. создана правительственная комиссия по охране памятников истории, революции, гражданской войны, архитектуры и искусства.

Вместе с тем в довоенный период мало что было сделано для охраны памятников архитектуры и искусства. После свертывания белорусизации деятельность была сконцентрирована на проблемах проектирования и возведения монументов лидерам революции и одновременно велось приспособление закрытых сакральных строений и помещичьих усадеб под хозяйственные нужды, культурные учреждения, а часто они просто разрушались.

В послевоенный период начался новый этап формирования государственных органов охраны памятников Беларуси. С 1944 г. памятники истории и культуры курировали два ведомства: Наркомпросвещения БССР и Главное управление по делам архитектуры при СНК БССР.

В 1944 г. при Главном управлении по делам архитектуры при СНК БССР был создан отдел по охране памятников архитектуры, в компетенцию которого входила научно-исследовательская работа на памятниках архитектуры, ведение учета, охранных мероприятий и реставрации наиболее важных архитектурных памятников. В том же 1944 г. при отделе охраны памятников архитектуры была создана Инспекция по охране памятников архитектуры, которая просуществовала до 1959 г. [7].

Справочно: Далее Софийский собор можно увидеть в списке памятников истории и культуры, расположенных на территории Витебской области, принятых под охрану государством решением Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР от 16 октября 1947 г.

Параллельная структура по охране памятников существовала в Наркомпросвещении БССР с соответствующими охранными функциями. Сначала при Наркомпросвещении БССР было создано два управления: по музеям (до 1945 г.) и управление библиотек. Постановлением СНК БССР от 24 апреля 1945 г. № 870 был создан Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при СНК БССР на правах республиканского комиссариата, которому были переданы функции управления музеями, библиотеками и иными культурно-просветительскими учреждениями. В начале 1950-х гг. в структуре этого комитета был создан отдел охраны памятников истории и культуры.

В 1945 г. принимается постановление СНК БССР «Об охране и восстановлении исторических и архитектурных памятников».

Несмотря на широкий размах восстановительных и реставрационных работ, состояние памятников в стране нельзя было считать благополучным.

14 сентября 1948 г. в СССР был принят важный законодательный акт - постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [33]. В нем отмечались серьезные недостатки в деле охраны памятников: отсутствие контроля за сохранностью исторических и археологических памятников; неудовлетворительная работа по руководству охраной и реставрацией архитектурных памятников со стороны Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР; отсутствие должного обеспечения сохранности памятников культуры. Постанов-

ление обязывало Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР усилить руководство и контроль за делом учета, охраны, реставрации и использования памятников архитектуры и искусства.

Дальнейшая нормативная проработка данного постановления осуществлялась в рамках утвержденного им «Положения об охране памятников культуры», которое определило полномочия центральных и местных органов власти в области охраны памятников истории и культуры [8].

Руководство и контроль по постановке на учет, охране, реставрации и использовании памятников возлагалось: на Комитеты по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик - по археологическим и историческим памятникам; на Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР - по памятникам архитектуры и искусства. Непосредственную работу осуществляли местные органы власти.

Постановление нацеливало, прежде всего, на совершенствование порядка учета и регистрации памятников культуры. В связи с этим были также приняты правительственные меры по организации учета и паспортизации архитектурных и археологических памятников. Для проведения учета были разработаны специальные инструкции и формы списков памятников [48].

Советы Министров союзных республик, Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР обязаны были провести в течение 1948–1949 гг. учет всех выявленных до настоящего времени памятников, подлежащих внесению в государственные списки памятников культуры. Государственному учету, согласно постановлению, подлежали памятники архитектуры, памятники искусства, памятники археологии и памятники исторические [33].

Работа по составлению списков памятников истории и культуры исполкомами велась на основании Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания памятников искусства, утвержденной Комитетом по делам искусства при Совете Министров СССР 2 марта 1949 г. и Инструкцией о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры, утвержденной Комитетом по архитектуре при Совете Министров СССР 8 марта 1949 г. [12; 43].

В результате на территории БССР списки памятников археологии и истории были сформированы и утверждены постановлением Совета Министров БССР № 1629 от 19 декабря 1950 г. [7]. В приложениях к данному постановлению были определены конкретные объекты соответственно союзного (32) и республиканского (198) значения (из которых 127 археологических и 71 исторических памятников) [12]. Памятниками союзного значения объявлялись, например, Дом-музей I съезда РСДРП в Минске, памятник героям войны 1812 г. в Кобрине, «Холм бесмертия» в память Адама Мицкевича в Новогрудке.

Памятники архитектуры были взяты на государственный учет и внесены в отдельные списки в 1953 г. на основании постановления Совета Министров БССР № 625 от 18 мая [20]. Таких объектов оказалось 82. Среди них: Мирский замок, бывший замок Радзивиллов в г. Несвиже, руины замка в Новогрудке, Каменецкая Башня, Коссовский замок, Дворец Сапеги в Ружанах, Дворец губернатора и ратуша в Витебске, Дворец Паскевичей с парком в Гомеле, Коложская церковь в Гродно, храм оборонного типа в д. Сынковичи, Софийский собор в Полоцке.

Однако фрагментарные изменения, которые вносились нормативными документами второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., не привели к каким-либо

существенным изменениям в лучшую сторону и в значительной степени были связаны с отсутствием стройной системы органов государственной охраны памятников истории и культуры.

Если отдел по охране памятников при Главном управлении по делам архитектуры занимался исключительно памятниками архитектуры и частично археологии, то отдел по охране памятников при Комитете по делам культурно-просветительских учреждений занимался памятниками истории и археологии. Деятельность отдела по охране памятников при комитете по делам культурно-просветительских учреждений шла медленно. Работа с кадрами охраны памятников в БССР имела массу недостатков. В ряде областей инспекторами по охране назначались совершенно неподготовленные люди (Минское, Гродненское, Полоцкое управления культуры), а в Брестском, Полесском и Витебском управлениях эти единицы вообще были сокращены. была большая текучка инспекторов. За 1951–1952 гг. в Могилёвской области сменилось 4 инспектора. Плохо обстояло дело с предоставлением информации от областей о результатах работы с памятниками. Большинство отчётов (если они вообще присылались) были отписками [7].

Перестройка системы государственной охраны и защиты культурного наследия началась в 1953 г., когда было образовано Министерство культуры СССР, а затем Указом Президиума Верховного Совета БССР 8 мая 1953 г. и Министерства культуры БССР [20; 44].

В 1957 г. Министерству культуры БССР было передано руководство охраной памятников в республике, которую координировано управление по делам музеев и охраны памятников. Централизованное руководство охраной и защитой памятников культуры Министерство культуры БССР осуществляло в областях через областные управления культуры, в районах и городах – через районные и городские отделы культуры.

В 1957 г. постановлением Совета Министров БССР утверждается дополнительный список исторических (483) и археологических (131) памятников [12]. Данным правовым документом взяты под государственную охрану братские могилы, бюсты героям Второй мировой войны и вновь выявленные археологические объекты [7].

В целом до середины 1960-х гг. практически вся работа специалистов в области охраны памятников заключалась в благоустройстве братских могил и памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны, при этом происходило массовое уничтожение и разрушение объектов дворцово-паркового искусства, памятников сакральной архитектуры [20].

В 1967 г. ЦК КПБ и Правительство БССР принимает совместное постановление, которым государственная политика в этой сфере признается неудовлетворительной [12].

Коллегией Министерства культуры СССР и Президиума АН СССР 2 октября 1967 г. принято решение о подготовке свода памятников [7].

В этот период в республике стали вырабатываться собственные подходы в сохранении памятников. 28 декабря 1969 г. принимается первый белорусский закон в области наследия – закон БССР «Об охране памятников культуры» [37]. В нём введена классификация памятников, которые государству следует взять под охрану: памятники истории, памятники архитектуры, памятники искусства и памятники археологии. Согласно закону, все памятники были разделены на общесоюзные, республиканские и местные. В соответствии с классификацией, принятие памятников под охрану осуществлялось Советами Министров СССР, БССР и

исполкомами областных (Минского городского) Советов депутатов. То есть законодательным актом устанавливались государственные органы, которые своими решениями утверждали списки памятников.

За использование памятников культуры (зданий и сооружений) Советом Министров БССР была установлена специальная арендная плата. Памятники культуры, согласно закону, должны реставрироваться по планам Министерства культуры, а проекты реставрации согласуются в установленном порядке в Министерстве культуры БССР. При сносе или перестройке памятников культуры законом предусматривалось обязательное участие Академии наук БССР, Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры в научном изучении и фиксации сносимого памятника (обмеры, раскопки, фотофиксация, исполнение чертежей и пр.). издержки на эти работы несли учреждения, которые получали разрешение на снос или перестройку памятника. Раскопки археологических памятников республиканского и местного значения допускались только при наличии открытого листа, который выдавался Академией наук БССР, регистрировался в Министерстве культуры БССР, а памятники общесоюзного значения – в порядке, определяемом законодательством СССР. Основным недостатком этого закона была очень низкая ответственность за его нарушение. Например, штраф за разрушение памятника составлял 50 руб. для физических и 100 руб. для юридических лиц.

В 1971 г. вышло постановление Государственного комитета Совета Министров БССР по делам строительства и коллегии Министерства культуры БССР «Об утверждении списка городов и иных населённых пунктов БССР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы – памятники национальной культуры, а также природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность». Таким образом, впервые нормативно закрепились современное понятие памятника градостроительства [44].

В 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В соответствии с союзным законодательством в Беларуси началась работа по подготовке нового закона об охране памятников. К середине 1978 г. принят Закон БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [15]. Данный закон устанавливал основные принципы учета, классификации и охраны всех памятников, находившихся на территории Беларуси, определял компетенции республиканских и местных органов по вопросам управления и контроля, заложил научно-методологические основы реставрационной деятельности. Предметом охраны объявлялись памятники истории и культуры – культурные ценности, находившиеся под охраной государства. Использование памятника в хозяйственных целях допускалось лишь в том случае, когда это не наносило никакого вреда его сохранности. С целью охраны недвижимых памятников вблизи них должны были определяться зоны охраны (охранная, зона регулирования застройки и зона охраняемого ландшафта). Законом предусматривался порядок проведения археологических раскопок и разведок. Раскопки без разрешения запрещались. Для проведения их выдавалось специальное разрешение – открытый лист. Лица, виновные в невыполнении правил охраны, использования, учета и реставрации памятников несли уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством [7].

В рамках реализации нового закона, на заседании Совета Министров БССР в 1980 г. был заслушан вопрос: «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в БССР» [12].

В постановлении, принятом по этому вопросу, Совет Министров отметил, что в проектах генеральных планов городов и населённых пунктов не всегда учитывается роль памятников, предлагается снос зданий, имеющих историческую и культурную ценность, недооценивается существующее природно-ландшафтное окружение памятников. Слабо ведётся работа по сохранению и регенерации застройки древних центров таких городов как Гродно, Полоцк, Новогрудок, Несвиж и др.

В развитие союзного законодательства постановлением Совета Министров СССР постановлением от 16 августа 1982 г. № 865 было утверждено Положение об охране и использовании памятников истории и культуры [48].

Приказом Министерства культуры СССР 29 октября 1982 г. № 604 «О некоторых вопросах, связанных с выполнением постановления Совета Министров СССР «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» было доведено до сведения союзных министерств культуры, в том числе: недвижимые памятники истории и культуры подразделяются на памятники общесоюзного, республиканского и местного значения в соответствии с их исторической, научной, художественной или иной культурной ценностью.

Государственные списки недвижимых памятников истории и культуры утверждаются:

- памятников общесоюзного значения – Советом Министров СССР или по его поручению Министерством культуры СССР. Списки памятников общесоюзного значения представляются на утверждение Министерством культуры СССР (в отношении памятников градостроительства и архитектуры – по согласованию с Госстроем СССР);
- памятников республиканского значения – Советами Министров союзных республик;
- памятников местного значения – в порядке, предусмотренном законодательством союзных республик.

В 1984 г. в закон БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» были внесены изменения и дополнения [7].

В этом же году Совет Министров БССР рассмотрел важный вопрос – «О фактах грубых нарушений законодательства об охране памятников истории и культуры» [20]. Постановлением по этому вопросу не подлежало публикации в официальных печатных органах. Постановлением отмечалось, что при проведении мелиорационных, дорожных и сельскохозяйственных работ имеют место факты разрушения памятников археологии, проектные учреждения не учитывают памятники археологии и архитектуры, взятые под охрану государством, а проектирование зданий и сооружений ведётся без согласования с органами охраны памятников. Со стороны органом госуправления нет надлежащего внимания и контроля за использованием памятников и организацией их охраны; имеются факты некомпетентного подхода к вопросам охраны памятников, не налажен государственный учет памятников, в результате чего не обеспечена установка охранных знаков на памятниках, на утверждены зоны охраны и т.д. Постановлением предусматривалось реализовать ряд мер по устранению этих грубых нарушений законодательства [7].

Данное постановление дало толчок к переутверждению местными органами списков памятников истории и культуры местного значения [40].

Закон БССР 1978 г. по своему значению стал актом первичного характера, юридические предписания которого представляли собой отправные начала белорусского законодательства о сохранении и использовании памятников истории и культуры. Он определил основы организации охраны, учета и использования культурных ценностей [15].

Приказом Минкультуры СССР от 13.05.1986 № 203 утверждена Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры [41].

В соответствии с Законом БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 года и постановлением Совета Министров БССР от 1 октября 1984 г. № 350 был утвержден Свод памятников истории и культуры Белорусской ССР (регионального значения). Свод вышел в виде издания в 7 томах (8 книгах) в 1984 – 1988 гг., подготовленного сектором Свода памятников истории и культуры Беларуси Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Беларуси, включающего свыше 16 тысяч статей о недвижимых памятниках истории, археологии, архитектуры, монументального и монументально-декоративного искусства, которые находились под охраной государства [20–27].

Во второй половине 1980-х годов завершена работа по выявлению, описанию и постановке на учет 3496 памятников культуры республиканского значения. Данные объекты вошли в Свод памятников истории и культуры Белорусской ССР, утвержденный постановлением Совета Министров БССР № 32 от 18 февраля 1988 г. Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР в полном варианте был опубликован в 1990 г. в виде четырех книг: список памятников истории и культуры республиканского значения, список памятников градостроительства и архитектуры республиканского значения, список памятников искусства республиканского значения, список памятников археологии республиканского значения [45]. Данные списки действовали в период с 1988 до 1 сентября 2003 г.

Также названным постановлением признаны утратившими силу:

- постановление Совета Министров БССР от 19 декабря 1950 г. № 1629 «Об утверждении списков археологических и исторических памятников на территории БССР»;
- постановление Совета Министров БССР от 18 мая 1953 г. № 625 «Об утверждении списка памятников архитектуры БССР, подлежащих государственной охране»;
- постановление Совета Министров БССР от 26 августа 1957 г. № 538 «Об утверждении дополнительных списков археологических и исторических памятников, находящихся на территории БССР» (СЗ БССР, 1957 г., № 8, ст.222);
- распоряжение Совета Министров БССР от 2 июля 1959 г. № 833р; постановление Совета Министров БССР от 20 сентября 1961 г. № 563 «О частичном изменении списков археологических и исторических памятников и памятников архитектуры» (СЗ БССР, 1961 г., № 32, ст.315) [48].

Сбор памятников истории и культуры Белорусской ССР был официальным сводом памятников, взятых под охрану государством до отмены постановления Совета Министров БССР от 1 октября 1984 г. № 350 в связи с принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 сентября 2001 г. № 1383 «Об упорядочении государственного учета историко-культурных ценностей» [6; 43].

Справочно: Софийский собор из постановления перешел в постановление Совета Министров БССР от 18 мая 1953 г. № 625 в постановление Совета Министров БССР от 18 февраля 1988 г. № 32.

Список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР был признан утратившим силу в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 сентября 2003 г. № 1141 [38].

В 1988 г. в структуре Министерства культуры создается Государственная инспекция по охране памятников, которая существовала до конца 1992 г. [12].

Следующий этап развития законодательства об историко-культурном наследии начался с постановления Президиума Верховного Совета БССР «О реорганизации дела охраны историко-культурного наследия в Белорусской ССР» 1991 года, ставшего основанием для разработки и принятия Закона Республики Беларусь 1992 года «Об охране историко-культурного наследия», положившего начало концептуально иному подходу к охранной деятельности государства в данной области [17].

При его написании был учтен опыт реализации закона 1978 г. и опыт работы с 1988 г. Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры, а также положения Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., ратифицированной БССР в 1988 г. [12].

Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» декларировал, что "... идентификация, охрана, сохранение, популяризация и передача наследникам историко-культурного наследия является святой обязанностью государства, делом чести каждого его гражданина. Республика Беларусь считает причинение вреда историко-культурному наследию преступлением против общечеловеческих ценностей и общественного прогресса...".

Законом 1992 г. была введена новая классификация предмета охраны - вместо термина «памятник истории и культуры» вводится понятие историко-культурной ценности, которое нашло дальнейшее закрепление на уровне статей 15 и 54 Конституции Республики Беларусь 1994 г. [17].

Под понятием «историко-культурная ценность» признавались объекты, обладающие совокупностью двух признаков: культурной значимостью и юридическим признанием путем включения в охранный реестр – Госсписк. Понятие «историко-культурное наследие» определялось как совокупность отличительных результатов и свидетельств исторического и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях.

Таким образом, с 1992 г. предметом регулирования законодательства в сфере охраны историко-культурного наследия выступают историко-культурные ценности, включенные в Госсписк, независимо от их вида и категории ценности. При включении комплекса или ансамбля материальных историко-культурных ценностей в этот список, как тогда, так и сейчас, включалась также каждая из материальных историко-культурных ценностей, входящая в состав соответствующего комплекса или ансамбля [43].

Впервые были введены 4 категории значимости материальных историко-культурных ценностей: по аналогии с существовавшими в советском законодательстве памятниками регионального, республиканского и всесоюзного уровня, а также в связи с имплементацией законодательства ЮНЕСКО в части категории памятников «всемирного значения». Все историко-культурные ценности были разделены на материальные и духовные,

В законе определена система учета и охраны историко-культурного наследия, прописаны основные направления государственной политики в области охраны историко-культурного наследия. Специализированным органом по охране определялась Государственная инспекция по охране историко-культурного наследия (далее - ГИНОН), созданная с 1 января 1993 г. и просуществовавшая до 1998 г. [17].

Вопросы ГИНОН были закреплены на уровне постановления Совета Министров Республики Беларусь [9].

Определен порядок придания историческим объектам и проявлениям человеческого творчества статуса историко-культурной ценности, а также установлено 25 критериев их отбора.

Статьей 20 Закона 1992 г. с 1 января 1993 г. новым документом учета историко-культурной ценностей суверенной Республики Беларусь установлен Госсписк [17].

Органом, уполномоченным придания статуса историко-культурной ценности определена ГИНОН, которая принимала решение на основании положительного заключения Белорусской республиканской научно-методической рады по вопросам историко-культурного наследия при ГИНОН (далее – Рада).

Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 13.11.1992 №1941-XII «О введении в действие Закона Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» Закон Республики Беларусь «Об охране и использовании памятников истории и культуры» признавался полностью утратившим силу с 1 мая 1993 г. [31]. Вместе с тем данным постановлением устанавливалось, что до того, как законодательство и ведомственные нормативные акты Республики Беларусь не будут приведены в соответствие с Законом Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия», применяется действующее законодательство и ведомственные нормативные акты в той части, в которой не противоречат данному Закону.

Законом Республики Беларусь от 07.07.1998 № 179-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» ГИНОН был преобразован в Комитет по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры [10]. В соответствии с пунктом 5 Устава данного комитета, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16.10.1998 № 1590, Рада и комитет принимали решения о придании (или отказе в придании) статуса историко-культурным ценностям «заново выявленным, либо заново изученным материальным объектам, предметам, или нематериальным проявлениям творчества человека (в том числе и памятникам истории и культуры, принятым в установленном порядке под охрану государством до 1 января 1993 г.)».

Справочно: Немного ранее, в 1994 г. постановлением Совета Министров Республики Беларуси Главное управление по реставрации и консервации памятников истории культуры при Совете Министров Беларуси реорганизовано в Комитет по реставрации и консервации памятников истории и культуры при Министерстве культуры.

Особенностью формирования Госсписка с 1993 по 2002 гг. было также то, что актом признания материального объекта или нематериального проявления человеческого творчества историко-культурной ценностью являлось его включение в Госсписк. В данный период статус историко-культурной ценности был присвоен ГИНОН (с 1 по 41 решения Рады) и Комитетом (с 42 – по 69 решения Рады).

В 2001 г. Комитет по охране историко-культурного наследия и Комитет по реставрации и консервации памятников были объединены в Комитет по охране историко-культурного наследия [11]. В соответствии с подпунктом 5.5 пункта 5 Положения о Комитете, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.06.2001 № 862, функции обеспечения составления Госсписка перешли к созданному Комитету по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры Республики Беларусь. Данный комитет действовал всего с июля по сентябрь 2001 г. [4].

В связи с совершенствованием органов государственного управления пунктом 3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30.10.2001 № 1558 в структуре Министерства культуры Комитет по охране историко-культурного наследия был преобразован в департамент по охране историко-культурного наследия и реставрации без прав юридического лица [2].

Департамент по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры просуществовал до 2004 г. [32].

В период деятельности данного департамента был принят ряд судьбоносных законодательных актов, определившую дальнейшую государственную политику учета историко-культурных ценностей.

Важным моментом в понимании правоприменительной практики 1993–2002 гг. является то, что наряду с формирующимся Госсписком, действовали списки памятников истории и культуры, утвержденные в соответствии с постановлениями Совета Министров БССР от 1 октября 1984 г. № 350 и от 18 февраля 1988 г. № 32., а также решениями облисполкомов и Мингорисполкома [2; 40], которые входили в понятие «историко-культурное наследие». Данное обстоятельство практически не стимулировало местные органы на выявление и включение в Госсписк новых объектов материальной и духовной культуры. В результате на конец 2000 г. в Госсписк было включено только 376 историко-культурных ценностей из почти 16 тысяч возможных объектов наследия [12; 43].

Кроме того, затянувшийся период правового переноса памятников истории и культуры из списков БССР в Госсписк, а также отсутствие утвержденного либо опубликованного Госсписка в качестве юридического документа в начале 2000-х гг. создало напряженную ситуацию с Государственным налоговым комитетом вокруг освобождения от налогообложения работ по реконструкции и реставрации историко-культурных ценностей, внесенных в Госсписк и вышеназванные списки БССР [12; 35].

В целях упорядочения государственного учета историко-культурных ценностей народа Беларуси принимается постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 сентября 2001 г. № 1383 [6] которым поручается:

Министерству культуры:

до 15 ноября 2001 г. разработать и утвердить порядок ведения и публикации Госсписка;

до 1 декабря 2001 г. разработать и внести в установленном порядке предложения об изменении постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 13.11.1992 № 1941-XII «О введении в действие Закона Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» Закон Республики Беларусь «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (СЗ БССР, 1978 г., № 20, ст. 388; 1984 г., № 21, ст. 313; 1986 г., № 28, ст. 363) в части определения временного статуса памятников истории и культуры, принятых под охрану государством до 1 января 1993 г.

облисполкомам и Мингорисполкому до 1 января 2002 г. отменить решения об утверждении списков памятников истории и культуры местного значения.

Также данным постановлением признано утратившей силу постановление Совета Министров БССР от 1 октября 1984 г. – то есть отменены списки объектов, изданных в 7-томном своде памятников истории и культуры Белорусской ССР.

Развитием данного вопроса стала подготовка и принятие Закона Республики Беларусь от 24.07.2002 № 134-З «О внесении изменений в некоторые зако-

нодательные акты Республики Беларусь в связи с реорганизацией системы республиканских органов государственного управления», согласно которому уполномоченным органом на придание статуса историко-культурной ценности стало Министерство культуры [18].

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 сентября 2003 г. № 1141 [38] признается утратившим силу пункт 1 постановления Совета Министров Белорусской ССР от 18 февраля 1988 г. № 32, которым были утверждены государственные списки недвижимых памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства республиканского значения.

Справочно: Решением Рады от 28.02.2002 № 71 Софийский собор в Полоцке был включен в Госсписок.

Таким образом, с 1 сентября 2003 г. Госсписок стал единственным документом государственного учета историко-культурных ценностей.

В 2002 – 2003 гг. происходит резкое увеличение объектов, включенных в Госсписок: в 2002 г. – 2793, в 2003 г. – уже 4326. Данное расширение Госсписка происходит на основании автоматического переноса объектов наследия из списков БССР по предложению местных органов в соответствии с решениями Рады №№ 70 – 92. Вместе с тем предложения по переносу в Госсписок из числа объектов, утративших охранной статус, были весьма выборочными.

Справочно: В целях объективной оценки данных процессов можно отметить, что из числа памятников истории и культуры, в первую очередь воинских захоронений, в Госсписок включено лишь 930 объектов. В целом учет данной категории объектов культурного наследия получил развитие по линии Министерства обороны в созданном с 2001 г. регистре воинских захоронений и захоронений жертв войн Республики Беларусь, который сегодня насчитывает более 8 тысяч мест погребений.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 мая 2001 г. № 784 «О перечне информационных ресурсов, имеющих государственное значение» поручалось создание Госсписка в качестве государственного информационного ресурса.

12 сентября 2002 г. Госсписок был зарегистрирован в Государственном регистре информационных ресурсов (владелец – Министерство культуры).

Дальнейшим развитием системы учета стало принятие по согласованию с облисполкомами и Мингорисполкомом постановления Министерства культуры Республики Беларусь от 10.04.2003 № 11 «Об утверждении Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь» [39].

Публикация данного постановления министерства стала значимым шагом в плане публичности и открытости этого документа. Однако вопрос о создании отдельного ресурса не был реализован в рассматриваемый период.

Пунктом 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 17.03.2004 № 303 департамент по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры был упразднен. Вместо него в структуре министерства создано управление по охране историко-культурного наследия и реставрации (с 2014 г. – управление по охране историко-культурного наследия без права юридического лица, в 2018 г. из состава управления по охране историко-культурного наследия выведен сектор искусствоведов-экспертов по вывозу культурных ценностей с территории Республики Беларусь).

В 2006 г. принимается новый Закон Рэспублікі Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» [16], нормы которого закрепили

полномочия по приданию статуса историко-культурной ценности за Правительством Республики Беларусь.

В развитие данного закона в 2006 г. на уровне Совета Министров Республики Беларусь было утверждено Положение о ведении Госсписка, действующее до 3 февраля 2017 г., закрепившее современный вид и структуру Госсписка [3].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.05.2007 № 578 «Аб статусе гісторыка-культурных каштоўнасцей» фактически был переутвержден существовавший Госсписк, а постановление Министерства культуры от 10.04.2003 № 11 признано утратившим силу [5].

С одной стороны, признание Госсписка актом высшей юридической силы способствовало усилению правового статуса историко-культурной ценности, а принятое Положение о ведении Госсписка систематизировало дальнейшую работу по расширению Госсписка (с 2006 по 2016 гг. Госсписк вырос с 4585 до 5525 объектов) [47].

Вместе с тем, ни закон 2006 г., ни постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.05.2007 № 578 не предусматривали переходных положений для объектов, которые уже находились под охраной государства и даже были наделены статусом историко-культурной ценности в 2002 – 2003 гг., что вызывает до настоящего времени путаницу среди специалистов и собственников в определении фактической даты придания такого статуса таким объектам. Лишь в паспорте историко-культурной ценности, который является главным учетным документом, в исторической справке могут быть описаны все переходные моменты нахождения таких объектов в охранных списках [43].

Справочно: Таким образом, Софийский собор перешел из постановления Министерства культуры от 10.04.2002 № 11 в постановление Совета Министров от 14.05.2007 № 578.

С 2006 по 2016 гг. было принято 9 постановлений Совета Министров Республики Беларусь, которые формировали и расширяли Госсписк (постановления Совета Министров Республики Беларусь от 14.05.2007 № 578, от 03.09.2008 № 1288, от 19.08.2009 № 1088, от 21.09.2010 № 1351, от 12.09.2011 № 1214, от 16.03.2012 № 236, от 17.07.2012 № 658, от 23.08.2014 № 814 и от 02.08.2016 № 607) [43].

Госсписк в 2006–2016 гг. велся отдельно приказами Министерства культуры, куда в соответствии с указанными постановлениями Правительства включались новые историко-культурные ценности (исключались объекты, лишенные статуса историко-культурной ценности, вносились уточнения), однако существенным недостатком было отсутствие Госсписка в виде документа в открытом доступе.

В 2009 г. было издано печатное издание «Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь» тиражом 1000 экземпляров, однако оно быстро утратило свою актуальность [14].

Среди существенных изменений закона в 2012 г. необходимо отметить усовершенствование понятийного аппарата и имплементацию международных норм ЮНЕСКО, в том числе норм Конвенции об охране всемирного нематериального культурного наследия 2003 г., которую Беларусь ратифицировала в 2004 г. Данные изменения позволили активизировать работу по расширению присутствия в Госсписке нематериальных историко-культурных ценностей (с 76 элементов в 2012 г. до 178 элементов в 2023 г.) [47].

В 2016 году был подписан Кодекс Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс), который стал первым разработанным и принятым на постсоветском пространстве кодифицированным актом в сфере культуры [28].

Кодекс переформатировал работу по ведению Госсписка.

В первую очередь полномочия по формированию Госсписка вновь переданы от Совета Министров Республики Беларусь Министерству культуры, включая полномочия по приданию статуса историко-культурной ценности и категорий «0», «1», «2», «А», «Б», лишению такого статуса и внесению изменений.

Также Кодекс предоставил полномочия придания статуса историко-культурной ценности и категории «3» местными исполнительными и распорядительными органами областного территориального уровня.

При каждом облисполкоме и Минском горисполкоме созданы областные (Минский городской) советы по вопросам историко-культурного наследия, которые уполномочены рассматривать предложения о придании статуса ИКЦ и принимать решения о значимости (отсутствии значимости) культурной ценности для региона [46].

В отличие от Закона Республики Беларусь «Об актах историко-культурного наследия Республики Беларусь» 2006 г. Кодекс предусмотрел переходные положения в части сохранения юридической силы вышеуказанных 9 постановлений Совета Министров Республики Беларусь, благодаря чему законодатель не пошел по пути повторного переутверждения Госсписка.

На уровне законодательного акта впервые в истории Беларуси закреплён порядок выявления (выдвижения) новых объектов наследия, требования к содержанию предложений о придании культурным ценностям статуса историко-культурной ценности и регламент их рассмотрения уполномоченными государственными органами.

Статьями 93, 94 Кодекса устанавливалось, что решение о придании статуса историко-культурной ценности, лишении такого статуса является ненормативным правовым актом и подлежит доведению до сведения заинтересованных путем размещения на официальном сайте Министерства культуры. Благодаря данным новшества законодательства с 2017 г. сам Госсписк и решения по нему (Министерства культуры и местных органов) стали публиковаться в разделе «Наследие» сайта Министерства культуры [29].

С 2019 г. Госсписк в качестве основного документа учета историко-культурных ценностей Беларуси стал публиковаться в правоприменительном разделе ИПС «ЭТАЛОН», а с 2020 Министерством культуры Госсписк представлен в виде государственного информационного ресурса - поискового сайта «Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь» (gospisok.gov.by) [13].

С 2019 г. Министерством культуры совместно с местными органами проводится активная работа по актуализации сведений об историко-культурных ценностях. За данный период в Госсписке актуализировано свыше 2700 позиций, в том числе в части уточнения названий, состава, датировки, категории и адресации объектов наследия.

Вместе с тем практика показала, что переданные с 2017 г. исполкомам полномочия по рассмотрению предложений о придании культурным ценностям статуса историко-культурной ценности использовались малоэффективно в связи с низкой заинтересованностью местных органов в расширении Госсписка.

С 2017 по 2022 годы местными исполнительными и распорядительными органами областного территориального уровня принято 18 решений, Министерством культуры – 42 решения относительно формирования Госсписка [43].

В этой связи законодатель при корректировке Кодекса в 2022 г. изменил подходы к ведению Госсписка [19].

С 1 января 2023 г. полномочия по приданию культурным ценностям статуса историко-культурных ценностей, его лишению и определению категорий историко-культурных ценностей закреплены за одним государственным органом – Министерством культуры.

Существенным изменением порядка рассмотрения предложений о придании культурным ценностям статуса историко-культурной ценности является то, что независимо от решения областного (Минского городского) совета по вопросам историко-культурного наследия (положительного или отрицательного) каждое предложение должно быть предоставлено в Министерство культуры для принятия окончательного решения Радой.

Отдельно для нематериальных проявлений творчества человека установлено форма внесения такого предложения постановлением Министерства культуры от 30.11.2022 № 110.

Внесены изменения в статьи 97, 98 Кодекса, позволившие упорядочить структуру Госсписка и порядок его ведения, в том числе в части актуализации фактических сведений.

В целях организации ведения Госсписка данный документ утвержден постановлением Министерства культуры от 03.01.2023 № 1, а регламент его ведения и формирования – приказом Министерства культуры от 03.01.2023 № 1 [1; 42]. Такое решение, по нашему мнению, наряду с функционированием Госсписка в качестве информационного ресурса [13] обеспечивает наиболее доступное и прозрачное его развитие в качестве главного документа государственного учета историко-культурных ценностей Беларуси.

Целевым показателем 3 Государственной программы «Культура Беларуси» на 2021 – 2025 годы предусмотрено включение в Госсписк не менее 3 новых элементов ежегодно [30]. Пунктом 10 решения коллегии Министерства культуры от 21.06.2023 № 109 облисполкомам, Минскому горисполкому рекомендовано ежегодно выявлять не менее 2 новых материальных объектов для включения в Госсписк.

По состоянию на 01.10.2023 за 2023 г. Госсписк пополнился 12 новым элементом и включает 5671 историко-культурную ценность [13; 47].

Выводы. Как мы видим, развитие законодательства БССР и Республики Беларусь прошло непростой эволюционный путь от попыток к обобщению учета культурного наследия к выделению отдельных форм охраняемых государством объектов, воплощенных в настоящее время в историко-культурных ценностях.

Начиная с 1926 г. формировались и велись первые перечни объектов наследия, которые подлежали охране государством. Охранные списки несколько раз признавались утратившими силу в связи с изменениями законодательства и утверждением их различными государственными органами в 1950, 1957 1984, 2002, 2003, 2007 гг. Вместе с тем всегда сохранялась преемственность в определении особого правового статуса таких объектов наследия. Основная часть Госсписка (более 80%) выявлены и взяты на учет в советский период белорусской государственности. Принятые сегодня правовые меры позволяют организовывать необходимые мероприятия по расширению Госсписка и его стабильного ведения.

1. Аб зацвярджэнні Дзяржаўнага спіса гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 03.01.2023 №1 (рэд. ад 22.08.2023).
2. Аб зацвярджэнні Дзяржаўнага спіса помнікаў горадабудаўніцтва і архітэктуры г.Мінска: рашэнне выканаўчага камітэта Мінскага гардскога Савета народных дэпутатаў ад 30.12.1992 №692 // Текущий архив Министерства культуры Республики Беларусь. – 2023. – 8 с.
3. Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны (вместе с «Палажэннем аб парадку вядзення Дзяржаўнага спіса гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь»): постановление

- Совета Министров Республики Беларусь от 15.06.2006 №762 (ред. от 04.03.2016) // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 04.07.2006, №103, 5/22474.
4. Аб некаторых мерах па ўдасканаленню сістэмы органаў дзяржаўнага кіравання ў сферы аховы і рэстаўрацыі гісторыка-культурнай спадчыны (вместе с «Палажэннем аб Камітэце па ахове гісторыка-культурнай спадчыны пры Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь»): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 08.06.2001 № 862 // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 26.06.2001, №59, 5/6195, «Рэспубліка» (приложение «Рэспубліка-дзелавая»), № 142-143, 27.06.2001.
 5. Аб прызнанні страціўшымі сілу некаторых пастаноў Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 07.06.2007 №27 // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 06.07.2007, N 159, 8/16694.
 6. Аб упарадкаванні дзяржаўнага ўліку гісторыка-культурных каштоўнасцей: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19.09.2001 №1383 // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 01.10.2001, № 91, 5/8398.
 7. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: Асноўн. этапы фарміравання, сучас. стан і перспектывы / Л.М.Несцячук. – Мн.: БЕЛТА, 2003. – 286 с.
 8. Юрчак, Д. В. Базовые понятия, характеризующие объекты культурного наследия в законодательствах БССР и Республики Беларусь / Юрчак Д. В. // Ученые записки: сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – 2021. – Т. 34. – С. 50–55.
 9. Вопросы Государственной инспекции Республики Беларусь по охране историко-культурного наследия: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 апреля 1993 г. № 265 // «Собрание постановлений Правительства РБ», 1993 г., № 13, ст. 220.
 10. Вопросы Министерства культуры Республики Беларусь и комитетов при этом министерстве (вместе с «Положением о Министерстве культуры Республики Беларусь», «Положением о Комитете по реставрации и консервации памятников при Министерстве культуры Республики Беларусь», «Положением о Комитете по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры Республики Беларусь»): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.06.1997 №673 // «Собрание декретов, указов Президента и пост-й Правит-ва РБ», 1997 г., № 19, ст. 660.
 11. Вопросы Министерства культуры Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.10.2001 №1558 // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 09.11.2001, №103, 5/9282.
 12. Государственные органы по охране и реставрации культурных объектов [Электронный ресурс] / Инфопедия. – Режим доступа: <https://infopedia.su/30xddce.html>. – Дата доступа: 20.09.2023.
 13. Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь / Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gossapisok.gov.by. – Дата доступа: 30.06.2023.
 14. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск: БЕЛТА, 2009. – 684 с.: іл.
 15. Закон Белорусской Советской Социалистической Республики «Обохране и использовании памятников истории и культуры». Мн.: Беларусь, 1978. – 64 с.
 16. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» ад 9 студзеня 2006 г. №98-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 17 января 2006 г. – №2/1195.
 17. Закон Республики Беларусь от 13.11.1992 №1940-XII «Об охране историко-культурного наследия» (в редакции Закона Республики Беларусь от 24 июля 2002 г. №134-3) // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь – 1992. – №30. – Ст. 504.
 18. Закон Республики Беларусь от 24.07.2002 №134-3 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь в связи с реорганизацией системы республиканских органов государственного управления» // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 07.08.2002, №87, 2/883, «Народная газета», № 186, 27.08.2002.
 19. Закон Республики Беларусь от 21.07.2022 №201-3 «Аб змяненні законаў па пытаннях культуры» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 30.07.2022, 2/2921.
 20. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць /АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1984. – 368 см іл.
 21. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць /АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 496 с., іл.
 22. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць /АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. –383 с., іл.
 23. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць /АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : БелСЭ, 1986.– 371 с., іл.
 24. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць /АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1986. – 408 с., іл.
 25. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінск /АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : БелСЭ, 1988.– 333 с.: іл.

26. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць /АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : БелСЭ, 1987. – 284 с.: іл.
27. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць /АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.].–Мінск : БелСЭ, 1987. – 308 с.: іл.
28. Кодекс Республики Беларусь от 20.07.2016 №413-З (ред. от 21.07.2022) «Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2023) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.08.2016, 2/2412.
29. Наследие / сайт Министерства культуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kultura.by. – Дата доступа: 28.09.2023.
30. О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021 – 2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 53 (ред. от 30.01.2023) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 06.02.2021, 5/48756.
31. О введении в действие Закона Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия: постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 13.11.1992 №1941-XII // «Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь», 1992 г., №30, ст. 505.
32. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 12 февраля 2004 г. №66, внесении изменений и дополнений в отдельные постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.03.2004 №303 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 05.04.2004, №53, 5/13967.
33. О мерах улучшения охраны памятников культуры: постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 // Охрана памятников истории и культуры в России: сб. док. М., 1973. С. 65 –67.
34. Об обязательной регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства, старины, быта и местной природы: постановление Совета Народных Комиссаров Белорусской Советской Социалистической Республики. 24 декабря 1923 г. // НАРБ. Ф.4 п. Оп.1. Д.1102. Л.358.
35. Об освобождении от налогообложения работ по реконструкции и реставрации историко-культурных ценностей / «НЭГ» от 08.07.2003 №51 (Информбанк, с.7/13) // сайт Экономической газеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/pamyatniki-i-lgoty-2907/>. – Дата доступа: 25.09.2023.
36. Об охране памятников культуры: Закон Белорусской ССР от 26 декабря 1969 года // СЗ БССР. – 1969. – №36. – ст.555.
37. О порядке охраны памятников старины, искусства, быта и природы, объявленных государственным достоянием: постановление Совета Народных Комиссаров БССР от 5 июля 1926 г. // СЗ БССР, 1926 г., №28, ст. 105.
38. О признании утратившим силу пункта 1 постановления Совета Министров Белорусской ССР от 18 февраля 1988 г. № 32: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 сентября 2003 г. № 1141 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2003 г., № 100, 5/12989.
39. Об утверждении Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 10.04.2003 №11 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 28.07.2003, №82, 8/9523.
40. Об утверждении дополнительного списка памятников истории и культуры местного значения: решение исполнительного комитета Гродненского областного Совета народных депутатов от 24.03.1986 №91 // Текущий архив Министерства культуры Республики Беларусь. – 2023. – 31 с.
41. Об утверждении «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры»: приказ Минкультуры СССР от 13.05.1986 №203.
42. Регламент формирования и ведения Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь: приказ Министерства культуры от 03.01.2023 №1 // Текущий архив Министерства культуры Республики Беларусь. – 2023. – 8 с.
43. Сборник информационно-методических материалов по охране историко-культурного наследия Беларуси / сост. Г. Н. Ходор. – Гомель, 2023. – 204 с.
44. Советское законодательство о памятниках истории и культуры: сборник документов и материалов (1917 –1972 гг.). – Минск : Полымя, 1972 – 430 с.
45. Список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР: в 2-х кн. – Минск : БелЭН, 1990.
46. Ходор, Г.Н. Подготовка предложений о расширении Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь: практические рекомендации / Г. Н. Ходор // 8-я (VIII) Международная научно-практическая конференция, посвященная Году малой родины в Республике Беларусь, БГУКИ, 2019.
47. Ходор, Г.Н. Потенциал государственных информационных ресурсов об историко-культурном наследии Республики Беларусь в развитии культурно-познавательного туризма / Г. Н. Ходор// Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты: материалы III Междунар. науч. конф., г.Минск, 28 сент. 2023 г./ Национальное агентство по туризму; редкол.: И.Н.Воронович (предс.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2023. – С.111–124.
48. Юрчак, Д. В. Эволюция базовых понятий, характеризующих археологическое наследие, в законодательствах БССР и Республики Беларусь / Д. В. Юрчак // Ученые записки: сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – 2020. – Т. 31. – С. 80–86.

Ходор Г.Н.
О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ УЧЕТА

Ключевые слова: культурные ценности, культурное наследие, виды культурных ценностей, места погребения, произведения искусства, памятники природы, археологические объекты, историческая застройка.

Культурное наследие Беларуси многообразно и нормотворческая деятельность за годы независимости нашей страны оформила и закрепила отдельные категории учета и охраны культурных ценностей, исходя из специфики их назначения и использования.

Исторически сложилось так, что среди многообразия видов культурных ценностей особое место занимает историко-культурное наследие [14].

Развитие законодательства об историко-культурном наследии с 1992 г. позволяет сегодня утверждать, что историко-культурные ценности – одна из наиболее защищенных юридически категорий культурного наследия [44].

Несмотря на устоявшееся использование в течение последних 30 лет понятий «историко-культурное наследие» и «историко-культурная ценность» в качестве предмета правового регулирования законодательства Республики Беларусь в области охраны историко-культурного наследия, среди отдельных исследователей и даже государственных органов встречается ошибочное мнение о том, что культурная ценность, не наделенная статусом историко-культурной ценности, может вовлечена в данное правовое поле.

С 2023 г. в статье 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс) окончательно оформлен понятийный аппарат, регулирующий значение терминов «культурное наследие», «культурная ценность» и «историко-культурное наследие», «историко-культурная ценность» [21].

Принципиальная разница между данными понятиями четко закреплена статьями 1, 66, 82 Кодекса и другими законодательными актами [24; 33].

Статьей 66 Кодекса установлена классификация форм и видов культурных ценностей.

По форме культурные ценности разделяются на материальные (недвижимые и движимые) и нематериальные.

Согласно пункту 2 статьи 66 по видам культурные ценности разделяются на:

1. историко-культурные ценности, внесенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее – Госсписок);

2. культурные ценности, которые составляют библиотечный, музейный и архивный фонды Республики Беларусь, за исключением признанных историко-культурными ценностями;

3. культурные ценности, представленные в установленном порядке для придания им статуса историко-культурной ценности;

4. другие культурные ценности.

С учетом установленной законодательством о культуре классификации предлагается рассмотреть основные виды недвижимых материальных, движимых материальных и нематериальных культурных ценностей. При этом будем отмечать правовое поле, которым регулируется их учет, согласно Единому правовому классификатору Республики Беларусь (далее – ЕПК) [33].

НЕДВИЖИМЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. «Историко-культурные ценности».

Статьей 1 Кодекса установлено, что «**историко-культурная ценность**» – это культурная ценность, которая имеет отличительные духовные, художественные и (или) документальные достоинства и которой придан статус историко-культурной ценности [21; 44].

Статья 83 Кодекса определяет, что историко-культурное наследие Беларуси представляет собой совокупность наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях (далее – ИКЦ), включенных в **Госсписок** [1]. Включение объекта в Госсписок означает его переход в правовое поле законодательства в сфере охраны историко-культурного наследия, предусматривающего определенные гарантии его сохранности [44]. На сегодняшний день, согласно ЕПК, законодательство об историко-культурном наследии является отраслью законодательства о культуре, что является свидетельством признания самостоятельности правовых норм, регулирующих отношения по охране и использованию историко-культурного наследия [33].

Не всякий созданный человеком объект (элемент) может претендовать на статус ИКЦ. Он должен иметь определенные отличительные духовные, художественные, документальные, конструктивные и (или) архитектурные достоинства и соответствовать хотя бы одному из критериев, необходимых для придания статуса ИКЦ [44; 45].

ИКЦ могут воплощаться как в отдельных, так и в комплексных ИКЦ (при этом каждый объект в составе комплексной историко-культурной ценности также имеет статус ИКЦ «без категории» и включается в Госсписок). Госсписок актуализируется в течение 10 рабочих дней со дня принятия каждого решения о придании статуса ИКЦ или внесения новых сведений в него [22].

По состоянию на 01.10.2023 в Госсписок включено 5671 историко-культурных ценностей, в том числе: 5352 недвижимых материальных ИКЦ, 136 движимых материальных ИКЦ и 178 нематериальных ИКЦ (обычаи, традиции, обряды, фольклор, содержание геральдических объектов, изделий народных художественных ремесел, иные нематериальные проявления творчества человека).

Материальные ИКЦ подразделяются на 7 видов: документальные памятники (21), заповедные места (4), памятники археологии (2227), памятники архитектуры (1829), памятники истории (1217), памятники градостроительства (13) и памятники искусства (67) [14]. Определения отмеченных понятий даны статьей 83 Кодекса (с уточнениями, вступившими в силу с 01.01.2023) [21].

В целях популяризации наследия Министерством культуры в 2020 году создан поисковый сайт gosspisok.gov.by, который является государственным информационным ресурсом, позволяющий находить информацию об ИКЦ по заданным параметрам: регион, вид ИКЦ, категория, адрес, название [14].

Постановлением Министерства культуры от 03.01.2023 № 1, Госсписок утвержден в качестве основного документа учета ИКЦ и доступен в правовых ресурсах страны в качестве ненормативного правового акта [1].

В развитие государственного учета историко-культурных ценностей создан еще один ресурс – **Банк сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь** (далее – Банк сведений).

Банк сведений является государственным информационным ресурсом, представляющим собой систематизированный сбор сведений об отличительных

результатах и свидетельствах исторического, культурного и духовного развития белорусов. В Банке сведений хранятся разделы научно-проектной документации на выполнение работ на ИКЦ, иные материалы (фотографии, схемы, архивные данные), которые касаются ИКЦ, а также текстовые описания и исторические справки. Порядок формирования, ведения и использования Банка сведений регулируется статьей 102 Кодекса [21]. В соответствии с приказом Министерства культуры 12.01.2021 № 1 полномочия по ведению и формированию Банк сведений делегированы Национальной библиотеке Беларуси. В штатном расписании Национальной библиотеки Беларуси создан сектор формирования Банка сведений [44].

С 2022 года **Банк сведений доступен через сеть Интернет** через сайт **heritage.gov.by**, состоящий из двух точек входа: **публичный сайт** (просмотр данных из Банка сведений, разделенных по фильтрам и с возможностью поиска, в привлекательном пользовательском интерфейсе) и **администраторская панель** из 14 разделов электронного паспорта ИКЦ (управление (добавление / просмотр / редактирование / удаление) всем контентом ПО, управления пользователями, одобрение / удаление новых записей (данные об ИКЦ / фотоснимки / схемы / охранные обязательства / другие документы / новости / статьи)[9].

Стоит повторно обратить внимание, что иные представленные ниже перечни культурных ценностей (за исключением Национального инвентаря нематериального культурного наследия[41]) не входят и не могут составлять понятие «историко-культурного наследие», и соответственно не могут быть отнесены к виду ИКЦ [21].

2. Культурные ценности, представленные в установленном порядке для придания им статуса историко-культурной ценности.

Данный вид культурных ценностей закреплен пунктом 2 статьи 66 и пунктом 4 статьи 90 Кодекса. Порядок внесения соответствующих предложений определен статьей 90 Кодекса, согласно которой к предложению о придании культурной ценности статуса ИКЦ прилагаются: материалы фиксации; научной обработки; художественной оценки культурной ценности; обоснование необходимости придания статуса ИКЦ.

Предложения о придании материальным культурным ценностям статуса ИКЦ вносятся в письменной форме в местные исполнительные и распорядительные органы областного территориального уровня[21; 45]. При каждом облисполкоме и Мингорисполкоме созданы советы по вопросам историко-культурного наследия, которые уполномочены рассматривать предложения о придании статуса ИКЦ [8; 11].

Согласно пункту 2 статьи 93 Кодекса местный исполнительный и распорядительный орган областного территориального уровня после получения предложения о придании материальной культурной ценности статуса ИКЦ, соответствующей требованиям, предусмотренным статьей 90 Кодекса:

1. не позднее 14 календарных дней со дня получения предложения письменно уведомляет об этом собственника (пользователя) материальной культурной ценности, землепользователя, на земельном участке которого расположена недвижимая материальная культурная ценность, а также местный исполнительный и распорядительный орган базового территориального уровня, на территории которого он расположен, письменно об этом представляет собой культурную ценность (в случае предложения другими лицами);

2. не позднее 30 календарных дней со дня поступления предложения организует рассмотрение предложения областным (Минским городским) советом по вопросам историко-культурного наследия.

Важным юридическим моментом отнесения культурной ценности к такой категории в соответствии с пунктом 2 статьи 93 Кодекса является письменное уведомление, которое направляется в течение 14 календарных дней.

Если предложение о придании культурной ценности статуса историко-культурной ценности не содержат необходимых материалов, согласно пунктам 3, 10 статьи 93 Кодекса о культуре, такое предложение не рассматриваются и возвращаются лицу, которое их внесло. В таком случае культурная ценность не может рассматриваться в качестве «культурной ценности, представленной в установленном порядке для придания ей статуса историко-культурной ценности».

Согласно пункту 4 статьи 93 Кодекса местный исполнительный и распорядительный орган базового территориального уровня, а также собственник (пользователь) материальной культурной ценности, землепользователь, на земельном участке которого расположена недвижимая материальная культурная ценность, со дня получения письменного уведомления, предусмотренного подпунктом 2.1 пункта 2 статьи 93 Кодекса, и до дня принятия решения о необходимости (отсутствии необходимости) придания материальной культурной ценности статуса ИКЦ принимаются меры по приостанавливать работы или иную деятельность, которая может оказать воздействие на материальные культурные ценности [21].

По результатам рассмотрения предложения советом по вопросам историко-культурного наследия не позднее 14 календарных дней местный исполнительный и распорядительный орган областного территориального уровня направляет данное предложение в Министерство культуры.

Министерство культуры не позднее 30 календарных дней со дня поступления предложения о придании культурной ценности статуса ИКЦ организует его рассмотрение Белорусской республиканской научно-методической радой по вопросам историко-культурного наследия. В случае принятия Радой решения о необходимости придания культурной ценности статуса ИКЦ и отнесения ее к соответствующей категории Министерство культуры не позднее 14 календарных дней принимает решение о присвоении культурной ценности статуса ИКЦ, после чего не позднее 7 календарных дней включает его в Госсписок [10; 22].

Таким образом, характерной особенностью данного вида культурных ценностей является установленный законодательством о культуре срок ее рассмотрения на предмет отнесения (неотнесения) к историко-культурной ценности. Пункт 4 статьи 90 Кодекса установлено, что материальные культурные ценности, которые предложены для придания им статуса ИКЦ, подлежат охране, как и материальные ИКЦ [21].

После принятия соответствующего решения уполномоченного государственного органа такая ценность «перемещается» в разряд «культурных ценностей» либо «историко-культурных ценностей».

Уничтожение, повреждение либо утрата культурных ценностей, которым может быть придан статус ИКЦ, предусматривает уголовную и административную ответственность согласно статьям 344, 345 Уголовного кодекса Республики Беларусь, и статье 20.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях соответственно. Правовой статус таких объектов также регулируется иными нормативными актами [2; 30; 34; 37].

3. Иные культурные ценности.

Статьей 1 Кодекса установлено понятие «**культурная ценность**» – созданные (переделанные) человеком или тесно связаны с его деятельностью материальный объект и нематериальное проявление творчества человека (элемент),

имеющие историческое, художественное, научное или иное значение [21]. Таким образом, понятие «культурная ценность» охватывает значительно более широкий, чем понятие «историко-культурная ценность», круг материальных и нематериальных объектов. В то время как «историко-культурное наследие» Беларуси воплощается в ИКЦ, соответственно «культурное наследие» является совокупностью культурных ценностей. Пока культурная ценность не получила юридический статус ИКЦ, она может быть частью культурного наследия, но никак не историко-культурного наследия [43; 44]. Кроме ИКЦ имеются иные альтернативные варианты государственного учёта и охраны отдельных видов культурных ценностей. К таким видам культурных ценностей можно отнести места погребения, археологические объекты, памятники природы, произведения искусства, рядовую историческую застройку и др.

3.1 Места погребения.

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» место погребения – земельный участок с размещенными на нем отдельными могилами, склепами, кладбищем, колумбарием [20].

Государственный учет мест погребений в Республике Беларусь определен законодательством о погребении и похоронном деле и осуществляется двумя ведомствами:

старые кладбища, участки для захоронения, места в колумбарии, склепы – по линии Министерства жилищно-коммунального хозяйства (постановление Министерства жилищно-коммунального хозяйства от 10.06.2016 № 17) [36];

воинские захоронения и захоронения жертв войн – по линии Министерства обороны (постановление Министерства обороны от 09.08.2016 № 17) [35].

В частности, государственный учет мест захоронений, согласно Правилам содержания и благоустройства мест погребения, осуществляется по единой системе учета в соответствии с законодательством и включает в себя технический учет мест захоронений отдельно по каждому месту погребения, а также обобщение данных технического учета мест захоронений по каждой административно-территориальной единице. Технический учет мест захоронений является основой государственного учета и осуществляется путем ведения на бумажном носителе **книги государственного учета участков для захоронения, мест в колумбарии, склепов** по установленной форме [36].

Работа по организации и ведению государственного учета осуществляется специализированными организациями, поселковыми, сельскими исполнительными комитетами. В настоящее время единого общереспубликанского учета мест погребений законодательством не предусмотрено [20].

Государственный учет воинских захоронений и захоронений жертв войн осуществляется в соответствии с Положением об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь 24.03.2016 № 109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» [32] посредством ведения автоматизированных банков данных (далее – АБД): АБД «Книга Памяти Республики Беларусь» и районных (областных) АБД «Книга Памяти». Названные АБД включают **регистр воинских захоронений и захоронений жертв войн Республики Беларусь** [27]. По информации Министерства обороны названный реестр насчитывает более 8000 воинских захоронений и захоронений жертв войн. В настоящее время актуален вопрос о создании «Книги памяти» в виде единого Интернет-ресурса.

На основании и в развитие Закона Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» Министерством жилищно-коммунального хозяйства в 2015 г. разработано Положение о порядке и условиях присвоения статуса историко-мемориального места погребения, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18.08.2015 № 699 [28].

Данный акт законодательства ввел еще одну категорию мест погребений, преимущество из числа старых и выявленных ранее неизвестных могил – **историко-мемориальные места погребения**. Присвоение месту погребения статуса историко-мемориального места погребения осуществляется областными (Минским городским) исполнительными комитетами при наличии на территории места погребения одного или нескольких признаков:

уникальных объектов культового назначения и (или) материальных объектов, обладающих отличительными духовными, художественными и (или) документальными свойствами для придания им статуса историко-мемориального места погребения;

мест захоронений знаменитых и выдающихся личностей (политических, государственных, военных деятелей, деятелей науки, литературы и культуры), а также лиц, имеющих заслуги перед государством и обществом;

массовых захоронений, связанных с важнейшими событиями национальной истории.

В целях усовершенствования учета историко-мемориальных мест погребения пунктом 1.3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19.07.2021 № 411 «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь» установлена форма **учета мест погребений со статусом историко-мемориальных мест погребений**, который ведется местными исполнительными и распорядительными органами областного территориального уровня. Одновременно с этим постановлением предусмотрено исключение двойного учета историко-мемориальных мест погребения и историко-культурных ценностей с 2021 г., который мог повлечь необходимость составления дополнительных учетных документов и необоснованное увеличение затрат по содержанию и ремонту таких мест захоронения, связанных с необходимостью разработки научно-проектной документации при наличии статуса ИКЦ [43].

В соответствии с ЕПК учет и сохранение всех категорий мест погребения (старые кладбища, воинские захоронения, историко-мемориальные места погребения и др.) регулируются законодательством о погребении и похоронном деле [33]. В настоящее время актуален вопрос о создании органом-регулятором общереспубликанского реестра историко-мемориальных мест погребения.

3.2. Реестр археологических объектов введен с 3 февраля 2017 г. статей 125 Кодекса. В соответствии с ЕПК учет данных объектов регулируется законодательством об археологическом наследии.

Учет археологических объектов осуществляется ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» в порядке и по форме, установленными Национальной академией наук Беларуси [6; 7].

Археологические объекты – недвижимые материальные объекты и их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным слоем, которые возникли в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад, сохранились в земле или на дне водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение и могут соответствовать критериям для придания статуса историко-культурной ценности. К археологическим объектам

относят: 1. Остатки укрепленных поселений (древних городов, городищ, замков), остатки неукрепленных поселений (древних стоянок, поселений, отдельных жилищ), капитальных построек (зданий, сооружений), культовых объектов (святилищ, места осуществления обрядов, монастырей, храмов); 2. Кресты, культовые камни, статуи, обелиски; 3. Курганные и грунтовые захоронения, отдельные могилы, некрополи, мавзолеи и другие места захоронений; 4. Инфраструктура сухопутных, водных и водно-волоковых путей; 5. Объекты иного назначения [21].

Археологическим объектам статус ИКЦ может быть присвоен только в случае, если в отношении данного объекта имеются материалы археологических исследований, свидетельствующие о формировании определенной археологической культуры и развитии материальной культуры в конкретный исторический период, то есть только конкретный объект исследовался археологами. В ином случае археологический объект должен быть зафиксирован с участием местных органов власти базового территориального уровня, информация о нем рассмотрена областной комиссией по археологическим объектам и археологическим артефактам, а сам объект, в случае подтверждения сведений, включается ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» в реестр археологических объектов.

Археологическое наследие – важная составная часть всего культурного наследия Республики Беларусь, которое имеет в первую очередь огромную научную ценность. В настоящее время реестр археологических объектов не опубликован в свободном доступе, что в значительной мере затрудняет проведение мероприятий по учету и охране археологического наследия.

3.3.Произведения монументального и монументально-декоративного искусства составляют обширный круг культурных ценностей, созданных в различные времена, в том числе в период БССР и после 1991 г. В соответствии с ЕПК учет данных объектов регулируется законодательством о культуре[33].

Создание и реконструкция таких произведений регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19.09.2008 № 1372 [3]. К монументальному и монументально-декоративному искусству относятся произведения монументальной или монументально-декоративной скульптуры, а также произведения монументально-декоративного искусства (далее – произведения искусства).

К произведениям монументальной скульптуры относятся произведения, посвященные важному историческому или иному событию, знаменательной дате или известному человеку, известному государственному, политическому, общественному, военному деятелю, деятелю науки, литературы, культуры и искусства, а также живое существо, сыгравшее значительную роль в истории страны или народа, которые созданы для установки на открытом пространстве и снаружи зданий, вне помещений.

К произведениям монументально-декоративной скульптуры относятся статуи, рельефы, декоративно-декоративные формы, мемориальные (информационные) таблички, скульптурный орнамент зданий и другие скульптурные формы, имеющие самостоятельное значение или выполняющие роль архитектурных элементов, предназначенных для украшения фасадов и интерьеров зданий, ландшафт и природная среда, площади, улицы носят декоративный характер, уточняют архитектурный образ.

К произведениям монументально-декоративного искусства относятся витражи, картины, монументально-декоративные ткани, мозаики и другие произведения, созданные в органической связи с предметно-пространственной, прежде всего архитектурной, средой оформления внутреннего и внешнего пространства здания.

С 2022 г. учет произведений искусства закреплен за местными исполнительными и распорядительными органами. Ведение общереспубликанского реестра в настоящее время законодательством не предусмотрено.

3.4. Реестр особо охраняемых природных территорий ведется с 1994 г.

В соответствии с ЕПК учет данных объектов регулируется законодательством о памятниках природы [33]. Хотя большинство особо охраняемых природных территорий не попадают под определение «культурной ценности», необходимо отметить наличие перечня памятников природы, непосредственно созданных человеком (парки, парковые ландшафты) либо связанных с нематериальными проявлениями творчества человека (криницы, валуны и др.) [19]. Порядок учета памятников природы на республиканском и региональном уровне установлен Законом Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» [38]. С 2012 г. создан государственный информационный ресурс «Реестр особо охраняемых природных территорий Республики Беларусь».

3.5. Рядовая историческая застройка.

Несмотря на отсутствие в законодательстве отдельного учета данной категории культурных ценностей ее значение велико. Рядовая историческая застройка относится к территориям, на которой установлено особое государственное регулирование архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [33].

Согласно статье 65 Закона Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» собственники, пользователи объекта строительства обязаны сохранять архитектурный облик объекта строительства [18].

В соответствии с постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 16.11.2020 № 87 «Об утверждении и введении в действие строительных норм СН 3.01.02-2020» на чертеже опорного историко-архитектурного плана должна быть нанесена ценная рядовая застройка, ценные элементы природного ландшафта и планировочной структуры, сохранение которых обеспечивает благоприятные условия восприятия исторической застройки [34].

Согласно генеральным планам, утверждаемым указами Президента Республики Беларусь, наряду с объектами историко-культурного наследия регламентируется сохранение исторической планировочной структуры, рядовой застройки конца XIX - первой пол. XX века, что предусматривает сохранение (реставрацию) и ремонт фасадов зданий с восстановлением их первоначального облика, регламенты (требования) по ее содержанию и эксплуатации, которые должны предусматривать сохранение (реставрацию) и ремонт фасадов зданий с восстановлением их первоначального облика (в том числе сохранение исторически традиционной отделки фасадов, замену оконных и дверных заполнений с учетом первоначального (исторического) вида, материала покрытия кровли и другие) [37].

За нарушение архитектурного решения фасада здания или сооружения статей 22.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность.

В настоящее время перечни рядовой исторической застройки фиксируются в градостроительных документах (планы детального планирования) [34] и проектах зон охраны недвижимых материальных ИКЦ [3].

Применительно к «иным культурным ценностям» можно отнести и иные реестры: Государственный реестр научных объектов, которые составляют науч-

ное достояние, единый государственный регистр недвижимого имущества, градостроительный кадастр, единый регистр имущества, реестр музеев Республики Беларусь и т. д.[5; 12; 16; 40; 49].

ДВИЖИМЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

4. «Культурные ценности, которые составляют библиотечный, музейный и архивный фонды Республики Беларусь, за исключением признанных историко-культурными ценностями».

Данный вид движимых материальных культурных ценностей целесообразно рассмотреть в совокупности с «иными движимыми культурными ценностями» [21].

4.1. Музейный фонд Республики Беларусь предусмотрен статьей 157 Кодекса и представляет собой научно обоснованную коллекцию музейных предметов, научных вспомогательных материалов и сырья, постоянно хранящихся в музее. В данном фонде насчитывается порядка 3,6 млн. единиц[23].

Особо ценные музейные предметы включаются в **Государственный каталог Музейного фонда Республики Беларусь**, который насчитывает 164 515 единиц [15]. Центр государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь создан при Национальном историческом музее Республики Беларусь в июле 2008 года (с 2015 г. – сектор обеспечения государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь).

В соответствии с ЕПК учет данных объектов регулируется законодательством о музейном деле[33].

4.2. Библиотечный фонд Республики Беларусь предусмотрен статьей 141 Кодекса и представляет собой это упорядоченный набор документов, постоянно хранящихся в библиотеке и предназначенных для публичного пользования [21]. Библиотечный фонд Республики Беларусь состоит из библиотечных фондов библиотек различных форм собственности и отражает информационный, культурный, образовательный и научный потенциал общества, насчитывающий порядка 49,3 млн. экземпляров [23].

Особо ценные документы включаются в **Государственный реестр книжных памятников**, в котором сегодня 1292 книжных памятника [13].

В соответствии с ЕПК учет данных объектов регулируется законодательством о библиотечном деле [33].

4.3. Национальный архивный фонд Республики Беларусь - исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность документов, имеющих историческую, научную, социальную, экономическую, политическую или культурную ценность, отражающая материальную и духовную жизнь белорусского народа, подлежащая постоянному хранению.

Учет и хранение архивных документов осуществляется по линии Министерства юстиции в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве» [17]. Архивный фонд насчитывает более 17 млн. единиц хранения. В соответствии с ЕПК учет данных объектов регулируется законодательством о архивном деле [33].

4.4. Реестр археологических артефактов введен в законодательстве об археологическом наследии с 2015 г. Указом Президента Республики Беларусь от 14.12.2015 № 485 «Аб удасканаленні аховы археалагічных аб'ектаў і археалагічных артэфактаў», после 2017 – статьей 125 Кодекса. Археологические артефакты – движимые материальные объекты, которые возникли в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад, сохранились в культурном слое или на

дне водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для придания статуса историко-культурной ценности, а также на момент выявления не имеют собственника [21].

Учет археологических артефактов осуществляется путем их регистрации по учетной карточке, форма которой установлена Национальной академией наук Беларуси [7], и включении в реестр археологических артефактов, сформированный Национальной академией наук Беларуси [21].

Кроме того, существуют и иные категории движимых культурных ценностей:

4.5. культурные ценности, ограниченные для вывоза и ввоза [25; 29];

4.6. культурные ценности, которые оказались за пределами Республики Беларусь [26; 42];

4.7. культурно-исторический фонд Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь [10];

4.8. перечень культурных ценностей, преимущественное право приобретения которых имеют государственные учреждения культуры, и государственных учреждений культуры, которые обязан известить собственник культурной ценности при принятии решения о ее отчуждении [31] и т.д.

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Статьей 69 Кодекса определены виды нематериальных культурных ценностей: обычаи, традиции, обряды, фольклор (устное народное творчество), белорусский язык (устное и письменное), другие языки, именословные традиции и традиционные национальные формы обращения к людям, содержание геральдических объектов, собственных географических названий (топонимов) и изделий народных художественных ремесел, другие нематериальные проявления творчества человека [21].

Республика Беларусь одной из первых стран мира ратифицировала Конвенцию об охране нематериального культурного наследия 2003 года, в связи с чем наибольшее развитие получил раздел 3 Госсписка [1; 46], куда включаются нематериальные историко-культурные ценности.

Национальный инвентарь нематериального культурного наследия Беларуси. В 2012 году создан сайт «Жывая спадчына Беларусі» [11]. Сайт содержит текстовые описания, материалы фото-, аудио- и видеофиксации, выполняет задачи по учету и публикации результатов идентификации и инвентаризации нематериальных историко-культурных ценностей, методическому сопровождению подготовки предложений о придании статуса историко-культурной ценности. Сегодня в инвентарь включены сведения о 49 ремесел, 24 традиционных церемониях, 20 исполнительских искусств, 11 традициях кухни, 6 проявлениях мировоззрения и мифологии, 5 устных традициях [46]. Ведением Национального инвентаря нематериального культурного наследия занимается Белорусский государственный университет культуры и искусств.

Разумеется, вышеперечисленные перечни и формы учета культурных ценностей не являются закрытыми.

Выводы. Таким образом, понятие «культурная ценность» охватывает десятки, а то и сотни миллионов материальных объектов и нематериальных элементов, что значительно понятия «историко-культурная ценность» (5671 ИКЦ) [21].

Кодекс регулирует широкий спектр общественных и правовых отношений, связанных с сохранением и использованием культурных ценностей и в отношении отдельных видов культурных ценностей определяет органом-регулятором

Министерство культуры, либо подчиненные ему организации [1; 3; 5; 13; 14; 15; 21; 25; 31; 40; 41; 42].

Вместе с тем разнообразие особенностей содержания и использования множества видов культурных ценностей в части их учета и сохранения закреплено и в смежных сферах законодательства Республики Беларусь, которое определяет органами-регуляторами Национальную академию наук Беларуси [6; 7; 21], Министерство природных ресурсов и окружающей среды [19; 38], Министерство жилищно-коммунального хозяйства [20; 28; 36], Министерство обороны [21; 27; 32; 35], Министерство архитектуры и строительства [18; 34; 37], Министерство юстиции [17] и иные органы и подчиненные им организации [12; 16; 39].

Несмотря на то, что классификацию видов культурных ценностей определяет законодательство о культуре, специфику учета и охраны многообразия культурного наследия регулируют различные сферы законодательства [33].

1. Аб зацвярджэнні Дзяржаўнага спіса гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 03.01.2023 № 1 (рэд. ад 30.05.2023).
2. Аб зацвярджэнні Інструкцыі аб парадку распрацоўкі праектаў зон аховы нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 06.07.2022 № 52 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.08.2022, 8/38588.
3. Аб некаторых пытаннях стварэння (рэканструкцыі) і прыёмкі твораў манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва: пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 19.09.2008 №1372 (рэд. от 04.05.2012) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 01.10.2008, №235, 5/28395.
4. Аб установаўленні формы прапановы аб наданні нематэрыяльнай культурнай каштоўнасці статусу гісторыка-культурнай каштоўнасці: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 30.11.2022 № 110 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.12.2022, 8/39167.
5. Аб установаўленні форм для вядзення рэестра музеяў: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 25.11.2016 № 56 (ред. от 26.04.2018) //Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2017, 8/31616.
6. Аб парадку выдачы дазволу на права правядзення археалагічных даследаванняў, прыпынення, спынення яго дзеяння: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 05.03.2016 № 185 (ред. от 25.03.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 12.03.2016, 5/41785.
7. Аб зацвярджэнні Інструкцыі аб парадку правядзення археалагічных даследаванняў і вядзення палявой дакументацыі пры іх правядзенні, установаўленні формы ўліковай карткі археалагічнага артэфекта, уключанага ў рэестр археалагічных артэфектаў, і прызнанні страціўшай сілу пастановы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ад 26 лютага 2016 г. № 4 «Аб некаторых мерах па рэалізацыі Указа Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 14 снежня 2015 г. № 485»: пастанова Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ад 23.12.2016 № 9 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 08.02.2017, 7/3704.
8. Аб зацвярджэнні Палажэння аб саветах па пытаннях гісторыка-культурнай спадчыны: постановление Министерства культуры Республики Беларусь от 24.11.2022 №106 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 08.12.2022, 8/39112.
9. Банк сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь / Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: heritage.gov.by. – Дата доступа: 30.06.2023.
10. Вопросы Министерства культуры (вместе с Положением о Министерстве культуры): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.01.2017 № 40 (ред. от 27.12.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.01.2017, 5/43246.
11. Включение культурных ценностей в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [Электронный ресурс] //Сайт Витебского областного исполнительного комитета. – Режим доступа: <https://vitebsk-region.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 20.09.2023.
12. Геоортал земельно-информационной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gismap.by. – Дата доступа: 20.09.2023.
13. Государственный реестр книжных памятников Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kpr.nlb.by/ru. – Дата доступа: 20.09.2023.
14. Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь / Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gossписок.gov.by. – Дата доступа: 30.06.2023.
15. Дзяржаўны каталог Музейнага фонду [Электронны рэсурс] // Сайт Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступа: <http://www.dkmf.by/news/statystyka-dkmf22>. – Дата доступа: 20.09.2023.

16. Единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. – Режим доступа: gzk.nca.by.
17. Закон Республики Беларусь от 25.11.2011 № 323-З (ред. от 18.04.2022) «Об архивном деле и делопроизводстве» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 07.12.2011, № 136, 2/1875.
18. Закон Республики Беларусь от 05.07.2004 № 300-З (ред. от 21.07.2022) «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2023) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 19.07.2004, № 109, 2/1049.
19. Закон Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.12.2018, 2/2588.
20. Закон Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2015, 2/2235.
21. Кодекс Республики Беларусь от 20.07.2016 № 413-З (ред. от 21.07.2022) «Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2023) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.08.2016, 2/2412.
22. Наследие / сайт Министерства культуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kultura.by – Дата доступа: 30.06.2023.
23. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belstat.mitgroup.ru/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2022/infografics-culture-2022.pdf. – Дата доступа: 20.09.2023.
24. О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021 - 2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 53 (ред. от 30.01.2023) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 06.02.2021, 5/48756.
25. О выдаче документов в отношении культурных ценностей (вместе с «Положением о порядке и условиях выдачи документов в отношении культурных ценностей»): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 03.01.2023 № 3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 07.01.2023, 5/51226.
26. О некоторых мерах по реализации Кодекса Республики Беларусь о культуре (вместе с «Положением о Комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в научный и культурный оборот культурных ценностей, которые находятся за пределами Республики Беларусь»): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13.01.2017 № 25 (ред. от 22.12.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.01.2017, 5/43222.
27. О порядке благоустройства воинских захоронений и захоронений жертв войн: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.09.2018 № 675 (ред. от 19.07.2021) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.09.2018, 5/45607.
28. О порядке и условиях присвоения статуса историко-мемориального места погребения: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18.08.2015 № 699 (ред. от 19.07.2021) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.08.2015, 5/40948.
29. О порядке выдачи заключения об отнесении товаров к культурным ценностям: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.04.2023 № 258 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 19.04.2023, 5/51589.
30. О порядке оценки стоимости культурных ценностей: указ Президента Республики Беларусь от 19.04.2007 № 190 (ред. от 14.03.2017) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 27.04.2007, № 97, 1/8528.
31. О преимущественном праве приобретения культурных ценностей (вместе с «Положением о порядке реализации преимущественного права приобретения культурной ценности, которая находится в частной собственности»): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 03.01.2023 № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 06.01.2023, 5/51214.
32. Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн: Указ Президента Республики Беларусь от 24.03.2016 № 109 (ред. от 14.11.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.03.2016, 1/16340.
33. Об утверждении Единого правового классификатора Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 04.01.1999 № 1 (ред. от 23.06.2023) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 28.06.2023.
34. Об утверждении и введении в действие строительных норм СН 3.01.02-2020: постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 16.11.2020 № 87 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 12.02.2021, 8/36325
35. Об утверждении Инструкции о порядке государственного учета, переноса воинских захоронений и захоронений жертв войн, регистрации захоронений иностранных военнослужащих на территории Республики Беларусь и ведения автоматизированных банков данных: постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 09.08.2016 № 17 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.09.2016, 8/31258.
36. Об утверждении Правил содержания и благоустройства мест погребения: постановление Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь от 10.06.2016 № 17 (ред. от 20.07.2021) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 28.07.2016, 8/31119.

37. Об утверждении схем комплексной территориальной организации областей и генеральных планов городов-спутников: Указ Президента Республики Беларусь от 18.01.2016 № 13 (ред. от 31.05.2017) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.01.2016, 1/16234.
38. Памятники природы [Электронный ресурс] // Сайт Министерства природных ресурсов и окружающей среды. – Режим доступа: https://minpriroda.gov.by/ru/new_url_1100754902-ru/. – Дата доступа: 20.09.2023.
39. Публичная кадастровая карта Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: map.psa.by. – Дата доступа: 30.06.2023.
40. Рээстр музеяў [Электронный ресурс] // Сайт Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. – Режим доступа: <http://cdn.dkmf.by/RegisterOfMuseums.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2023.
41. Сайт «Живая спадчына Беларусі: інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: living-heritage.by – Дата доступа: 30.06.2023.
42. Сайт «Інтэрнэт-партал «Вяртанне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viartanne.by/be_BY. – Дата доступа: 30.06.2023.
43. Содержание понятия «культурное наследие» в законодательстве Республики Беларусь / Юрчак Д. В. // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22 –23 октября 2021 г. / редколлегия: А.Н.Дулов (ответственный редактор) [и др.]. – Витебск, 2021. – С. 203 –208.
44. Сборник информационно-методических материалов по охране историко-культурного наследия Беларуси / сост. Г. Н. Ходор. – Гомель, 2023. – 204 с.
45. Ходор, Г.Н. Государственная политика в области охраны историко-культурного наследия – фактор национальной безопасности / Г. Н. Ходор // Историческая политика и память о прошлом в контексте обеспечения национальной безопасности (ко Дню народного единства и 145-летию со дня рождения Ф.Э.Дзержинского): материалы межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 20 сент. 2022 г. / Ин-т нац. Безопасности Респ. Беларусь; редкол.: Г.Г.Краско [и др.]. – Минск, 2022. – С. 148–154.
46. Ходор, Г.Н. Механизмы государственного управления процессами охраны нематериального историко-культурного наследия: опыт Республики Беларусь / Г. Н. Ходор // Сохранение нематериального историко-культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов: Междунар. науч.-практ. семинар, Минск, 15–17 нояб. 2022 г.: сб. науч. ст. – Минск: БГУКИ, 2022. – С. 61–78.

Чевтайкина Н.Н. СЕМЕЙНЫЕ И ЛИЧНЫЕ АРХИВЫ – ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДА

Ключевые слова: Исторический музей, семейный архив, личный архив, культурное наследие народов России, комплектование.

Современные музеи – важнейшие центры хранения и изучения национального культурного наследия народов России. В отличие от других хранилищ исторической памяти – музеи собирают и хранят разнообразные виды источников, которые позволяют исследователям создавать объективную картину прошлого.

Материалы поступают в музеи различными путями, прежде всего, путем закупки и дарения. Задача музейного сотрудника тщательно отобрать нужное из предлагаемого материала, учитывая историческую, художественную, просветительскую ценность источника.

Одним из наиболее распространенных объектов комплектования являются семейные архивы и личные комплексы людей, включающие в себя большое количество разнообразных материалов, охватывающих протяженный период времени и иллюстрирующие различные аспекты жизни общества, что можно определить, как культурное наследие страны в самом широком понимании этого термина.

Пополнение фондов музея семейными и личными архивами – одно из главных направлений комплектования на протяжении всего времени существования Исторического музея. В его фондах хранятся архивы как знатных и известных российских семей, так и материалы рядовых граждан, представителей разных социальных групп и сословий.

В Историческом музее работа по комплектованию архивов активизировалась с середины 1960-х годов, когда был создан отдел истории советского общества. В фонды музея поступили материалы выдающихся людей советской эпохи; государственных и партийных деятелей, известных представителей науки и культуры, военачальников, космонавтов, передовиков производства. Собранные в те годы источники отражали производственную, творческую, общественную деятельность людей, не затрагивая другие стороны жизни человека. Тем самым ограничивалось представление о прошедшей эпохе, культурном наследии поколений, живших в СССР.

Постепенно состав личных и семейных архивов расширялся, все большее внимание стало уделяться теме повседневности. Самые незначительные атрибуты жизни отдельного человека и целой семьи, в том числе его увлечения, круг чтения, посещение учреждений культуры, отдых, воспитание детей, расширяют наше представление о конкретном времени.

Для каждого человека и каждой семьи существует свое понимание истории и его места в ней, свое отношение к происходящим событиям. Это зависит от многих факторов: возраста, пола, воспитания, образования, от принадлежности к определенной социальной среде. Это определяет состав архива, его наполненность и, соответственно, значимость как исторического источника, составляющего часть культурного наследия своего времени.

Состав семейных и личных архивов разнообразен по материалам его образующим. В него входят как типичные для своего времени и социального слоя документы и предметы, так и индивидуальные, присущие именно данной семье или человеку, связанные с его пристрастиями, увлечениями, непосредственным участием в исторических событиях. Большую часть архива составляют письменные источники: различные документы личного характера об образовании, трудовой и общественной деятельности, награждениях. К ним также относятся дневники, записные книжки, рукописи, переписка, поздравительные адреса, оттиски статей. Этот материал представляет наибольший интерес для исследования. Важное значение для изучения эпохи имеет фотографический и другой изобразительный материал. Дополняют его нумизматические памятники, личные вещи и предметы быта всех членов семьи.

Рассмотрим наиболее типичные источники в составе архивов представителей разных социальных групп. В материалах партийных и государственных деятелей помимо типичных и для других групп населения материалов, преобладают документы о партийной принадлежности, деятельности в выборных партийных и советских органах. Это удостоверения членов ЦК КПСС и ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов КПСС, мандаты партийных, комсомольских, профсоюзных съездов и конференций, пропуска и приглашения на различные мероприятия государственного и местного значения, встречи, депутатские удостоверения. Такого рода материалы встречаются и в личных фондах представителей других групп населения. Они свидетельствовали о высоком статусе и положении человека в Советском обществе независимо от его места работы и должности.

Наиболее полный комплект вышеперечисленных документов содержится в личных архивах номенклатурных работников, в том числе из национальных республик. Таковы материалы А.Т. Веймера, занимавшего на протяжении десятилетий высокие посты в Эстонской ССР – от председателя Совета министров до Президента Академии наук ЭССР. Хранящиеся в ГИМ документы иллюстрируют все этапы его карьеры. В музее хранятся материалы М.Т. Ефремова – 1-го секретаря Куйбышевского обкома КПСС, Д.Н. Крюкова – председателя Тюменского облисполкома, секретаря ЦК КП Киргизии Г.К. Каракеева и других.

Значительную часть коллекции музея составляют материалы выдающихся советских ученых, работающих в различных отраслях науки. Музей обладает уникальной коллекцией экспонатов, связанных с освоением Космоса и ракетостроением. Это материалы академиков С.П. Королева, В.П. Глушко, В.А. Котельникова, Б.В. Раушенбаха; руководителей и разработчиков советского ядерного проекта: И.В. Курчатова и Л.Я. Зельдовича, генетиков Н.И. Вавилова и Н.П. Дубинина, математиков И.Г. Петровского и Г.И. Марчука. Большинство советских ученых были отмечены за свой труд высокими правительственными наградами, были депутатами Верховного Совета СССР и союзных республик, делегатами партийных съездов и конференций. Документы об этом входят в состав личных фондов. Особую ценность представляют грамоты о награждении 3-й Золотой Звездой Героя Социалистического Труда И.В. Курчатова и Л.Я. Зельдовича. Эти документы позволяют проследить все этапы научной деятельности ученых. Интересны архивы старейших российских академиков, начавших свою деятельность еще до революции: А.Н. Баха, его ученика А.И. Опарина, геологов и минералогов В.А. Обручева, А.Е. Ферсмана.

В качестве примера остановимся на материалах старейшего российского академика А.Н. Баха (1854–1946) – основателя советской биохимической школы. В отличие от других архивов, большую часть материалов составляют фотографии разного времени, как семейные, так и отражающие его научную деятельность, которая проходила в России и за рубежом – в Женеве и Париже, где он находился в эмиграции с 1885 по 1917 годы. Это снимки с преподавателями химического факультета Женевского университета, виды городов и домов, где жил А.Н. Бах, фотографии членов его семьи. Мы видим академика на различных конференциях и заседаниях, во время работы в лаборатории института биохимии АН СССР, в эвакуации в г. Фрунзе и в исторический момент советской истории, когда он, как старейший русский ученый, избранный депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва в 1937 году, открывал работу 1-ой сессии ВС СССР 12 января 1938 года. Кроме фотографии в состав комплекса входят документы, в том числе билет Баха – делегата 16 Всероссийского съезда Советов, рукописи докладов, личные вещи.

Разнообразные материалы рассказывают о достижениях в освоении Космоса, первых советских космонавтах. Это документы, фотографии, личные вещи Ю.А. Гагарина, В.В. Терешковой, В.Ф. Быковского, Г.М. Гречко В.А. Джанибекова и др. Много писем от граждан СССР и других стран, свидетельствующих о популярности наших космонавтов, материалы о зарубежных поездках, подарки, сувениры. В фонде летчика-космонавта А.А. Леонова его личные вещи, авторские рисунки, пропуска на различные мероприятия. Характерная примета того времени – наличие нескольких удостоверений о присвоении А.А. Леонову звания «Ударник коммунистического труда» от различных предприятий страны. Там же Диплом имени летчика-космонавта Ю.А. Гагарина, учрежденный Федерацией космонавтики СССР А.А. Леонова «за 1-й в мире выход из корабля в космическое пространство. «Восход-2». 1973 г.

Одним из важнейших направлений комплектования по истории XX века был и остается сбор материалов о советских военачальниках. В фондах ГИМ хранятся документы и личные вещи прославленных полководцев: К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова, Ф.И. Толбухина и других. Среди них интересные документы заключительного этапа войны из архива маршала И.С. Конева – его дневник с записями о подготовке Берлинской операции, карта г. Берлина с пометками конца апреля 1945 года, донесение командующему войсками 1-го Украинского фронта Коневу о капитуляции Потсдама. Апрель 1945 г.

Наиболее полные по своему составу архивы маршалов Р.Я. Малиновского и А.И. Еременко. Документы Малиновского позволяют проследить жизненный путь маршала с 1920-х годов до его деятельности на посту министра обороны СССР. Среди них «Свидетельство об окончании школы младших командиров и рекомендации к должности командира пулеметного взвода» 1920 г. Большинство материалов и фотографий относятся к периоду Великой Отечественной войны и войны с Японией. Интересно «Донесение маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому и генерал-лейтенанту А.Н. Тевченкову от уполномоченного Военного Совета Забайкальского фронта генерал-майора А.Д. Притулы о положении в Мукдене и об аресте императора Го Пу И. 19 августа 1945 г.»

Большинство материалов А.И. Еременко связаны с войной, его участием в Сталинградской битве. Это документы, письма, поздравления с награждением, фотографии. Ценнейшим источником по истории войны являются штабные оперативные карты из архива Еременко. Среди них «Карта оперативной обстановки 2-го Прибалтийского фронта» 1944 года с автографом начальника Генерального штаба Красной Армии А.И. Антонова, существующая в единственном экземпляре. Там же удостоверение личности Еременко А.И. – командующего 2-м Прибалтийским фронтом подписанное И.В. Сталиным. Его грамоты почетного гражданина ряда городов Восточной Европы. Среди документов мандаты съездов КПСС, приглашения на различные мероприятия, пропуск на Парад Победы с отметкой «Проход всюду».

В 1960-1980-е годы в музей поступило много личных комплексов представителей рабочих профессий. Это были передовики производства, Герои Социалистического труда, делегаты съездов КПСС, народные депутаты. Среди них материалы И.И. Гурова – Героя Социалистического Труда, одного из зачинателей стахановского движения; бригадира бетонщиков на строительстве Нурекской ГЭС М. Шарифова, колхозницы У. Меликоловой – бригадира хлопководческой бригады колхоза им. Ленина Таджикской ССР и других

Это грамоты за трудовые достижения, общественную работу, к юбилеям и праздникам, мандаты и приглашения на различные партийные, комсомольские, профсоюзные мероприятия. Много документов о депутатской деятельности трудящихся: письма и обращения избирателей, депутатские запросы. В целом такие архивы гораздо беднее по сравнению с материалами представителей других социальных групп населения и практически не отражают профессиональной и социальной индивидуальности человека. Это связано и с тем, что в семьях этой социальной группы нет традиции хранить документы и другие артефакты, относящиеся к различным сторонам жизнедеятельности человека.

Отличительной особенностью практически всех архивов XX века является наличие в них документов участников Великой Отечественной войны. Это письма с фронта, благодарности Верховного Главнокомандующего, награды и удостоверения к ним, фотографии. Эти реликвии – ценнейшие образцы нравственного величия народов СССР, через них сохраняется память о самом главном событии советской истории.

Материалы семейных архивов являются первоисточниками и соответственно носителями информации о своем времени. Анализируя состав архивов представителей различных слоев советского общества, можно выделить как общие для всех виды источников, так и характерные только для конкретной социальной и профессиональной группы населения, по своей сути архивы субъективны. Поэтому чем больше такого материала будет в распоряжении исследователя, тем объективнее освещается и видится прошлое, роль и вклад каждого человека в историю своей страны.

Чичинов В.А.
ОПЫТ РЕГИСТРАЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТОВ ПАМЯТНИКА МАЙМА-1
В ГОСУДАРСТВЕННОМ КАТАЛОГЕ МУЗЕЙНОГО ФОНДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: музей, археология, керамика, государственный каталог, Горный Алтай.

В последние два десятилетия в Российской Федерации проводятся реформы по цифровизации государственных систем. Министерство культуры Российской Федерации не стало исключением, музеи были включены в реформирование и начали осуществлять работу по переводу документации в электронный формат. Для достижения целей цифровизации музеев России был создан Государственный каталог (далее – ГК), ставший информационной системой, в которой собирается и хранится информация обо всех музеях и музейных предметах Российской Федерации, а также осуществляется их государственный учёт. Стоит отметить, что музеями сведения вносятся не напрямую в ГК, а через комплексную автоматизированную музейную информационную систему (далее – КАМИС). Важно установить степень удобства использования КАМИС для внесения сведений при регистрации культурных ценностей.

Музейные предметы независимо от того, в чьей собственности или во владении они находятся, подлежат государственному учету. Государственный учет музейных предметов представляет собой комплекс мер, обеспечивающих идентификацию и предметно-количественный учет музейных предметов в целях их правовой защиты и государственного контроля. Музейные предметы и музейные коллекции являются культурными ценностями, которые обязаны находиться на хранении в Музейном Фонде Российской Федерации, подлежат обязательному учету в Государственном каталоге Музейного Фонда Российской Федерации [8]. К таким культурным ценностям относятся, в том числе, археологические предметы, обнаруженные в ходе всех видов археологических исследований.

В настоящее время в Национальном Музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (далее – НМРА), среди прочего, осуществляется регистрация в ГК керамических фрагментов памятника поселения Майма-1, полученных в результате археологических раскопок и сборов. Поселение Майма-I было обнаружено в 1956 г. Б.Х. Кадиковым [2, с. 18]. В 1977 г. А.С. Суразаков впервые на памятнике заложил раскоп площадью 36 м², затем в 1982 г. памятник осматривали В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Кочеев. Позднее с 1983–89 гг. С.М. Киреев занимался сбором подъемного материала, установив примерные границы поселения на площади около 15 тыс. м² [4, с.57].

Раскопки на памятнике Майма-I проводились в 1991, 1993 и 2001 гг. В 1991 и 1993 гг. М.Т. Абдулганеев вскрыл 796 м², тогда же С.М. Киреев заложил несколько раскопов общей площадью 156 м² и в 2001 г. общая исследованная площадь составила 988 м². На поселении были обнаружены 51 хозяйственная яма, 2 конструкции неустановленного назначения, 6 очагов, выложенных из камня, 5 каменных выкладок неизвестного назначения, а также изделия из кости, рога, камня, глины, керамики, металла и отходов производств [4, с.57]. Всего при раскопках и в результате сборов подъемного материала найдено более 8 тысяч предметов [1, с.22].

В результате археологических изысканий 1991 и 1993 гг. было передано в НМРА 6200 находок, 6153 из них являются обломками керамических изделий, относящихся к различным временным промежуткам, таким, например, как, пере-

ходный период (VII – сер. VI вв. до н.э.), быстринская культура (сер. VI – II вв. до н.э.), майминская культура (II в. до н.э. – V в. н.э.). Общий же комплекс находок свидетельствует о наличии культурных слоев со времен верхнего палеолита до средневековья [3, с. 23; 4, с. 60].

Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» каждый из этих керамических фрагментов должен быть внесен в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (далее – ГК) [9, с.3–4]. Как нами уже было отмечено ранее, внесение сведений в ГК осуществляется через КАМИС. В КАМИС обязательными для заполнения полями являются: о наименовании предмета, его номера в книге поступлений, времени создания, размерах, материале и технике создания, сохранности, источнике и способе поступления, его форма собственности, категория ценности, дата записи в книгу поступлений и, наконец, фотография предмета с масштабной шкалой или линейкой [7]. Кроме того, КАМИС позволяет заполнить графы дополнительными сведениями о предмете в графе описания.

Керамические фрагменты можно разделить на три группы: венчики, стенки и днища, из последней можно выделить подгруппу – днище с придонной частью. В зависимости от принадлежности к группе формулируется название предмета, вносимого в ГК через КАМИС. Затрагивая выделенную подгруппу, то, на наш взгляд, будет верно зафиксировать название «Днище керамического сосуда» с указанием в описании «Керамический фрагмент представлен днищем сосуда с придонной частью». Независимо от группы, керамические фрагменты выполнены из глины техникой лепки и обжига, и некоторые из них орнаментированы.

Наибольшие сложности вызывает раздел сохранности. Затруднения, обусловлены изменениями в формуляре с научно-справочными сведениями о предмете. Сразу отметим, что описанные затруднения частично относятся к научно-справочному описанию коллекции Майма-I, так как ранее в научно-справочной документации допускалось использование формулировки «полной» или «неполной» сохранности, но эти характеристики для музейного учета в настоящее время недопустимы. Теперь же графа о степени сохранности предмета заполняется актуальными сведениями о состоянии предмета. В Национальном Музее Республики Алтай им. А.В. Анохина сотрудниками вносятся сведения о загрязнении, потерях, царапинах, сколах, щербинах, следах растрескивания, выкрашивания, утраты и расслаивания материала, наличии патиновых или иных пятен на поверхности фрагмента, а также других возможных характеристиках.

Наиболее пространной для заполнения является графа описания, она важна для опознания фрагмента в случае утраты учётных маркировок, поэтому в нее необходимо внести большую часть сведений о предмете, допуская повторы из других граф. Эти сведения должны включать данные о его названии, квадрате обнаружения, орнаментации (при наличии), цвете, составе формовочной массы (песок, шамот, мелкий обломочный материал и пр.), степени обжига (равномерный или нет), форме фрагмента, датировании и принадлежности к определенной культуре и хронологическому периоду. Повторение некоторых сведений обусловлено необходимостью дальнейшего автозаполнения форм электронной книги поступлений и электронной инвентарной книги с последующим перенесением их сведений на бумажные копии, где описание предмета будет зафиксировано в достаточной мере полным, а не обрывочным.

Вслед за описанием вносятся сведения об источнике и времени поступления коллекции. Передал предметы в дар Горно-Алтайскому областному краеведческому музею им. А.В. Анохина С.М. Киреев в 1998 г. Затрагивая форму собственности, отме-

тим, что предметы археологии принадлежат государству, таким образом, форма собственности на предметы является федеральной. И, обращаясь к категории ценности керамических фрагментов, укажем их типовой характер, что относит их к категории прочих культурных ценностей. Финальным обязательным действием является загрузка фотографии предмета с линейкой или масштабной шкалой [6, с. 6].

Таким образом, опыт регистрации предметов в КАМИС показал ее практическую. Сведения о музейных ценностях, внесенных в КАМИС и перенесенных модулем автоматизации взаимодействия в ГК, появились в открытом доступе в режиме онлайн. Керамические фрагменты коллекции поселения Майма-1, снабженные расширенным описанием, могут быть полезны, как для специалистов в области технологий древней керамики, так и для интересующихся историей Горного Алтая.

1. Археологические памятники и объекты Майминского района / Т.А. Акимова[и др.]. – Горно-Алтайск, 2008. – 144 с.
2. Кадиков, Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея / Б. Х. Кадиков // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск, 1959. – С.18.
3. Киреев, С.М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая / С. М. Киреев // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С.165–178.
4. Киреев, С.М. История изучения и краткие итоги исследования хронологии и культурного определения материалов поселения Майма-I на Северном Алтае / С. М. Киреев // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина». – Горно-Алтайск, 2018. – С.54–64.
5. Кунгурова, Н.Ю. Майминская культура. По материалам Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. : монография / Н.Ю. Кунгурова, М.Т. Абдулганеев. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 214 с.
6. О внесении изменений в единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утвержденные приказом Министерства Культуры Российской Федерации от 23 июля 2020г. № 827: приказ Министерства культуры Российской Федерации, 26.08.2021, № 1414. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/o-vnesenii-izmeneniy-v-edinye-pravila-organizatsii-komplektovaniya-ucheta-khraneniya-i-ispolzovaniya/>. – Дата доступа: 03.10.2023.
7. Об утверждении единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций : приказ Министерства культуры Российской Федерации, 23.07.2020, № 827. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74768877/>. – Дата доступа: 03.10.2023.
8. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федеральный закон, 26.05.1996, № 54-ФЗ (последняя редакция). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/123168/>. – Дата доступа: 03.10.2023.
9. О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» : Федеральный закон, 03.07.2016, №357-ФЗ (последняя редакция). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71435358/>. – Дата доступа: 03.10.2023.

Ященко О.Г., Корникова Н.В.

КВЕСТ И ВИКТОРИНА «ИЗ ИСТОРИИ ГОМЕЛЯ: РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ» КАК ФОРМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: культурное наследие, квест, викторина, Гомель, образование, студенты.

7 сентября 2022 года кафедрой истории Беларуси УО «ГГУ имени Франциска Скорины» совместно с Гомельским городским комитетом ОО «БРСМ» был успешно реализован квест «Из истории Гомеля: развитие образования», приуроченный к 880-летию Гомеля и Году исторической памяти. 27 сентября 2023 года состоялся еще один квест «Из истории Гомеля: развитие образования», приуроченный к Дню учителя, а также Году мира и созидания. Мероприятия планировались в соответствии с поручением Министра образования Республики Беларусь А.И. Иванца активизировать работу по изучению и популяризации истории отечественного образования. Заложенная в содержание работы смысловая нагрузка

также содействует воспитательному процессу: мероприятия организуются кафедрой истории Беларуси с целью привлечения внимания учащихся к сохранению исторической памяти и историко-культурного наследия Гомеля.

Проведение квестов и викторин стало традицией на факультете истории и межкультурных коммуникаций УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», однако по тематике, связанной с вопросами развития сферы образования, квесты являются новой формой работы со студентами высших и средних специальных учебных заведений. В интеллектуальную игру вовлекаются курсанты и студенты, обучающиеся по программе военной подготовки на базе военно-транспортного факультета БелГУТ. Программы разрабатываются СНИЛ «Друзья музея» под руководством старшего преподавателя кафедры истории Беларуси Натальи Викторовны Корниковой.

Участники конкурса показывали знания по историко-культурному прошлому родного города в сочетании с ориентированием в истории отдельных учебных заведений и биографиях известных деятелей сферы образования Гомеля. Дань уважения была отдана и тем учащимся и педагогам, которые в годы Великой Отечественной войны защищали свою Родину.

Жюри также учитывают скорость выполнения заданий. Маршруты включают перемещение команд по местам расположения ряда образовательных учреждений в центральной части города. Вопросы участникам квеста задают организаторы – студенты специальностей «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия» и «История отечественная и всеобщая». Так, в 2023 г. более 30 студентов факультета истории и межкультурных коммуникаций обслуживали участников квеста на разных объектах маршрута в городе.

В 2022 г. лучшие результаты продемонстрировала команда ГГУ имени Ф. Скорины, которая показала самое быстрое время прохождения по маршруту среди всех участников и набрала наибольшее количество баллов (диплом I степени). Второе место заняла команда Гомельского филиала Международного университета «МИТСО» (диплом II степени). Призером, заняв третье место, стали дебютанты из Гомельского колледж-филиала БелГУТа.

В 2023 г. первое место разделили сборная команда ГГУ имени Ф. Скорины и команда Гомельского филиала Международного университета «МИТСО». Второе место заняли три команды: команда студентов ГГУ имени Ф. Скорины, обучающихся по программе военной подготовки, команда Гомельского государственного медицинского колледжа и команда Гомельского государственного медицинского университета (диплом II степени). Капитану команды курсантов военно-транспортного факультета БелГУТ и капитану команды, подготовленной на кафедре философии, истории и политологии БелГУТ, а также капитанам команд Гомельского государственного колледжа имени Л.С. Выготского, Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации и Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого были вручены дипломы III степени.

Положение о квесте предусматривает предоставление участникам персональных сертификатов. По итогам конкурса от имени Гомельского городского комитета ОО «БРСМ» командам-победителям выделяются призы.

Востребованной формой социализации молодежи является приобщение к отечественной истории и культуре посредством участия в интеллектуальных конкурсах. 8 сентября 2022 года кафедрой истории Беларуси ГГУ имени Франциска Скорины совместно с Гомельским городским комитетом ОО «БРСМ» была

проведена викторина. Ее темой стала история образования в городе в прошлом и настоящем. Этот проект, приуроченный к Дню города и Году исторической памяти, являлся действенным стимулом побудить молодых людей к ознакомлению с культурной сферой Гомеля на материалах образовательной системы. Немаловажным аспектом при формировании банка вопросов викторины стал акцент на показ усилий государства по сохранению культурных объектов в городе.

В викторине, которая предполагала дистанционный формат, приняли участие студенты высших учебных заведений города над Сожем. Содержание тестовых заданий викторины составили члены СНИЛ «Друзья музея». Вопросы ориентированы на представление научных школ в различных учебных заведениях Гомеля, описание учебной деятельности университетов и средних специальных учебных заведений, показ вклада выдающихся педагогов и ученых в продвижение идей просвещения, на характеристику портрета известных выпускников.

Задания касались организации деятельности высших и средних специальных учреждений Гомеля. Например, некоторые тесты были посвящены факультетам в структуре Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, филиалам названного университета в городах Беларуси, а также специальностям, которыми могут овладеть учащиеся Гомельского государственного профессионально-технического колледжа кулинарии, Гомельского государственного профессионально-технического колледжа бытового обслуживания.

Внимание было уделено страницам истории Великой Отечественной войны (задания, ориентированные на знание проблем эвакуации учебных заведений в тыл, биографий известных руководителей партизанского и подпольного движения). Уважительное отношение к прошлому воспитывается на конкретных примерах жизненной позиции жителей города, в том числе и преподавателей, ученых. Один из вопросов был сформулирован с указанием на деятельность участника Великой Отечественной войны, доктора технических наук, профессора Леонида Гавриловича Чубрикова, трудившегося в Гомельском государственном техническом университете имени П.О. Сухого. Главным девизом своей жизни он считал «Честь имею!».

Студенты должны были назвать имена почетных граждан Гомеля, внесших значительный вклад в развитие образования (Леонид Александрович Шеметков, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор физико-математических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, ректор ГГУ имени Ф. Скорины (1989–1999)).

Непосредственная связь фактов из области краеведения и достижений в культуре Беларуси обязательно учитывалась при составлении заданий. Имя Н.Ф. Соколовского носит Гомельский государственный колледж искусств Нестор Федорович Соколовский известен как композитор, хормейстер, фольклорист, автор музыки Государственного гимна Белорусской ССР и современного гимна Беларуси. Ответ на поставленный вопрос предусматривал название творческого коллектива, организованного при его активном участии («Государственный ансамбль песни и танца БССР»).

Викторина предполагала тематику, направленную на раскрытие архитектурного облика тех зданий учебных заведений, которые имеют статус историко-культурной ценности и охраняются государством (старый корпус Белорусского государственного университета транспорта, ранее – здание мужской Александровской гимназии; здание бывшей ланкастерской школы, первой в Российской империи, построенное в стиле классицизма английским архитектором Джоном Кларком).

Участникам предлагалось вспомнить, какие музейные экспозиции созданы в учебных заведениях (например, в структуре Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины экспозиция «Животный мир Республики Беларусь»; Археологический музей-лаборатория, Музей-лаборатория факультета физической культуры спортивной славы Гомельщины).

Жюри викторины присудило диплом I степени команде из Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого. Диплом II степени получила команда студентов специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций» ГГУ имени Ф. Скорины. Третье место заняла команда Гомельского филиала Международного университета «МИТСО» (диплом III).

Проведение подобных мероприятий важно в контексте актуализации и просов отечественной истории, воспитания уважительного отношения молодежи к истории родного города и осознания ею ценности педагогической деятельности как компонента поступательного развития белорусского общества. Не менее значимая задача, которая решается в процессе проведения квестов и викторин по истории образования, – демонстрация будущим молодым специалистам огромного потенциала локальной истории для использования в туристической деятельности, а также возможности и необходимости популяризации историко-культурного наследия Беларуси.

1. Квест «Из истории Гомеля: развитие образования» выявил лучших знатоков [Электронный ресурс] // Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины: официальный сайт. – 08.09.2022. – Режим доступа: <https://gsu.by/ru/node/5804>. – Дата доступа: 29.09.2023.
2. Квест «Из истории Гомеля: развитие образования» – Дню учителя посвящается [Электронный ресурс] // Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины: официальный сайт. – 28.09.2023. – Режим доступа: <https://gsu.by/ru/node/7049> 28.09.2023. – Дата доступа: 30.09.2023.
3. История образования в Гомеле глазами студентов [Электронный ресурс] // Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины: официальный сайт. – 09.09.2022. – Режим доступа: <https://gsu.by/ru/node/5806>. – Дата доступа: 28.09.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Россия, г. Курск)

Баканов Дмитрий Константинович – специалист по образовательным программам Государственного академического университета гуманитарных наук (Россия, г. Москва)

Балыко Елена Николаевна – аспирант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Баранова Ульяна Сергеевна – ассистент кафедры истории и гуманитарных дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета, аспирант кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Орехово-Зуево, г. Москва)

Барановский Александр Викторович – кандидат исторических наук, заведующий отделом научно-информационной работы Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Баскакова Юлия Павловна – младший научный сотрудник лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского исторического института (Россия, г. Санкт-Петербург)

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Россия, г. Саранск)

Бекленищева Мария Владимировна – лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург)

Бондарева Елена Михайловна – заведующий отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Боровко Ванда Юльяновна – доктор филологических наук, профессор (Беларусь, г. Витебск)

Буевич Татьяна Владимировна – заместитель директора Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Ван Мэнжун – аспирант кафедры теории и истории искусства факультета художественной культуры Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Гавриленко Кирилл Евгеньевич – учитель истории и обществоведения средней школы г.п. Домачево Брестского района, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г.п. Домачево)

Галкова Ольга Валентиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии Волгоградского государственного технического университета (Россия, г. Волгоград)

Гаврилюк Полина Анатольевна – студент исторического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Беларусь, г. Брест)

Давуд Дарья Васильевна – ведущий архивист архива электронных документов Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Дашкевич Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного права Международного университета «МИТ-СО», докторант кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Довматович Кирилл Дмитриевич – учитель истории средней школы № 5 г. Солигорска имени Героя Советского Союза В.И. Козлова (Беларусь, г. Солигорск)

Дрожжа Людмила Чеславовна – старший научный сотрудник отдела автоматизации архивных технологий Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Россия, г. Петрозаводск)

Дулова Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Жэнь Сюйкунь – соискатель кафедры теории и истории искусств Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Ивашкевич Елена Францевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Камалетдинов Далмир Азгарович – младший научный сотрудник научно-вспомогательного отдела учета и хранения научных фондов Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Россия, г. Уфа)

Кантор Юлия Зораховна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Козлов Алексей Александрович – соискатель кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Корникова Наталья Викторовна – старший преподаватель кафедры истории Беларуси Гомельского университета имени Ф. Скорины (Беларусь, г. Гомель)

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, докторант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Витебск, г. Минск)

Костюкевич Николай Георгиевич – заведующий архивом электронных документов Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор (Беларусь, г. Витебск)

Крючкова Наталья Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Кухто Людмила Константиновна – кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Литвинко Нина Сергеевна – ведущий библиограф сектора аналитической информации по культуре и искусству информационно-аналитического отдела Национальной библиотеки Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Лицкевич Олег Владимирович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Лю Цзин – аспирант кафедры теории и истории искусства Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург)

Малишевский Николай Николаевич – кандидат политических наук, доцент, докторант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

Мартынюк Алексей Викторович – доктор исторических наук, профессор (Беларусь, г. Минск)

Мацулевич Евгения Васильевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Мезенко Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, почетный профессор кафедры белорусской и русской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Беларуси IX–XVIII веков и археографии Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра имама Термизи, доцент кафедры всемирной истории Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Мясоедова Светлана Николаевна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Николаева Леся Владимировна – научный сотрудник Центра по изучению Сталинградской битвы, заведующий отделом по изучению истории родного края Централизованной системы городских библиотек (Россия, г. Волгоград)

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социальных наук Минского государственного лингвистического университета (Беларусь, г. Минск)

Олейникова Валентина Петровна – кандидат исторических наук, гид-экскурсовод (Италия, г. Неаполь)

Орловский Глеб Сергеевич – научный сотрудник Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва (Беларусь, г. Витебск)

Павлович Роман Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела информационных компьютерных технологий Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Папроцкая Анастасия Юрьевна – искусствовед Витебского областного краеведческого музея, аспирант кафедры изобразительного искусства Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Пашкович Елена Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Беларусь, г. Брест)

Петрова Ирина Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии Волгоградского государственного технического университета (Россия, г. Волгоград)

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель Витебского кадетского училища (Беларусь, г. Витебск)

Плытник Екатерина Геннадьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Полторжицкая Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Польская Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник музейно-выставочного комплекса «Моя страна. Моя история» (Россия, г. Ставрополь)

Раемский Юрий Алексеевич – старший научный сотрудник Могилевского областного краеведческого музея имени Е.Р. Романова, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института Высшей школы (Беларусь, г. Могилев, г. Минск)

Репин Виталий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Розенблат Евгений Семенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Беларусь, г. Брест)

Розмысл Егор Викторович – студент факультета истории, коммуникации и туризма Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)

Рубинина Зоя Максимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела собрания фондов музея В.И. Ленина Государственного исторического музея, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

Савицкая Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, г. Волгоград)

Саидахматов Шарифбек Тошпулатович – доктор (PhD) по историческим наукам, заместитель декана исторического факультета Термезского государственного педагогического института (Узбекистан, г. Термез)

Саидов Бахтияр Мухаммадиевич – старший преподаватель кафедры русского языка Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Семашко Ксения Владимировна – заместитель директора по научной работе, заведующий научно-экспозиционным отделом историко-культурного музея-заповедника «Заславль» (Беларусь, г. Заславль)

Сивохин Геннадий Александрович – старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела историко-культурного музея-заповедника «Заславль» (Беларусь, г. Заславль)

Симаков Александр Васильевич – краевед (Беларусь, г. Гомель)

Слугина Анастасия Николаевна – аналитик кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Россия, г. Саранск)

Соколова Ольга Михайловна – кандидат культурологии, доцент, начальник редакционного отдела, доцент кафедры культурологии, докторант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Стебурако Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент (Беларусь, г. Минск)

Столова Ирина Владимировна – заведующий сектором маркетинга библиотечно-информационных услуг Детской экологической библиотеки «Радуга» МАУК «ЦБС» г. Пскова (Россия, г. Псков)

Сукина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем имени А.К. Айламазяна Российской академии наук (Россия, г. Переславль-Залесский)

Тарновский Дмитрий Владимирович – ведущий инженер-программист архива электронных документов Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Усик Борис Григорьевич – кандидат исторических наук, научный руководитель Центра по изучению Сталинградской битвы, заместитель заведующего отделом научно-исследовательской работы Центра документации новейшей истории Волгоградской области (Россия, г. Волгоград)

Файзуллаева Мавлюда Хамзаевна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Халиулина Айгуль Ильясовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Россия, г. Уфа)

Халмуминов Жуманазар – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Ходор Геннадий Николаевич – консультант управления по охране историко-культурного наследия Министерства культуры Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Хомутова Ирина Витальевна – преподаватель кафедры народно-песенного творчества и фольклора, аспирант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Чевтайкина Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Государственного исторического музея (Россия, г. Москва)

Чичинов Владислав Алексеевич – хранитель музейных предметов отдела фондов Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина (Россия, г. Горно-Алтайск)

Шепилова Елена Михайловна – исполняющий обязанности заведующего лабораторией комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского исторического института (Россия, г. Санкт-Петербург)

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета (Беларусь, г. Витебск)

Ященко Оксана Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, г. Гомель)

Научное издание

**ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ**

Материалы II Международной научно-практической конференции,
посвящённой Году мира и созидания

Витебск, 26–27 октября 2023 г.

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Компьютерный дизайн	<i>А.В. Табанюхова</i>

В оформлении обложки использована акварель *А.Д. Михайлюкова*

Подписано в печать 20.11.2023. Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 36,27. Уч.-изд. л. 25,26. Тираж 55 экз. Заказ 139.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.